

Жизнь как она есть

Язык как он есть

Сборник статей к 60-летию
Андрея Александровича Кибрика

Москва
Буки Веди
2023

УДК 811
ББК 81
Я 41

Язык как он есть: Сб. ст. к 60-летию Андрея Александровича Кибрика / Ред.-сост. Т.И. Давидюк, И.И. Исаев, Ю.В. Мазурова, С.Г. Татевосов, О.В. Федорова. — М.: Буки Веди, 2023. — 564 с. — ISBN 978-5-6049527-2-6.

ББК 81

Настоящий сборник приурочен к 60-летию А.А. Кибрика. Составляющие его 78 статей посвящены дискурсивному анализу, референции, языковому многообразию, когнитивному подходу к языку, социолингвистике и многим другим теоретическим и эмпирическим аспектам изучения естественного языка. Сборник предназначен для широкого круга специалистов по теоретической и прикладной лингвистике.

*В оформлении переплета использована картина
Лидии Тимошенко «Минское шоссе. Второй вариант» (1958)*

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Исполнилось 60 лет Андрею Александровичу Кибрику, директору Института языкознания РАН и профессору кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Эта книга — собрание коротких статей, посвященных этой дате.

Открывая сборник, первое, о чем хотели бы сказать его составители, — это двойная академическая аффилиация юбиляра: институт и кафедра. Это не случайное соположение двух мест работы у человека, поменявшего в течение карьеры десятков-другой академических учреждений. Это двойная привязанность всей профессиональной жизни, во многом предопределенная еще до того, как А.А. принес заявления в соответствующие отделы кадров.

На кафедре теоретической и прикладной лингвистики всю жизнь работал отец юбиляра, Александр Евгеньевич Кибрик, выдающийся российский лингвист, занимавшийся теорией языка, синтаксисом, лингвистической типологией, создавший принципиально новый подход к полевым исследованиям малых языков, первопроходец в научном описании дагестанских языков. Возглавив кафедру в 1992 году после нескольких лет безвременья, он в кратчайшие сроки вернул ее к полноценной жизни и уверенно вел через все испытания до самой своей кончины в 2012 году.

А.А. Кибрик с папой

В Институте языкознания работала мама А.А., Антонина Ивановна Коваль, крупнейший российский африканист, специалист по языкам Западной Африки, в частности, языку фула. Поступив на работу в институт в 1971 году и проработав всю свою жизнь в отделе африканских языков, она внесла важ-

А.А. Кибрик с мамой

нейший вклад в становление советской и российской африканистики и пользовалась безмерной любовью коллег и друзей.

Андрей Александрович, лингвист и сын лингвистов, получил диплом о высшем образовании в 1984 году на отделении теоретической и прикладной лингвистики, переживавшем в ту пору не самую приятную часть своей истории, а в аспирантуру пошел в Институт языкознания. В 1988 году состоялась защита кандидатской, и сразу поле этого началась работа в институте, длящаяся уже 35 лет. А в 1995 году А.А. вернулся на возрожденную кафедру ТиПЛ как преподаватель, чтобы

больше не уходить. Так начался путь в науке — путь ученого, учителя и лидера одного из лучших научных коллективов в нашей стране.

Предлагаемый читателю сборник — в огромной степени проекция этого пути. Сюжеты опубликованных здесь статей выстраиваются вокруг эмпирических проблем и теоретических решений, над которыми А.А. работал все эти годы. Среди авторов — и те, кто обнимал маленького Адю в гостях у его родителей, и те, кто слушал курсы профессора А.А. Кибрика буквально семестр назад. А сама книга — результат совместных усилий его коллег и друзей из обеих сестринских организаций, с которыми он связал свою жизнь.

Раздел «Дискурсивный анализ», которым открывается сборник, отражает главную, по-видимому, исследовательскую страсть юбиляра: желание понять, как устроена та часть языка, где отдельные предложения соединяются в осмысленные последовательности, а противопоставление между языковой компетенцией и языковой деятельностью начинает выглядеть иллюзорным. Усилиями А.А. дискурсивный анализ в России приобрел черты строгой эмпирической науки, оснащенной четкими понятиями и процедурами работы с данными, на основании которых выстраиваются проверяемые теоретические ожидания. Лучше многих об этом знают выпускники отделения теоретической и прикладной лингвистики, где А.А. многие годы преподает дискурсивный анализ, — даже те, кто потом занимаются синтаксисом, компьютерной лингвистикой или компаративистикой. 13 статей, опубликованных в этом разделе, отражают все основные сюжеты, которые составляют теорию дискурса и которыми плодотворно занимался юбиляр, — таксономию дискурса, анализ дискурсив-

ной структуры и взаимодействие дискурсивных единиц с единицами субдискурсивных уровней.

Тесно связан с предыдущим раздел «Референция». А.А. принадлежат многочисленные работы, исследующие языковые средства, которые обеспечивают установление и поддержание референции при развертывании дискурса, проблему выбора между этими средствами, с которой регулярно сталкиваются участники коммуникации, механизмы, обеспечивающие разрешение референциальной неоднозначности. Эмпирические наблюдения и теоретические обобщения, изложенные в фундаментальной монографии А.А. “Reference in discourse”, которая вышла в 2011 году в издательстве Oxford University Press, дали значительный импульс развитию этого направления теоретизирования в последние десять лет. Восемь статей этого раздела подхватывают и развивают многие идеи А.А., распространяя их на новый материал и поднимая новые исследовательские вопросы.

Научная биография А.А. в огромной степени сложилась под влиянием его исследований малоизученных языков, в которых соединилась история его семьи и его личная история. В первую лингвистическую экспедицию он попал в семилетнем возрасте, задолго до того, как выбрал профессиональный путь лингвиста, а уже в студенческие годы присоединился к дагестанским экспедициям под руководством А.Е. Кибрика. Все, кто знаком с работами А.А., знают и о его многолетних экспедициях на Аляску, в которых он изучал верхнекускоквимский язык, относящийся к атабаскской семье, и разновидности русского языка на Аляске. Эти экспедиции продолжаются до сих пор. В этом издании есть статья «Лингвистические карты А.А. Кибрика», в которой перечислены и отмечены на карте все его полевые исследования. Так что совершенно удивительно, что третий раздел этого сборника — «Языковое многообразие» — самый объемный: абазинский, ягнобский, цезский, удмуртский, хакасский — вот далеко не полный список языков, о которых пишут авторы статей в этом разделе.

Следующий раздел — «Когнитивный подход к языку» и помещенные в него восемь статей — отражает, с одной стороны, обширную эмпирическую область, рассматривающую язык в ряду когнитивных систем, ответственных за коммуникацию, а также усвоение, хранение и обработку информации, а с другой — систему теоретических воззрений, настаивающую на том, что понимание устройства языка невозможно без обращения к информации об этих системах. А.А. известен в лингвистическом мире и как решительный сторонник когнитивного подхода в этом втором, теоретическом, смысле и как исследователь, мастерски реализующий эту теоретическую программу в первом, эмпирическом смысле. В этой связи достаточно упомянуть первопроходческие исследования мультимедийной коммуникации, которыми юбиляр занимался в последние годы.

В наше время изучение малых языков, к сожалению, неотделимо от беспокойства об их сохранности. Языковое многообразие утрачивается повсеместно, и те языки, которые еще вчера не внушали ни малейших опасений, сегодня уже нуждаются в решительной институциональной поддержке. Под руководством А.А. Институт языкознания стал ведущей в России организацией, которая работает над этой проблемой. Такая работа, конечно, совершенно невозможна без широких социолингвистических исследований, которые должны обнаружить реальное положение дел с малыми языками в России и за ее пределами. Этими соображениями продиктовано появление в сборнике раздела «Социолингвистика», в который мы поместили 10 статей о витальности языков, языковом сдвиге, ревитализации, языковых контактах и многом другом.

Переживая опыт знакомства с очень значительной личностью и ее творчеством, мы всегда понимаем, насколько условны классификационные схемы и рубрики, в которые мы пытаемся ее уместить. Точно так же слишком обширны и разнообразны темы статей, которыми коллеги и друзья А.А. откликнулись на его юбилей. Мы решили, что не будем пытаться рассортировать их без остатка по перечисленным выше разделам и оставили небольшую часть для рубрики *Miscellanea* — от синтаксиса до энигмистики.

Последний раздел — «Наука и жизнь». Здесь собраны тексты, описывающие наиболее непосредственный опыт взаимодействия с юбиляром — в его академических проектах, в научном и личном общении, на работе и дома. Из этих текстов складывается яркий и узнаваемый образ А.А. — руководителя, учителя, коллеги, друга, члена семьи, папы и дедушки.

В самом конце идут список трудов А.А., сведения об авторах (каждый рассказал об обстоятельствах знакомства с юбиляром) и авторские благодарности.

Эта книга доступна в двух идентичных версиях — бумажной и электронной; последнюю можно найти на сайте Института языкознания. У некоторых статей существуют более полные версии, которые размещены отдельно. Такие статьи содержат ссылку на полную версию, которая в электронном издании выглядит как обычная ссылка, а в бумажном представляет собой QR-код.

На обороте титула этого издания значатся фамилии пяти составителей. Список людей, работавших над изданием, однако, существенно больше. Всем им мы хотели бы выразить безмерную благодарность. Это В.Ю. Гусев, занимавшийся версткой и техническим редактированием книги. Это В.А. Борисова и П.А. Пилипец, которые готовили тексты статей к верстке. Это Д.А. Антропова, отвечавшая за оформление обложки. Это Ю.М. Демина и Н.Л. Артамонова, участвовавшие в составлении списка трудов юбиляра. Это Д.И. Коломацкий, подготовивший электронную версию этой книги. Это

Т.Ю. Кузнецова, оказавшая неоценимую помощь в решении практических вопросов издательского характера.

Завершая этот вводный раздел, составители хотели бы пожелать юбиляру новых успехов во всех его начинаниях во благо нашей любимой науки и тех, кто в ней работает!

С Днем рождения, дорогой профессор Кибрик, Андрей Александрович, Андрей, Адя!

I. ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ

SENTENCE FINAL PARTICLES В ДИАЛЕКТЕ ЧАНША ГРУППЫ СЯН

Ю.М. Дёмина

Институт языкознания РАН
deminaym@gmail.com

Интерес к дискурсивным маркерам, или прочим явлениям на стыке дискурса и синтаксиса возник благодаря Андрею Александровичу, его лекциям на ОТиПЛе МГУ. Кроме того, материалы для данной статьи были собраны во время работы над синитическим томом энциклопедии «Языки мира», главным редактором которой является юбиляр.

Ключевые слова: Sentence Final Particles, синитические языки, группа диалектов сян, типология, ареальная лингвистика.

1. Sentence Final Particles

Многие языки Юго-Восточной Азии обладают сложной системой частиц, представляющих собой один из признаков повседневной коммуникации. Частицы, располагающиеся на конце клаузы или предложения, так называемые Sentence Final Particles (SFP) — определенный тип слов, характерный для данного ареала. SFP — это фонологически малые элементы, как правило, односложные, которые появляются на правой периферии предложения (Huang 2014, Erlewine 2016, Hancil et al. 2015). SFP в языках ЮВА проявляют определенную межъязыковую последовательность в своем морфосинтаксическом поведении и функциональных областях (Рапов 2020). Такие частицы обязательно имеют дискурсивное значение, связанное с отношением говорящего к слушателю и содержанию высказывания, а также с его эмоциональной окрашенностью, наряду с различными семантическими и прагматическими характеристиками. С формальной точки зрения, SFP появляются в позиции С, которая является функциональной вершиной матричной клаузы (Huang 2014, Paul 2015, 2017); структурно они всегда следуют и никогда не предшествуют элементам, которые входят в их сферу действия, кроме того, элементы, находящиеся в сфере их действия, больше похожи на законченное высказывание, предложение или клаузу, чем на отдельную составляющую (Simpson 2014). На настоящий момент основными проблемами при описании SFP в языках

ЮВА являются описание их функционального разнообразия, синтаксические характеристики, семантика и прагматика.

2. SFP в диалектах группы сян

Диалекты сян (湘语 [siɕŋ⁴⁴ y⁴²]) принадлежат к синитическим языкам, сино-тибетской языковой семье. Согласно китайской классификации, являются одной из десяти основных диалектных ветвей китайского языка, а также основными языками жителей провинции Хунань. Инвентарь SFP в сян насчитывает не менее 10 различных частиц, большинство из которых полифункциональны. К ареально-типологическим особенностям частиц в данных диалектах можно отнести: а) более высокую частоту использования частиц нежели в путунхуа¹; б) SFP в диалектах сян произносятся с полным тоном (в путунхуа они получают нейтральный тон), а также могут принимать фразовое ударение; в) возможность употребления нескольких SFP в одном предложении, кластеризация. В данной работе мы не будем подробно описывать морфосинтаксические свойства SFP, а лишь кратко рассмотрим некоторые функции. Все примеры в данной работе — примеры из диалекта чанша, являющегося репрезентативным представителем группы.²

2.1. SFP в чанша сян способны открыто маркировать иллокутивную силу или настроение предложения. Так, они маркируют предложение как вопросительное, императивное, повествовательное или восклицательное.

2.1.1. Шесть частиц (啊[a³³], 咧[liɛ³³], 啰[lo³³], 着[tso²⁴], 啲[po³³], 吧[pa²¹], 啦[la³³]³) могут маркировать вопросительные предложения. В диалектах сян, несмотря на то что с функциональной точки зрения SFP не всегда обязательны, тем не менее они присутствуют во всех типах вопросов.

В общем вопросе используются пять частиц: [lo³³], [liɛ³³], [la³³], [po³³], [pa²¹]. Частица [lo³³], среди прочих, обладает наиболее мягким значением, близким к просьбе со значением «пожалуйста, сделай» (1).

- (1) li⁴¹ k^hə⁴⁵ pu²⁴ lo³³?
 2Sg уходить Neg SFP
 ‘Ты ведь пойдешь? (пожалуйста, пойд)’

¹ Путунхуа 普通话 — стандартный китайский язык (Mandarin Chinese), основанный на произносительной норме пекинского диалекта, принадлежащего к северной группе диалектов китайского языка (гуаньхуа).

² Примеры цитируются по следующим работам: Luo 2001, Wu 2005, Wu 1998, Zhou et al. 2001, а также взяты из открытых интернет-источников.

³ Здесь и далее для записи транскрипции примеров из сян используется МФА, для путунхуа транскрипция пиньинь.

Частицы [po³³] и [pa³³] могут появляться только в общих вопросах типа V+SFP. Это грамматикализованная форма V-neg (+SFP) вопроса, где [po³³] является фузионной формой [pu²⁴ + lo³³] (2), а [pa²¹] для [pu²⁴ + la³³] (3). В отличие от общего да\нет вопроса, V-neg форма считается нейтральной, а не полярной.

(2) li⁴¹ k^he⁴⁵ po³³?

2Sg уходить SFP

‘Ты идешь (или нет)?’

(3) li⁴¹ k^hə⁴⁵ pa²¹?

2Sg уходить SFP

‘Ты идешь (или нет)?’

В wh-вопросах используются четыре частицы: [lo³³], [lie³³], [la³³] и [pa²¹]. В таком типе вопроса SFP не обязательны, но обладают дополнительной функцией смягчения тональности вопроса. [lie³³] и [pa²¹] могут быть использованы в случае, когда спрашивающий обладает знаниями о сути вопроса. [lie³³] может выражать оттенок любопытства (4), а [pa²¹] может придавать оттенок неудовлетворения (5).

(4) tein³³zi²⁴tsi te^hia²⁴ mo⁴¹tsi tsan¹³xo lie³³?

сегодня есть что вещь SFP

‘А что мы сегодня будем есть (будет ли что-то особенное)?’

(5) li⁴¹ o¹³kai⁴¹ pu²⁴ k^hə⁴⁵ pa²¹?

2Sg почему Neg уходить SFP

‘И почему же ты не пошел (ведь ты должен был)?’

В риторических вопросах используются две частицы: [a³³] (6) и [tso²⁴], из них [tso²⁴] более частотная (7).

(6) li⁴¹ tein³³t^hiē³³ pu²⁴ k^hə⁴⁵ a³³?

2Sg сегодня Neg уходить SFP

‘Неужели ты сегодня не пойдешь?’

(7) li⁴¹ pu²⁴ kan⁴¹, ηo⁴¹ xo¹³si eiau⁴¹tə²⁴ tso²⁴?

2Sg Neg говорить 1Sg как знать SFP

‘Если ты мне не скажешь, как же я узнаю?’

В диалектах сян существует также маркер вопроса, относящегося к ранее упоминавшейся теме дискурса. В этой функции употребляется 咧 [lie³³] (8), эквивалентный одному из употреблений 呢 ne в путунхуа.

(8) t^ha³³ te^hia²⁴ ka fan²¹ ta³³, ηi⁴¹ lie³³?

3Sg есть Pfv еда FP 2Sg SFP

‘Он поел, а ты?’

2.1.2. В качестве декларативных маркеров в повествовательных предложениях используются три частицы: 咧沙 [sa³³], 啦 [la³³], 哒 [ta³³]. Они придают предложению оттенок уверенности. Среди них [ta³³] является наиболее часто употребляемой (9).

- (9) *tsei⁵⁵ xəu²¹ pei⁵⁵ la⁵⁵ tsa²⁴ mau³³ to³³, pei²¹ ŋo⁴¹ tia³³ tia kuan⁵⁵ si⁵⁵ ta³³.*
 в_итоге тот Cls кот SFP Psv 1Sg дедушка избаловать SFP
 ‘В итоге тот кот был избалован моим дедушкой’.
- (10) *la³³ lo²⁴ tsi⁴¹ sou⁴¹ tsi³³ teiou⁵⁵ fan¹³ eiēn⁴¹ tə²⁴*
 тот Prt Cls мобильный_телефон именно еще казаться
ŋau⁴⁴ eiā³³ la³³.
 хороший немного SFP
 ‘Тот телефон выглядит как-то получше’.

2.1.3. В императивных предложениях используются три маркера: 咧沙 [sa³³], 啰 [lo³³] (11), 啦 [la³³]. Из них [la³³] обладает наиболее мягким значением (12).

- (11) *k^huai⁴⁵ tɕ^hia²⁴ lo³³!*
 быстрый есть SFP
 ‘Ешь быстрее!’
- (12) *mo²⁴ lou²⁴ ŋo⁴¹ la³³.*
 Neg шутить 1Sg SFP
 ‘Не смейся надо мной’.

В восклицательных предложениях используются две частицы: 咧阿 [a³³] и 咧 [liɛ³³]. При этом, если [a³³] выражает более интенсивную эмоциональную окрашенность (13), то [liɛ³³] подразумевает нечто находящееся за пределами воображения говорящего (14). Чаще всего такие SFP появляются в конструкциях [очень + Adj + SFP].

- (13) *ko²⁴ tsa²⁴ ŋa¹³ tsi xau⁴¹ lin¹³ fan⁴⁵ a³³!*
 этот Cls мальчик очень умный SFP
 ‘Этот мальчик такой умный!’
- (14) *ko²⁴ tsa²⁴ ŋa¹³ tsi xau⁴¹ lin¹³ fan⁴⁵ liɛ³³!*
 этот Cls мальчик очень умный SFP
 ‘Ну какой же этот мальчик умный!’

2.2. SFP в сян могут выражать эпистемическую модальность. Так, частица [lo³³] маркирует утверждение с ожиданием согласия слушателя (15):

- (15) *tɛ^hia²⁴ ka fan²¹ tsai⁵⁵ khe⁵⁵ iau⁵⁵ tə²⁴ pu²⁴ lo³³?*
 есть Pfv еда снова уходить нужно SP Neg SFP
 ‘Поедим и пойдем, хорошо?’

2.3. SFP на конце клаузы (в составе сложного предложения) могут маркировать паузу, при этом они выделяются просодически. В этой функции используются четыре взаимозаменяемые частицы: 哆 [to³³], 吵 [sa³³], 啊 [a³³], 咧 [liɛ³³], обладающие различными оттенками. Так, [to³³] используется для придания фразе более спокойного оттенка (16), тогда как [sa³³] выражает нетерпение (17). [a³³] и [liɛ³³] не обладают подобными свойствами.

- (16) *tɛiəu²¹si²¹ kan⁴¹tɛ^hio²⁴ tau⁵⁵ la⁵⁵ ti²¹fan³³ to³³...*
 именно чувствовать достигать тот место FP
 ‘Такое ощущение, что это и есть то самое место...’
- (17) *ə¹³tɛhie⁴¹ sa³³, la⁵⁵ ko²⁴tsi la⁵⁵ pən⁴¹ɛin⁵⁵ sa³³, t^ha³³ tɛiəu²¹si²¹...*
 к_тому_же SFP тот голубь SP природа SFP 3Sg именно_и_есть
 ‘К тому же, тот голубь по природе своей и есть...’

Частица 是 [si²¹] может быть использована в конце первой клаузы в сложном предложении, для акцентирования причины или предположения (18, 19). Интересно, что в данном случае частица также может быть выделена просодически, она может изменить тон или быть произнесена в два раза длиннее обычного.

- (18) *t^hin⁴⁵ ta²¹ iəu⁴¹ kəu⁴¹ zəu²⁴ tɛ^hia²⁴ si²¹, t^ha³³mən kau³³ɛin⁴⁵ tə²⁴*
 слышать Pfv иметь собака мясо есть SFP 3Pl радостный SP
 ‘Они будут очень рады, если узнают, что будут есть мясо собаки’.
- (19) *tən⁴¹ tə²⁴ li⁴¹ lai¹³ si²¹ t^hiɛ³³ təu³³ lian²¹ ta²¹.*
 ждать SP 2Sg приходить SFP небо уже светать Pfv
 ‘Если (мы) будем ждать пока ты придешь, так целый день пройдет’.

Помимо описанных выше, частицы, которые обычно располагаются в конце клаузы или предложения, в сян могут обладать уникальными функциями, такими как маркирование перечисления. Для этого используется частица 啊 [a³³]:

- (20) *si²⁴tɛi²⁴san²¹, yn¹³ a³³, u²¹ a³³, y⁴¹ a³³,*
 по_сути облако FP туман FP дождь FP
tɛhi¹³si²⁴ si²¹ i²⁴ fei¹³ si²¹.
 на_самом_деле быть один Cls вещь
 ‘По сути облака, туман и дождь, на самом деле одно и тоже’.

Кратко обобщая вышесказанное, еще раз отметим, что в синитических языках SFP представляют собой характерную черту повседневной диалогиче-

ской речи. В рамках этой работы не представлялось возможным описать функциональные характеристики SFP диалектов группы сянь в полной мере. Данная проблематика представляет собой интересные перспективы для дальнейших исследований: морфосинтаксические свойства SFP, взаимоотношения между различными типами частиц, их семантика и прагматика, универсальность и вариативность внутри языковой группы.

Условные сокращения

1Sg — первое лицо единственного числа, 2 Sg — второе лицо единственного числа, 3Sg — третье лицо единственного числа, 3Pl — третье лицо множественного числа, Cls — классификатор, FP — final particle, Neg — отрицание, Pfv — перфектив, SFP — sentence final particle, SP — служебная частица.

Литература

- Erlewine M.Y. 2016. Low sentence final particles in Mandarin Chinese and the Final-over-Final Constraint. *Journal of East Asian Linguistics*, 26. 37–75.
- Hancil S., Haselow A., Post M. 2015. *Final Particles*. Berlin, München, Boston: De Gruyter Mouton.
- Huang J. C.-T, Li A. Y.-H, Simpson A. 2014. *The Handbook of Chinese Linguistic*. John Wiley & Sons, Inc.
- Luo Xinru. 2001. *Hunan fangyan yu diqu wenhua yanjiu [A Study on Hunan's dialects and local literature]*. Hunan shifan daxue chubanshe chuban faxing.
- Panov V. 2020. Final particles in Asia: Establishing an areal feature. *Linguistic Typology*. 24. 10.1515/lingty-2019-2032.
- Paul W. 2015. *New perspectives on Chinese syntax*. Berlin: De Gruyter Mouton.
- Paul W. 2017. Why particles are not particular: Sentence-final particles in Chinese as heads of a split CP. *Studia Linguistica*. Wiley-Blackwell, The Syntax of Particles, 68 (1), pp. 77–115.
- Simpson A. 2014. *Sentence-Final Particles*. 10.1002/9781118584552.ch7.
- Wakefield J. C. 2020. The Syntax and Semantics of Cantonese Particles in the Left Periphery. *Studies in Chinese Linguistics*, vol. 41, no. 2, pp. 109–138.
- Wu Yunji. 2005. *A Synchronic and Diachronic Study of the Grammar of the Chinese Xiang Dialects*. Berlin, New York: De Gruyter Mouton.
- Wu Qizhu. 1998. *Changsha Fangyan Yanjia [A Study on the Changsha Dialect]*. Changsha: Hunan Jiaoyu Chubanshe.
- Zhou Bohua et al. 2001. *Hunan sheng zhi. Di ershiwu juan. Fangyan zhi. Shangce. [Hunan province anthology. Volume 25. Dialects anthology. Part one]*. Hunan renmin chubanshe. Chansha.

ДИСКУРС КАК ЭМПИРИЧЕСКАЯ ОСНОВА ТЕОРИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КОММУНИКАЦИИ И КОГНИЦИИ

В.З. Демьянков

Институт языкознания РАН
vdemiank@iling-ran.ru

Наша гуманитарная наука приблизилась к тому состоянию, когда доступ к обширному эмпирическому материалу неплохо осуществляется с помощью технических средств, когда-то казавшихся фантастикой. Техники чисто умозрительного заключения сменились возможностями аргументировать логические переходы в лингвистической теории теми или иными текстовыми данными: статистической обработкой больших библиотек текстов (некоторые из которых приобрели статус корпусов текстов, со своим информационным обеспечением), психологическими тестами, социальными опросами и т. д. Общее у названных разновидностей — их массовость. Обширность эмпирического материала не только придает респектабельность ученым и их выводам из наблюдений, но и требует бдительности и осторожности, чтобы не сопоставлять несопоставимое.

В этой связи выдвигались различные принципы, помогающие избежать подобной опасности, среди них приоритет наблюдаемого, призыв опереться на материал в первозданном виде, например: «Подобно прочим эмпирическим наукам, лингвистика все больше осознает, что языковая реальность, осуществляемая в конкретных образцах языкового взаимодействия, — по крайней мере столь же заслуживающий внимания научный объект, как и невидимая языковая система. Реальное языковое взаимодействие в современной лингвистике обычно именуется дискурсом. **Дискурс** — это единство процесса языковой деятельности и ее результата, то есть текста. Дискурс включает в себя текст как составную часть. **Текст** — статический объект, возникающий в ходе языковой деятельности» (Кибрик 2003: 4). Иначе говоря: делай выводы из непосредственно наблюдаемого материала, а к чистому теоретизированию переходи только в крайнем случае. Или вовсе оставь фантазии в покое: не наводи тень на ясный день. С таким призывом нельзя не согласиться.

Сходное справедливо и для нарратива: «Рассказ об отношениях в этом мире — будь то эскизный вымышленный „мир рассказа“ или „картина мас-

лом“ — основан на мнениях и сомнениях. Этот мир подается не обязательно чисто рассудочно, в логическом порядке: главное требование к рассказу — „связанность“ (cohesion, когезия) получаемого текста, отсутствие очевидных скачков, неоправданных забеганий вперед и несостыковок в изложении. Главное же требование к дискурсу как носителю „дискурсивного“ (т.е. рассудочного) хода мысли — логическая „связность“ (coherence, когерентность, несамопротиворечивость). Еще лучше, если логичность не только внутренне присуща тексту, но и оформляется наглядно, с помощью маркеров логического рассуждения, типа *если, поэтому, соответственно, тем не менее*. Но часто текст приобретает очертания дискурса только после невероятных интерпретаторских потуг. В научных сочинениях, следуя заветам Р. Декарта, от дискурса ожидают эксплицитных, не завуалированных и не эвфемистичных утверждений. В ненаучных же такие требования ослаблены, допускается нарратив (напр., внешне гладенький текст), хотя бы внушающий определенное настроение своим читателям. А „нарративный дискурс“ отвечает обоим требованиям — к дискурсу и к нарративу. Но внешность обманчива, и текст, казавшийся бесхитростным нарративом, вдруг переосмысливается, встает на дискурсивные дыбы, вынося на поверхность неведомые глубокие подстрочные линии рассуждения и порвав старые подгнившие информационные провода. И наоборот, в жанре тезисного изложения „по пунктам“ дискурс выглядит как меню из умозаключений, между собой плохо скрепленных, как „недонарратив“» (Демьянков 2022а: 6).

В саму языковую реальность у каждого индивида входят результаты взаимодействия когниции и коммуникации. Дискурс — попутный продукт такого взаимодействия. Выявление мотивов при построении дискурсов, при коммуникации индивидов, особенно в рамках массовой коммуникации, все чаще выдвигается на первый план в современной лингвистике. А исследование стратегий и тактик коммуникации опирается на методы сбора материала (ведь в материал входят наблюдаемые шаги взаимодействия людей, в частности, коммуникативные действия в речевом воплощении) и на логические выводы на основе житейского опыта. Этот опыт выкристаллизовался в виде советов (типа грасиановского «Карманного оракула» и блестящего справочника бытовой мудрости Д. Карнеги), в разных культурах подчеркивает разные этические нормы: так, заведомый обман в одних культурах и субкультурах вполне законен, а в других — абсолютно недопустим. Огромный ценный материал представляют речения, пословицы и поговорки различных народов. Такие суждения иногда противоречат друг другу, оказавшись в корпусе текстового материала, однако в реальном общении мирно уживаются и гармонично соседствуют и дополняют друг друга. Например, *Плюнуть и растереть* призывает не слишком-то беспокоиться о будущих событиях, грозящих

последовать за конкретной ситуацией. А предостережение *Не всякое лыко в строку*, наоборот, призывает отбирать слова и поступки, ибо *Не всякий вас, как я, поймет; / К беде неопытность ведет* (А.С. Пушкин, Евгений Онегин). Подобная метакоммуникативная мудрость относится к тому, что хорошо и что плохо в коммуникации, и формулируется порой от противного, иронично предсказывая провал целой схеме аргументации, даже самой дискурсивной (то есть, рациональной) ср.: *Начальство всегда право* (поэтому приказы не обсуждают), *Не учи ученого*, *Мне сверху видно все* и *Я начальник, ты — дурак*.

Известно, насколько эффективны некоторые очень часто употребляемые тактики воздействия на поведение и на мнения людей. Скажем, такой мотив: «Из-за твоего отказа помочь нам пострадают твои близкие». В порыве раскаяния в своей несговорчивости, упрекаемый порождает различные виды компромисса или даже подготавливает полную капитуляцию. «Вы нарушаете наши договоренности...» — ключевая фраза при внушении чувства вины, после которой легковерный упрямец начинает, действительно, себя винить в предстоящих несчастьях других людей. Подобно видениям стонущих родных на борту космического корабля, появляющимся в сознании космонавта в результате кислородного голодания (как в известном научно-фантастическом романе), эта коммуникативная мелодия значительно облегчает задачу манипулятора, особенно если правильно уловить время и оценить психический склад аудитории.

Выявить механизмы подобного взаимодействия когниции и коммуникации — значит, на основе наблюдений над «языковой реальностью» установить и инженерные принципы такого воздействия, и способы оптимизации речевого воздействия, и способы противостоять манипуляции, и многое другое.

За несколько тысячелетий существования человечества «народная мудрость» накопила очень много «народных средств» в этой области, на вооружении сегодня находится большое количество подходов и к решению поставленных коммуникативных задач, и к самой постановке этих задач. Так, в рамках «праксеологического подхода» были предприняты попытки показать, как работает такая инженерия речевого воздействия и преодоления манипуляции, особенно когда взаимодействие людей напоминает военные действия на поле боя. Правда, взаимодействие имеет свойство продолжаться даже после полной капитуляции. Да и военные удары скорее напоминают методы бесконтактного нанесения ущерба, как в некоторых восточных видах боевых искусств: ловко уклоняясь от удара, грозящего большим физическим ущербом, боец теряет равновесие и все равно получает поражение — или вызывает падение противника. Или то и другое: упав, выигрывает.

В том или ином виде указанные и подобные приемы годятся и при корыстном применении (скажем, при завоевании командных и/или просто контро-

лирующих высот в карьере), и когда граф Монтекристо получает бескорыстное моральное удовлетворение от мести. Похожие чувства испытывает и дворовый акселерат из состоятельной семьи, шантажируя малышку, не потому, что голоден или хочет съесть чужие припасы, а чтобы удостовериться в своей манипуляторской подготовке, потрогать пальчиком дедову шашку: не заржавела ли?

Отдельное направление в такой инженерии составляют тактики манипуляции сознанием, приводящие к значительному изменению ценностных установок и предрасположенности к тем или иным коммуникативным действиям. Одно из актуальных направлений в приложении лингвистического инструментария — анализ «фейков», случающихся в СМИ, и изобретение лингвистических тестов и вакцин от вредоносной коммуникации.

В этой связи позволю себе самоцитирование: «Исследование того, как устроены тексты фейков, какие эффективные техники в этой практике преобладают и каковы культурные традиции в этой области, сочетает лингвистические аспекты с экстралингвистическими. Само по себе чтение чужого текста не является ни вредным, ни полезным: оно запускает мыслительные механизмы, позволяющие реализовать заложенные в чужом тексте возможности (если они есть), которые при определенных условиях как раз и приводят к печальным или позитивным результатам [...], а также для предотвращения или смягчения определенных видов социально значимой деятельности. Профилактические действия по борьбе с дезинформацией (личная «гигиена» и массовая «санитария» чтения) должны осуществляться объединенными силами самых разных гуманитарных и социальных наук. Когнитивные науки в этом боевом дозоре играют роль Ильи Муромца» (Демьянков 2022: 89–90).

А доблестные российские дискурсоведы равняются на нашего юбиляра, Андрея Александровича Кибрика.

Л и т е р а т у р а

- Демьянков В.З. 2022. Креативная аккомодация текста в СМИ. *Александровский сборник*. М.: Наука, 82–93.
- Демьянков В.З. 2022а. Нарратив и дискурс. *Вопросы когнитивной лингвистики*, № 4, 5–16.
- Кибрик А.А. 2003. *Анализ дискурса в когнитивной перспективе*. Диссертация, представленная на соискание ученой степени доктора филологических наук (10.02.19). Институт языкознания РАН.

ТЕМАТИЧЕСКИЕ БЛОКИ И ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА СПОНТАННЫХ ТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ УСТНЫХ ТЕКСТОВ БИЛИНГВОВ)

Е.В. Ерофеева

Е.С. Худякова

Пермский государственный национальный исследовательский университет
erofeeva@psu.ru

khudiakova.es@psu.ru

1. Введение

Одной из интереснейших проблем, которой занимается Андрей Александрович Кибрик, является проблема структурирования устного дискурса (Кибрик 2009; 2015; Кибрик, Подлеская 2009; Kibrik 2011 и др.).

Существует несколько моделей структуры текста, которые, по мнению Э. Хоуи (Hovy 1991), можно разделить на структуралистские и функциональные (см.: Кибрик, Подлеская 2009; Dijk van 1985; Moyano 2016; Kibrik 2011 и др.). Однако и структурный, и функциональный подходы так или иначе опираются на иерархию компонентов и семантику.

В данной работе также применяются иерархический и семантический принципы структурирования устных спонтанных текстов. Представленное в статье исследование тематической структуры устного текста билингва в некоторой степени затрагивают сформулированные А.А. Кибриком вопросы исследований дискурса (Кибрик 2009). В частности, тематическое членение рассказов о жизни человека — один из возможных подходов к макроструктуре устного текста; а выявление варьирования тематической структуры устного текста в зависимости от первого языка говорящего имеет когнитивные перспективы. Так, по М.Б. Бергельсон, ряд текстов, содержательно «центральных» для человеческого сообщества, к которым относятся и «рассказы о жизни», представляет интерес для типологизации содержания. Структурирование жизненного опыта, отраженное в ментальной модели текста о жизни, прямо зависит от культуры говорящего (Бергельсон 2017).

2. Предмет, материал и методы исследования

Предметом настоящего исследования является тематическая структура спонтанно порождаемых билингвами текстов на русском языке на заданную

тему, а также соотнесение этой структуры с семантикой лексики, наполняющей тематические блоки. Тематическая структура текста рассматривается в данном случае как иерархия тематических блоков, реализующих одну тему (Дейк, Кинч 1988: 168). Сопоставление структур текстов билингвов, у которых первые языки разные, а второй один — в данном случае русский, позволит выявить влияние первого языка (и культуры) на тематическую структуру текста.

Материалом исследования стали спонтанные монологи на тему «О себе» на русском языке, полученные от билингвов — коми-пермяков (22 текста) и татар (23 текста). Информантов просили рассказать о себе; тема раскрывалась по усмотрению говорящего. Транскрипты спонтанных монологов опубликованы в (Ерофеева 2007; 2012). Общий объем текстов составил 10 523 словоупотребления (6 694 словоупотребления в текстах коми-пермяков, 3 829 словоупотреблений в текстах татар).

Методика работы предполагала членение и объединение тематических блоков согласно следующему алгоритму анализа: 1) размечались актантные и предикативные единицы, определялась семантика этих единиц; 2) по правилам иерархической организации дискурса пропозиции объединялись в более крупные единицы — блоки; 3) при выделении текстовых блоков учитывались дискурсивные маркеры границ блоков (инициальные и финальные дискурсивы, единое интонационное оформление, наличие пауз на границе, отсутствие анафорических показателей когезии на границе блоков).

В результате для каждого текста получены наборы тематических блоков, а также словник каждого тематического блока.

Анализ качественного наполнения блоков производился через выделение семантических групп (подтем) существительных внутри блока. Анализировалась семантика существительных, поскольку они передают предметные значения и связаны с категоризацией референта. Значение слов и принадлежность их к той или иной семантической группе определялись контекстуально; слово могло входить в несколько семантических групп одновременно.

3. Анализ объема тематических блоков в текстах билингвов

В результате анализа спонтанных текстов билингвов на русском языке на тему «О себе» было выделено 14 тематических блоков, состав и относительные объемы которых представлены на рис. 1.

Состав и объемы тематических блоков, которые билингвы актуализируют в текстах на русском языке, не совпадают: только у коми-пермяков в текстах присутствуют тематические блоки «Природа», «Идентичность» и «Место жительства»; только у татар в текстах актуализированы тематические блоки «Рефлексия» и «Отношения». Объемы тематических блоков «Учеба», «Работа»,

«Представление» примерно совпадают в текстах разных групп билингвов, в то время как объемы других блоков могут довольно сильно варьировать, например, блоки «Хозяйство», «Свободное время» значительно объемнее в текстах коми-пермяков, тогда как блоки «Семья» и «Армия» больше по объему в текстах татар.

Анализ данных, приведенных на рисунке 1, показывает, что коми-пермяки, рассказывая о себе, значительно чаще татар актуализируют в тексте различные аспекты, связанные с этнической идентичностью: саму этническую идентичность, место жительства, уклад хозяйства и свободное время (обычно связанные с традиционным укладом жизни), а также рассказы о природе. Татары в текстах о себе обращают большее внимание на социальные аспекты жизни: самопредставление (вписывают себя в социальный контекст), семью, работу, пенсию, армию, межличностные отношения, планы на жизнь и рефлексии относительно себя в социуме.

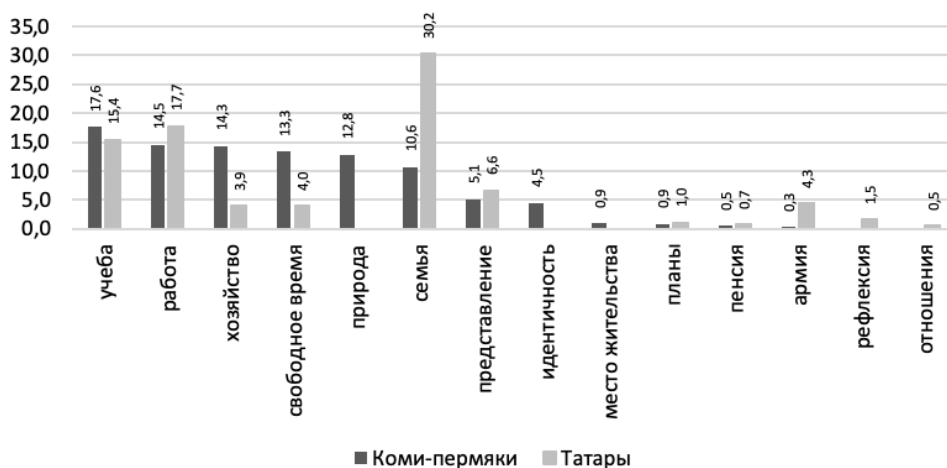

Рис. 1. Объемы тематических блоков в текстах, %

Иерархическую тематическую структуру текста (по наиболее значимым трем компонентам) у коми-пермяков и татар можно представить следующим образом:

Тексты коми-пермяков:	Тексты татар:
1. Учеба	1. Семья
2. Работа	2. Работа
3. Хозяйство	3. Учеба

Таким образом, из наиболее важных — ядерных — тематических компонентов в структуре текста коми-пермяков и татар два («Учеба» и «Работа») совпадают, однако занимают разные места в структурной иерархии; в то же время в ядро тематической структуры текстов «О себе» у каждой этнической группы входят разные компоненты: «Хозяйство» у коми-пермяков и «Семья» у татар. Это может свидетельствовать о том, что свое место в мире и та и другая группы определяют через три важнейшие компонента — учебу, работу и семью/хозяйство семьи. Однако иерархия этих компонентов выстраивается по-разному: у татар ведущей оказывается семья, а у коми-пермяков — учеба.

Отличаются в текстах коми-пермяков и татар и их качественное наполнение тематических групп, поэтому рассмотрим семантические группы внутри тематических блоков.

4. Анализ семантических групп блока «Хозяйство»

Семантические группы тематического блока «Хозяйство» представлены на рис. 2.

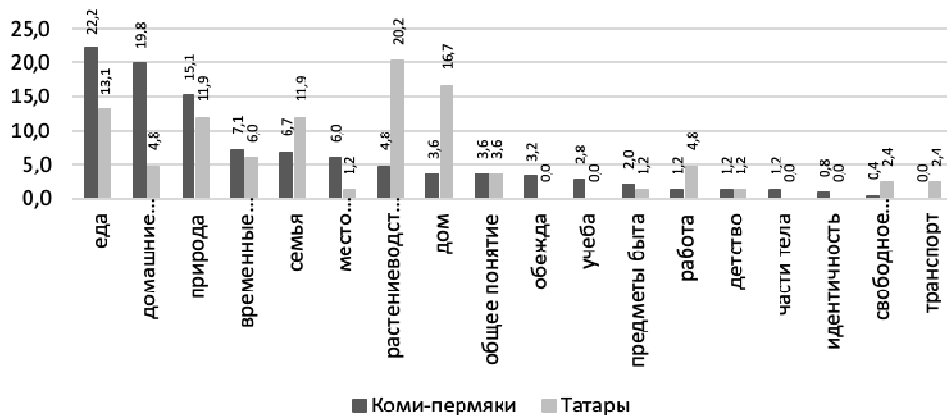

Рис. 2. Объемы семантических групп блока «Хозяйство», %

Коми-пермяки чаще рассказывают о еде и домашних животных; татары уделяют гораздо больше внимания описанию дома, растениеводству, семье, работе и свободному времени.

Семантическое ядро тематического блока «Хозяйства» (три наиболее объемных семантические группы) в текстах коми-пермяков и татар оказывается следующим:

Тексты коми-пермяков:	Тексты татар:
1. Еда	1. Растениеводство
2. Домашние животные	2. Дом
3. Природа	3. Еда

Ядра блока «Хозяйство» в текстах коми-пермяков и татар включают только один общий компонент — семантическую группу «Еда», хотя она занимает разное место в иерархии групп.

Выводы

Иерархическая тематическая структура текста, вероятно, является одним из вариантов типологии текстов. Представляет собой уровни движения от макротемы к тематическим компонентам — блокам и, локально, к лексическому наполнению этих блоков.

Выявленная в текстах, порожденных на втором языке билингвальных говорящих — коми-пермяков и татар, вариативность структуры не имеет жанровой природы (Кибрик 2009), она не лингвистична, а социолингвистична. Даже использование второго — общего для данных групп говорящих — языка не привело к унификации структуры монолога.

Эта структура в русскоязычных текстах обладает ядром — частотными тематическими блоками со сходным объемом — и неядерной зоной, в которой сосредоточены блоки с различным наполнением и блоки, уникальные для каждой исследуемой группы билингвов.

Анализ семантических групп лексики вне отнесения их к тематическим блокам не показывает устойчивой структуры текста, поскольку в каждой исследуемой группе может участвовать в наполнении различных блоков.

Интерпретация уровней иерархии тематической структуры текста различна: набор тематических блоков, их значимость для текста отражает социально-психологическую ценность этих «элементов жизни» для этнической группы; набор же лексем, реализующих тематические блоки более референциален, легко объясняется условиями жизнедеятельности, реальным окружением говорящих.

Л и т е р а т у р а

- Бергельсон М.Б. 2017. Дискурсивный анализ мини-нарративов в контексте структурированного интервью. *Родной язык*, № 2(7), 74–98.
- Дейк Т.А. ван, Кинч В. 1988. Стратегии понимания связного текста. В кн.: В.В. Петров и В.И. Герасимов (сост., ред., вступ. сл.). *Новое в зарубежной лингвистике*. М.: Прогресс, вып. 23: Когнитивные аспекты языка, 153–211.

- Ерофеева Т.И. (ред.). 2007. *Русская речь коми-пермяков*. Пермь, б/и.
- Ерофеева Т.И. (ред.). 2012. *Русская спонтанная речь татароязычных билингвов Пермского края: Ординский район*. Пермь, б/и.
- Кибрик А.А. 2009. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов. *Вопросы языкознания*, № 2, 3–21.
- Кибрик А.А. 2015. Когнитивный анализ дискурса: локальная структура. В кн.: А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев, А.В. Кравченко, Ю.В. Мазурова, О.В. Федорова (ред.). *Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика*. М.: Языки славянской культуры, 595–634.
- Кибрик А.А., Подлеская В.И. (ред.) 2009. *Рассказы о свидениях: корпусное исследование устного русского дискурса*. М.: Языки славянских культур.
- Dijk T.A. van 1985. Semantic Discourse Analysis. In: *Handbook Of Discourse Analysis, vol. 2: Dimensions of Discourse*. London; NY: Academic Press, 103–136.
- Novy E. 1991. Recent trends in computational research on monologic discourse structure. *Computational Intelligence*, n. 7, 363–366.
- Kibrik A.A. 2011. Cognitive discourse analysis: local discourse structure. In: M. Grygiel, L.A. Janda (eds.). *Slavic linguistics in a cognitive framework*. Frankfurt am Main: P. Lang Publ., 273–304.
- Moyano E.I. 2016. Theme in English and Spanish. Different means of realization for the same textual function. *English Text Construction*, v. 9, n. 1, 190–219.

ЕСТЬ ЛИ ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ ДИСКУРСИВНЫЕ ЕДИНИЦЫ В РАЗМЕТКАХ НЕПОДГОТОВЛЕННЫХ АННОТАТОРОВ?

Н.А. Коротаев

Российский государственный гуманитарный университет, Институт языкознания РАН
n_korotaev@hotmail.com

I. Постановка задачи

Одна из базовых характеристик устного дискурса заключается в его квантованности. Устная речь порождается не единым потоком, а отдельными шагами, которые, с одной стороны, обусловлены фундаментальными свойствами человеческого поведения (Chafe 1994), с другой стороны, обладают набором формальных — в первую очередь, просодических — свойств (Degand, Simon 2009; Barth-Weingarten 2016; и др.). В работах научной группы под руководством А.А. Кибрика для обозначения таких квантов закрепился термин *элементарная дискурсивная единица* (ЭДЕ). Определение границ ЭДЕ в реальных текстах — это экспертная процедура, при реализации которой аннотаторы опираются на набор интонационных и (в меньшей степени) содержательных критериев: наличие единого интонационного контура и акцентных пиков, типические скоростные и громкостные паттерны, способность выступать в качестве минимального узла локальной дискурсивной структуры (Кибрик, Подлесская (ред.) 2009; Kibrik et al. 2020). В целом, выявлению и применению подобного рода критериев посвящена обширная литература; см., в частности, обзор в Izre'el et al. 2020: 7–13. При этом наряду с подходом, который можно условно назвать «экспертно-ориентированным», существует и альтернативная традиция — основанная на оценке разметок, выполненных «наивными» носителями языка, см. Himmelmann et al. 2018.

В настоящем исследовании представлена попытка совместить эти две перспективы. На протяжении нескольких лет я предлагал неподготовленным разметчикам — студентам Института лингвистики РГГУ — выявить сегментацию на элементарные кванты в одном и том же устном тексте. Их разметки были сопоставлены как между собой, так и с «эталонным» транскриптом, выполненным подготовленными аннотаторами. Исследовательские вопросы

тут таковы: (а) способны ли неподготовленные разметчики выявлять ЭДЕ достаточно надежным (согласованным) образом; (б) на какие свойства устного текста они при этом опираются; (в) чем их разметки и используемые ими критерии отличаются от эталона, основанного на эксплицитной инструкции.

II. Материал и протокол исследования

Материалом исследования послужили разметки одного устного рассказа, включенного в корпус «Истории о подарках и катании на лыжах» (<http://spokencorpora.ru/>). Продолжительность аудиофайла — 36 секунд, прослушать его можно на странице http://spokencorpora.ru/showtrans.py?file=03pands/rus/Pic-RUS_03-m_Ski-T&type=1. Обновленная версия транскрипта, использовавшаяся в качестве эталонной разметки, содержится в Приложении 2. В качестве «наивных» разметчиков выступили студенты Института лингвистики РГГУ. В 2020–2023 годах они выполняли неопениваемое задание в рамках курсов «Общая теория текста и дискурса» и «Анализ устной речи». Им предлагалось 2-3 раза целиком прослушать аудиофайл и расставить границы ЭДЕ в текстовой расшифровке, содержащей все слова и заполненные (но не абсолютные!) паузы рассказа без каких-либо дополнительных транскрипционных обозначений; см. Приложение 1.

При этом ни понятие ЭДЕ, ни — тем более — содержательные и формальные критерии обнаружения границ ЭДЕ в устных текстах до выполнения задания со студентами не обсуждались. В начале занятия разбиралось лишь самое общее представление о наличии некоторых минимальных шагов, при помощи которых говорящие реализуют свой сложный коммуникативный замысел — подобно тому, как мы естественным образом членим на элементарные участки движения то или иное сложное перемещение в пространстве. Задание формулировалось устно следующим образом: «Укажите в расшифровке границы между фрагментами текста, соответствующими минимальным шагам в порождении речи»¹.

¹ Похожее задание выполняется и в рамках курса «Общая теория дискурса», который читает на ОТиПЛе МГУ А.А. Кибрик. На одном из занятий студенты также слушают аудиофайл и расставляют границы ЭДЕ, после чего их разметки сравниваются между собой. Однако имеются и важные отличия. Во-первых, студенты МГУ слушают рассказ на незнакомом языке — таким образом, они лишены доступа к семантико-синтаксической структуре текста и могут ориентироваться только на просодические факторы. Во-вторых, до выполнения задания с ними обсуждаются возможные формальные критерии сегментации.

III. Результаты

По состоянию на март 2023 года получено и обработано 70 разметок. Ниже рассматриваются результаты, позволяющие ответить на три поставленных в исследовании вопроса.

III.1. Сопоставление «наивных» разметок между собой

Первый вопрос: насколько согласованно действуют «наивные» разметчики?

Общепринятой статистической мерой для оценки степени согласованности группы аннотаторов является каппа Флейса — показатель, призванный отразить, насколько наблюдаемые сходства в разметках превышают те, которое можно было бы ожидать при случайном выборе (Fleiss 1971). Каппа Флейса варьирует от 0 до 1; для наших данных ее значение составляет 0.64. Много это или мало? Представляется, что тут можно использовать два ориентира. Во-первых, согласно предложенной в работе Landis, Koch 1977 шкале, интервал значений каппы Флейса от 0.6 до 0.8 соответствует «существенной» (*substantial*) степени согласия. (Значения выше 0.8 в этой шкале интерпретируются как признак полного или почти полного согласия.) Во-вторых, этот результат можно сопоставить с показателем, который был получен для аналогичного задания, связанного с восстановлением границ абзацев во фрагменте рассказа Б. Житкова «Над водой». Задание, суть которого описана в Кибрик 2003: 31–34, выполняли 48 из 70 студентов; каппа Флейса для этих разметок оказалась значительно ниже — лишь 0.36. Полученный результат можно трактовать таким образом, что определение границ ЭДЕ является для неподготовленных разметчиков существенно более понятной задачей, чем восстановление абзацных границ — и это притом, что абзацы, как элементы письменного текста, доступны для непосредственного наблюдения.

Таким образом, можно предположить, что носители языка обладают достаточно хорошим представлением о том, как устроена естественная сегментация устной речи. Однако полного согласия между аннотаторами нет; а значит, интересно разобраться, чем именно разметки отличаются друг от друга. Анализ показывает, что подавляющее большинство различий обусловлено степенью дробности при выполнении сегментации: более 80% несовпадений между всеми парами разметчиков заключается в строгом вложении двух или более ЭДЕ, выделенных одним разметчиком, в одну ЭДЕ, выделенную другим разметчиком; и лишь менее чем в 20% случаев наблюдается наложение границ. В целом, разметчики выбирают некоторую «стратегию дробности» и последовательно ей придерживаются. Естественным следствием этого положения дел становится то, что одни границы отмечаются явным большинством

вом разметчиков (так, восемь границ отмечены более чем в 85% аннотаций; подробнее см. Приложение 2), а другие — лишь теми из них, кто придерживается более дробной стратегии сегментации.

III.2. Сопоставление «наивных» разметок с эталонной

Второй вопрос: как разметки, выполненные студентами, соотносятся с эталонной аннотацией?

Для ответа на этот вопрос можно использовать ту же статистическую меру — каппу Флейса, но теперь уже для сопоставления каждой отдельной «наивной» аннотации с эталоном. Диаграмма размаха полученных таким образом значений приведена на рис. 1. Видно, что среднее значение составило 0.70, медианное — 0.75, а срединные 50% значений расположились в интервале от 0.62 до 0.81.

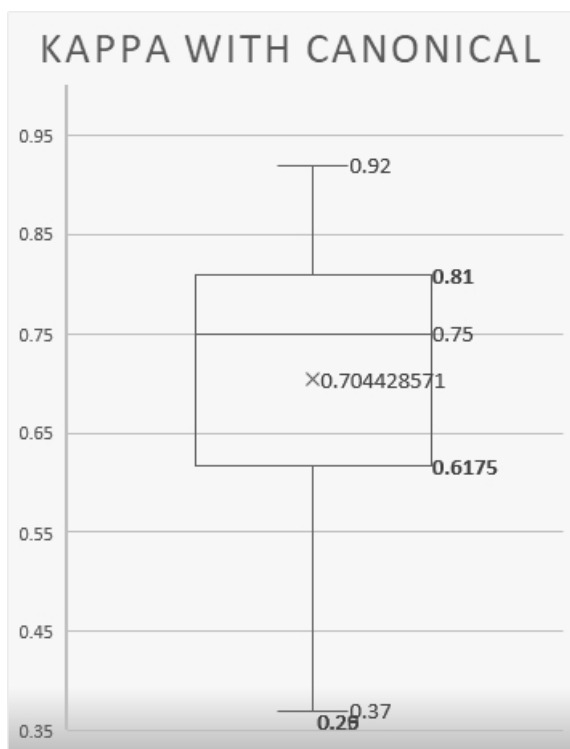

Рисунок 1. Диаграмма размаха значений каппы Флейса относительно эталонной разметки рассказа для 70 «наивных» разметок

Эти данные можно интерпретировать следующим образом. С одной стороны, значимое большинство «наивных» аннотаторов, не прошедших специального обучения, при выявлении сегментации устного текста демонстрируют по меньшей мере существенную степень согласованности с профессиональными разметчиками, следующими эксплицитной инструкции. С другой стороны, четверть студенческих разметок довольно далеко отстоит от эталонной. Можно предположить, что эти аннотаторы недостаточно хорошо поняли поставленную перед ними задачу; при обсуждении критериев, на которые опирались студенты при выполнении задания (см. раздел III.3), такие разметки не будут приниматься во внимание.

Сводная информация о том, каким образом каждая граница ЭДЕ в эталонной разметке соотносится с границами, отмеченными «наивными» аннотаторами, представлена в Приложении 2.

III.3. Критерии сегментации

Итак, 75% «наивных» аннотаторов выполнили разметку, достаточно близкую к эталонной. Естественным образом, возникает третий вопрос: на какие критерии они при этом опирались и были ли эти критерии теми же, которые перечислены в эксплицитной инструкции, использовавшейся при создании эталонной разметки?

Для ответа на этот вопрос было введено рабочее понятие согласованности разметок по каждому слову; для его оценки использовался числовой коэффициент, варьирующий от 0.5 (ситуация, в которой ровно половина разметчиков поставила границу ЭДЕ после данного слова, а другая половина — нет) до 1 (все разметчики либо поставили, либо не поставили границу после данного слова). Диаграмма размаха значений этого показателя для входящих в рассказ 57 слов представлена на рис. 2.

Среднее значение составило 0.91, медианное — 0.98, нижние выбросы расположены ниже 0.83. Это значение было принято за пороговое: если коэффициент согласованности для слова превосходил 0.83, то считалось, что по этому слову разметчики имели согласованную позицию, в противном случае — несогласованную. При сопоставлении этого параметра с формальными свойствами слов обнаружилось, что в целом решения «наивных» разметчиков достаточно точно предсказываются двумя факторами: наличием/отсутствием после слова (i) ощутимой паузы и (ii) синтаксической границы. Модель принятия решений при этом выглядит так²:

² Немногочисленные случаи, противоречащие общей модели, выделены в Приложении 2.

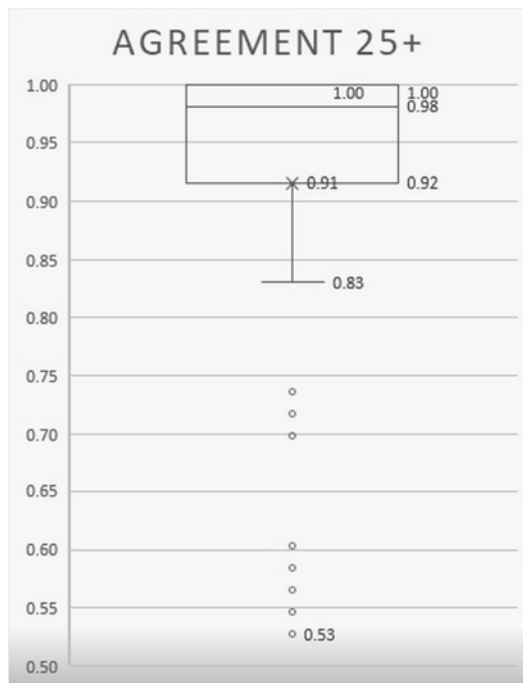

Рисунок 2. Диаграмма размаха коэффициента согласованности при (не)проставке границ после слова в 75% «наивных» разметок, наиболее согласованных с эталонной разметкой

А. Если после слова имеется (i) пауза не менее 190 мс и (ii) граница клаузы или постпозитивного добавления к клаузе, то разметчики согласованно отмечают границу ЭДЕ.

Б. Если после слова (i) нет паузы или пауза длится менее 190 мс и (ii) отсутствует граница клаузы или именной группы, то разметчики согласованно не отмечают границу ЭДЕ.

В. В прочих случаях разметчики действуют несогласованно.

Примечательно, что, хотя разметки, выполненные 75% «наивных» аннотаторов, в существенной степени согласованы с эталонной разметкой, при реализации эталонной аннотации в качестве основных использовались другие критерии сегментации. Ни паузация, ни особенности синтаксической структуры не входят в число базовых критериев выделения ЭДЕ, упомянутых в инструкции. Так, согласно Kibrik et al. 2020, основными критериями являются наличие у ЭДЕ общего интонационного контура и акцентных пиков, а также следование стандартным паттернам в распределении громкости и скорости; см. также раздел 1 выше. На мой взгляд, полученные результаты можно ин-

терпретировать как еще одно свидетельство высокой степени координации различных аспектов речепорождения, которая проявляется, в том числе, и при сегментации речевого потока, см. Кибрик, Подлеская (ред.) 2009: 56–57.

IV. Заключение

Объектом настоящего исследования стали разметки устного текста, выполненные неподготовленными аннотаторами — носителями русского языка. 70 студентов Института лингвистики РГГУ, не получив предварительного инструктирования, обозначили границы минимальных шагов в порождении устной речи, ориентируясь на звуковой файл и словесную расшифровку одного из рассказов корпуса «Истории о подарках и катании на лыжах». Анализ выполненных таким образом разметок показал, что «наивные» аннотаторы действуют с достаточно высокой степенью согласованности — как между собой, так и относительно эталонной разметки, осуществленной подготовленными экспертами. При этом формальные критерии, на которые, по всей видимости, опираются «наивные» разметчики, не совпадают с теми, которые приведены в инструкции для профессионального аннотирования.

Как представляется, полученные результаты примечательны с двух точек зрения. С теоретической точки зрения — отвечая на вопрос, вынесенный в заголовок данной статьи — можно предположить, что неподготовленные аннотаторы в целом обладают довольно устойчивым интуитивным представлением о характере естественной сегментации устной речи. Это, в свою очередь, позволяет надеяться на то, что теоретические рассуждения о природе ЭДЕ базируются на прочном психолингвистическом фундаменте. С практической точки зрения, можно сделать вывод о том, что сегментацию речевого потока при аннотировании устной речи все же не получается доверить полностью неподготовленными разметчикам; однако есть основания надеяться, что при минимальном дополнительном обучении результаты их аннотации приблизятся к эталонным.

Литература

- Кибрик А.А. 2003. *Анализ дискурса в когнитивной перспективе*. Диссертация, представленная на соискание ученой степени доктора филологических наук (10.02.19). Институт языкознания РАН.
- Кибрик А.А., Подлеская В.И. (ред.) 2009. *Рассказы о свидениях: корпусное исследование устного русского дискурса*. М.: Языки славянских культур.
- Barth-Weingarten D. 2016. *Intonation units revisited. Cesura in talk-in-interaction*. Amsterdam: John Benjamins.

- Chafe W. 1994. *Discourse, consciousness, and time*. Chicago: University of Chicago Press.
- Degand L., Simon A.C. 2009. Mapping prosody and syntax as discourse strategies: How basic discourse units vary across genres. In: D. Barth-Weingarten, N. Dehé, and A. Wichmann (eds.) *Where prosody meets pragmatics*. Bingley: Emerald, 81–107.
- Fleiss J.L. 1971. Measuring nominal scale agreement among many raters. *Psychological Bulletin*, v. 76, n. 5, 378–382.
- Himmelman N.P., Sandler M., Strunk J., Unterladstetter V. 2018. On the universality of intonational phrases: A cross-linguistic interrater study. *Phonology*, v. 35, n. 2, 207–245.
- Izre'el S., Mello H., Panunzi, A., Raso T. 2020. Introduction: In search of a basic unit of spoken language. In: S. Izre'el, H. Mello, A. Panunzi, and T. Raso (eds.) *In search of basic units of spoken language: A corpus-driven approach*. Netherlands: John Benjamins Publishing Company, 1–32.
- Kibrik A.A., Korotaev N.A., Podlesskaya V.I. 2020. Russian spoken discourse: Local structure and prosody. In: S. Izre'el, H. Mello, A. Panunzi, and T. Raso (eds.) *In search of basic units of spoken language: A corpus-driven approach*. Netherlands: John Benjamins Publishing Company, 35–76.
- Landis J.R., Koch G.G. 1977. The measurement of observer agreement for categorical data. *Biometrics*, v. 33, n. 1, 159–174.

Расширенная версия этой статьи находится по ссылке:

MAIN CLAUSES OF RELATIVE CLAUSES IN FINNISH CONVERSATION: WHERE IS THE IMPORTANT INFORMATION?

Ritva Laury

University of Helsinki
ritva.laury@helsinki.fi

Marja-Liisa Helasvuo

University of Turku
mlhelas@utu.fi

Our paper concerns the structure and function of main clauses of relative clauses (henceforth, RCs) in Finnish conversation, and it is connected to and inspired by our prior joint research on Finnish RCs (Laury & Helasvuo 2016, Helasvuo, Laury & Rauma 2022, Helasvuo & Laury forthcoming). The findings that we focus on here are that the main clauses of RCs in our data are light in terms of meaning and structure and tend to merely present the referent of the head noun of the RC, and that the main information, the content the participants in conversation focus on in subsequent interaction, is expressed in the RC. Many RCs in our data lack main clauses entirely and consist of only the head NP followed by an RC¹.

Our data come from the morphosyntactically coded Arkisyn database (Arkisyn 2018). Altogether, these data contain 956 RCs. Our method in this study is Interactional Linguistics (Selting & Couper-Kuhlen 2001; Couper-Kuhlen & Selting 2018).

In typological literature, RCs have been considered subordinate clauses which restrict or modify the reference of an NP in the main (or matrix) clause (Andrews 2007: 206; see also Keenan & Comrie 1977: 63–64; Comrie & Kuteva 2008; Croft 2022: 587). For Croft, part of the definition of the RC construction is that the referent of the head NP has a role in both the main clause and the RC (2022: 587). In cognitive linguistics, clausal subordination has been defined conceptually as the distinction between the figure (the main clause) and the ground (the subordinate clause) (Talmy 1978; see also Croft 2022: 586). Similar to this is the influential description of Langacker (1991: 436) of the subordinate clause as the one whose profile is overridden by the profile of the main clause, so that the main clause imposes its profile over the whole sentence.

¹ With our article, we wish to send our congratulations and our admiration to Andrej on his 60th birthday and thank him for inspiration and friendship over many years. May you live long and continue to prosper!

In Interactional Linguistics, clausal relations have been looked at from a different perspective: the relationship of clauses has been compared to the relationship between actions, so that subordinated verbal actions would be included within other, larger activities, or dependent on, or supportive of, other actions. For example, Auer (2005: 9) proposes that certain activities in conversation (such as story prefaces and other prefatory activities) foreshadow other activities and “project by being subsidiary (subordinated) to some focal activity”. Here Auer seems to be talking about subordination as a concept in terms of what is more central to an activity; a clause could merely project an RC to follow and thus be subsidiary or subordinated to the focal part expressed in the RC. Thompson (2002: 154) combines actional structure and syntactic structure in her discussion of complement clauses in English, suggesting that “conversationalists are normally oriented towards the material in the complements” rather than the content in the matrix clause, and thus argues against considering complement clauses as subordinate.

In our study, we extend Thompson’s insight on English complement clauses to Finnish RCs and suggest that it is the content of the RC, and not the main clause, that participants in conversation orient to, and in that sense, RCs are not treated as subordinate.

Of all the main clauses of RCs in our data, 31% were copula clauses and 29.5% were existential clauses. Thus, 60.5% of the main clauses of RCs were of this type. In the corpus as a whole, copula clauses accounted for 12.7% of all clauses, while only 9.8% of all clauses in the corpus were existential. This means that altogether only 22.5% of all clauses in the whole Arkisyn corpus were of this type. Thus, these two clause types were overrepresented as main clauses of RCs in our data (Helasvuo, Laury & Rauma 2022: 512). Both existential clauses and copula clauses are light in terms of structure and function: they only serve to classify the referent of the head noun of the RC or locate that referent somewhere. Consider the examples below, where the main clause of (1) is a copula clause and (2), where the main clause is existential.

(1) SG123

1. *se on sellai rouva Stenberg*
Dem be.3Sg Dem-Adj Mrs Name
‘She/it is a certain Mrs Stenberg’
2. *kuka hoita-a niitä sillon ku mä oo-n poissa. (0.8)*
who.Nom take.care-3Sg Dem.PI-Part then when 1Sg be-1Sg away
‘who takes care of them when I’m away.’
3. *se on iha sekopää sellai tosi vanha mummo,*
Dem be.3Sg completely nutcase Dem.Adj really old old.lady
‘she is a total nutcase, a really old lady.’

(2) SG355

1. Jaana: *tääl ol-i ne tavara-t*
 there be-Pst.3Sg Dem.Pl thing-Pl
 ‘There were those things here’
2. *mi-tä mei-lle on tua-tu,*
 Rel-Part 1Pl-All be.3Sg bring-Pass.Ptcp
 ‘that had been brought to us’

In (1), the main clause of the RC (line 1) is a copula clause which serves to present a referent by name. The referent is then further predicated upon in the RC (line 2). In (2), the main clause (line 1) is an existential clause which sets up a locative frame where the referents (‘those things’) of the head of the RC are placed. The RC (line 2) further restricts the reference of the head.

In addition, a full 23.8% of the heads of the RCs in our data were Free NPs (Helasvuo, Laury & Rauma 2022: 511), NPs that do not have a syntactic role in any other clause (Helasvuo 2001, 2019 for Finnish; see also Ono & Thompson 1994, Tao 1996; on RCs headed by Free NPs, see Laury & Helasvuo 2015). Example (3) below has an RC with a Free NP as head. It is a direct continuation of the story Jaana has been telling in example (2). Together with her siblings, they have divided an inheritance. Here Jaana is setting up a contrast between the things that she got and those that his brother received.

(3) SG355

- Jaana: *kaikki ne mi-tä on Veiko-lla* <=
 all Dem.Pl Rel-Part be.3Sg MaleName-Ade
 ‘all those that Veikko has’
- nii nii-stä ei puhu-ttu mittää,*
 so Dem.Pl-Ela Neg talk-Pass.Ptcp Wh.Part
 ‘so no one said anything about those.’

In example (3), Jaana contrasts what she has previously told about her own share (cf. ex. 2), and does so with a free NP consisting of a head NP in the nominative case (*kaikki ne* ‘all those’) and an RC. The referent of the free NP is rementioned in line 2 with an anaphoric demonstrative *nii* in the elative case. In all, existential clauses and copula clauses and Free NPs cover over 70% of the RC constructions in the data.²

In addition, in our data, the participants in the conversations we studied tended to focus on the content of the relative clause rather than on the content expressed in

² Interestingly, Croft’s definition of RCs (see above) does not cover RCs with a Free NP as their head, since a Free NP head of an RC does not have a role in the main clause as there is no main clause.

the main clause (if there was one) in the subsequent conversation. In other words, in terms of projection, the RC was more important for the activity in the conversation than the main clause. We would like to argue that in terms of meaning and function, the RC, and its profile, was not overridden by that of the main clause, and for that reason, the majority of the RCs in our conversational data were not subordinate in terms of structure, meaning and function.

Example (4) shows how the participants in the conversation focus on the content expressed in the RCs, and not the main clauses, in the conversation which follows the RC. Consider ex. (4):

(4) SG151

1Anu: *sit siin ol-i semmone laatikko >tai< semmone kori*
 then there be-Pst.3Sg Dem.Adj box or Dem.Adj basket.Nom
 ‘then there was a box or a basket’

2 *mi-s ol-i lanka-ker-i-ä,*
 Rel-Ine be-Pst.3Sg yarn-ball-Pl-Part
 ‘where there were balls of yarn.’

3Susa: *mm,*
 mhm,

4Anu: *ja mie otin semmosen valtavan ((measuring with her hands)) l-valkosen lankavyihin*
 ‘and then I took an enormous white skein of wool’

5 *ja laitoin päähäni ja irvistin Jossulle ((making a grimace))*
 ‘and put it on top of my head and grimaced at Jossu.’

In ex. (4), there is an existential clause (line 1) which introduces a location (a box or a basket) where referents (balls of yarn) are placed in the RC (line 2). In subsequent discourse, the reference is further developed and formulated as a skein of wool. The focus is on what has been presented in the RC rather than its main clause.

In conclusion, our study of the main clauses of relative clauses in Finnish conversation shows that they tend to be light in terms of meaning, structure and function. More than half of them are existential and copula clauses merely serving to present the referent of the head noun of the relative clause. Many relative clauses in our data lack main clauses altogether: they are headed by Free NPs. The main information that the participants in conversation focus on is the matter expressed in the relative clause. In that sense, the profile of most of the main clauses of relative clauses does not override the profile of the relative clause in Finnish conversation. The main clause can be said to project the main activity in the relative clause, and the relative clauses in our data are in that sense not subordinate to the main clauses.

Data

Arkisyn. 2018. A morphosyntactically coded database of conversational Finnish. Database compiled at the University of Turku, with material from the Conversation Analysis Archive at the University of Helsinki and the Archive of Finnish and Finno-Ugric Languages at the University of Turku. Department of Finnish and Finno-Ugric Languages, University of Turku. <https://www.kielipankki.fi/language-bank/>

References

- Andrews A. 2007. Relative clauses. In: T. Shopen (ed.). *Language Typology and Syntactic Description: Clause Structure*. Cambridge: Cambridge University Press, 206–236.
- Comrie B., Kuteva T. 2013. Relativization on subjects. In: M.S. Dryer and M. Haspelmath (eds.). *The World Atlas of Language Structures online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. (<http://wals.info/chapter/122>, 19.2.2021.)
- Couper-Kuhlen E., Selting M. 2018. *Interactional Linguistics: Studying language in social interaction*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Croft W. 2022. *Morphosyntax. Constructions of the World's Languages*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Helasvuo M.-L. 2001. *Syntax in the Making*. Amsterdam: John Benjamins.
- Helasvuo M.-L. 2019. Free NPs as units. In: T. Ono, R. Laury and R. Suzuki (eds.). On the notion of unit in the study of human languages. Special issue. *Studies in Language*, v. 43, n. 1, 301–328.
- Helasvuo M.-L., Laury R., Rauma J. 2022. Relatiivilauseet arkikeskustelussa [Relative clauses in everyday conversation]. *Virittäjä*, v. 126, n. 4, 505–535.
- Helasvuo M.-L., Laury R. Forthcoming. Insubordinate relative clauses in Finnish — old and new. Accepted for publication in *ESUKA/JEFUL*.
- Keenan E., Comrie. B. 1977. Noun phrase accessibility and universal grammar. *Linguistic Inquiry*, v. 8, n. 1, 63–99.
- Langacker R. 1991. *Foundations of Cognitive Grammar. Vol. II: Descriptive Application*. Stanford: Stanford University Press.
- Laury R., Helasvuo M.-L. 2016. Detached NPs with relative clauses in Finnish conversations. In: M.M.J. Fernandez-Vest and R. Van Valin (eds.). *Information Structuring in Spoken Language from a Crosslinguistic Perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter, 149–166.
- Ono T., Thompson S. A. 1994. Unattached NPs in English conversation. *Proceedings of the 20th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*, 402–419.
- Selting M. & Couper-Kuhlen E. (eds.) 2001. *Studies in Interactional Linguistics*. Amsterdam: Benjamins.
- Talmy, L. 1978. Figure and ground in complex sentences. In: J. H. Greenberg, C. A. Ferguson and E. Moravcsik (eds.). *Universals of Human Language*, v. IV, *Syntax*. Stanford: Stanford University Press, 625–652.

- Tao Hongyin. 1996. *Units in Mandarin conversation: Prosody, Discourse and Grammar*. Amsterdam: John Benjamins.
- Thompson S. A. 2002. "Object complements" and conversation: Towards a realistic account. *Studies in Language*, v. 26, n. 1, 125–164.

МАШИННЫЙ ПЕРЕВОД СВЯЗНЫХ ТЕКСТОВ: ОЦЕНКА КАЧЕСТВА И ПРОБЛЕМЫ

Н.В. Лукашевич

МГУ имени М.В. Ломоносова

louk_nat@mail.ru

Введение

Современный машинный перевод достиг значительного прогресса, в ряде работ указывается, что оценка качества перевода автоматическими системами уже достигла качества профессионального перевода (Hassan et al., 2018). Однако такие высокие оценки касаются только переводов в рамках отдельных предложений. При экспертной оценке качества перевода текста в целом, человеческий перевод получает значительно более высокие оценки (Laubli et al., 2018).

Это связано с тем, что подавляющее число современных систем машинного перевода переводят текст по отдельным предложениям. В результате не учитываются различные механизмы связности текста, и переводы в различных предложениях могут не соответствовать друг другу.

В данной статье мы представим краткие описания недавних экспериментов, в которых качество машинного перевода сравнивалось с человеческим, а также наиболее частые проблемы перевода на уровне текста.

Эксперименты, оценивающие близость машинного перевода к профессиональному

В работе Hassan et al. 2018 была поставлена экспериментальная задача оценить качество китайско-английского машинного перевода новостных текстов и сравнить с профессиональными переводами этих же данных. Для оценки качества перевода оценщикам, владеющим и китайским, и английским языками, выдавались тексты на исходном и целевом языке. Оценщики не являлись профессиональными переводчиками, а были собраны через систему краудсорсинга (краудсорсеры), при этом обеспечивались проверки компетентности оценщиков в обоих языках.

Оценщиками предъявлялись отдельные предложения, и они должны были ответить на вопрос: «Как точно переводной текст передает смысл исходного текста» по шкале от 0 (совсем не передает) до 100 (полностью передает).

Каждое предложение оценивалось тремя оценщиками. В результате экспериментов авторы сделали вывод, что переводы, сделанные предложенной системой машинного перевода, получили оценки, сравнимые с оценками профессиональных переводов, качество переводов человека и компьютера статистически не отличимо.

В исследовании Laubli et al. 2018 сравнение результатов машинного и автоматического перевода было продолжено: в частности, проводилась оценка качества перевода не только для отдельных предложений, но и для текста в целом.

Оценщикам предлагалось два перевода (профессиональный и автоматический), оценщик должен был выбрать, какой перевод ему нравится больше. В эксперименте оценщики должны были оценить переводы по двум параметрам: *adequacy* (адекватность) и *fluency* (качество текста). При оценке адекватности оценщики видели исходный текст и его переводы и должны были ответить на вопрос: какой перевод передает смысл текста более адекватно. При оценке качества текста оценщики видели только переводы и оценивали, в каком тексте лучше качество английского языка. В качестве оценщиков выступали профессиональные переводчики с опытом по крайней мере трехлетней переводческой деятельности. Оценщики оценивали целые документы и отдельные предложения в случайном порядке. Для оценки использовались данные, опубликованные в вышеупомянутой работе Hassan et al. 2018, что позволяет сопоставлять результаты двух исследований.

В результате оценки были сделаны следующие выводы. Адекватность перевода отдельных предложений профессионального и машинного перевода оказалась сравнимой, как и в предыдущем эксперименте Hassan et al. 2018. Однако при переводе текстов в целом оценщики отдавали явный приоритет человеческому переводу. При оценке качества текста (*fluency*) оценщики ставили более высокие оценки человеческому переводу как на уровне предложения, так и на уровне текста. Эти выводы были подтверждены статистическими тестами.

Сравнительные исследования были продолжены в работе Freitag M. et al. 2021. Были рассмотрены две пары языков: англо-немецкий перевод и китайско-английский перевод. В качестве участников тестирования были взяты лучшие системы машинного перевода с тестирования WMT (World Machine Translation), а также две онлайн-системы перевода. По результатам тестирования было показано, что все-таки утверждения работы Hassan et al. 2018 не подтверждаются: для обеих пар перевода и всех применяемых оценок человеческий перевод получил более высокие оценки. В частности, это было объяснено тем, что в данном исследовании оценщиками служили профессиональные переводчики, а не краудсорсеры, что позволило точнее оценить качество перевода.

Проблемы машинного перевода в переводе полных текстов

Как известно, неотъемлемой характеристикой связного текста является когезия – связь между языковыми выражениями в разных частях текста, которая соединяет их в единое целое. Когезия может быть подразделена на несколько подвидов: когезия на основе дискурсивных маркеров (союзов, союзных слов), когезия на основе референции (Kibrik 2011), эллипсис, лексическая связность (Halliday, Hasan 1976). Именно последние три явления и представляют наиболее частые проблемы при переходе машинного перевода с уровня предложения на уровень текста.

В работе Voita et al. 2019 авторы собрали специальный корпус и разметили ошибки машинного перевода на уровне текста. Было выявлено, что такие проблемы связаны в основном с тремя явлениями связности текста: дейксисом, эллипсисом и лексической связностью.

Дейксис — это референциальные выражения, интерпретация которых зависит от контекста. Наиболее частой проблемой стал перевод личных местоимений, например, в переводе на русский язык может получиться непоследовательный перевод «ты-вы»:

(1) EN: *We haven't really spoken much since your return. Tell me, what's on your mind these days?*

RU: *Мы не разговаривали с тех пор, как вы вернулись. Скажи мне, что у тебя на уме в последнее время?*

Эллипсис представляет собой пропуск в предложении одного или нескольких слов, которые могут быть восстановлены из контекста. Проблема с переводом эллиптических конструкций связана, во-первых, с необходимостью воспроизвести пропущенные слова из контекста, если в целевом языке не разрешается эллипсис такого рода. Во-вторых, пропущенная конструкция может влиять на синтаксис остального предложения, например, на окончания существительного в русском языке.

(2) EN: *You call her your friend but have you been to her home? Her work?*

RU: *Ты называешь её своей подругой, но ты был у неё дома? Её работа?*

Лексическая связность, в частности, подразумевает, что если для некоторого слова или имени возможны несколько переводов, то нужно переводить одинаково, а при машинном переводе часто возникает непоследовательность с переводом имен. Например, перевод на русский язык может получиться таким:

(3) EN: *Not for Julia. Julia has a taste for taunting her victims.*

RU: *Не для Джулии. Юлия умеет дразнить своих жертв.*

В работе Voita et al. 2019 также указывается, что современные автоматические метрики качества машинного перевода не чувствительны к таким проблемам, поскольку их доля в текстах относительно низкая. Однако, понятно, что появление хотя бы одной такой неточности в тексте сразу снижает оценку качества перевода для человека.

Заключение

В последние годы качество машинного перевода значительно улучшилось, что позволило ставить вопрос, насколько качество перевода деловой прозы приблизилось к качеству профессионального перевода. В ряде работ были сделаны утверждения о сравнимости качества машинного и профессионального перевода. Если при некоторых условиях такая сравнимость возможна при переводе отдельных предложений, то при переводе целых текстов есть еще много проблем, которые разработчики систем машинного перевода должны научиться преодолевать. В подавляющем числе случаев эти проблемы связаны с таким свойством текстов как когезия.

Литература

- Freitag M. et al. 2021. Experts, errors, and context: A large-scale study of human evaluation for machine translation. *Transactions of the Association for Computational Linguistics*, v. 9, 1460–1474.
- Halliday M.A.K., & Hasan R. 1976. *Cohesion in English*. English Language Series. London: Longman.
- Hassan H. et al. 2018. *Achieving human parity on automatic chinese to english news translation*. arXiv preprint arXiv:1803.05567.
- Kibrik A.A. 2011. *Reference in discourse*. Oxford: Oxford University Press.
- Läubli S., Sennrich R., Volk M. 2018. Has Machine Translation Achieved Human Parity? A Case for Document-level Evaluation. In: *Proceedings of the 2018 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*. Stroudsburg, PA: Association for Computational Linguistics, 4791–4796.
- Voita E., Sennrich R., Titov I. 2019. When a Good Translation is Wrong in Context: Context-Aware Machine Translation Improves on Deixis, Ellipsis, and Lexical Cohesion. In: *Proceedings of the 57th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. Proceedings of the Conference*. Stroudsburg, PA: Association for Computational Linguistics, 1198–1212.

ОПЫТ ДИСКУРСИВНОЙ РАЗМЕТКИ КОРПУСА БЕСПИСЬМЕННОГО ЯЗЫКА КУЛЛУИ

Ю.В. Мазурова

Институт языкознания РАН
mazurova.julia@iling-ran.ru

Андрей Александрович Кибрик не был непосредственным руководителем моих научных исследований, однако я с начала своей научной деятельности работаю под его руководством в Институте языкознания — сначала в группе «Языки мира», потом в секторе ареальной лингвистики. Андрей Александрович никогда не учил меня чему-то напрямую (за исключением курса «Языки мира» на третьем, кажется, курсе), но из его книг, статей, выступлений, совместной работы над разными проектами и особенно из неформальных обсуждений всего и вся я усвоила важные для себя идеи, которые потом (иногда неожиданным образом) воплотились в моих собственных исследованиях. Я научилась у Андрея Александровича очень многому как в научном смысле, так и в человеческом, за что я ему безмерно благодарна.

В этой небольшой статье речь пойдёт о звуковом корпусе устных текстов на малом индоарийском языке куллуи, распространённом в штате Химачал-Прадеш, Индия. Корпус создан на основе полевых материалов, собранных сотрудниками Института языкознания РАН и Института востоковедения РАН Ю.В. Мазуровой, Е.А. Ренковской и А.С. Крыловой в ходе экспедиций в округ Куллу с 2014 по 2018 г. (Мазурова 2018) Подробная информация об исследовании, сам устный корпус и записанные тексты доступны на сайте проекта¹.

Значение работы «Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса» под редакцией А.А. Кибрика и В.И. Подлесской выходит далеко за рамки частной задачи, с которой она начиналась. Как отмечают и сами авторы, «разработанные здесь принципы достаточно легко переносятся на материал других языков» (Кибрик, Подлесская 2009: 550) Фундаментальные выводы, к которым приходят авторы, оказываются чрезвычайно актуальными и для такой достаточно далеко отстоящей сферы как документация малых бесписьменных языков (Кибрик, Майсак 2021: 30–32).

¹ <http://pahari-languages.ru>. Дата обращения 20.03.2023

Теоретические и методологические рамки, взятые за основу в этом исследовании (Кибрик, Подлеская 2009: 31), оказались очень полезны для решения задач документации языка. Это четыре основных тезиса: 1) признание приоритета и центральности устной формы языка; 2) ориентация на корпусный метод сбора и анализа данных; 3) необходимость дискурсивной транскрипции как инструмента репрезентации устных корпусных данных; 4) когнитивный теоретический подход. В этой статье мы на конкретных примерах разберём прикладное значение этих тезисов применительно к устному корпусу языка куллуи.

Что касается первого тезиса, то для куллуи устная форма является не приоритетной, а вообще единственной формой существования языка. Те немногие примеры записи куллуи и других малых языков химачали письмом деванагари в местных студенческих журналах, которые мы находили во время экспедиций в Химачал-Прадеш, а также переводы Библии на некоторые языки этой группы являются проявлениями очень периферийного языкового активизма, но никак не влияют на бытование языка в целом. Специальное письмо танкри (Ренковская, Крылова 2021) для языков химачали вышло из употребления ещё в середине XX в., но и тогда оно использовалось весьма ограниченно.

Из этого следует и очевидность второго тезиса: полноценно описывать грамматику куллуи на современном уровне можно только на основе собранного и размеченного корпуса устных текстов и анкет, как отмечено в (Renkovskaya et al. 2020: 155). Наш корпус состоит из двух частей — естественных текстов и элицированных грамматических анкет, необходимых для изучения отдельных грамматических явлений. В корпусе имеется техническая возможность при поиске выбрать один из этих подкорпусов. В этой статье речь будет идти только о подкорпусе естественных текстов — это записанные в ходе экспедиций рассказы носителей языка о жизни, о своей деревне, традициях, праздниках и местных преданиях.

Главный рассматриваемый в этой статье тезис — необходимость дискурсивной разметки в корпусе. На самом деле это не так очевидно, и мы далеко не сразу пришли к пониманию такой необходимости.

Поскольку мы первые начали изучать куллуи на современном научном уровне, перед нами стояли базовые задачи — изучение фонетики и фонологии, разработка транскрипции, сбор словаря, описание основных морфологических и синтаксических явлений. Однако невозможно изучить более низкие уровни языка без обращения к более высоким. Невозможно построить фонологию без обращения к значению морфем. Точно так же нельзя разобраться в грамматических явлениях, не обращаясь в тех или иных случаях к суперсегментной и дискурсивной структуре текста в целом. В конце концов стала очевидна необходимость какой-то систематической разметки этих явлений в корпусе.

Если для транскрипции и морфологической разметки в отечественных корпусных проектах по документации уже сложился некий общепринятый узус правил глоссирования, поиска и т. п., то для разметки других языковых уровней такого пока не наблюдается². При создании корпуса устных текстов возникают определённые практические вопросы: разбиение на клаузы, внутреннее членение предложения на группы, обозначение интонации, отношения говорящего к высказыванию. Все эти вопросы тесно связаны с сегментацией, а также с просодической и суперсегментной организацией текста.

В отечественных корпусных исследованиях пока не сложилось общепринятых решений по поводу суперсегментной разметки в корпусах: в каждом проекте выбирается то, что необходимо для конкретных исследовательских задач. Не претендуя на исчерпывающее исследование этого вопроса, перечислю основные возможности, представленные в наиболее известных и разработанных устных корпусах, представленных на сайтах «Международная лаборатория языковой конвергенции НИУ ВШЭ»³, «Малые языки России»⁴, «Устный корпус осетинского языка»⁵. Для языков с письменной традицией или диалектов таких языков в устных текстах ожидаемо используется пунктуация (осетинский, бесермянский, хакасский, башкирский, луговой марийский, муиринский даргинский, кадарский даргинский, эвенкийский). Для некоторых языков используются только точки, а сегментация на более мелкие единицы идёт просто по строчкам (кетский, ительменский). В корпусе лугового марийского есть элемент, обозначающий речевой сбой (=), но он используется окказионально, наряду с запятой и многоточием в том же смысле.

В корпусе куллуи мы приняли решение использовать не пунктуацию, а адаптированные элементы дискурсивной разметки, подробно разработанные в (Кибрик, Подлеская 2009). Куллуи — язык бесписьменный, поэтому никакой пунктуационной нормы там, разумеется, нет, а привносить в куллуи пунктуацию из родного нам русского языка — возможное, но не самое удачное решение, так как в русском языке знаки препинания, особенно запятая, слишком многозначны. Из знаков пунктуации мы используем только точку, вопросительный и восклицательный знаки.

² В статье речь идёт только об устных корпусах малых языков: разумеется, есть корпуса, которые создаются именно для изучения дискурсивных и других явлений, и в них используется специально разработанная для этих целей разметка.

³ <https://ilcl.hse.ru/corpora>, http://lingconlab.ru/resources_ru.html. Дата обращения 20.03.2023.

⁴ <https://minlang.iling-ran.ru/corpora>. Дата обращения 20.03.2023.

⁵ <https://www.ossetic-studies.org/ru/texts>. Дата обращения 20.03.2023.

Для текущих исследовательских задач оказались важны следующие типы суперсегментной разметки: 1) паузы, 2) интонация, 3) речевые сбои, 4) переключение на другой язык, 5) смех, 6) неясные фрагменты.

Дискурсивная разметка в корпусе куллуи

	Пауза (длина паузы соответствует количеству палочек — от одной до трёх)
/	Восходящая интонация
\	Нисходящая интонация
?	Вопросительная интонация
!	Восклицательная интонация
=	Обрыв слова или фразы
[]	Переключение кода
<laugh>	Смех
<...>	Неразборчивый фрагмент

В примере (1) представлены следующие виды дискурсивной разметки: пауза, восходящая интонация и обрыв слова:

- (1) *dzebe ase skul-a-b dza-a thi na |*
 когда 1Pl.Dir школа-Obl-Acc/Dat идти-Ger\Ipfv Cop.Pst Disc
bəɽ-a / mədza la = vtʃʰa lag-a thi dzeŋd-a .
 очень-М удовольствие *** хорошо казаться-Ger\Ipfv Cop.Pst такой-М
 ‘Когда мы ходили в школу, нам очень нравилось’.

Дискурсивный показатель *na* ‘не так ли’ омонимичен показателю отрицания, однако пауза после *na* снимает синтаксическую неоднозначность, показывая, что интонационно *na* примыкает к первой синтагме. Знак = показывает, что элемент «*la*» является не отдельным словом, а исправлением конструкции: вместо «*mədza laga*» (такого выражения не существует) говорящий выбрал простое и стандартное выражение «*vtʃʰa laga*». Восходящая же интонация после *bəɽa* вероятнее всего как раз отражает сомнения информанта в выборе дальнейшей конструкции.

В данном случае разметка позволяет нам правильно отгоссировать и перевести пример — без обращения к суперсегментному уровню этого нельзя сделать. Разумеется, при обработке текстов мы сами переслушиваем аудиозапись и принимаем во внимание паузы и интонацию, однако эксплицитная разметка позволяет потом пользоваться и перепроверять те или иные решения, а не полагаться на то, что исследователь услышал и понял в конкретный момент времени, опираясь на свою интуицию.

Довольно частым случаем, где встречаются речевые сбои, является выбор падежа местоимения. В куллуи есть два основных случая, когда говорящему нужно выбрать либо прямой, либо косвенный падеж. Во-первых, это дифференцированное оформление прямого объекта в зависимости от его референциального статуса. Второй случай — это выбор между номинативной и эргативной конструкцией. В примере (2) речевой сбой происходит, когда говорящему нужно выбрать падеж одного и того же местоимения ‘он’ сначала в номинативной (с непереходным глаголом ‘уходить’), а потом в эргативной (с переходным глаголом ‘класть’) конструкции. Носительница языка несколько раз повторяет местоимения в разных падежах, меняя свой изначальный выбор конструкции:

- (2) *tebe teie bol-u ki vtsʰa haɪ a-u*
 тогда 3Sg.M.Dist.Erg говорить-Pfv.Sg.M что хорошо 1Sg приходиться-Pfv.Sg.M
tə teie = sɔ =
 и 3Sg.M.Dist.Erg 3Sg.Dist.Dir
sɔ nɔʰ-a tɔkʰe-nə
 3Sg.Dist.Dir идти-Pfv.Sg.M там-ABL
tə teie newle age dʌh-u
 и 3Sg.M.Dist.Erg мангуст-OBL APUD класть-PFV.SG.M
apɲa beʃ-a her-ŋ-e-r-i tēje.
 свой-M сын-Dir.M смотреть-Inf-Obl-Gen-F для
 ‘Он сказал: «Хорошо, я пойду», он ушел, он положил сына рядом с мангустом, чтобы тот присматривал’.

Записанный без дискурсивных помет текст может оказаться двумя разными клаузами или содержать повтор, ошибку и самоисправление. Бывает, что носитель начинает фразу, имея в виду одно, а потом меняет своё речевое намерение. Если для грамматики учитывать только сегментный уровень, то там встретится много неясных примеров, противоречащих друг другу. При этом надо помнить, что на данный момент собранный корпус — это всё, что у нас есть, нет никакого «нормированного» языка или «квалифицированного» носителя, к которому мы могли бы обратиться за подтверждением или уточнением правильности примера. Более того, языками-посредниками (английским и хинди) носители куллуи зачастую владеют только на разговорном уровне, а концепция точного перевода с одного языка на другой им совсем не так очевидна, как хотелось бы нам, исследователям. Поэтому полностью полагаться на перевод, данный во время расшифровки, нельзя: он может быть неточным, и его нужно перепроверять во время обработки. Таким образом, анализ грамматики неизбежно влечёт анализ дискурсивной структуры текста.

Приходится делать попытки заглянуть в голову носителю и понять, что он имел в виду, когда произносил фразу. Это и есть практически ориентированный когнитивный анализ дискурса.

Исследование дискурсивных явлений в корпусе куллуи на данный момент — это вспомогательная задача для описания грамматики этого языка. Глубокий анализ и описание дискурса в куллуи — дело будущего. Однако, как показывает наш опыт, некоторые предварительные дискурсивные исследования и систематическая разметка корпуса совершенно необходимы для адекватного описания более базовых уровней — морфологии и синтаксиса.

Л и т е р а т у р а

- Кибрик А.А., Майсак Т.А. 2021. Правила дискурсивной транскрипции для описательных и документационных исследований. *Rhema. Рема*, № 2, 23–45.
- Кибрик А.А., Подлеская В.И. (ред.) 2009. *Рассказы о свидениях: корпусное исследование устного русского дискурса*. М.: Языки славянских культур.
- Мазурова Ю.В. 2018. Малые индоарийские языки Северной Индии: язык куллуи. *Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки*, № 4, 82–91.
- Ренковская Е.А., Крылова А.С. 2021. Манускрипты на танкри из коллекции Кхубрама Кхушдиля (Химачал Прадеш, Индия): первые результаты работы с текстами. В кн.: *Российские исследования Гималаев и Тибета 2021 — природа и культура* (материалы конференции, Санкт-Петербург, 23-24 ноября 2021 года). СПб: Европейский дом, 40–41.
- Renkovskaya E., Krylova A., Mazurova J. 2020. Documentation of Himachali Pahari languages as a step towards language maintenance. In: B.K. Joshi, P. Pokharel Madhav, P. Joshi Maheshwar (eds.). *Language Endangerment and Language Revitalization in Himalaya* (Proceedings of the International Seminar on Endangered Languages of Himalaya, Almora 2018). Dehradun: Doon Library and Research Centre, 149–156.

МОЛЛА НАСРЕДДИН И МОДУСЫ ДИСКУРСА

Т.А. Майсак

Институт языкознания РАН, НИУ «Высшая школа экономики»
timur.maisak@gmail.com

В статье А.А. Кибрика о параметрах классификации дискурсов (Кибрик 2009), которую, как мне представляется, с полным основанием можно назвать программной, среди прочего приводятся два примера исследования языковых различий между устным и письменным дискурсом при совпадении содержания. В обоих случаях анализировались рассказы, которые сначала были записаны в устной форме, а затем изложены тем же человеком письменно; в одном случае это был рассказ на языке навахо атабаскской семьи, в другом — несколько историй из жизни, рассказанных носителями русского языка. Отмечалось, в частности, что в письменных вариантах изложения использовалось меньше предикаций (клауз), чем в устных, при этом предложения были длиннее; в письменном дискурсе содержалось существенно больше ИГ (в том числе «тяжелых») и различных типов зависимых предикаций, тогда как в устном оказалось больше частиц и дискурсивных маркеров (Кибрик 2009: 8–9, 16–18).

Работая с дагестанскими языками, я давно думал о том, что было бы интересно сравнить устное и письменное изложение одного и того же сюжета, и настоящая статья посвящена как раз такому сравнению, хотя и с некоторыми оговорками. Ниже я сопоставляю устный и письменный варианты популярного анекдота о Молле Насреддине, изложенного на агульском языке (лезгинская группа нахско-дагестанской семьи). Цель сопоставления — проверить, какие языковые различия между устным и письменным модусом дискурса можно обнаружить, пусть даже на примере очень небольшого текста. Поскольку объем каждого из двух вариантов изложения составляет менее десяти предложений, здесь можно говорить даже не о мини-, а лишь о микроисследовании. Тем не менее, как я покажу ниже, некоторые различия между двумя модусами можно заметить даже на таком ограниченном материале.

По сравнению с упомянутыми выше исследованиями устных и письменных дискурсов в навахо и в русском языке мое микроисследование имеет ряд отличий. Два сравниваемых текста порождены разными людьми и, более того, представляют два разных говора агульского языка. Устный вариант заимствован из (пока не опубликованного) Устного корпуса агульского языка,

собранного Д.С. Ганенковым, С.Р. Мердановой и мной в 2004—2008 гг. в агульских селах Агульского и Курахского районов Дагестана. Текст № 120 «Как Малла Насреддин насмешил людей» записан в 2008 г. в с. Хпюк (рассказчик — Муталиб Курбанович Гусейнов, 1932 г.р.) и представляет одноаульный хпюкский диалект¹. Расшифровка аудиозаписи не подвергалась никакой стилистической или иной обработке. Отмечу, что выделение данного фрагмента именно как «текста» связано с тем, что в нем излагается отдельный сюжет. Однако сам по себе этот фрагмент входит в большую последовательность рассказов, записанных у М.К. Гусейнова в рамках одной сессии. В частности, тексту № 120 предшествовало несколько сказок и несколько других сюжетов о Молле Насреддине. Этим объясняется тот факт, что изложение начинается как будто бы «не с начала» (первая фраза — «Люди ему сказали...») — не содержит полного именованного героя, поскольку он тот же, что в предшествующем рассказе).

Письменный вариант заимствован из книги Мазанаев, Базиева 2014: 210–211, сборника агульского фольклора (текст дан там без русского перевода). Он записан на тпигском говоре, который является и основой агульского литературного языка. По сравнению с устным вариантом, в этом тексте имеется вступление, в котором говорится о событиях, предшествовавших основному случаю (а именно, о том, как Молла Насреддин нарубил в лесу дрова и сварил себе хинкал), а также заключение, в котором повествуется о последующем развитии сюжета. Ниже мы анализируем только ту часть, которая соответствует событиям из устного варианта.

Излагаемый в двух текстах анекдот о Молле (Малле) Насреддине — как кажется, один из наиболее известных. В этом анекдоте односельчане, опасаясь, что Молла Насреддин пойдет на похороны вместе со всеми и начнет вести себя там неадекватно, просят его не ходить на кладбище на этот раз, обещая ему дать за это по мерке зерна. Однако Молла Насреддин, не вытерпев, приходит с пустыми мешками на кладбище, чтобы получить обещанное зерно, пока все находятся в одном месте. Это вызывает смех у его односельчан. В некоторых аспектах изложение различается: например, после обещания Моллы не ходить на кладбище в устном тексте говорится о похоронах, тогда как в письменном — о том, что Молла делал дома. Естественно, различия между двумя текстами связаны и с собственно диалектными различиями в морфологии двух говоров: так, форма аориста (прошедшего перфективного) в хпюкском имеет суффикс *-ne*, а в тпигском *-naj*, инфинитив глагола ‘давать’ в хпюкском выглядит как *ic'as*, а в тпигском как *jis* и т. п. От такого рода различий я в дальнейшем отвлекаюсь.

¹ О диалектной системе агульского языка см. подробнее Майсак 2014: 375–378.

Суммирую те различия между устным, спонтанным изложением анекдота и подготовленной, письменной его версией, которые связаны именно с различным лингвистическим представлением одного и того же сюжета.

Количество предложений и предикаций (клауз). В устном тексте больше число предложений (9), чем в письменном (7). Также в устном тексте больше число предикаций (17), чем в письменном (15).

Длина предикаций. В устном тексте среднее число слов на предикацию составляет 4,2 (от 1 до 9 слов), тогда как в письменном среднее число слов на предикацию составляет 3,7 (от 2 до 6 слов).

Полные ИГ. В устном тексте 16 полных (неместоименных) ИГ, в том числе две достаточно тяжелых, с модификацией причастной клаузой, ср. [*midanan iže gunt' xu*] *žiğa* 'место, в котором настолько хорошо собрались' и [*čün ic'ase punde*] *q'ur* 'зерно, про которое вы говорили, что дадите'. В письменном тексте 12 полных ИГ, содержащих причастные определения среди них нет. Интересно, что в устном тексте главный герой лишь один раз обозначен собственно как 'Молла Насреддин' (в письменном тексте — дважды); однако здесь не надо забывать, что оба текста по сути представляют собой фрагменты больших по объему рассказов с этим персонажем.

Местоимения и нулевая анафора. В обоих текстах активно используются личные (1-е и 2-е лицо) и указательные местоимения (для референции к 3-му лицу). В агульском четырехчастная система демонстративов, в обоих рассказах использовано только две из четырех основ. В устном тексте для референции к главным героям демонстративы использованы трижды: ближний демонстратив *te* — по отношению к Молле (1 раз) и дальний *ge* — по отношению к сельчанам (2 раза). В письменном тексте *te* использован по отношению к Молле 3 раза, *ge* — 1 раз по отношению к сельчанам и 1 раз по отношению к вещам, которые Молла взял на кладбище.

Зависимые клаузы. В устном тексте, как упомянуто выше, использованы две модифицирующие причастные клаузы; в письменном тексте таких определений нет. Помимо этого, в обоих текстах имеется по две зависимых клаузы с перфективными деепричастиями, выражающими предшествование, и по одной зависимой клаузе с имперфективным/стативным деепричастием, выражающим одновременность. Имеется также случай, когда в одном и том же контексте в устном тексте использована финитная конструкция ('Ты нас сегодня не смеси...'), тогда как в письменном — зависимое с условным конвентом ('Сегодня, если ты с нами не пойдёшь...').

Частицы и дискурсивные показатели. В устном тексте имеется заимствованная гортативная частица *dawaj* и императивное междометие *ta* 'на, возьми', используемое в функции привлечения внимания адресата. Вообще, фраза 8 устного текста ('Ну вот, попробуй тут не засмейся') представляет со-

бой яркий пример внесения рассказчиком оценочного компонента в нарративную последовательность. Другое характерное именно для спонтанного дискурса явление — использование во фразе 4.1 из устного текста слова-заместителя *fit:is* ‘в это самое’, букв. ‘во что’ (местоимение ‘что’ в дативе). Здесь вопросительное слово использовано в функции маркера препаративной подстановки, временно замещающего выражение, для которого говорящий в данный момент не находит вербализации (в 4.2 эта вербализация уже порождается, ср. *naq'varildi* ‘на кладбище’). В агульском языке конвенциональными средствами препаративной подстановки являются именно вопросительные местоимения (Ganekov et al. 2010); о важности учета подобных единиц при транскрибировании устного дискурса см. (Кибрик, Майсак 2021: 38–39).

Прочие различия. Можно отметить, что, помимо частицы *dawaj*, в устном тексте имеются и другие русизмы (*sa avtoritetnyj*, *pocetnyj kas* ‘один очень уважаемый человек’ в 1.2). Также бросается в глаза непоследовательность выбора глагольных форм в основной линии нарратива: если в письменном тексте в роли вершины финитных нарративных клауз 9 раз использован аорист, то в устном 5 раз использован перфект (выражающий косвенную засвидетельствованность), 2 раза сочетание аориста с показателем заглазости *vaj* ‘говорят’ и по 1 разу аорист и презенс. Подобное «смешение» стратегий в целом характерно для агульских устных нарративов и, несомненно, отражает спонтанность порождения дискурса.

Таким образом, рассмотренные тексты демонстрируют такие из ожидаемых различий устного и письменного модусов, как большее число предложений и клауз в устном тексте, наличие в нем императивных частиц и междометий, оценочных компонентов, а также явления препаративной подстановки. Сюда же можно отнести и «смешанное» оформление основной линии нарратива с точки зрения выбора глагольных форм. Такие явления, как длина клаузы в словах, наличие полных ИГ и зависимых клауз, использование анафорических средств, не противопоставляют в явном виде устный и письменный варианты или даже противопоставляют их «не в пользу» устного (например, с точки зрения наличия причастных определений). Безусловно, ряд решений и подсчетов носит предварительный характер; кроме того, нельзя не принимать во внимание тот факт, что оба текста имеют очень небольшой объем, не полностью идентичны по содержанию и представляют разные говоры. Тем не менее, с определенными оговорками и на примере агульского языка мы видим, что «младописьменный язык, который не мог “успеть” выработать специальные конвенции для письменного модуса, немедленно развивает те же особенности, что и языки с длительной письменной традицией» (Кибрик 2009: 9).

Дополнительные материалы. Полностью тексты, рассматриваемые в статье, в глоссированном виде доступны по ссылке: <https://tinyurl.com/rz33hm9u>.

Литература

- Кибрик А.А. 2009. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов. *Вопросы языкознания*, № 2, 3–21.
- Кибрик А.А., Майсак Т.А. 2021. Правила дискурсивной транскрипции для описательных и документационных исследований. *Rhema. Рема*, № 2, 23–45.
- Мазанаев Ш.А., Базиева З.М. 2014. *Агульский фольклор (от устного народного творчества — к литературе)*. Махачкала: ДГУ; ИЯЛИ ДНЦ РАН.
- Майсак Т.А. 2014. *Агульские тексты 1900–1960-х годов*. М.: Academia.
- Ganenkov D., Lander Yu., Maisak T. 2010. From interrogatives to placeholders in Udi and Agul spontaneous narratives. In: N. Amiridze, B.H. Davis, M. Maclagan (eds.). *Fillers, pauses, and placeholders*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 95–118.

ОДНА ПОУЧИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ О ЯЗЫКОВОМ МНОГООБРАЗИИ

В.И. Подлеская

Институт языкознания РАН
verapodlesskaya@gmail.com

Чествуемый юбиляр — несгибаемый борец с ригидностью языковых моделей. Поэтому мне показалось уместным привести здесь небольшой очерк об одном дискурсивном маркере, который плохо вписывается в существующие жесткие классификации.

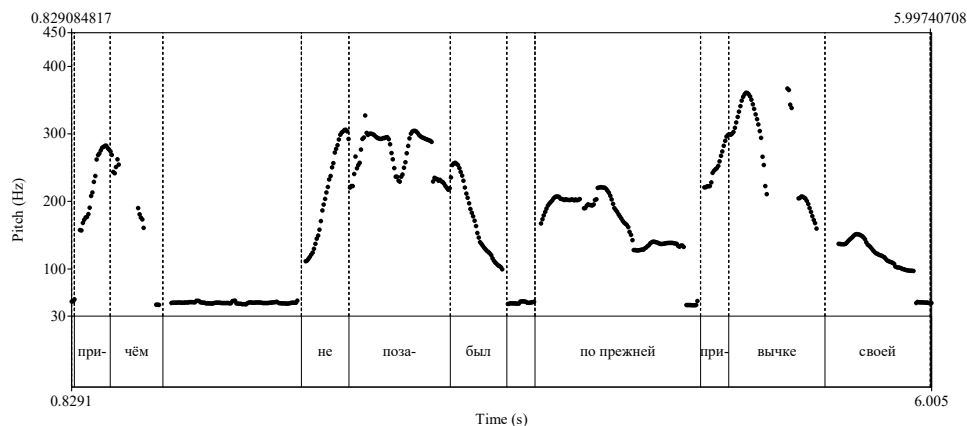
1. Постановка задачи

Речь пойдет о русском коннекторе ПРИЧЕМ. Прежде всего, не до конца определен его частеречный статус. В РГ-80 он осторожно именуется «союзным аналогом», см. РГ-80, Т.2, § 3151. И действительно, в его свойствах много общего не с союзами, а союзными наречиями, восходящими к сочетанию предлога и местоимения, легко осуществляющими связь не только между единичными клаузами, но и между протяженными фрагментами дискурса. Более того, ПРИЧЕМ обладает и присущей в большей степени союзным наречиям, чем союзам, способностью употребляться просодически автономно — может не только наделяться собственным фразовым акцентом, но и произноситься с нисходящим тоном, свидетельствующем о просодической завершенности. Так, знаменитый артист Б.А.Бабочкин читая следующий фрагмент из гоголевского «Вия» произносит ПРИЧЁМ с выраженным восклицанием — с резким подъемом тона на предупредительном слоге и столь же резким падением на ударном — по типу ИК2 в терминах интонационных конструкций (Брызгунова 1982). После ПРИЧЕМ следует длительная пауза:

(1) *{пошел спрятаться в самое отдаленное место в бурьяне.} Причем не позабыл / по прежней привычке своей / утащить старую подошву от сапога / валяющуюся на лавке. [Н.В. Гоголь. Вий (исп. Б.А. Бабочкин) (1841, 1961)]¹*

¹ Примеры приводятся в той графической форме, в какой она дана в НКРЯ, при необходимости приводится также просодическая транскрипция части примера с раз-

\Причём!,
 (0.83
 не \позабыл,
 (0.17)
 по прежней /привычке своей,

Неясно также, является ли конструкция с ПРИЧЕМ сочинительной и подчинительной. Против сочинения говорит, например, тот факт, что ПРИЧЕМ может сдвигаться в середину или конец «своей» клаузы):

- (2) [Вадим Тихомиров, муж, журналист] *Я не могу оторваться/ когда сорок минут после этого зал не уходит и все аплодируют.*
 [Станислав Садальский, муж, 57, 1951, актёр] *Да/ стоя причём.* [Станислав Садальский, Вадим Тихомиров. Беседа В. Тихомирова со С. Садальским в студии радиостанции «Маяк» (2008)]

С другой стороны, такое требование к подчиненной клаузе, как способность перемещаться относительно главной клаузы, для клаузы с ПРИЧЕМ не выполняется — она не может выдвигаться в препозицию, ср. правильное предложение (3а) и неправильное (3б):

меткой движения тонов и локализацией фразовых акцентов и интонограмма в формате анализатора PRAAT. Для указания на направление движения тона иконически используются знаки «/», «\» и «-». Ударный слог слова — носителя рематического акцента подчеркивается. О других деталях используемой системы просодической транскрипции см. Кибрик, Подлеская (ред.) 2009. Напомним, что в той версии примера, которая дается по Мультимедийному подкорпусу НКРЯ, знак «/» имеет другую интерпретацию — там он используется для членения речевого потока.

(3а) *Мы собрались поехать в лес, причем Петя ехать отказался.*

(3б) **Причем Петя ехать отказался, мы собрались поехать в лес.*

Но еще меньше ясности в вопросе о том, какой семантический и прагматический вклад вносит ПРИЧЕМ. В литературе можно встретить формулировки, сводящиеся к тому, что фрагмент, который вводится коннектором ПРИЧЕМ, имеет меньший дискурсивный вес, чем присоединяющая его клауза:

- «сообщаемое во второй части подается в виде примечания к сказанному, служит уточняющим пояснением или поправкой к предшествующей части» (РГ-80, Т.2, § 3151).
- О.Ю. Инькова предлагает усматривать между компонентами конструкции с ПРИЧЕМ отношение сопутствования на уровне речевых актов («иллокутивное сопутствование», Inkova 2018).
- А.А. Виноградов включает, как и многие другие исследователи, ПРИЧЕМ в число единиц, выступающих в составе присоединительных конструкций и передающих «идею добавочного сообщения» (Виноградов 1984: 34)

Эти и многие другие авторы согласны в том, что положение дел, обозначаемое фрагментом, вводимым ПРИЧЕМ, является сопутствующим, добавочным.

Тут однако встает вопрос о том, как можно было бы объективировать идею «добавочности», или меньшего дискурсивного веса. Я попробовала подойти к этому, используя инструментарий параллельного корпуса. Пара языков «русский/английский» хороша тем, что русское ПРИЧЕМ оказывается «автохтонной» единицей — у нее нет хорошего однолексемного переводного эквивалента в английском. Как следствие, эквивалентность устанавливается для конструкции с ПРИЧЕМ в целом. В оставшейся части работы я постараюсь показать, что в конструкциях, которые являются переводным эквивалентом конструкции с ПРИЧЕМ, фрагмент, соответствующий, русскому фрагменту с ПРИЧЕМ, систематически демонстрирует снижение структурного ранга: это зависимая, а не главная клауза; это инфинитная, а не финитная форма. Ниже на материале параллельного английского подкорпуса НКРЯ я демонстрирую основные структурные типы английских конструкций, функционально эквивалентных конструкциям с ПРИЧЕМ. Однако, прежде чем перейти к демонстрации материала, необходимо сделать важную оговорку. Коннектор ПРИЧЕМ может присоединять как полную клаузу, см. (3а) выше, так и фрагмент клаузы, который можно квалифицировать как результат сокращения (эллипсиса) любого материала клаузы, не исключая подлежащее и/или сказуемое, ср. *Мы собрались поехать в лес, причем ~~собрались поехать~~ без Пети*. Все сказанное ниже касается конструкций с полными клаузами. Конструкции, в которых ПРИЧЕМ вводит фрагмент клаузы, нуждаются в отдельном серьезном разговоре.

2. Структурный «дауншифтинг» в переводе

2.1. Обстоятельственная клауза

Одним из самых распространенных вариантов перевода клаузы с ПРИЧЕМ является обстоятельственная клауза. Она может возглавляться как финитным, так и инфинитным предикатом. В примерах с финитной вершиной широко представлен союз *while*, см. (4), но встречаются и другие союзы, например, *(even) though*, см. (5):

- (4) *Мы выпили по стакану, причем старик нам кланялся в пояс.*
We drank off a glass each, while the old man bowed low.
 [И. С. Тургенев. Хорь и Калиныч (1847) (Constance Garnett, 1895)]
- (5) *Падение со второго этажа заняло у меня минуты три, причем я ускорился как мог.*
Falling to the ground from the second floor took me about three minutes, even though I hurried it along as much as I could. (Сергей Лукьяненко. Дневной дозор (1999) | (Andrew Bromfield, 2007))

В качестве инфинитных вершин, естественным образом, выступают конвербы — в «чистом виде», как в (6), или в формате так называемого «самостоятельного причастного оборота» (*absolute participial construction*), как в (7):

- (6) *Мардохай ... засовывал в карман руку и вынимал какие-то побрякушки, причем показывал прескверные свои панталоны.*
Mardokhai ... thrust his hand into his pocket and drew out some jingling thing, showing very dirty trousers in the operation. (Н.В. Гоголь. Тарас Бульба (1842) | Nikolay Gogol. Taras Bulba (Isabel F. Hargood, 1886))
- (7) *Бабушка долго, гневно и громко упрекала его в мошенничестве и торговалась с ним смесью русского, французского и немецкого языков, причем я помогал переводу.*
Grandmother began to upbraid him at length, and with great vehemence, for his alleged usuriousness, and to bargain with him in a mixture of Russian, French, and German — I acting as interpreter. (Ф.М. Достоевский. Игрок (1866) | Fedor Dostoevsky. The Gambler (C.J. Hogarth, 1935))

2.2. Группа, вводимая предлогами *with/without*

Неформально говоря, предлоги *with/without*, задействованные в переводе конструкции с ПРИЧЕМ, вводят именную группу с предикативными свойствами или с «предикативным расширением» — это могут быть, в частности,

герундий (6), существительное с сентенциальным актантом (7), существительное в составе причастного оборота (8). Т. е. и здесь английский эквивалент демонстрирует структурную редукцию по сравнению с фрагментом, вводимым ПРИЧЕМ — поскольку в русском языке мы видим полноценную клаузу с финитной вершиной

- (6) *Когда мы приходили на речку смыть свой рабочий пот и пыль, он удалялся, насвистывая, **причём на нас даже не глядел.***
*When we came to the river to wash off our work sweat and dust, he walked off whistling, **without giving us a glance.*** (Радий Погодин. Алфред (1960) | Radiy Pogodin. Alfred (Raissa Bobrova, 1980))
- (7) *состоя преимущественно из собранных за месяц газетных мелочей соответствующего рода, **причем требовалось их размещать в особом, "восходящем" и вместе с тем "гармонически незаметном", порядке.***
*would mainly consist of a collection of relevant newspaper items for the month, **with the stipulation that they be arranged not chronologically but in an "ascending" and "artistically unobtrusive" sequence.*** (Владимир Набоков. Василий Шишков (1940) | Vladimir Nabokov. Vasiliy Shishkov (Dmitri Nabokov, Vladimir Nabokov, 1975))
- (8) *многие новые кланы организовывались вокруг беглых читателей, **причем воровство было не обязательным***
*many new clans were organized around fugitive readers, **without any theft necessarily being involved*** (Михаил Елизаров. Библиотекарь (2007) | Mikhail Elizarov. The Librarian (Andrew Bromfield, 2015))

2.3. Относительная клауза

Переводным эквивалентом группы с ПРИЧЕМ систематически выступает нерестриктивное определение с финитной вершиной, которое вводится релятивизатором. Придаточное может определять предшествующую клаузу в целом, ср. *which suggests* ‘что предполагает’ в (9):

- (9) *В-четвертых, — у вас кое-где наблюдается механичность, если не машинальность, переходов, **причем заметно, что вы преследуете тут свою выгоду.***
*Fourthly, one observes in one or two of your transitions something mechanical, if not automatic, **which suggests you are pursuing your own advantage*** (Владимир Набоков. Дар (1935–1937) | Vladimir Nabokov. The Gift (Michael Scammel, Vladimir Nabokov, 1962))

Однако чаще всего исходная структура с ПРИЧЕМ перестраивается в переводе таким образом, чтобы клауза с релятивизатором определяла именную группу, В качестве релятивизатора чаще всего, используется *which*, (10), но возможны и иные, например, *who* (11)

- (10) *Конечно, постоянно играли в войну, причем одна сторона были НАШИ, а другая — непременно НЕМЦЫ.*

Naturally we were constantly playing at war, in which one side was always ours and the other invariably the Germans. (Владимир Буковский. «И возвращается ветер...» (1978) | Vladimir Bukovsky. To build the castle. My life as a dissenter (Michael Scammell, 1979))

- (11) *Хренов жил через коридор, в одной комнате с дочерью, причем Наташа спала на диване*

Khrenov lived in the room across the hall with his daughter, who slept on a couch. (Владимир Набоков. Наташа (1924-1926) | Vladimir Nabokov. Natasha (Dmitri Nabokov, 2008))

3. Некоторые выводы

Разумеется, понижение структурного ранга клаузы — это не единственный прием, который используют переводчики в выстраивании соответствия для конструкции с ПРИЧЕМ. Нередко они позволяют себе не утруждать себя деталями и передают лишь общую идею конъюнкции двух положений дел — без указания на специфическую для ПРИЧЕМ разницу в дискурсивном весе соединяемых компонентов. И тогда в переводе компоненты конструкции просто соположены — без эксплицитного маркирования связи между ними (12), или для связи используется наиболее нейтральный сочинительный союз — *and* (13).

- (12) *Ее тоже требовали ежедневно, но уже не так часто, как бурский марш, причем «ура» кричали жиже и шапками совсем не размахивали.*

It also was asked for daily, but not so frequently as the “Boer March” had been; the cheers were thinner, and no caps were waved at all. (А.И. Куприн. Гамбринус (1907) | Aleksandr Kuprin. The Gambrinus (Stepan Apresyan, 1982))

- (13) *После обеда он обыкновенно «отдыхал», причем храпом наводил тоску на всю усадьбу.*

After dinner he usually “rested”, and his snores were a cause of annoyance to the whole household. (А.П. Чехов. Тайный советник (1886) | Anton Chekhov. The Privy Councillor (Constance Garnett, 1900–1930))

Или наоборот — в переводе используется союз или иное средство связи, которое вносит семантический компонент, отсутствовавший в оригинале. Этот компонент «вычитывается» переводчиком из контекста или общих знаний о мире. Так, фрагмент (14) переводчик понял так, что наличие собственного приклада у заказчика не соответствует назначенной портным цене. Непосвященному читателю даже может показаться, что назначенная цена выше ожидаемой, однако из рассказа Чехова выясняется как раз обратное — буквально, что «это не может показаться дорого». Однако, так или иначе, результат представлен как противоречащий ожиданию — отсюда противительный союз *but*, тогда как в оригинале противительность никаким специальным языковым средством не кодировалась:

- (14) *За шитье моего костюма он взял 1 руб. 20 коп., а за костюм Победимского 2 руб., причем сукно, подкладка и пуговицы были наши.*
*He received one rouble twenty kopecks for making my suit, and for Pobedimsky's two roubles, **but we provided the cloth, the lining, and the buttons.***
 (А.П. Чехов. Тайный советник (1886) | Anton Chekhov. The Privy Councillor (Constance Garnett, 1900–1930))

Таким образом, способы перевода, представленные в примерах (12)–(14) можно назвать паллиативными — за неимением лучшего, они оказываются либо «меньше», либо «больше» того смысла, за который ПРИЧЕМ отвечает в оригинале. Между тем, структурный «дауншифтинг», продемонстрированный в разделе 2, позволяет сделать перевод максимально точным. В очередной раз убеждаемся, сколь причудливым образом язык может назначать ответственных за выражение того или иного фрагмента смысла: в одном языке это может быть специальная конфигурация синтаксической структуры, в другом — дискурсивный маркер. Этот эскиз к портрету коннектора ПРИЧЕМ — homage знатоку и ценителю языкового разнообразия.

Литература

- Брызгунова Е.А. 1982. Интонация // *Русская грамматика*, том 1, М.: Наука, 98–118.
 Виноградов А.А. 1984. *Структура и функции присоединительных конструкций в современном русском литературном языке* (Дисс. ... канд. филол. наук, Ужгородский государственный университет). Ужгород.
 Кибрик А.А., Подлеская В.И. (ред.) 2009. *Рассказы о свидениях: корпусное исследование устного русского дискурса*. М.: Языки славянских культур.
 РГ-80 1980. *Русская грамматика: В 2 т.* / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.
 Inkova, O. 2018. Коннекторы русского языка с формантом *при*: корпусное исследование. *Russian Linguistics*, 42, 159–190.

СРЕДСТВА МАРКИРОВАНИЯ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ КОДОВ В СОЙКИНСКОМ ИЖОРСКОМ

Ф.И. Рожанский

Институт лингвистических исследований РАН
handarey@yandex.ru

Е.Б. Маркус

Институт языкознания РАН
helenmarkus@yahoo.com

1. Введение

За последние десятилетия одним из основных направлений лингвистики стало изучение билингвализма и переключения/смешения¹ кодов. Одним из выделяемых типов является «отмеченное» (flagged) переключение кодов, которое противопоставляется «гладкому» (smooth), см., например, Poplack 1988: 218, 2004: 593. Если в гладком переключении кодов переход к другому языку никак не обозначается и не имеет какого-либо шва (seamless), то в случае отмеченного переключения этот переход специально маркируется (Muysken 2000: 101). Хотя хорошо известно о различных средствах, которые могут маркировать переключения кодов — это могут быть паузы и другие хезитации, фальстарты, повторы, филлеры и пр. (см., например, Volonyai 2009: 260), — отмеченное переключение изучено относительно слабо. Специальные работы, посвящённые этому вопросу, довольно редки. Среди немногих исключений следует назвать диссертацию Rosignoli 2011, где предпринимается попытка создать типологически ориентированное описание средств, маркирующих переключение кодов.

Цель нашего исследования — провести анализ средств маркирования при переключении кодов для сойкинского диалекта ижорского языка². Полноценное исследование данной темы включает в себя несколько задач: (а) качественное описание зафиксированных явлений, (б) их количественный анализ, то есть описание их распределения на исследуемом материале, (в) выявление

¹ Многие исследователи противопоставляют «переключение кодов» (code-switching) и «смешение кодов» (code-mixing), см., например, Muysken 2000: 1. Поскольку наполнение этих терминов варьирует от автора к автору и при этом не является существенным для темы нашего исследования, мы везде будем использовать термин «переключение кодов», см. Poplack 1988: 238.

² См. об ижорском языке Markus, Rozhanskiy 2022.

факторов, определяющих необходимость маркирования и его виды. Объем данной статьи позволяет нам сфокусироваться лишь на первой из указанных задач и то в максимально кратком варианте. Но поскольку никаких подобного рода исследований на материале сойкинско-ижорского ранее не проводилось, данная задача представляется вполне оправданной.

2. Данные и методы

В качестве материала используется коллекция текстов, записанных от 21 носителя сойкинско-ижорского в период 2006–2013 годов. В эту коллекцию входят 47 текстов общим объемом около 4 часов. Все носители родились в 1920–1930-х годах, за исключением одной носительницы 1949 года рождения. Основным языком общения для всех носителей уже давно являлся русский, а ижорский лишь изредка использовался для общения с соседями или родственниками (хотя последний и был их родным языком).

В такой ситуации вкрапления русского языка в ижорскую речь встречаются довольно часто. В процессе транскрибирования и аннотирования ижорских записей мы отмечали специальной пометой все случаи, которые были нами расценены как переключение кодов. В настоящей работе эти случаи были проанализированы с точки зрения появления в них специальных маркеров переключения.

3. Анализ

В целом, маркирование переключения кодов оказалось значительно более частой стратегией, чем переключение кодов без маркирования. Единственным исключением стала самая молодая носительница 1949 г.р., в речи которой наблюдается существенно более высокий процент русских вкраплений, в том числе и обороты, специфичные только для ее идиолекта, например, дискурсивный маркер *ja gr' u* 'я говорю'. Эти вкрапления в большинстве случаев никак не маркируются. В речи же других носителей маркирование переключения кодов оказывается более распространенной ситуацией.

Ниже мы перечислим те маркеры, которые наблюдались в проанализированном материале. Обратим внимание, что типичным было маркирование переключения кодов сразу несколькими средствами и в ряде случаев у нас нет примера, где рассматриваемое средство оказывается единственным. Пока что остается неясным, является ли это лишь результатом ограниченности материала или можно сформулировать правила, определяющие зависимость одного маркера от другого.

3.1. Лексические маркеры

(а) Частица *nigu* ‘будто’, обычно выражающая неуверенность носителя в выбранном слове, является одним из типичных маркеров переключения кодов (1, 8).

- (1) *miä nigu gardilas’ a nüd on kaig ühellaajaiš-t*
 1Sg будто [Rus] гордилась а сейчас быть.Prs.3Sg весь одинаковый-Pl.Nom
 ‘Я как бы гордилась. А теперь все одинаковые’ [Keeled(B)_KV³].

(б) Частица *niin* ‘так, таким образом’ (2).

- (2) *hää šö-i <s> niin s ap’etitam što vot tak*
 3Sg есть-Pst.3Sg так [Rus] с аппетитом [Rus] что [Rus] вот так
tak što kurvi-rokka
 так что суп из корюшки
 ‘Она съела так ... с аппетитом, что вот так, (такая) похлебка из корюшки...’ [Kurvi_Rokka2_AG].

(в) Местоимение *mogomain* ‘такой’ (3, 9). Заметим, что в финском языке в аналогичной функции используется синонимичное местоимение *semmonen* ‘такой’ (Muysken 2000: 105–106).

- (3) *noḡrikkaiž-ii-l ono vod mogomain takoi sv’etla-karitšn’evoi*
 молодой-Pl-Ade быть.Prs.3Sg вот такой [Rus] такой светло-коричневый
vod tädä vod tämä grudka
 вот этот.Part вот этот [Rus] грудка
 ‘У молодых (ласточек) вот такая ... такая ... светло-коричневая грудка’ [Lastotškad_LK].

(г) Указательные местоимения. Во второй части примера (3) мы наблюдаем местоимение *tämä* ‘этот’ перед русским словом, сначала в партитиве, потом в номинативе.

(д) Дискурсивная частица *vod* ‘вот’. Эта заимствованная из русского языка частица обычно не является единственным маркером переключения кодов, но нередко сопровождает другие маркеры, см. (3)⁴.

(е) Дискурсивная частица *ni/no* ‘ну’ (4, 5).

- (4) *ja šiiž ükš akka händ pan-i paiga-lle need kaig mine-n*
 и потом один старуха 3Sg.Part класть-Pst.3Sg место-All тот.Pl все что-Gen

³ В каждом примере после перевода мы указываем название текста из нашей коллекции, где встретился этот пример, и индекс носителя.

⁴ В (2) частица *vot* находится в составе оборота *vot tak*, который мы рассматриваем как русское вкрапление, и поэтому записываем эту частицу с конечным глухим, т. е. без адаптации к ижорской транскрипции, которую мы используем.

hää reppä-iž itse-štää poiž nu nadarvals'a

3Sg рвать-Pst.3Sg сам-ElA.P3Sg прочь ну [Rus] надорвался

kuin šao-daa niin veñnäähee-kš

как сказать-Imprs.Prs так русский-Tra

‘И потом одна старуха ему поставила на место это все, что он порвал в себе. Ну, надорвался, как по-русски говорят’ [Külvetii_EN].

(ж) Вставление филлеров из русского языка (5).

(5) *hää ol-i šoa-ž i hää šid kä-i petterii-ž*

3Sg быть-Pst.3Sg война-Ine и 3Sg потом ходить-Pst.3Sg Петербург-Ine

i <vi> nu v obš'em karotše hää kaig vjhlipitala

и ну [Rus] в общем, короче 3Sg весь [Rus] выхлопотала

‘Она была на войне, и она потом ездила в Петербург и вы..., ну, в общем, короче, она все выхлопотала’ [Šoda_AG].

3.2. Фальстарт

Фальстарт при переключении кодов возникает довольно часто, см. (5, 6), где наблюдаются фальстарты <vi> и <na> соответственно.

(6) *vod nüid kävvää no ved välištää šana šana-lle*

вот сейчас ходить.Imprs.Prs но ведь иногда слово слово-All

šana šana-lle <št> i mäñnöö i vähäizen nigu na... na spor

слово слово-All и идти.Prs.3Sg и немного будто [Rus] на... на спор

‘Вот сейчас идет, ну, иногда слово за слово, слово за слово идет и как бы на спор’ [Keeled(B)_KV].

3.3. Нелексические филлеры

Наиболее часто встречаются нечленораздельные филлеры «е-е-е» (7) и «м-м-м», но возможны и другие варианты, например, «в-в-в». Нередко пауза хезитации заполняется вдохом или выдохом.

(7) *a vod <e-e-e> gruzdi hõõ on valkkia-d i mušša-d*

а вот [Rus] грузди 3Pl быть.Prs.3Sg белый-Pl.Nom и черный-Pl.Nom

‘А вот грузди, они бывают белые и черные’ [Kala_ja_metsä_EN].

3.4. Просодические маркеры

Обычная пауза хезитации без заполнения как отдельный маркер переключения кодов в нашем материале почти не встречается. При этом прочие просодические средства, используемые в этой функции, довольно разнообразны.

(а) Продление конечного гласного предшествующего слова. Часто это продление сопровождается фонацией creaky voice.

- (8) *välištää koi-ž hõomukšee-št noiže-d üllää niin kovašt kivištää*
 иногда дом-1ne утро-1Ela стать.Prs-2Sg вверх так очень болеть.Prs.3Sg
pää-dä i mokkooma pahhain ono-0-0 nigu samatšustvije
 голова-Part и такой плохой быть.Prs.3Sg будто [Rus] самочувствие
 ‘Иногда дома утром встанешь, так сильно болит голова, и такое плохое ...
 самочувствие’ [Kala_ja_metsä_EN].

(б) Продление начального согласного у русского слова.

- (9) *šiž katso-n a a ono mogomain <m> provod*
 потом смотреть.Prs-1Sg а а быть.Prs.3Sg такой [Rus] провод
männöö s-s-s labaratorii
 идти.Prs.3Sg [Rus] с лаборатории
 ‘Потом смотрю, а... а такой провод идет из лаборатории’ [Lastoškad_LK].

(в) Усиление интенсивности или фразовый акцент на русском слове.

На Рис. 1 с осциллограммой примера (10) видно, насколько в словосочетании «в парке» вырастает интенсивность ударного слога, хотя в обычной ситуации к концу предложения интенсивность понижается.

- (10) *metsää ku mää-d nigu pargii-ž õõ-d nigu v park’e*
 лес.3ll когда идти.Prs-2Sg будто парк-1ne быть.Prs-2Sg будто [Rus] в парке
 ‘Когда в лес идешь, как в парке находишься, как в парке’
 [Kala_ja_metsä_EN].

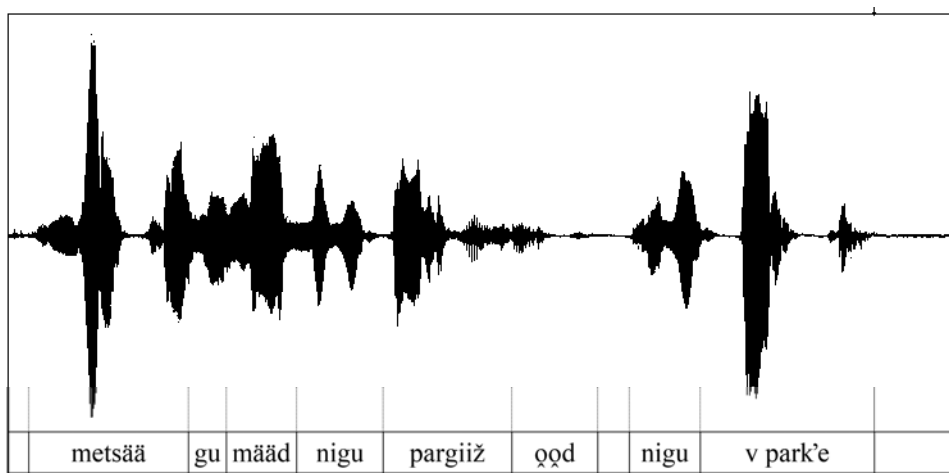

Рис. 1. Повышение интенсивности при переключении кодов.

3.5. Постпозиционные маркеры

В исследовании Rosignoli 2011 отмечается, что обычно внимание уделяется только маркерам переключения кодов, находящимся в препозиции, в то время как существуют и постпозиционные маркеры. В нашем материале они не редки. Наиболее типичными являются повтор русского слова или оборота на ижорском (11) или пояснение (12).

- (11) *i hää päivää-l ikkunaa niin katsoo narmal'no hūväšt*
 и 3Sg день-Ade окно.III так смотреть.Prs.3Sg [Rus] нормально хорошо
 'И он (помидор) днем в окно смотрит нормально, хорошо'
 [Kala_ja_metsä_EN].
- (12) *kolhoži-a nüd enebää ei-oo šovhožii-ž vai*
 колхоз-Part сейчас больше Neg.Prs.3Sg-быть совхоз-Inf или
aktsian'ernoje obš'estvo nüd lää-dää
 [Rus] акционерное общество сейчас говорить-Imprs.Prs
 'Колхозов больше нет, в совхозе ... или акционерное общество, (как)
 сейчас говорят' [Külvettii_EN].

4. Выводы

Даже поверхностный анализ исследуемого материала позволяет сделать ряд выводов. Для большинства носителей переключение с ижорской речи на русскую не воспринимается как естественное явление, обычно характеризующееся гладким переключением кодов. Чаще всего переключение кодов маркируется, причем в ижорском мы имеем дело не с функционально обусловленным маркированием, когда переключение кодов используется говорящим в прагматических целях, а с маркированием из-за затруднений при порождении текста. Примечательно, что различие этих двух случаев маркирования уже отмечалось при сравнении пары типологически схожих языков французский-английский (functional flagging) с парой типологически далеких языков финский-английский (flagging associated with production difficulties) (Poplack 2004: 70). Ситуация с ижорским оказывается еще более проблематичной, чем в случае финско-английского переключения, поскольку ижорский перестал быть языком повседневного общения для его носителей.

Обнаруженные нами средства маркирования по количеству превышают представленные в классификации Rosignoli 2011, особенно в части просодических средств: в нашем материале встречается выделение интенсивностью или фразовым акцентом, продлением согласного, использованием squeaky voice и пр. Обратим внимание, что арсенал этих средств в большой степени

пересекается с маркерами речевых сбоев, описанными на материале устного русского дискурса в Подлеская, Кибрик (ред.) 2009.

Можно предположить, что дальнейшее изучение речи носителей ижорского языка будет способствовать развитию лингвистической теории в области переключения кодов и их маркирования.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; Ade — адессив; All — аллатив; Cng — коннегатив; Ela — элатив; Gen — генитив; Imprс — имперсонал; Ine — инессив; Neg — отрицательная форма; Nom — номинатив; P — possessивный показатель; Part — партитив; Pl — множественное число; Prs — настоящее время; Pst — прошедшее время; Rus — русский язык; Sg — единственное число; Tra — транслатив.

Литература

- Подлеская В.И., Кибрик А.А. 2009. Речевые сбои и затруднения. В кн.: А.А. Кибрик, В.И. Подлеская (ред.) *Рассказы о свидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса*. Москва: Языки славянских культур, 177–218.
- Bolonyai A. 2009. Code-switching, imperfect acquisition, and attrition. In: B.E. Bullock & A.J. Toribio (eds.) *The Cambridge Handbook of Linguistic Code-switching*. Cambridge: Cambridge University Press, 253–269.
- Markus E., Rozhanskiy F. 2022. Ingrian. In: M. Bakró-Nady, J. Laakso & E. Skribnik (eds.) *The Oxford Guide to the Uralic Languages*. Oxford: Oxford University Press, 308–329.
- Muysken P. 2000. *Bilingual speech. A typology of code-mixing*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Poplack S. 1988. Contrasting patterns of codeswitching in two communities. In: M. Heller (ed.) *Codeswitching*. Berlin — New York — Amsterdam: Mouton de Gruyter, 215–244.
- Poplack S. 2004. Code-switching. In: U. Ammon, N. Dittmar, K.J. Mattheier & P. Trudgill (eds.) *Sociolinguistics/Soziolinguistik: An international handbook of the science of language* (2nd edition). Berlin — New York: Walter de Gruyter, 589–596.
- Rosignoli A. 2011. *Flagging in English-Italian code-switching*. PhD thesis, Bangor University.

ВООБЩЕ, СКАЛЯРНОСТЬ И КОММУНИКАТИВНАЯ СТРУКТУРА

С.Г. Татевосов

МГУ имени М.В. Ломоносова

НОШ «Сохранение мирового культурно-исторического наследия»

tatevosov@gmail.com

Андрей Александрович Кибрик внес основополагающий вклад в очень многие области исследования дискурса — от референции (Kibrik 2011) до мультимедийной коммуникации (например, Кибрик 2018a,b). В этом очерке, поздравляя А.А. с днем рождения, я бы хотел заглянуть в ту область, с которой он не очень много работал непосредственно, но которую, кажется, всегда держал в поле зрения. Она описывается следующей цитатой: «Многие морфосинтаксические, лексические и фонетические явления могут быть поняты лишь с учетом лежащих в их основе дискурсивных факторов» (Кибрик 2009: 4). Думаю, во многих случаях верно и обратное: определенные дискурсивные факторы начинают выглядеть более отчетливо, если внимательно присмотреться к характеристикам определенного класса языковых единиц. Один такой класс — **дискурсивные слова**, дистрибуция которых ограничена не столько локальными свойствами морфологических и синтаксических конфигураций, элементами которых они выступают, сколько глобальными характеристиками дискурсивной структуры.

Следующие страницы посвящены обсуждению дистрибуции дискурсивного слова *вообще*, которая на первый взгляд весьма многообразна и с трудом поддается общему истолкованию. (1-3) иллюстрируют употребления *вообще* в утвердительном, отрицательном и вопросительном предложениях.

- (1) *Мохнатились в углах толстые трубы;... приземистые, зеленые, как лягушки, чавкали два насоса, и в центре... сидела некая прабабушка современной ракеты с двумя недействующими манометрами, как в подвязанных ниточками очках, и тихо посапывала, открыв опустевший рот топки. Мужик хорошо за ней ухаживал: она вся налилась надежной старостью и поблескивала редкой надраенной медью. Ей было здесь хорошо, здесь вообще было хорошо: тепло, чисто и темновато от экономной лампочки. [Андрей Битов. Глухая улица]*

- (2) Отец был красным профессором, деканом истфака МГУ...; человек был общительный, в доме постоянно гости. Водку они не пили, только красное, а выпив, допоздна разговаривали и пели революционные песни... Но когда приезжал минский дедушка, гостей не звали, **никого вообще не пускали**, в доме бывало тихо, даже по телефону говорили вполголоса. [Феликс Светов. Мое открытие музея]
- (3) — А этот имел и кафедру, и почет, и признание, и учеников. И все это было правильно, ибо целесообразно.
— А совесть?
— Ну а что совесть, Георгий Николаевич! Да **что это за понятие вообще?** Тут ведь почти пилатовский вопрос: «Что есть истина?» [Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей]

Про каждое из этих употреблений *вообще* и его аналогов в других языках (см., например, Rojas-Esponda 2014 о немецком *überhaupt*) имеются разнообразные семантические предположения.

Популярная идея о предложениях типа (2) — идея о расширении домена, впервые высказанная, по-видимому, в Kadmon, Landman 1993. Согласно этой идее, *вообще никого не пускали* отличается от *никого не пускали* тем, что контекстный домен квантификации становится шире. В него включаются также такие индивиды, по поводу которых в обычных условиях не возникает вопрос, впускать или не впускать: ‘не впускали даже тех, кого в нормальной ситуации всегда пускали / кого нельзя не пустить’.

Вообще в вопросах типа (3) в Iatridou, Tatevosov 2016 анализируется как элемент со скалярной пресуппозицией и максимально широкой сферой действия — над речевым актом вопроса. Предложения вида *Вообще Q?* при таком анализе имеют интерпретацию ‘У говорящего есть даже вопрос Q, наименее вероятный в текущем контексте’. Минимальная вероятность вопроса связывается с максимальной вероятностью того, что ответ на него известен. Именно поэтому вопросы типа (3) воспринимаются как сигнал, что об обсуждаемом предмете нет даже самой базовой информации. В (3), в частности, нуждается в ответе самый элементарный вопрос о совести — ‘Что это за понятие?’.

По поводу утвердительных предложений типа (1), которые в литературе обсуждались на удивление меньше, чем два других типа, отмечается, что «включаясь в определённую последовательность, *вообще* помещается перед последним членом этой последовательности... Отношения внутри последовательности могут быть отношениями частное — общее» (Девятова 2020: 31). В рамках такого описания более частное утверждение в (1) — ‘ей здесь было хорошо’, более общее, помеченное словом *вообще*, — ‘здесь было хорошо’. С учетом этимологии слова *вообще* это, конечно, не удивительно.

У всех этих употреблений просматривается общий знаменатель: имеется набор элементов (множеств объектов в (2), множеств утверждений в (1), множеств вопросов в (3)), упорядоченных отношением асимметричного следования или аналогичным. *Вообще* сигнализирует переход от более «сильного» элемента к более «слабому»: к объемлющему множеству в (2), к надвопросу в (3), к более слабому утверждению в (1).

Общий анализ для этих случаев становится возможен, если предположить, что *вообще* обращается не к множествам индивидов, пропозициям или даже, как в случае с вопросами, множествам пропозиций, а к элементам более высокого уровня — уровня дискурсивной структуры. Каким именно элементам?

Коммуникацию можно рассматривать как обмен информацией, в процессе которого происходит сужение контекстного класса возможных миров, к которым относится актуальный (Stalnaker 2014). Вопросительное высказывание задает множество ответов (Hamblin 1973), из которых предлагается выбрать тот, что соответствует положению дел в актуальном мире. Ответ, утвердительное предложение, будучи принят участниками коммуникации как истинный, определенным образом локализует актуальный мир в пространстве возможностей.

Соответственно, модель коммуникативного взаимодействия может состоять в том, что в каждой его точке говорящий и слушающий вырабатывают общую позицию относительно **обсуждаемого вопроса (ОВ)**, question under discussion (QUD; Roberts 2012). Например, если тема разговора — предстоящий поход в ресторан, один из ОВ — это набор пропозиций {‘Мы идем в «Пушкин»’, ‘Мы идем в «Гоголь»’, ‘Мы идем в «Чехов»’, ...}. Перед участниками коммуникации стоит задача выбора одной из этих альтернатив. Признание альтернативы истинной в актуальном мире означает, что ОВ разрешился. Отметим также, что ОВ может, но не обязан быть задан эксплицитно.

ОВ организованы линейно — по мере развертывания коммуникации собеседники переходят от одного ОВ к другому. Они также организованы иерархически: любые два ОВ могут соотноситься как подвопрос и надвопрос. Например, если ОВ — ‘В какой ресторан мы идем?’, то возможные подвопросы для него ‘Мы идем в рыбный ресторан?’ или ‘Мы идем в мясной ресторан?’, а надвопросы — ‘Мы идем в ресторан?’ и, далее, ‘Что мы делаем вечером?’. Тем самым ОВ образуют самостоятельную структуру, которая отражает организацию коммуникативного взаимодействия.

Аргумент в пользу эмпирической реальности любой предполагаемой структуры — наличие языковых выражений, дистрибуция которых объясняется в ее терминах. Как кажется, именно через структуру ОВ семантику *вообще* можно сделать наиболее эксплицитной. Наша гипотеза сформулирована в (4):

- (4) **Вообще** сигнализирует об обращении к ОВ, выступающему надвопросом по отношению к текущему. Вопросительные предложения с **вообще** выступают надвопросом к текущему ОВ непосредственно. Утвердительные предложения с **вообще** (как с отрицанием, так и без) дают ответ на надвопрос.

Рассмотрим в свете этой гипотезы дискурсивные эффекты *вообще*, с которыми мы сталкиваемся в (1–3), — **разрешение надвопроса и оспаривание пресуппозиции**.

В (1) предложению с *вообще* предшествует утверждение ‘ей здесь было хорошо’, которое представляет собой ответ на ОВ ‘Как ей здесь было?’. Этот ОВ — подвопрос более общего вопроса ‘Как здесь было?’ (наряду с целым рядом других вопросов — ‘Как было здесь X-у?’, ‘как было здесь Y-у?’,...). Предложение с *вообще* дает ответ на этот надвопрос, тем самым разрешая и все его подвопросы. Ответ на любой подвопрос — семантическое следствие ответа на надвопрос (‘здесь было хорошо’ → ‘было хорошо X-у’), поэтому результирующий эффект — истинность пропозиции ‘здесь было хорошо кому угодно’.

Симметричный случай утверждения с *вообще*, которое разрешает надвопрос к текущему ОВ, представлен в (2). В (2) текущий ОВ — ‘Попадали ли внешние люди в дом к качеству гостя?’, и на него отвечает предложение *Гостей не звали*, предшествующее предложению с *вообще*. Пропозиция предложения с *вообще* ‘никого не пускали’ отвечает на надвопрос к ОВ: ‘Попадали ли внешние люди в дом?’. Этот вопрос получает отрицательный ответ, и все его подвопросы, том числе текущий ОВ, тем самым разрешаются. Условие, при котором ОВ мог бы иметь положительный ответ, не выполняется: нельзя прийти в гости в дом, в который вовсе нельзя попасть, не только в качестве гостя, но и в любом другом качестве.

В (3) *вообще* употребляется в вопросительном предложении ‘Что такое совесть?’ и маркирует его как надвопрос к ОВ. ОВ в данном случае возникает во второй реплике диалога — ‘следует ли при оценке того, что правильно, принимать во внимание совесть?’. Предложение с *вообще* ставит под вопрос пресуппозицию, связанную у слушающего с этим ОВ, а именно: что такое совесть, известно. Естественно, сам ОВ можно осмысленно обсуждать только в том случае, если эта пресуппозиция удовлетворяется. Эксплицитно задавая надвопрос, говорящий сигнализирует, что обсуждение ОВ неуместно ввиду отсутствия ясности в более общем вопросе. Тем самым (3) иллюстрирует еще одну важную функцию предложений с *вообще* — **оспаривание пресуппозиций**.

В пользу гипотезы (4) есть несколько дополнительных аргументов. Отметим два из них.

Во-первых, *вообще* очень ограничено в составе интродуктивных элементов дискурсивной последовательности. Предложение типа *Здесь вообще было хорошо* аномально как первое предложение нарратива — ровно потому, что *вообще* обращается к надвопросу для текущего ОВ, но в начале нарратива сам текущий ОВ еще не сформирован. Если нарратив все же начинается именно так, читатель должен аккомодировать информацию, что нарратор имеет в виду некоторый ОВ, но еще не сообщил об этом.

Во-вторых, идея, что утвердительные предложения с *вообще* отвечают на надвопрос к ОВ, делает следующее предсказание: использование таких предложений как прямого ответа на сам ОВ невозможно. Они должны быть уместны ровно в той степени, в которой вместо прямого ответа слушающий готов принять ответ на более общий вопрос. Предсказание судя по всему выполняется. Например, в (5) ответная реплика уместна именно в этом качестве (вопрос А), но аномальна как прямой ответ на ОВ (вопрос В):

(5) А: Тебе понравилась исландская кухня?

В: #Как ты провел время в Исландии?

— Я вообще очень хорошо провел время в Исландии.

В этом очерке, конечно, невозможно изложить полное описание дискурсивной семантики *вообще*, а также охарактеризовать его недискурсивные употребления (например, *Вообще я люблю исландскую кухню, но сегодня хочется грузинской*). Кажется, однако, что даже из ограниченного материала, который рассмотрен выше, можно извлечь два полезных урока. Во-первых, коммуникативная структура, содержащая ОВ, эмпирически реальна. Во-вторых, дистрибуция *вообще*, в частности, его использование для разрешения надвопросов и оспаривания пресуппозиций, позволяет говорить о скалярном упорядочивании ОВ, где подвопросы задают более дробное разбиение множества возможных миров, попадающих в один класс с точки зрения ответа на надвопрос.

Л и т е р а т у р а

- Девятова Н.М. 2020. Вводно-модальные слова и проблема их текстовой семантики. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*, №1, 26–36.
- Кибрик А.А. 2018а. Русский мультимедийный дискурс. Часть I. Постановка проблемы. *Психологический журнал*, т. 39, №1, 70–80.
- Кибрик А.А. 2018б. Русский мультимедийный дискурс. Часть II. Постановка проблемы. *Психологический журнал*, т. 39, №2, 71–90.
- Кибрик А.А. 2009. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов. *Вопросы языкознания*, № 2, 3–21.

- Hamblin C.L. 1973. Questions in Montague English. *Foundations of language* 10, 41–53.
- Iatridou S., Tatevosov S. 2016. Our even. *Linguistics and Philosophy* 39.4, 295–331.
- Kadmon N., Landman F. 1993. Any. *Linguistics and Philosophy* 16, 353–422.
- Kibrik A.A. 2011. *Reference in discourse*. Oxford: Oxford University Press.
- Roberts C. 2012. Information structure: Towards an integrated formal theory of pragmatics. *Semantics and Pragmatics* 5(6), 1–69.
- Rojas-Esponda T. 2014. A discourse model for *überhaupt*. *Semantics and Pragmatics* 7, 1–45.

РЕДУПЛИКАЦИЯ В ДИСКУРСЕ

Я.Г. Тестелец

Российский государственный гуманитарный университет, Институт языкознания РАН
testelelets@gmail.com

В первом фундаментальном исследовании лексических повторов в русском языке Н.Ю. Шведова (1960) установила, что между разными конструкциями с повторами наблюдаются функциональные сходства. Во-первых, проявляется обычное свойство повторов в человеческом языке: они иконически отображают «длительность, прерывистость, интенсивность»:

- (1) *Уедем далеко-далеко.*
- (2) *Пристал: купи да купи.*
- (3) *Я тебя в последнее время читаю-читаю, хочу что-то сказать и сказать нечего, но как здорово! (ГИКРЯ¹)*
- (4) *Вот это всем проблемам проблема.*
- (5) *Хотелось говорить-говорить-говорить-говорить-говорить-говорить до бесконечности. (ГИКРЯ)*

Во-вторых, в разных конструкциях с повторами Н.Ю. Шведова обнаружила единое значение, близкое к значению противительных союзов, которое назвала «сменяющим признаком»; в примерах (6–9) не случайно возникает союз *а*:

- (6) *Золотой-то он точно золотой, а я вам вот что скажу.*
- (7) *Слушал он меня, слушал, а всё не отвечает.*
- (8) *Жомини да Жомини, а об водке ни полслова.*
- (9) *Хороша-то хороша, а умеешь и товар лицом показать.*

«Сменяющий признак» Н.Ю. Шведовой при более детальном анализе распадается как минимум на два близких значения: нарушенное ожидание

¹ ГИКРЯ — Генеральный Интернет-корпус русского языка (<http://www.webcorpora.ru/>); автор благодарен А.М. Ивойловой за предоставленные данные поиска в этом корпусе; ссылки на Национальный корпус русского языка (<https://ruscorpora.ru/>) оформлены обычным образом.

и принятие говорящим некоторой (обычно некомфортной) ситуации. В отличие от семантики интенсивности, которая допускает многократность (5), для «смеяющегося признака» характерен минимальный повтор, то есть редупликация.

Семантика нарушенного ожидания: ‘предполагалось, что результатом X или следствием свойств X будет ситуация Y; Y не имеет места’. Оно содержится в нескольких конструкциях, каждая из которых обладает и собственными компонентами значения:

- (10) *Вразумлять-то столяр вразумлял; это точно; да как-то оно вышло будто не так.* [Андрей Белый. Серебряный голубь (1909)], см. Пайар, Плунгян 1993.
- (11) *Испорченная-то Надя испорченная, но вышла замуж и стала баба бабой.* [Людмила Петрушевская. Свой круг (1987)]
- (12) *Понимать не понимаю, а отвечать могу.* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки (1856-1857)], см. Иомдин 2013.
- (13) *Дергали-дергали они дверь — совсем из сил выбились,* см. Плунгян, Рахилина 2010.
- (14) *Дурак-дурак, а понял, что на место доставлен.* [Еремей Парнов. Третий глаз Шивы (1985)]
- (15) *А водка — что водка? Это для очищения организма от шлаков разных.* [Никита Максимов. Пошли за пузырем (2004) // «Парадокс», 01.05.2004]
- (16) *Дарья раз помотала головой, два помотала головой, а он все лезет.* (ГИКРЯ)
- (17) *Платье и платье, ничего особенного,* см. Урысон 2020.

Значение «принятие ситуации» заключается приблизительно в том, что ‘X проявляет свойства, характерные для X-а, соответствует своей норме, и это надо принять как неизбежное’. Такое значение содержится в нескольких конструкциях, анализ которых см. в Николина 1984; Апресян 1995(1978); Булыгина, Шмелев 1997; Шмелев 2002; Копотев, Файнвейц 2007; Вилинбахова 2016; Вилинбахова, Копотев 2017, например:

- (18) *Ну экзамен так экзамен, я все сдам.* (ГИКРЯ)
- (19) *На войне как на войне.*
- (20) *Дружба дружбой, а служба службой.*
- (21) *Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут.* (Р. Киплинг, «Баллада о востоке и западе», пер. Е. Полонской)

(22) *Кошки — это кошки.*

В литературе предлагались два подхода к решению проблемы, которые можно назвать «композиционным» и «конструкционным». Согласно композиционному подходу, значения конструкций складываются по регулярным и достаточно простым правилам из значений их составляющих. Поэтому значение повтора должно быть ассоциировано с той минимальной составляющей, которая содержит повторяющиеся отрезки — желательно, только с самими этими отрезками и ни с чем другим (Abels 2001; Travis 2001). Конструкционный подход предполагает, что значениями обладают целые конструкции (Плунгян, Рахилина 2010). Сложность, однако, в том, что перечисленные конструкции с лексическим повтором не обладают очевидными общими свойствами, кроме самого повтора и передаваемой им семантики.

Кроме того, все три интересующие нас значения: интенсивность признака, нарушенное ожидание и принятие ситуации наблюдаются в дискурсе и в таких контекстах, которые невозможно связать с конкретными конструкциями — то есть с такими элементами языка, которые проявляют устойчивый и повторяющийся в разных контекстах набор фонетических, грамматических, семантических и прагматических характеристик, см. Fillmore et al. 1988; Goldberg 2006.

Что интенсивность признака может передаваться повтором, известно в риторике с античных времен. К числу фигур речи относятся разновидности «плеоназма» или «дополнения», такие, как анафора (повтор в начале нескольких отрезков, обычно клауз, идущих подряд), антистрофа (повтор в конце отрезков), диакопа (повтор с промежуточными словами) и нек. др. Однако и два других значения наблюдаются в дискурсе вне рамок фиксированных конструкций:

(23) *За мужество Ленинграда Ленинград уже вознагражден. Но за муки Ленинграда Берлин еще не ответил.* [Илья Эренбург, «Настала расплата», 31 января 1945 г.]

Почему Эренбург применил лексический повтор вместо более стандартного использования анафорических местоимений: (23') *За свое мужество Ленинград уже вознагражден. Но за его муки Берлин еще не ответил?* Во-первых, перед нами риторическая анафора в двух предложениях, идущих подряд. Во-вторых, кажется правдоподобным, что повтор в первом предложении выражает принятие: Ленинград только «вознагражден за мужество», и с этим можно временно смириться, пока правосудие не совершилось.

Другие примеры на значение «принятия ситуации»:

(24) *Ну и что же, что военный. Вершинин в «Трех сестрах» тоже военный.* [Александр Володин. Одноместный трамвай // Библиотека «Огонек», 1990]

- (25) *Недовольные? Пусть недовольные. Они всегда были и будут.* [Александр Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 1-25 (1968) // «Новый Мир», 1990]
- (26) *«А мне и не надо денег, вам будет тепло, и я рад за вас буду, а деньги — что, деньги — это еще не все!»* [Алексей Щеглов. Фаина Раневская: вся жизнь (2003)]

Значение не оправдавшегося ожидания, по-видимому, также не ограничено определенными конструкциями:

- (27) *Вы вот изволите теперича говорить: улики; да ведь оно, положим, улики-с, да ведь улики-то, батюшка, о двух концах, большею-то частью-с* (Достоевский, «Преступление и наказание»)

Итак, значения редупликации выступают как свойство дискурса, то есть возникают в том числе в «длинных» отрезках с удвоениями, которые невозможно определить в терминах грамматических единиц — таких, как предложения или другие фразовые категории, и представить как семейство конструкций. Такое регулярное и в то же время необычное соотношение формы и значения является вызовом для любой модели языка, претендующей на убедительное решение вопроса о соотношении словаря, грамматики и семантики.

Л и т е р а т у р а

- Апресян Ю.Д. 1995 (1978). Языковая аномалия и логическое противоречие. В кн: Апресян Ю.Д. Избр. тр. : в 2 т. Т. 2 : *Интегральное описание языка и системная лексикография*. М. : Языки славянских культур, 598–621.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. 1997. Парадоксы идентификации. В кн.: Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*. М. : Языки славянских культур, 497–514.
- Вилинбахова Е.Л. 2016. Сопоставительные тавтологии в русском языке. *Вопросы языкознания*, № 2, 61–74.
- Вилинбахова Е.Л., Копотев М.В. 2017. «*X есть X*» значит «*X это X*»? Ищем ответ в синхронии и диахронии. *Вопросы языкознания*, № 3, 110–124.
- Июмдин Л.Л. 2013. *Читать не читал, но...: об одной русской конструкции с повторяющимися словесными элементами*. В кн.: Селегей В.П. (ред.) *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог». Т. 1. Основная программа конференции*. Вып. 12(19). М.: РГГУ, 309–322.
- Копотев М.В., Файнвейц А.В. 2007. *Изучать так изучать: синхрония и диахрония. Научно-техническая информация*, сер. 2, № 9, 29–37.

- Николина Н.А. 1984. Структурно-семантические особенности предложений типа «Жизнь есть жизнь». В кн.: В. В. Бабайцева (ред.). *Предложение как многоаспектная единица языка*. М.: МГПИ, 38–46.
- Пайар Д., Плуноян В.А. 1993. Об одном типе конструкций с повтором глагола в русском языке. *Russian linguistics*, v. 17, № 3, 263–277.
- Плуноян В.А., Рахилина Е.В. 2010. «Тушат-тушат — не потушат»: грамматика одной глагольной конструкции. В кн.: Е. В. Рахилина (ред.). *Лингвистика конструкций*. М.: «Азбуковник», 83–94.
- Урысон Е.В. 2020. Об одном типе русских предложений тождества (*Платье и платье, ничего особенного*). *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова*, №3 (25), 104–115.
- Шведова Н.Ю. 1960. *Очерки по синтаксису русской разговорной речи*. М.: Изд-во АН СССР.
- Шмелев А.Д. 2002. *Русский язык и внеязыковая действительность*. М.: Языки славянской культуры.
- Abels K. 2001. The predicate cleft construction in Russian. In: S. Franks, T. King, M. Yad-roff (eds.). *Formal approaches to Slavic linguistics* 9. Bloomington, IN, 1–19.
- Goldberg A. 2006. *Constructions at Work: The Nature of Generalization in Language*. Oxford: Oxford University Press.
- Fillmore Ch., Kay P., O'Connor C. 1988. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of *let alone*. *Language*, vol. 64, 501–538.
- Travis L. 2001. The Syntax of Reduplication. *North East Linguistic Society*, vol. 31, 1–16.

«-ТАНИ» ХЭСЭ ПАСИКАМБАНИ ХИСАҢГОГОАРИ

В.С. Харитонов

Институт языкознания РАН
v.kharitonov@iling-ran.ru, vasiliysan@list.ru

В статье рассматриваются условия, при которых клитика «-тани» появляется в нанайской речи. Самые частые её употребления — выбор основного участника повествования при возможных нескольких, а также реализация на показателях времени и пространства при временной или пространственной смене «окна наблюдения», существуют также примеры появления клитики на сказуемом, если данная предикация является описанием декораций для последующего развёртывания событий. Все эти случаи указывают на то, что маркируемые клитикой «-тани» составляющие выполняют роль декорации ситуации в тех случаях, когда говорящему необходимо сосредоточить внимание слушающего на новой ситуации, наблюдаемой в «окне» или, можно также сказать, «камере съёмки» сюжета.

Размышления о клитике связаны с устным рассказом Раисы Алексеевны Бельды, начальный фрагмент которого представлен в статье (а целиком — в Приложении), в статье также приведены фрагменты фольклорных текстов на нанайском и русском языках, для удобства интересующие составляющие выделены полужирным и курсивным стилями шрифтов. Статья написана на нанайском языке, а в процессе разворачивания сюжета статьи вышеупомянутые частицы также используются, давая возможность взглянуть на объект изучения данного языка с помощью внутренних возможностей самого нанайского языка.

Я очень рад написать эту статью по поводу юбилея Андрея Александровича Кибрика по нескольким причинам. В качестве вольнослушателя я посетил занятия Андрея Александровича по дискурсу весной 2021 года, а также с большим интересом читал его докторскую диссертацию «Анализ дискурса в когнитивной перспективе». После этого мне вообще стало казаться, что будущее лингвистики — в когнитивно-дискурсивной «революции», когда окажется, что в лингвистике синтаксис для дискурса станет тем же, чем стала морфология для синтаксиса, то есть некоторым набором средств для выбора способа выражения мысли говорящего в зависимости от ситуации, в которой оказались говорящий и слушающий, от общих знаний участников коммуни-

кации и от того, как мысли «упакованы» в языковом сознании говорящего. Возможно, для понимания условий появления данной частицы-клитики, важен не синтаксический, а именно когнитивный подход, ведь появляется она на, казалось бы, очень разных составляющих.

При этом я понимаю, что не стал хорошим исследователем в области дискурса и не могу похвастаться большим теоретическим багажом в этой области. Но на помощь приходит другая важная сторона профессиональной деятельности юбиляра — озабоченность темой утраты языков и активные действия в области ревитализации. Поэтому я решил в данной статье продемонстрировать возможности расширения тематики и сфер использования миноритарного — нанайского — языка, а понимание «работы» частиц может оказаться важным при такой практической задаче, как обучение нанайскому языку. Выражаю благодарность С.А. Оскольской за то, что прочитала черновик статьи и сделала несколько небольших замечаний, которые получилось учесть. Разумеется, все недочёты работы на моей совести, а Андрея Александровича я от всей души поздравляю и, не зная, чего пожелать, передаю всяческое восхищение.

0. Тэпчигуэри

Раиса Алексеевна Бельды 2018-čia айҗаниду минчи «Ника^а боачи энэхэпу» гусэрэхэндуэни, тул-тул «-тани» пасикамба хисаҗгохани. Эгди мода^а до-содира мурчилухэмби: нёани маҗга минчи эй гусэрэмбэ гусэрэми, ядахани, тотап-тани тэй пасикамба тул-тул хисаҗгочихани. Туй тэпчиухэни:¹

1. Эм мода ^а ми пиктэдии ника ^а ... бини боачи энэхэпу.	1. Один раз мы с дочкой в Китай поехали.
2. (Энэмэри-тэни...) автобусади энэхэпу.	2. (Отправились и...) на автобусе отправились.
3. (Автобуса...) тотап-тани эй маҗбо-тани пароходади даохапу.	3. (Автобусом,) затем эта река на теплоходе переправились.
4. Даора-тани китай хотончи исиндахапу.	4. переправившись , оказались в китайском городе.
5. Чаду-тани гостиницаду каодярахапу.	5. И там в гостинице остановились.
6. Гостиницаду-тани, чаду-тани чими сиванди, сиксэ сиванди.	6. Там, в гостинице , утром кормят и вечером кормят.
7. Ини-тани мэнэ сиаори.	7. А днём самим есть (готовить).

¹ Приложениеду эй гусэрэмбэ хэм нирухэмби. Тэй ссылкади эйвэ ичэми-дэ мутэйсу: <https://youtu.be/MgOZCVNgQUE>.

-
8. Чаду-тани ми-тани эрдэнгэ бахан ^а -гоа ^а .	8. Там я сильно дивилась.
9. Машина-тани тэу ила ^а колёса, ила ^а колёса.	9. Машины с тремя колёсами, три колеса.
10. Сиксэ-тэни нада^а часала-тани хэм сагди гурунсэл, молодой гурунсэл площадь б̄арони дидэрэ-тэни , хэм гэсэ тэптэм(и) дэрүхэчи.	10. А вечером, в семь часов , все, старые и молодые, на площадь прийдя , все вместе танцуют.
11. Эм часа-доа тэптэхэчи.	11. Около часа танцевали.
12. Тэй эрдэнгэ!	12. Так интересно!
13. Бунду-тэни уй-дэ туй тэптэрэси	13. У нас никто так не танцует.
14. (А) чадо-тани ... сагди гурунсэл хэм гэсэ тэптэричи-гоа ^а .	14. А там старые... все танцуют!
15. Чадо-тани никанду-тани гостиницаду-тани сиксэ-тэни гэлэхэпу — массаж аңгогой.	15. И вот там, в китайской-го гостинице, вечером мы захотели, чтобы сделали массаж.
16. Бунду-тэни массажалахачи...	16. Нас помассажировали.
-

Эм даңсава нихэлирэ, Нанайские сказки 2012,² эрдэнгэвэ б̄ахамби — таду-да туй бини-гоа^а, тул-тул эй пасикансал гой-гой хэсэду агбиндичи. Тэй пасикамба улэлэ с̄агогой, тэй даңса би ниңмамбани сумбивэ холавандии.

Т.И. Петрова (Петрова 1960: 239) эй «-тани/тэни»³ пасикамбани няңга нирухэни: «противительная связь, предположительное утверждение». В.А. Аврорин-да (Аврорин 1961: 267–268) эй пасикамба с̄агора, туй нирухэни: «выделительно-противительное», «ограничительно-временное или ограничительно-пространственное», «предположительно-утвердительно», гучи «входит в состав глагольной формы желательного склонения». С.А. Оскольскаяди, Н.М. Стойновади (Оскольская, Стойнова 2013: 371–372) н̄анайсал лоцадина̄найди гэсэ хисаңгойвачи сагой бичиндуэчи, няңга эй пасикамба-да нирухэчи. Ундичи, эй «средство выражение контраста» би, туй тами, «эй пасикамба улэлэ с̄агоми ая», нирухэчи.

Ми мурчи, эй хэсэ пасикани сикумбэ ичэвэндини, гой-гой дякадиади эм дякава сондэйни. Гусэрэй най эй пасиканди досоди найва алосини, хони мурундуэни тэй гусэрэмбэ ичэми, мурчими ая. Эй пасика^а п̄ава-мат, эй павала досоди най гусэрэмбэ «ичэури» отолини. Авроримба амдами, ила^а бэумбэ с̄агогоари:

² Татьяна Диомидовна Булгакова эй ниңмансалба дёбохани, Раиса Алексеевна Бельды тунсэрэхэни, Лидия Тимофеевна Киле, Любовь Жоржевна Заксор н̄андоачи эйвэ н̄анайди ниругуи бэлэчихэчи, гучи Эрих Кастен эй даңсава аңгохани.

³ Эм хэсэду «а,о» саича би осини, -тани илисини; «э,у» саича би осини, -тэни би-гуэни.

- найду, дякаду — эмучиэ пасиду эйвэ гусэрэй;
- эркимбэ, бэумбэ гусэрэй хэсэду — дюечиэ пасиду эйвэ гусэрэй;
- уңки^н дуэдуэни, таори-хэсэду — илачаи пасиду эйвэ гусэрэй.

1. Дякади, найди «-тани» пасикамба гусэрэгуэри

Ниңма^н дэруйдуэни дякасал, найсал агбиңкини. Гой-гой най агбиңкини осини, хай найвани гусэрэури? Тотапи эм-рэгдэ найва (дякава) сондөми ая. Гусэрэй най эм найва сондөра, чаду «-тани» пасикамба ноңгини. «Гаки энүлу-хэ» ниңманду 2-эвэ, 3-ава ичэусу:

-
1. ⁴ Э хайдяра, (эм мапа, аба,) эм мама, эм пиктэни эм гаки балдихани.	1. Вот что будет! (один старик, а, нет,) одна старуха с сыном вороном жила.
2. Тэй гаки-тани сидуэнду туй дочира.	2. Ворон на балке дома так приземлился.
3. Тэй мама-тани ундини-гуэни:	3. Та старуха говорит:
4. «Боачиа ниэм-дэ ая», — ундини.	4. «Наружу выйти бы (тебе) хорошо!» — говорит.
-

Гусэрэй най дюлэ гэлэвэси мапава гусэрэйни, тотара, дөңгора, мамава, пиктэвэ (гакива) гусэрэйни. Дюэвэни ичэрэ, эм гакива ичэми ая, туй найсал мурундуэчи мурчичи: «Эйду гаки тэсини, улэнди отолиро! — Гэ, ая, гакива мурчии.» Тотара «Эси-тэни мамава, мама ундивэни ичэру, досодиру. — Ая.» Туй досоди най тэрэк найва, дякава мурчини-гоа^н.

2. «Хайду, халиа» хэсэду «-тани» пасикамба гусэрэгуэри

Эси-тэни эркимбэ гусэрэй хэсэду тэй «-тани» пасикамба гусэрэгуэри. Тэде, тул-тул тэй агбиндини-гоа^н: эси-тэни, тотара-тани, тотапи-тани... Ичэ-русу «Пакап» ниңманду 117-ава, 119-эвэ, 120-ава:

-
1. Эм мапа, мама балдихани. Тэй пик-тэчи-тэни эм наондөкан бичини.	1. Один старик, старуха жили. Их сын один мальчик был.
2. Тэй-тэни туй бие, туй бие. Наон-дөкан-тани купини-гуэ.	2. Они (старик и старуха) так жили, жили. А мальчик играет.
-

⁴ Тэй даңсаду хэм уңки^н эму^н-дюэр-ила^н. туй нирукту, эй намчия^н, ми-дэ эй таомба нируи. Нанайди нируктувэни тэй даңсадо-мат нируи, лоча нируктувэни няңга гой ниругухэмби. Приложениеду нэанчи лоча хэсэдиэни нирукту бини, гучи таду ми мэ-нэ гой нируктувэ аңгохамби бини-гоа^н: пасиканди чалихамби, лингвистика гой-гой саичадини-да (глоссади) эйвэ нирухэмби, дуэду эй саичава тунсэрэхэмби.

[...]	[...]
115. Гэ, тэй наондөканд-да даи най осигохани [...]	115. Ну, тот мальчик большим стал [...]
116. Гэ, тэй наондөканди дюэдиэри эдилэгүхэ. Туй би.	116. Ну, того мальчика вдвоем в мужья взяли. (две пудины). Так было.
117. Эси-тэни туй бимэриэ ундини-гуэ эм модан тэй пудинсэл:	117. Теперь, так живут, говорят однажды те пудины:
118. «Эпэ дака, эси долбо хамача сиа-симбани долдихан-да эди ниэрэ-суэ! — ундини-гуэ. — Эди ниэрэ-суэ!» — ундэ.	118. «Дорогой свёкр, сегодня ночью, какие бы звуки ты ни услышал, не выходи [из дома]! — говорят. — Не выходи!»
119. Эси-тэни тэй-тэни долбо-тани нирги-да, коңгари-да, кутэри-дэ осихани-гоа.	119. Теперь той ночью стало греметь, стучать, шуметь.
120. Эси-тани тэй мапачан-тани:	120. Теперь тот старик:
121. «Хамача хуэдэури?» — ундини-ус. [...]	121. «Что [мне] терять?» — говорит. [...]

«Халя-уңгуй», «-до»-ку маңга хэсэду «-тани» пасика^м бими мутэйни, ичэусу «Халато^м моха^м» ниңманду туй би:

86. Туй хайридоани-тани эм кэкэ эу-хэни.	86. Когда он так кричал , вышла на берег служанка..
--	--

«Халя»-мат «хайдо» хэсэ тэй пасиканди бими мутэйни. Пэгилэ би «Юрги мэргэ^м» ниңманду 104-чиз ичэдемэ.

3. «Далай» хэсэду тэй «-тани» пасикамба гусэрэгүэри

Гой-гой хэсэдуэни «тайни?»-хэсэ дяка-да биэси. Уңкиндүэни тэй хэсэ гой-гой дякава далайни, тотапи-тани ми тэйва «уңкиндү далай хэсэ» гэрбиэси. Нанай хэсэдуэни тул-тул уңки^м дуэдуэни би. Далай хэсэ дуэдуэни тэй «-тани» пасика^м эмдэ-эмдэ агбиңкини. Ичэусу «Юрги-мэргэн» ниңманду 8-ава, 57-ава, 109-э, 111-эвэ. Эрдэңгэ биэс-кэ. Аврорин нирухэни «сайна-уңкиндү» эй бини, тотапи-тани ми мурчи, эйду гой гоко эй «-тани» пасика^м илисини.

1. Эм мэргэн пиктэку балдини. Аси-ни-тани буйкин. Пиктэи удихэни.	1. Жил один мэргэн с ребенком. Его жена умерла. Дочь воспитывает.
2. Туй боаточими туй пулси. Такто таңго, дэрсун дэхи тиас би, уликсэ маня.	2. Охотиться ходит. Сто амбаров, сорок вешал полные, одно мясо.

-
3. Гэ, **эси-тэни** туй тамиа, туй **та-миа-тани** тэй пиктэни такточи энэхэни.
4. Такто дони гэун, уликсэ-дэ аба, хай-да аба.
5. Тэй тактои довани-да хэм пулси-хэни, хэм аба. Хони тайси?
6. Чадо эм балана най аңгохани согдатама элбэнэ би.
7. Чава хукугурэ, дёкчи гадёхани.
8. Тэй элбэни пасивани чалихани, силкоха, дэрбэчирэ **силкора-тани** тэй согбоа-тани дэрбэчирэ пуухэни-гуэ.
[...]
57. Ми андарби эй биру эдени ходёгой **бахани-тани**, уйпэ дэгдэми пулси, — унди, —
[...]
81. Туй тами, туй тамиа аркиңгоани исиханигоани тэй сиңгэрэнгуэни, **чава-тани мэргэн-тэни** эй бундиэ **мэргэн-тэни** дяпахани-гоа
82. «Тэй сиңгэрэвэ?»
83. «И».
99. Гэ, таванки **исигоханди-тани** тэй Юрги мэргэн-тэни туй энэе энэдэси, соксил-тани-да кутэх-кутэх.
100. Тэй **мэргэн-тэни** туй **соксил-тани** хамаивани туй няңга-няңга туй тактолани, туй энэйни, энэйни, энэйни.
101. **Туй тамиа-тани** оякталани такточим энэхэни.
102. Бундиэ мэргэнди Юрги мэргэн дэрэдихэ.
103. Таванки туй энэми-дэ то хаңпаңкини, нёамбани тэй тунепунди пачилахани, пачилара ваха.
3. Ну, **теперь** так есть, **так есть**, та дочь к амбарам пошла.
4. В амбаре пусто, ни мяса, ничего нет.
5. Тех амбары внутри все обошла, ничего нет. Что делать?
6. Там один давно сделанный человеком парус был из рыбьей кожи.
7. Его свернула и принесла в дом.
8. Отрезала от паруса клочок, постирала, замочив, **постирав** ту рыбью кожу, замочив сварила.
[...]
57. Мой друг, этого селения хозяин, **нашел** себе зятя, который поверху ходит, летая, — говорит.
[...]
81. Так было, так было, к водке по-добралась та крыса, **ту герой** этот наш **герой** взял.
82. «Эту крысу?»
83. Да.
99. Ну, затем с **приближением** тот Юрги-мэргэн так идти не может, лыжи его кутэк-кутэк стучат.
100. **Мэргэн** на его **лыжи** сзади так немного так наступая идет, идет, идет.
101. **Потом** сверху наступая пошёл.
102. От нашего мэргэна Юрги мэргэн отстал.
103. Потом так идя лося догнал, его той лыжной палкой ударил, ударив, убил.
-

-
104. Тэй то тухэни, нёани оялани-тэни тэгүхэни.	104. Тот лось упал, а он на него сел.
105. Дяи халачими, дамахива омими, тэсини.	105. Товарища ждет, табак курит, сидит.
106. Туй тапиу, нёани эчиэ отолиани, оңбойни гичиан-гичиак тайни.	106. Через некоторое время, он не мо- нял, холодно ягодицам стало.
107. Тотара ичичухэни то аба.	107. Посмотрел, лося нет.
108. Нёани-тани эй пэруи сородала симатаду тэсихэни.	108. Он , эти штаны намочил — в сне- гу сидит.
109. Таванки илигора, мочогоми-тани тэй диаи баогохани-гоани.	109. Затем встал, стал возвращаться , опять друга [Юрги мэргэна] встретил.
110. Элэ, хаим-да мугэдэси туй очини.	110. Тот уже все, ничего делать не мо- жет, таким стал.
111. Нёамбани-тани , мова эгди мо- салба аносими-тани ,	111. Его , деревья, много деревьев дви- гая ,
112. чирэхэни-гуэ Юрги мэргэмбэ.	112. придавил ими Юрги мэргэна.
-

Тэлчиурихэндуэни, «асини» хэсэду тэй «-тани» пасика^н бини, тотара «-тани» гой хэсэду абани-гоа^н. Хайми? Ми мурчии, тэй асини аба осихани, буйкини-гоа^н. Тэй мэргэн-тэни гусэрэнчи, тэй «-тани» пасика^н ана, «мэнэ ди- дюхэни-гоани».

Ми эй гусэрэнду гой эрдэнгэвэ бāхамби-гоа^н. 81-й уңкимбэни ичэусу, ча- ду гусэрэй най туй эгди тэй «-тани» пасикамба уңкини, тэй досоди най хо- чиара, мэдсэхэни: «тэй снүгэрэв?» («уйвэ-дэ гусэрэйси отолиасимби!»).

Тэй «-тани» пасика^н хайговани гой эрдэнгэ гусэрэ^н ичэвэндини, «Морин пиктэни» ниңманду, 189-э. Гусэрэй най гусэрэндуи досоди найва гэлэвэнди- ни, хай дяка агбиндини-ос? Тэй досодий най сайна эйвэ сāгоми маси халачи- ни бидерэ.

-
184. Наондёкан-тани тэй агдои ха- дол-хадол бичи, туй тами энэлу- хэни-гуэ.	184. Мальчик у брата своего несколь- ко дней пожил и затем отправился дальше.
185. Удир дуэнтэ долани туй энэлу- хэни.	185. По тайге, по лесу отправился дальше.
186. Эмүчэкэн соктади. Сокта тэтугу- хэ, туй энэй, энэй, энэй.	186. Один на лыжах. Лыжи надел и так идет, идет, идет.
187. Энэми, эм оничи хуэлихэни.	187. Идет, перевалил на горную реку.
188. Тэй они-тани даи они, даи, даи они, вообще дарами, даи соңта хэй-да хэм хэй чала.	188. Эта горная река, большая горная река, большая-большая река, во- обще широкая, глубокая с силь- ным течением.
-

189. О, чукин дяка эй-гэни! Хамача дяка хэйни!	189. О, плохая вещь это! Какая вещь пльвёт?
190. Най ниаксани, най гирмаксасални, най сэксэни туй хэйни. Эй-кэ улэн дяка биэси эй!	190. Человеческий гной, человеческие кости, человеческая кровь так течет. Ничего хорошего!

Гэ, тэй «-гани» пасика^н пāва-мат дёбойвани ми сāгора, нянга улэлэ тэй хэсэкэмбэ отолихамби: тиатардо-мат, кинодо-мат гусэрэй най татай дякади-мат сику^н дякава сику^н эринду сику^н бэунду иливандини (эйду сику^н хайва-да гусэрэгуи), досоди найчи эйвэ ичэвэндини.

Ми глоссату «-гани» пасикамба «NSD» саичади нируи, англий хэсэдиэни «new situation decorator».

Туй тами, ми эму^н-дюэр «-гани» пасика^н агбиндивани отолиасимби, тамача пасика^н «Дурдул омор» ниңманду агбиндини, ичэзуу:

39. «Мимбиэ эси ходёгой дяпара, амбанчи анайни-гани! », — мурчи-хэни.	39. «Меня в зятъя взял, а сам к амбану толкает! », — думает.
--	---

Сику^н хэсэвэ нирухэмби (Новые использованные термины)

хэсэ пасика^н — кусочек языка, речи, слова, здесь «частица»

уңки^н — сказанное, здесь «предложение»

далай хэсэ — управляющее слово, здесь «глагол»

Эй даңсасалдиади хайва-да дяпахамби (Литература)

Аврорин В.А. 1961. *Грамматика нанайского языка: Т. 2: Морфология глагольных и наречных частей речи, междометий, служебных слов и частиц*. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР.

Кастен Э., Бельды Р.А., Булгакова Т.Д., Заксор Л.Ж., Киле Л.Т. 2012. *Нанайские сказки*. Kulturstiftung Sibirien. См. также приведённые тексты в издании: Булгакова Т.Д., Бельды Р.А., Бельды И.А. 2022. *Нанайские сказки и песни на нанайском и русском языках: сборник нанайского фольклора. Полиметалл, Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Хабаровского края*. Хабаровск: Моби Дик.

Оскольская С.А., Стойнова Н.М. 2013. Русские союзы в современном нанайском языке. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*, № 3, 362–389.

Петрова Т.И. 1960. *Нанайско-русский словарь: Около 8.000 слов.* Л.: Учпедгиз. Ленингр. отд-ние.

Расширенная версия этой статьи находится по ссылке:

II. РЕФЕРЕНЦИЯ

РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ ВЫБОР В СИСТЕМЕ УКАЗАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНЕЙ ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

О.И. Беляев

МГУ имени М.В. Ломоносова, НОШ «Сохранение мирового культурно-исторического наследия»; Институт языкознания РАН

1. Введение

В этой статье я стремился отдать дань двум центральным составляющим научных интересов А.А. Кибрика: с одной стороны, исследованию референциальных систем и референциального выбора в русском языке и в типологической перспективе, с другой стороны, описанию, поддержке и сохранению малых языков России. К сожалению, первая тема, во многом закрепившаяся в отечественной науке благодаря работам Андрея Александровича и его ближайших коллег (Kibrik, Krasavina 2005; Кибрик и др. 2010; Kibrik 2011; Loukachevitch et al. 2011), пока остаётся сравнительно неисследованной в малых языках, прежде всего из-за отсутствия для них корпусных ресурсов нужного объёма. Осетинский язык является на фоне многих других языков счастливым исключением, так как обладает представительными письменными корпусами на обоих диалектах и солидным устным корпусом. В настоящей работе я попытаюсь обозначить возможные пути исследования этой проблематики в осетинском языке, ограничившись небольшим подмножеством его референциальной системы: указательными местоимениями.

Осетинский язык (иранская группа, около 500 000 носителей), распространённый преимущественно на территории Республики Северная Осетия — Алания (Россия) и в Республике Южная Осетия, делится на два диалекта: иронский и дигорский. Каждый из этих диалектов имеет свою литературную норму; в статье рассматриваются литературный иронский и дигорский. Осетинский язык обычно описывают как имеющий указательные местоимения двух степеней дейксиса (и. *ай, ацы* / д. *а, аци* ‘этот’ и и. *уый, уыцы* / д. *е, еци* ‘тот’). Однако это описание не исчерпывает всего разнообразия этих показателей и их реального распределения. В частности, в анафорической функции может использоваться не только местоимение ‘тот’, но и, в некоторых случа-

ях, местоимение ‘этот’; в дигорском диалекте в приименной позиции, помимо ближнего дейктика, имеется не одно, но два местоимения дальнего плана: *еци* и *уоци* ‘тот’. Все эти вопросы будут рассмотрены в настоящей статье по данным письменных и устных корпусов иронского и дигорского, а также переводов Нового Завета.

2. Распределение указательных местоимений в дискурсе

В основных грамматических описаниях осетинского языка содержится исчерпывающая информация о склонении указательных местоимений в иронском (Гагкаев 1952; Абаев 1959; Ахвледиани (ред.) 1963; Багаев 1965) и дигорском (Исаев 1966) диалектах. В обоих диалектах осетинского языка указательные местоимения имеют две степени дейксиса: ближнюю (‘этот’) и дальнюю (‘тот’). Самостоятельные формы демонстративов имеют вид и. *ай* / д. *а* ‘этот’, и. *уый* / д. *е* (косвенная основа *уо-*) ‘тот’. Эти формы не могут употребляться в приименной позиции; она требует присоединения к демонстративу специального суффикса и. *-цы* / д. *-ци*. Важно, что если ближний демонстратив в обоих диалектах имеет только одну форму и. *а-цы* / д. *а-ци* ‘этот’, то дальний демонстратив в дигорском имеет два варианта от двух основ: *е-ци*, *уо-ци* ‘тот’ (ср. и. *уы-цы* ‘тот’).

2.1. Иронский диалект

В иронском диалекте демонстратив *ай* ‘этот’ как в самостоятельном, так и в приименном употреблении имеет преимущественно дейктические употребления. Так, в иронском переводе Нового Завета встретилось всего 40 примеров формы *ай* ‘этот, этого’¹ против 2307 примеров формы *уый* ‘тот, того’. Примеры с этим местоимением почти всегда имеют собственно дейктическую функцию. Характерно, что практически все 40 примеров *ай* в Новом Завете используются в прямой речи. Исключений всего четыре, и только в них можно говорить об анафорической интерпретации. В двух из них *ай*, по-видимому, используется для референции к несубъектному участнику предшествующего предложения (т. е. при смене подлежащего), см. (1).

- (1) ... *уый са= хæлардзинад-ы тыххæй куы нæ сы-ст-а*
 тот.Nom их дружба-Gen для если Neg Pv-вставить-Sbjv.3Sg
æмæ =йын куы нæ ратт-а, фæлæ =йæ ай уæддæр
 и он.Dat если Neg давать.Pfv-Sbjv.3Sg но он.Gen этот.Nom всё-таки

¹ Архаичный вариант номинатива *а* встретился только в идиоматическом сочетании *а дуне* ‘этот мир’.

куы-нæ-уал уадз-а...
если-Neg-больше оставлять-Sbjv.3Sg

(И сказал им: положим, что кто-нибудь из вас, имея друга, придёт к нему в полночь и скажет ему: «друг! дай мне займы три хлеба, ибо друг мой с дороги зашел ко мне, и мне нечего предложить ему»; а тот изнутри скажет ему в ответ: «не беспокой меня, двери уже заперты, и дети мои со мною на постели; не могу встать и дать тебе.») ‘Если [говорю вам] он не встанет и не даст ему по дружбе с ним, то по неотступности его...’ (встав, даст ему, сколько просит.) (Лк. 11:8)

Это употребление напоминает использование *tot* вместо более обычного *он* в русском языке (Кибрик 1987; 1988; Kibrik 2011: 420ff., 8.6.3, 9.3.2). Буквальный перевод последней части осетинского фрагмента по-русски звучал бы, как «...но если тот всё-таки его не оставит»; в этом контексте русское *он* может относиться только к другу, находящемуся в доме.

Параллель между осетинским *ай* и русским *tot* — если она подтвердится в ходе дальнейших исследований — нетривиальна. В Kibrik 2011: 331 указано, что стратегия, похожая на русскую, встречается также в других языках Северной Европы и, возможно, является одной из черт циркумбалтийского языкового союза. Однако во всех указанных языках конкурируют личное местоимение 3 лица и указательное местоимение, тогда как в осетинском конкурируют между собой два указательных местоимения, причём «альтернативным» вариантом оказывается ближний, а не дальний дейктик. Впрочем, если считать, что *уый* в осетинском также является местоимением 3 лица, то можно провести структурную параллель с циркумбалтийскими языками: местоимение 3 лица, с каким бы словом оно формально ни совпадало (*уый* в осетинском, *он* в русском), конкурирует с демонстративом, который не выполняет этой функции (*ай* в осетинском, *tot* в русском).

Местоимение *уый* ‘тот’, напротив, помимо дейктических контекстов, свободно употребляется в анафорической функции (2).²

- (2) **Уый** сы-стад æмæ а-цыд Йæ= фæд-ыл.
tot.Nom Pv-вставить[Pst.3Sg] и Pv-идти[Pst.3Sg] его след-Super
(Проходя отсюда, Иисус увидел человека, сидящего у сбора пошлин, по имени Матфея, и говорит ему: следуй за Мною.) ‘И он встал и последовал за Ним’. (Мф. 9:9)

Приименные демонстративы *ацы* ‘этот’ и *уыцы* ‘тот’ распределены аналогично. Ближний дейктик встречается в Новом завете в 314 контекстах,

² Дальние дейктики также обязательно используются в коррелятивной конструкции, см. (Беляев 2014; Belyaev 2014).

дальний — в 1133. Как и *ай*, *ацы* чаще всего употребляется в прямой речи при указании на непосредственно присутствующий поблизости объект. Демонстратив *уыцы* ‘тот’ также может использоваться в дейктической функции для указания на более отдалённый предмет, но в подавляющем большинстве примеров ИГ с этим демонстративом отсылает к ранее упомянутому референту: ср. (3), где *уыцы* переводит русское *этом*, которое доминирует в этой функции в русском языке (Падучева 1985: гл. 8, § 1).

- (3) *Дон куы ра-ивылд семæ уы-цы хæдзар-ыл куы а-хæцыд...*
 вода когда Pv-литься[Pst.3Sg] и тот-Det дом-Super когда Pv-держать[Pst.3Sg]
 (Он подобен человеку, строящему дом, который копал, углубился и положил основание на камне.) ‘Когда случилось наводнение и вода напёрла на **этот дом...**’ (Лк. 6:48)

Эти данные в целом подтверждают традиционную точку зрения, согласно которой в осетинском языке именно дальний дейктик заменяет местоимения третьего лица. Интерес представляет тот факт, что эта же дистрибуция распространяется и на приименные контексты. Кроме того, ближний дейктик *ай* всё же может использоваться в анафорической функции при неоднозначности выбора референта; такая функция аналогична анафорическому употреблению местоимения *тот* в русском языке.

3.2. Дигорский

Судя по корпусным данным, распределение ближних и дальних дейктиков в дигорском диалекте в целом эквивалентно иронскому: дальний дейктик *е* используется для дискурсивной анафоры, тогда как ближний дейктик *ай* имеет в основном только собственно дейктическую функцию. Сложность в дигорском диалекте представляет приименная позиция, поскольку в ней, как было сказано выше, в функции дальнего дейктика могут использоваться формы, образованные от двух основ: *еци* и *уоци* ‘тот’.

Распределение этих форм пока неясно. Как было указано ещё в Абаев 1989: 5–6, *уоци* по сравнению с *еци* используется сравнительно редко. Действительно, в дигорском письменном корпусе имеется 254 вхождения *уоци* против 12 387 у *еци*. По всей видимости, *уоци* не имеет собственно дейктического значения и употребляется только для внутритекстовой анафоры; во всяком случае, примеров обратного мне не встретилось. Если в письменном корпусе это можно объяснить спецификой текстов, то в устном корпусе дейктических контекстов немало, но во всех используется *еци*.

Местоимение *уоци* используется всего в пяти контекстах, все из которых предполагают дискурсивную анафору, ср. (4), однако *еци* в этой функции гораздо частотнее.

- (4) *‘Ма æр-æмбурд=у-уионца, æнагъæна Гъæпæн Дигора ка ‘й,*
и рv-собрание=быть-Opt.3Pl весь равнина Дигория кто быть.Prs.3Sg
е-таæ гъе-ууо-ци кувд-маæ.
тот-Pl вот-тот-Det кувд-All
(Кувд они тоже устраивали вместе, Циргъесæни кувд. В начале сенокоса
устраивали Циргъесæни кувд, вон там.) ‘**Вся равнинная Дигория собира-**
лась на этот кувд’. (Мæхческ 88.1)

Данные письменного корпуса показывают, что *уоци*, возможно, используется для выбора более дальнего из потенциальных antecedентов. В (5) первое выражение *йеци сæрдæ* ‘тем летом’ не относится ни к какому конкретно-му antecedенту, задавая время повествования, тогда как *уоцирдæмаæ* может иметь два потенциальных референта: либо *гъæдрабун уотари* ‘в кутане на опушке леса’, упомянутый в предшествующей клаузе, либо место под плакучей ивой на берегу реки, обозначенное ранее. Можно предположить, что *уоци* здесь используется для указания на то, что antecedентом является место у плакучей ивы, но не кутан.

- (5) *Æз йе-ци сæрдæ цард-тæн гъæдрабун уотар-и, йе ба*
я тот-Det лето жить-Pst.1Sg опушка кутан-In тот Contr
уо-ци-рд-æмаæ³ йе= ‘ргъау арах скъæр-идæ.
тот-Det-сторона-All его стадо часто гнать-Opt.3Sg
[Стадо собралось в кучу на берегу реки и стояло на привале. На берегу
реки, около стада, под плакучей ивой сидел я и старый пастух Бидзих.
Шла половина месяца с тех пор, как мы познакомились с Бидзихом.]
‘**Тем летом** я жил в кутане на опушке леса, а он часто **в ту сторону** гонял
своё стадо’. (Малити Геуæрги, Æхгæд зæрдæ)

В (6) *уоци æмдзæвгæ* ‘то стихотворение’ не имеет в предшествующем предложении прямого antecedента: оно связано с именной группой «игра поэтической свирели» (*поэतिकон уадиндзи цагъд*).

- (6) *Уо-ци æмдзæвгæ хундт-æй «Зæрд-и дуар»,*
тот-Det стихотворение называться-Pst.3Sg сердце-Gen дверь

³ Показатели и. *-(ы)рдæм / д. -(æ)рдæмаæ* ‘в сторону’, и. *-(ы)рдыгæй / д. -(æ)рдыгæй* ‘со стороны’ в осетинском языке имеют смешанный статус между падежными показателями и реляционными именами. В этом качестве они могут присоединяться к атрибутивным показателям (‘в эту сторону’, ‘в ту стороны’), и поэтому соответствующие формы являются в дигорском единственными пространственными выражениями, образующимися как от основы *е-*, так и от основы *уо-* (*уоцирдæм, ецирдæм, уоцирдыгæй, ецирдыгæй*).

«ра-йгурд-æй» **е-ци анз-и** уалдзæг-и фиццаг бон.

Pv-рождаться-Pst.3Sg тот-Det год-Gen осень-Gen первый день

(Поэт Созури Багараев впервые услышал игру поэтической свирели в 1908 году.) **‘Это (уоци) стихотворение** называлось «Дверь в сердце», (оно «родилось» в первый день осени **того (еци) года**’.

Такой тип связывания получил в англоязычной литературе название bridging (Clark 1974); известно, что в иронском диалекте такое ассоциативное связывание допустимо именно с демонстративом *уыцы*, в частности, в коррелятивах (Беляев 2014; Belyaev 2014; Belyaev, Naug 2014). Можно высказать предположение, что ассоциативное связывание в дигорском возможно только при использовании *уоци*, но не *еци*. Сюда же можно отнести встретившиеся мне в текстах случаи, где *уоци* употребляется в значении ‘тот же’, ‘такой же’.

Таким образом, хотя выбор между *еци* и *уоци*, по-видимому, не подчиняется строгим правилам, можно предположить влияние двух факторов: во-первых, расстояния до antecedента и наличие между ним и ИГ других потенциальных antecedентов; во-вторых, типа анафорического отношения: *уоци* может предпочитать различные нестандартные типы кореферентности, такие как ассоциативное связывание (bridging) или анафора к признаку (‘тот же’, ‘такой же’).

3. Заключение

В статье были сделаны первые шаги для описания референциального выбора в осетинском языке. Несмотря на то, что был рассмотрен только небольшой фрагмент референциальной системы, — указательные местоимения, — удалось выявить несколько важных закономерностей. В частности, подтвердилось указанное в грамматиках обобщение, согласно которому дальний дейктик (*уый*, *уыцы*) используется в осетинском языке вместо местоимений 3 лица. Также были обнаружены периферийные примеры употребления ближнего дейктика *ай*, *ацы* в анафорической функции, причём его функция представляется аналогичной функции местоимения *тот* вместо *он* в русском языке. Наконец, была обозначена проблема выбора между указательными местоимениями *еци* и *уоци* в дигорском и высказано несколько гипотез о факторах, влияющих на этот выбор. Сам факт наличия отдельного указательного местоимения, употребляющегося только в позиции детерминанта и при этом, судя по всему, не имеющего собственно дейктических функций, представляется типологически интересным. Очевидно, в истории осетинского языка парадигмы двух дейктических местоимений слились в одну, но по каким-то причинам обе основы сохранились в приименной позиции.

Несомненно, полноценное исследование референциального выбора в осетинском языке раскроет множество других интересных особенностей его системы местоимений. Мы стоим лишь в начале большого пути, но сам этот путь оказался возможен в значительной мере благодаря исследованиям А.А. Кибрика, так много сделавшего для развития исследований по этой теме как в русском языке, так и на более широком типологическом материале. Андрей Александрович был моим научным руководителем на 2–3 курсах ОТиПЛа, и, хотя моя основная тема в тот период была совсем другой, я всё же успел немного поучаствовать — как (очень ленивый!) разметчик корпуса и как (не очень эффективный) программист — в его исследованиях референциального выбора. Я был рад вернуться к этой теме и очень благодарен Андрею Александровичу за вдохновляющий пример подлинной научной точности и профессионализма, сочетающихся с по-настоящему тёплым человеческим отношением. Андрей Александрович, от всей души желаю Вам продолжать стимулировать наши умы новыми научными идеями и открытиями, и чтобы никакие административные обязанности не могли этому помешать, но, напротив, — насколько это возможно, — могли служить источником вдохновения. Многая лета!

Л и т е р а т у р а

- Абаев В.И. 1989. *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. I: А–К?, 1958. Т. IV: У–Z, М.–Л.
- Абаев В.И. 1959. *Грамматический очерк осетинского языка*. Орджоникидзе,
- Ахвледиани Г.С. (ред.) 1963. *Грамматика осетинского языка*. Т. 1. *Фонетика и морфология*. Орджоникидзе.
- Багаев Н.К. 1965. *Современный осетинский язык*. Т. 1. *Фонетика и морфология*. Орджоникидзе.
- Беляев О.И. 2014. *Коррелятивная конструкция в осетинском языке в типологическом освещении*. Дисс. ... канд. филол. наук. МГУ имени М.В. Ломоносова.
- Гагкаев К.Е. 1952. *Очерк грамматики осетинского языка*. Орджоникидзе.
- Евангели 2002. *Йесо Киристей Евангели. Иоанни финст*. Мæску.
- Кибрик А.А. 1987. Механизмы устранения референциального конфликта // А.Е. Кибрик, А.С. Нариньяни (ред.). *Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах*. М., 128–145.
- Кибрик А.А. 1988. *Типология средств оформления анафорических связей*. Дисс. ... канд. филол. наук, Институт языкознания РАН.
- Кибрик А.А., Добров Г.Б., Залманов Д.А., Линник А.С., Лукашевич Н.В. 2010. Референциальный выбор как многофакторный вероятностный процесс // *По материалам международной конференции Диалог*. М., 173–180.

- Ног Фæдзæхст 2004. *Нæ Хицау Йёсо Чырыстийы Ног Фæдзæхст*. Мæскуы.
- Падучева Е.В. 1985. *Высказывание и его соотносённость с действительностью*. М.
- Belyaev O. 2014. Anaphora in Ossetic correlatives and the typology of clause combining // P. Suihkonen, L. Whaley (eds.). *On diversity and complexity of languages spoken in Europe and North and Central Asia*. Amsterdam, 275–310.
- Belyaev O., Haug D. 2014. Pronominal coreference in Ossetic correlatives and the syntax-semantics interface // M. Butt, T.H. King (eds.). *Proceedings of the LFG '14 Conference*. Stanford, CA, 89–109.
- Cheung J. 2008. The Ossetic case system revisited // A. Lubotsky, J. Schaeken, J. Wiedenhofer (eds.). *Evidence and Counter-Evidence. Essays in honour of Frederik Kortlandt*. Vol. 1: *Balto-Slavic and Indo-European linguistics*. Amsterdam, 87–106.
- Kibrik A.A. 2011. *Reference in discourse*. Oxford.
- Kibrik A.A., Krasavina O.A. 2005. A corpus study of referential choice: The role of rhetorical structure // *Proceedings of DIALOG '05*. Moscow.
- Loukachevitch N.V., Dobrov G.B., Kibrik A.A., Khudyakova M.V., Linnik A.S. 2011. Factors of referential choice: Computational modeling // А.Е. Кибрик и др. (ред.). *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции Диалог*. Т. 10. Москва: РГГУ, 458–467.
- Thordarson F. 1989. Ossetic // R. Schmitt (ed.). *Compendium Linguarum Iranicarum*. Wiesbaden, 456–479.

Расширенная версия этой статьи находится по ссылке:

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ В ФОРМУЛАХ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ

Е.В. Буденная

НИУ «Высшая школа экономики», Институт языкознания РАН
jane.sdrv@gmail.com

Этой небольшой статьёй хочу выразить особую признательность Андрею Александровичу Кибрику, который в свое время предложил мне заняться исследованием различных референциальных явлений. С тех пор утекло немало лет и разных других проектов, однако местоименные подлежащие оказались поистине неисчерпаемой темой как в синхронической, так и в моей любимой диахронической перспективе. В каком-то смысле именно эти исследования стали началом моего научного пути, который во многом состоялся благодаря Андрею Александровичу, моему научному руководителю и учителю.

1. Введение

Среди диахронических исследований русского языка особое место занимает изучение **референциальных стратегий** — в первую очередь, в отношении подлежащего. В частности, процессу распространения немаркированных личных местоимений и переходу от референциальной модели типа *далъ есмь* (XII в.) к *я дал* (середина XVII в. и далее) посвящена обширная литература (Борковский 1949, Lindseth 1998, Meyer 2011, Кибрик 2013, Madariaga 2018 и др.). В целом исследователи сходятся на том, что массовый переход к модели *я дал*, а также распространение местоименной модели на презентные формы (переход от *даю* к *я даю*) происходит в XVI в. Засвидетельствованный процесс массовой экспансии местоимений коррелирует с утратой глагольных связок в перфекте и именных клаузах и, по видимому, является его следствием (Буденная 2020).

Тем не менее если процесс массового перехода (XV в. и далее) к современной местоименной модели в целом достаточно широко изучен, то референциальные модели текстов более раннего периода отдельно системно не исследовались. Общепринятым в отношении памятников этого времени является тезис о том, что по умолчанию в них использовалась модель без эксплицитно выраженного местоимения (*дал есмь* / *даю*, соответственно). Однако отмечается и то, что в некоторых случаях местоимения все же употреблялись,

причем в немаркированной позиции (Зализняк 2008: 245): *язо солю 4¹ дворяно* ‘Я шлю 4 дворян’ [531, начало XIII в.]. Такого рода употребления не могут быть сведены к утрате форм вспомогательного глагола, случившейся гораздо позже, и являются отдельным предметом исследования.

В.И. Борковский (1949: 105) связывает постепенное увеличение числа немаркированных субъектных местоимений с влиянием эмфатических и контрастивных местоимений, которые, в свою очередь, могли способствовать закреплению двучленной референциальной модели в сознании носителя. А.А. Зализняк (2008: 243), однако, указывает на то, что зона «обязательных» местоимений в диахронической перспективе в целом не менялась и фактически сохраняется в том же виде и в современном языке; в связи с чем А.А. Кибрик (2013: 237) обращает внимание на необходимость фильтрации данных контекстов при изучении экспансии немаркированных местоимений (этот принцип также был взят за основу в работах Буденная 2018, 2020). Тем не менее представляется, что системное изучение контекстов употребления маркированных местоимений тоже способно пролить свет на особенности древнерусской референции до XV в. В частности, интерес представляет сама дистрибуция такого рода моделей: если будет обнаружено, что сам по себе процент эмфатических и контрастивных местоименных вхождений в одних и тех же фиксированных контекстах — в частности, в этикетных формулах — со временем растет, тезис В.И. Борковского о возможном влиянии этих контекстов на остальные может быть дополнительным образом подкреплен.

В связи с этим мы постарались рассмотреть развитие ряда внутритекстовых этикетных формул, теоретически способных принимать местоименное подлежащее первого лица, в диахронической перспективе. Такими формулами являются вхождения с глаголами *покланятися*, *кланятися*, *цгловати* и выражением *челом бити*. В этой работе мы рассмотрим все употребления этих формул в берестяных грамотах.

2. Этикетные формулы: данные берестяных грамот

Весь корпус берестяных грамот был нами предварительно разделен на 3 хронологических периода, в соответствии с работой Зализняк 2004: 1) XI–XII вв., 2) XIII — 1-я половина XIV вв., 3) 2-я половина XIV–XV вв. А.А. Зализняк (1987: 158–159) отмечает, что к XV в. существенно увеличивается процент адресных «почтительных» этикетных формул с адресными субстантивными коррелятами вида *покланяние/поклон/челобитие от X к Y*, по сравнению с нейтральными формулами вида (*грамота*) *от X к Y*. В связи с этим мож-

¹ Числа приводятся в современной арабской передаче.

но предположить, что и процент по крайней мере некоторых внутритекстовых глагольных формул вида *кланяюся, покланяюся, цѣлую, челом бью* со временем также должен увеличиваться (в дальнейшем это подтвердилось для формул с компонентами *кланяюся* и *челом бью*, см. Таблицу 1). Нами эти формулы были рассмотрены на предмет наличия в них местоименного подлежащего.

Анализ берестяных грамот показал, что к концу XIV в. для всех формул, не вышедших из употребления (в частности, *покланяюся* уже в XIII в. заменяется структурно близким *кланяюся* (Гиппиус 2009: 286)), характерно наличие субъектного местоименного подлежащего в сочетании с контрастивным союзом *а*, тогда как в более ранних грамотах подлежащее в соответствующих контекстах отсутствует (см. Таблицу 1). Для всех формул прослеживается стойкая тенденция к исчезновению бессубъектных употреблений и постепенному доминированию моделей с контрастивно выделенным местоименным подлежащим (Рис. 1, χ -квадрат, p -value < 0,001).

В наибольшей степени эволюцию можно проследить на примере формулы с компонентом *кланяюся*. Так, если *покланяюся* и *цѣлую* выходят из употребления уже в начале XIII в., еще не имея местоименного подлежащего, а *челом бью* входит в употребление только в середине XV в., уже с эксплицитно выраженным подлежащим вида *а яз... челом бью*, то формулы с компонентом *кланяюся* представлены на протяжении всех исследуемых периодов. Можно видеть, что к XIV в. ранняя бессубъектная модель вида *кланяюся ти / кланяю ти ся / ся кланяю* постепенно вытесняется моделью вида *а яз(о) ... кланяюся*:

(1) [175, XII в.]

... не деле *а тебе **ся кланяю*** ‘...а тебе кланяюсь’

(2) [765, XIII в.]

*а уомилоседри[с]я братъ дае ми место зади не на цеме ся кормити и **кланяю ти ся***

‘Умилосердись же, брат, дай мне место на задах: не на чем кормиться. Кланяюсь тебе’.

(3) [501, 1-я пол. XIV]

*подо[б]оро [п]о[ѣ]ни по размери [i] мене ѳени **а яза тебе колонеюся***

‘Умилосердись же, брат, дай мне место на задах: не на чем кормиться. Кланяюсь тебе’.

(4) [414, сер. XIV]

*а цто буде надобе жене можи и ты брате смене даи жене можи **а язо тебе много кланяюся***

‘А если что будет надобно жене моей, то ты, брат Семен, дай жене моей. А я тебе низко кланяюсь’.

Таблица 1. Распределение внутритекстовых формул
покланяюся, кланяюся, цѣлую и челом бью

Глагол	Наличие/отсутствие местоименного подлежащего	XI–XII вв.	XIII — 1-я половина XIV вв.	2-я половина XIV–XV вв.
<i>покланяюся</i>	+ pronoun ²	0	0	N/A
	– pronoun	5	1	N/A
<i>кланяюся</i>	+ pronoun	0	5	8
	– pronoun	7	8	2
<i>цѣлую</i>	+ pronoun	0	0	N/A
	– pronoun	10	2	N/A
<i>челом бью</i>	+ pronoun	N/A	N/A	9
	– pronoun	N/A	N/A	3
Всего	+ pronoun	0	5	17
	– pronoun	22	11	5

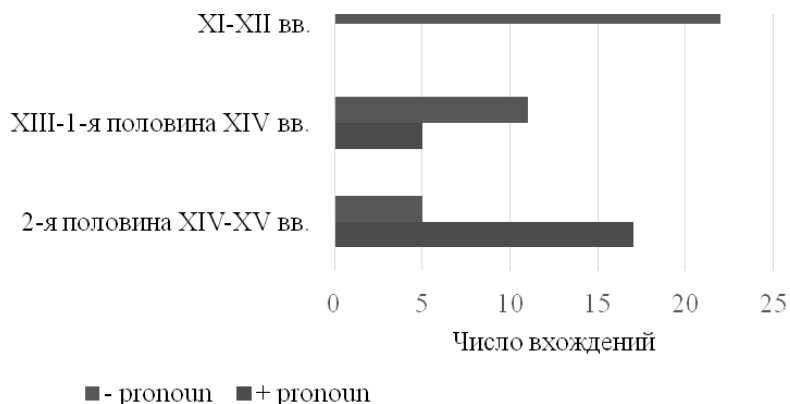

Рис. 1. Дистрибуция моделей с местоименным подлежащим в этикетных формулах

(5) [186, 2-я пол. XIV]

возми оу кануниковыхо десять лосои а другую десять возми оу данилки оу бѣшкова а даи смѣну флареву а язю тобѣ ся кланяю

‘Возьми у Канунниковых десять лососей, а еще десять возьми у Данилки Бешкова; и отдай [всё] Семену Флареву. А я тебе кланяюсь’.

² Здесь и далее этой пометой обозначается наличие (+) и отсутствие (–) местоименного подлежащего.

А.А. Зализняк связывает период конца XIV–XV вв. со становлением четкой социальной дифференциации («этикетного раболепия» (1987: 159)), отразившейся в грамотах путем увеличения числа «почтительных» формул. Можно полагать, что различия в социальном статусе отправителя и адресата накладывали свои ограничения не только на саму структуру письма, но и на референциальную модель: переключение референции с помощью оборота *а яз* дополнительно позволяло разграничить фрагменты дискурса, относимые к разным по социальному статусу персонажам. Примечательно, что само по себе употребление контрастивного союза *а* на ранних этапах не влекло за собой обязательное употребление местоимения (1): очевидно, его появлению способствовали дополнительные прагматические факторы. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что подобные элементы изредка имели место и ранее, в неформульных контекстах, когда отправитель стремился противопоставить себя адресату, см. (6–7):

(6) [959, сер. XI в.]

... то ти (еси пор)оуб[л](ъ) оу мене кобылоу *а язъ* не в[и](новат)[ъ]
 ‘Вот ты конфисковал у меня кобылу. А я в этом [деле] не виноват’.

(7) [752, XII в.]

*а въ сю недѣлю цѣтъ до мнѣ зѣла имееши оже е[с]и къ мнѣ
 н[ѣ] при]ходилъ *а язъ* тя есмѣла акы братъ*

‘Что за зло ты против меня имеешь, что в эту неделю (или: в это воскресенье) ты ко мне не приходил? А я к тебе относилась как к брату!’

Можно предположить, что осознаваемая разница в социальном статусе дополнительно способствовала развитию модели с переключением референции и появлением контрастивно выделенного субъектного местоимения.

3. Заключение

Анализ этикетных формул с субъектом первого лица, представленных в берестяных грамотах, показал, что к концу XIV в. все они начинаются употребляться в формате модели с контрастивно выделенным субъектным местоимением. Данный факт совпадает с социокультурным контекстом конца XIV–XV вв., при котором устанавливаются четкие различия в социальном статусе персонажей. Последнее могло отражаться и в референциальной структуре берестяных грамот, в связи с чем модель с эксплицитно выраженным подлежащим постепенно закреплялась. Можно предположить, что она в дальнейшем влияла и на развитие местоименной модели в других, уже менее маркированных контекстах, в связи с чем массовое распространение место-

имений в XVI в. в связи с перестройкой системы глагольных времен, пришлось на дополнительно подготовленную почву. Данные других древнерусских текстов и их взаимосвязь с системой, представленной в берестяных грамотах, остаются за рамками нашей работы и являются предметом будущих исследований.

Л и т е р а т у р а

- Kibrik A.A. 2013. Peculiarities and origins of the Russian referential system. In: D. Bakker and M. Haspelmath (eds.). *Languages Across Boundaries: Studies in Memory of Anna Siewierska*. Berlin: Mouton de Gruyter, 227–263.
- Lindseth M. 1998. *Null-subject properties of Slavic languages: with special reference to Russian, Czech and Sorbian*. München: Sagner.
- Madariaga N. 2018. Diachronic change and the nature of pronominal null subjects: the case of Russian. In: J. Casalicchio and F. Cognola (eds.). *Null Subjects in Generative Grammar. A synchronic and diachronic perspective*. Oxford: Oxford University Press, 171–198.
- Meyer R. 2011. *The History of Null Subjects in North Slavonic (A Corpus-based Diachronic Investigation)*. Habilitation Thesis. Regensburg: University of Regensburg.
- Борковский В.И. 1949. *Синтаксис древнерусских грамот: простое предложение*. Львов: Издательство Львовского государственного университета.
- Буденная Е.В. 2018. *Эволюция субъектной референции в языках балтийского ареала*. Дисс... на соискание степени кандидата филологических наук (10.02.20). МГУ.
- Буденная Е.В. 2020. В поисках триггера: книжные и некнижные тексты как маркеры различных аспектов русской референциальной эволюции. *Slověne*, v. 9, n. 2, 210–243.
- Гиппиус А.А. 2009. Наблюдения над этикетными формулами берестяных грамот. В кн.: Л.Л. Федорова (ред.). *Стереотипы в языке, коммуникации и культуре*. М.: РГГУ, 279–300.
- Зализняк А.А. 1987. Текстовая структура древнерусских писем на бересте. В кн.: Т.В. Цивьян (ред.) *Исследования по структуре текста*. М.: Наука, 147–182.
- Зализняк А.А. 2004. *Древненовгородский диалект*. М.: Языки славянских культур.
- Зализняк А.А. 2008. *Древнерусские энклитики*. М.: Языки славянских культур.

РЕДУЦИРОВАННЫЕ СРЕДСТВА РЕФЕРЕНЦИИ В БАМАНА

В.Ф. Выдрин

LLACAN, INALCO, СПбГУ

vydrine@gmail.com

1. Введение

Бамана относится к числу языков, придерживающихся стратегии использования автономных местоимений для поддержания референции. При этом он следует этой стратегии в её крайнем варианте: если в «радикально-прономинальном» языке льеле, упоминаемом в (Kibrik 2011: 78–79), нулевая референция иногда допустима для активированного референта в объектной позиции, в бамана и в подобных случаях употребление местоимений оказывается обязательным.

Личные местоимения в бамана представлены двумя местоименными сериями, слабой и сильной, см. Таблицу 1¹.

Таблица 1. Серии личных местоимений в бамана

	Слабые		Сильные	
	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
1 лицо	<i>n̩</i>	<i>án</i>	<i>nê</i>	<i>ánw /áú/</i>
2 лицо	<i>i</i>	<i>á</i>	<i>ê</i>	<i>áw /áú/</i>
3 лицо	<i>à</i>	<i>ù</i>	<i>àlê</i>	<i>òlù</i>

Местоимения обеих серий не имеют падежного словоизменения; во всех синтаксических функциях они выступают в неизменной форме.

Помимо этого, в бамана имеются указательные местоимения: ближнее *n̩n*, pl. *n̩nní*, и дистантное, *ò*, pl. *òlù*. Как мы видим, плюральная форма дистантного местоимения *òlù* совпадает с эмфатическим плюральным местоимением 3 лица, и не вполне понятно, следует ли это в синхронии трактовать как случай омонимии или полисемии.

¹ В мандеистической традиции эти серии принято обычно называть «неэмфатической» и «эмфатической».

2. Сильные и слабые личные местоимения: типологическая перспектива

В работе А.А. Кибрика противопоставлению сильных и слабых личных местоимений в языках мира посвящён специальный раздел. Отмечается, что сильным местоимениям бывают чаще всего присущи следующие функции (Kibrik 2011: 153–155):

- различительная, в тех случаях, когда прономинальный аффикс недо-различает лица;
- в сочинительной конструкции, где употребление сильной формы уравнивает местоимение по «весу» (в отношении степени активации) с полноценной ИГ;
- при фокализации (вопросы и ответы на вопросы, клефт, топикализация, сочетания с фокусирующими частицами);
- для выражения аффективности;
- переключение субъекта.

В некоторых языках сильные местоимения употребляются также в слабо-эмфатических контекстах и используются для активации статуса референта.

Отметим сразу, что различительная функция сильным местоимениям в бамана не присуща, поскольку в баманской прономинальной парадигме нет недоразличения форм². Не отмечается в бамана и повышенной частотности сильных местоимений в сочинительной конструкции, где в обеих позициях такой конструкции могут употребляться и сильные, и слабые формы.

3. Местоименные средства поддержания референции

В бамана отсутствуют «референциальные помощники», такие как грамматический род или именные классы, которые во многих языках помогают поддержанию референции (Kibrik 2011: 65ff). В то же время есть три местоимения единственного числа (слабое *à*, сильное *àlé* и указательно-анафорическое *ò*) и два множественных (слабое *ù* и сильное *òlù*)³. Не претендуя на какое-то полное исследование механизма поддержания и переключения референции в бамана, я всё же попытаюсь дать о нём хотя бы предварительное представление (при этом будут рассматриваться в основном сингулярные местоимения).

² Если не считать таковым совпадение сегментных форм (при тональных различиях!) слабых местоимений 3 ед. *à* и 2 мн. *á*. Впрочем, Масиук (Masiouk 1994) именно такое сегментное совпадение этих форм считает причиной пониженной частотности формы 2 мн. *á*.

³ Я не рассматриваю здесь рефлексивное местоимение *í*, которое также участвует в поддержании/переключении референции; об этом местоимении см. (Vydrine 1994).

Слабое местоимение *à* можно считать в бамана дефолтным средством, оно оказывается наиболее частотным. Так, для текста небольшого романа *Batigemisi* (в котором насчитывается 13692 слов) статистика употребления трёх местоимений оказалась следующей: *à* — 1389, *ò* — 405, *àlè* — 44 (отметим при этом, что в число 405 вошли и употребления *ò* в функции детерминатива; соответственно, количество прономинальных использований *ò* существенно ниже).

Для местоимения *ò* характерна функция, упомянутая ещё Бергельсон (1985: 120–125): оно представляет релятивизируемую именную группу в главной клаузе в рамках преобладающей в бамана стратегии «правосторонней релятивизации», при этом в зависимой клаузе (предшествующей главной) фигурирует полная релятивизируемая ИГ, за которой следует релятивизатор *mîn*.

- (1) [Nàfa_i mîn be sòrɔ̀ nìninkali` lá,_i ò_i té
польза\Art Rel Ipfv получать вопрос\Art в то быть.Neg
mògɔ̀ kélen tá yé.
человек один собственность как
‘Польза, которая получается от расспросов, не принадлежит одному человеку’ [Hine nana].

Отметим, что иногда релятивизируемая ИГ в составе главной клаузы всё же может быть представлена и личным местоимением *à* (2), вместо ожидаемого *ò*.

- (2) [N' í ye fèn_i mîn mén bála-den` ná,_i
если 2Sg Pfv.Tr вещь\Art Rel слышать дикобраз-ребёнок\Art в
í b' à sòrɔ̀ à_i bó-ra bála-ba` dá.
2Sg Ipfv 3Sg получать 3Sg выходить-Pfv.Intr дикобраз-мать\Art рот
‘Если ты услышишь что-то от детёныша дикобраза, то окажется, что оно вышло из уст дикобраза-матери’ [Sagesse bambara].

Однако такие случаи встречаются в текстах нечасто, и *à* не может выражать релятивизируемую ИГ в тех случаях, когда в ситуации имеется несколько участников; в таком случае *ò* (и ни в коем случае не *à*) в главной клаузе выражает именно релятивизируемую ИГ, тогда как *à* обозначает какого-то другого участника (3, 4).

- (3) [Mîn_i ka dí à_j yé,_i à_j y' ò_i màra.
Rel Qual.Aff приятный 3Sg для 3Sg Pfv.Tr то хранить
‘Он оставляет себе то, что ему нравится’ [Fula nrogotigi].
- (4) Nùmuke_i mîn be táa ù fê, ò_i dè b' à dése.
кузнец\Art Rel Ipfv идти 3Pl с то Foc Ipfv 3Sg тесать
‘Обтёсывает его кузнец, который идёт с ними’ [Fólò Kita].

Если отвлечься от контекста релятивизации, то хорошо известно (Masiuk 1994), что противопоставление местоимений *à* и *ò* используется для разрешения референциального конфликта в нарративе: первый участник обычно кодируется личным местоимением *à*, а второй — дейктическим местоимением *ò*.

Это утверждение справедливо, но оно нуждается в уточнении. В баманском механизме контроля референции оказываются задействованы все три анафорические средства — слабое местоимение *à*, указательно-анафорическое местоимение *ò* и сильное личное местоимение *àlê*. Несколько упрощая ситуацию, её можно представить так: если в описываемой ситуации имеется три участника, то, в идеальном случае, за каждым из них закрепляется одно из этих местоимений.

Рассмотрим функционирование этого механизма на следующем фрагменте из текста.

- (5) *Mámà_i kó: Músà_j nà-na í jò àlê_i kófê,*
 мама говорить Муса приходить-Pfv.Intr Refl встать 3Sg.Frt сзади
k' í sùrunya àlê_i lá, àlê_i y' í kófile, k' à_j
 Inf Refl приближать 3Sg.Frt в 3Sg.Frt Pfv.Tr Refl оглянуться Inf 3Sg
jò-len yé mînké, àlê_i ye à_j wéle, à_j
 встать-Ptcp.Res видеть когда 3Sg.Frt Pfv.Tr 3Sg звать 3Sg
nà-na, àlê_i ye jò-bére` kùn`_k dí
 приходить-Pfv.Intr 3Sg.Frt Pfv.Tr стоять-палка\Art голова\Art давать
à_j mà, à_j ye ò_k mîne, àlê_i ma sé
 3Sg Adr 3Sg Pfv.Tr то хватать 3Sg.Frt Pfv.Neg достигать
kà táa kà à_j tó yèn bilen, àlê_i ye à_j
 Inf идти Inf 3Sg оставлять там снова 3Sg.Frt Pfv.Tr 3Sg
sàma kò-ji` fê, kà kò` tige ni à_j yé...
 тащить река-вода\Art с Inf река\Art резать с 3Sg как
 ‘Мамá сказала, что Муса пришёл и остановился позади неё, приблизился к ней, она оглянулась, и когда она увидела, что он стоит, она его позвала, он подошёл, она подала ему конец посоха, он ухватился за него; она уже не могла уйти, оставив его там, она протащила его по реке, переправилась с ним через реку...’ [Manigances].

Как мы видим, Мамá, чья речь излагается в этом нарративе, сразу кодируется сильным местоимением *àlê*, и далее, до конца рассказа о событиях, это местоимение всё время реферирует к ней. Второй участник ситуации, Муса, кодируется слабым местоимением *à*, также на протяжении всего нарратива. Ближе к концу появляется третий участник (неодушевлённый) — наконецник

посоха; для его кодирования используется местоимение *ò* (впрочем, тут рассказчик обошёлся одним употреблением)⁴.

Вот ещё один фрагмент из нарратива:

- (6) *Úmarù_i kó: sènlankolon-diine` jémaa`_j àlè_i ni à_j ye bàro`*
 Умару говорить босоногий-религия\Art лидер\Art 3Sg.Frt и 3Sg Pfv.Tr беседа\Art
ké kàso` kónò Bàmakò, háli bì à_j bé kàso` lá.
 делать тюрьма\Art в Бамако даже сегодня 3Sg быть тюрьма\Art в
 ‘Умару сказал: Он (Умар) и главарь «религии босоногих» разговаривали
 в тюрьме в Бамако, тот и сейчас в тюрьме» [Manigances].

Здесь, как и в предыдущем фрагменте, тот, чья речь передаётся, кодируется сильным местоимением *àlè*, а второй участник — слабым местоимением *à* (поскольку в ситуации всего два участника, местоимение *ò* осталось невостребованным).

Наблюдаемая в приведённых фрагментах закономерность (*àlè* кодирует автора пересказываемой речи, *à* резервируется для второго участника, а если в поле зрения появляется ещё один участник, то его обозначает *ò*) подтверждается и на более обширном материале.

Если же при передаче косвенной речи в ситуации фигурирует только один участник, то сильное местоимение *àlè* может быть употреблено только при первой референции, после чего к этому же участнику (автору речи) реферирует слабое местоимение *à*.

Рассмотрим пример (7).

- (7) *Bá Wasa Jàra_i kó: tàrata, <...> àlè_i táa-ra ni à_i*
 Ба Уаса Дьяра говорить вторник 3Sg.Frt идти-Pfv.Intr и 3Sg
cè` ka màlò_j fàra-ma` bòre kèlen yé Kónòdiminin, kó
 мужчина\Art Poss рис кора-Com\Art мешок один как Конодимини что
à_i be táa ò_j fàra` bó à_j lá «machine» lá...
 3Sg Ipfv идти тот кора\Art вынимать 3Sg в машина в
 ‘Ба Уаса Дьяра сказала: во вторник ... она повезла один мешок необрушенно-го риса своего мужа в Конодимини, намереваясь его обрушить (букв.: отделить от него его шелуху) на крупорушке (букв.: на машине)...’ [Manigances].

В описываемой ситуации присутствует только один одушевлённый участник, Ба Уаса Дьяра; её муж упоминается в качестве владельца риса, но полноценным участником этой ситуации его считать нельзя. При первой референции к ней используется *àlè*, а при дальнейших — *à*. Далее появляется неодуше-

⁴ О похожем механизме поддержания референции в муан, языке южной группы манде, см. (Perekhval'skaya 2016).

лѐнный участник, необрушенный рис; для референции к нему используется сначала местоимение *ò*, затем — *à*. Впрочем, вторая референция к рису возникает в идиоматическом контексте, который устраняет двусмысленность.

* * *

В этой небольшой статье я не могу претендовать на какой-то полный охват проблематики референции в бамана; моей целью является скорее попытка поставить вопросы и предварительно наметить пути их решения. Для того, чтобы эти вопросы получили полноценные ответы, необходимы гораздо более фундированные исследования.

Условные сокращения

Adr — адресативный послелог; Aff — утвердительный; Art — тональный артикль; Com — комитативно-орнативный суффикс; Equ — копула эквативной конструкции; Foc — частица фокализации; Frt — местоимение сильной серии; Imp — императив; Inf — инфинитив; Intr — непереходный; Ipfv — имперфектив; Neg — отрицание; Pl — множественное число; Poss — possessивный маркер; Proh — прохобитив, отрицательный конъюнктив; Ptcp — причастие; Pvf — перфектив; Qual — показатель качественной глагольной конструкции; Refl — рефлексивное местоимение; Rel — релятивизатор; Res — результатив; Sbjv — конъюнктив; Sg — единственное число; Top.Cntr — частица фокуса контраста; Tr — переходный

Литература

- Kibrik Andrej A. 2011. *Reference in discourse*. Oxford: Oxford University Press.
- Masiuk Nadine. 1994. L'emploi des particules, des formes pronominales fortes, et de l'extraposition en bambara — parler de Bamako. *Mandenkan*, vol. 27, 1–110.
- Perehval'skaya Elena. 2016. Les moyens anaphoriques du récit traditionnel: un cas du mwan. *Mandenkan*, vol. 55, 175–188.
- Vydrine Valentin. 1994. Verbes réfléchis bambara. Part 1: Pronoms réfléchis. Dérivation verbale non-réfléchie. *Mandenkan*, vol. 28, 1–102.
- Бергельсон М.Б. 1985. *Синтаксис монопредикативных и полипредикативных конструкций в языке изолирующего типа (на примере языка бамбара)*. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: Институт языкознания РАН.

Расширенная версия этой статьи находится по ссылке:

REFERENT TRACKING IN EVENKI

Lenore A. Grenoble

The University of Chicago, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University
grenoble@uchicago.edu

I first met Andrej over 15 years ago, when he invited me to Moscow to give a talk in 2007. It was a formative moment for me professionally, as it reconnected me with the Moscow linguistic community and was the start of what has since become a deep friendship. Our research interests overlap almost completely, and so I was hard put to decide which topic to write about in his honor. But among his many significant contributions to linguistics, his (2011) monograph on *Reference in discourse* stands out as having broad, cross-linguistic impact on our understanding of the marking of reference and information structure. It is a book that I turn to frequently in my own research on understanding reference.

The present contribution builds on that foundational work with a small study of referent tracking and information structure in Evenki, a Tungusic language spoken by small communities who are now scattered over a wide territory of Siberia and northeastern Russia. Information structure has been more thoroughly studied in some other languages (see, for example, Gorelova 2002, 2006 for Manchu; Nikolaeva & Tolskaya 2001 for Udihe), but less is known about the northeastern Tungusic languages, such as Evenki and Even. The data here come from my fieldwork and folklore texts that were collected in the area of the Republic of Sakha (Yakutia), where Evenki is most robustly spoken these days. Evenki has a number of linguistic means for introducing and tracking referents. Despite relatively comprehensive descriptions of Evenki (e.g. Bulatova 1987; Bulatova & Grenoble 1999; Konstantinova 1964; Nedjalkov 1997), referent tracking and information structure have been largely ignored.

In Evenki, a referent tends to be first introduced (or activated, following Chafe 1994) with a full lexical noun: a noun, including a proper name, a nominalized verbal form or participle, or a modifier plus noun. It can then be referred to by use of a noun, a pronoun or a zero anaphor. A number of different pronominal categories are available for referent tracking in Evenki: personal pronouns, deictic pronouns and zero anaphora (with explicit person marking of subject on the verb). Unlike some Tungusic languages such as Oroch and Udihe, the use of personal pronouns is not restricted to human and anthropomorphized referents. The personal pronouns are given in Table 1:

Table 1. Personal pronouns in Evenki

	singular	plural
1	<i>bi</i>	<i>bu</i> (excl.); <i>mit</i> (incl.)
2	<i>si</i>	<i>su</i>
3	<i>nuŋan</i>	<i>nuŋartyn</i>
oblique		
1	<i>min-</i>	<i>mun(e)-</i> ; <i>mit-</i>
2	<i>sin-</i>	<i>sun(e)-</i>
3	<i>nuŋan- -n</i>	<i>nuŋar- -tyn</i>

The personal pronouns take case inflection, with the oblique stems, as in *min-du* ‘1SG-DAT’; Evk *nuŋar-du-tyn* ‘3PL-DAT-3PL’. There is no grammatical gender. In addition to personal pronouns, subject person is marked on the verb, which thus indexes (and tracks) the subject in discourse.

In addition to the personal pronouns, Evenki has a two-way deictic distinction of proximal/distal in the demonstrative pronouns, as in Table 2:

Table 2. Demonstrative pronouns in Evenki

proximal	distal
<i>er</i>	<i>tar</i>

Number and case are marked on the demonstrative pronouns, as in *eri-l* ‘this-PL’ and *tari-l* ‘that-PL’ in the nominative. Case suffixes follow the plural *-l*: *eri-l-du* ‘this-Pl-Dat’ or *tari-l-git* ‘that-Pl-Ela’.

As Kibrik (2011: 124–127) discusses, there is a close relationship between 3rd person pronouns and demonstratives cross-linguistically, as evidenced by the fact that the person pronouns often develop from demonstratives (Majtinskaja 1969 in Evenki), the demonstrative pronouns can be used for referent tracking instead of the 3rd personal pronouns.

In tracking referents, the third person is more likely to involve potential ambiguities than the first or second persons. In third-person narration the distribution of anaphoric devices is not straightforward. Continuing topic can be signaled by anaphoric zero, but often is not. Full lexical NPs sometimes occur in adjacent clauses, often with a disambiguating function, i.e. in those situations where there are two possible referents. Elsewhere, the second NP is used for emphasis of some kind (and perhaps for metrical reasons in oral folklore). An excerpt from a folktale, *Ilan nəkunel* ‘The three daughters’, illustrates the introduction of a new

referent, the young man, and shows how this referent is subsequently referenced in the text¹:

(1) Ilan nəkunel (Bulatova 1999: 7)

1. *ta-du: bəjə təgət-tfə-rə-n*
there-Dat man.Nom sit-A.Dur-Ra-3Sg
'There sits a man.'
2. *so:ma ədər bəjə*
very young man.Nom
'A very young man.'
3. *o:n gun-dʒəŋə:-n nuŋan sin-tiki:*
what say-Fut-3Sg 3Sg.Nom 2Sg-All
tara ajamat do:ltfu-na
that well listen-Cvp.Sim
'Listen carefully to what he will say to you.'

The referent is introduced in line 1, a man, with further descriptive information in line 2. This referent is indexed in line 3 with the personal pronoun *nuŋan* 'he'; there is a change of subject in line 4 as noted by the nominative 2nd singular pronoun. In this line, the pronoun *nuŋan* is used as a possessive pronoun: a characteristic feature of Evenki spoken in this region is the use of personal pronouns instead of (inherited) possessive pronouns.

As (1) indicates, Evenki uses the designated third person personal pronouns (*nuŋan*, *nuŋartyn*) to track referents. In addition, the distal deictic demonstratives (*tar*) and, less frequently, the proximal demonstrative (*ər*) can be used. Nedjalkov (1997: 213) mentions that this is infrequent, but in some of my recordings, the distal demonstrative occurs with near equal frequency as the personal pronouns in tracking third person referents, not only inanimates, but animates as well. Consider the form *taril* in line 6, example (2):

(2) Speaker (born 1930) addressing N.Ja. Bulatova; recorded in Iengra, 1998

1. *Pjatnadcataj-duk mun-dulə dəg-ri-xun Anna Myreeva,*
15th-Abl 1Pl-Loc fly-Pst-2Pl Anna Myreeva
Galja Kəptukə taduk Nadja,
Galya Keptuke and Nadya

¹ Glossing follows the Leipzig Rules, available at <https://www.eva.mpg.de/lingua/pdf/Glossing-Rules.pdf>. Additional glosses used here are: A.BREV = habitual aspect of brevity, short duration A.HABT = habitual aspect; AUG = augmentative; PTCP.PRED = predicative participle. (Note that what is a habitual participle *-βki*: is frequently used in these dialects in a predicative function; Bulatova 1987: 61–62.)

2. *tar si: bi-tʃə-s*
 that 2Sg be-Pst-2Sg
 ‘You flew to us from the 15th brigade, Anna Myreeva, Galya Keptuke, and Nadya, that was you.’
3. *Ta-du: su: iŋə-dʒə-ri-xun ətʃə*
 that-Dat 2Pl laugh-IPfv-Pst-2Pl after.all
 ‘You were laughing there after all.’
4. *Ta-du: istado-du: bu: kətə-kun bixi-βun*
 that-Dat herd-Dat 1Pl.Excl many-Aug be-1Pl.Excl
 ‘There were a lot of us there in the herd.’
5. *βirahi-l su: bi-tʃə-tin.*
 doctor-Pl be-Pst-3Pl
 ‘There were doctors.’
6. **Tari-l** *ta-du: xaβal-dʒa-ra-Ø=gu?*
 that-Pl that-Dat work-IPfv-N.Fut-3Pl=Q
 ‘They work there, right?’

There is an interesting interplay of person marking throughout, as the speaker remembers an incident from the past when three visitors came; one includes the current addressee. The distal deictic demonstrative here is used to refer to the three referents named in line 1: Anna Myreeva, Galya Keptuke and Nadya (Bulatova).

Another example is found in line 5 of the following excerpt from a longer narrative recorded in the village Iengra (Republic of Sakha), in 1998. The speaker tells how she tracked her son down in the woods when he was allegedly fishing and she suspected him of partying instead. She refers to him in line 5 with the distal demonstrative *tariŋiβ*:

(3) Anna goes to the taiga in search of Kolya; recorded in Iengra, 1998

1. *Bi: tar Kolja-βa guni-ŋə-m:*
 1Sg that Kolja-Acc say-A.Habt-1Sg
 ‘I say to that Kolya.’
2. *dʒarga-ŋna-m-bo bi: lutʃadi:t*
 curse-a.habt-1sg-part 1Sg Russian-Inst
 ‘I curse him of course, in Russian.’
3. *Kolja-βa guni-ŋə-m:*
 Kolja-Acc say-A.Habt-1Sg
 ‘I say to Kolya.’

4. *Eda araxinaxi-l-ba ə-du: umuβ-dʒa-nni*
 why various-Pl-Acc this-Dat drink-Ipfv-2Sg
 ‘Why are you here drinking all these (alcoholic) things?’
5. *Tari-ŋi-β*
 that-Poss-1Sg
 ‘That one of mine.’
6. *ətʃə:β-mə:t guni-βki: ser’eznyj takoj vid sdelal*
 no-Part say-Ptcp.Pred serious such face made
 ‘No, he says, and made such a serious face.’
7. *ollo-mi:-dʒa-na bi: ə-du: bi-dʒə-m guni-βki: Kolja*
 fish-Vblz-Ipfv-Cvb.Sim 1Sg this-Dat be-Ipfv-1Sg say-Ptcp.Pred Kolya
 ‘I am here fishing, says Kolya.’

In line 5 the distal demonstrative *tar* is used to index the speaker’s son, Kolya. The question is why this form, instead of the 3rd person pronoun *nujan*? And similarly, why the demonstrative in example (2). Kibrik (2011: 127) discusses this question, raising doubts about one widespread hypothesis that the demonstratives convey less activated and thus less accessible information (see, for example, Gundel et. al 1993, for this argument). Certainly it is hard to reconcile this hypothesis with the use of the demonstrative in line 5: the co-text shows frequent use of the referent’s name (Kolya). In fact, this excerpt is entirely about the speaker having a conversation with him and he is arguably the discourse topic of the entire text. Similarly in (2), the story is about the speaker’s recollections of a visit by the three people indexed with *taril* in line 5. It is difficult to construe these referents as less accessible, given or salient in terms of the overall information structure of the text.

Rather, in Kibrik’s discussion he advances arguments that the opposite is in play, that the demonstratives are used when the referent has higher accessibility or givenness (Maes 1996), which is a plausible explanation for line 5 in (3), although this does not explain why the demonstrative is **not** used in example (1). In addition, the use of the possessive morphology on the demonstrative adds a pragmatic nuance, something like English ‘that guy of mine’; the use of the possessive suffix *-ŋi-* and the personal possessive marker *-β* also index the relationship between the speaker and the referent. While the use of the distal demonstrative might arguably be metaphorically distancing, it is important to add that the demonstrative *tar* is quite frequently used for anaphoric reference like this, more frequently than the proximal demonstrative *ər*, so the idea that its use is somehow emotionally or metaphorically distancing is somewhat fanciful and not supported by the majority of instances; example (2) is typical in this regard. Nikolaeva and Tolskaya (2001: 760) point to the relevancy of animacy for the use of anaphoric demonstratives in

Udihe, noting that it is the distal demonstrative (*u*)*ti* that is used for reference to people and that the personal pronouns and distal demonstrative “are sometimes interchangeable,” and “equally permissible when referring to animals.”

More research is needed to understand the full distribution and use of personal and demonstrative pronouns in the Tungusic languages; the present study cannot pretend to provide a full analysis. Kibrik’s work on reference has laid the necessary foundation to conduct a full-fledged examination in Evenki and related Tungusic languages, which would be particularly useful in helping us understand not only how these different tracking devices are utilized, but how they pattern across closely related languages. It would be particularly interesting to incorporate the insights of his work on multimodal communicative strategies and how they relate to discourse and reference.

References

- Bulatova N.Ja. 1987. *Govory èvenkov Amurskoj oblasti*. Leningrad: Nauka.
- Bulatova N.Ja. 1999. *Èvèdil nimjakar. Èvenkijskie skazki*. Hanover, NH: Dartmouth College.
- Bulatova N.Ja. & Grenoble L.A. 1999. *Evenki*. Munich: Lincom.
- Chafe W. 1994. *Discourse, consciousness and time: the flow and displacement of conscious experience in speaking and writing*. Chicago: University of Chicago Press.
- Gorelova L. 2006. Typology of information structures in the Altaic languages. In: E. Boikova & R. Rybakov (eds.). *Kinship in the Altaic World*. Proceedings of the 48th Permanent International Altaistic Conference, Moscow 10-15 July, 2005. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 149–171.
- Gundel J.K., Hedberg N., Zacharski R. 1993. Cognitive status and the form of referring expressions in discourse. *Language*, v. 69, n. 2, 274–307.
- Kibrik A.A. 2011. *Reference in discourse*. Oxford: Oxford University Press.
- Konstantinova O.A. 1964. *Evenkijskij jazyk*. Moscow–Leningrad: AN SSSR.
- Maes A. 1996. The markedness of abstract-object anaphors in discourse. In: W. de Mulder and L. Tasmowski (eds.). *Coherence and anaphora*. Amsterdam: John Benjamins, 161–183.
- Majtinskaja K.E. 1969. *Mestoimenija v jazykax raznyx sistem*. Moscow: Nauka.
- Nedjalkov I. 1997. *Evenki*. London: Routledge.
- Nikolaeva I.A. & Tolskaya M. 2001. *A grammar of Udihe*. Berlin: Mouton de Gruyter.

THE SYNTAX OF PRESENTATIVE CONSTRUCTIONS: THE VIEW FROM COLLOQUIAL ISRAELI HEBREW

Shlomo Izre'el

Tel-Aviv University
izreel@tauex.tau.ac.il

1. Introduction

Israeli Hebrew (henceforth: IH) has a dedicated particle with a presentative function, viz. *hine*, used primarily as a verbal pointer to a concrete referent in the immediate (or nearly immediate) environment (ex.1). It is also used to point at referential expressions of locations (ex. 2), time (ex. 3), states and events (ex. 4; for types of reference see Kibrik 2011: §2.1, §16.2.1).¹

(1) P311_2_sp1_136

'*hine* 'natan ||

Pres Nathan

'Here is Nathan.'

¹ The research is based mainly on data from *The Corpus of Spoken Israeli Hebrew (Co-SIH)*, consisting mostly of everyday conversations between family and friends, analyzed by ELAN and by Praat. References follow the system used in *CoSIH*; speakers are referred to as sp1, sp2, etc.

Transcription is usually broad phonetic, with some attention to the phonological system. Phonological input is added mainly in the representation of /h/, usually elided in contemporary spoken Hebrew, and in the representation of some occurrences of /j/, which may also elide in certain environments. Epenthetic vowels (usually *e* [ε]) following prepositions are transcribed when actually heard. For typographic and reading convenience, the rhotic phoneme, which is uvular in standard IH, is represented as *r*; the mid vowels are represented as *e* and *o*, although their prototypical respective pronunciations are lower. Two successive vowels are separated by a syllabic boundary, e.g. *taa'ne* 'she will answer' is to be read *ta.a'ne*.

Prosodic notation: | minor boundary; || major boundary; / major boundary with "appeal" tone (for this term see Du Bois *et al.* 1993: §3.3); accented words are indicated by boldface characters.

() indicate uncertain transcription (identification).

Glossing follows, mutatis mutandis, the Leipzig Glossing Rules. Additional glossing: Pres presentative; Ext existential.

- (2) OCD_3_sp1_045-047
 'hine **po** | si 'gali | po 'pepo gar ||
 Pres here Sigali here Pepo live
 'Look here, Sigali, here lives Pepo.'
- (3) *Ahava Avuda* 'Lost Love'; lyrics by Suzy Akmen Rogovin
 'hine 'boker ||
 Pres morning
 'Behold, (it's) morning.'
- (4) P311_2_sp5_033
 <A phone rings>
 'hine **hamazki'ra** taa'ne ||
 Pres the.secretary she.will.answer
 'Here, the secretary will answer.'

In many cases, constructions consisting of *hine* introduce a referential expression into the discourse, as is the case in all four examples above.

The functions and uses of the IH particle *hine* are similar to those of French *voici/voilà*, Russian *vot/von*, Latin *ecce*, Italian *ecco*, Yiddish *ot*, some particles in Baltic languages, and others (Petit 2010; Porhiel 2012; Talmy 2017: §13.5; Killian 2022). As pointed out by Petit, presentative particles are “special forms the function of which is to draw attention to a given reality with a strong deictic focalization”; they usually occupy sentence-initial position; and they are not negatable. They can further “fulfill a predicative function by themselves” (Petit 2010: 151).

As noted by some authors, presentative particles like French *voilà*, often occupy a prosodic unit in themselves, thus forming independent sentences on their own (e.g., Killian 2022: 17).

In this study, I will analyze the formal manifestations of IH *hine* and its syntactic functions.² The theoretical framework for this analysis is discussed briefly in §2.

2. Theoretical framework

The syntactic approach used herein builds on the premise that syntax, information structure and prosody integrate in spoken language structure, forming a coherent unity. According to this approach and a close observation of colloquial IH,² the predicate (domain) is the only necessary constituent — and a sufficient one — to constitute a sentence.³ A sentence consisting of only a predicate domain has been accordingly termed *unipartite sentence*. The *predicate* (or the *predicate do-*

² For a functional study of *hine* in IH see Shor, Inbar & Izre'el, forthcoming.

³ *Sentence* is taken here to be the reference unit of syntax, standing also for *clause*.

main) is viewed as the constituent carrying an individual piece of information within the discourse context, which by default will include a newly introduced element. As such, the predicate (domain) may be seen as the default representation of the *comment*. By default, the focus of the sentence will be found within the predicate domain. The predicate domain carries the modality of the sentence, where modality is seen as an essential component of the sentence, the one that transforms a proposition to a sentence (Izre'el 2018b: §5 with previous references).

Attention should be drawn to the fact, that in Hebrew, any part of speech (save bare prepositions and conjunctions, except for some special cases) can form either a predicate or a subject: nominal, pronominal, adverbial phrases; particles (including modal particles; see Izre'el 2022b, §3); as well as larger phrases, sentences and other syntactic complexes (Izre'el 2012: §3; 2018b: §3). The syntactic function of the respective constituents in any individual sentence, whether subject or predicate, will be determined according to their respective part-of-speech, according to relative definiteness, according to prosodic features interacting with constituent order, and according to contextual grounds, all of which may be interdependent. It should further be noted, that the Hebrew verb is not a predicate per se, but constitutes a full bipartite sentence, consisting of both a bound person marker, by default constituting its subject,⁴ and a verbal stem, constituting by default its predicate. This is demonstrated by Ex. 5.

(5) P311_2_sp5_033; cf. ex. 4 above

t-aane

3SgF-will.answer

'She will answer.'

For further details see Izre'el 2012; 2018a; 2018b; 2022a: §2.

3. *hine* in colloquial IH: structural analyses

3.1. *hine* + NP

In accordance with the definition of *predicate* above (§2), and in contrast to the common view, the predicate in sentences like ex. 1 (*hine natan*) is not the presentative particle, but the NP which follows. The referent 'Nathan' has not yet been mentioned in the discourse, thus it is the constituent carrying a new individual piece of information; it is marked for focus by prosodic accent; and — being part of the predicative domain — also carries the modality of the sentence, indicated

⁴ For this view — as against the common one that takes the person markers in the Hebrew verb to be agreement markers — see Izre'el 2012; Shor 2022; for related views see Mithun 2003; Kibrik 2011: §3.3.2; Kibrik 2019.

here by its prosodic contour. Obviously, *hine* cannot be regarded as the subject of this sentence. As I have shown in Izre'el 2022a (§3.1.2), presentative *hine* has the force of evidential modality (see also Shor, Inbar & Izre'el, forthcoming). This can be shown by its paradigmatic relationship with the presentative-existential particle *jef* and other modal particles, like *tsariḥ* 'need, necessary' or *effar* 'possible' (Table 1). As we shall see below (§3.3.2, ex. 9), *hine* can also function for the indication of epistemic modality.

Table 1. *hine* in paradigmatic relations with other modal particles

<i>'hine</i>	<i>ka'fe</i>	
Pres	coffee	'Here is (some) coffee.'
<i>jef</i>	<i>ka'fe</i>	
Ext	coffee	'There is coffee.'
<i>tsa'riḥ</i>	<i>ka'fe</i>	
need[SgM]	coffee	'There is need for coffee.'
<i>effar</i>	<i>ka'fe</i> /	
possible	coffee	'Can (I/we) get (some) coffee?'

All these sentences are unipartite sentences, consisting of only a predicate domain, formed by a modal particle and a NP, constituting the predicative nucleus.

3.2. *hine* + sentence

The pivot of a presentative sentence can consist of a complete sentence. We have already encountered one such case (ex. 4). One other case is ex. 6:

- (6) *'hine hu meaxo'renu* ||
 Pres he behind.us
 'Here he is behind us.'

See further the second prosodic unit in ex. 10, where an existential-presentative sentence follows the presentative particle.

3.3. *hine* as predicate

3.3.1. In a bipartite sentence

There are cases, where the NP will be regarded as subject and the presentative particle as predicate, notably when the NP has been mentioned in the discourse before (ex. 7):

(7) P311_2_sp2_013-014

'*efo hi* / '*hine hi* ||

where she Pres she

'Where is she? Here she is.'

The predicative function of the particle is indicated not only by the 3SgF being old information, duly represented by a pronoun, but especially since the focus, marked by prosodic accent, indicates that the particle is the predicative nucleus of this construction.

3.3.2. Sentential *hine*

As defined above (§2), a predicate is the necessary and sufficient constituent of a sentence, thus being able to constitute a sentence in itself. This framework makes a good basis for the observation brought above (§1), that a presentative particle often occupies a prosodic unit in itself, thus forming an independent sentence on its own (for the interface between prosodic and syntactic units see Izre'el 2020). The following two examples illustrate such cases, exhibiting either anaphoric (ex. 8) or cataphoric (ex. 9) sentential *hine* particles. It will be noticed, that cataphoric use of the particle is much more widespread than anaphoric one.

(8) OCh_sp1_029; for the larger context see ex. 12 below.

'*efo ju'nán* | '*hine* |

where Yunnan Pres

'Where's Yunnan? Here (it is).'

(9) C711_2_sp2_005-008; sp1_002

sp2: 'If it were possible to convert everything directly to disc; the program, or as is?'

sp1: '*hine* || *bemini ef'jar* ||

Pres in.mini possible

'Here. It is possible by a mini (disc).'

It will be noticed, that in ex. 9, *hine* functions as an epistemic modal marker rather than marking direct evidential, as against the case in ex. 8 and the majority of its occurrences. For the relationship between epistemic modality and evidentiality see, inter alia, Wiemer 2018.

3.4. Repetition of *hine*

There are cases where speakers repeat the particle. When not interrupted by a prosodic boundary, the repetition seems to indicate expressive overtones, either in a separate prosodic unit (ex. 10) or preceding a NP in the same unit (ex. 11).

In ex. 10, the speaker suddenly spots the lights of an approaching police-car:

- (10) P311_2_sp3_003-004
 'hine 'hine | 'hine ('jef=χa kan o'rot) ||
 Pres Pres Pres Ext=2SgM here lights
 'Look look, here you've got some lights.'

The speaker in ex. 11 is looking at an atlas and suddenly discovers the place where Bin Laden was suspected to have been located after the 9/11 terror attacks.

- (11) OCH_sp2_004
 'hine 'hine bin 'laden ||
 Pres Pres Bin Laden
 'Look look, Bin Laden.'

4. Conclusion

In guise of a conclusion, let me cite one last example, where the predicativity of *hine* is overt in its two occurrences in this sample. The speaker in ex. 12, looking at an atlas, is trying to locate sites he has visited:

- (12) OCh_sp1_027-030
 'hine sefu'an | ju'n'an | 'efo ju'n'an | 'hine | guanfi | eze
 Pres Sichuan Yunnan where Yunnan Pres Guanshi which
 jofi || χatgal ||
 beauty Hatgal
 'Here (is) Sichuan; Yunnan; where's Yunnan? Here (it is); Guanshi. How nice! Hatgal!'

The presentative particle *hine* indicates that the speaker has discovered on the map a site he knows, as well as introducing into the discourse the name of this site, whose addressee is not yet aware of and therefore it is not in his (immediate) consciousness. This is the case with the first occurrence of the particle *hine*. The last utterance, *χatgal* || 'Hatgal!', is not preceded by *hine*, yet its function is the same as the first unit, *hine sefu'an* 'Here is Sichuan'. These two place names constitute the predicate ('Hatgal') and the predicative nucleus ('Sichuan') of their respective sentences, thus being capable of constituting a complete sentence on their own. Only in the first prosodic unit, however, it is preceded by the presentative particle *hine*, functioning there as a direct, sensory (visual) evidential marker. When *hine* comes in a separate information unit, after the question 'where's Yunnan?', it should be analyzed itself as predicate, the function of which is to assert the discovery of Yunnan on the map. This unit thus forms a unipartite sentence, anchored to the previous interrogative sentence (cf. Izre'el 2018a: 244–245, §4).

References

- Du Bois J. W., Schuetze-Coburn S., Cumming S. & Paolino D. 1993. Outline of discourse transcription. In: J.A. Edwards & M.D. Lampert (eds.). *Talking Data: Transcription and coding in discourse research*. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 45–89.
- ELAN <<https://archive.mpi.nl/tla/elan>>
- Izre'el S. 2012. Basic sentence structure: A view from spoken Israeli Hebrew. In: S. Caddéo, M.N. Roubaud, M. Rouquier & F. Sabio (eds.). *Penser les langues avec Claire Blanche-Benveniste*. Langues et langage, 20. Aix-en-Provence: Presses Universitaires de Provence, 215–227.
- Izre'el S. 2018a. Unipartite clauses: A view from spoken Israeli Hebrew. In: M. Tosco (ed.). *Afroasiatic: Data and Perspectives*. Current Issues in Linguistic Theory, 339. Amsterdam: Benjamins, 235–259.
- Izre'el S. 2018b. Syntax, prosody, discourse and information structure — The case for unipartite clauses: A View from spoken Israeli Hebrew. *Revista de estudos da linguagem*, vol. 26, n. 4, 1675–1726.
- Izre'el S. 2020. The basic unit of spoken language and the interfaces between prosody, discourse and syntax: A view from spontaneous spoken Hebrew. In: S.[Izre'el, H. Mello, A. Panunzi & T. Raso (eds.). *In Search of Basic Units of Spoken Language: A corpus-based approach*. Studies in Corpus Linguistics, 94. Amsterdam: Benjamins, 77–105.
- Izre'el S. 2022a. The Syntax of Existential Constructions: The Spoken Israeli Hebrew Perspective. Part I: Existential-Presentative Constructions. *Journal of Speech Sciences*, vol. 11.
- Izre'el S. 2022b. The Syntax of Existential Constructions: The Spoken Israeli Hebrew Perspective. Part II: Negative Existential Constructions and Non-Presentative Uses of Existential Constituents. *Journal of Speech Sciences*, vol. 11.
- Kibrik A.A. 2011. *Reference in Discourse*. Oxford: Oxford University Press.
- Kibrik A.A. 2019. Rethinking agreement: Cognition-to-form mapping. *Cognitive linguistics*, v. 30, n. 1, 37–83.
- Killian D. 2022. Towards a typology of predicative demonstratives. *Linguistic Typology* vol. 26, n. 1, 1–41.
- Leipzig Glossing Rules <<http://www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php>>
- Mithun M. 2003. Pronouns and Agreement: The Information Status of Pronominal Affixes. *Transactions of the Philological Society*, vol. 101, n. 2, 235–278.
- Petit D. 2010. On presentative particles in the Baltic languages. In: Nicole Nau & Norbert Ostrowski (eds.). *Particles and Connectives in Baltic*. Acta Salensia, 2. Vilnius: Vilnius Universitetas, 151–170.
- Porhiet S. 2012. The presentative *voici/voilà*: Towards a pragmatic definition. *Journal of Pragmatics*, vol. 44, 435–452.
- Praat <<https://www.fon.hum.uva.nl/praat/>>

- Shor L. 2022. Revisiting “verbal agreement”: The case of Israeli Hebrew. *Glossa: a journal of general linguistics*, vol. 7, n. 1, 1–35.
- Shor L., Inbar A. & Izre'el S. Forthcoming. From deixis to evidentiality and beyond: The particle *hine* in spoken Israeli Hebrew.
- Talmy L. 2017. *The Targeting System of Language*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press.
- Wiemer B. 2018. Evidentials and epistemic modality. In: A.Y. Aikhenvald (ed.). *The Oxford Handbook of Evidentiality*. Oxford Handbooks in Linguistics. Oxford: Oxford University Press, 85–108.

МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ: РЕФЕРЕНЦИЯ И ЖЕСТЫ

Ю.В. Николаева

МГУ имени М.В. Ломоносова

1. Когнитивная лингвистика и мультимодальное описание событий

Когнитивная лингвистика выводит знания о мире из непосредственного опыта взаимодействия с окружающей действительностью, а язык фиксирует опыт, полученный по всем каналам восприятия информации (см. напр. Кибрик 2003; Кубрякова 2004). При этом жесты, сопровождающие речь, согласно некоторым исследованиям, напрямую связаны с опытом взаимодействия с миром (см. обзор в Hostetter, Alibali 2008).

Мышление не обязательно происходит в языковой форме, в некоторых случаях мышление может опираться исключительно на вербальные образы или любые другие (Жинкин 1964; Выготский 2016). Чтобы выразить мысль словами, семантические структуры, которые существовали в других модальностях, должны быть сначала «линеаризованы» (в соответствии с линейной природой речи) и «паттернизованы» (преобразованы так, чтобы соответствовать сочетающимся между собой паттернам из ограниченного набора) (Чейф 2015).

Очевидно, что представления о событиях и состояниях, равно как и свойствах референта, будут включать не только пропозициональные признаки (такие, которые предназначены для передачи посредством языка), но и другие, среди которых в когнитивных исследованиях часто упоминают пространственные признаки и отношения (см. напр. Strik Lievers et al. 2021), такие значения передавать словами может быть сложнее, чем жестами.

Концепты, передаваемые в общении, могут быть как конвенциональными, до какой-то степени закрепленными в языке, так и контекстуальными, связанными с собственными ощущениями (оценками) и контекстом событий (в тот момент, когда они произошли) или с ситуацией общения (то, как события излагаются и встраиваются в рассказ). Если в связи с этим различием сравнить языковые и невербальные средства, очевидно, что у жестов, пони-

маемых в широком смысле (включая мимику, позы и расстояния между собеседниками) есть дополнительные возможности для передачи контекстуальных значений, включая субъективное понимание описываемых событий, а также их важность в рассказе и оценку говорящим.

Согласно подходу У. Чейфа, мысль состоит из единиц, которые можно назвать понятиями (*ideas*), и которые включают в себя представления о событиях, состояниях и референтах. Каждое событие или состояние подразумевает как минимум одного референта, однако можно представить и референтов самих по себе, «без ассоциации с тем или иным событием или состоянием» (Чейф 2015: 69). Если принять, что мысль — это то, что обычно выражается одной клаузой (Chafe 1980), а одна клауза, как правило, соответствует одному жесту (McNeill 1992), то можно ожидать подобного деления для жестов: жесты, соответствующие одному событию или состоянию (и включающие как минимум одного референта) и жесты, сопоставимые с описанием референта. Действительно, можно говорить о жестах с атрибутивным и адвербиальным значением (Bressem 2021), или жестах, соответствующих скорее именам vs глаголам (Прокофьева 2022). Таким образом, наше понимание конструирования событий для передачи информации адресату, изучаемое когнитивной лингвистикой, может многое почерпнуть из мультимодальных исследований.

2. Типы жестов и корпус «Рассказы и разговоры о грушах»

В рамках проекта «Язык как он есть: русский мультимодальный дискурс» в 2014–2018 гг. (Кибрик 2018, multidiscourse.ru) были собраны и аннотированы записи пересказов и обсуждений «Фильма о грушах» (Chafe 1980). В исследованиях, о которых пойдет речь дальше, рассматривались мануальные жесты участников эталонного подкорпуса (записи 04, 22 и 23). Жесты рук, сопровождающие речь, делились на 4 основных типа: изобразительные, указательные, прагматические и биты. Биты, или жестовые ударения — самые простые по форме движения, обычно вверх и вниз; их сравнивают с просодическим ударением: считается, что они служат в первую очередь для выделения соответствующего речевого фрагмента. Другие исследователи отмечают прагматические, метаязыковые и метадискурсивные функции битов, такие как указания на границы фрагментов дискурса, маркирование речевых сбоев или удержание внимания адресата (McNeill 1992; Krahmer, Swerts 2007). Указательные жесты отличаются узнаваемой формой и связаны с (ре)активацией соответствующих референтов. Указательные жесты могут встраиваться в речь как способ активировать референта в разговоре (собственно указание) или могут отсылать к референту, активированному в рамках внеречевого контекста (экзофора, Kibrik 2011). В рассказах, о которых пойдет

речь дальше, указательные жесты использовались для абстрактного или виртуального дейксиса, т. е. для обращения к референтам, не присутствующим в момент разговора, но виртуально размещаемым говорящим в жестовом пространстве вокруг него.

Изобразительные жесты передают некоторую пропозициональную информацию, как правило, дублирующую или дополняющую вербальное сообщение, самые частые значения здесь — описание формы и взаимного расположения референтов, перемещения или действий персонажей. Самим фактом своего появления изобразительные жесты служат для выделения сопровождаемого ими фрагмента (как биты), и подразумевают участие как минимум одного референта, таким образом активируют его в сознании говорящего (как указательные жесты). Прагматические жесты отражают не события из мира дискурса, а структуру рассказа, отношение говорящего, взаимодействие участников и пр.; форма этих жестов гораздо меньше зависит от контекста, и можно говорить об устойчивом наборе жестов с такими значениями (Bressem, Müller 2014).

Кроме функциональных типов жестов, можно выделить разные модусы репрезентации (Müller 2014), среди которых выделяют в первую очередь: жесты действия (изображение действий от первого лица), жесты траектории (этот модус можно увидеть также в указательных жестах) и жесты формы (которая может быть показана либо как объем, либо через обозначение контура предмета). Чтобы включить в эту классификацию все жесты, которые можно встретить в корпусе, мы уточнили ее следующим образом.

1. Биты.
2. Жесты презентации или существования (прагматические).
3. Указательные жесты.
4. Жесты формы.
5. Жесты действия.

Хотя эта классификация в каких-то аспектах повторяет список функциональных типов, в данном случае основание для выделения типов — насколько жест сообщает какую-то новую или дополнительную информацию.

3. Референциальные средства и жестикуляция

Если сравнивать полные именные группы (ИГ), местоимения и нулевую референцию, то полные ИГ чаще сопровождаются жестами, чем редуцированные выражения (Levy, Fowler 2000; см. тж. в Azar et al. 2019 исследование только для указательных жестов), однако распределение жестов разных типов для разных типов референциальных выражений устроено не одинаково. В ра-

боте Budennaya et al. 2020 на материале эталонного подкорпуса корпуса RUPEX было показано, что изобразительные жесты чаще других встречаются с клаузами с нулевой референцией (χ -square, p -value < 0.005), а указательные жесты, наоборот, тяготеют к местоимениям. Это исследование показывает, что из сочетания вербального и жестового выражения можно сделать предположение о свойствах самих жестов как показателя степени активации референта в рассказе: изобразительные жесты показывают действия активированного референта, а указательные, как можно предположить, скорее средство активации и перевода такого референта из доступного в протагонисты.

4. Структура дискурса

На том же эталонном подкорпусе было проведено новое исследование, которое показало, что смена протагониста и смена неодушевленных референтов, на которые направлены его действия — одни из ключевых факторов для выбора типа жеста с точки зрения модуса репрезентации. Опираясь на новизну одушевленного и неодушевленного референта, можно выделить элементы макроструктуры дискурса первого и второго порядка: смена объекта, на который направлено действие, и смена протагониста. С точки зрения активации референта модусы репрезентации в жестах можно разделить на следующие группы.

1. Для новых протагонистов — жесты презентации.
2. Для новых неодушевленных референтов — жесты формы и/или указательные жесты.
3. Для доступных референтов — жесты действия.
4. Биты служат для того, чтобы маркировать возвращение к главной линии после упоминания второстепенных референтов или последнюю клаузу в эпизоде, т. е. служат средствам управления вниманием адресата (Прокофьева 2022).

При этом надо учитывать, что жестикуляция — гибкий инструмент, использование которого зависит от многих факторов, в том числе способа получения информации, о которой идет речь. Участники записей в корпусе RUPEX сначала смотрели фильм, в котором новые референты были показаны определенным образом (сначала мы видим руки садовника, потом его самого в начале фильма), и это, по всей видимости, повлияло на выбор жеста: новый протагонист нередко показан сначала жестами действия (как это увидели участники, смотревшие фильм), затем говорящий уже представляет персонажа, учитывая степень доступности референта для адресата, т. е. сначала обозначает сам факт существования персонажа, потом его внешние признаки,

и потом уже переходит к описанию действий как изложению главной линии рассказа.

Есть еще одна особенность: для второстепенных референтов в рассказе (мальчик с козой) не всегда использовались дополнительные средства активации (жесты презентации, затем жесты формы). Можно предположить, что такая трехэтапная модель активации референта с точки зрения жестов (существование референта — его свойства — его действия или действия с ним) важна только для центральных персонажей в сюжете.

5. Заключение

Мы рассмотрели, как свойства референтов (активированность, одушевленность, протагонизм) и структура дискурса отражаются в жестикуляции, и как жесты могут служить дополнительным инструментом когнитивной лингвистики.

Литература

- Выготский Л.С. 2016. *Мышление и речь*. М.: Национальное образование.
- Жинкин Н.И. 1964. О кодовых переходах во внутренней речи. *Вопросы языкознания*, № 6, 26–38.
- Кибрик А.А. 2003. *Анализ дискурса в когнитивной перспективе*. Диссертация, представленная на соискание ученой степени доктора филологических наук (10.02.19). Институт языкознания РАН.
- Кибрик А.А. 2018. Русский мультимедийный дискурс. Часть II. Разработка корпуса и направления исследований. *Психологический журнал*, № 39(2), 79–90.
- Кубрякова Е.С. 2004. *Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира*. М.: Языки славянской культуры.
- Прокофьева О.Н. 2022. *Когнитивные и прагматические факторы совместного употребления вербальных и жестовых средств в описательном дискурсе*. Дисс. ... канд. филол. наук. Московский государственный лингвистический университет.
- Чейф У. На пути к лингвистике, основанной на мышлении. В кн.: *Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика*. М.: Языки славянской культуры, 2015, 60–88.
- Azar Z., Backus A., Özyürek A. 2019. General and language-specific factors influence reference tracking in speech and gesture in discourse. *Discourse Processes*, 56 (7), 553–574.
- Bressem Jana and Müller Cornelia. 2014. 119. A repertoire of German recurrent gestures with pragmatic functions. In: Cornelia Müller, Alan Cienki, Ellen Fricke, Silva H. Ladewig, David McNeill and Jana Bressem (eds.). *Body — Language — Communication. An International Handbook on Multimodality in Human Interaction (Handbooks of*

- Linguistics and Communication Science 38.2*). Volume 2. Berlin/Boston: De Gruyter Mouton, 1575–1591.
- Bressem, Jana. 2021. *Repetitions in Gesture: A Cognitive-Linguistic and Usage-Based Perspective*. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton.
- Budennaya E., Evdokimova A., Nikolaeva J., Sukhova N. 2020. Referential phenomena in speaker's kinetic channels. В кн.: В.И. Беликов, И.М. Кобозева, Н.В. Лукашевич, В.П. Селегей (изд.). *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции Диалог (Москва, 17 июня — 20 июня 2020 г.)*. М., 133–146.
- Chafe, W. (Ed.). 1980. *The pear stories: Cognitive, cultural, and linguistic aspects of narrative production*. Norwood, NJ: Ablex.
- Hostetter, A.B., Alibali, M.W. 2008. Visible embodiment: Gestures as simulated action. *Psychonomic Bulletin & Review*, № 15(3), 495–514.
- Kibrik A. A. 2011. *Reference in Discourse*. Oxford: Oxford University Press.
- Krahmer E., Swerts M. 2007. The effects of visual beats on prosodic prominence: Acoustic analyses, auditory perception and visual perception. *Journal of Memory and Language*, n. 57, 396–414.
- Levy E., Fowler C. 2000. Grounding references in perception. In: D. McNeill (ed.). *Language and gesture*. New York: Cambridge University Press, 215–234.
- McNeill D. 1992. *Hand and mind: What gestures reveal about thought*. Chicago: University of Chicago Press.
- Müller Cornelia. 2014. Gestural modes of representation as techniques of depiction. In: C. Müller, A. Cienki, E. Fricke, S. H. Ladewig, D. McNeill, & J. Bressem (Eds.). *Body–Language–Communication: an international handbook on multimodality in human interaction*. Berlin: De Gruyter Mouton, 1687–1702.
- Strik Lievers F., Bolognesi M., Winter B. 2021. The linguistic dimensions of concrete and abstract concepts: lexical category, morphological structure, countability, and etymology. *Cognitive Linguistics*, vol. 32, no. 4, 641–670.

ЕЩЕ РАЗ О ГРУШАХ, ИЛИ ИЗВЕСТНОСТЬ РЕФЕРЕНТА КАК ФАКТОР АКТИВАЦИИ

Т.Е. Тыщишина

МГУ имени М.В. Ломоносова
tyshchishinat@mail.ru

О.В. Федорова

МГУ имени М.В. Ломоносова
olga.fedorova@msu.ru

1. Введение. Модель референциального выбора

В ходе коммуникации в каждый момент времени в голове у говорящего актуализировано некоторое количество референтов. Каждый раз, упоминая референт, говорящий осуществляет **референциальный выбор** (РВ) — выбирает одно из референциальных выражений: полную ИГ (*садовник*), местоимение (*он*) или нулевую референцию (\emptyset). Ключевым является вопрос, на основании каких факторов говорящий осуществляет РВ между полным и редуцированным средством. Согласно многофакторной модели А.А. Кибрика (см. рис. 1), РВ обусловлен степенью активации референта в рабочей памяти говорящего, а процедура подсчета **коэффициента активации** (КА) учитывает факторы активации двух типов — дискурсивный контекст и внутренние свойства референта. К первым относятся риторическое расстояние, семантико-синтаксическая роль антецедента, а также «штрафующие» факторы, понижающие активацию — расстояния в клаузах и в абзацах. Среди внутренних свойств референта автор выделяет одушевленность и статус протагониста (Kibrik 2011).

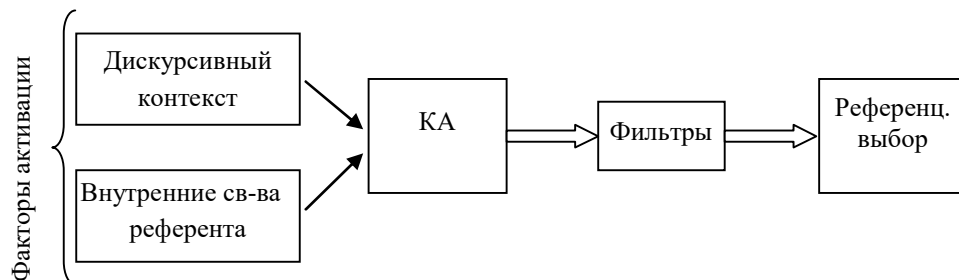

Рисунок 1. Многофакторная модель РВ (по Kibrik 2011: 394).

В настоящей работе мы вводим в рассмотрение еще один фактор активации, который, как нам представляется, образует третий тип, отличный от двух других — степень известности референта. Мы предполагаем, что известность референта говорящему (а также, возможно, и слушающему) будет повышать КА. В данной работе мы предлагаем первую попытку тестирования этой гипотезы.

2. «Репортажи о грушах»

Исследование жанра репортажа в лингвистике еще только начинается, однако см. книгу Е.Г. Малышевой (2011) о спортивном комментировании, в которой автор, в частности, выделяет семь типов языковых личностей спортивных комментаторов.

2.1. Испытуемые, стимульный материал, гипотеза

Настоящее исследование было проведено в 2022 г. с 12 студентами ОТиПЛа МГУ имени М.В. Ломоносова. Каждый из испытуемых дважды прошел тест по комментированию «Фильма о грушах» (Chafe (ed.) 1980).

В отличие от более традиционного жанра пересказа, который испытуемый порождает после окончания просмотра фильма, при комментировании он описывает то, что видит в данный момент, не имея возможности оценить значимость происходящего в масштабах всего сюжета. Однако ситуация меняется, когда при повторном комментировании фильма испытуемый забывает некоторые детали, однако помнит сюжет, так что строит свой репортаж, исходя из знаний этого сюжета.

В данном исследовании мы проверяем гипотезу, что известность сюжета фильма повышает КА основных персонажей этого фильма — МАЛЬЧИКА и САДОВНИКА.

2.2. Сбор корпуса репортажей

Каждый испытуемый смотрел фильм длительностью 5 мин 55 с на экране компьютера. В инструкции было сказано: «Вам надо будет комментировать фильм по ходу развития действия как можно более подробно. Представьте себе, что рядом с вами сидит незрячий человек и вам нужно детально описывать ему все, что происходит на экране. Старайтесь описывать не только происходящие события, но и окружающую обстановку». Помимо аудиозаписи при помощи айтрекера Tobii Spectrum 600 велась регистрация движений глаз.

Все записи были аннотированы в программе Praat; тексты были разбиты на ЭДЕ по Кибрик, Подлесская (ред.) 2009.

На следующем шаге записи были приведены к текстовому виду и размечены с точки зрения использования референциальных средств при упоминании персонажей МАЛЬЧИК (выделены полужирностью) и САДОВНИК (выделены курсивом), см. (1):

- (1) (.69) Так, **он** слезает с велосипеда, **О** кладет его на траву. (.78) **Он** остановился **пря**м рядом с тем грушевым деревом, (1.28) и **О** смотрит на *мужчину*, который срывает груши. (3.08) **Он** смотрит на *него* и **О** забирает одну корзину с грушами, (.91) **О** поднимает велосипед, (3.39) **О** садится на него. (1.17) Велосипед, кстати, гораздо выше, чем **он** сам, поэтому **ему** как будто тяжело.

2.3. Результаты

Полные расшифровки двух записей (испытуемых А и I) приведены в Приложении. В табл. 1 приводятся данные по количеству использования референциальных средств при упоминании персонажей МАЛЬЧИК и САДОВНИК для обоих репортажей каждого из 12 испытуемых, обозначенных литерами А–L.

Таблица 1. Упоминания персонажа МАЛЬЧИК (в абсолютных цифрах)

Исп.	МАЛЬЧИК 1				МАЛЬЧИК 2				Ранг
	ИГ	мест.	ноль	всего	ИГ	мест.	ноль	всего	
А	19	11	6	36	14	17	21	52	1
В	19	16	4	39	14	12	4	30	5
С	10	19	14	43	9	10	15	34	9
D	6	18	7	31	6	13	7	26	10
Е	9	12	20	41	11	12	18	41	12
F	11	18	18	47	11	16	18	45	6
G	14	6	6	26	13	4	14	31	3
Н	9	10	11	30	8	14	17	39	4
I	8	13	25	46	7	14	12	33	11
J	15	9	13	37	16	10	10	36	8
К	13	8	3	24	14	11	11	36	2
L	10	25	13	48	10	16	16	42	7
всего	143	165	140	448	133	149	163	445	
в %	32%	37%	31%		30%	33%	37%		

Таблица 2. Упоминания персонажа САДОВНИК (в абсолютных цифрах)

Исп.	САДОВНИК 1				САДОВНИК 2				Ранг
	ИГ	мест.	ноль	всего	ИГ	мест.	ноль	всего	
А	13	6	8	27	12	12	13	37	1
В	13	18	6	37	12	14	8	34	7
С	10	15	3	28	6	9	11	26	2
Д	6	15	5	26	5	11	11	27	4
Е	8	11	4	23	8	11	14	33	3
Ф	7	12	10	29	11	19	7	37	9
Г	10	8	4	22	9	4	8	21	6
Н	7	7	12	26	10	9	9	28	10
И	9	7	27	43	8	6	13	27	11
Ж	9	9	14	32	13	9	8	30	12
К	9	12	1	22	8	9	4	21	5
Л	10	18	10	38	9	12	9	30	8
всего	111	138	104	353	111	125	115	351	
в %	31%	39%	30%		31%	36%	33%		

2.4. Обсуждение результатов

Проводя подсчеты, мы рассуждали следующим образом:

- (2) а. известность персонажа повышает КА;
- б. повышение КА уменьшает количество полных ИГ и увеличивает количество редуцированных ИГ.

Таким образом, если в целом в повторных репортажах мы получим большее количество местоимений и нулей при возможном уменьшении количества полных ИГ, мы будем считать нашу гипотезу подтвержденной в первом приближении. Серьезная статистика на таких небольших данных невозможна, так что мы ограничимся дескриптивной оценкой в процентах. Мы видим, что для обоих персонажей данная тенденция действительно наблюдается, причем для персонажа МАЛЬЧИК она немного более выраженная, чем для персонажа САДОВНИК.

Можно заметить, однако, что разные испытуемые вели себя заметно по-разному. Поэтому мы попробовали разделить испытуемых на группы и упорядочить по выраженности эффекта известности (см. колонку «Ранг» в табл. 1 и 2).

Основываясь на том, как изменялось процентное соотношение полных ИГ, местоимений и нулей относительно первого репортажа, мы посчитали

долю сдвига в сторону более редуцированных ИГ. Методика подсчета состояла в сравнении двух репортажей. Различие в процентах оценивалось по-разному для полных и редуцированных ИГ. Если в повторном репортаже доля полных ИГ возрастала, различие в процентах учитывалось как отрицательное, если уменьшалось — как положительное. Для редуцированных ИГ отрицательным, наоборот, считалось различие, при котором их доля уменьшалась. Затем полученные данные складывались и, чем больше был полученный результат, тем выше был ранг. Ожидалось, что доля полных ИГ будет сокращаться, за счет чего будет расти доля местоимений и, особенно, нулей, поэтому данные, не соответствующие этой тенденции, считались как отрицательный материал и понижали ранг данного комментатора.

Данные по использованию референциальных средств для каждого из двух персонажей считались отдельно; затем они были объединены. В результате самый высокий ранг, что говорит о большем соответствии гипотезе, получил испытуемый А, а самый низкий — испытуемый I. У испытуемого А явно прослеживалась ожидаемая тенденция для обоих персонажей: доля полных ИГ в повторном репортаже уменьшалась, а редуцированных — росла. Стратегия испытуемого I оказалась противоположной.

2.5. Перспективы будущих исследований

Полученные результаты носят самый предварительный характер. В будущем данное исследование должно быть расширено по крайней мере в следующих пяти направлениях.

2.5.1. Расчет КА для референциальных цепочек

Для полноценной проверки гипотезы о влиянии фактора известности необходимо построить риторические деревья для всех собранных репортажей и сосчитать КА персонажей МАЛЬЧИК и САДОВНИК без учета фактора известности. Возможно, мы увидим не объяснимое другими факторами занижение КА.

2.5.2. Анализ окулomotorных данных

Как было отмечено выше, в рамках данного исследования были собраны также и окулomotorные данные. Мы предполагаем, что чем меньше времени испытуемые смотрят на тот или иной персонаж, тем более редуцированное референциальное средство они используют; в качестве зависимой переменной, по-видимому, должно выступать суммарное время фиксации на персонажах МАЛЬЧИК и САДОВНИК в каждом из эпизодов фильма, которым потом нужно будет поставить в соответствие текущие референциальные цепочки.

2.5.3. Анализ когнитивных особенностей испытуемых

В частности, в предыдущих работах мы показали, что объем вербальной рабочей памяти испытуемых коррелирует с языковыми особенностями «Репортажей о грушах» (Федорова 2022). Можно предположить, что различие в управляющих функциях скажется и на референциальных стратегиях испытуемых.

2.5.4. Кластеризация испытуемых и выявление стратегий РВ

Как мы показали в настоящей работе, референциальное поведение существенно варьирует от испытуемого к испытуемому. В будущей работе нам предстоит выделить группы испытуемых с однотипным референциальным поведением и постараться описать различие в их стратегиях.

2.5.5. Увеличение выборки испытуемых

Наконец, увеличение выборки до 20 человек сделает данное исследование сравнимым с предшествующими (Chafe (ed.) 1980; Mazur, Chmiel 2012).

Л и т е р а т у р а

- Кибрик А.А., Подлеская В.И. (ред.) 2009. *Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса*. М.: Языки славянских культур.
- Малышева Е.Г. 2011. *Русский спортивный дискурс*. М.: Флинта.
- Федорова О.В. 2022. В прямом эфире Фильм о грушах: когнитивные особенности репортажа. В кн.: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции Диалог*, т. 21, 203–210.
- Chafe W. (ed.) 1980. *The pear stories: Cognitive, cultural, and linguistic aspects of narrative production*. Norwood: Ablex.
- Kibrik A.A. 2011. *Reference in discourse*. Oxford: Oxford University Press.
- Mazur I., Chmiel A. 2012. Towards common European audio description guidelines: Results of the Pear Tree Project. *Perspectives: Studies in Translatology*, v. 20(1), 5–23.

Расширенная версия этой статьи находится по ссылке:

К ДИНАМИКЕ СУБЪЕКТНОЙ РЕФЕРЕНТНОСТИ ГЛАГОЛА (ПАМИРСКИЙ АРЕАЛ)

Д.И. Эдельман

Институт языкознания РАН
joy.edelman@gmail.com

В языках шугнано-рушанской группы система глагольных форм построена по схеме, типологически общей для памирских языков: формы настоящего времени флективны; формы прошедших времен аналитические: состоят из основ смыслового глагола и сопровождающих их маркеров лица и числа субъекта — так называемых отделяемых личных показателей, единых для разных форм прошедших времен. Таково, в частности, распределение функций между элементами, составляющими базовые формы: собственно прошедшее время и перфект. Место маркеров субъекта не закреплено при основе: в морфолого-синтаксическом отношении они являются энклитиками, тяготеющими к позиции после первого ударного блока предложения (то есть после слова или словосочетания), хотя, в зависимости от семантического интонационного выделения и ритмики фразы, могут ставиться в конце фразы, непосредственно после основы глагола (при обычном порядке (S)OV), отчасти по аналогии к флективным формам настоящего времени.

Строй предложения в основном номинативный, хотя в рушанском, хуфском, бартангском языках сохраняются остатки эргативообразных конструкций.

Элементы, служащие маркерами лица и числа при непереходных глаголах, являются также связками при именном предикате, кроме 3 л. ед. ч., где связка нулевая. Схема стандартной номинативной конструкции: шугн. *wiz-um mīn zoxt* 'я взял яблоко', *wiz-um biyor yat* 'я пришел вчера'.

В эргативообразных конструкциях при переходных глаголах местоимение, представляющее субъект, оформляется косвенным падежом (объект — тоже, но сейчас речь не о нем). Важно, что в таких конструкциях наличие местоимения-субъекта в косвенном падеже исключает употребление субъектного маркера, он избыточен. Например, руш. *duf um kitob xeyt* 'они прочли эту книгу' // *um kitob-an xeyt* '(они) прочли эту книгу' (Файзов 1966: 71).

Становление базовых форм прошедших времен в языках шугнано-рушанской группы в принципе изучено. Они продолжают древнеиранские

конструкции так называемого перифрастического перфекта, базировавшегося на причастии прош. времени (так наз. «причастия перфекта»). Для непереходных глаголов это была конструкция типа **ažam taktah ahmi* ‘я пошел’, букв. ‘я пошедший есмь’, где причастие ориентировано на субъект в роде и числе, а связка — в лице и числе; субъект мог быть представлен именем // местоимением в прямом падеже. Для переходных глаголов это была конструкция типа зафиксированных в древнеперсидских текстах оборотов *ima t(a)ya mana // mai kartam (asti)* ‘это, что у меня // мной сделано // сделанное (есть)’, где причастие ориентировано на объект в роде и числе, а связка — в лице и числе; субъект же мог быть представлен именем // местоимением в косвенном падеже либо местоименной энклитикой соответствующих лица и числа. Слабая позиция связки 3 л. ед. ч. ослабляла объектную ориентацию глагола в целом, что впоследствии обеспечило во многих иранских языках переосмысление всей конструкции как ориентированной на субъект. Субъектная переориентация всей конструкции была усилена аналогией с конструкцией прошедшего времени непереходных глаголов, а также с формами настоящего времени разных глаголов с их субъектной ориентацией. Продолжения этих конструкций в виде форм прошедших времен и перфектов прослеживаются в большинстве иранских языков, включая памирские.

Основы прошедших времен современных глаголов шугнано-рушанской группы являются продолжениями древних причастий прошедшего времени. Часть основ непереходных глаголов, которые были ориентированы на субъект, в текстах, записанных в разные годы XX века, сохраняют изменения по роду и числу. Ср. например, основы прошедшего времени шугнанского языка, восходящие к первичным причастиям прош. вр. глагола **tak-* ‘идти, уходить’: ед. ч. м. р. *tūyd* < **tak-ta-*, ж. р. *toyd* < **tak-tā-*, мн. ч. *toyd* < **tak-tāh-*. Основы перфекта тех же глаголов восходят к вторичным причастиям: ед. ч. м. р. *tūyĵ* < **tak-ta-kah*, ж. р. *tīc* < **tak-ta-čī-*, мн. ч. *toyĵ* < **tak-ta-kāh* (Соколова 1967: 27, 35; Morgenstierne 1974: 82).

Основы переходных глаголов, продолжающие причастия, первоначально пассивные и ориентированные на объект, в процессе последующего перехода формы в целом на субъектную ориентацию утратили изменения по роду и числу.

Таково положение во всех языках группы, кроме сарыкольского, который утратил категорию рода и соответственно регулярные изменения причастий.

Что касается референтных маркеров лица и числа субъекта в формах прошедших времен в текстах XX века, то они по идее должны были продолжать древние связки и/или местоименные энклитики из конструкций с непереходными и переходными глаголами соответственно. Вместе с тем, в результате процесса унификации спряжения в формах прошедших времен в этих текстах наблюдаются следующие явления, имеющие значение для этимологии этих элементов.

Произошло частичное слияние местоименных энклитик и соответствующих им личных форм глагола-связки, практически реализовавшееся как поглощение энклитиками того, что было рефлексами древнеиранских связок, или форм глагола **ah-/as-/az-* 'быть, существовать' (Расторгуева, Эдельман 2000: 87 и сл.). Это вызвало «энклитизацию» получившихся элементов, ставших показателями лица и числа субъекта форм прошедших времен непереходных глаголов и связками при именном предикате, например, руш. *az-um sut tar xo vrō-xīz* 'я подошел к своему брату'; *dad-an mōšīnēn* 'они-суть машины' (Соколова 1959: 19).

При том, что схемы парадигм в синхронном морфолого-синтаксическом плане типологически единообразны, наблюдается неоднородность глагольных маркеров субъекта по языкам и диалектам (в том виде, в котором они зафиксированы в текстах XX века). Ср. состав этих «отделяемых личных показателей» и связок и их историю.

Ед. ч.

1-е л. Шугн., руш., хуф., барт., рош. *-um*; сар. *-am* (при любых глаголах) — рефлексы местоименной энклитики 1 ед. **mai*, при возможной контаминации с продолжениями связки **ahmi*.

2-е л. Во всех языках группы *-at* (при любых глаголах) — рефлексы энклитики 2 ед. **tai*.

3-е л. Барт. (раум.-сип.), сар. *-i* (при любых глаголах); шугн., руш., хуф. *-i* (редко, только при переходных); барт. (бас.), рош. *-0* (ноль, при любых глаголах) — рефлексы энклитики 3 ед. **hai* с разной степенью сохранности по языкам; ослабление их употребительности обусловлено употреблением их в роли связки и тенденцией к частому выпадению связки 3 л. ед. ч.

Мн. ч.

1-е л. Шугн. *-ām*, руш., хуф. *-am* (при любых глаголах) — рефлекс связки 1 мн. **(a)hmahi > *mahī*; огласовка изменена по аналогии с личным показателем наст. вр., продолжающим **-āmahi*; в шугнанском все показатели мн. ч. изменялись по аналогии к флексии форм наст. вр.

Барт., рош., сар. *-an* (при любых глаголах) — рефлексы энклитики 1 мн. **nah*.

2-е л. Шугн. *-ēt* (при любых глаголах) — возможный результат вытеснения связи **sta* заимствованием личного показателя из парадигмы наст. вр.

Руш., хуф., рош., сар. *-af* (при любых глаголах) — рефлексы энклитики 2 л. мн. ч. **vah*.

Барт. *-at*, *-af* (при любых глаголах) — результат тенденции к унификации спряжения переходных и непереходных глаголов или влияния шугнанского языка.

3-е л. Шугн. *-ēn*, руш., хуф. *-an* (при любых глаголах), барт. *-an* (при непереходных глаголах) — рефлексы связки 3 л. мн. ч. **hanti*.

Барт. *-af* // *-an* (при переходных глаголах) — результат частичной унификации спряжения (о происхождении *-af* см. ниже).

Рош. *-af*, реже *-an* (при любых глаголах).

Сар. *-af* (при любых глаголах).

Показатель 3 мн. *-af* по историко-фонетическим данным должен продолжать элемент, содержащий палатализованный **-b-*. Таким мог быть рефлекс указательного местоимения мн. ч. в форме дат.-абл. **avaibiš* или инстр. **avabyah* при его поздней энклизе. Если это так, то показатель 3 мн. *-af* — этимологический рудимент прошлой эргативообразной конструкции. Подробнее об истории личных показателей прошедших времен см. Эдельман 1987: 311, 324–325; 1990: 112–113.

Этимологическая неоднородность глагольных маркеров субъекта по языкам и диалектам показывает, что процесс закрепления в них древних элементов, символизирующих субъект, не был абсолютно одинаковым и синхронным во всех языках шугнано-рушанской группы. Сильнее всего тенденция к унификации парадигмы прошедших времен (затронувшая частично даже парадигмы настоящего времени) проявилась в шугнанском языке — престижном языке культурного центра Памира, центре иррадиации инноваций для всей языковой группы. Наибольшее число архаизмов и переходных этапов выявляют «малые» языки и диалекты труднодоступных регионов. Особый путь преобразований обнаруживает сарыкольский язык, оторванный государственной границей от шугнанского влияния.

Таким образом, в динамике преобразования элементов субъектной референтности глагола определенную роль играли социолингвистический и этногеографический факторы, как это было в ареале распространения русского языка и в ходе иного процесса, анализированных в работе А.А. Кибрика (2013: 239–274).

Современные итоги этого процесса на Памире могут быть выявлены новыми полевыми исследованиями.

Сокращения

барт. — бартангский (с говорами: бас. — басидским; раум.-сип. — раумедо-сипанджским); рош. — рошорвский; руш. — рушанский; сар. — сарыкольский; шугн. — шугнанский.

Литература

Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. 2000. *Этимологический словарь иранских языков*. Т. 1. М.: Восточная литература.

- Соколова В.С. 1959. *Рушанские и хуфские тексты и словарь*. М.–Л.: Изд-во АН СССР.
- Соколова В.С. 1967. *Генетические отношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы*. Л.: Наука.
- Файзов М. 1966. *Язык рушанцев Советского Памира*. Душанбе.
- Эдельман Д.И. 1987. Шугнано-рушанская языковая группа. *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: Восточная группа*. М.: Наука.
- Эдельман Д.И. 1990. *Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Морфология. Элементы синтаксиса*. М.: Наука.
- Kibrik A.A. 2013. Peculiarities and origins of the Russian referential system. In: D. Bakker and M. Haspelmath (eds.) *Languages Across Boundaries: Studies in Memory of Anna Siewierska*, Berlin: Mouton de Gruyter, с. 239–74.
- Morgenstierne G. 1974. *Etymological vocabulary of the Shughni group*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag.

III. ЯЗЫКОВОЕ МНОГООБРАЗИЕ

К ВОПРОСУ ОБ ИНКОРПОРАЦИИ В АБАЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ

П.М. Аркадьев

Университет имени Иоганна Гутенберга, Майнц
alpgurev@gmail.com

Западнокавказские языки обычно не упоминаются при обсуждении именной инкорпорации (ср. Mithun 1984, 2000, Муравьева 2004, Olthof 2020). Это не случайно, поскольку в них отсутствуют явления, традиционно рассматриваемые как «прототипическая» инкорпорация — факультативное включение в глагольную словоформу именной основы, соответствующей пациенсу (прямому объекту) конструкции без инкорпорации, ср. чукотский пример (1).

чукотский

- (1) а. *gəm-nan tekicgə-n tə-pela-gʔan*
я-Erg мясо-Abs.Sg 1Sg.S-оставить-Pst.3Sg.O
б. *gəm tə-takecgə-pela-gʔak*
я.Abs 1Sg.S-мясо-оставить-Pst.1Sg.S
a=b ‘Я оставил(а) мясо’. (Муравьева 2004: 115)

Примеры, подобные (1), в западнокавказских языках не встречаются. Тем не менее, как я покажу ниже на материале абазинского языка, в них представлены явления, которые можно рассматривать как инкорпорацию — пусть и типологически весьма нетривиальную.

Как и все западнокавказские языки (Hewitt 2005, Arkadiev, Lander 2020), абазинский язык характеризуется полисинтетизмом, последовательным вершинным маркированием с помощью местоименных префиксов, выполняющих функции, аналогичные падежным (ср. Kibrik 2012), развитой системой повышающей актантной деривации и многообразием средств выражения в глаголе пространственной семантики. Основным средством кодирования последних являются так называемые **локативные превербы**. Превербы представлены во всех языках семьи, однако в абазинском и близкородственном ему абхазском они наиболее многочисленны — число простых и сложных превербов достигает в них полутора сотен (Авидзба 2017, Клычев 1995). Превербы выражают значения локализации, от довольно абстрактных (‘внутри

замкнутого пространства’) до весьма конкретных (‘на острие’), и существенно различаются по продуктивности, сочетаемости с глаголами и степени лексикализации. Наряду с морфологически простыми превербами существуют сложные, состоящие из двух или даже трёх простых (Клычев 1994); отдельные компоненты ряда сложных превербов не употребляются самостоятельно. Многие превербы функционируют как **апликативы**, т. е. вводят участника с пространственной ролью в качестве непрямого объекта и обычно сопровождаются соответствующим местоименным префиксом (2).

абазинский

(2) *a-č'kʷən a-zəχ' d-a-qa-č-t*

Def-парень Def-родник 3Sg.H.Abs-3Sg.N.Ю-Лос:над-уснуть-Dcl

‘Парень заснул над родником’. (Клычев 1995: 258)

В контексте нашего обсуждения важно, что большинство локативных превербов в западнокавказских языках исторически восходят к именам (Кумахов 1989: 220–228; Ломтатидзе 1983), в частности, к названиям частей тела. Так, преверб *qa-* ‘над, сверху’ в примере (2) связан с существительным *qa* ‘голова’. Подобная ситуация типологически широко распространена (Mithun 1984: 885–887; Mattissen 2006: 310–315; Zariquiey 2018), но интересно то, что ряд абазинских локативных превербов могут рассматриваться как инкорпорированные существительные и синхронно.

Среди превербов, соотносящихся с названиями частей тела, наряду с явно грамматикализованными и приобретшими пространственную семантику (например, *bka* ‘спина, поясница’ > ‘вниз’, *tgʷa* ‘живот’ > ‘будучи завёрнутым’), есть несколько, в части или даже во всех своих употреблениях имеющих то же значение, что и соответствующее существительное. Местоименный префикс непрямого объекта при таких превербах обозначает посессора части тела, ср. пример (3) с уже знакомым нам превербом *qa-* ‘голова; сверху’, а также пример (4) с инкорпорацией соматизма ‘лицо’.

(3) *j-qəlpə j-qa-š-əw-n*

3Sg.M.Ю-шапка 3Sg.M.Ю-голова-падать-Ipf-Pst

‘Шапка подходила к его голове’. (Клычев 1995: 260)

(4) *a-saba ʒa-rə-lakta-ɣl-əw-n*

Def-пыль Csl-3Pl.Ю-лицо-сыпаться-Ipf-Pst

‘Им в лицо сыпалась пыль’. (Клычев 1995: 154)

Некоторые имена при инкорпорации становятся компонентами сложных превербов, как, например, *paɣə* ‘рука’, выступающее лишь в комбинации с превербом *ça-* ‘под’ (5).

- (5) *a-kʷtaʷ*ʹ *s-naʔə-ça-p.č-t*
 Def-яйцо 1Sg. IO-рука-Лос:под-разбиться-Dcl
 ‘Яйцо разбилось у меня в руках’. (Клычев 1995: 170)

Наряду с названиями частей тела инкорпорироваться и употребляться в качестве локативных превербов могут и некоторые нереляционные имена, обозначающие культурно значимые объекты (‘люлька’, ‘двор’, ‘очаг’, ‘лошадь’ и т. п.). Поскольку эти имена обычно используются без показателя посессора, то и в составе глагола они не имеют местоименного префикса непрямого объекта. При инкорпорации такие имена обозначают пространственный ориентир ситуации, ср. (6) и (7).

- (6) *a-sabəj* *d-gara-l-gʷa-n*
 Def-ребёнок 3Sg. H. Abs-люлька-3Sg. F. Erg-класть-Pst
 ‘Она положила ребёнка в люльку’. (Клычев 1995: 67)

- (7) *w-gʷara-pš-ta* *w-ʃa.j.χ*
 2Sg. M. Abs-ограда-смотреть-Adv 2Sg. M. Abs-вернуться/Imp
 ‘Посмотрев во дворе, вернись’. (Клычев 1995: 69)

Ряд нереляционных имён выступают лишь в составе сложных превербов, ср. (8).

- (8) *ajnaž* *d-qʷa-la-j-gʷa-t*
 Def+великан 3Sg. H. Abs-зола-Лос:среди-3Sg. M. Erg-валить-Dcl
 ‘Он повалил великана в золу’. (Клычев 1995: 273)

Также инкорпорированные нереляционные имена могут употребляться в качестве глагольных классификаторов (Mithun 1984: 874; Aikhenvald 2000: 149–171), не имея автономной референции и соотносясь с ориентиром, выраженным полной именной группой. Последняя может формально совпадать с морфемой в составе глагола (9) или же состоять с нею в отношениях синонимии (10) или гипонимии (11).

- (9) *rə-čʷa* *d-čʷa-pχa-t*
 3Pl. IO-очаг 3Sg. H. Abs-очаг-греться-Dcl
 ‘Он обогрелся у их очага’. (Клычев 1995: 213)

- (10) *wadərʃʷana* *a-kʷadəgʷ* *wə-čʷara-l-p*
 потом Def-двор 2Sg. M. Abs-двор-войти-NPst.Dcl
 ‘Потом ты войдёшь во двор’. (АБТу: 85)

- (11) *a-klub* *jə-ʃʷna-n.χ-əj-t*
 Def-клуб 3Pl. Abs-дом-работать-Prs-Dcl
 ‘Они работают в клубе’. (Клычев 1995: 88)

Итак, приведённые данные демонстрируют наличие в абазинском языке именной инкорпорации. Чем же она выделяется на типологическом фоне?

Во-первых, семантическая роль инкорпорированного существительного в абазинском — пространственный ориентир; напротив, более характерные, в частности, для инкорпорированных частей тела роли пациенса или инструмента в абазинском не представлены. Во-вторых, инкорпорироваться в абазинском может лишь небольшое число существительных, образующих закрытый класс. В-третьих, судя по данным словаря Клычев 1995, являющегося основным источником материала этой статьи, «превербы-существительные» очень сильно различаются по своей продуктивности и лишь небольшое их число сочетается с обширными классами глаголов. Наконец, инкорпорировавшись, абазинские имена включаются к класс грамматических морфем — локативных превербов. Это проявляется не только в тенденции большинства таких имён приобретать пространственные значения и становиться аппликативами, но и в том, что они демонстрируют характерное лишь для превербов противопоставление «базовых» (с гласным *a*) и «элативных» (с гласным *ə*) форм, см. Авидзба 2017. Это противопоставление наблюдается как у сильно грамматикализованных превербов без ясной этимологии (12), так и у инкорпорированных названий частей тела (13) и артефактов (14).

- (12) а. *a-qanž'a a-ɬʷara j-ta-pssɬa-χ-t*
 Def-ворона 3Sg.N.ИО-гнездо 3Sg.N.Abs-**Loc:в**-лететь-Re-Dcl
 'Ворона влетела в своё гнездо'. (Клычев 1995: 197)
- б. *a-warba a-ɬʷara j-tə-pssɬa-t*
 Def-орёл 3Sg.N.ИО-гнездо 3Sg.N.Abs-**Loc:в.Elat**-лететь-Dcl
 'Орёл вылетел из гнезда'. (Клычев 1995: 205)
- (13) а. *a-ʒə jə-qʷda-žž-wa-n*
 Def-вода 3Sg.M.ИО-**шея**-литься-Ipf-Pst
 'Вода выливалась ему на шею'. (Клычев 1995: 274)
- б. *a-mχʷ-kʷa lə-qʷdə-l-žə-t*
 Def-бусы-Pl 3Sg.F.ИО-**шея.Elat**-3Sg.F.Erg-срывать-Dcl
 'Она сорвала бусы с её шеи'. (Клычев 1995: 275)
- (14) а. *aɬʷ ɟʷa-l-ga-t*
 Def+корыто **очаг**-3Sg.F.Erg-нести-Dcl
 'Она занесла корыто к очагу'. (Клычев 1995: 211)
- б. *d-ɟʷə-r-ga-χ-t*
 3Sg.H.Abs-**очаг.Elat**-3Pl.Erg-нести-Re-Dcl
 'Они его вынесли из очага'. (Клычев 1995: 218)

Тем самым, в абазинском языке (и, шире, в западнокавказских языках в целом) представлена именная инкорпорация, причём типологически весьма нетривиальная и имеющая ярко выраженную тенденцию к грамматикализации.

Сокращения

Abs — абсолютив; Adv — адвербиалис; Csl — цислокатив; Dcl — декларатив; Def — определённый; Elat — элатив; Erg — эргатив; F — женский род; H — личный род; Imp — императив; IO — не прямой объект; Ipf — имперфектив; Loc — локативный преверб; M — мужской род; N — неличный род; NPst — не прошедшее время; O — объект; Pl — множественное число; Prs — настоящее время; Pst — прошедшее время; Re — рефактив; S — субъект; Sg — единственное число

Литература

- АБТу: *Абаза турыхква (абазинские сказки)*. Минеральные Воды: Алашара, 2015.
- Авидзба А.В. 2017. *Локальные превербы в абхазском и абазинском языках*. Диссертация ... кандидата филол. наук. Сухум: Абхазский институт гуманитарных исследований.
- Клычев Р.Н. 1994. *Локально-превербное образование глаголов абазинского языка*. Черкесск: Аджьпа.
- Клычев Р.Н. 1995. *Словарь сочетаемости локальных превербов с суффиксоидами и глагольными корнями в абазинском языке*. Черкесск: Карачаево-черкесское книжное издательство.
- Кумахов М.А. 1989. *Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков*. М.: Наука.
- Ломтатидзе К.В. 1983. Основные типы локальных превербов в абхазском и абазинском языках. В: Н.Т. Табулова, Р.Х. Темирова (ред.), *Система превербов и послелогов в иберийско-кавказских языках*. Черкесск: Карачаево-черкесский НИИ истории, филологии и экономики, 10–13.
- Муравьёва И.А. 2004. *Типология инкорпорации*. Диссертация ... доктора филологических наук. М.: РГГУ.
- Aikhenvald A.Yu. 2000. *Classifiers*. Oxford: Oxford University Press.
- Arkadiev P.M., Yu.A. Lander. 2020. The Northwest Caucasian languages. In: M. Polinsky (ed.), *The Oxford Handbook of the Languages of the Caucasus*. Oxford: Oxford University Press, 369–446.
- Hewitt B.G. 2005. North West Caucasian. *Lingua* 119, 91–145.
- Kibrik A.A. 2012. What's in the head of head-marking languages? In: P. Suihkonen, B. Comrie, and V. Solovyev (eds.), *Argument Structure and Grammatical Relations: A Cross-Linguistic Typology*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 211–240.

- Mattissen J. 2006. The ontology and diachrony of polysynthesis. In: D. Wunderlich (ed.), *Advances in the Theory of the Lexicon*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 287–353.
- Mithun M. 1984. The evolution of noun incorporation. *Language*, v. 60, n. 4, 847–894.
- Mithun M. 2000. Incorporation. In: G. Booij, Chr. Lehmann, and J. Mudgan (eds.), *Morphology: An International Handbook on Inflection and Word Formation*, Vol. 1. Berlin: Walter de Gruyter, 916–928.
- Olthof M. 2020. *Incorporation: Constraints on Variation*. Amsterdam: LOT Publications.
- Zariquiey R. 2018. Diachronic stories of body-part nouns in some language families of South America. In: H. Narrog, B. Heine (eds.), *Grammaticalization from a Typological Perspective*. Oxford: Oxford University Press, 350–371.

ЯЗЫКОВОЕ И ЭТНИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ В ЗЕРКАЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

В.И. Беликов

свободный художник
vibelikov@gmail.com

На посту директора Института языкознания Андрей Александрович активизировал деятельность по исследованию и поддержке малых языков России. Приложение к разработанному Институтом проекту *Федеральной Программы по сохранению и развитию языков России* содержит сведения о 170 языках. Лингвонимы — законная часть русского лексикона, однако далеко не все они попадают в толковые словари. А попавшие иногда трактуются несколько экзотично.

Лингвонимы по-русски обычно передаются отэтнонимическими прилагательными, так что анализироваться будут в первую очередь этнонимы. Основным материалом для анализа послужили первые 27 томов нового БАСа (А–Стоящий).

В предисловии сказано, что в словник включены «названия наций и народностей, проживающих в современной России¹ (...) названия общеизвестных современных народов (...) а также наименования исчезнувших народов и племен, сыгравших большую роль в истории России или в мировой истории» (БАС, т. 1: 9), при этом «толкования этого разряда слов снабжены указаниями на языковую принадлежность (в тех случаях, когда эта принадлежность установлена достоверно²)» (БАС, т. 1: 14). В самих статьях обычно используется

¹ Список таковых я взял из ВПН 2002 года, предварительные материалы которой были опубликованы ко времени сдачи в набор первого тома словаря (19.06.2003). В БАСе нет не только большинства официально «новых» этнонимов, но отсутствуют и постоянно учитывавшиеся советскими переписями кеты, крымчаки, нганасаны, негидальцы, рутульцы; при этом в ССРЛЯ были крымчаки (а также аварские «субэтносы» андийцы и ахвахцы).

² У двух народов (коряков и ненцев) и одной народности (селькупов) указаны лишь места обитания; их достоверная «языковая принадлежность» то ли не установлена, то ли неизвестна лексикографам. А вот пример солидаризации с всегда недоуверенной, а падежом убеждающей и в слабом знакомстве с некогда распространен-

слово *народ*; *нацией* оказались лишь поляки, а *народностью* — кумыки, сваны и селькупы.

Начнем по алфавиту. **Абазины:** *Народ абхазо-адыгской этноязыковой группы, живущий в Карачаево-Черкесской и Адыгейской автономных областях.* Возникает один очевидный вопрос и два менее очевидных.

1. Авторы (редакторы и проч.) не заметили, что помянутые *автономные области* перестали существовать еще в СССР?³

2. Откуда сведения об абазинах в Адыгее? На 2002 год из 37942 абазин России там жил лишь 71 человек, а, например, в Ханты-Мансийском АО — 292.

3. Этноязыковая группа? В Предисловии было обещано указывать «языковую принадлежность». А этнос характеризуется не только языком, но еще и **культурой**. Культуры носителей абхазо-адыгских языков сходны, но этноязыковые таксоны фигурируют почти во всех толкованиях. Культурно далекие **караимы, каракалпаки и карачаевцы** оказываются «синонимами»: при отсутствии иллюстраций толкования идентичны: *народ тюркской этноязыковой группы; представители этого народа.* Специалист писал: «В применении к любому историческому периоду, древнему или новому, можно говорить только о „народах индоевропейского языка“ (...) есть индоевропейские языки, но нет индоевропейских народов» (Мейе 1938: 108; *разрядка его*); разумеется, суперэтнические общности существуют, но их границы далеко не всегда привязаны к языковым общностям.

Таксономическая характеристика языка (а в БАСе и народа) состоит из двух элементов: **уровня** таксона (группа, семья и т. п.) и его **имени**. Начнем с имени.

К *абхазо-адыгской* группе, кроме абазин, отнесены **адыгейцы**. **Абхазы** — к *абхазо-адыгейской*, **кабардинцы** — к *абхазско-адыгской*. Пустячок, а неприятно. Но в качестве второго элемента доминирует *-адыгский*. А есть ли слова *адыги* и *адыгский*? В словаре нет, в жизни есть. В ГИКРЯ в сегменте Журнальный зал есть 267 вхождений *адыгов* в 53 текстах и 45 вхождений *адыгейцев* в 35 текстах, для прилагательных: *адыгский* — 167 (35 текстов), *адыгейский* — 57 (37); явная «несоразмерность» имеет простое объяснение: *адыги* — не синоним *адыгейцев*, обычно это общее обозначение кабардинцев, черкесов, адыгейцев, шапсугов, абазин и др.

Именованье группы может различаться и объемом: **венгры** отнесены к *угорской* группе, а **манси** — к *финно-угорской*.

ной генеалогической характеристикой: **арчинцы** — *народ иберийско-кавказской этноязыковой группы, живущей в Дагестане.*

³ Не только здесь. Об ингушах сказано, что они населяют *западные районы Ингушетии*. Явно отредактированы *западные районы Чечено-Ингушетии*.

Теперь о таксономическом уровне. Немногие народы удостоились двух-элементной характеристики: **латыши** — народ балтийской группы индоевропейской этноязыковой семьи⁴, **албанцы** — народ особой группы индоевропейской этноязыковой семьи, **греки** — народ, входящий в группу индоевропейской этноязыковой семьи⁵.

Аварцы и **даргинцы** отнесены к *нахско-дагестанской* группе, **лезгины** — к *навско-дагестанской* группе, а **лакцы** — к *северокавказской* семье.

Сербы — просто *южнославянский народ, живущий в Сербии*, **болгары** — *народ южнославянской этноязыковой подгруппы, составляющий основное население Болгарии*, **боснийцы** — *народ южнославянской этноязыковой группы, составляющий основное население Боснии и Герцеговины*.

На боснийцах следует остановиться чуть подробнее, обычно так называют всё население БиГ, где, кроме славяноязычных мусульман (*босняков* — в БАС слово не попало), есть сербы, хорваты, цыгане, албанцы... А живущие там сербы и хорваты считают себя *сербами* и *хорватами*. Опять прибегну к статистике узуса; в Журнальном зале ГИКРЯ *боснийцы* встретились 111 раз, а *босняки* — 92. Но интересно не это. Обобщенное название жителей чаще используется во множественном числе, этничность же характеризует индивида, поэтому маркеры этничности относительно чаще встречаются в единственном числе. *Босняков* среди *боснийцев* можно сравнить с *шотландцами* среди *британцев* (*англичане* не подходят, по-русски и Великобританию нередко называют Англией). Тот же эффект проявляется при противопоставлении этнического и суперэтнического:

число	<i>босняки</i>	<i>боснийцы</i>	<i>шотландцы</i>	<i>британцы</i>	<i>адыгейцы</i>	<i>адыги</i>	<i>белорусы</i>	<i>славяне</i>
множ.	44	88	251	988	34	252	1126	3202
ед.	48	23	247	307	11	15	434	326
мн./ед.	0,9	3,8	1,0	3,2	3,1	16,8	2,6	9,8

У носителей иранских языков таксономические уровни также различны: **осетины** отнесены к *индоевропейской этноязыковой группе*, **персы** — к *индоиранской этноязыковой группе*, **курды** — к *иранской этноязыковой группе*.

Морфологические огрехи и стилистические пометы требуют детального разбора, так что ограничусь очевидным. Аристотель и Евклид были **греками**, но только вместе; кем был каждый из них — неизвестно: на «оттенок значения» *О жителях Древней Греции* наложено ограничение *Только мн.* Ашшур-

⁴ **Литовцы** — народ балтийской этноязыковой группы.

⁵ **Армяне**, чье систематическое положение должно быть сходно с таковым албанцев и греков, оказались *народом индоевропейской этноязыковой группы*.

банапалу повезло — древние **ассирийцы** выделены в самостоятельное значение, а именовать так можно и всех, и каждого.

Башкирцы помечены как *устар[евшее]*, а **венгерцы** — *устаревающее*. Статистика разных сегментов ГИКРЯ информирует:

Слово (pl, sg)	ЖЗал	Новости	ЖЖ	ВК	Дзен	Пикабу
<i>венгры</i>	1389	4514	50116	25265	3044	6633
<i>венгерцы</i>	20	2	392	228	18	26
<i>башкиры</i>	609	830	26216	38869	4151	10358
<i>башкирцы</i>	34	27	1434	1349	110	127

Оба слова заведомо устарели, но *венгерцы* явно сильнее, особенно в Новостях.

Другой случай: **мордвины** (с сингулятивами *мордвин*, *мордвинка*) устарели, а **мордовцы** (*мордовец*, *мордовка*) — нет. Тут злую шутку над словарниками сыграло пристрастие к стандарту словообразовательных моделей. Во мн. числе преобладает собирательное *мордва*, в ЖЗ ГИКРЯ — 322 вхождения (*мордвины* — 5, *мордовцы* — 2). А с сингулятивами так: *мордовец* — 0, *мордвин* — 88, *мордовка* — 30, *мордвинка* — 5.

Комментарий к иллюстрациям предварю примером из статьи **мордва**: *⟨...⟩ Мы из народа эрзя. А есть еще у нас, у мордвы, народ меря.* Становится ясно: о разумном подходе к заявленному в предисловии «наименованию исчезнувших народов и племен» можно забыть: *меря* — народ летописный, от исторической *мордвы* жил далеко⁶.

Цитаты и речения «убеждают читателя в правильности толкования и стилистической квалификации слова» (БАС, т. 1: 29). Большинство этнонимов иллюстраций не получает. Из 15 просмотренных на букву «А» их нет у девяти (абазины, абхазы, аварцы, агулы, азербайджанцы, алтайцы, американцы, арчинцы, ассирийцы [современные]); **арабы** получили три цитаты, **англичане** две, а одиночные иллюстрации таковы: *Охрана Кочубея состояла в большинстве из адыгейцев; Я жил тогда в Одессе пыльной.., Где ходит гордый славянин, Француз, испанец, армянин; Культура албанцев; Язык алеутов.* Первая —

⁶ О псевдолетописном народе процитирую себя: в БАСе **водь** толкуется так: «‘прибалтийско-финское племя, жившее южнее Финского залива в северо-западной части Новгородской земли’ *⟨...⟩* Между тем, согласно Переписи 2002 г., немногочисленная часть этого „племени“ уцелела и зафиксирована в количестве 73 человек», в основном в Ленинградской области. «Но любознательному петербуржцу нет нужды отправляться в область, чтобы поближе познакомиться с этим народом: *На Моховой улице, 15, можно *⟨...⟩* пообщаться с их молодыми представителями, одетыми в национальные костюмы* (Невское время; 19.12.2006)» (Беликов 2009: 361–362).

про Кочубея, вторая про Одессу, а речения не лучше, чем *культура алеутов и язык албанцев*.

В XIX — нач. XX в. слова **киргизы** и **лезгины** имели только те значения, которые в словаре Д.Н. Ушакова даны первыми: *То же, что казаки*⁷ (*устар.*) и *Общее название группы дагестанских народов на Кавказе*. В БАСе этих значений нет, зато есть примеры из Мамина-Сибиряка и Л. Мея, к современным киргизам и лезгинам не имеющие отношения.

Научный координатор словаря, а с буквы «О» (т. 13, 2009) — главный редактор назвал его составителей «художниками и скульпторами от академической лексикографии», обладающими «искусством проникновения в семантические глубины отдельных слов» (Герд 2006: 91). Этнонимы в число *отдельных слов* явно не входят.

В качестве общего вывода могу лишь повторить за выдающимся русским философом: с одной стороны, *Многие вещи нам непонятны не потому, что наши понятия слабы; но потому, что сии вещи не входят в круг наших понятий*, а с другой — *Рассуждай токмо о том, о чем понятия твои тебе сие дозволяют. Так: не зная законов языка ирокезского, можешь ли ты делать такое суждение по сему предмету, которое не было бы неосновательно и глупо?*

Л и т е р а т у р а

- БАС: Большой академический словарь русского языка. Тт. 1–27. 2004–2021. М.–СПб.: Наука.
- Беликов В.И. 2009. Стереотипы в понимании литературной нормы. В кн.: Л.Л. Федорова (ред.). *Стереотипы в языке, коммуникации и культуре*. М.: РГГУ, 357–376.
- Герд А.С. 2006. РНК и академическая лексикография. В кн.: *Труды Международной конференции «Корпусная лингвистика — 2006»*. СПб.: Изд. СПбГУ, 88–91.
- ССРЛЯ: Словарь современного русского литературного языка. Тт. 1–17. 1948–1965. М.–Л.: Изд. АН СССР.
- Ушаков Д.Н. (ред.) 1935–1940. *Толковый словарь русского языка: В 4 т.* М.: СЭ; ОГИЗ.
- Мейс А. 1938. *Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков*. М.–Л.: Соцэкономиздат.

⁷ **Казáки** у Ушакова: *Одна из тюркских народностей, населяющая Закаспийские степи и составляющая большинство жителей Казакской АССР, киргизы, киргизкайсаки.*

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОЕ ПАДЕЖНОЕ МАРКИРОВАНИЕ ОБЪЕКТА В ЯГНОБСКОМ ЯЗЫКЕ

А.П. Выдрин

Институт лингвистических исследований РАН
senjacom@gmail.com

1. Введение

Эту статью о малом иранском языке я посвящаю юбиляру — Андрею Александровичу Кибрику, который уже многие годы занимается вопросами сохранения языкового разнообразия.

Ягнобский язык принадлежит к современным восточноиранским языкам. На ягнобском говорят в Таджикистане в долине реки Ягноб (приток Фандарья). Точное количество ягнобцев в настоящий момент неизвестно. С момента появления первых описаний ягнобского языка этот язык считался малочисленным. А.Л. Хромов (1972: 6) оценивает количество носителей языка около 1500 человек в долине реки Ягноб и 900 человек за ее пределами. Точное количество носителей в настоящий момент неизвестно. Однако известно, что ягнобский все еще является живым языком (Лурье 2015).

Ягнобский язык привлекал внимание иранистов прежде всего как потомок одного из диалектов согдийского языка (восточноиранский, среднеиранский, мертвый), поэтому большинство научных работ по этому языку связано с диахронией. На данный момент синхронных описаний ягнобского языка крайне мало. Наиболее значимыми работами являются краткая грамматика А.Л. Хромова (1972), обзорная статья М.Н. Боголюбова (1966) и ягнобско-русский словарь, составленный М.С. Андреевым, В.А. Лившицем и А.К. Писарчиком (1957). Грамматика ягнобского языка в синхронном плане остается недостаточно изученной.

Настоящая статья ставит своей целью описать дифференцированное падежное маркирование объекта в ягнобском языке. Исследование основано на устных текстах, собранных советскими иранистами в 20–60 гг. XX в. и опубликованных в работах (Климчицкий 1940; Соколова 1953; Андреев, Пещерева 1957; Хромов 1972). Общий объем корпуса текстов составляет более 40000 словоупотреблений. Все тексты отгlossированы мной в программе Fieldworks

и имеют перевод, поморфемный разбор и систему поиска. Далее в статье у примеров из корпуса в скобках дается номер текста и номер предложения.

2. Дифференцированное падежное маркирование

2.1. Грамматика описывает падежную систему ягнобского языка следующим образом: «Имеется два падежа: прямой и косвенный. Форма прямого падежа представляет собой чистую основу с нулевым показателем. Косвенный падеж образуется путем присоединения к основе суффикса -i (после согласных), -u (после гласных)» (Хромов 1972: 19). «Прямое дополнение в ягнобском языке чаще всего не имеет формальных признаков... Иногда прямое дополнение бывает выражено существительным в форме косвенного падежа. По всей видимости, это имеет место в тех случаях, когда речь идет о предмете определенном, известном» (Хромов 1972: 77).

Другими словами, в грамматике ягнобский описывается как двухпадежный язык с дифференцированным падежным маркированием объекта. Исследование текстов показывает, что в ягнобском маркирование прямого объекта косвенным падежом зависит от ряда факторов, не всегда связанных с «определенностью» или «известностью» объекта. Далее будут кратко рассмотрены особенности дифференцированного маркирования объекта.

2.2. Косвенный падеж обязательно маркирует имена собственные (1), личные (2) и указательные местоимения (3) в позиции прямого объекта.

(1) *Kampir-ak Šomiltikak-ě a-nos...*
 старуха-Dimin Шомилтыкак-Obl Pst-брать.3Sg
 ‘Старуха схватила Шомилтыкака...’ (33, 13.2)

(2) *Man tau na-a-tuxoy-em?*
 я ты.Obl Neg-Pst-убивать-Pst.1Sg
 ‘Разве я тебя не убил?’ (30, 29.3)

(3) *Tora vu-tišť, awi na-wen-ošť.*
 темный быть-Prs.3Sg тот.Obl Neg-видеть-Prs.3Pl
 ‘Темнеет, они его не видят’ (IV, 4.2)

2.3. Неодушевленные прямые объекты почти всегда маркируются прямым падежом, даже если они сильнореферентны. См. пример ниже, где «камень» является сильнореферентным, однако маркируется прямым падежом:

(4) *Saxi saňg čak dor-čě...*
 щедрый камень схватывание держать-Prs.3Sg
 (Домулло встает, подходит, оба они держат камень. Потом говорит: «Эй, домулло, камень перевернулся, вставай, иди сюда». Домулло встает, под-

ходит, оба они держат камень. Потом скупой говорит: «Подержи его, я помочусь»). ‘Щедрый держит **камень**’ (скупой садится верхом на лошадь, погоняет ее, уезжает). (37, 3.2)

Крайне редко в текстах встречаются примеры с неодушевленным прямым объектом в косвенном падеже. Например, слово *vita* ‘веревка’ в корпусе в позиции прямого объекта в единственном числе¹ и без числительного² употребляется 21 раз. Только в одном примере *vita* маркируется косвенным падежом. См. пример и глоссирование выделенного полужирным фрагмента ниже:

(5) *Pari awov*: „*Awwal xuat san, kě mank asanem, man xǔsně yorošt, kě tau nasěynošt, **vitay pakkaš kǔnošt** — tag-ě dǔnǔyoě tirišt*“.

‘Пери сказала: «Сначала ты сам поднимись, потому что как только я поднимусь, увидят мою красоту, тогда тебя не поднимут, **веревку перережут** — ты отправишься в подземный мир»’. (27, 95.2)

vita-y ***pakka=š*** ***kǔn-ošt***
веревка-Obl разрезание=Encl.3Sg делать-Prs.3Pl

Нужно заметить, что далее в том же самом тексте в идентичных контекстах (*vita pakka kun-* ‘перерезать веревку’) *vita* ‘веревка’ стоит в прямом падеже. Например: *Vita pakka=š kǔn-im, tir-ot* (веревка разрезание=Encl.3Sg делать-Impr.1Pl идти-Impr.3Sg) ‘Обрежем веревку, пусть он упадет’ (27, 98.2). На данном этапе исследования не удастся предложить удовлетворительного объяснения подобным случаям употребления косвенного падежа с неодушевленными объектами (опечатки в записи, оговорки рассказчика или какая-то лингвистическая причина?).

2.4. Маркирование косвенным падежом одушевленных прямых объектов зависит главным образом от референтности объекта. Сильнореферентные (то есть известные и говорящему, и слушающему) одушевленные объекты обычно маркируются падежом. Например:

(6) *A-jax,* *a-nos* *asp-ě,* *lǐbos-t*
Pst-вставить.Pst.3Sg Pst-брат. Pst.3Sg/Ser лошадь-Obl одежда-Pl
a-nəyunt, *asp-ě* *a-nos,*
Pst-надевать.Pst.3Sg/Ser лошадь-Obl Pst-брат.3Sg/Ser

¹ Объем настоящей статьи не позволяет рассмотреть особенности взаимодействия множественного числа и падежного маркирования.

² О падежном маркировании именных групп с числительными речь пойдет в разделе 3.

vora a-və.

всадник Pst-быть.Pst.3Sg/Ser

(Прибежала белая лошадь — на ней белая сбруя, белые одежды для юноши.) ‘Он встал, взял лошадь, оделся, взял лошадь, сел верхом’. (29, 47.3)

Однако встречаются исключения, см. пример ниже, где в позиции прямого объекта выступает *γayk* ‘дочь, девушка’ с личным посессивным показателем. В предтексте царская дочь упоминается и является сильнореферентным объектом, однако в примере ниже она маркируется прямым падежом.

- (7) *To poššo-ě γayk=š na-kün-om, na-mon-omišt*
 пока царь-Obl дочь=Encl.3Sg Neg-делать-Sbjv.1Sg Neg-оставлять-Prs.1Sg
 ‘Пока я не возьму царскую дочь, я не оставлю’. (32, 33.4)

Нужно заметить, что примеров, подобных приведенному выше, в текстах крайне мало. Стандартной стратегией маркирования одушевленных сильно-референтных прямых объектов является косвенный падеж.

2.5. Сложнее всего объяснить употребление косвенного падежа с одушевленными нереферентными прямыми объектами. В корпусе такие объекты в одних и тех же контекстах могут маркироваться или не маркироваться косвенным падежом. При чтении текстов прослеживается тенденция не маркировать косвенным падежом нереферентные и слабореферентные (известные говорящему, но не слушающему) одушевленные прямые объекты и маркировать эти объекты при смене референтности на сильнореферентную. Рассмотрим следующие примеры:

- (8) *Avov aně: „Man devtě tūxoyom — asp tēm tu anosě, inč tēm tu anosě, nahtat dēhom, tūxoyom tau dūruγuě“.*
 ‘(Бокы) сказал: «(Если) я убиваю дивов, а ты взял и лошадь и жену, то здесь я ударю и убью тебя, лжеца». (10, 78.4)
- (9) *Posšo votišť aně: „Žutam, nahětě natūxoy. Man asp-ě tau tīfaromišt, inč — nahětě“.* Ajax, *asp-ě anos, atīfar.*
 ‘Тогда царь говорит: «Сын мой, не убивай его. Я лошадь отдам тебе, а жена — ему». Поднялся, взял лошадь, отдал’. (10, 79.1–79.3)

Оба примера взяты из одного и того же текста и следуют друг за другом. В (8) *asp* ‘лошадь’ является скорее нереферентным объектом и поэтому маркируется прямым падежом (нулевым показателем). В (9) *asp* ‘лошадь’ упоминается уже второй раз, становится сильнореферентным объектом и маркируется косвенным падежом.

В корпусе встречаются также примеры, не поддающиеся удовлетворительному объяснению. Например:

- (10) *Poščo-ě asp zin a-kün-or, xuat=š vora*
 царь-Obl лошадь седло Pst-делать-3Pl сам=Encl.3Sg всадник
a-vu, a-šau.
 Pst-быть.3Sg Pst-идти.3Sg/Ser
 (Царь сказал: „Оседлайте мне лошадь — я сам поеду“.) ‘Оседлали царю лошадь, сел он верхом, поехал’. (5, 61.2)
- (11) *Хасан-й Гүлриз тём asp-ё zin a-kün,*
 Хасан-Obl Гульриз тоже лошадь-Obl седло Pst-делать.3Sg
vora a-vu.
 всадник Pst-быть.3Sg/Ser
 (Они повернулись, пошли.) ‘Хасан Гульриз тоже оседлал лошадь, сел верхом’. (6, 7.1)

В обоих примерах прямой объект *asp* ‘лошадь’ является одушевленным и слабореферентным, предикат также один и тот же — *zin kun-* ‘седлать’, однако в первом примере объект не маркируется косвенным падежом, а во втором — маркируется. Употребление косвенного падежа с нереперентными или слабореферентными прямыми объектами скорее объясняется неким прагматическим выделением объекта. Более точно определить подобные случаи употребления косвенного падежа на данном этапе исследования не представляется возможным.

3. Падежное маркирование именных групп с числительными

В грамматике отмечается, что «в сочетаниях с количественными числительными от двух и выше существительные употребляются в форме единственного числа косвенного падежа» (Хромов 1972: 21). Данное утверждение не является правилом. Действительно, в текстах именные группы с числительным часто маркируются падежом, одушевленность объекта при этом не играет никакой роли (в отличие от случаев, рассмотренных в предыдущем разделе):

- (12) *Posšo-yě tiray sib-ё atıfar...*
 царь-Obl три яблоко-Obl Pst-давать.3Sg
 ‘Он дал царю три яблока...’ (23, 1.3)

Однако в корпусе встречаются примеры, в которых именные группы с числительным (даже одушевленные) стоят в прямом падеже. Ср. примеры

ниже, где в первом именная группа с числительным стоит в позиции подлежащего, а во втором — в позиции прямого дополнения.

- (13) *Tīray žuta=š vu-ta*
 три сын=Encl.3Sg быть-Part.Pst.Prf
 ‘У него было три сына’. (15, 1.2)

- (14) *Očā-y tak=im a-var-or du kutčuja a-mon*
 мать-Obl под=Encl.1Sg Pst-нести-3Pl два щенок Pst-класть.Ser
 ‘Они принесли двух щенков, подложили под мою мать’. (12, 8.2)

Числительное *i* ‘один’ действительно ведет себя не так, как другие числительные, и при употреблении с именной группой обычно не вызывает появления косвенного падежа. См. пример ниже, где имя с числительным «один» *i sīnčīn* (один иголка) маркируется прямым падежом, а с числительным «два» *du sīnčīn-ě* (два иголка-Obl) — косвенным.

- (15) *I sīnčīn aživarěšt bozorě — du sīnčīně akūništ, adėvar.*
 ‘Он выносил **одну иголку** на базар — превращал ее в **две иголки**, приносил домой’. (32, 1.3)

Тем не менее, именные группы с числительным «один» в позиции прямого дополнения иногда могут маркироваться косвенным падежом (даже если имя при этом неодушевленное), ср. пример ниже:

- (16) *Hom — seyr a-v-or, I satil-ě xaš.*
 да сытый Pst-быть-3Pl один ведро-Obl тащить.Imp.2Sg
 ‘Да, они напились, вытащи (еще) **одно ведро**’. (42, 40.2)

Нумератив³ *γum* ‘раз’ с числительным не маркируется падежом. Например, *tufor γom* (четыре раз) ‘четыре раза’.

4. Заключение

В статье было показано, что в ягнобском языке дифференцированное падежное маркирование прямого объекта зависит прежде всего от одушевленности объекта и, в меньшей степени, от референтности. Косвенный падеж обязательно маркирует имена собственные, личные и указательные местоимения в позиции прямого объекта. Неодушевленные объекты крайне редко маркируются косвенным падежом. Сильнореферентные одушевленные объ-

³ Специального исследования нумеративов в ягнобском языке не проводилось. На данном этапе неясно, есть ли в ягнобском другие нумеративы, которые ведут себя так же как *γum* ‘раз’.

екты обычно маркируются косвенным падежом. Слабореферентные и неререферентные одушевленные объекты могут маркироваться или не маркироваться косвенным падежом. Также в статье было рассмотрено оформление косвенным падежом именных групп с числительным. Такие именные группы обычно маркируются косвенным падежом вне зависимости от одушевленности или референтности имени.

Условные сокращения

Dimin — диминутив, Encl — энклитика, Imp — императив, Neg — отрицание, Obl — косвенный падеж, Part.Pst — причастие прошедшего времени, Pl — множественное, Prf — перфект, Prs — настоящее, Pst — прошедшее, Sbjv — сослагательное, Ser — сериальная (зависимая) форма, Sg — единственное.

Литература

- Андреев М.С., Пещерева Е.М. 1957. *Ягнобские тексты*. М.–Л.: Издательство академии наук СССР.
- Андреев М.С., Лившиц В.А., Писарчик А.К. 1957. Ягнобско-русский словарь. В кн.: Андреев М.С., Пещерева Е.М. *Ягнобские тексты*. М.–Л.: Издательство академии наук СССР. 217–391.
- Боголюбов М.Н. 1966. Ягнобский язык. В кн.: *Языки народов СССР. Том I. Индо-европейские языки*. М.: Наука, 342–361.
- Климчицкий С.И. 1940. Ягнобская сказка. В кн.: *Труды таджикостанской базы*. Том IX. М.–Л.: Издательство академии наук СССР, 94–103.
- Лурье П.Б. 2015. Ягнобская сказка об Али и Имаме Махди. В кн.: Пелевин М.С. (отв. ред.) *«На пастбище Мысли Благой»*. Сборник статей к юбилею И.М. Стеблин-Каменского. СПб: Контраст, 154–163.
- Соколова В.С. 1953. *Очерки по фонетике иранских языков. II. Осетинский, ягнобский и памирские языки*. М.–Л.: Издательство академии наук СССР.
- Хромов А.Л. 1972. *Ягнобский язык*. М.: Наука.

ПО СЛЕДАМ АМУРСКИХ ГЛАСНЫХ

Е.Ю. Груздева

Хельсинкский университет
ekaterina.gruzdeva@helsinki.fi

Ю.А. Янхунен

Хельсинкский университет
asiemajeure@yahoo.com

Амурская языковая семья объединяет два близкородственных языка — сахалинский нивхский (*niɣvŋ*) и амурский нивхский (*niɣx*), каждый из которых включает несколько локальных вариантов, представляющих собой диалектный континуум. Оба идиома находятся под серьезной угрозой исчезновения и требуют пристального внимания лингвистов в плане научного описания и языковой поддержки. Мы бы хотели посвятить эту статью юбилею Андрея Александровича Кибрика и подчеркнуть его личный вклад в сохранение языкового разнообразия России.

В нашей статье проводится исторический анализ одной из наиболее ярких фонетических черт, отличающих амурские языки друг от друга, а именно соответствия между гласным *a* в сахалинском нивхском и гласным *ə* в амурском нивхском, ср. сах. *taf* и амур. *taf* ‘дом’. Впервые указанное соотношение гласных было отмечено еще в конце XIX века в публикации В. Грубе (Grube 1892), где сопоставлялись материалы сахалинского нивхского, собранные П. Гленом, и амурского нивхского, собранные Л. Шренком. При описании фонетики нивхского языка Е.А. Крейнович связывал это «нерегулярное» соотношение с гармонией гласных (Крейнович 1937: 96–97). В.З. Панфилов был несогласен с такой трактовкой и указывал на проблемы предложенного Крейновичем анализа (Панфилов 1961: 18–20). Насколько нам известно, никаких других гипотез, объясняющих данное явление, до сих пор предложено не было.

Мы предлагаем рассмотреть несколько альтернативных подходов к решению указанной проблемы, которые могут послужить основой для дальнейшей работы над реконструкцией фонологической системы амурских языков.

Синхронная система гласных одинакова в обоих амурских языках и включает шесть гласных фонем, которые находятся в оппозиции по ряду и подъему, см. Табл. 1. Артикуляционный спектр гласного *ə* варьируется от средне-верхнего [ə] до верхнего [i̥]. В ареальном плане можно отметить, что более или менее аналогичная шестивокальная система характерна для нанайского языка, а также для некоторых вариантов ульчского и негидальского

языков, где она сформировалась в результате вторичного сокращения более богатой прото-тунгусо-маньчжурской системы.

Таблица 1. Система гласных в амурских языках

	передний ряд	средний ряд	задний ряд
верхний подъем	<i>i</i>		<i>u</i>
средний подъем	<i>e</i>	<i>ə</i>	<i>o</i>
нижний подъем		<i>a</i>	

В сфере амурского вокализма сохраняются отдельные черты регрессивной гармонии гласных, характеризующейся противопоставлением гласных верхнего подъема (*i ə u*) и гласных средне-нижнего подъема (*e a o*). В современных амурских языках следы гармонии гласных прослеживаются прежде всего при посессивной префиксации, ср. *ni-řlə* ‘мое небо’ и *je-řla* ‘мой гарпун’. Кроме того, следует отметить, что только гласные *a*, *o* могут сочетаться с поствелярными согласными.

В нашем списке, который составлен по словарям (Савельева, Таксами 1970, Санги, Гашилова 2003, Fortescue 2016), представлено 127 пар морфем, в которых зафиксировано соответствие между гласным *a* в сахалинском нивхском и гласным *ə* в амурском нивхском в первом слоге лексических и грамматических единиц, ср. *mar-* : *mər-* ‘подниматься’, *ɲatc* : *ɲətс* ‘поясница’, *ari* : *əri* ‘позади’, *ayui* : *əyui* ‘пятка’, *tʰχaɣp-* : *tʰχəɣp-* ‘забыть’. Полный список морфем с чередующимися гласными приведен в Приложении 1. Морфемы цитируются по типам слоговой структуры.

В нашей базе данных присутствует также большая группа морфем (233), которые в обоих амурских языках включают один и тот же гласный *a* или *ə*. Отметим, что число морфем, в которых встречается стабильный гласный *a* (165), ср. *ta* ‘юкола’, *vaχ* ‘мох’, *alχ* ‘белый тюлень’, *amat-* ‘шагать’, *ɲarɲi* ‘пихта’, *sʰɲaj* ‘изображение’, существенно выше, чем морфем, включающих стабильный гласный *ə* (68), ср. *řə* ‘дверь’, *kʰəs* ‘счастье’, *əсх* ‘старик’, *əki-* ‘быть плохим’, *kʰəmlə-* ‘думать’, *kʰməj* ‘дуб’. Полный список морфем со стабильными гласными приведен в Приложении 2.

Каким же образом можно объяснить происхождение соответствия *a* и *ə* в амурских языках? Очевидно, что данное соответствие можно считать достаточно «регулярным», поскольку оно охватывает большой пласт лексики. Как нам представляется, при анализе этого явления можно исходить из трех предположений: (а) протоамурский гласный **a* перешел в *ə* в амурском нивхском, (б) протоамурский гласный **ə* перешел в *a* в сахалинском нивхском, (в) в протоамурском языке существовал некоторый дополнительный гласный

звук, который слился с гласным *a* в сахалинском нивхском и с гласным *ə* в амурском нивхском.

Если предположить, что одна из двух первых гипотез верна, то необходимо постулировать некоторый контекстуальный фактор, который обусловил бы развитие $*a > ə$ или $*ə > a$. В пользу этих гипотез говорит тот факт, что соответствие $a : ə$ не встречается в односложных словах с открытым слогом типа $\#(C)V\#$. Это означает, что изменение гласного могло произойти под влиянием следующего звука, например гласного второго слога, в результате регрессивной гармонии гласных (как и предполагал Крейнович). Как показывает языковой материал, в этом случае можно говорить только о переходе $*a > ə$, который потенциально мог произойти в амурском нивхском в словах типа $\#(C)VCV(C)\#$, ср. *acik : əcik* ‘бабушка’, *layi : ləyi* ‘осенняя кета’, *ŋaju : ŋəju* ‘овраг’, *c^halu : c^həlu* ‘туман’. Аналогичные процессы могли затронуть и слова с консонантными кластерами, которые образовались в результате утраты гласных. Данная гипотеза, однако, не объясняет тот факт, почему в ряде слов, имеющих аналогичную слоговую структуру, не произошло перехода $*a > ə$, ср. общие для обоих амурских языков лексемы: *avi* ‘пасть’, *hayi* ‘черемша’, *parə* ‘еще’, *ŋalu* ‘залив’. На основании имеющегося в нашем распоряжении материала никакого другого контекстуального фактора мы пока предложить не можем.

Альтернативная гипотеза предполагает реконструкцию дополнительного протоамурского гласного, который можно предварительно обозначить как $*ä [æ]$, см. Табл. 2. Этот гласный предположительно перешел в *a* в сахалинском нивхском и в *ə* в амурском нивхском. С учетом других исторических явлений, произошедших в амурских языках, приведенные выше примеры могут быть реконструированы следующим образом, ср. $*äcik > сах. acik$ = амур. *acik* ‘бабушка’, $*älaki > сах. layi$ = амур. *ləyi* ‘осенняя кета’, $*äŋaju > сах. ŋaju$ = амур. *ŋəju* ‘овраг’, $*äc^halu > сах. c^halu$ = амур. *c^həlu* ‘туман’. В словах с не чередующимися гласными можно постулировать исторические звуки $*a$ и $*ə$, ср. $*avi > сах., амур. avi$ ‘пасть’, $*älə > сах., амур. ələ$ ‘лук’.

Таблица 2. Протоамурская система гласных (возможная реконструкция)

	передний ряд	средний ряд	задний ряд
верхний подъем	$*i$		$*u$
средний подъем	$*e$	$*ə$	$*o$
нижний подъем	$*ä$		$*a$

В принципе, предложенная гипотеза позволяет достаточно последовательно описать соотношение гласных *a* и *ə* в сахалинском нивхском и амурском нивхском, но она требует формулировки дополнительного правила,

объясняющего, что в словах типа #(C)V# реконструированный гласный всегда переходит в гласный *a*. Следуя логике предшествующего анализа, в словах с такой слоговой структурой можно реконструировать звук **ä*, и констатировать, что в данном контексте **ä* всегда переходит только в *a*, ср. **ŋä* > *ŋa* ‘зверь’, **lä* > *la* ‘ветер’.

Более сложная проблема такого подхода связана с тем, что в словах, образованных от некоторых базовых морфем, соотношение гласных не всегда является систематичным. Проиллюстрируем это утверждение на нескольких примерах. Как было показано выше, в современных амурских языках лексема *ŋa* означает ‘зверь’. Возможно, однако, что ранее это слово имело более широкое значение ‘живое существо’ (Austerlitz 1986). Аналогичным образом лексема *la*, которая синхронно переводится как ‘ветер’, по-видимому, относилась также к воде и водному пространству. От обеих лексем образован целый ряд (исторически) многосложных слов, для которых характерно чередование *a* и *ə*, ср. *ŋak*:*ŋək* ‘хрящ’, *ŋaki*:*ŋəki* ‘хвост’, *ŋaŋ*:*ŋəŋ* ‘шкурка’, *ŋals*:*ŋəl* ‘почка’, *ŋatc*:*ŋət* ‘поясница’, *ŋatx*:*ŋəŋg* ‘волос(ы)’, *ŋany*:*ŋəŋ* ‘охотиться’, *ŋask*:*ŋək* ‘хвостовой ласт нерпы’, *ŋasx*:*ŋəs* ‘нога’, *ŋazl*:*ŋəzl* ‘ступня’, *ŋazf*:*ŋəjs* ‘шкурка (с лапы животного)’, *ŋawr*:*ŋəwr* ‘нутро’; *lař*:*lə* ‘водоросль’, *lax*:*lə* ‘плавающий гарпун’, *lařk*:*lərk* ‘плыть (по поверхности воды)’, *lařk*:*lə* ‘идти (берегом)’, *lavrř*:*ləvtr* ‘шторм’, *lavŋi*:*ləvŋi* ‘омут’. Однако от этих же лексем образованы слова, которые в обоих амурских языках имеют неизменяемое *a* или *ə*, ср. *ŋař*:*ŋar* ‘кровь’, *ŋajq* ‘щенок’, *ŋawřk*:*ŋawr* ‘мозг’, *ŋataj* ‘шкура’, *ŋayri*:*ŋari* ‘плечо’, *ŋařqaj*:*ŋarki* ‘блоха’, *ŋarvo* ‘ставить ловушки’; *lař*:*lar* ‘волна’, *laŋř*:*laŋr* ‘нерпа’, *lax* ‘облако’, *ləj* ‘гром’, *lə* ‘дождь’. Причины такой несистематичности пока остаются неясными.

Можно также отметить, что среди слов, которые содержат стабильный гласный *a* или *ə*, встречаются заимствования из тунгусо-маньчжурских и монгольских языков. На основе внешнеязыковых сопоставлений оказывается возможным восстановить первоначальную структуру некоторых амурских слов, во втором слоге которых обычно присутствовал гласный, напр. *alř*:*als* ‘ягода’ < **aler* ← монг. **alir-su/n* (Janhunen 2022), *tam* ‘старуха’ < **mata* = т.-ма. **mata* (Janhunen, Gruzdeva 2023: 267), *əŋ*:*ər* ‘время’ < **erin* ← т.-ма. **erin* (ССТМЯ 2: 463–464). В то же время, для слов с чередующимися *a*:*ə* внешних аналогий пока обнаружить не удалось. Означает ли это, что исторический гласный **ä* не имел прямого соответствия в соседних языках и поэтому не встречается в заимствованиях?

В более широкой ареальной перспективе обсуждаемую проблему следует рассматривать на фоне общих явлений и системных соответствий, которые характеризуют вокализм целого ряда языков северо-восточной Азии, включая не только монгольские и тунгусо-маньчжурские языки, но и, например, ко-

рейский язык (см. напр. Barrere 2024). На основе этих соответствий нивхские гласные можно достаточно точно соотнести с гласными соседних языков и восстановить их первоначальный статус. Так, например, гармоническая пара *a* vs. *e* соответствует паре **a* [a] vs. **e* [e] в соседних языках, где гласный **e* представлен синхронно как средний [ə] (в амурских языках с повышенным качеством [ə̃] или [ĩ]).

Подводя итог, подчеркнем, что данная статья открывает дискуссию, в которой остается еще много нерешенных вопросов. Более подробный анализ внутренней и внешней истории амурского вокализма является интересной и перспективной темой для дальнейших исследований.

Л и т е р а т у р а

- Крейнович Е.А. 1937. *Фонетика нивхского (гиляцкого) языка*. М.–Л.: Гос. уч.-пед. изд-во.
- Панфилов В.З. 1962. *Грамматика нивхского языка. Часть 1*. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР.
- Савельева В.Н., Таксами Ч.М. 1970. *Нивхско-русский словарь*. М.: Советская Энциклопедия.
- Санги В.М., Гашилова Л.Б. 2003. *Словарь нивхско-русский (сахалинский диалект)*. СПб: Просвещение.
- ССТМЯ = В.И. Цинциус (ред.). 1975–1977. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков, тт. 1–2, Л.: Наука.
- Austerlitz R. 1986. *Giljakin nisäkästerminologiaa*. Доклад на собрании Финно-угорского общества 21.11.1986. Материалы доклада, 1–7.
- Barrere I. 2024. Vowel harmony in languages of Northern Asia. In: E. Vajda (ed.). *The Languages and Linguistics of North Asia*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Fortescue M. 2016. *Comparative Nivkh dictionary. Languages of the World / Dictionaries 62*. Muenchen: LINCOM.
- Grube W. 1892. *Giljakisches Wörterverzeichnis nebst grammatischen Bemerkungen*. St. Petersburg: Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften.
- Janhunen J. 2022. An Amuro-Mongolic etymon and its diachronic implications. *International Journal of Eurasian Linguistics*, v. 4 (2), 209–216.
- Janhunen J., Gruzdeva E. 2023. On final nasals in Ghilyak and their areal connections. In: *Bilge Biliglig Bahşi Bitigi: Doğumunun 60. Yılında Mehmet Ölmez Armağanı*, İstanbul, 263–270.

Расширенная версия этой статьи находится по ссылке:

О СВОЙСТВАХ СУБЪЕКТА ПРИЧАСТИЙ НА -М В КОНСТРУКЦИЯХ С СЕНТЕНЦИАЛЬНЫМИ АКТАНТАМИ В ТАТЫШЛИНСКОМ УДМУРТСКОМ

Т.И. Давидюк

Институт языкознания РАН, МГУ имени М.В. Ломоносова
rachekit@yandex.ru

В татышлинском удмуртском возможны различные стратегии оформления сентенциального актанта (СА). В данной работе мы остановимся на стратегии с причастием на *-m*, которая встречается при целом ряде матричных предикатов: при фазовом предикате *duktânâ* ‘прекратить’, при нескольких модальных предикатах (в конструкциях с глаголом *liîñnâ* ‘быть’ со значением ‘получаться’ и с глаголом *potânâ* ‘выходить’ в значении ‘хотеть’), при эмоциональных и ментальных предикатах, а также при предикатах восприятия и речи. Практически со всеми перечисленными матричными предикатами конструкция с причастным оборотом конкурирует с финитной конструкцией, вводимой союзом *šiu(â)sa*, заимствованными русскими союзами или комбинацией исконного и заимствованного союза (1a–c). Выбор между финитной и нефинитной стратегией также является важной исследовательской темой (см. исследования А.А. Кибрика (2008; 2013), выполненные на материале карачаево-балкарского языка), которая, насколько нам известно, пока не была подробно рассмотрена на материале удмуртского языка. Данные, представленные в настоящей работе, были собраны в ходе экспедиции МГУ имени М.В. Ломоносова в Татышлинский район Республики Башкортостан летом 2022 года.

- (1) а. *Vas'a tod-e pet'a-les' košk-em-ze.*
Вася знать-Prs.3Sg Петя-Gen2 уйти-Ptcp.Pst-Acc.3Sg
- б. *Vas'a tod-e (što) pet'a košk-i-z šusa.*
Вася знать-Prs.3Sg Петя уйти-Pst-3Sg что
- в. *Vas'a tod-e što pet'a košk-i-z.*
Вася знать-Prs.3Sg что Петя уйти-Pst-3Sg
‘Вася знает, что Петя ушёл’.

В примере (1a) субъект причастной клаузы маркируется генитивом. Как указано в работе Сердобольская и др. (2012), в бесермянском языке субъект

причастия на *-m* в конструкциях с сентенциальными актантами (КСА) всегда оформляется генитивом. В работе Georgieva (2016) приводятся данные о неоформленных субъектах в некоторых других удмуртских диалектах. В татышлинском удмуртском в конструкциях с причастием на *-m* в КСА возможны неоформленные субъекты:

- (2) *Vas'a kâl-e pîñä üt-em-ez.*
 Вася слышать-Prs.3Sg собака лаять-Ptcp.Pst-Acc
 'Вася слышит, что собака лает'.

Е. Георгиева (2016) анализирует немаркированные субъекты как элементы компаундов на основании следующих их свойств:

- невозможность присоединения именной морфологии;
- невозможность нахождения в позиции немаркированного субъекта личных местоимений или имен собственных;
- неотделимость немаркированного субъекта от причастия;
- невозможность анафорической отсылки к немаркированному субъекту;
- невозможность иметь собственные модификаторы.

Перечисленные свойства (кроме свойства анафорической отсылки) были проверены для немаркированных субъектов в татышлинском удмуртском. Немаркированные субъекты, в отличие от генитивных, действительно неспособны присоединять именную морфологию:

- (3) а. **Vas'a tod-e pîñi-jos üt-em-ez / üt-em-zes.*
 Вася знать-Prs.3Sg собака-Pl лаять-Ptcp.Pst-Acc лаять-Ptcp.Pst-Acc.Poss.3Pl
 б. *Vas'a tod-e pîñi-jos-les' üt-em-zes.*
 Вася знать-Prs.3Sg собака-Pl-Gen2 лаять-Ptcp.Pst-Acc.Poss.3Pl
 'Вася знает, что собаки лают'.
- (4) а. **Vas'a kâl-e pîñi-je üt-em-ez / üt-em-ze.*
 Вася слышать-Prs.3Sg собака-Poss.1Sg лаять-Ptcp.Pst-Acc
 лаять-Ptcp.Pst-Acc.Poss.3Sg
 б. *Vas'a kâl-e pîñi-je-les' üt-em-ze.*
 Вася слышать-Prs.3Sg собака-Poss.1Sg-Gen2 лаять-Ptcp.Pst-Acc.Poss.3Sg
 'Вася слышит, что моя собака лает'.

Однако немаркированный субъект может иметь собственные модификаторы. В примере (5) показана модификация немаркированного субъекта прилагательным (отметим, что в удмуртском, как и в других уральских языках, имеется два прилагательных со значением 'старый', одно из которых — *peres'* — употребляется исключительно для одушевленных объектов; таким образом, в (5) прилагательное однозначно относится к субъекту *pîñä* 'собака'),

в примере (6) — модификация немаркированного субъекта числительным, в примере (7) — модификация указательным местоимением.

(5) *Vas'a kâl-e peres' pünä üt-em-ez.*

Вася слышать-Prs.3Sg старый собака лаять-Ptcp.Pst-Acc

‘Вася слышит, что старая собака лает’.

(6) *Ruslan adž'-i-z vit' karandaš üs'-em-ez.*

Руслан видеть-Pst-3Sg пять карандаш падать-Ptcp.Pst-Acc

‘Руслан видел, что пять карандашей упало’.

(7) *Ruslan adž'-i-z ta karandaš üs'-em-ez.*

Руслан видеть-Pst-3Sg этот карандаш падать-Ptcp.Pst-Acc

‘Руслан видел, что этот карандаш упал’.

Что касается отделимости немаркированного субъекта от причастия, то он способен отделяться от причастия прямым объектом, причём приемлемость предложения повышается в случае, если объект выражен местоимением (8)–(9). Пример (9) демонстрирует ещё одно важное свойство немаркированного субъекта — способность связывать рефлексив. Обстоятельством места, выраженным именем в локативном падеже или послеложной группой, немаркированный субъект не может быть отделен от причастия, в отличие от генитивных субъектов (10)–(11).

(8) *ⁱRuslan adž'-e vuko ž'u(-ez) iz-em-ez.*

Руслан видеть-Pst.3Sg мельница зерно-Acc молотье-Ptcp.Pst-Acc

‘Руслан видит, что мельница мелет зерно’.

(9) *Ruslan adž'-e pünä as-se n'ul-em-ez.*

Руслан видеть-Prs.3Sg собака Refl-Acc.Poss.3Sg лизать-Ptcp.Pst-Acc

‘Руслан видит, что собака вылизывает себя’.

(10) а. **Vas'a kâl-e pünä azbar-ân üt-em-ez.*

Вася слышать-Prs.3Sg собака двор-Loc лаять-Ptcp.Pst-Acc

б. *Vas'a kâl-e pünä-les' azbar-ân üt-em-ze.*

Вася слышать-Prs.3Sg собака-Gen2 двор-Loc лаять-Ptcp.Pst-Acc.Poss.3Sg

‘Вася слышит, что собака во дворе лает’.

(11) а. **Vas'a adž'-e mašina s'üres vâl-ti lâkt-em-ez.*

Вася видеть-Prs.3Sg машина дорога верх-Prol приходить-Ptcp.Pst-Acc

б. *Vas'a adž'-e mašina-les' s'üres vâl-ti*

Вася видеть-Prs.3Sg машина-Gen2 дорога верх-Prol

lâkt-em-ze.

приходить-Ptcp.Pst-Acc.Poss.3Sg

‘Вася видит, что машина по дороге едет’.

Наконец, немаркированные субъекты в татышлинском могут быть выражены личными местоимениями и именами собственными, однако это зависит от синтаксической позиции СА. Предположение о влиянии синтаксической позиции СА, выраженного причастием на *-m*, на маркирование субъекта высказывается в работе Georgieva (2016), но не получает в цитируемой работе эмпирического подтверждения. В КСА в субъектной позиции возможны только генитивные личные местоимения и имена собственные (12) (для экономики места в примерах (12)–(15) приводятся только конструкции с личными местоимениями). В КСА в позиции прямого объекта немаркированные субъекты, выраженные личными местоимениями и именами собственными, становятся маргинально возможны (13). Для КСА в позиции косвенного объекта немаркированная форма субъектов-личных местоимений и имен собственных становится приемлемой для большинства опрошенных носителей (14)–(15). Для субъектов-неодушевленных существительных параметр синтаксической позиции СА не важен.

- (12) *Tamara-lâ kel'š-e mânam / *mon kêr'ž'a-m.*
 Тамара-Dat нравиться-Prs.3Sg я.Gen я петь-Ptcp.Pst
 'Тамаре нравится, что я пою'.
- (13) *Vas'a tod-e mânes'tâm / ??mon košk-em-ez.*
 Вася знать я.Gen2 я уйти-Ptcp.Pst-Acc
 'Вася знает, что я уехал'.
- (14) *Maša âšan-e mânam / ?mon lâkt-em-lâ.*
 Маша верить-Prs.3Sg я.Gen2 я приходить-Ptcp.Pst-Dat
 'Маша верит, что я приду'.
- (15) *Vas'a vera-s'k-e maša-jen mânam / ?mon košk-em s'aris'.*
 Вася говорить-Detr-Prs.3Sg Маша-Ins я.Gen я уйти-Ptcp.Pst об
 'Вася разговаривает с Машей о том, что я уезжаю'.

Особенности, наблюдаемые в маркировании субъекта причастий на *-m* в КСА, нельзя свести к правилам маркирования посессора в именной группе, о которых см. в Бызова, Давидюк (2021). Во-первых, личные местоимения в именной группе всегда выступают в форме генитива, тогда как в КСА они возможны и не в генитивной форме. Во-вторых, маркирование посессора в именной группе не зависит от синтаксической позиции группы, тогда как в КСА, как мы увидели выше, прослеживается такая зависимость. Кроме того, немаркированные посессоры в именной группе не обладают теми свойствами, которыми обладают немаркированные субъекты причастий на *-m* в КСА: немаркированные субъекты в КСА могут иметь собственные модификаторы

и могут быть определенно-референтными. Тем не менее, по большей части в конструкциях с причастием на *-m* в КСА сохраняются правила посессивного согласования, действующие в татышлинской именной группе.

Таким образом, уже на основании перечисленных свойств затруднительно считать немаркированные субъекты элементами компаундов. В работах Сердобольская (2008) и Pleshak (manuscript) немаркированные субъекты причастий в лугово-восточном марийском и горномарийском языках соответственно трактуются как формы номинатива, однако при приложении такого анализа к материалу татышлинского удмуртского возникают вопросы, почему у немаркированных субъектов невозможна именная морфология и почему у них имеются ограничения на модификацию и линейную позицию, в отличие от генитивных субъектов. На эти и многие другие вопросы ещё предстоит получить ответ.

Список сокращений

Acc — аккузатив, Dat — датив, Gen — генитив, Gen2 — «второй» генитив, Ins — инструменталис, Loc — локатив, Pl — множественное число, ProI — пролатив, Prs — настоящее время, Pst — прошедшее время, Ptcp — причастие, Refl — рефлексив, Sg — единственное число, 1–3 — лицо.

Литература

- Бызова А.А., Давидюк Т.И. 2021. *Морфосинтаксические свойства именной и после-ложной групп в татышлинском говоре удмуртского языка*. XVIII конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН, 25–27 ноября 2021 г.).
- Сердобольская Н.В., Ильевская А.А., Минор С.А., Митева П.С., Файнвейц А.В., Матвеева Н.С. 2012. Конструкции с сентенциальными актантами в финно-угорских языках. В кн.: А.И. Кузнецова, Н.В. Сердобольская, С.Ю. Толдова, С.С. Сай, Е.Ю. Калинина (ред.). *Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы*. М.: Языки славянских культур, 382–476.
- Сердобольская Н.В. 2008. Номинатив в номинализации: субъект зависимой предикации или именованное зависимое. В кн.: В.А. Плунгян, С.Г. Татевосов (ред.). *Исследования по глагольной деривации: сборник статей*. М.: Языки славянских культур, 314–347.
- Кибрик А.А. 2008. Финитность и дискурсивная функция клаузы (на примере карачаево-балкарского языка). В кн.: В.Ю. Гусев, В.А. Плунгян, А.Ю. Урманчиева (ред.). *Исследования по теории грамматики. Вып. 4. Грамматические категории в дискурсе*. М.: Гнозис, 99–134.

- Georgieva E. 2016. The case-marking of subjects in Udmurt, Komi-Zyryan, and Meadow Mari non-finite clauses. *Nyelvtudományi Közlemények*, v. 112, 77–107.
- Kibrik A.A. 2013. Discourse semantics and the form of the verb predicate in Karachay-Balkar. A corpus-based and experimental study. In B. Bickel, L.A. Grenoble, D.A. Peterson, and A. Timberlake (eds.). *Language Typology and Historical Contingency. In Honor of Johanna Nichols*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 3–46.
- Pleshak P. *Subject Case marking and agreement in Hill Mari nominalizations and participles*. Term paper. Manuscript.

ДВА В ОДНОМ: КАК ДВА ТУВИНСКИХ ПОКАЗАТЕЛЯ ПРИРАВНЯТЬ К ОДНОМУ ХАКАССКОМУ

А.В. Дыбо, В.С. Мальцева, А.В. Шеймович

Институт языкознания РАН

Авторы сердечно поздравляют Андрея Александровича Кибрика с юбилеем. Наша статья посвящается участию юбиляра в тувинской экспедиции 1986 г. Надеемся, что ему как исследователю дискурса эти заметки будут небезынтересны.

В хакасском языке есть один грамматический показатель, для которого в современных тюркских языках имеются соответствия только в саянской группе (а именно, в тувинском и тофаларском языках) — это показатель *ЧЫК*¹. Он относится к семантической зоне видо-временно-модальных значений, однако ему довольно трудно приписать единую семантику для всех случаев употребления. Интересно, что в близкородственных хакасскому шорском и чулымском языках похожих показателей нет.

ЧЫК условно назван нами «визибилитивом» (показателем наглядности действия, глосса Vis). Случаи его употребления в хакасском языке разбиваются на две группы.

Во-первых, *ЧЫК* может присоединяться напрямую к глагольной основе, занимая позицию показателя времени. В современном языке такие употребления редки, но в фольклорных текстах они встречаются часто. Это описывается как форма прошедшего времени с оттенком категоричности (ГХЯ 1975: 221):

- (1) *поз-ым-ны кўл сал-чых-сың, Ир Тохчын*
сам-1Pos.Sg-Асс смеяться класть-Vis-2Sg Ир Тохчын
'меня обесчестил ты, Ир-Тохчын' (НПХ 2016: 292)

¹ Мы приводим аффиксы в морфонологической форме. Эта запись объединяет варианты *-чых*, *-чйк*, *-чых*, *-чйк* в хакасском и *-чык*, *-чик*, *-чук*, *-чүк*, *-жык*, *-жйк*, *-жук*, *-жүк*, *-джык*, *-джйк*, *-джук*, *-джүк* в тувинском.

- (2) *Абыс, карā тур-уб ал-ын, кáз-ыбыс-чык*
 поп ночь.Dat встать-CvP братъ-CvP сбежать-Perf-Vis
 ‘Священник встал ночью и убежал’ (Катанов 1907, отдел 2, текст 434)

Во-вторых, *ЧЫК* употребляется в сочетании с другими показателями времени. Чаще всего он ставится после аффиксов будущего времени *А(р)* и *ПAs* (отрицательной формы будущего), придавая глагольной словоформе значение сослагательного наклонения:

- (3) *Пуўн дее тыс одыр-ар-чых-сар*
 сегодня PtcI тихо сидеть-Fut-Vis-2Pl
 ‘Хоть сегодня сидели бы вы тихо’ (ГХЯ 1975: 196)
- (4) *Ам пол-за, мин иди нір дее пол-бас-чых-пын*
 сейчас быть-Cond я так один PtcI быть-Neg.Fut-Vis
 ‘Теперь-то я так не поступил бы’ (ГХЯ 1975: 365)

Такое же значение получается при сочетании с аффиксом желательного наклонения *ГАй*, но подобных примеров очень мало:

- (5) *Ол-лар-ым-на кōлāн-зā-лār Чаксы туббан пол-бай-чык!*
 сын-Pl-1Pos.Sg-лишь любить-Cond-PredPl хороший родня быть-Opt-Vis
 ‘Если бы любили меня сыновья, они были бы мне прекрасною роднёю!’
 (Катанов 1907, отдел 1, текст 2)

Реже (и, возможно, только в сагайском диалекте) встречается употребление *ЧЫК* в сочетании с формами прошедшего времени *ГAn*, *ТЫ* и эвиденциальным прошедшим *ТЫр* (ГХЯ 1975: 221). По комментариям носителей языка, говорящий «как бы вспоминает» то событие, о котором он говорит, часто в виде вопроса, обращенного к самому себе:

- (6) *Тохта, тохта, а иртен мин поз-ым пол-ды-чых-пын ма*
 остановиться остановиться а утро я сам-1Pos.Sg быть-RPast-Vis-1Sg Q
 ‘Постойте, постойте, утром я была я?’ (Алисаньч чорыгы, глава II)
- (7) *Хайдарэ удыр-ган-чых ол, пала-м?*
 где сидеть-Past-Vis он ребенок-1Sg
 ‘Где же он сидел, дитя?’ (сагайский диалект, с. Улуг-Кичиг)

Похожее значение можно наблюдать и при присоединении *ЧЫК* к именам. Это употребление отмечено лишь в недавней работе (Кичеева 2022: 41). Приведем примеры из наших полевых материалов:

- (8) *Кем-чик сi фамиля-зы?*
 кто-Vis PtcI фамилия-3Pos
 ‘Как же его фамилия?’ (качинский диалект, с. Доможаков)

(9) *Ой, хайдаг-чых пол-ган ол?*

ой какой-Vis быть-Past он

‘Ой, как же это было?’ (кызыльский диалект, с. Талкин ключ)

В тувинском языке, согласно данным грамматики (ГТЯ 1961), показатель *ЧЫК* может присоединяться только напрямую к глагольной основе. Отмечено, что он обычно сочетается с вопросительными частицами *бе* ‘ли, разве’ и *чоп* ‘ведь’, нередко превращая вопрос в риторический и переводя его в ряд утверждений:

(10) *Дуун чаңнык бол-чук бе моң?*

вчера гроза быть-Vis Q Ptl

‘Ведь была же вчера гроза?’

(11) *чанып кел-чик мен чоп*

вернуться-CvP прийти-Vis 1Sg Q

‘я ведь вернулся домой’ (ГТЯ 1961: 375)

Для выражения сослагательного наклонения в тувинском языке после формы будущего времени употребляется частица *ийик* ‘бы, ведь, же’ (Татаринцев 2002: 355):

(13) *Бир эвес бил-ген бол-зумза, ынчан-мас ийик мен*

один не знать-Past быть-Cond.1Sg поступить-Neg.Fut Ptl 1Sg

‘Если бы я знал, я бы так не поступил’ (ГТЯ 1961: 453)

Личный показатель *мен* стоит после частицы *ийик*, как и в аналогичных хакасских примерах с *ЧЫК*. В тоджинском диалекте тувинского языка эта частица встала на путь синтетизации, встраиваясь в гармонический ряд предшествующего слова: *көөр ийик* ‘он видел бы’, *баар ыйык* ‘он пошел бы’ (Чадамба 1974: 96).

В тувинском языке есть случаи употребления частицы *ийик* не только в сочетании с будущим временем, но и в других контекстах. В литературе эти случаи отмечаются, но подробно не анализируются:

(14) *Силер хоорай-га чор-аан ийик силер чоп*

вы город-Dat двигаться-Past Ptl 2Sg Q

‘Вы ведь ездили в город’ (ГТЯ 1961: 378)

(15) *амыр ийик чоп*

легко Ptl Q

‘было ведь легко’ (Монгуш 2009: 146)

В работах Монгуш (2009: 148–149), Филиппов, Ооржак (2019: 138), приводятся примеры сочетания аффиксов *-ганчык // -ган чүйүк*. Эти формы трак-

туются Д.А. Монгушем как синтезирующееся на глазах сочетание прошедшего *ГАн* и модальной частицы *чук/чүйүк* (< *чуу* ‘что’ + *ийик*), образующее «сказуемые с модальным значением категорической достоверности высказываемого». Значение настоящего времени может быть реликтом результативной семантики формы на *-ГАн*:

- (16) *Дулгүүр бо чыт-кан-чык, канчап көр-бе-ди-ң*
 ключ это лежать-Past-Ptcl как видеть-Neg-RPast-2Sg
 ‘Вот же лежит ключ, как ты не увидела’ (Филиппов, Ооржак 2019: 138)

Видимо, пример сочетания *-чык* с деепричастием из работы Монгуш (2009: 139) нужно трактовать таким же образом:

- (17) *олар-ның соондан далбайт-ып-чык сен*
 они-Gen следом мчаться-CvP-Ptcl 2Sg
 ‘Ты... ведь галопом помчался за ними’

Тофаларский показатель *ЧЫК* описывается как прошедшее субъективное время — действие очевидно совершившееся, в чем говорящий бесспорно уверен:

- (18) *самолет уш-чук*
 самолет лететь-Vis
 ‘самолет ведь улетел’ (Рассадин 1978: 214)

Форма *иик* в тофаларском, сходная с тувинской частицей *ийик* и хакасским аффиксом *ЧЫК*, описана не как частица, а как глагол-связка со значением прошедшего времени (Рассадин 1978: 231, 267). Она может употребляться как независимо, так и в сочетании с формами будущего времени или показателем *ГАн*:

- (19) *аңны сен сой-ба-ды-ң мен сой-ар иик мен*
 зверь ты свежевать-Neg-RPast-2Sg я свежевать-Fut Ptcl 1Sg
 ‘если бы ты не свежевал зверя, я бы освежевал’ (Рассадин 1978: 231)

- (20) *он сілер-ге кел-ген иик*
 он вы-Dat прийти-Past Ptcl
 ‘он к вам приходил’ (Рассадин 1978: 216)

- (21) *чу иик пе?*
 что Ptcl Q
 ‘что было?’ (Рассадин 1978: 267)

По общепринятому мнению (см. Ооржак 2014: 77–83; ГТЯ 1961: 375; Рассадин 1978: 212–216, а также обзор литературы в Кичеева 2022), показате-

ли прошедшего *ЧЫК* в хакасском, тувинском и тофаларском языках — это рефлекс пратюрского аффикса, отраженного в древнеуйгурском как *jOk*, «наглядное прошедшее» (Erdal 2004: 266–268). Фонетически эта трактовка затруднена, поскольку **j* в хакасском, тувинском и тофаларском переходит в /*tʃ*/ только в позиции начала слова, но морфологически она возражений не вызывает. Д.М. Насилов впервые высказал предположение, что показатель хакасского «сослагательного наклонения» *ЧЫК*, который употребляется после временных показателей, восходит к частице, аналогичной частицам *ийик/шик*. Для последних предполагается происхождение из формы «наглядного прошедшего» на **jOk* от копулы *er-*: **er-jük* > *ijik*, что фонетически правдоподобно (Насилов 1966: 98). В хакасском предполагается такое же развитие, за которым последовало раннее отпадение начального *i-* и последующее закономерное развитие *j-* > *č-*, а затем синтезацию. Таким образом возникла омонимия показателя «наглядного прошедшего» (*ЧЫК* как показателя времени) и эмфатической частицы, ставшей аффиксом (*ЧЫК*, произошедшего от *ijik*). Тувинский материал показывает, что такая омонимия может возникнуть и в других языках. Поскольку форма «наглядного прошедшего» в хакасском не встречается в нефинитном употреблении (так же, как в тувинском и тофаларском; в отличие от древнеуйгурской параллели), постольку нет оснований в хакасском не объединять эти два показателя в один. Заметим, что в середине XIX в. это было бы невозможно, поскольку, по данным М. Кастрена о койбальском диалекте хакасского, форма на *-čIk* могла принимать падежные формы (Castrén 1857: 42).

Условные сокращения

1, 2, 3 — показатели лица, Acc — винительный падеж, Cond — условное наклонение, Cvp — деепричастие, Dat — дательный падеж, Fut — будущее время, Gen — родительный падеж, Neg — отрицание, Opt — желательное наклонение, PtcI — частица, Past — прошедшее время, Perf — перфектив, Pl — множественное число, Pos — possessивность, PredPl — предикативная множественность, Q — вопрос, RPast — недавнопрошедшее время, Sg — единственное число, Vis — визибилитив.

Литература

- Алисаньч чорыгы 2017. *Алисаньч Хайхастар Чиринзер чорыгы* (Alice's Adventures in Wonderland). L. Carroll, пер. на хак. яз. М. Чертыковой. Portlaoise: Evertype.
 ГТЯ 1961. Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. *Грамматика тувинского языка*. М.: Издательство восточной литературы.
 ГХЯ 1975. Баскаков Н.А. (ред.) *Грамматика хакасского языка*. М: Наука, 1975.

- Катанов 1907. *Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым*. Ч. IX. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н.Ф. Катановым. СПб.
- Кичеева К. Г. 2022. К вопросу о происхождении форм прошедшего времени на *-чых/-чык/-йук* и их дифференциации с формами на *-жээ, -чу, -ааччы, -ча* (на материале хакасского языка). *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*, 2022, № 2 (36), 34-46.
[https://ling.tspu.edu.ru/files/ling/PDF/articles/kicheeva k. v. 34 46 2 36 2022.pdf](https://ling.tspu.edu.ru/files/ling/PDF/articles/kicheeva_k_v_34_46_2_36_2022.pdf)
- Монгуш Д.А. 2009. О сказуемых тувинского языка, выражающих модальное значение достоверности. В кн.: Монгуш Д.А. *Тувинский язык и письменность. Избранные труды*. Кызыл, 2009, 134–149.
- Насилов Д.М. 1966. Прошедшее время на *-jük/-jiq* в древнеуйгурском языке. В кн.: *Туркологический сборник. К 60-летию А.М. Кононова*. М., 1966, 92–104.
- НПХ 2016. Несказочная проза хакасов. (*Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока*. Т. 34). Новосибирск: Омега-принт.
- Ооржак Б.Ч. 2014. *Временная система тувинского языка*. М.: ЯСК.
- Рассадин В.И. 1978. *Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении*. М.: Наука.
- СИГТЯ 1988. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология*. М.: Наука.
- Татаринцев Б.И. 2002. *Этимологический словарь тувинского языка*. Т. II (Д-Й). Новосибирск: Наука.
- Чадамба З.Б. 1974. *Тоджинский диалект тувинского языка*. Кызыл, 1974.
- Филиппов Г.Г., Ооржак Б.Ч. 2020. Семантика вторичных форм, образованных на основе причастий на *-быт* и *-ган* в якутском и тувинском языках. *Новые исследования Тувы*, 2020, №1, 132-142. DOI: 10.25178/nit.2020.1.11
- Castrén M.A. 1857. Versuch einer Koibalischen und Karagassischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den Tatarischen Mundarten des Minussinschen Kreises. Im Auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften herausgegeben von Anton Schiefner. (= Nordische Reisen und Forschungen von Dr. M. Alexander Castrén). St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften.
- Erdal, Marcel 2004. *A Grammar of Old Turkic*. Leiden: Brill.

ANOTHER INSTANCE OF DEPONENTY IN TSEZ: A PRESENT PARTICIPLE MASQUERADING AS PAST

Bernard Comrie

University of California, Santa Barbara
comrie@ucsb.edu

Anyone working with a morphologically rich language will have encountered instances where the morphology simply seems “bizarre”, to defy rational explanation, as in the list of typologically unusual properties of the Upper Kuskokwim verb in Kibrik 2002. Perhaps the most aberrant such morphological idiosyncrasy is deponency, where the morphology appears to be outright lying: it says that a form is of category X, when in fact it is of category Y.

The phenomenon was first described for so-called deponent verbs in Latin. Latin deponents have Passive form but Active function, and the main features can be summarized as follows, based on Baerman (2007: 2) and using Latin examples. Latin has a morphological Active/Passive opposition, e.g. Active *capi-ō* ‘I take’, Passive *capi-or* ‘I am taken’. Deponent verbs have a mismatch between form and function, since the form is Passive, but the function is Active, e.g. *sequ-or* ‘I follow’. The phenomenon is lexically restricted (even though the number of deponent verbs in Latin is quite large). The fact that a given verb is deponent precludes its Passive forms from having Passive function, i.e. *sequ-or* means ‘I follow’ and cannot mean ‘I am followed’. Since Latin has no other inflectional means of creating a Passive equivalent to a deponent, this leads to a gap in the paradigm of deponent verbs.

In Comrie 2001 I discussed one example from Tsez, Plural-like Singulars, which was subsequently analyzed in terms of deponency by Corbett (2007: 35–38). Tsez in general has an overt distinction between Singular noun forms (with no overt number marker) and Plural noun forms (with the suffix *-bi* in the Absolutive, *-za* in the Oblique). Two nouns, however, are exceptional, *xexbi* ‘child’ and *yʼanabi* ‘woman’, in that their Plural forms are also used as Singular, as shown in Table 1, including comparison with the usual pattern found with *uži* ‘boy’.

As noted by Corbett, these Tsez forms exhibit most of the properties of canonical deponency, except for the last one mentioned above: the use of a Plural form for Singular function does not preclude the use of the same Plural form with Plural function, i.e. here we have syncretism rather than a paradigmatic gap.

Table 1: Plural-like singulars in Tsez

	Most nouns		Anomalous nouns	
	Sg	Pl	Sg	Pl
Abs	<i>uži</i>	<i>uži-bi</i>	<i>xex-bi</i>	<i>xex-bi</i>
Genl	<i>uži-s</i>	<i>uži-za-s</i>	<i>xex-za-s</i>	<i>xex-za-s</i>

Another instance of deponency in Tsez, with slightly different properties from the anomalous plurals, is provided by its participles. Tsez has three participles, Present, Past, and Resultative, as shown in Table 2, alongside corresponding finite forms.

Table 2: Tsez participles and corresponding finite forms of verb ‘to write’

	Finite			Participle		
	Prs	PstWit	PstUnw	PrsPtcpl	PstPtcpl	ResPtcpl
	<i>cax-xo</i>	<i>cax-si</i>	<i>cax-no</i>			
Abs				<i>cax-xosi</i>	<i>cāx-ru</i>	<i>cax-äsi</i>
Obl				<i>cax-xozo</i>		<i>cax-äzo</i>

The Present and Resultative participles distinguish an Absolutive form (used as an attribute to a head noun in the Absolutive, or as head of a noun phrase in the Absolutive) and an Oblique form (used as attribute to a head noun in an Oblique case, or as a base to which case suffixes are attached as head of a noun phrase in an Oblique case). The Past Participle lacks this distinction. The Present Participle bears an obvious relation to the finite Present (Abs *-xo-si*, Obl *-xo-zo*), though for simplicity’s sake I do not reflect this in the glossing. The Past Participle bears no relation to either of the two finite Past tenses, and neutralizes the evidentiality opposition between them; it involves a morphophonological modification of the vowel preceding the last consonant of the stem. The Resultative Participle has no corresponding finite inflectional form, and will play little role in what follows. Examples of finite and participial forms, extracted from Abdulaev et al. 2010, 2022, are given in (1)–(6); these and other examples are identified by the text-line number in Abdulaev et al. 2022. Participles often translate into English with relative clauses, with no distinction according to the position relativized

- (1) *Xedyo-r mi dunyal-λ'-āy yaq'ⁱun y-eti-x.*
 husband-Lat 2 world-Super-Abl more II-love-Prs
 ‘Your husband loves you more than the world.’ (39-24)

- (2) *debe-r y-eti-xosi kid*
 2-Lat II-love-PrsPtcp girl
 ‘the girl that you love’ (4-20)
- (3) *mi y-ow-xozo baru-r*
 2 II-take-PrsPtcp.Obl wife-Lat
 ‘to the wife you are marrying’ (50-87)
- (4) *Dä-r ħumukuli-s ruyu hun-ä r-esu-s.*
 1-Lat camel-Gen1 track(IV) road-In(Ess) IV-find-PstWit
 ‘I found the camel’s track on the road.’ (3-90)
- (5) *Yedu řař-ā-yor y-ik’i-n.*
 3.nI village-In-Vers II-go-PstUnw
 ‘She went to the village.’ (2-11)
- (6) *debi r-āři-ru řebin*
 2.Gen1 IV-plant-PstPtcp thing(IV)
 ‘the thing that you planted’ (lit. ‘your planted thing’) (16-24)

Barring a handful of anomalous Imperatives, all Tsez verbs are conjugated regularly, once one takes into account relevant phonological and morphological alternations. There is only one exception, the verb ‘to be’, which has suppletive stems: *yoř* in the Present (with a suppletive Negative *ānu*) and *zow-* in the Past. *Zow-* conjugates regularly within the Past, as can be seen in the finite and participial forms in (7)–(8).

- (7) *ředu-t-äy sis zow-n Ø-igu.*
 3.Pl.I-Cont-Abl one be.Pst-PstUnw I-good
 ‘Among them one was good.’ (29-2)
- (8) *ředa-ř’ ř’iri zāw-ru q’ayn*
 3.Pl.nI-Super(Ess) on be.Pst-PstPtcp goods
 ‘the goods that were on them (sc. the camels)’ (25-60)

However, the Present of ‘to be’ is idiosyncratic. First, *yoř* lacks the usual Present suffix *-x(o)*, as shown in (9).

- (9) *Di řek’u yoř.*
 1 man be.Prs
 ‘I am a man.’ (15-12)

But more germane to our main concern, the Present Participle of ‘to be’ is formed by attaching the Past Participle suffix (with concomitant modification of the stem vowel), as in (10).

- (10) *ʒaλ-ā yāl-ru kidba-bi*
 village-In(Ess) be.Prs-PstPtcp girl-Pl
 ‘the girls that are in the village’ (50-90)

This is thus an instance of deponency: a form with the Past Participle suffix has the function of a Present Participle. This instance of deponency is in one respect closer to canonical deponency than the anomalous plurals in that the deponent form can only have the function of Present Participle, and not that of Past Participle, i.e. there is no syncretism. The Past Participle uses the same suffix, but attaches it to the Past stem, as shown in (8), so that Present and Past Participles remain distinguished, albeit anomalously by the choice of verb stem rather than the choice of suffix. There is thus one difference with respect to Latin deponent verbs, where not only is the deponent form unavailable as a Passive, but there is no inflectional means of creating a Passive from the given verb, leading to a paradigmatic gap. With Tsez participles of ‘to be’, by contrast, the use of the Past Participle suffix to form the Present Participle of ‘to be’ preempts that form from also serving as Part Participle, but does not preclude the formation of a distinct Past Participle; compare the discussion of the Past (“preterite”) tense of “preterite presents” in Gothic in Baerman (2007: 16–17).

The Resultative Participle of ‘to be’ is, incidentally, *yoł-äsi*, i.e. be.Prs-ResPtcp. This does not involve any deponency. The Resultative indicates the present result of a past situation, and is thus compatible with the Present stem of the verb.

As a final twist, consider the Present Negative of ‘to be’, which is *ānu* as a finite form as in (11).

- (11) *Yedu baru dey ānu.*
 this.nI wife 1.GenI be.Neg.Prs
 ‘This is not my wife.’ (20-39)

This can form its Present Participle either by attaching the Past Participle suffix, as in (12) — since the relevant stem vowel is already long, there is no stem-vowel modification — or by attaching part of the Present Participle suffix as in (13), on the analogy *cax-xo : cax-xo-si :: ānu : ānu-si*, despite the absence of the analogy *cax-xo : cax-xo-si :: yoł : *yoł-si*. There is no discernible (to me) functional difference between the two forms, though this of course merits further investigation.

- (12) *xex-bi ānu-ru y^hana-za-z id-āy*
 child-Pl be.Neg.Prs-PstPtcp woman-Pl.Obl-Gen2 house-Abl
 ‘from the house of a woman who has no children’ (66-59)

- (13) *moλ'oq^hoy ānu-si gulu-s baha*
 bridle be.Neg.Prs-PrsPtcp horse-GenI price
 ‘the horse’s price without the bridle’ (59-50)

The Present Negative Participle of ‘to be’ can thus be either deponent (*ānu-ru*) or not (*ānu-si*), i.e. is an optional deponent. Optional deponency is found with some Latin verbs, e.g. Cicero uses both *assenti-ō* and *assenti-or* ‘I agree’ (Clare 1982: s.v. *assentiō*, *assentior*). The Tsez element *ānu* is also used as a suffix to form the Present Negative of verbs other than ‘to be’, as illustrated in (14); the corresponding Present Participle only allows the Present Participle formation in *-xosi*, split by suffixal *-ānu*, as in (15).

(14) *Gulu-z-ā di akik'-x-ānu.*

horse-Pl.Obl-Erg 1 tire-Prs-be.Neg.Pr
‘Horses don’t tire me.’ (25-48)

(15) *qema r-egir-x-ānu-si butni*

rain(IV) IV-let_in-PrsPtcp-be.Neg.Pr-PrsPtcp burka
‘a burka that does not let in the rain’ (51-14)

The Present Participle of the verb ‘to be’ thus provides another instance of deponency in Tsez, one with its own variations on the general theme of deponency. Unlike Tsez anomalous plurals, there is no syncretism, but unlike Latin deponent verbs, there is no paradigmatic gap.

Abbreviations

1–3 grammatical persons; I–IV genders (nI indicates a form merging genders II–IV) (male human nouns belong to gender I, female humans to gender II, animals to gender III; inanimates are spread across genders II–IV; inherent gender is only indicated when it is not predictable semantically and is relevant to agreement between verb and absolutive argument); Abl — Ablative; Abs — Absolutive; Cont — location in mass; Ess — Essive; Gen1 — Genitive1; Gen2 — Genitive2; In — location inside; Lat — Lative; Neg — Negative; Obl — Oblique; Pl — Plural; Prs — Present; PrsPtcp — Present Participle; Pst — Past; PstPtcp — Past Participle; PstUnw — Past Unwitnessed; PstWit — Past Witnessed; ResPtcp — Resultative Participle; Sg — Singular; Super — location on; Vers — Versative

References

- Abdulaev A.K., Abdullaev I.K. 2010. *Цезяс фольклор / Dido (Tsez) folklore / Дидойский (цезский) фольклор*. Leipzig–Makhachkala: Lotos.
- Abdulaev A.K., Abdullaev I.K., Müller A., Zhivotova E., and Comrie B. 2022. The Tsez Annotated Corpus Project (v1.0). Available online at <https://tsezacp.clld.org/>
- Baerman M. 2007. Morphological typology of deponency. In: M. Baerman, G.G. Corbett, D. Brown, and A. Hippisley (eds.). *Deponency and morphological mismatches*. Oxford: Oxford University Press (for The British Academy), 1–19.

- Clare, P. G. W. (ed.) 1982. *The Oxford Latin Dictionary*. Oxford: Oxford University Press.
- Comrie B. 2001. How independent is Tsezic morphology? In: M. Andronis, C. Ball, H. Elston, and S. Neuvel. (eds.). *CLS 37: The panels: 2001: Proceedings from the Parasessions of the Thirty-seventh Meeting of the Chicago Linguistic Society: Volume 37-2*. Chicago: Chicago Linguistic Society, 367–383.
- Corbett G.G. 2007. Deponency, syncretism, and what lies between. In: M. Baerman, G.G. Corbett, D. Brown, and A. Hippisley (eds.). *Deponency and morphological mismatches*. Oxford: Oxford University Press (for The British Academy), 21–43.
- Kibrik A.A. 2002. Studies in Upper Kuskokwim Athabaskan, a language of interior Alaska. In: O.A. Osipova et al. (eds.): *Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур: Материалы международной конференции XXIII Дульзоновские чтения. Ч. 1*. Tomsk: Izdatel'stvo TGPU, 303–311.

ПРОБЛЕМЫ АГЕНСА С ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

К.Г. Красухин

Институт языкознания РАН

0. Пассивный залог указывает на то, что ситуация не может контролироваться субъектом действия (Hartmann 1955). Самая характерная черта предложения с предикатом в пассивном залоге — это устранение имени действующего лица с позиции подлежащего (*agent/actor demotion, defocusing*, по выражению В. Абрахама (Abraham 2006: xv)). Такое высказывание может и не упоминать о производителе действия. Появляется же он в качестве второстепенного члена предложения — обстоятельства. И в различных языках существуют разные способы выражения деятеля, оказавшегося на периферии. Для их понимания надо учесть, что в качестве активного подлежащего может выступать не только имя действующего лица, но и орудия (*Топор разрубил поле*), явление природы (*Молния повалила дуб*), побудительная причина (лат. *Necessitas me subigit* (Plaut. Pseud. 7) ‘Необходимость меня вынуждает’)¹. Агенса в пассивном предложении может уподобляться им, и не только им. Таким образом, способ его выражения можно назвать метафорическим. В дальнейшем мы будем рассматривать не только грамматические пассивные глаголы, но и те, что обозначают состояние в результате внешнего воздействия.

1. Агенса-инструмент характерен для русского языка:

- (1) *Человек рубит дерево топором* → *Дерево срублено топором / Дерево срублено человеком;*

Он же распространён в древнеиндийском:

- (2) *ahám gṛhám kṛnomi* ‘я строю дом’ → *gṛhár mayá kṛiyate* ‘дом мною строится’
(2a) *gṛhár mayá kṛtás asti* ‘дом мною построен’.

¹ Этот тип высказываний довольно редок. И.М. Тронский (1954: 153) указывает, что имя причины в качестве субъекта — примета высокого стиля или пародии на него. Ср. также Степанов 1989: 14.

В позднем санскрите («Двадцать пять рассказов Веталы») пассивная конструкция в прошедшем времени становится преобладающей:

- (3) *rajoktam* ‘царём сказано’;
 (4) *mayā¹ nekāni² drśāni³ ratnāni⁴ dvadaśa⁵ varṣa⁶ paryantaṃ⁷ samarpitāni* (I:2)
 ‘единственные² мною¹ увиденные³ сокровища³ в течение двадцати лет в твоей руке собраны’.

Это фрагмент диалога. В повествовании же такая конструкция со страдательным причастием и подлежащим в творительном падеже имеет значение обычного повествовательного претерита:

- (5) *ekasmin divase rājahastān markaṭena phalam grhītvā bhakṣyitum ārabdham* (I:1)
 ‘В один день Раджахаста обезьяна плод быстро схватила, чтобы съесть’
 (дословный перевод ‘обезьяной плод стремительно схвачен съесть’)

Орудие мыслится как добавочное действие. Поэтому падеж инструмента указывает, по сути, на добавочного деятеля. В немецком имя орудия вводится с помощью предлога *mit* ‘с, вместе’:

- (6) *Der Zimmerman hat den Baum mit dem Axt gefällt* → *Der Baum wird/ ist mit dem Axt gefällt*
 ‘Плотник срубил дерево топором’ → ‘Дерево срублено топором (с помощью топора)’

Аналогично выражен инструмент в английском: *The carpenter carved a tree with the axe* → *The tree is carved with the axe*.

В латинском языке имеется «аблатив спутника» (*ablativus sociativus*). В этом падеже употребляются, как правило, собирательные имена, обозначающие группу людей, а также имена неодушевлённых предметов, т. е. субъектов низшего ранга по сравнению с одушевлёнными:

- (7) *Pontem Mulvium magno comitatu legati Allobrogum ingredi incipiunt* (Cic. Cat. III:2,6)
 ‘Послы аллоброгов вместе большим собранием начали заходить на мультвийский мост’
 (8) *Scipio profectus in Siciliam est triginta navibus longis* (Liv. I:23,4)
 ‘Сципион явился в Сицилию с 30 военными кораблями’

Таким образом, метафора агенса-инструмента подчёркивает его подчинённый характер и факультативность в высказывании².

² На это правило имеются ограничения. См ниже.

2. Иногда в именных конструкциях агенс стоит в падеже принадлежности. Иными словами, имеет место метафора «агенс-посессор». В литовском и древнеперсидском языке при страдательных причастиях имя деятеля выражено генитивом:

- (9) др.-перс. *mana krtam* = лит. *máno kūrta*
 ‘мною сделано’.

В древнеперсидском генитивный агенс появляется и при личной форме глагола (Cardona 1970):

- (10) *avayi arika aha auramazda nayi avadiya tāšām auramssdam ayadiy* (DB V 15–6)
 ‘они были нечестивы, и Ахура Мазда ими не почитался; Ахуру Мазду я почтил’.

В древнеиндийском при страдательных причастиях в функции агенса конкурируют генитив и инструменталис:

- (11) *kād ū nv asya ákṛtam indrásya asti* (RV VIII 66, 9)
 ‘что же есть Индрою не сделанное?’;

- (12) *víprair abhístuto apó devá ví gāhate* (RV IX 3, 6)
 ‘певцами восхваляемый, бог этот через воду проходит’.

В русском языке принадлежность выражается оборотом «у + род. п.», который также является метафоричным, так как в его основе лежит представление о нахождении рядом. Агенс с его помощью образуется в литературном русском в особых случаях. Согласно Ю.С. Степанову (1981: 156), переходность глагола может классифицироваться так: эффективная/неэффективная, синтетическая/аналитическая. Эффективная переходность подразумевает, что объект существенно изменяется под воздействием: *строить дом*, неэффективная — объект неизменен: *видеть дом*; это примеры синтетической переходности, при которой объект существует отдельно от действия. Аналитическая переходность означает, что объект встроен в действие: *петь песню*. Но существует ещё один вид переходности, при которой субъект и объект находятся в состоянии взаимного обладания. Возвратный залог от таких глаголов не пассивен, но непереходен (антикаузативен, так как глагол без возвратного залога каузативен по отношению к нему). И при нём появляется имя агенса в посессивной конструкции:

- (13) *Учитель учит мальчика* → *Мальчик учится у учителя*;
 (13а) *Врач лечит больного* → *Больной лечится у врача*;
 (13б) *Мать родила дочь* → *Дочь родилась у матери*.

За такими предложениями стоят пресуппозиции:

- (13') *У врача есть пациент;*
 (13a') *У учителя есть ученик;*
 (13b') *У матери есть дочь.*

С помощью метафор близкого нахождения образуется агенс при пассивных глаголах в английском:

- (14) *The house is building/built by Turkic workers*
 'Дом построен турецкими рабочими'

Конструкция принадлежности «у + род. п.» сформировала и северо-западный русский претерит. В нём глагол стоит в форме причастия прошедшего времени (с суффиксами *-то/-но-* и *-ши-*), прямое дополнение в винительном падеже, подлежащее — «у + род. п.»:

- (15) *У волков корову съедено.*

При непереходном глаголе в аккузативе может стоять подлежащее:

- (16) *Дорогу здесь идёно/ шодши.*

Таким образом, в данном регионе образовалась в претерите эргативная конструкция. Её истоки прослеживаются с XVI в. (Накунг 2009: 209):

- (17) *У царя переложено на се льто рать своя на московскую украину послати*
 («Порубежные места» 95-го тома СИРИО, 1517 г.)
 'У царя (царём) решено: в этот год на московскую окраину свою рать послать'

Таким образом, решение в данном контексте предстаёт как собственность царя. Так формируется агенс-владелец. Рассогласование страдательного причастия также способствует грамматикализации этой конструкции. Развитие этого оборота из притяжательного хорошо видно в:

- (18) *Жена хорошая у меня из Ленинграда взявши*

В этом предложении без труда выделяются две базовые синтагмы: *Жена хорошая* и *Жена из Ленинграда взявши*. Посессор *у меня* относится к ним обеим, и это один из источников возведения его в ранг логического субъекта (Кузьмина, Левченко 1971: 138; ср. Соболев 1998).

3. Агенс-источник в русском языке, как правило, употребляется при непереходных глаголах, обозначающих состояние в результате внешнего воздействия. Может быть описан с помощью двух метафор: собственно источник и посредник.

А. Метафора источника выражается с помощью предлога отделения:

- (19) *Но примешь ты смерть от коня своего* (развернутая конструкция);
свернуто *умереть от раны, болезни, болезни, горя.*

При пассивном залоге этот способ обозначения деятеля встретился в речи персонажа «Муму», который, будучи носителем просторечия, старался выразиться «учёно»:

- (20) *В лучший сустав жизни моей бит от своего брата.*

Метафора источника — один из самых распространённых способов выражения агенса в индоевропейских языках: греч.

- (21) *ὑπὸ Πατρόκλοιο δαμιῆσαι* (II. XVI:434) ‘погибнуть от Патрокла, быть убитым Патроклом’;
(22) *ὑπ’ ἐμοὶ δμηθῆντα* (II. V:646) ‘мною убитого’,
(23) *ἐμῆ δ’ ὑπὸ δουρὶ δαμέντα* (II.V:653) ‘сражённого моим копьём’,
(24) *ὑπ’ αὐτοῦ δουρὶ δαμῆης* (II.III:436) ‘ты бы был им убит’.

В древнегреческом в функции агенса конкурируют генитив и датив; последний чаще обозначает инструмент, хотя в (22) — и одушевлённого деятеля.

Отделительный предлог образует в латинском *ablatives auctoris* ‘падеж творца’:

- (25) *terra ab agricolis colitur* ‘земля возделывается земледельцами’.

Аналогичная метафора образует имя деятеля в немецком:

- (26) *Die Erde wird/ist von (diesem) Mensch gebaut.*

Различение агенса и инструмента — это прежде всего различие инструменталиса-социатива и аблатива: латинский *ablativus* в качестве имени орудия и *ablativus* с *ab* — имя деятеля; в немецком соответственно *mit* и *von*.

В. Метафора посредника выражается с помощью предлогов, обозначающих движение от источника к цели. Она также обычно обозначает побудительную причину:

- (27) *Лоткин через своё женское горе пострадал.* (Ф. Искандер) «Богатый портной и хиромант»)

Но тот же персонаж из «Муму» использует его для обозначения деятеля при страдательном залоге:

- (28) *В молодых летах был я бит через немца-хозяина.*

В латинском языке аналогичная конструкция выражает побудительную причину.

(29) лат. *per laetitiam perfruunt, per gaudium exaltant, per voluptatem bacchanantur* ‘от (дословно — через) радости наслаждаться, от веселья прыгать, от наслаждения безумствовать’.

В древнеперсидском появляется аблатив с предлогом *hača* ‘от’ (< *sek^he- ‘следующий’):

(30) *tyasam hača-ma aqahya* ‘когда мною были руководимы’.

4. Если же в качестве деятеля выступает имя предмета/орудия, то в русском и литовском языке при устранении имени с позиции подлежащего формируется безличное предложение:

(31) *Снег завалил дорогу* → *Снегом завалило дорогу*;

(31a) *Spuogaĩ vaĩkq išbėrė* ‘Ребёнка осыпали прыщи’ → *Vaĩkq išbėrė spuogaĩs* ‘Ребёнка осыпало прыщами’.

Ю.С. Степанов полагал, что именно предложения второго типа являются первичными, а выдвижение имён орудий в позицию субъекта — вторично (1989: 135). Ему же принадлежит интерпретация неопределённо-личных предложений как синтаксических пассивов (1981: 158). С этим можно согласиться с одним дополнением: в обычных пассивных конструкциях агенс отходит на периферию; в неопределённо-личных предложениях он устраняется. Неопределённо-личное предложение и указывает на то, что деятель либо неизвестен говорящему, либо не может быть им назван по каким-то коммуникативным причинам (общеизвестен, самоочевиден, незначим и т. д.): предложение

(32) *В лесу рубят деревья*

указывает на избыточного субъекта, а

(32a) *В лесу срубили самую старую сосну*

допускает неизвестного.

Таким образом, высказывание

(33) *Топор убил человека*

может быть интерпретировано двояко:

(33a) *Топором убило человека*

(33b) *Топором убили человека.*

В (33a) речь идёт о стихийном происшествии, в (33b) — о событии, виновник которого неизвестен.

Признание среды как действующего лица помогает объяснить загадочное предложение в архаической латыни:

- (34) *si hominem fulminibus occisit, ne supra genua tollito, homo si fulminibus occisus est, ei iusta nulla fieri oportet* (Leges Regiae, Numaе Pompilii 57)
 ‘Если человека молнией убьёт, не поднимать его выше колен. Если человек убит молнией, не должно предпринимать относительно него никаких юридических действий’.

Безличный глагол с одним аблативом не характерен для латинского; но он объясним с типологической точки зрения как показатель действия неодушевлённой среды. Таким образом, можно полагать, что в языках мира существует ограниченное количество метафор для выражения агенса. Особая тема, наиболее близкая юбиляру — агенс речевой деятельности, деятель дискурса (Кибрик 2003) — требует особого рассмотрения.

Литература

- Кибрик А.А. 2003. *Анализ дискурса с когнитивной точки зрения*. Дисс. в виде научного доклада... доктора филол. наук. М.: Институт языкознания РАН.
- Красухин К.Г. 2004. *Аспекты индоевропейской реконструкции: Акцентология. Морфология. Синтаксис*. М.: ЯСК.
- Кузьмина И.Б., Немченко Е.В. 1971. *Синтаксис причастных форм в русских говорах*. М.: Наука.
- Соболев А.Н. 1998. О предикативном употреблении причастий в русских диалектах. *Вопросы языкознания*, № 5, 74–89.
- Степанов Ю.С. 1981. *Имена. Предикаты. Предложения: Опыт семиотической грамматики*. М.: Наука.
- Степанов Ю.С. 1989. *Индоевропейское предложение*. М.: Наука.
- Тронский И.М. 1953. *Очерки из истории латинского языка*. М.: Издательство Академии наук СССР.
- Abraham W. 2006. Introduction: Passivization and typology: Form vs. function — a confined survey into the research status quo. In: Abraham W., Leisiö L. (eds.) *Passivization and typology*. Amsterdam; Philadelphia, 1–27.
- Cardona G. 1970. The Indo-Iranian constructions *mana* [mama] *kṛtam*. *Language*. V. 46, No. 1, 1–12.
- Nakyung J. 2009. Possessive subject, nominalization, and ergative construction in North Russian. In: Bubenik V., Hewson J., Rose S. (eds.) *Grammatical changes in Indo-European languages*. Amsterdam; Philadelphia, 207–220.
- Hartmann H. 1955. *Das Passiv: Eine Studie zur Geistergeschichte der Kelten, Italiken und Arier*. Heidelberg.
- Heine B., Kuteva T. 2002. *World lexicon on Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Schwyzler E. 1943. Zum personlichen beim Passiv, besonders im Griechischen. In: *Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Historisch-philologischen Klasse*, № 10.

СЛОЖНЕЕ, ЧЕМ МЫ ДУМАЕМ: ЕЩЕ РАЗ ОБ ОСТРОВНЫХ СВОЙСТВАХ СОЮЗА *ЧТО*

Е.А. Лютикова

МГУ имени М.В. Ломоносова

lyutikova2008@gmail.com

Посвящение

В годы студенчества одно из наиболее сильных синтаксических впечатлений на меня произвела идея диагностировать свойства одной синтаксической операции (направление деривации в паре лабильных глаголов) путем применения к ее результатам другой синтаксической операции (каузативизации) в главе авторства юбиляра в годоберинской грамматике (Kibrik 1996). Краткая зарисовка ниже посвящена другому феномену в другом языке, но использует ту же логику.

Проблематика ограничений на передвижение занимает важное место в повестке формального синтаксиса как минимум последние 50 лет. Диссертация Росса (Ross 1967) в свое время вызвала к жизни новую идеологию синтаксической деривации: от описания трансформаций (того, что возможно) к формулированию ограничений на трансформации (того, что невозможно). За прошедшие десятилетия были целенаправленно выявлены и каталогизированы сведения об островных структурах естественных языков (Szabolcsi 2006). Несмотря на определенное межязыковое варьирование, оказалось возможным выявить естественные классы конструкций, запрещающих открытое или скрытое выдвигание составляющих. В частности, к таким конструкциям относятся сложная именная группа, адьюнктная клауза, сочиненная конструкция.

В рамках теории управления и связывания предпринимались попытки универсального объяснения свойств островных конструкций при помощи системы ограничений на след, остающийся после передвижения составляющей. В современном формальном синтаксисе основными объяснительными механизмами стали деривационные ограничения — относительная минимальность (Rizzi 1990), не позволяющая выбрать более дальнюю цель, если доступна более близкая, и фазовые ограничения (Chomsky 2001), запрещающие обращаться к глубоко вложенному материалу.

До сих пор дискуссионной проблемой остаются островные свойства русских придаточных изъяснительных с союзом *что*. Подобные клаузы в языках средневропейского стандарта обычно являются прозрачными для извлечения операторов (A'-передвижения), ср. (1а-с) с вопросительным передвижением:

(1) а. <i>What_i does John think that Mary bought t_i?</i>	английский
‘Что, по мысли Джона, купила Мэри?’	
б. <i>Qui_i a-t-il dit que Marie voulait voir t_i?</i>	французский
‘Кого, как он сказал, хотела увидеть Мари?’	
в. <i>Ko_i tu domā, ka Jānis nozaga t_i?</i>	латышский
‘Что, по-твоему, Янис украл?’	

На этом фоне кажется загадочной невозможность извлечения составляющих из придаточных изъяснительных с союзом *что* для многих носителей русского языка. Синтаксисты отмечают контраст между извлечением из придаточных изъяснительных с союзами *что* и *чтобы* (2): в то время как извлечение из *чтобы*-клауз признается допустимым, извлечение из *что*-клауз оценивается как неграмматичное даже в случае дополнения — обычно наиболее свободно извлекаемой составляющей (Müller, Sternefeld 1993, Khomitsevich 2007, Хомицевич 2008, Лютикова 2009, Antonenko 2010, Dyakonova 2009, Bailyn 2020). Несмотря на то, что приемлемость извлечения из *что*-клауз варьирует в зависимости от типа передвижения (относительное передвижение и скрэмблинг оцениваются выше, а в корпусах обнаруживаются соответствующие примеры, см. Лютикова 2009, Bailyn 2020), в формальной русистике извлечение из *что*-клауз обычно считается неграмматичным.

(2) а. <i>Кого_i ты хочешь, чтобы Нина пригласила t_i?</i>
б. <i>*?Кого_i ты думаешь, что Нина пригласила t_i?</i>

Интуиция теоретиков подтверждается экспериментальными исследованиями. В Моргунова 2021 и Демина 2021 установлен статистически значимый контраст между извлечением всех типов составляющих из *что*-клауз по сравнению со *чтобы*-клаузами, причем оценки приемлемости предложений с извлечением из *что*-клауз близки к оценкам неграмматичных филлеров.

Эмпирические данные о неприемлемости извлечения операторов из *что*-клауз предлагалось имплементировать в теоретическую модель синтаксиса разными способами. В Antonenko 2010 предполагается, что союз *что* находится не в вершине, а в спецификаторе проекции CP и тем самым извлечение из *что*-клауз нарушает принцип прилегания. Аналогичное объяснение можно построить и на предположении М.Ю. Князева о том, что *что*-клаузы всегда вложены в оболочку DP, которая может озвучиваться при помощи указательного элемента *то* (Knyazev 2016); соответственно, *что*-клаузы всегда явля-

ются сложными именными группами, то есть островными структурами. В Dyakonova 2009 невозможность извлечения из *что*-клауз связывается с отсутствием согласования времен, анализируемого как передвижение признака времени из Т в С. При отсутствии такого передвижения озвучивание компонента фазовой вершины С не может быть отсрочено, так что операторы остаются внутри *что*-клаузы и не могут быть извлечены в матричную клаузу. Наконец, в Bailyn 2020 предлагается анализ, основанный на относительной минимальности: союз *что* считается обладающим вопросительным признаком [+Q], отражающим происхождение союза из вопросительного местоимения. Вследствие этого передвижение других составляющих с таким признаком из *что*-клаузы оказывается заблокировано интервенцией союза.

До настоящего момента, однако, незамеченным оставалось важное свойство конструкций с извлечением из *что*-клауз, а именно — существенное повышение их приемлемости при эллипсисе. Рассмотрим примеры в (3):

- (3) а. *Как ни удивительно, он сумел это сделать быстрее, чем кто-либо ожидал.* [Даниил Гранин. Зубр (1987)]
 б. *Найти его оказалось проще, чем я думал.* [Сергей Довлатов. Чемодан (1986)]
 в. *В конце концов, предки оказались вовсе не такими занудами, как она боялась.* [Мария Галина. Добро пожаловать в нашу прекрасную страну! (2013)]

В этих примерах представлен так называемый сравнительный эллипсис (comparative ellipsis, Merchant 2001, Lechner 2004) — постсинтаксическая операция, удаляющая совпадающий материал в клаузальных сравнительных конструкциях, как это показано в (4) для (3а):

- (4) *Он сумел это сделать быстрее,*
 чем OP_x кто-либо ожидал, *что он сделает это* [$_{DegP}$ t_x [$_{AdvP}$ *быстро*]].

Обратим внимание на то, что зависимая клауза с союзом *чем* содержит извлечение оператора из *что*-клаузы, то есть операцию, которая для русского языка считается неграмматичной. При этом мы имеем дело именно с передвижением, а не связыванием оператором резюмptива, что подтверждается неграмматичностью примеров с расположением следа внутри канонического острова (например, острова сложной именной группы, (5)):

- (5) **Он сумел это сделать быстрее, чем OP_x Вася распространял*
 $_{CNP}$ *слухи, что он сделает это* [$_{DegP}$ t_x [$_{AdvP}$ *быстро*]].

Можно было бы предположить, что специфика примеров в (3) состоит в том, что передвигается нулевой, а не выраженный оператор. Однако повыше-

ние приемлемости наблюдается и для конструкций, предполагающих передвижение выраженного оператора. Речь идет о передвижении относительного местоимения в конструкциях с эллипсисом материала, вложенного в антецедент (Antecedent-contained deletion, Sag 1976, Kennedy 1997), иллюстрируемом в (6):

- (6) а. *Действительно, он побывал всюду, где я думал.* [поиск в Яндекс]
 б. *Всем, что я скажу, нужно будет заниматься, Игорь Петрович.* [А.Б. Сальников. Отдел // «Волга», 2015]
 в. *Я работала в московском вузе и было все, как вы написали.* [Наталья Радулова. Как выживали в 1990-е. Воспоминания из соцсетей (23.03.2020) // 2020]

В подобных конструкциях налицо извлечение оператора из *что*-клаузы, сопровождаемое последующим удалением *что*-клаузы:

- (7) *Он побывал всюду, где_i я думал, что он побывал t_i.*

Эффект повышения приемлемости островных структур при эллипсисе достаточно давно известен (Ross 1969, Chomsky 1972, Lasnik 2001, Merchant 2008, Bošković 2011). Анализ этого эффекта обычно сводится к тому, что эллипсис удаляет тот фрагмент структуры, который маркируется как нарушение — например, вершину островной конструкции или нарушающий ограничения на передвижение не связанный антецедентом след. Наибольший интерес в связи с анализом непрозрачности *что*-клауз представляют наблюдения Л. Гребеневой (Grebenuova 2005, 2006) над еще одним видом эллипсиса — слусингом — в русском языке¹. Гребенева отмечает, что слусинг не повышает приемлемость структур, основанных на нарушении самого механизма передвижения (например, относительной минимальности или противопоставления вершин и групп), однако способен сглаживать ограничения локальности (например, принципа пустой категории или принципа прилагания). Тот факт, что островные свойства *что*-клауз нивелируются эллипсисом, позволяет сделать выбор в пользу объяснения запрета на извлечение из *что*-клауз нарушением локальности передвижения (подход А. Антоненко и развитие гипотезы М.Ю. Князева).

¹ Я не использую слусинг для диагностики повышения приемлемости при эллипсисе, поскольку восстановление элидированной конструкции при слусинге неоднозначно (ср. Merchant 2001). Например, для примера Гребеневой *Иван сказал, что Маша купила достаточно дорогую машину, но я не помню, насколько дорогую* возможно также восстановление структуры *...не помню, насколько дорогую машину Маша купила.*

Литература

- Демина Ю.М. 2021. Асимметрии выдвижения аргументов и адьюнктов. В кн.: Е.А. Лютикова, А.А. Герасимова (ред.). *Русские острова в свете экспериментальных данных*. М.: «Буки Веди», 132–169.
- Лютикова Е.А. 2009. Относительные предложения с союзным словом который: общая характеристика и свойства передвижения. В кн.: К.Л. Киселева и др. (ред.). *Корпусные исследования по русской грамматике*. М.: Пробел, 436–511.
- Моргунова Е.В. 2021. Островные свойства придаточных изъяснительных с союзом *что*. В кн.: Е.А. Лютикова, А.А. Герасимова (ред.). *Русские острова в свете экспериментальных данных*. М.: «Буки Веди», 79–99.
- Хомицевич О.Г. 2008. Синтаксическое передвижение из придаточных изъяснительных в русском языке. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика*, №3, ч. 1, 78–89.
- Antonenko A. 2010. Puzzles of Russian subjunctives. *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics*, v. 16. n. 1, 1–10.
- Bailyn J. 2020. The scrambling paradox. *Linguistic Inquiry*, v. 51, n. 4, 635–669.
- Bošković Ž. 2011. Rescue by PF deletion, traces as (non)interveners, and the that-trace effect. *Linguistic Inquiry*, v. 42, n. 1, 1–44.
- Chomsky N. 1972. Some empirical issues in the theory of transformational grammar. In: S. Peters (ed.). *Goals of linguistic theory*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 63–130.
- Chomsky N. 2001. Derivation by phase. In: M. Kenstowicz (ed.). *Ken Hale: A life in language*. Cambridge, MA: MIT Press, 1–52.
- Dyakonova M. 2009. *A phase-based approach to Russian free word order*. Utrecht dissertation / LOT Publication.
- Grebenyova L. 2005. Sluicing and left-branch extraction out of islands. In: J. Alderete, Ch. Han, and A. Kochetov (eds.). *Proceedings of the 24th West Coast Conference on Formal Linguistics*. Somerville, MA: Cascadilla Press, 164–172.
- Grebenyova L. 2006. Sluicing puzzles in Russian. In: H. Filip et al. (eds.). *Formal approaches to Slavic linguistics: The Princeton meeting*. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 156–170.
- Kennedy C. 1997. Antecedent-contained deletion and the syntax of quantification. *Linguistic Inquiry*, v. 28, n. 4, 662–688.
- Khomitsevich O. 2007. *Dependencies across phases: From sequence of tense to restrictions on movement*. Utrecht dissertation / LOT Publication.
- Kibrik A.A. 1996. Transitivity in lexicon and grammar. In: A.E. Kibrik (ed.). *Godoberi*. München-New Castle: Lincom Europa, 108–147.
- Knyazev M. 2016. *Licensing clausal complements: The case of Russian čto-clauses*. Utrecht dissertation / LOT Publication.
- Lasnik H. 2001. When can you save a structure by destroying it? *North East Linguistics Society*, v. 31, n. 2, article 5.

- Lechner W. 2004. *Ellipsis in Comparatives*. Berlin, New York: De Gruyter Mouton.
- Merchant J. 2001. *The syntax of silence*. Oxford: Oxford University Press.
- Merchant J. 2008. Variable island repair under ellipsis. In: K. Johnson (ed.). *Topics in ellipsis*. Cambridge: Cambridge University Press, 132–153.
- Müller G., Sternefeld W. 1993. Improper movement and unambiguous binding. *Linguistic Inquiry*, v. 24, 461–507.
- Rizzi L. 1990. *Relativized minimality*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Ross J. 1967. *Constraints on variables in syntax*. MIT dissertation.
- Ross J. 1969. Guess who? In: R. Binnick et al. (eds.). *Papers from the Fifth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago: University of Chicago, Chicago Linguistic Society, 252–286.
- Sag I. 1976. *Deletion and Logical Form*. MIT dissertation.
- Szabolcsi A. 2006. Strong vs. weak islands. In: M. Everaert, H. van Riemsdijk (eds.). *The Blackwell companion to syntax*. Vol. 4. Oxford: Blackwell, 479–532.

ЗАМЕТКИ О СИСТЕМЕ КЛАССОВ В ДИДОЙСКИХ ЯЗЫКАХ

О.А. Мудрак

Институт языкознания РАН

В данной статье под классами в нахско-дагестанских языках понимаются только немотивированные валентности имен существительных. Традиционные I и II классы, связанные с половой характеристикой людей, трактуются как мужской и женский род соответственно. Это подкрепляется выбором во множественном числе отличных от остальных имен классных маркеров рода. Ср. ситуацию в андийских языках, где *b*-маркер характеризует мн. ч. в родовой парадигме, а *r*-маркер — мн. ч. в классной парадигме. Противопоставление классов актуально для нахских, андийских, цезско-дидойских, лакского, арчинского, хиналугского и лезгинских языков. Максимально отмечено 3 типа классов в зависимости от субституции классных показателей в современных языках. Это *b*-класс, *d*-класс и *j*-класс.

Цезско-дидойские языки (в нотации данной статьи) делятся на цезскую и дидойскую подгруппу. В первую подгруппу входят собственно цезский, гинухский, хваршинский и инхокваринский языки, расположенные в верхней части долины реки Андийское Койсу. Рассматривается ситуация в дидойской подгруппе¹, куда входят бежтинский, тлядальский, гунзибский языки. В дидойских языках, в отличие от цезских, сохраняется различие формантов мн. числа. Основываясь на этих формантах, реконструируется конечный согласный основы. Последний знак основы отражает классную принадлежность и -^w значит *b*-класс, -^ʔ — *d*-класс, а -^y — *j*-класс. Ниже рассматривается взаимосвязь качества анлаута и выбор классного показателя.

¹ Дидойцы в раннесредневековых грузинских памятниках граничат с Джарой (современными Белокаанским и Закатальским районами Азербайджана) и устраивают на нее набеги. Собственно цезы от этого места отделены двумя хребтами и тушинами. Только в позднейшем употреблении наименование дидои переносится на собственно цезов. Зимники бежтинцев располагались в районе Кварели в восточной части Кахетии (С.А. Лугуев, Д.М. Магомедов, с. 11). Как я помню, через эти места А.А. Кибрик в 1980 г. возвращался из Тлядальской экспедиции ОСиПЛа МГУ.

Губной шумный анлаут

В **тляд.** при шумном губном в анлауте у основ наблюдается *b*-класс (51 случай). И это абсолютное доминирование.

С *j*-классом — только **bàbəl^v* ‘борода’ (но бежт. **bàbəl^w* с вариантом закономерного *b*-класса) и **bicòŋr^v* ‘рука (без кисти)’. Налицо вхождение в одно семантическое поле соматической лексики.

С *d*-классом и ясным показателем мн. числа — **balàjɯv²~àjäv²* ‘кинжал’; **boròsɯv²* ‘соха’ (старое словосложение); **bertènj²*, **bertènəv²~əl²* ‘свадьба’ (авар. заимствование); **birkilij²~birkilij^r* ‘колючка лопуха’ (но бежт. **birki^r*)^w с вариантом закономерного *b*-класса); **pürähögòj²* ‘кузнечные меха’ (освоенное заимствование); **parcxi²* ‘борона’ (груз. заимствование); **biłò^(r)* ‘дом’ (бежт. **biłòð²~ò^(r)* ~ ^w с вариантом закономерного *b*-класса и с выраженным дентальным показателем, вызывающим *d*-класс); **büdèr²* ‘сумочка’ (но гунз. **büdè^j*)^w с вариантом закономерного *b*-класса). Среди перечисленных 8 исключений 7 имеют *-r-* в основе, причем 4 имеют конечный *-j*. Из этого списка 3 основы являются поздними заимствованиями. Также есть 5 случаев с неясной формой мн. числа, где по этой причине невозможна реконструкция конца основы.

В **бежт.** при шумном губном в анлауте у основ наблюдается *b*-класс (86 случаев). И это абсолютное доминирование.

С чистым *j*-классом (без колебаний *d*-класса) — только **bicòŋð^v~ò^r* ‘рука (без кисти)’.

С *d*-классом и ясным показателем мн. числа — **balàjǎj²~àjjj²* ‘кинжал’; **boròsɯv²* ‘соха’ (старое словосложение); **bälli^(r)* (~ ^v) ‘черешня’; **bertènj²~bertènal²* ‘свадьба’ (авар. заимствование); **biləl^w* (закономерно) и **bilibij²~v* ‘тропинка’; **bòxaj²* ‘трава’; **bułòŋ^(r)* ~ ^v ‘поставец’ (но гунз. **büłol^w* ‘ободок’ с вариантом закономерного *b*-класса); **buřdòj²* ‘стог, скирда’ (но тляд. **burdò^j*)^w с вариантом закономерного *b*-класса; груз. заимствование); **buçarĩj²* ‘глиняная печь’ (но тляд. **boçarij^w*, гунз. **buçarij^w* с вариантом закономерного *b*-класса; авар. заимствование); **büdèr²* ‘сумочка’ (но гунз. **büdè^j*)^w с вариантом закономерного *b*-класса); **pàləl²~v* ‘гадание’ (но гунз. **pàləl^w* с вариантом закономерного *b*-класса; авар. заимствование); **pařcxi²~a^(r)* ‘борона’ (груз. заимствование); **peŋi^(r)* (~ ^v) ‘соты’; **piril²~iv²* ‘молния’ (авар. заимствование); **pürädägij²* ‘кузнечные меха’; **pantà^(r)* (~ ^v) ‘груша (лесная)’; **päpi^(r)~v* ‘кожаный наколенник’; **pèpèlà^(r)* (~ ^v) ‘ленточный червь’ (при гунз. **pèpèlà^(r)*)^w с вариантом закономерного *b*-класса; груз. заимствование). Из 18 исключений 14 имеют или могут иметь *-r-* внутри основы. В 7-ми случаях есть конечный *-j*. Заимствованиями являются 7 основ. Также есть 5 случаев с неясной формой мн. числа, где в силу этого невозможна реконструкция конца основы.

В **гунз.** при шумном губном в анлауте у основ наблюдается *b*-класс (77 случаев). И это абсолютное доминирование.

С *j*-классом — **bicùñlʷ~ -jʷ* ‘рука (без кисти)’; **bizùmlʷ~ -ùmjʷ, -ùmjʷ rʷ* ‘гора, холм’ (но бжт. **bizòðʷ ~ -ò(ʷ)rʷ*, тляд. **bizòðrʷ* с закономерным *b*-классом); **pilùñjʷ* ‘зад, седалище’; **puxùna(ʷ)jʷ~ -rʷ, -jʷ* ‘рубашка’. Здесь во всех случаях присутствуют варианты с согласным *-j*.

С *d*-классом и ясным показателем мн. числа — **balàjjjʷ? ~ -àjjjʷ?* ‘кинжал’; **bilalʷ, *bilibijʷ?* ‘кромка, тропинка’; **birkilijʷ?* ‘репейник’; **bišidajʷ?* ‘мешок’; **bilèkùjʷ?* ‘шуга’ (но бжт. **bolòðʷ*, тляд. **bolòðʷ* ‘лёд’ с закономерным *b*-классом для безаффиксального варианта); **bitèʷvʷ* (закономерно) ~ **bitèʷvʷ?* ‘дичь’; **bʷrùsájʷ? ~ -lʷ?* ‘соха’; **bʷxòjʷ?* ‘трава’; **butàrʷ?* ‘часть, доля’ (но бжт. **butà(r)ʷ* с вариантом закономерного *b*-класса; авар. заимствование); **pejʷjʷ? (~ -ʷ)* ‘соты’; **puxùna(ʷ)jʷ ~ -rʷ, -jʷ* ‘рубашка’. Из 11 исключений 4 имеют *-r-* внутри основы. В 9-ти случаях есть конечный *-j*. Также есть 5 случаев с неясным склонением, где невозможна реконструкция конца основы.

Губной носовой анлаут

В **тляд.** при *m-* в анлауте у основ наблюдается *b*-класс (33 случая). И это абсолютное доминирование.

С *j*-классом — **maλòñδʷ ~ *maλòʷ rʷ* ‘сон, сновидение’; **maqòñδ-ʷ* ‘слеза’; **mähàʷ-ʷ* ‘жир’.

С *d*-классом и ясным показателем мн. числа — **manèʷ rʷ?* ‘сперма’; **mätàrʷ?* ‘лоб’; **mičnàrʷ?* ‘колени’; **mivàrʷ?, *mivàlʷ? ~ -jʷ(ə)rʷ* ‘хвост; коса’; **-mùqùlʷ?* ‘горло’; **mùsájʷ?* ‘дым с сажей’; *muxùnajʷ?* ‘рубашка’; **müčärjʷ-ʷ?* ‘тмин’. Из 8 исключений 6 имеют *-r-* или *-n-* внутри основы. В 4-ех примерах есть конечный *-j*. Также есть 4 случая с неясным склонением, где невозможна реконструкция конца основы.

В **бжт.** при *m-* в анлауте у основ наблюдается *b*-класс (54 случая). И это абсолютное доминирование.

С *j*-классом — **maλò(ñ)δʷ ~ -ò(ʷ)rʷ* ‘сон, сновидение’; **maqòðʷ~ -òʷ(r)ʷ* ‘слеза’; **mähàðʷ* ‘жир, сало’; **milòñδʷ ~ -òrʷ* ‘ноготь’ (при тляд. **milòñδʷ* с вариантом закономерного *b*-класса).

С *d*-классом и ясным показателем мн. числа — **maṭà(ʷ)rʷ?* ‘лоб’; **mäččän(ʷ)rʷ?* ‘сабля’ (при тляд. **mäččän(ʷ)rʷ* с вариантом закономерного *b*-класса); **mäkän(ʷ)rʷ?* ‘тулуп’ (при тляд. **mäkàʷ rʷ*, гунз. **maqgàʷ rʷ* с вариантом закономерного *b*-класса); **mätjòñ(r)ʷ? ~ -ʷ* ‘глыба’; **mesèdəlʷ?* ‘серебро’ (авар. заимствование); **meχärkòʷjʷ? ~ -ʷ* ‘нагрудное украшение’; **micájʷ?* ‘крапива’ (при гунз. **micjʷlʷ ~ *micálʷ* с вариантом закономерного *b*-класса); **micnà(ñ)(ʷ)rʷ?* ‘колени’; **mivàjʷ? ~ -lʷ?* ‘хвост’; **milàʷ(r)ʷ? ~ -ʷ* ‘лягание’; **milinajʷ? ~ -ʷ* ‘подол’; **miχò(ʷ)(r)ʷ? ~ -ʷ*

‘черёд’; **-mùqəlʔ* ‘горло’; **mùsǎjʔ* ‘облако’ и закономерное **mùsəlʔ* ‘дым с сажей’; *miχùnajʔ* ‘рубашка’; **müčärj-ʔ* ‘тмин’; **müqèδʔ* ~ *-èʔ(r)ʔ* ‘ячмень (голозёрный)’; **müz̄màrəlʔ* (~ *-ʔ*) ‘пятница’ (освоенное заимствование). Из 18 исключений 13 имеют *-r*-или *-n*- внутри основы. В 7-ми случаях есть конечный *-j*. Также есть 4 случая с неясным склонением, где невозможна реконструкция конца основы.

В **гунз.** при *m*- в анлауте у основ наблюдается *b*-класс (53 случая). И это абсолютное доминирование.

С *j*-классом — **ma'arʔ* ~ **ma'ǎ'rʔ* ‘жир, сало’; **malùŋjʔ* ~ **mǎlùŋjʔ* ‘сон, сновидение’; **mǎqùŋjʔ* ~ *-jʔ* ‘слеза’; **marùŋjʔ* ~ *-jʔ*, *-jʔw* ‘нос’ (при бежт. **mǎnròŋδʔw* ~ *-vʔw*, гляд. **mǎròŋδʔw* с вариантами закономерного *b*-класса); **masùnajʔ* ‘радуга’; **maṭùjʔ* ‘глыба’; **miχùṭ'lʔ* ‘ряд, очередь’. Из 7-ми примеров 5 имеют конечный *-j*.

С *d*-классом — **mačǎnrʔ* ~ *-rʔ* ‘сабля’; **maṭà(r)ʔ* ‘лоб’; **mažàrəlʔ* ‘penis’; **mičnà(r)ʔ* ‘колени’; **mivalʔ* ~ *-jʔ* ‘хвост; коса’; **misùjʔ* ~ (закономерно) **misùjʔw* ‘песок’; **mùsalʔ* ‘облако’ (при бежт. **mùsǎjʔ* ‘облако’ и закономерным **mùsəlʔw* ‘дым с сажей’); **mutakàjʔ* ‘валик’ (при бежт. **mutakà(r)ʔw* с вариантом закономерного *b*-класса; освоенное заимствование). Из 8-ми случаев 4 имеют *-r*- (или *-n*-) внутри основы. В 3-х случаях есть конечный *-j*.

Дентальный дрожащий анлаут

Для цезско-дидойских и аваро-андийских языков следует учитывать тот факт, что на поверхностном уровне показатель *d*-класса реализуется как **r*. Именно поэтому рассматриваются основы с дрожащим дентальным.

В **гляд.** при *r*- в анлауте у основ отмечен *d*-класс (22 случая). И это абсолютное доминирование.

С *j*-классом случаев нет.

С *b*-классом — **ratàduvʔw* ‘море’ (авар. заимствование); **rǎžəlʔw* ‘поверхность’; **rǎ'ǎlʔvʔw* ~ *-alʔw* ‘край’ (авар. заимствование); **rǎχùvʔw* ‘мерка (для муки, 4-5 л)’ (анд. заимствование); **rižèŋʔw* ~ *-èvʔw* ‘тёлка (1-3 лет)’; **ricǎŋʔw* ~ *-ǎŋʔw*, *-ǎ'rʔw* ‘клещ’; **ròχničijʔw* ~ *-lʔw* ‘серп’ (словосложение); **rüzivʔw* ~ *-ilʔw* ‘сова’ (авар. заимствование). Из 8-ми примеров 6 имеют *-v* в основе.

В **бежт.** при *r*- в анлауте у основ отмечен *d*-класс (32 случая). И это абсолютное доминирование.

С *j*-классом случаев нет.

С *b*-классом — **fàtàduvʔw* ~ *-ǎlʔw* ‘море’ (авар. заимствование); **fǎqəlʔw* ‘сторона, направление’ (авар. или анд. заимствование); **rǎ'ǎlʔvʔw* ~ **rǎ'ǎlʔlʔw* ‘край’ (авар. заимствование); **rǎχùvʔw* ‘мерка (для муки, 4-5 л)’ (анд. заимствование); **ricǎvʔw* ~ *-ǎ'rʔw* ‘клещ’; **rižèjʔw* ~ *-èvʔw*, *-èʔ(r)ʔw* ‘тёлка (1-3 лет)’; **ròχričijʔw* ~ *-ǎlʔw*

‘серб’ (словосложение); **rūzər̄*^w ~ -*əl*^w ‘сова’ (но тляд. **rūziv*^w ~ -*il*^w; авар. заимствование). Из 8-ми примеров 5 имеют -*v* в основе.

В гунз. при *r*- в анлауте у основ отмечен *d*-класс (30 случаев). И это абсолютное доминирование.

С *j*-классом случаев нет.

С *b*-классом — **ra'ālāl*^w ‘край’ (ср. бежт. **rä'äliv*^w ~ **rä'älal*^w, тляд. **rä'äliv*^w ~ -*al*^w; авар. заимствование); **ratādiv*^w ~ -*ul*^w ‘море’ (авар. заимствование); **rāqal*^w ‘сторона, направление’ (авар. или анд. заимствование); **rāxuv*^w ‘мерка (для муки, 4-5 л)’ (анд. заимствование); **rižəŋv*^w ‘тёлка (1-3 лет)’; **ričəŋv*^w ‘клев’; **ričəŋv*^w ~ -*j*[?], -*j*^w ‘ножны’. Из 7-ми примеров 4 имеют -*v* в основе, а в последнем случае — огубленный -*r*-.

Дентальный носовой анлаут

В тляд. при *n*- в анлауте *d*-класс отмечен только для **nucòδ*[?] ‘мёд’, что может быть собирательным мн. числом.

С *j*-классом — **naçòŋ*([?])^{-v} ‘солома’; **näçò(ŋ)δ*^v ‘слюна’; **nižì*([?])^{δv} ‘чеснок’; **ni'āŋ*([?])^{-v} ‘сыворотка’.

С *b*-классом — **näçòŋv*^w ‘вошь’; **nenè(ŋ)δ*^w ‘женская грудь, сосок’; **nivè*([?])^{-w} ‘дуб’; **nöwšjδ*^w ~ -*i'rw*, -*ij*^w ‘игла’. Из 4-ех основ 2 имеют -*v*, -*w*-. Есть 1 название дерева.

В бежт. при *n*- в анлауте *d*-класс отмечен только для **nucò(ŋ)δ*[?] ‘мёд’ и **näqəl*[?] ‘ил; мать’, что может быть собирательным мн. числом.

С *j*-классом — **naçò*([?])^{-v} ‘мякина; солома’; **nänjδ*^v ~ -*i'(r)v* ‘кукла; зрачок’; **näžìδ*^v ~ -*i'(r)v* ‘чеснок’; **ni'āŋ*([?])^{-v} ‘сыворотка’.

С *b*-классом — **naçòŋv*^w ‘вошь’; **naqò*([?])^w ‘осина’; **näwtu*^{-w} ‘нефть, керосин’ (при гунз. **nävtu*^{-?}); **nenèŋδ*^w ~ -*èŋδ*^w, -*è*([?])^{(r)v} ‘женская грудь, сосок’; **nepcì*([?])^{jw} ~ -*ij*^w ‘игла’; **nivèδ*^w ~ -*è*([?])^{jw} ‘дуб’; **nique*^{-w} ‘сосна’. Из 7-ми основ 3 имеют губные -*v*, -*w*, -*p*-. Также присутствуют 3 названия дерева.

В гунз. при *n*- в анлауте *d*-класс — **nävtu*^{-?} ‘нефть, керосин’; **neçusaj*[?] ‘нитка, нить’; **niqəlil*[?] ~ -*v*[?] ‘усы’; **niqel*[?] ‘сосна’; **nišè*([?])^l[?] ‘ночь’; **nižì*^{-?} ~ **niživ*^{-?} ‘чеснок’; **nuciv*^{-?} ‘мёд’; **nužbàrəl*[?] ‘пятница’; **nšuj*[?] ‘стена’.

С *j*-классом — **näçòŋv*^w ~ -*j*^w ‘мякина; солома’; **ni'āŋ*([?])^{-v} ‘сыворотка’.

С *b*-классом — **näçòŋv*^w ‘вошь’; **nani*^{'jw} ‘кукла’ (при бежт. **nänjδ*^v); **naqèj*^w ‘ольха’; **nəbsi*^{'jw} ~ -*ij*^w ‘игла’; **nenèŋδ*^w ~ -*rw*^w ‘женская грудь, сосок’. Из 5-и основ в 3-ех имеются губные согласные -*v*, -*b*-, -*ŋ*-. Также присутствует 1 название дерева. Благодаря виду гунз. формы для основы ‘женская грудь, сосок’ становится ясным, почему в тляд. и бежт. этимологически связанные основы перешли в *b*-класс, — в них вторичные развитие исторического губного носового.

Обращает на себя внимание факт перехода в *b*-класс названий деревьев. Действительно, в дидойской подгруппе неплодовые деревья (без ягод и фруктов) имеют именно этот класс. Кроме нейтрального слова ‘дерево’ и встретившихся примеров, сюда попадают в целом 13 основ со значениями ‘берёза’, ‘клён’, ‘ива’, ‘липа’ и т. д.

Анализ распределений классов по языкам дидойской подгруппы позволяет выявить **фонотактические условия, где возможен вторичный переход в рецессивный класс**. Они представлены в таблице, данной ниже. В ней доминантный класс выделен жирным шрифтом. Р — губной согласный, М — губной носовой согласный, R — дентальный дрожащий согласный, N — дентальный носовой согласный.

	<i>P-контекст</i>	"P-j#	"P-r#	"P-r-j#
бежт.-гляд.	b		d	d
гунз.	b	j и d	d	d (и j?)
	<i>M-контекст</i>	"M-j#	"M-r#	"M-r,n-j#
бежт.-гляд.	b (и j)*		d	d
гунз.	b	j и d	d	j (и d?)
	<i>R-контекст</i>		"R-v#	
бежт.-гляд.	d		b	
гунз.	d		b	
	<i>N-контекст</i>	"N-j#	"N-v#	"N-P-j#
бежт.-гляд.	j (!)		b	b
гунз.	d	j и d	b	b

* — надежный *j*-класс отмечен для одной основы ‘рука (без кисти)’ во всех трех языках.

В таблице наглядно видно, что на переход в *d*-класс влияют дентальные сонанты **r-*, **n-*, как представленные в конце, так и представленные внутри основы. На переход в *b*-класс также влияет наличие губного согласного в конце и внутри основы. Интересна ситуация для гунз. языка — в нем конечный *-j* предполагает как *j*-класс, что естественно, так и *d*-класс. В бежт.-гляд. ветви реконструируется конец основы на **-δ*, который имеет ограниченную дистрибуцию и встречается только после огубленных гласных. В гунз. этой концовке соответствует **-j* в основной массе случаев. Не исключено, что гунз. случаи **-j?*, т. е. с *d*-классом, отражают общедидойскую концовку на **-δ*, имеющую ограничения на встречаемость. В таком случае именно дентальный характер исторического **-δ* предопределял выбор класса.

Аналогичные правила влияния фонотактики основ на выбор класса обнаруживаются и в других северокавказских подгруппах, где присутствует противопоставление классов. Общих правил для всех подгрупп, кроме правила выделения доминантных классов, не обнаруживается. Это может указывать на более поздние переходы в конкретных подгруппах, связанные с их конкретной фонотактикой основы. В части случаев наблюдается и выравнивание классного соотношения, связанное с семантическими группами основ. Реконструкция более точного облика именных основ позволяет снимать проблемы с несоответствием классов, основываясь, в первую очередь, на самом облике основы.

Л и т е р а т у р а

- Алексеев М.Е. 2003. *Сравнительно-историческая морфология нахско-дагестанских языков: категории имени*. М.: Academia.
- Бокарев Е.А. 1961. *Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков*. Махачкала.
- Бокарев Е.А. 1959. *Цезские (дидойские) языки*. М.: Издательство Академии наук СССР.
- Исаков И.А., Халилов М.Ш. 2001. *Гунзибско-русский словарь. Дагестанский НЦ РАН, Институт ЯЛИ им. Г. Цадасы*. М.: Наука.
- Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. 1990. *Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика*. М.: Издательство Московского университета.
- Лугуев С.А., Магомедов Д.М. 1994. *Бежтинцы (капучинцы, хъванал) в XIX — нач. XX вв.* Махачкала: Дагестанский научный центр РАН.
- Мудрак О.А. *Этимологическая компьютерная база данных цезских и дидойских языков (cezet около 2300 этимологий, рукопись)*.
- Халилов М.Ш. 1995. *Бежтинско-русский словарь*. Махачкала: Дагестанский НЦ РАН, Институт ЯЛИ им. Г. Цадасы. Махачкала.

ATHABASKAN CLASSIFIERS AND CAUSAL-NONCAUSAL TYPOLOGY

Johanna Nichols

In the over 40 years that I have known Andrej Kibrik it has been a pleasure to read his work and see him grow into a major figure in international typology, field linguistics, and Na-Dene descriptive and comparative linguistics. His work on Athabaskan classifiers changed my understanding of the topic and removed a stumbling block to my work on causal-noncausal alternations, while also opening up new perspectives for the historical typology of the North Pacific Rim. Here I will lay out some of the ways in which his Athabaskan work is important to general morphosyntactic typology.

Cross-linguistic work on causal-noncausal alternations goes back to the influential wordlist study of Nedjalkov 1969, where four causal-noncausal pairs ('laugh' : 'make laugh'; 'boil', 'burn', and 'break', the latter three in both transitive and intransitive uses) were surveyed across a large number of languages worldwide to see which is morphologically basic and which derived. Findings included a number of observations bearing on how lexical meaning influences formal pairing (e.g. the pair 'break' is prone to be decausative, ambitransitive, or equipollent rather than causativized). This line of work continues, with larger databases, improved understanding of the semantic and formal parameters, and improvements in coding and quantitative analysis (Nichols 1982, Haspelmath 1993, Nichols et al. 2004, Grossman, Nikolayev 2018, and later work by these and other authors).

Athabaskan¹ causal-noncausal alternations are important beyond their descriptive interest. Athabaskan and the larger Athabaskan-Eyak-Tlingit family are evidently the next-to-last language family to enter the Americas, followed only by Eskimo-Aleut (this view goes back to Sapir 1916), plausibly related to the Yeniseian family of central Siberia, and with a linguistic geography including distinct southward and eastward spreads by different major branches resulting in chains across the Subarctic, through the intermontane region to Mexico, and coastally south to northern California, archaeologically traceable. That history and geography offer

¹ The family is also known as Dene, from the indigenous endonym, and the larger AET family as Na-Dene. Use of *Dene* would be more in line with current best practice in linguistics, but here I use the more common *Athabaskan*.

rich evidence on questions such as rates of change and favored changes under various contact scenarios and in different demographic distributions. To exploit these sources and identify items for comparison we need a full understanding of the verb structure in comparative perspective, and here is where Andrej's work comes in.

This paper uses a database of 18 causal-noncausal verb pairs in 200+ languages, begun in 1992, used in Nichols et al. 2004 and subsequent work, and by now with much-improved analysis and coding (survey questionnaire available as Nichols 2017). Andrej's work on Athabaskan classifiers has proved to be a keystone for interpreting the causal-noncausal data especially as regards the implications for language typology and history in northern Asia and North America.

What are known as classifiers among Athabaskanists (who have used the term as standard for nearly a century, while almost universally acknowledging it to be a misnomer) are a set of four prefixes in the immediately preverbal slot, which is the closest to the verb root (in the long string of prefix slots in the Athabaskan verb template) and the most intimately bound up with the verb's semantics and syntax. Every verb in an Athabaskan language has one of the four classifiers in that slot, but their functions and meanings have defied, or at least complicated, description. It has been clear from the earliest work that they most often have to do with valence and argument structure, and such operations as passivization, causativization, formation of impersonal verbs, etc. involve classifier alternations. However, no function or meaning can be assigned to any of them.

Andrej's deceptively simple answer to the conundrum is that classifiers do not mark argument structure, argument functions, or the like, but the mere fact of a **shift** of what is called transitivity in Hopper and Thompson 1980: to simplify, the degree of the verbal action's effect on an object, which can involve such things as addition of an agent argument (acting on the object), a change from unspecified to explicit object, a change from generic to specific action, and much more. The essential thing is movement up or down a transitivity hierarchy. This is captured in his two-dimensional hierarchical diagram (Figure 1)

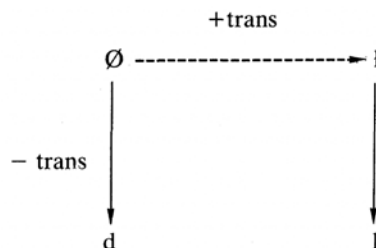

Figure 1. Athabaskan classifiers and directions of derivation between them.

Arrows: directions of derivation. Ø, ɬ, l, d: the four classifiers, in a generic Athabaskan form. (After Kibrik 1993: 50, 1996: 261.)

The essential point is that the classifiers do not **derive** verbs; there are no transitivity, detransitivizing, etc. derivational morphemes, but the classifiers simply reflect that those shifts obtain between verbs in a pair. (The only overt marker of valence per se is the subject and/or object indexes on the verb.)

The arrows show that the \emptyset classifier is a possible starting point of a derivation but not an endpoint. Thus if we find forms of the same verb, one with \emptyset and one with *l*, we know that the \emptyset one is basic and the *l* one derived and has higher transitivity. Thus if in a dictionary we find, e.g., a verb ‘get angry’ with the \emptyset classifier and ‘make angry’ with *l*, we know that ‘make angry’ is derived from ‘get angry’ because that is the only possible direction of shift between the two; and this derivation increases transitivity (it is classic causativization). If we find ‘learn’ with *l* and ‘teach’ with \emptyset we know that ‘learn’ is derived because \emptyset to *l* is the only possible direction of shift between those two. In these examples, ‘angry’ is causativizing and ‘learn’ decausativizing. If both verbs have the same classifier the pair is ambitransitive (labile). Though all causal-noncausal pairs have a marker on each verb, there is no configuration that can be called equipollent, as all possible pairings are accounted for by one of the shifts shown in Figure 1.

I applied this approach and coded up the 18 verb pairs from Ahtna using Kari 1990, a large and sophisticated bilingual dictionary with a probably exhaustive list of the known verb roots of the language and with many examples per headword (= the root) organized by affixal template. This is a polysynthetic language with complex and mostly templatic verb morphology and complex morphophonemics that obscure the morphological structure, making it difficult to neatly isolate a best match to a wordlist item and feel confident that it is a bona fide lexeme in the language. But the wordlist task of this survey can be likened to imposing a two-dimensional emic grid on the multidimensional and continuous lexicosemantic substance of the language, and reporting what surfaces in each target cell, without regard to where else it surfaces or what fails to surface in the target cell (Nichols et al. 2004), and on this understanding of the goal it is possible to identify a match.

If the classifiers are taken as ordinary derivational morphemes each with a basic or invariant function, almost all verb pairs are equipollent — a very unusual profile, cross-linguistically. I then recoded the verbs using the Kibrik diagram, coding as basic whichever form’s classifier could be a starting point for the other, and coding as derived whichever one could be an endpoint for the other. The outcome was verbs classifiable as causativizing, decausativizing, and labile — a more tractable profile. Moreover, the Ahtna verbs that are not causativizing by this measure are those that are likely to be non-causativizing cross-linguistically, confirming the plausibility of the analysis. (An example is ‘break’, equipollent or decausative in many languages and decausative in Ahtna.) An earlier file on Navajo, gathered before Kibrik’s work came out and still to be recoded, also appears to use decausativization in several of the same pairs.

However, if the language on the Kibrik-based analysis looks fairly typical, the fact that the coded entries describe not presence vs. absence of morphology but directionality of shifts in transitivity — relations or changes and not morphemes or derivations — makes the language unlike any other I have ever surveyed. (The same would go for any other Athabaskan language.) This does not show up in the database entries for Ahtna, but it is very important for typological comparison. Since one cannot assume in advance that the Athabaskan family (or any other) is truly unique on earth, a search for other such languages is in order. The hallmarks of the Athabaskan classifier system include the inability of specialists in the family to identify invariant or basic or most common functions for the classifiers, and the high proportion of equipollent verb pairs in the data. It may be possible to identify more languages of the Athabaskan type using these criteria.

There are broader implications to be drawn from the Athabaskan data and the analysis of the classifiers. The earlier Navajo survey mentioned above appears to differ from Ahtna in using causativization more widely. Now, causativization proves to be the most frequent pattern in all cross-linguistic surveys, and there is also reason to believe that it is favored in sociolinguistic situations where decomplexification is to be expected (Nichols 2018), including migration, language shift, and expansion. Ahtna is in or near the Athabaskan homeland and has mostly Athabaskan neighbors, while Navajo has migrated far to the south and absorbed appreciable Pueblo influence. By this criterion Ahtna is probably conservative and Navajo innovative and specifically decomplexified. Thus the Ahtna pattern and the preliminary Navajo analysis appear consistent with the known histories.

Assuming that Ahtna is indeed conservative, the implications for prehistory may be significant. Table 1 shows frequencies of derivational types in the Pacific Northwest and nearby subcontinental areas. In the Pacific Northwest and in the northeastern (Paleosiberian) part of Asia, causativization is very frequent and somewhat more frequent among inanimate verbs than animate verbs. To the west, in the Uralic languages and in western and central Siberia (where Uralic languages are a large part of the linguistic population), causatives are less frequent among animate verbs. Still farther west, Europe is very different, with decausativization frequent (implemented by reflexivization in most of the Indo-European languages there). Eastern North America is still too sparsely sampled to bear firm conclusions, but so far it appears that causativization is frequent and not sensitive to animacy. Mexico-Central America, also so far sparsely sampled, is still different.

The Ahtna pattern appears to be an extreme version of the Central-West Siberian pattern, while the Eskimo-Aleut pattern is similar to the profile of the nearby Paleosiberian languages. The Eskimo-Aleut pattern is unsurprising, given the relatively recent immigrations of Eskimoan and Aleut from the Paleosiberian population Siberia to coastal Alaska (Fortescue, Vajda 2022: Ch. 1; Berge 2018). The

Table 1. Percent of verb pairs with derived noncausal and causal members

Subcontinent-sized areas of the American Pacific Northwest and nearby. Figures for individual languages given only for the Pacific Northwest and the Paleosiberian languages of eastern Siberia. Surveys are incomplete for the Americas. Animate = verbs prototypically with animate S/O (e.g. ‘fear’ : ‘scare’), inanimate = prototypically with inanimate S/O (e.g. ‘boil’).

			ANIMATE, % derived		INANIMATE, % derived	
			Noncausal	Causal	Noncausal	Causal
Europe	Mean		0.43	0.23	0.54	0.20
Dvina-Ural	Mean		0.28	0.66	0.37	0.64
W-C Siberia	Mean		0.13	0.75	0.36	0.64
Paleosiberia	Yeniseian	Ket	0.22	0.89	0.22	0.78
	Chuk.-Kamchatkan	Chukchi	0.10	0.80	0.33	0.78
	Chuk.-Kamchatkan	Koryak	0.10	0.70	0.62	0.92
		Yukagir	0.20	0.90	0.30	1.00
	Japonic	Japanese	0.11	0.67	0.50	0.63
	Nivkh	Nivkh	0.22	0.44	0.25	0.75
	Eskimoan	Siberian Yupik	0.11	0.56	0.20	0.80
	Aleut	Aleut	0.33	0.75	0.45	1.00
		Mean	0.17	0.71	0.36	0.83
Pacific NW	Eskimo-Aleut	C Alaskan Yupik	0.00	0.73	0.22	0.78
	Eskimo-Aleut	Aleut	0.33	0.75	0.45	1.00
	Athabaskan	Ahtna	0.25	0.63	0.25	0.25
	Haida	Haida	0.00	0.73	0.14	1.00
	Salishan	Thompson	0.36	0.64	0.33	0.33
		Mean	0.19	0.70	0.28	0.67
OR-CA	Klamath-Sahaptian	Nez Perce	0.11	0.89	0.00	1.00
E N America	Mean		0.24	0.75	0.55	0.76
Mexico- C America	Mean		0.44	0.55	0.29	0.39

Athabaskan pattern supports the entry of AET considerably earlier and from an interior Siberian population (as proposed by Fortescue & Vajda 2022: 2–3), but conflicts with the linguistic evidence of Kari 2010, 2019 and ongoing work supporting familiarity of an ancestral pre-Athabaskan or pre-AET ancestor with the late glacial topography and shorelines of Lake Ahtna. Andrej’s analysis makes it possible to bring in Athabaskan evidence and reveal the contradiction, and a survey of more AET languages in his framework should help resolve it.

References

- Berge A. 2018. Re-examining the linguistic prehistory of Aleut. In: R. Iversen, G. Kroonen (eds.). *Digging for words. Archaeolinguistic case studies from the XV Nordic TA Conference held at the University of Copenhagen, 16-18 April 2015*. Oxford: BAR Publishing, 30–38.
- Fortescue M., Vajda E. 2022. *Mid-Holocene language connections between Asia and North America*. Leiden: Brill.
- Grossman E., Dmitry N. 2018. Toward a distributional typology of basic valence orientation in Eurasia. Presented at Societas Linguistica Europaea conference, Tallinn.
- Haspelmith M. 1993. More on the typology of inchoative/causative verb alternations. In: B. Comrie, M. Polinsky (eds.). *Causatives and Transitivity*. Amsterdam: Benjamins, 87–120.
- Hopper P. J., Thompson S.A. 1980. Transitivity in grammar and discourse. *Language* 56, 253–299.
- Kari J. 2010. The concept of geolinguistic conservatism in Na-Dene prehistory. In: J. Kari, B.A. Potter (eds.). *The Dene-Yeniseian Connection*. Fairbanks: Alaska Native Language Center, 194–256.
- Kari J. 1990. *Ahtna Athabaskan dictionary*. Fairbanks: Alaska Native Language Center.
- Kari, James. 2019. The resilience of Dene generative geography, considering the “Nen’ Yese’ ensemble”. *Alaska Journal of Anthropology* 17: 1–2.
- Kibrik A.A. 1993. Transitivity increase in Athabaskan languages. In: B. Comrie, M. Polinsky (eds.). *Causatives and transitivity*. Amsterdam: Benjamins, 47–67.
- Kibrik A.A. 1996. Transitivity decrease in Navajo and Athabaskan: Actor-affecting propositional derivations. In: E. Jelinek, S. Midgett, K. Rice, and L. Saxon (eds.). *Athabaskan Language Studies: Essays in Honor of Robert W. Young*. Albuquerque: University of New Mexico Press, 259–303.
- Nedjalkov V.P. 1969. Nekotorye verojatnostnye universalii v glagol’nom slovoobrazovanii. In: F. Vardul’ (ed.). *Jazykovye universalii i lingvisticheskaia tipologija*. Moscow: Nauka, 106–114.
- Nichols J. 2018. Non-linguistic conditions for causativization as a linguistic attractor. *Frontiers in Psychology* 8, 2356.

- Nichols J. 2017. Realization of the causative alternation: Revised wordlist and examples. Unpublished MS available for download at: https://www.academia.edu/34318209/Realization_of_the_causative_alternation_Revised_wordlist_and_examples.
- Nichols J, Peterson D.A, Barnes J. 2004. Transitivity and detransitivizing languages. *Linguistic Typology* 8:2, 149–211.
- Nichols J. 1982. Ingush transitivity and detransitivization. *BLS* 8, 445–462.
- Sapir E. 1916. Time perspective in aboriginal American culture: A study in method. In: D.G. Mandelbaum (ed.). *Selected Writings of Edward Sapir in Language, Culture, and Personality*. Berkeley-Los Angeles: University of California Press, 389–467. (Originally published as Geological Survey Memoir 90: no.13, Anthropological Series. Ottawa: Government Printing Bureau, 1916.)

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАУЗАТИВА В ЯЗЫКАХ НИГЕР-КОНГО

**И.С. Рябова, К.Н. Прохоров, С.Б. Белецкий, В.В. Дьячков,
Н.В. Макеева, М.А. Косогорова, М.А. Иванова**

Настоящая статья посвящена юбилею Андрея Александровича Кибрика, человека, много лет связанного с отделом африканских языков ИЯз РАН семейными и профессиональными узами. Африка неизменно находится в фокусе научных интересов Андрея Александровича, и его поддержка научных направлений нашего отдела неоценима. Мы желаем юбиляру ещё многих лет продуктивной работы, научных достижений и открытий.

1. Введение

Статья представляет собой пилотное типологическое исследование морфологических средств выражения каузативного значения на материале языков пяти нигеро-конголезских семей — банту, догон, атлантических, манде и гур. Выбор языковых семей обусловлен, главным образом, областью интересов и полевых исследований авторов статьи. Внутри каждой семьи мы предприняли попытку внутригенетического сравнения языков (Greenberg 1969; Кибрик 2003: 191–195), для чего в некоторых случаях также привлекались существующие грамматические описания.

В качестве рабочего определения под каузативом мы понимаем конструкцию, в семантике которой присутствуют две ситуации, одна из которых (каузирующая) приводит к осуществлению другой (исходной, каузируемой) (Недялков, Сильницкий 1969; Shibatani 1975; Comrie 1976).

Главной целью нашего исследования является поиск ограничений на употребление морфологических средств выражения каузативного значения. Мы предприняли попытку анализа дистрибуции показателей каузатива в зависимости от семантического типа глагольных основ, обозначающих исходную (каузируемую) ситуацию. Для языков нашей выборки релевантными оказались следующие сематические типы глагольных основ:

стативная (Itr Stat), выражающая значение качества, положения в пространстве или пребывания в определенном состоянии («быть белым», «лежать», «болеть»);

пациентивная (Itr Pat), описывающая ситуацию, в которой ее единственный участник выступает в роли пациента («разбиться», «испортиться»);

активная интранзитивная (Itr Act), кодирующая ситуацию, единственный участник которой выступает в роли агенса («бегать», «прыгать»);

экспириентивная (Tr Exp), описывающая ситуацию с двумя участниками, один из которых имеет роль экспериенцера, а другой — стимула («видеть», «слышать»);

транзитивная (Tr), описывающая ситуацию с двумя участниками, один из которых имеет роль агенса, а другой — пациента («бить», «есть»);

рефлексивная (Tr Refl), описывающая ситуацию, пациентивный участник которой обычно кореферентен агентивному («бриться»).

2. Манде: языки бамана и кла-дан

В языке **бамана** (Мали, 4 млн) каузативное значение выражается при помощи префикса *lá-/ná-*. Часть дериватов на *lá-/ná-* обладают идиоматическим значением, не связанным с каузативом (*bèn* ‘соглашаться’ > *lá-bèn* ‘готовить’), либо являются полисемичными, сочетая каузативное и идиоматическое значения: *dòn* ‘входить’ > *lá-dòn* ‘вводить’, ‘заботиться’. В некоторых случаях мотивирующая основа на синхронном уровне отсутствует: *lá-míni* ‘окружать’. (Dumestre 2003: 189).

Показатель *lá-/ná-* образует каузативы примерно от трети глагольных основ, присоединяясь к стативным, пациентивным (*fúnun* ‘надуваться’ — *lá-fúnun* ‘надуть’) и активным непереходным глаголам (*múrutí* ‘бунтовать’ — *lá-múrutí* ‘подстрекать к мятежу’) (Выдрин 1994: 82–91). Употребление показателя с переходными глаголами запрещено. В бамана широко распространено выражение каузативного значения в рамках лабильности *sègen* ‘уоставать — утомлять’, *núgu* ‘чувствовать отвращение — вызывать отвращение у кого-л.’ (Выдрин 2017: 69), что существенно ограничивает дистрибуцию показателя *lá-/ná-* на множестве семантически непереходных глаголов.

Каузативное значение в **кла-дан** (Кот-д’Ивуар, 25 тыс.) выражается при помощи преверба *lě-*, обладающего повышенной способностью к отделимости. Как и в бамана, в кла-дан отмечены случаи лексикализации каузативных дериватов: *bò* ‘снимать’ > *lě-bò* ‘брить’.

Сочетаемость показателя каузатива с непереходными основами сходна с наблюдаемой в бамана: *dǎ* ‘стоять’ > *lě-dǎ* ‘ставить’, *lǔ* ‘приходить’ > *lě-lǔ* ‘заставлять приходить’. Как и в бамана, каузативное значение также может

выражаться в рамках широко распространенной в языке лабильности: *sɔ̀ŋ* ‘плавиться — плавить’, *dùɔ̀ɔ̀* ‘спасаться — спасать’, что в то же время не ограничивает дистрибуцию показателя *lé-*. В отличие от *lá-/ná-* показатель *lé-* в кда-дан может сочетаться с большинством переходных глаголов. Однако в этих случаях он не несет каузативного значения, производная и производящая основы оказываются синонимичны: *kpó* ~ *lé-kpó* ‘расстилать’.

3. Атлантическая семья: языки фула и волоф

Подробное описание каузативной системы **фула** (пояс Сахеля от Сенегала до Сомали, 25 млн.) на примере диалекта фульфульде-масина представлено в работе (Коваль, Нялибули 1997). В данной работе этот анализ дополнен информацией из других диалектов.

В фула морфологический каузатив представлен суффиксом *-(i)n-*: *loow-* ‘налить’ > *loow-n-* ‘заставить налить’. Он сочетается со стативными (*famdít-* ‘становиться маленьким’ > *famdít-in-* ‘уменьшать’), пациентивными (*lamm-* ‘становиться солёным’ > *lamm-in-* ‘делать солёным’), непереходными активными основами (*dog-* ‘бежать’ > *dog-in-* ‘гнать’). Суффикс также используется с большинством переходных глаголов за исключением рефлексивных глаголов в медиальном залоге (*loot-a-* ‘мыться’) и экспериментивных глаголов (*yi-* ‘видеть’).

В языке **волоф** (Сенегал, Мавритания, Гамбия, 5 млн.) можно выделить семь показателей каузатива: *-e*, *-al*, *-antal*, *-anti*, *-le*, *-loo*, *-lu* (Robert & Voisin 2020).

Наиболее продуктивным из этого списка является показатель *-loo*, образующий каузативные дериваты от всех выделенных семантических типов, напр.: *toog* ‘сидеть’ > *toog-loo* ‘сажать’, *jàng* ‘учиться’ > *jàng-loo* ‘заставлять учиться’, *yóbbu* ‘уносить’ — *yóbbu-loo* ‘заставлять уносить’ (Ngom 2003).

Высокой продуктивностью обладают также показатели *-al*, *-le*, *-lu*, но их употребление ограничено семантикой исходного глагола. Каузатив на *-al* сочетается только с семантически непереходными глаголами (*weex* ‘быть белым’ > *weex-al* ‘белить’, *bax* ‘кипеть’ > *bax-al* ‘кипятить’) и с экспериментивными глаголами (*nam* ‘отведывать’ > *nam-al* ‘угощать’). Суффиксы *-antal*, *-anti* и *-e* характеризуются похожей дистрибуцией, однако первые два кроме собственно каузативных значений выражают такие дополнительные значения, как незавершенность процесса каузации (*reew* ‘быть грубым’ > *reew-anti* ‘сделать грубоватым’) и реверсивный каузатив (*joy* ‘быть согнутым’ > *joy-antal* ‘выпрямлять’).

Показатель *-le* образует ассистивные каузативные дериваты от активных непереходных (*xeex* ‘драться’ > *xeex-le* ‘помогать драться’) и переходных основ (*root* ‘черпать (воду)’ > *root-le* ‘помогать черпать (воду)’).

Показатель *-lu* образует имперсональные каузативы от переходных глаголов: *xool* ‘присматривать’ — *xool-lu* ‘организовать присмотр’.

4. Гур: языки натиоро и кусаал

В глагольной словообразовательной системе **натиоро** (Буркина-Фасо, 4 тыс.) морфологический каузатив представлен суффиксом *-si*. *-si* является продуктивным и образует каузативные дериваты от стативных, пациентивных (*céréndé*=: ‘выздоровливать’ > *céréndé-si* ‘лечить’) и активных непереходных глаголов.

Морфологический каузатив в натиоро не образуется от переходных основ, однако показатель *-si* может употребляться с транзитивными основами в некаузативном значении: *áká* ~ *áká-sí* ‘поднять’. В данном случае *-si* может быть интерпретирован как показатель присутствия в ситуации участника с семантической ролью агенса (ср. аналогичные употребления показателя *lě-* в кла-дан).

В **кусаал** (Буркина-Фасо, более 25 тыс.) представлен специализированный каузативный суффикс *-l*, который употребляется со стативными, пациентивными и активными основами (*dīgr*^{val} ‘лежать’ > *dīgr-l*^{el} ‘класть’, *yè* ‘одеваться’ > *yè-l* ‘одевать’), а также с семантически переходными основами: *gūr* ‘охранять’ > *gūr-l* ‘поставить охранять’ (Eddyshaw 2020: 229, 233). Несмотря на способность образовывать каузативы от основ различных семантических типов, суффикс *-l*, судя по всему, употребляется с ограниченным количеством основ. Основы, не сочетающиеся с суффиксом *-l*, могут образовывать морфологические каузативы при помощи неспециализированных словообразовательных суффиксов — показателя реверсива *-g* (*l̄* ‘связать’ — *l̄dī-g*^{ll} ‘развязать’, также *d̄lla* ‘сопровождать’ > *d̄lī-g* ‘заставить сопровождать’) и показателя глагольной множественности *-s* (*k̄* ‘ломаться’ > *k̄-s* ‘ломаться несколько раз’, также *dī* ‘есть’ > *dī-s* ‘кормить’).

5. Догон: языки момбо и томо-кан

В **момбо** (Мали, около 33 тыс.) каузативные глаголы образуются добавлением суффиксов *-rV*, *-gV* и *-mV*, где *V* — гласный, варьирующий в зависимости от видовременного значения глагольной формы и типа ее вокальной гармонии.

Суффикс *-rV* используется практически исключительно со стативными глагольными основами: *īngá* ‘стоять’ > *īngí-rè* ‘останавливать’, *jéngá* ‘быть наклоненным’ > *jéngí-rè* ‘наклонять’. Суффикс *-gV* сочетается с пациентивными основами: *ómbé* ‘гниль’ > *ómbá-gè* ‘вызывать гниение’. Суффикс *-mV*

служит универсальным каузативным маркером, дублирующим функции других маркеров: *émbé* ‘промокать’ > *émbá-mì* ‘мочить’, *gó*: ‘выходить’ > *gó-mì* ‘выводить’, *káná* ‘делать’ > *káná-mì* ‘заставлять делать’. Суффикс *-mV* может использоваться для деривации каузативов от основ, содержащих другие словообразовательные суффиксы, в том числе каузативные суффиксы *-rV* или *-gV*: *íngá* ‘стоять’ > *íngí-rè* ‘ставить’, *íngí-rá-mì* ‘заставить поставить’, *yóré* ‘ослабиться’ > *yórá-gè* ‘ослабить’, *yórá-gá-mì* ‘заставить ослабить’.

В **томо-кан** (Мали, около 220 тыс.), *rV*-каузативы образуются, как и в момбо, большей частью от стативных предикатов: *yú*: ‘висеть’ > *yú:-ró* ‘вешать’, однако ср. также *lájá* ‘ударить’ — *lájá-rá* ‘заставить ударить’.

Каузативы на *-gV* так же, как и в момбо, используются главным образом с пассивными основами, значительная часть которых обозначают ситуации разрушения и разделения участника на части. При этом *-gV* присоединяется к небольшому количеству стативных (*sóló* ‘быть жидким’ > *sòlò-gó* ‘сделать жидким’) и активных основ (*wúló* ‘подняться’ > *wínú-gó* ‘поднять’).

mV-каузативы в томо-кан так же образуются от любых глаголов, включая глаголы, содержащие показатель *-gV* или *-rV*: *bùnù-gó* ‘сделать мутным’ > *bùnù-gò-má* ‘заставить сделать мутным’.

6. Банту: языки гого и дабида

В **гого** (Танзания, 1 080 тыс.) имеется два каузативных суффикса *-es/-is* и *-y* (Cordell, 1941; Großerhede, 1997; Rugemalira, 2019). Суффикс *-y* является более продуктивным, в ряде случаев его присоединение сопровождается фрикативизацией последнего согласного основы: *-zim-a* ‘гореть (об огне)’ > *-zim-y-a* ‘тушить (огонь)’, *-inuk-a* ‘просыпаться’ > *-inus-a* ‘будить’. Суффикс *-es/-is* непродуктивен и употребляется с ограниченным количеством основ: *-ses-a* ‘смеяться’ > *-ses-es-a* ‘смешить’, **sind-a* ‘брать верх’ (на синхронном уровне производящая основа отсутствует) > *sinj-is-a* ‘валить (деревья)’.

В **дабида** (Танзания, Кения, около 330 тыс.) каузативное значение выражается при помощи показателей *-eʃ/-iʃ/-of/-f* и *-er/-ir/-r*: *-om-a* ‘сохнуть’ > *-om-eʃ-a* ‘сушить’, *-βaβ-a* ‘испытывать боль’ > *-βaβ-ir-a* ‘причинять боль’. Образование каузативных дериватов при помощи показателя *-er/-ir/-r* может сопровождаться чередованиями конечного согласного основы: *-βon-a* ‘видеть’ > *-βon-er-a* ‘показывать’, *-βuk-a* ‘просыпаться’ > *-βus-ir-a* ‘будить’.

Также есть непродуктивные модели образования каузативных дериватов при помощи суффиксов *-i* (который в ряде случаев вызывает чередование конечного согласного корня, либо вставку эпентетического согласного *r*) и *-is*: *-jok-a* ‘взбираться’ > *-jos-a* ‘поднимать’, *-bi-a* ‘злиться’ > *bi-r-i-a* ‘злить’, *-βing-a* ‘идти за кем-л.’ > *-βing-is-a* ‘гнать’.

Распределение разных показателей на синхронном уровне в гого и дабида следует признать обусловленным лексически. Они являются рефлексами прото-бантуских показателей каузатива (*-ic-) и транзитива (*-i-), либо их комбинаций друг с другом или с показателем аппликатива (*-id-) (Good 2005). Показатель каузатива *-ic- почти полностью вытеснен в обоих языках, при этом если в гого наиболее продуктивным можно считать рефлекс показателя транзитива (-y- < *-i-), то в дабида наиболее продуктивны комбинации каузатива и аппликатива с транзитивом $-(V)f- < *-ic-i-$, $-(V)r- < *-id-i-$.

7. Заключение

Как показало наше исследование, не для всех языков выборки предложенная семантическая классификация глагольных основ является релевантной. В гого, дабида и кусаал, по-видимому, распределение показателей каузатива оказывается семантически немотивированным, а сочетаемость/несочетаемость с показателем каузатива является исключительно индивидуальным лексическим свойством основы, обозначающей исходную ситуацию.

Мы также обнаружили наличие в нескольких языках универсальных каузативных показателей, обладающих практически полной продуктивностью и присоединяющихся ко всем типам глагольных основ. Такое поведение характерно для показателя $-mV$ в момбо и томо-кан и показателя $-loo$ в волоф.

Кроме универсального каузативного показателя в этих языках, имеются показатели, образующие каузатив от стативных основ — $-rV$ в момбо и томо-кан и группа показателей $-al$, $-antal$, $-anti$ в волоф. В языках догон также в отдельную группу выделяются пациентивные глаголы, образующие каузатив при помощи показателя $-gV$. В волоф эти глаголы подобно активным переходным и переходным глаголам используют показатель каузатива $-le$. Дополнительно волоф имеет ряд каузативных показателей с дополнительной семантической нагрузкой, такой, как ассистив и неполная каузация.

В бамана, фула, кла-дан и натиоро используется единственный морфологический показатель, сочетающийся со стативными, пациентивными и активными основами. Однако применительно к семантически переходным глаголам данные языки ведут себя по-разному. В бамана, кла-дан и натиоро показатель каузатива не сочетается с переходными глаголами, тогда как в фула показатель $-(i)n-$ сочетается с семантически переходными глаголами, но практически не употребляется с рефлексивными и экспериентивными глаголами.

Ниже в таблице резюмированы данные о сочетаемости показателей каузатива в языках с семантически мотивированным распределением показателей. Универсальные показатели в момбо, томо-кан и волоф опущены. «*» означает несочетаемость основы с морфологическим каузативным показателем.

Сочетаемость показателей каузатива
с различными семантическими типами основ

тип глагола	момбо	томо-кан	фула	волоф	кла-дан	бамана	натиоро
Itr Stat	<i>-rV</i>	<i>-rV, gV</i>	<i>-(i)n</i>	<i>-al, -antal, -anti</i>	<i>-lě</i>	<i>-lá</i>	<i>-si</i>
Itr Pat	<i>-gV</i>	<i>-gV</i>	<i>-(i)n</i>	<i>-le</i>	<i>-lě</i>	<i>-lá</i>	<i>-si</i>
Itr Act		<i>-gV</i>	<i>-(i)n</i>	<i>-le</i>	<i>-lě</i>	<i>-lá</i>	<i>-si</i>
Tr Exp			*	<i>-al, -le, -lu</i>	*	*	*
Tr Prefl			*	<i>-le, -lu</i>	*	*	*
Tr			<i>-(i)n</i>	<i>-le, -lu</i>	*	*	*

Литература

- Выдрин В.Ф. 2017а. Бамана язык. В кн.: В.Ф. Выдрин, Ю.В. Мазурова, А.А. Кибрик, Е.Б. Маркус (ред.). *Языки мира. Языки манде*. СПб.: Нестор-История, 46–143.
- Кибрик А.Е. 2003. *Константы и переменные языка*. СПб.: Алетейя.
- Коваль А.И., Нялибули Б.А. 1997. *Глагол фула в типологическом освещении*. М.: Институт языкознания РАН.
- Недялков В.П., Сильницкий Г.Г. 1969. *Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив*. Л.: Наука.
- Comrie, Bernard. 1976. The syntax of causative constructions: cross-language similarities and divergences. In: Shibatani, Masayoshi (ed.), *Syntax and semantics of causative constructions*. New York: Academic Press, 261–312.
- Cordell, O. T. 1941. *Cigogo grammar* [Manuscript].
- Dumestre G. 2003. *Grammaire fondamentale du Bambara*. Paris: Éditions Karthala.
- Eddyshaw D. 2020. *A Grammar of Kusaal*. doi:10.5281/zenodo.1136235.
- Good J. 2005. Reconstructing morpheme order in Bantu: The case of causativization and applicativization. *Diachronica* 22:1, 3–57.
- Greenberg, J.H. 1969. Some methods of dynamic comparison in linguistics. In: *Substance and Structure of Language*. University of California Press, 147–204.
- Großerhede R. 1997. *Ton und Druck im Gogo. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades*. Universität Bayreuth.
- Ngom, Fallou. 2003. *Wolof* (Languages of the World/Materials 333). München: Lincom.
- Robert S, Voisin S. 2022. Why eight causative suffixes in Wolof? *Language in Africa* 3(2).
- Rugemalira J. 2019. *Srufi ya Kigogo*. Dar es Salaam: Dar es Salaam University press.
- Shibatani M. 1975. *A linguistic study of causative constructions*. Bloomington, IN: Indiana University Press.

Vydrine V. avec la collaboration de Coulibaly Adama. 1994. Verbes réfléchis bambara. Première partie: Pronoms réfléchis. Groupements sémantico-syntaxiques des verbes non-réfléchis. *Mandenkan* 28.

Расширенная версия этой статьи находится по ссылке:

ТЕКСТ ИЗ ТОДЖИ

А.А. Сюрюн

Институт языкознания РАН
arzhaanas@iling-ran.ru

Этот текст был записан А.А. Сюрюн в 2010 году от Ак Кузенек Хоятовны (1921 г.р.), жительницы села Ий Тоджинского района Республики Тыва. Зная о том, что Андрей Александрович участвовал в экспедиции 1986 года в Туву, проводившейся ОСиПЛОм под руководством А.Е. Кибрика, о которой А.А. Кибрик вспоминает с особой теплотой, исследовал систему переключения референции в тувинском языке¹ и у него есть планы закончить свой очерк о тувинском языке, я решила в качестве нового материала подарить расшифровку спонтанной речи жительницы того самого села, которое они с Мирой Борисовной выбрали в качестве пункта для поля — с. Ий.

- (1) *Ак де-п, фамыйла-м Ак бол-ган.*
Ак говорить-Cv1 фамилия-Poss.1.Sg Ак быть-Ptcp.Pst
- (2) *Ак Кузенек Хоятовна*
Ак Кузенек Хоятовна
- (3) *Ол фамыйла-м ол*
тот фамилия-Poss.1.Sg тот
- (4) *Улуг=Даг суму-зу-нуң Чазылыг хем-ге төрү-т-түн-ген мен.*
Улуг-Даг сумон-Poss.3-Gen Чазылыг река-Dat рожать-Caus-Refl-Ptcp.Pst 1Sg
- (5) *Чазылыг де-п хем-ниң кыдыы-нга. Кызыл=Айаң де-п*
Чазылыг говорить-Cv1 река-Gen край.Poss.3-Dat Кызыл=Аян говорить-Cv1
чер-ге төрү-т-түн-ген мен, Улуг=Даг суму-зу-нуң.
место-Dat рожать-CAUS-Refl-Ptcp.Pst 1Sg Улуг-Даг сумон-Poss.3-Gen
- (6) *Бир муң тос чүс чээрби бир чыл-да.*
один тысяча девять сто двадцать один год-Loc

¹ Бергельсон М.Б. и А.А.Кибрик. 1987. Система переключения референции в тувинском языке. *Советская тюркология*, № 2, 16–32; №4, 30–45; Bergelson M.B. and Kibrik A.A. 1995. The system of switch-reference in Tuva: Converbial and masdar-case forms. In: M. Haspelmath and E. König (eds.). *Converbs in cross-linguistic perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter, 373–414.

- (7) *Ол чер-ниң тайга-зы-нга чурт-та-п*
 тот земля-Gen тайга-Poss.3-Dat страна-Vblz-Cv1
тур-ган мен, аныяк=чалыы тур-гаи.
 стоять-Ptcp.Pst 1Sg молодой=юный стоять-Cv3
- (8) *Улуг=Даг суму-зу-нуң Буланбук де-п*
 Улуг-Даг сумон-Poss.3-Gen Буланбук говорить-Cv1
суур-га чурт-та-п тур-ган мен.
 село-Dat страна-Vblz-Cv1 стоять-Ptcp.Pst 1Sg
- (9) *Баштай тайга-зы-нга чурт-та-п тур-ган мен.*
 сначала тайга-Poss.3-Dat страна-Vblz-Cv1 стоять-Ptcp.Pst 1Sg
- (10) *Ам чү-нү айтыр-ар оон өьске?*
 теперь что-Асс спрашивать-Ptcp.Npst тот.Abl другой
- (11) *Ол үе-де аңаа чурт-та-п тур-ган мен.*
 тот время-Лос там страна-Vblz-Cv1 стоять-Ptcp.Pst 1Sg
- (12) *Аа чурт-та-п кэ-эши өз-үп кел-ген кижии мен.*
 там страна-Vblz-Cv1 приходиться-Cv1 расти-Cv1 приходиться-Ptcp.Pst человек 1Sg
- (13) *Тыва бижик-ке өөрен-ген мен, өөрен-ип тур-ган мен.*
 тувинский письмо-Dat учиться-Ptcp.Pst 1Sg учиться-Cv1 стоять-Ptcp.Pst 1Sg
- (14) *Баштай Буланбук суур-га кел-геш, колхоз-ка*
 сначала Буланбук село-Dat приходиться-Cv1 колхоз-Dat
көый-үп кел-ген.
 переехать-Cv1 приходиться-Ptcp.Pst
- (15) *Ол колхоз-ка көый-үп кэ-эши-тиң “А”*
 тот колхоз-Dat переезжать-Cv1 приходиться-Cv3-Gen А
де-п үжүк таны-вас тур-ган мен.
 говорить-Cv1 буква знать-Neg.Npst стоять-Ptcp.Pst 1Sg
- (16) *Ында арыг ишти-нде бажың кыл-ган, ол*
 там лес нутро.Poss.3-Лос дом делать-Ptcp.Pst тот
бажың-ны өөреникчи-лер өөрен-зин дэ-эши.
 дом-Асс ученик-Pl учиться-Imp говорить-Cv3
- (17) *Колхоз-ка чаа кел-геш, ава-м мен-и бичии*
 колхоз-Dat новый приходиться-Cv1 мать-Poss.1.Sg 1Sg-Асс маленький
баскы чорук эдер-т-ип ал-гаи бар-ган.
 пеший(?) поездка следовать-Caus-Cv1 брать-Cv3 идти-Ptcp.Pst

- (18) *Ол бажың-да башкы кижси кел-ген.*
 тот дом-Loc учитель человек приходит-Пtcp.Pst
- (19) *Ол башкы кижси-ден=не коьрг-уп чор-уп олур мен.*
 тот учитель человек-Abl=Ptcl бояться-Cv1 идти-Cv1 сидеть.Пtcp.Npst 1Sg
- (20) *Коьрт-кан мен.*
 бояться-Пtcp.Pst 1Sg
- (21) *“А” де-п үжүк-тү аа тана-ан мен.*
 А говорить-Cv1 буква-Асс там узнать-Пtcp.Pst 1Sg
- (22) *Аа өөрөн-ип тур-да, Калзаң де-п*
 там учиться-Cv1 стоять-Loc Калзан говорить-Cv1
кижи башкы-ла-п тур-ган.
 человек учитель-Vblz-Cv1 стоять-Пtcp.Pst
- (23) *Бир дугаар “А” де-п үжүк-тү аа тан-ып*
 первый номер А говорить-Cv1 буква-Асс там узнать-Cv1
өөрөн-ген кижси мен.
 учиться-Пtcp.Pst человек 1Sg
- (24) *Иви мал-дыг чора-ан мен тайга-га, ава-м,*
 олень скот-Проп идти-Пtcp.Pst 1Sg тайга-Dat мать-Poss.1.Sg
ача-м иви мал-дыг чор-аан.
 отец-Poss.1.Sg олень скот-Проп идти-Пtcp.Pst
- (25) *Ынды-ндан бод-ум база иви мал-ды*
 такой.Poss.3-Abl сам-Poss.1.Sg тоже олень скот-Асс
кадар-ып тур-ган мен.
 пасти-Cv1 стоять-Пtcp.Pst 1Sg
- (26) *Улг-ад-ыв ал-гаиш, иви мал-ды безин*
 большой-Vblz-Cv1 брать-Cv3 олень скот-Асс даже
кадар-ып эге-лэ-эн мен, колхоз үе-зи-нде.
 пасти-Cv1 начало-Vblz-Пtcp.Pst 1Sg колхоз время-Poss.3-Loc
- (27) *Баштай колхоз тур-гус-тун-ма-ан үе-де,*
 сначала колхоз стоять-Caus-Refl-Neg-Пtcp.Pst время-Loc
ача-м суг-нуң иви мал-дыг чер-и-нге
 отец-Poss.1.Sg вода-Gen олень скот-Проп время-Poss.3-Dat
чурт-та-п тур-ган мен, аал-ы-нга.
 страна-Vblz-Cv1 стоять-Пtcp.Pst 1Sg стоянка-Poss.3-Dat

- (28) *Ол чурт-та-п тур-гаиш, “А” де-п*
 тот страна-Vblz-Cv1 стоять-Cv3 А говорить-Cv1
үжүк-ту, колхоз бол-ур дэ-эн.
 буква-Асс колхоз быть-Рtcp.Npst говорить-Рtcp.Pst
- (29) *Колхоз бол-ур дэ-эр-ге, ава-м,*
 колхоз быть-Рtcp.Npst говорить-Рtcp.Npst-Dat мать-Poss.1.Sg
ача-м аа көй-үп кел-ген.
 отец-Poss.1.Sg там переехать-Cv1 приходить-Рtcp.Pst
- (30) *Дөрт өг көй-үп кел-ген бис тайга-дан.*
 четыре юрта переехать-Cv1 приходить-Рtcp.Pst 1Pl тайга-Abl
- (31) *Аа чыт-кан бис, ында, өөредилге*
 там лежать-Рtcp.Pst 1Pl там обучение
бажың-ы кыл-ып ка-ан.
 дом-Poss.3 делать-Cv1 класть-Рtcp.Pst
- (32) *Сургуул бажың-ы дэ-эн, сургуул дэ-эр бол-ган.*
 учащийся дом-Poss.3 говорить-Рtcp.Pst учащийся говорить-Рtcp.Npst быть-Рtcp.Pst
- (33) *Сургуул бажың-ы кыл-ып ка-ан*
 учащийся дом-Poss.3 делать-Cv1 класть-Рtcp.Pst
дэ-эи, мен-и ава-м эдер-т-ип
 говорить-Cv3 1Sg-Асс мать-Poss.1.Sg следовать-Caus-Cv1
ал-гаиш чор-уп-кан, баскы чорук-че.
 брать-Cv3 идти-Prf-Рtcp.Pst пеший(?) поездка-All
- (34) *Калзаң де-п башкы кел-ген дэ-эн.*
 Калзан говорить-Cv1 учитель приходить-Рtcp.Pst говорить-Рtcp.Pst
- (35) *Мен ам өөрөн-ур дэ-эи,*
 1Sg теперь учиться-Рtcp.Npst говорить-Cv3
ава-м-ны эдер-ип чор-уп-кан мен.
 мать-Poss.1.Sg-Асс следовать-Cv1 идти-Prf-Рtcp.Pst 1Sg
- (36) *Ол кэ-эр-им-де бичиу багай*
 тот приходить-Рtcp.Npst-Poss.1.Sg-Loc маленький плохой
бажың кыл-ган, инек кажсаа-зы дег чер=дир.
 дом делать-Рtcp.Pst корова загон-Poss.3 похожий место=Ptcl
- (37) *Аа өөред-ур дэ-эи аа ки-ур-ип кел-ген.*
 там учить-Рtcp.Npst говорить-Cv3 там входить-Caus-Cv1 приходить-Рtcp.Pst

- (38) *Башкы-дан=на коьрг-ун тур-ар мен.*
 учитель-Abl=PtcI бояться-CvI стоять-PtcP.Npst 1Sg
- (39) *Буланбук де-п чер-ге көөж-үн кел-ген*
 Буланбук говорить-CvI место-Dat переезжать-CvI приходиться-PtcP.Pst
бис, колхоз бол-ур дэ-эр-де, аа колхоз
 1PI колхоз быть-PtcP.Npst говорить-PtcP.Npst-Loc там колхоз
тут-тун-ар де-п тур-ган, эге
 держать-Refl-PtcP.Npst говорить-CvI стоять-PtcP.Pst начальный
баштай, аа дөрт өг көөж-үн кел-ген, тайга-дан.
 сначала там четыре юрта переезжать-CvI приходиться-PtcP.Pst тайга-Abl
- (40) *Ол бижик бил-бес уруг чор-аан мен мен.*
 тот письмо знать-Neg.Npst ребенок быть-PtcP.Pst 1Sg 1Sg
- (41) *Иъни дугаар чыл-ы-нда, ам иъйи дугаар*
 два номер год-Poss.3-Loc теперь два номер
чыл-ы-нда аа соо бажың-ы тут-тун-ган.
 год-Poss.3-Loc там берестяной дом-Poss.3 держать-Refl-PtcP.Pst
- (42) *Иъйи дугаар чылы-нда соо бажың-га Коьнчук*
 два номер год-Poss.3-Loc берестяной дом-Dat Кончук
де-п башкы кел-ген, аа өөрен-ген мен ам.
 говорить-CvI учитель приходиться-PtcP.Pst там учиться-PtcP.Pst 1Sg теперь
- (43) *Ам ыңай “А” де-п үжүк-тү Калзаң*
 теперь далее А говорить-CvI буква-Ass Калзан
де-п башкы башкы-ла-п тур-да,
 говорить-CvI учитель учитель-Vblz-CvI стоять-Loc
инек кажсаа-зы дег бажың-га өөрен-ген мен.
 корова загон-Poss.3 похожий дом-Dat учиться-PtcP.Pst 1Sg
- (44) *Шаанда инек чор-аан чор-ду.*
 давно корова идти-PtcP.Pst идти-Pst
- (45) *Бо чор-аан-да Улуг=Даг суму-зу де-п,*
 этот идти-PtcP.Pst-Loc Улуг-Даг сумон-Poss.3 говорить-CvI
Амыдырал суму-зу де-п хамык
 жизнь сумон-Poss.3 говорить-CvI весь
суму-лар тур-ган, беш суму тур-ган.
 сумон-PI стоять-PtcP.Pst пять сумон стоять-PtcP.Pst
- (46) *Улуг=Даг суму-зу-ндан бол-ган бис бис-тер.*
 Улуг-Даг сумон-Poss.3-Abl быть-PtcP.Pst 1PI 1PI-PI

- (47) *Буланбук суур-да колхоз бол-ур дэ-эр-де*
 Буланбук село-Loc колхоз быть-Ptcp.Npst говорить-Ptcp.Npst-Loc
көѳж-үп кел-ген, ол ава-м, ача-м
 переезжать-Cv1 приходить-Ptcp.Pst тот мать-Poss.1.Sg отец-Poss.1.Sg
аңаа дөрт өг көѳжүп кел-ген чүгле.
 там четыре юрта переезжать-Cv1 приходить-Ptcp.Pst только
- (48) *Ол кэ-эр-де инек-тер тур-ган.*
 тот приходить-Ptcp.Npst-Loc корова-Pl стоять-Ptcp.Pst
- (49) *Мен инек-тен көѳрг-а вер-ген мен.*
 1Sg корова-AbI бояться-Cv2 быть-Ptcp.Pst 1Sg
- (50) *Делбигир кулак-тыг чүве-лер тур-ган.*
 оттопыренный ухо-Prop вещь-Pl стоять-Ptcp.Pst
- (51) *Аълды=чеди хар-лыг уруг-лар, чеди=сес хар-лыг*
 шесть=семь лет-Prop ребенок-Pl семь=восемь лет-Prop
уруг-лар, ол инек-тен көѳрт-каш, шыргай-же
 ребенок-Pl тот корова-AbI бояться-Cv3 чаша-All
кир-е хал-д-аан бис чары=биле.
 заходить-Cv2 бегать-Caus-Ptcp.Pst 1Pl верховой.олень=биле
- (52) *Инек-тер-ден көѳрт-каш.*
 корова-Pl-AbI бояться-Cv3
- (53) *Мун-ган мал-ывыс чары, иви мал.*
 ездить.верхом-Ptcp.Pst скот-Poss.1.Pl верховой.олень олень скот
- (54) *Шыргай-же ки-ур хал-д-ып тур-ган.*
 чаша-All входить-Caus бегать-Caus-Cv1 стоять-Ptcp.Pst
- (55) *Ол аныяк оол-дар бис-ти соо-вус-тан сүр-геш,*
 тот молодой мальчик-Pl 1Pl-Acc конец-Poss.1.Pl-AbI преследовать-Cv3
чеъд-ип ап тур-ган, инек-тен көѳрт-каш арыг-же
 достигать-Cv1 брать.Cv1 стоять-Ptcp.Pst корова-AbI бояться-Cv3 лес-All
ки-ур хал-д-ы бэ-эр-ивис-те.
 входить-Caus бегать-Caus-Cv2 давать-Ptcp.Npst-Poss.1.Pl-Loc
- (56) *Делбигир кулак-тыг, ол колхоз-ка сүр-үп*
 оттопыренный ухо-Prop тот колхоз-Dat преследовать-Cv1
кел-ген инек ол, инек-тер ол.
 приходить-Ptcp.Pst корова тот корова-Pl тот

- (57) *Бир дугаар, инек де-п чүве*
 один номер корова говорить-Cv1 вещь
көр-бэ-эн мен, аа көр-ген мен.
 видеть-Neg-Ptcp.Pst 1Sg там видеть-Ptcp.Pst 1Sg
- (58) *Чаш уруг-лар инек көр-бэ-эн тур-ган ол үе-де.*
 маленький ребенок-Pl корова видеть-Neg-Ptcp.Pst стоять-Ptcp.Pst тот время-Loc
- (59) *Чок, мен өө-м ээ-зи=биле баштай*
 нет 1Sg дом-Poss.1.Sg хозяин-Poss.3=биле сначала
Улуг=Даг суму-зу-нуң улуз-у он
 Улуг-Даг сумон-Poss.3-Gen люди-Poss.3 десять
аныяк-тар-ны чор-уд-уп-кан, Хараал алдын уургай-же.
 молодой-Pl-Acc идти-Caus-Prf-Ptcp.Pst Хараал золото прииск-All
- (60) *Он аныяк-тар-ны чор-уд-ар-га, Хараал алдын*
 десять молодой-Pl-Acc идти-Caus-Ptcp.Npst-Dat Хараал золото
уургай-ы-нга айыл-да-п тур-ган бис.
 прииск-Poss.3-Dat работа-Vblz-Cv1 стоять-Ptcp.Pst 1Pl
- (61) *Уруг-лар чок, чүгле аныяк-тар.*
 ребенок-Pl нет только молодой-Pl
- (62) *Бис-тиң суму-дан он аныяк-тар-ны чор-ут-кан.*
 1Pl-Gen сумон-Abl десять молодой-Pl-Acc идти-Caus-Ptcp.Pst
- (63) *Хараал алдын уургай-ы де-п чер бо ак-кан*
 Хараал золото прииск-Poss.3 говорить-Cv1 место этот течь-Ptcp.Pst
хем-ниң багый-ы-нда доора кир-ген хем.
 река-Gen голова-Poss.3-Loc поперечный входить-Ptcp.Pst река
- (64) *Аа бар-ган бис он аныяк-тар.*
 там идти-Ptcp.Pst 1Pl десять молодой-Pl
- (65) *Аа тур-ган мен, аа тур-гаш-тың уруг-лар ача-зы=биле*
 там быть-Ptcp.Pst 1Sg там быть-Cv3-Gen ребенок-Pl отец-Poss.3=биле
бод-у-нуң суур-у-ндан бар-ган.
 сам-Poss.3-Gen село-Poss.3-Abl идти-Ptcp.Pst
- (66) *Аа өг-ле-н-ип баш-та-н-ган бис.*
 там юрта-Vblz-Refl-Cv1 голова-Vblz-Refl-Ptcp.Pst 1Pl
- (67) *От ода-ан, бир дугаар от ода-ан чер-им ол.*
 огонь топить-Ptcp.Pst один номер огонь топить-Ptcp.Pst место-Poss.1.Sg тот

- (68) *Бичии барак бажың-га чурт-та-д-ып ка-ан бис-тер-ни.*
 маленький барак дом-Dat страна-Vblz-Caus-Cv1 класть-Пtcp.Pst 1Pl-Pl-Acc
- (69) *Бир дугаар од-ум.*
 один номер огонь-Poss.1.Sg
- (70) *Акы-м Теврек де-п кижиги ында горбез*
 брат-Poss.1.Sg Теврек говорить-Cv1 человек там горная.безопасность
дарга-зы тур-ган, Хараал алдын уургай-ы-нда.
 начальник-Poss.3 быть-Пtcp.Pst Хараал золото прииск-Poss.3-Loc
- (71) *Мен акы-м-ның бажы-ы-нда хон-уп тур-ган мен.*
 1Sg брат-Poss.1.Sg-Gen дом-Poss.3-Loc ночевать-Cv1 стоять-Пtcp.Pst 1Sg
- (72) *Ол хон-уп тур-гаиш, өө-м ээ-зи=биле*
 тот ночевать-Cv1 стоять-Cv3 юрта-Poss.1.Sg хозяин-Poss.3=биле
таныш-каш-тың, бичии барак
 знакомиться-Cv3-Gen маленький барак
бажың-га чурт-та-й бер-ген мен.
 дом-Dat страна-Vblz-Cv2 давать-Пtcp.Pst 1Sg
- (73) *Бир кижиги-ниң бажы-ы-ның бир=өрээл-и.*
 один человек-Gen дом-Poss.3-Gen один=комната-Poss.3
- (74) *Бичии бажың-га чурт-та-й бер-ген,*
 маленький дом-Dat жить-Vblz-Cv2 давать-Пtcp.Pst
аа чурт-та-п тур-ган мен.
 там страна-Vblz-Cv1 стоять-Пtcp.Pst 1Sg
- (75) *Хараал алдын уургай-ы, уруг=дарыг*
 Хараал золото прииск-Poss.3 ребенок=Rdpl
чок, чаа бар-ган аныяк-тар ол.
 нет новый идти-Пtcp.Pst молодой-Pl тот
- (76) *Улуг=Даг суму-зу-ндан бар-ган аныяк-тар,*
 Улуг-Даг сумон-Poss.3-Abl идти-Пtcp.Pst молодой-Pl
он аныяк-тар-ны апар-ган, аа
 десять молодой-Pl-Acc забирать-Пtcp.Pst там
ажыл-да-зын дэ-эши, Хараал алдын уургай-же.
 работа-Vblz-Imp говорить-Cv3 Хараал золотой прииск-же
- (77) *Ол-гаа чурт-та-п тур-ган мен аңаа.*
 тот-Dat страна-Vblz-Cv1 стоять-Пtcp.Pst 1Sg там

- (78) *Уруг-лар-ым ача-зы хурал-да дыка доктаал бижи-ир,*
ребенок-Pl-Poss.1.Sg отец-Poss.3 собрание-Loc очень постановление писать-Ptcp.Npst
хурал-дың доктаал-ын бижи-ир, хурал-да дыка
собрание-Gen постановление-Poss.3.Acc писать-Ptcp.Npst собрание-Loc очень
чүве чугаа-ла-ар кижги бол-ган, аныяк оол хирезинде.
вещь речь-Vblz-Ptcp.Npst человек быть-Ptcp.Pst молодой мальчик несмотря.на
- (79) *Ол кижги-ни избирком дарга-зы-нга*
тот человек-Acc избирком начальник-Poss.3-Dat
соңгу-п ал-ган бо партия-ның.
голосовать-Cv1 брать-Ptcp.Pst этот партия-Gen
- (80) *Ындыг чүме чугаа-ла-ар, доктаал бижи-ир*
такой вещь речь-Vblz-Ptcp.Npst постановление писать-Ptcp.Npst
кижги бо-ор-да.
человек быть-Ptcp.Npst-Loc
- (81) *Соңгу-п ал-ган тур-да, мен ол аа тур-ган мен,*
голосовать-Cv1 брать-Ptcp.Pst стоять-Loc 1Sg тот там стоять-Ptcp.Pst 1Sg
ам чаа өг-ле-н-геш, аа тур-ган мен.
теперь новый юрта-Vblz-Refl-Cv1 там стоять-Ptcp.Pst 1Sg

Список глосс

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо, Abl — аблатив, Acc — оформленный аккузатив, All — аллатив, Caus — каузатив, Com — комитатив, Cv — деепричастие, Cv1 — соединительное деепричастие на *-(ы)п*, Cv2 — слитное деепричастие на *-а*, Cv3 — деепричастие прошедшего времени на *-гаш*, Dat — датив, Gen — генитив, Imp — императив, Loc — локатив, Neg — отрицание, Npst — непрошедшее время, Poss — посессив, Prf — перфект, Prop — проприетив, Pl — множественное число, Pst — прошедшее время, Ptc1 — частица, Ptcp — причастие, Refl — рефлексив, Sg — единственное число, Vblz — вербализатор

Расширенная версия этой статьи находится по ссылке:

EVIDENTIALITY ATTRITION IN BASHKIR

M.V. Khudyakova

HSE University —
Nizhny Novgorod
mkhudyakova@hse.ru

D.O. Udalova

HSE University
daryamoroz20012610@gmail.com

O.V. Dragoy

HSE University,
Institute of Linguistics RAS
odragoy@hse.ru

Наша статья — о языке как живой функции: о последствиях языковых контактов, о реальном использовании языка человеком, о том, что языковая категория может вести себя по-разному в учебнике по грамматике и в речи носителя, — о всем том, о чем мы в свое время только начинали догадываться во время лекций Андрея Александровича на ОТиПЛе.

Introduction

In bilinguals, the linguistic systems of the languages mutually influence each other, and some features in L1 can be changed because of constant use of L2, which is known as L1 attrition (for review see Gallo et al. 2021). In this paper, we present an experimental study of evidentiality processing in the Bashkir language by two groups of bilingual speakers — Bashkir-dominant and Russian-dominant.

Evidentiality is an independent language category, the function of which is to indicate the source of information about the reported fact. The meaning expressed by the evidentiality category can be grammatically obligatory or lexically transmitted. For example, in languages like Russian, German, and English, the idea of evidentiality is expressed lexically, and is not obligatory, whereas it is a grammatically obligatory category in Turkic languages, to which Bashkir belongs (Kozintseva 1994).

In language contacts, the grammatical category of evidentiality is prone to attrition or functional interference with other verbal categories under influence of L2 with no obligatory evidentiality markers. For example, evidence suggests that in the Turkish language grammatical evidentiality is attrited both in early and late bilinguals under influence of German (Arslan et al. 2015) and English (Schmid, Karayayla 2020). In Quechua-Spanish bilinguals, the same patterns of attrition were reported for Quechua evidentiality, while Spanish aspectual forms were interpreted as evidential (Putnam, Sánchez 2013; Sanchez 2004).

Bashkir is a Turkic language with over one million speakers in Russia, most of whom also speak Russian. In Bashkir, evidentiality is an obligatory grammatical

category that expresses the presence of a source of information without specifying the type of source. Verb forms have a combined temporal and evidential meaning. Yuldashev (1981) contrasts three pairs of time forms on the basis of witnessing and non-witnessing of action: past definite — past indefinite (synthetic verb forms), pre-past definite — pre-past indefinite (analytical verb forms), past perfect definite — past perfect indefinite (analytical verb forms). The past definite tense is formed by adding the affix *-dy* (or its phonetic variants) to the root or to the word base, followed by truncated personal affixes: *ul kilde* (*he came*, past definite tense) and represents firsthand information. The past indefinite tense is formed by adding the affix *-gan* (or its phonetic variants): *ul kilgən* (*he came*, past indefinite tense) and represents non-firsthand information. Compared to the past definite tense, the past indefinite can be combined with modal words and particles that express doubt (*perhaps, maybe*).

Language attrition can depend on many factors, including the proportion of language use, or language dominance (Ecke 2004). In order to test the effect of L1 and L2 dominance on grammatical evidentiality in L1, we conducted a self-paced reading study in two groups of participants. We hypothesize that the Bashkir-dominant (BD) group would demonstrate lower reading times (RTs) in the verb region if the preceding context does not match the evidentiality form of the verb. On the other hand, we expect no such effect in the Russian-dominant (RD) group.

Methods

Participants

29 people participated in the study. All participants were born in Russia, had Bashkir as their native language and acquired Russian by the age of 6. The Russian-dominant group of participants consisted of 20 people (8 females, 12 males; age range: 18-36 y.o., mean age — 24.3) living in cities of Russia (Moscow, Chelyabinsk, Magnitogorsk) and reported using Russian for more than 70% of their time in daily communication. The nine Bashkir-dominant participants (8 females, 1 male; age range: 25-66 y.o.; mean age — 42,0) were recruited in a Bashkir-speaking village Rakhmetovo, Abzelilovsky District, Bashkortostan, Russia and reported more than 70% of daily communication in Bashkir.

Stimuli

We created 48 blocks of experimental stimuli. Every experimental item consisted of a context sentence, a target clause, and a final clause. We crossed two factors: context type (information about presence of the speaker at the scene) and tar-

get clause type (evidential type of the verb form). An example of an experimental block is presented in Table 1.

Table 1. Experimental block of stimuli

Condition	Context sentence	Target clause	Final clause
Match conditions			
Non-firsthand context — non-firsthand verb	Ильсур калаға кибеткә барзым тип мактанды. <i>Ilsur boasted that he had been to the town in a shop.</i>	Ильсур яңы телевизор алған (Verb-non-firsthand)	да, һәм әле телевизор карай. <i>and is watching it now</i>
Firsthand context — firsthand verb	Без Ильсур менән калаға кибеткә барзык. <i>Ilsur and I went to the town together.</i>	Ильсур яңы телевизор алды (Verb-firsthand)	ла, һәм әле телевизор карай. <i>and is watching it now</i>
Mismatch conditions			
Non-firsthand context – firsthand verb	Ильсур калаға кибеткә барзым тип мактанды. <i>Ilsur boasted that he had been to the town in a shop.</i>	Ильсур яңы телевизор алды (Verb-firsthand)	ла, һәм әле телевизор карай. <i>and is watching it now</i>
Firsthand context — non-firsthand verb	Без Ильсур менән калаға кибеткә барзык. <i>Ilsur and I went to the town together.</i>	Ильсур яңы телевизор алған (Verb-non-firsthand)	да, һәм әле телевизор карай. <i>and is watching it now</i>

All stimuli were translated from Russian into Bashkir by a native speaker, who is a specialist in Bashkir philology. For the BD group, minor changes (changing particles and several words) were made after checking the stimuli with a local speaker in Rakhmetovo. The stimuli were balanced across four experimental lists.

Procedure

The self-paced reading experiment was conducted in Linger (<https://web.archive.org/web/20191220181934/http://tedlab.mit.edu/~dr/Linger/>) for BD participants and 13 RD participants, and online in Ibex Farm (<https://adrummond.net/ibexfarm>) for 7 RD participants. The sentences appeared word by word in the center of the

screen. After each item grammaticality judgements were collected by the experimenter for the BD group and in the software for the RD group. Each participant from the BD group completed two sessions on different days.

Data analysis

The RT data were analyzed with linear mixed effect models with lme4 package in R (Bates et al. 2015). First, model logRTs were calculated based on log-transformed RT data with the following model: $\log RT \sim \text{Word.length} + (1|\text{participant})$. Then, residual logRTs for the region of interest (verb of the target clause and two consecutive words) were analyzed with the following model: $\text{Residual.log.RT} \sim \text{Verb.form} * \text{Context.type} + (1|\text{participant}) + (1|\text{item})$. The analysis was run separately for the two different groups. The resulting models were compared to null models (random effects only) with ANOVA.

Results

The RTs for the region of interest is presented in Figures 1 and 2. We found no significant differences between the resulting models and the null models for either participant group.

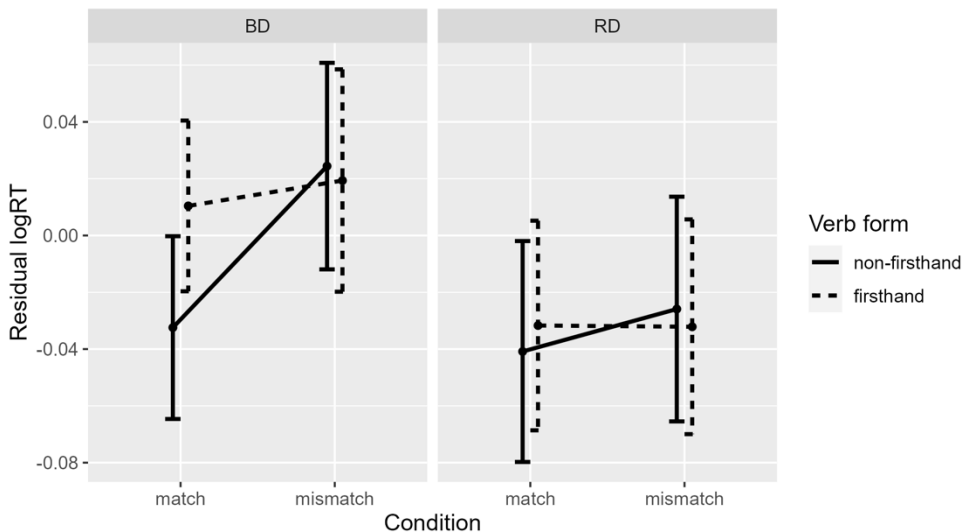

Figure 1. Residual log-transformed RTs

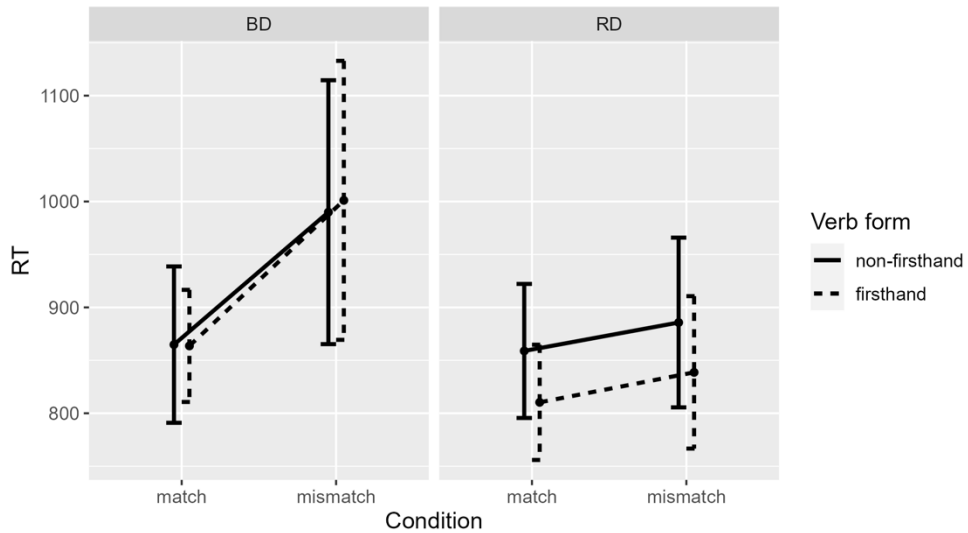

Figure 2. Raw RTs

Discussion

In our study, we expected to find different patterns of reading time in the BD and RD groups: we hypothesized that in the RD group we would find no differences between conditions due to the attrition of the evidentiality category, while in the BD group we expected to see slower RTs in the mismatch conditions due to reaction to grammatical violations. Although the visual inspection of the data seems to support the hypotheses (see Fig.1), the regression analysis did not reveal any fixed effects in the data from both groups. This result can be attributed to the limitations of the study design. First, we used the self-paced reading method that might be not sensitive enough to reveal the differences in the context-verb form compatibility violation, especially in the older participants from the BD group who are not accustomed to using a laptop for reading. Second, the RD group were in general slow readers, and demonstrated greater variability in reading speed (see Fig. 2), which might be the reason for the lack of any significant effects of the conditions. However, potentially, these results can be caused not only by the flaws of the experiment design, but also by the shifts in the language system which made the markedness of evidentiality non-obligatory. Although our study did not confirm our initial hypotheses, its results raise several important questions about experimental bilingualism research. First, methods should be adjusted to the populations who might be less experienced in reading and laptop use. Second, we must consider the possibility of the language change, especially in the bilingual communities.

References

- Arslan S., De Kok D., Bastiaanse R. 2015. Processing grammatical evidentiality and time reference in Turkish heritage and monolingual speakers. *Bilingualism: Language and Cognition*, 1–16.
- Bates D., Mächler M., Bolker B., Walker S. 2015. Fitting Linear Mixed-Effects Models Using lme4. *Journal of Statistical Software*, v. 67, n. 1, 1–48.
- Gallo F., Bermudez-Margaretto B., Shtyrov Y., Abutalebi J., Kreiner H., Chitaya T., Petrova A., Myachykov A. 2021. First Language Attrition: What It Is, What It Isn't, and What It Can Be. *Frontiers in Human Neuroscience*, v. 15, n. 513.
- Putnam M.T., Sánchez L. 2013. What's so incomplete about incomplete acquisition?: A prolegomenon to modeling heritage language grammars. *Linguistic Approaches to Bilingualism*, v. 3, n. 4, 478–508.
- Sanchez L. 2004. Functional convergence in the tense, evidentiality and aspectual systems of Quechua Spanish bilinguals. *Bilingualism: Language and Cognition*, v. 7, n. 2, 147–162.
- Schmid M.S., Karayayla T. 2020. The Roles of Age, Attitude, and Use in First Language Development and Attrition of Turkish–English Bilinguals. *Language Learning*, v. 70, n. S1, 54–84.
- Yuldashev A.A. 1981. *Grammatika sovremennogo literaturnogo bashkirskogo yazyka [Grammar of the modern Bashkir literary language]*. Moscow: Nauka.

ФУНКЦИИ ЧАСТИЦЫ *KI* В РЕЧИ АБХАЗОВ ТУРЦИИ

В.А. Чирикба

Институт языкознания РАН; Абхазский институт гуманитарных исследований
им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии
chirikba@gmail.com

Мне доставляет особое удовольствие участвовать в данном издании по случаю юбилея моего дорогого друга и коллеги, известного в России и за рубежом ученого-языковеда Андрея Александровича Кибрика, с которым меня связывает дружба еще со времен нашей юности во время учебы в аспирантуре, а затем в период работы в родных стенах Института языкознания. Хочется пожелать дорогому юбиляру крепкого кавказского здоровья, дальнейших впечатляющих успехов на поприще лингвистики, а также в качестве руководителя одного из мировых центров языковедческой науки.

1. Абхазский язык подразделяется на пять диалектов: бзыпский, абжуйский, цабалский, ахчыпский и садзский¹. Последние три диалекта сохранились лишь в среде абхазской диаспоры в Турции и до недавнего времени были практически неизвестны. В Турции представлены также носители бзыпского и абжуйского диалектов, на которых говорят и в Абхазии. Темой данной статьи является обсуждение функций частицы *ki*, усвоенной из турецкого языка в язык абхазов Турции. В абхазском языке в Абхазии данная частица не представлена, но она засвидетельствована в речи абхазов, проживающих в Аджарии.

Как известно, в абхазском языке отсутствуют подчинительные союзы, способные вводить финитные клаузы, и зависимые предложения сочетаются друг с другом и с главным предложением посредством нефинитных глагольных форм:

(1) *jará* *ø-jə-h^wə-ø-jt'* *a-šk'ól* *ø-axⁱ*
он то-он-сказать-Аор-Фин.Дин Арт-школа то-Дир

¹ В статье используется стандартная кавказоведческая транскрипция. За исключением данных из публикаций других авторов, материалы абхазских диалектов Турции записаны мной в ходе экспедиций.

d-šə-m-ca-wa ['dʂimʦo]

он-как-Нег-идти-Наст.Дин.Нефин

‘Он сказал, что не идет/пойдет в школу’.

Помимо обстоятельственного префикса *š(ə)*- ‘как’, фактически в роли подчинительного союза может выступать цитатная частица *-h^(v)a*:²

(2) *d-aa-wá-jt'* *h^va sá-q'a-wə-p'*

он(а)-прийти-Наст.Дин-Фин.Дин Цит я-быть-Наст.Стат-Фин.Стат

‘Я думаю, что он(а) прибывает’.

Помимо традиционных для абхазской грамматики способов связи компонентов сложного предложения, в абхазских диалектах Турции засвидетельствовано также использование турецкой частицы *ki*. В турецком языке эта усвоенная из персидского частица несет различные синтаксические функции, выступая в роли субординатора, либо маркера относительного предложения, а также дискурсные функции, привнося семантику эмфазы (см. Göksel & Kerslake 2005: 102).

В монографии Э.К. Килбы (1983) содержится описание функций частицы *ki* в речи аджарских абхазов³, где она используется при глаголах речи в репортативных конструкциях, а также в сложноподчиненных предложениях, соединяя главную и зависимую клаузу, каждая из которых содержит финитный глагол, вопреки нормам традиционной абхазской грамматики, согласно которым в зависимом предложении возможен лишь нефинитный глагол. Здесь Килба усматривает влияние как турецкого, так и грузинского языков, обладающих гипотаксическими конструкциями индоевропейского типа. Автор не выделяет особо дискурсную или эмфатическую функцию частицы *ki*.

В речи абхазов Турции можно отметить две основные функции частицы *ki*: синтаксическую и ассертивную (эмфатическую). В синтаксической функции частица *ki* используется как своего рода союз (комплементаризер) при глаголах, вводящих чужую речь, а также в качестве союза или связки, соединяющей клаузы в сложных предложениях. Одной из синтаксических функций *ki* может служить и вершинное маркирование. С другой стороны, частица *ki* может нести ассертивную (эмфатическую, подтвердительную) функцию, маркируя коммуникативно значимое выделение того или иного слова (как правило, предиката) для придания экспрессивной окраски высказыванию, особенно отрицательному⁴.

² См. об этом Hewitt (1987: 247).

³ В речи абхазов Аджарии представлены садзский диалект и гумское наречие, промежуточное между бзыпским и абжуйским диалектами.

⁴ Ср. функцию частицы *k'i* в грузинском, где она используется в основном для выражения утвердительности, что близко к значению ассертивности.

Иногда бывает сложно четко разделить эмфатическую и синтаксическую функции, так как элемент эмфазы, по-видимому, присутствует в обоих случаях, и различие лишь в том, несет ли частица *ki* чисто эмфатическую, либо также синтаксическую функцию.

Как, например, и в удинском языке (см. Ландер 2014: 487), в абхазских диалектах Турции в случаях, когда частица *ki* используется в качестве маркера ассертивности (эмфатического подтверждения), полипредикативная конструкция не обязательна (см. пример (8)).

2. Частица *ki* как «комплементайзер» в репортативных конструкциях.

В большинстве (ок. 70 процентов) употреблений частицы *ki* в моем корпусе абхазских текстов из Турции, она используется при передаче чужой речи в роли подчинительного союза, помещаясь после вводного глагола речи:

- (3) *wəj jə-j-h^wǎ-ø-jt' ki "sa.rá*
 он то-он-сказать-Аор-Фин.Дин *ki* я
s-ax'ǎ-q'a-w s-wáda-ø a-sandək
 я-там где-быть-Наст.Стат.Нефин моя-комната-в Арт-сундук
dəw-k' øǎ-q'a-ø-jt', " *h^{wa} ø-jə-h^wǎ-ø-jt'*,
 большой-Неопр то-быть-Аор-Фин.Дин Цит то-он-сказать-Аор-Фин.Дин
ø-r-h^wǎ-ø-jt'.
 то-они-сказать-Аор-Фин.Дин
 'Он сказал: 'В комнате, в которой я нахожусь, есть большой сундук',
 мол, сказал он, говорят'. (садз.)

Все имеющиеся в моем корпусе примеры использования частицы *ki* в репортативных конструкциях представляют собой передачу прямой речи; пока не удалось найти примеров ее использования в передаче косвенной речи. Э. Килба (1983: 73) рассматривает использование союза *ki* в репортативных конструкциях как нечто среднее между прямым и косвенным способами передачи чужой речи.

Позиция вводного глагола речи может быть как перед прямой речью, как в (3), так и после нее, как в (4):

- (4) *arəj də-j-š'ǎ-ø-jt'!*, *[a]ǎš^{wa} jə-zǎ.h^{wa}*
 этот его-он-убивать-Аор-Фин.Дин Арт-абазин он-для
jə-j-h^wǎ-ø-jt' ki waž^wǎ
 то-он-сказать-Аор-Фин.Дин *ki* сейчас
 'Вот этот его/ее убил! – сказал он теперь об абазине'. (садз.)

3. Частица *ki* в сложноподчиненных предложениях западнокавказского типа.

Частица *ki* может использоваться в традиционной для западнокавказских языков структуре сложноподчиненного предложения в составе главного предложения с финитным глаголом и зависимого предложения, содержащего нефинитный глагол:

- (5) *Wá alláh, Sasanája Gʷášʷa sará wáj, béلكim, aráj*
 о аллах Сасанья Гуаща я ее может быть я он
ø-jə-m-ahá-c-tʷ axʷá, sa.rá
 то-он-Нег-слышать-Перф-Фин.Дин но я
jə-z-s-ahá-z wáj ø-á-w-pʷ ki.
 то-как-я-слышать-Прош.Неопр.Нефин то то-быть-Наст.Стат-Фин.Стат *ki*
 ‘О аллах, Сасанья Гуаща, он, возможно о ней не слышал, но вот же то, что я слышал’ (бзып.)⁵.

Данный пример представляет собой, по сути, клефтовую конструкцию, в которой в зависимом предложении поясняется или подтверждается то, о чем утверждается в главной клаузе; частица *ki* клитизируется к предикату в главном предложении.

Говоря об использовании частицы *ki* в турецком и лазском языках, Дж. Хейг (Haig 2001: 201) отмечает, что *ki* является «энклитикой в главном предложении, т. е. не является составной частью зависимого предложения», в соответствии с «типичной турецкой моделью обозначения синтаксических отношений на правых границах составляющих, а не на левых границах (в отличие, например, от персидского)».

Действительно, в большинстве случаев в речи абхазов Турции частица *ki* также является составной частью главного предложения, которое она собой замыкает. Тем не менее, имеются случаи клитизации этой частицы и к предикату в зависимой клаузе. В следующем примере частица *ki* маркирует относительное придаточное предложение, содержащее комментарий/пояснение того, о чем сообщено в главной клаузе.

- (6) *sa s-zá.hʷa.nə, sa s-xʷ.a.z[ə] j-á-lə-s-xə-z*
 я я-для я я-для себя Рел-то-Прев-я-выбирать-Прош.Неопр.Нефин
ki wará jə-wə-s-t-wa-jtʷ.
ki тебе то-тебе-я-давать-Наст.Дин-Фин.Дин
 ‘Для себя, вот то, что для себя я выбрал, я даю тебе’. (бзып.)

⁵ Ачпха, Лакырпха (2021: 134).

4. Частица *ki* в сложноподчиненных предложениях с финитным глаголом в зависимом предложении

Частица *ki* используется также в сложноподчиненных предложениях индоевропейского типа, с финитным глаголом как в главной, так и в зависимой клаузах. В обработанной части моего корпуса текстовых записей речи турецких абхазов примеров на такую структуру нет, однако они засвидетельствованы в речи батумских абхазов (см. Килба 1983: 71):

- (7) *sə-xšáj^w jə-p-na-q'a-wá-jt'* ***ki***, *a-waj^{wə}*
 мой-ум то-Прев-то-резать-Наст.Дин-Фин.Дин *ki* Арт-человек
áš'taxⁱ-g'ə də-bzája.xa-wa-jt'. (садз.)
 потом-и он-стать хорошим-Наст.Дин-Фин.Дин
 ‘Я верю, что человек и впоследствии может исправиться’. (садз.)

5. Частица *ki* как средство выражения ассертивности.

Второй основной функцией частицы *ki* является выражение ассертивности, т. е. эмфатическое, экспрессивное подтверждение того или иного утверждения. Ассертивность может быть реализована как в положительных, так и в отрицательных утверждениях. Оформленное частицей *ki* слово (как правило, предикат), становится центром фокусной группы, поэтому ассертивность можно отнести к явлениям дискурсного порядка.

5.1. Выражение ассертивности в положительных утверждениях

- (8) *Aaj, wás jə.pš.za.nə, jə.x'aa.nə ø-jə-h^w-wa-t'* ***ki***.
 да так красиво сладко то-он-сказать-Наст.Дин-Фин *ki*
 ‘Да, так красиво, сладко **ведь** он говорит’ (бзып.)⁶.

5.2. Выражение ассертивности в отрицательных утверждениях⁷

В данной функции частица *ki* служит в роли интенсификатора отрицания, клитизируясь к негативному предикату.

- (9) *jə-l-h^wa-k^wa-z* *jə-q'a-n*, *ax'á*
 то-она-сказать-Мн-Прош.Неопр.Нефин то-быть-Прош.Стат но

⁶ Ачпха, Лақырцха (2001: 131).

⁷ Göksel, Kerslake (2005: 102) называют такую роль *ki* в турецком языке repudiative discourse connective.

sə-z-dór-wə-m ki.
 я-Пот-знать-Наст.Дин-Нег *ki*
 ‘Все то, о чем она говорила, было, однако я **ведь же** этого не знаю!’ (бзып.)

- (10) *Wa ø-áj.pš a-táp øǰ-q'a-zə-m ki ará,*
 тому то-подобно Арт-место то-быть-Эмф-Нег *ki* здесь
k'azmá-[a-]la jə-r-čá-ø-jt'.
 кирка-то-Инстр то-они-рыхлить-Аор-Фин.Дин
 ‘Подобно этому **ведь** нет места здесь, ее (землю) киркой разрыхляли’.
 (бзып.).

В следующем примере усиление ассертивности отрицания дополнительно обеспечивается сочетанием местоимения негативной полярности *hičʲ* (из тур. *hiç*) и числительного *ak'k'ə* ‘один’, передающих значение ‘совсем ничего’ (частичная калька с тур. *hiç-bir* ‘ничего’, букв. ‘ничто-один’):

- (11) *hičʲ ak'k'ə ø-gjǰ-rə-m-bə-ø-jt' ki,*
 ничего один то-Эмф-они-Нег-видеть-Аор-Фин *ki*
ažʷə.t'w jə-šǰ-q'a-z [ji'ʂeq'vz] jǰ-q'a-jt' [ˈjaq'ejtʰ].
 в старину то-как-быть- Прош.Неопр.Нефин то-быть-Фи.Дин
 ‘Они **совсем** ничего не увидели, [потому, что] (все) есть так, как было и ранее/в старину’. (садз.)

6. Использование турецкого выражения *demek ki*

Абхазы Турции используют также тур. выражение *demek ki* ‘означает’, являющееся сочетанием инфинитива глагола *de-* ‘сказать’ и частицы *ki*. В таком сочетании *demek ki* выглядит как своего рода комплементаризер; его положение в предложении более или менее свободно.

- (12) *á.lə.w.xəj, da.rá, demék ki, wáj marák-s*
 однако они значит, что это беспокойство-Адв
jə-q'a-r-c'ǰ-ø-jt'.
 то-Прев-они-делать-Аор-Фин
 ‘Однако это означает, что они об этом побеспокоились’. (садз.)

7. Использование турецкого выражения *tabi ki*

Выражение *tabi ki* ‘конечно’ служит фокусирующим средством:

- (13) *s-ába aráa də-jǰ-ø-jt', wáj ø-áa.mə.šʲ.t.ax'ə,*
 мой отец здесь он-родиться-Аор-Фин.Дин этого то-после

tábi ki, aráa, nas, wər.t jə-r-xá.lə-c'ə-z

конечно здесь ну они то-они-Прев-выйти-Прош.Неопр.Нефин

há-q'a-w-p' ha.r-gi'ə

мы-быть-Наст.Стат-Фин.Стат мы-тоже

‘Мой отец здесь родился, после этого [исхода из Абхазии], ну, вот, и мы тоже здесь те, кто родился от них [прибывших в Турцию]’. (садз.)

Помимо этого, в языке абхазов Турции окказионально используются и другие турецкие слова, содержащие клитику *ki*, такие как союз *č'unki* ‘потому что’ (из тур. *çünki*, усвоенного из перс. *čun-ke*), наречия *bél'ki* ‘может быть, возможно’ (из тур. *belki*, из перс. *balke*), *bél'ki-da* ‘может быть, возможно’ и др.

8. Выводы

1. Хотя в абхазском языке нет гипотаксисных конструкций индоевропейского типа, в абхазских диалектах Турции и Аджарии в репортативных конструкциях при передачи прямой речи может использоваться заимствованная из турецкого языка энклитика *ki*. В таких случаях *ki* выступает в роли подчинительного союза (комплементаризера) и является составной частью главного предложения, занимая постпредикативную позицию и замыкая собой клаузу. Однако присутствие частицы *ki* в подобных конструкциях является факультативным, и она сама по себе не образует конструкцию, а лишь присутствует в ней.

2. В отличие от абхазских диалектов в Турции, синтаксическая модель речи абхазов Аджарии допускает использование частицы *ki* в функции реального подчинительного союза в рамках гипотаксисной конструкции, в которой как главная, так и зависимая клауза содержат финитный глагол. Возможно, это свидетельствует о большей степени влияния турецкого языка на языковую структуру аджарских абхазов, чем в ситуации с речью абхазов Турции.

3. Помимо синтаксической, частица *ki* выступает и в функции выражения ассертивности, т. е. эмфатического или экспрессивного усиления или подтверждения того или иного утверждения. При этом *ki* клитизируется к находящемуся в фокусной позиции предикату.

4. Кроме частицы *ki*, в языке абхазов Турции используются и содержащие данную частицу турецкие выражения *demek ki* ‘означает’, *tabi ki* ‘конечно же’, союз *č'unki* ‘потому что’, наречия *bél'ki* ‘может быть, возможно’, *bél'ki-da* ‘может быть, возможно’.

5. Хотя в большинстве случаев в речи абхазов Турции, как и в турецком языке, частица *ki* является частью главного предложения, которое она собой

замыкает, тем не менее, имеются случаи клитизации этой частицы и к предикату в зависимой клаузе.

6. Усвоенная из турецкого языка частица *ki* встречается и в других языках Анатолии – в лазском, в адыгских диалектах, в диалектах армянского, в понтийском диалекте греческого и др., и может рассматриваться как яркая черта предполагаемого анатолийского языкового ареала (см. Haig 2001).

Сокращения

Адв — адвербиальный суффикс; Аор — аорист; Арт — артикль; Вопр — вопросительный суффикс; гум. — гумское наречие; Дин — динамичный; Инстр — инструментальный; Наст — настоящее время; Нег — негативный; Неопр — неопределенный артикль; Нефин — нефинитный; перс. — персидский; Пот — потенциалис; Прев — преверб; Прош — прошедшее время; Прош.Неопр — прошедшее неопределенное; Рел — релятивный, относительный; садз. — садзский; Стат — статичный; тур. — турецкий; Фин — финитный; Цит — цитатный суффикс; Эмф — эмфатический суффикс

Литература

- Ачба А.О. 2013. Ахчыпсаа ражэахэа анцамтақэа (Акыҭа Калиак Рухи Кэыҭба ионаҭаҕы) [Записи ахчыпсской речи (В доме Рухи Куджба в селе Калйак)]. В кн.: *Абхазоведение. Труды АБИГИ. Язык. Фольклор. Литература. Вып. IV*. Сухум: АБИГИ, 142–161.
- Ачпха А.О., Лакырцха Ф.А. 2021. *ҭырқэтэҭыла икоу абзыңқэа рхэамтақэа [Тексты бзыпских абхазов Турции]*. Акэа: Ацсуатцааратэ институт.
- Килба Э.К. 1983. *Особенности речи батумских абхазов*. Тбилиси: Мецниереба.
- Ландер Ю.А. 2014. Показатель *ki* в удинском языке: проблема для локуса маркирования и синтаксической структуры. В кн.: М.А. Даниэль, Е.А. Лютикова, В.А. Плунгян, С.Г. Татевосов, О.В. Федорова (ред.). *Язык. Константы. Переменные: Памяти Александра Евгеньевича Кибрика*. СПб.: Алетейя, 485–498.
- Göksel A., Kerslake C. 2005. *Turkish: A Comprehensive Grammar*. London and New York: Routledge.
- Haig G. 2001. Linguistic diffusion in present-day East Anatolia: from top to bottom. In: R.M.W. Dixon & Alexandra Aikhenvald (eds.). *Areal diffusion and genetic inheritance: problem in comparative linguistics*. Oxford: Oxford University Press, 195–224.
- Hewitt B.G. 1987. *The Typology of Subordination in Georgian and Abkhaz*. Berlin New York, Amsterdam: Mouton de Gruyter.

IV. КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ЯЗЫКУ

КЛАСС И РОД В КОНТЕКСТЕ ФОКАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ЯЗЫКА: ЕЩЕ РАЗ О НЕДИСКРЕТНОСТИ СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ И СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

А.Ю. Желтов

СПбГУ, МАЭ РАН
ajueltov@mail.ru

Е.В. Желтова

СПбГУ
elena.zheltova@mail.ru

В докладе на конференции Европейского лингвистического общества — SLE (Kibrik 2012) и в статье Kibrik 2015 А.А. Кибрик обращает внимание на многочисленность недискретных явлений на разных уровнях языка и предлагает «фокальную структуру» описания языка, которая позволяет учитывать как дискретные («digital»), так и недискретные («analog») языковые явления. Фокальная структура состоит из «фокусных» (или «якорных») точек (вершин), которые являются прототипическими для того или иного явления или категории, так называемых «аутлаеров» (элементов категории, по некоторым признакам отличающихся от прототипа — «периферии» категории) и «гибридных» точек, которые являются наиболее далекими от прототипа «аутлаерами», более или менее равноудаленными одновременно от двух разных «фокусных» (прототипических) точек-вершин и находящихся в «зоне влияния» их обеих. Задачей данного текста является рассмотрение с этих позиций весьма сложного взаимодействия некоторых элементов именного формо- и словообразования в языках с грамматическим родом (индоевропейские — русский и латинский) и в языках с именными классами (суахили — языки банту)¹.

¹ Очевидно, что этот краткий текст не может претендовать и не претендует на сколь-нибудь полное или развернутое описание именной морфологии в указанных языках. Для русского языка таким описанием является анализ, представленный в Зализняк 1967, для латыни и суахили подобный комплексный анализ, вероятно, еще предстоит провести. Для целей этой статьи мы лишь выборочно анализируем ряд явлений в «прототипической» и «пограничной» зонах словоизменения и словообразования. Авторы выражают искреннюю благодарность А.А. Кибрику, юбилею которого посвящен этот сборник, как за плодотворные идеи, позволяющие учитывать недискретные языковые явления, не теряя системности анализа, так и за многолетнее знакомство, сотрудничество и всегда приятное общение.

1. В русском языке с его традиционным разделением морфем на суффиксы (словообразование) и флексии (словоизменение) можно достаточно легко определить «фокусные точки». Например, суффикс *-тель* в *строи-тель* и *писа-тель* отчетливо относится к словообразованию, а окончание *-и* в *строител-и* и *писател-и* — к словоизменению; *-и* контролирует согласование в именной группе и глаголе, кумулятивно выражая число и падеж, и не используется для образования новых лексем (на нем слишком большая и разнородная грамматическая нагрузка), а *-тель* не может контролировать согласование и выражает отчетливую и однозначную семантику образования отглагольных агентивов. В то же время, в русском языке существует ряд словообразовательных суффиксов, демонстрирующих некоторые отклонения от классической деривации: например, суффиксы *-енок* и *-ат-* в *волч-енок* и *волч-ат-а* помимо отчетливой деривативной семантики «детеныши животных» (+ «дети» — *реб-енок/реб-ят-а*, *октябр-енок/октябр-ят-а*; + «грибы» — *оп-енок/оп-ят-а*, *масл-енок/масл-ят-а*) кумулятивно с деривацией обладают семантикой числа, таким образом «делая шаг в сторону» от «классической» деривации — кумулятивность гораздо больше свойственна словоизменительным флексиям. Однако русский язык демонстрирует и другой вариант «неклассического» использования деривации — в нем можно наблюдать своего рода согласование уменьшительного или увеличительного суффикса (обычно при определенном экспрессивном характере высказывания, часто свойственном так называемому «детскому» языку) с зависимым от него прилагательным. Предпочтительней выглядят «согласованные» фразы типа *бел-еньк-ий зайч-ишк-а* или *зл-ющ-ий волч-ищ-е*, чем «несогласованные» типа *белый зайчишка* или *злющий волк*. Причем в «детском» языке подобное согласование может распространяться даже на глагол: *Саш-еньк-а мал-еньк-ий спат-еньк-и пошел*². Что касается русских флексий, то и в них можно наблюдать отклонение в сторону «деривации». Хотя русские флексии со значением грамматического рода обладают очень низким словообразовательным потенциалом (даже у одушевленных существительных для образования имен женского пола от мужского обычно требуется дополнительная деривативная суффиксация — *студент/студент-к-а*, причем именно так выглядит продуктивный процесс образования новых феминитивов — *автор/автор-к-а*), все же можно найти примеры использования флексий для словообразования (*Александр/Александр-а*, *супруг/супруг-а*). В этих примерах к стандартным словоизменительным характеристикам (контроль согласования, кумулятивность рода с падежом) добавляется словообразовательное значение женского пола.

² Ср. также глагольную диминутивную форму *куш-еньк-ать*.

2. В латыни к «фокусным точкам» можно отнести деривативный суффикс *-or-*, который образует отглагольные агентивы, и словоизменительную флексию *-es* — показатель множественного числа: *vict-or* ‘победи-тель’ — *vict-or-es* ‘победи-тел-и’; *act-or* ‘дея-тель’ — *act-or-es* ‘дея-тел-и’. При этом отклонение от деривации в сторону большей кумулятивности (типа *опенок* — *опята*) практически не встречается: пару *vi-s* (Sg.) ‘сила’ — *vi-re-s* (Pl.) ‘силы’, скорее следует рассматривать как задействованный для выражения числа супплетивизм основы. К этому же явлению можно отнести и значительно чаще встречающийся супплетивизм основ при оппозиции «номинатив — все остальные падежи»: *iter* (Nom.) — *itiner-is* (Gen.) ‘путь’; *iecur* (Nom.) — *ieci-nor-is* (Gen.) ‘печень’; *supellex* (Nom.) — *supellectil-is* (Gen.) ‘утварь’. Формально выделенные элементы похожи на суффиксы, но они не обладают никаким деривативным потенциалом и, следовательно, их следует определять все же как часть супплетивных основ. При этом деривативное согласование типа «*Сашенька маленький спатеньки пошел*» встречается и в латыни, но не в «детском» языке, как в русском, а в языке римской комедии, пародирующем эротический дискурс гетер и их возлюбленных: *papill-arum horrid-ul-arum oppresi-unc-ul-ae* (Plaut. *Pseud.* 68) ‘упругеньких грудок обжимашки’ (*papilla* ‘грудь, сосок’, *horridula* ‘упругенькая’ — demin. к *horrida* ‘упругая, тугая’, *oppresiuncula* ‘обжимашка’ — demin. к *oppressio* ‘сжатие, надавливание’).³ При этом родовые флексии *-us* и *-a* участвуют в словообразовании (типа «супруг — супруг-а») более продуктивно, чем русские флексии, ср.: *lup-us* ‘волк’ — *lup-a* ‘волчица’; *milv-us* ‘коршун’ — *milv-a* ‘самка коршуна’; *equ-us* ‘конь’ — *equ-a* ‘лошадь’; *amic-us* ‘друг’ — *amic-a* ‘подруга’; *domin-us* ‘господин’ — *domin-a* ‘госпожа’ и т. д. Таким образом, отклонение родовых флексий единственного числа от классической флективности представляет собой достаточно продуктивный «аутлайер» словоизменения.

3. Бантуские именные классы, в отличие от индоевропейского рода, выражаются префиксами, а не флексиями, и не имеют противопоставления «мужской — женский» в их семантике, но часто сопоставляются именно с индоевропейским родом, прежде всего, на основе общего для именного рода и класса контроля согласования с элементами именной группы и глаголом (в индоевропейских языках — субъектного, в языках банту — полиперсонального): суахили *ki-tabu ki-le ki-zuri ki-likuwa mezani* ‘книг-а т-а красив-ая был-а (находилась) на столе’. При том, что морфосинтаксическое сходство именного класса с индоевропейскими флексиями очевидно, в системе русских деривативных суффиксов можно найти типологические параллели именным

³ Впрочем любовно-эротический дискурс вполне связан с детским, латинские примеры которого до нас, возможно, просто не дошли.

классам в области семантики. Ниже приводится определение русского именного словообразования из академического издания грамматики русского языка, во всех пунктах которого опущено слово «суффиксальный». В подобном определении любой бантуист легко увидит краткое описание системы именных классов: «В системе ... образования имен существительных могут быть выделены пять основных рядов явлений:

- 1) способы ... образования названий лиц (мужчин и женщин);
- 2) способы ... образования названий животных;
- 3) способы ... образования названий предметов (включая сюда названия орудий действия и названия места);
- 4) способы ... образования слов с отвлеченным значением;
- 5) способы ... образования слов со значением уменьшительности, ласкательности, увеличительности и т. п.» (Виноградов и др. 1953: 211).

Сравнение конкретного материала подтверждает наличие принципиальных параллелей между системами префиксов суахилийских именных классов и русских словообразовательных суффиксов. Рассмотрим семантические группы, входящие в суахилийский класс 5 (*ji/Ø*) и, с другой стороны, семантику, маркированную русским суффиксом *-ин-*.

Таблица 1

		суахили	русский
выдели- тельность	один из пары	<i>ji-cho/ma-cho</i> ‘глаз/глаза’	<i>штан-ин-а/штаны</i>
	один из множества	<i>ji-no/meno</i> ‘зуб/зубы’	<i>бус-ин-а/бусы</i>
увеличительность		<i>ji-tu/m-tu</i> ‘великан/человек’	<i>дом-ин-а/ дом</i>
плоды, круглые предметы		<i>Ø⁴-boga/m-boga</i>	<i>тыкв-ин-а/тыква</i>
		<i>Ø- nyanya/m-nyanya</i>	<i>помидор-ин-а/ помидор (растение)</i>

Префиксы именных классов в суахили, контролируя согласование и кумулятивно выражая значение класса и значение числа (очевидно классические словоизменительные признаки), обладают полноценным словообразовательным потенциалом: ср. *m-tu/wa-tu* ‘человек/люди’ — *ki-tu/vi-tu* ‘вещь/вещи’ — *ji-tu* ‘великан’ — *u-tu* ‘человечность’; *m-ti/mi-ti* ‘дерево/деревья’ — *ki-ti/vi-ti* ‘стул/стулья’ — *u-ti/ny-uti* ‘ствол/стволы’, *m-chungwa/mi-chungwa* ‘апельсиновое дерево / апельсиновые деревья’ — *Ø-chungwa/ma-chungwa*

⁴ Здесь представлен нулевой алломорф данного класса, согласование у всех имен будет общим: *ji-no j-eta* ‘зуб хороший’; *Ø-nyanya j-eta* ‘помидор хороший’.

‘апельсин/апельсины’ и т. д. При образовании отглагольных агентивов употребление префикса класса обязательно: *m-sema* ‘говорящий’ от *-sema* ‘говорить’. Таким образом, префиксы именных классов в суахили сочетают практически полноценные признаки словоизменительной категории (кумулятивность класса и числа, контроль согласования) и словообразовательной, то есть именно они представляют собой пример «гибридной» (по Kibrik 2012, 2015) категории — равноудаленной («равноприближенной») как к фокусной точке словоизменения, так и словообразования.

У подобной «гибридной» категории есть свой префикс «аутлаер» в сторону «классической» деривации. При этом «более словоизменительных» префиксов не наблюдается. В языке суахили для выражения диминутивности часто используется не просто показатель именного класса с диминутивным значением — *ki-*, а более сложная конструкция: диминутив *ki-* (7 класс) + *-ji-* (5 класс): *ki-ji-tu* ‘карлик’ от *m-tu* ‘человек’ (при этом *-ji* утрачивает контроль согласования, уступая его «более левому» префиксу, и кумулятивность с числом — ср. *vi-ji-tu* ‘карлики’, превращаясь в классическую деривативную морфему)⁵. Такая модель образования диминутива появляется в тех случаях, когда собственно префикс *ki-*, соединяясь с данной основой, служит для выражения значения предметности — *ki-tu* ‘вещь’ (предметность и диминутивность синкретичны для этого класса). Аналогично и в русском языке, когда значение диминутивного суффикса *-к-* частично «занято» значением предметности (*рука/руч-к-а* — дверная или для письма), могут использоваться более сложные формы диминутива — через выделительность (*руч-он-к-а*, *руч-иш-к-а* (от *руч-иш-а?*)). Примеры подобной модели образования диминутива не единичны как в суахили, так и в русском, ср.:

(1) суахили

- а. *m-tu* ‘человек’ — *ji-tu* ‘великан’ — *ki-ji-tu* ‘карлик’ / *ki-tu* ‘вещь’
 б. *mw-iko* ‘половник’ — *ji-ko* ‘очаг’, ‘кухня’ — *ki-ji-ko* ‘ложка’ / *ki-ko* ‘трубка для курения’;

(2) русский

- а. *рука* — *руч-иш-а* — *руч-иш-к-а* / *руч-к-а*
 б. *зуба* — *зуб-иш-а* — *зуб-иш-к-а* / *зуб-к-а*

Для парадигм грамматических показателей, к которым относится и система именных классов, невозможно сочетание двух ее элементов в составе одной словоформы (как это происходит в *ki-ji-tu*). Таким образом, в подобных

⁵ Следует отметить, что в отличие от индоевропейского разделения флексий и суффиксов, для данной морфемы не существует общепринятого названия — по сути префиксом класса она быть перестает.

формах мы наблюдаем процесс «дериватизации» грамматического (словоизменительного?) показателя⁶.

Сравнительный анализ недискретной («фокальной») структуризации словоизменения и словообразования в русском, латыни и суахили можно представить в виде сводной таблицы:

Таблица 2

Фокусный центр (сл.обр.)	«Аутлайеры» (сл.обр.)	Гибридный центр	«Аутлайеры» (сл.изм.)	Фокусный центр (сл.изм.)
русский				
<i>строи- тель</i>	кумулятивность: <i>волч-онок/волч-ат-а</i> согласование: <i>Саш- еньк-а мал-еньк-ий</i> <i>спат-еньк-и пошел</i>		<i>Александр-а,</i> <i>супруг-а</i>	<i>Строител-и</i>
латынь				
<i>vict-or</i> ‘победитель’	согласование: <i>papill-arum horrid- ul-arum oppresi-unc- ul-ae</i> ‘упругеньких грудок обжимашки’		<i>lup-us</i> ‘волк’ — <i>lup-a</i> ‘волчица’	<i>vict-or-es</i> ‘победи-тел-и’
суахили				
<i>ki-ji-tu</i> ‘карлик’		контроль согласования: <i>ki-tabu ki-le ki-zuri</i> <i>ki-likuwa mezani</i> ‘книг-а т-а красив- ая был-а на столе’ деривация: <i>m-tu/wa-tu</i> ‘человек/люди’ — <i>ki-tu/vi-tu</i> ‘вещь/вещи’ — <i>ji-tu</i> ‘великан’ — <i>u-tu</i> ‘человечность’		

⁶ О подобных процессах на материале языка фула см. Коваль 1987. См. также Поздняков 2006 о соотношении словообразования и словоизменения в системе именных классов атлантических языков.

Таким образом, мы получаем значительно более точную матрицу взаимодействия словообразования и словоизменения в анализируемых языках, чем при традиционном «дискретном» анализе: в русском и латыни аутлаеры не доходят до стадии «гибридности», а в суахили именно «гибридный центр» по сути и представляет собой фокусный центр, от которого «отходит» «аутлаер» (в сторону деривативности).

В завершение следует заметить, что структуризация в рамках «фокального» подхода словоизменительных и словообразовательных морфем позволяет по-новому взглянуть на ряд проблем, связанных с родом и именными классами. Закончить статью представляется уместным цитатой из книги А.А. Зализняка (1967: 8): «...универсальная система фонологических различительных признаков Р. Якобсона преодолела «барьер», разделявший гласные и согласные». В этой связи можно предположить, что и построение «фокальной» системы именных морфологических признаков поможет преодолеть еще один «барьер» — между словообразованием и формообразованием.

Литература

- Виноградов В. В., Истрина Е. С., Бархударов С. Г. (ред.) 1953. *Грамматика русского языка. Т. 1. Фонетика и морфология*. М.: Издательство РАН СССР.
- Зализняк А. А. 1967. *Русское именное словоизменение*. М.: Наука.
- Коваль А. И. 1987. О некоторых особенностях поведения показателя класса в языке с громоздкой классной системой. В кн.: Н. В. Охотина (отв. ред.). *Именные классы в языках Африки*. М.: Наука, 204–215.
- Поздняков К. И. 2006. К типологии именных классификаций. В кн.: *Исследования по языкам Африки. 2005. Сборник статей, посвященный 40-летию отдела африканских языков*. М.: Институт языкознания РАН, 203–233.
- Kibrik A. 2012. The challenge of non-discreteness: focal structure in language. Plenary talk presented at the 45th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea. Stockholm University, 29 August — 1 September 2012. <https://iling-ran.ru/web/ru/scholars/kibrik/talks> (дата обращения 31.03.2023)
- Kibrik A. 2015. The problem of non-discreteness and spoken discourse structure. *Computational linguistics and intellectual technologies*, 14 (21), v. 1, 225–233.
- Plautus T. Maccius. 1895. *Plauti Comoediae*. Ed. F. Leo. Berlin: Weidmann.

ВАРИАТИВНОСТЬ В ЖЕСТЕ «РЕБЁНОК» В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ

В.И. Киммельман

Университет Бергена, Норвегия
vadim.kimmelman@gmail.com

Жестовые языки являются естественными языками, используемыми сообществами глухих по всему миру. Привлечение данных жестовых языков необходимо для типологических исследований и для создания общих теорий языка, так как они представляют собой особый класс естественных языков, существующих в визуальной модальности (Sandler, Lillo-Martin 2006). О важности изучения русского жестового языка (РЖЯ) в частности можно прочитать в работе А.А. Кибрика (2012).

Как и все естественные языки, жестовые языки демонстрируют высокую степень вариативности на всех уровнях: фонетическом, фонологическом, лексическом, грамматическом, и так далее (Lucas *et al.* 2001; Schembri, Johnston 2012).

Вдохновляясь исследованиями других жестовых языков, а также немногочисленными ранними исследованиями вариативности РЖЯ (Буркова, Варинова 2012), в 2020 году мы создали базу данных лексической вариативности в РЖЯ, которая находится в открытом доступе по следующему адресу: <https://rsl-research-explore.garagemca.org/>. Более подробно о ней можно прочитать на сайте (см. также ссылки на публикации на главной странице) и в статье Kimmelman *et al.* 2022. База данных содержит более 19 000 видеозаписей отдельных жестов (часто нескольких вариантов жеста) для более чем 100 понятий, относящихся к четырём лексическим зонам: обозначениям цветов, терминам родства, школьной лексике и числительным.

Для создания этой базы данных более 250 глухих и слабослышащих участников записали видео своих жестов для этих понятий на мобильные телефоны/веб-камеры, при помощи специально созданного сайта по сбору данных. Кроме того, участники заполнили социолингвистическую анкету, в которой указывали гендер, год рождения, города, где они проживали длительное время, школы, наличие глухих и слабослышащих родственников и возраст начала обучения РЖЯ. Как показывают исследования на материале других языков (Schembri, Johnston 2012), все эти социолингвистические характеристики мо-

гут оказывать влияние на вариативность. База данных не является сбалансированной: 65% участников составляют женщины, и медианный возраст участников — 27,5 лет. Тем не менее, благодаря её объёму, в ней представлена большая степень вариативности на разных уровнях.

В этой короткой работе мы опишем вариативность в жесте РЕБЁНОК. 208 участников исследований записали видео, которые содержат 303 отдельных жеста с этим значением. Анализ видео выявил 11 различных вариантов данного жеста. Примеры каждого из вариантов можно посмотреть на следующей странице: <https://osf.io/zwaks/>.

В упомянутой выше работе Kimmelman et al. 2022 мы показали, что многие жесты РЖЯ представлены сложными сетями вариантов. Мы визуализируем эти сети при помощи графов, где варианты, различающиеся лишь одним формальным компонентом (формой руки, локализацией, или движением) представлены в виде вершин, соединённых рёбрами. Если различается более одного компонента, вершины не соединяются. Рисунок 1 содержит такую сеть для жеста РЕБЁНОК.

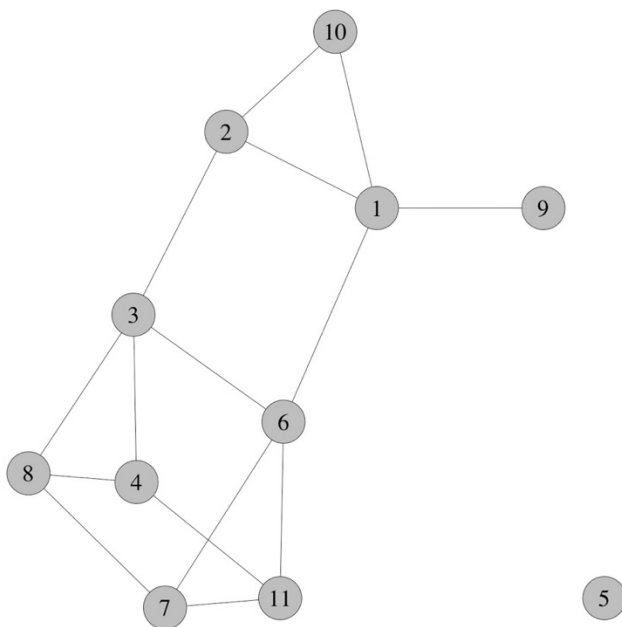

Рис. 1. Сеть вариантов жеста РЕБЁНОК

Можно увидеть, что все варианты, кроме одного (вариант 5) связаны с другими вариантами, то есть образуют связный граф. Многие варианты свя-

заны с тремя другими вариантами. Однако не все варианты одинаково частотны. Рисунок 2 содержит тот же граф, в котором размер вершин отражает частоту варианта.

5

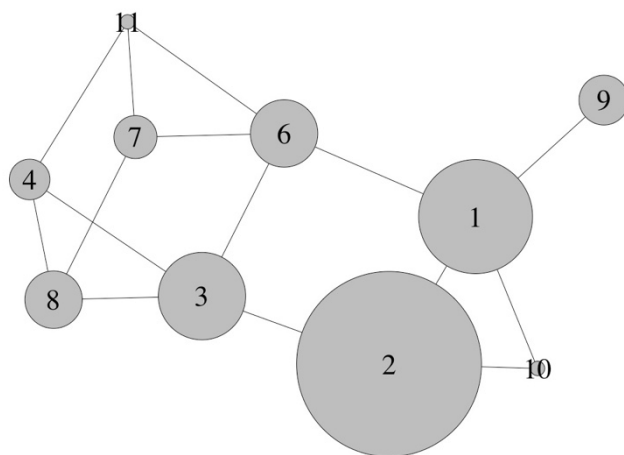

Рис. 2. Сеть вариантов жеста РЕБЁНОК с отражением частоты варианта

Здесь можно увидеть, что с большим отрывом наиболее частотным является вариант 2 (видео: <https://osf.io/rwyt7>). На втором месте вариант 1 (<https://osf.io/sg96u>), а на третьем месте вариант 3 (<https://osf.io/4chmv>). Варианты 10 и 11 встретились лишь по одному разу.

На примере этих вариантов также видно, что в разных вариантах используется разная иконичность, то есть понятие «ребёнок» изображается по-разному: в вариантах 1 и 2 рука говорящего изображает ребёнка, находящегося вертикально, а кисть изображает его голову (о чём ниже), а в варианте 3 изображается качание (баюканье) ребёнка на руках. Стоящий особняком вариант 5 показывает низкий рост ребёнка (<https://osf.io/bwxns>). В литературе предлагается относить варианты с разными моделями иконичности к разным лексемам (Ebling et al. 2015). Используя этот критерий, все варианты жеста РЕБЁНОК можно разделить на три лексемы как на рисунке 3.

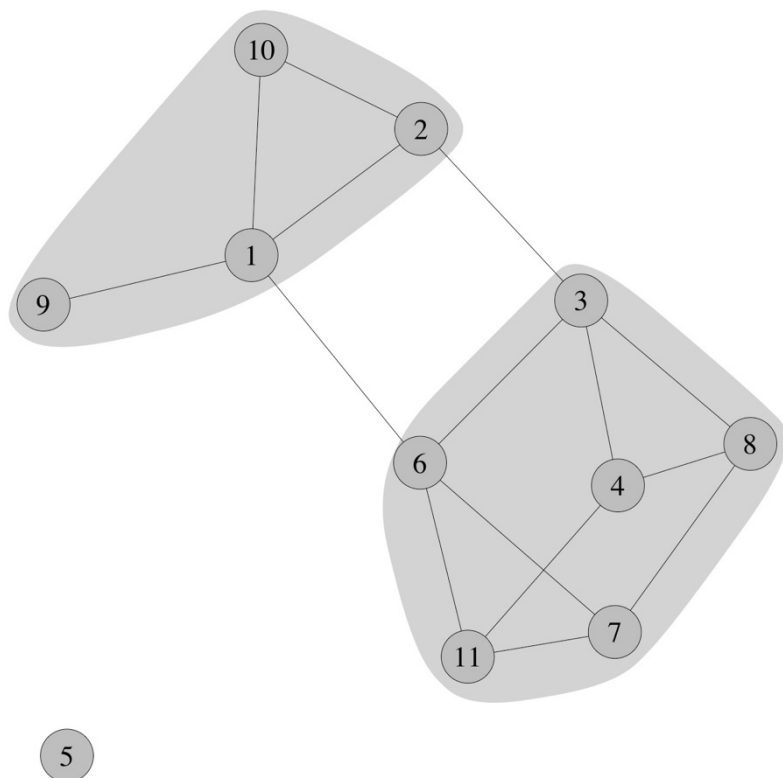

Рис. 3. Сеть вариантов жеста РЕБЁНОК с разделением на лексемы

Интересный с точки зрения социолингвистики случай представляет сравнение вариантов 1 и 2. Оба жеста создают один и тот же образ, и различаются лишь формой руки. Самый частый вариант 2 имеет форму руки, соответствующую букве Ы в русском дактильном алфавите, то есть с вытянутыми указательным пальцем и мизинцем. Форма руки в варианте 3 — буква Ф, согнутая ладонь.

Нам неизвестно, чем исторически мотивирована форма руки в варианте 2. Можно заметить использование этой формы в целом ряде жестов, где изображается голова: РЕБЁНОК, КУКЛА, РОЖАТЬ. Однако некоторые носители РЖЯ считают, что вариант 2 для жеста РЕБЁНОК неправильный, так как форма руки как бы изображает рога на голове ребёнка. В нашей базе данных целых два участника (133, 222) эксплицитно в своём видео указывают, что вариант 2 частотный, но неправильный, в связи с изображением рогов.

При этом, как видно из Рисунка 2, несмотря на эту народную этимологию, жест является доминирующим. Из 303 примеров вариантов в базе,

166 (55%) — вариант 2. Также, внутри второй лексемы (изображение баюканья ребёнка) варианта 3, 4 и 8, которые также содержат форму руки Б1, более частотны, чем их аналоги 6, 11 и 7 с формой руки Ф. Таким образом, негативное отношение некоторых носителей к форме руки Б1 в данном жесте не оказывает значительного влияния на её реальное употребление.

Мы также проанализировали, влияют ли социолингвистические факторы на выбор варианта жеста РЕБЁНОК. Анализ показал, что регион, возраст, гендер участника, а также наличие или отсутствие глухих родственников не являются статистически значимыми для выбора варианта. Можно заметить, что в Москве вариант 2 ещё более доминантен, чем в других регионах, однако этот же вариант является наиболее частым во всех регионах, хотя варианты 1 и 3 вне Москвы несколько более частотны, чем в Москве.

Итак, в данном мини-исследовании мы описали сеть вариантов жеста РЕБЁНОК в РЖЯ. Как и многие другие жесты в базе данных, этот жест показывает высокую степень вариативности, и требует тщательного анализа с точки зрения отношения между вариантами, вопроса о границах лексем, и социолингвистических аспектов варьирования. База данных содержит более 100 понятий, которые требуют анализа с точки зрения вариативности — на данный момент (март 2023 года) были проанализированы менее половины понятий. Мы надеемся, что база данных будет в дальнейшем использована и как ресурс для лингвистических исследований, и как демонстрация богатства и разнообразия русского жестового языка.

Л и т е р а т у р а

- Буркова С.И., Варинова О.А. 2012. К вопросу о территориальном и социальном варьировании русского жестового языка. В кн.: О. В. Федорова (ред.). *Русский жестовый язык. Первая лингвистическая конференция*. М.: Буки Веди, 127–143.
- Кибрик А.А. 2012. О важности лингвистического изучения русского жестового языка. В кн.: О.В. Федорова (ред.). *Русский жестовый язык. Первая лингвистическая конференция*. М.: Буки Веди, 5–13.
- Ebling S., Konrad R., Boyes-Braem P., Langer G. 2015. Factors to Consider When Making Lexical Comparisons of Sign Languages: Notes from an Ongoing Comparison of German Sign Language and Swiss German Sign Language. *Sign Language Studies*, v. 16, n. 1, 30–56.
- Kimmelman V., Komarova A., Luchkova L., Vinogradova V., Alekseeva O. 2022. Exploring networks of lexical variation in Russian Sign Language. *Frontiers in Psychology*, v. 12.
- Lucas C., Bayley R., Valli C. 2001. *Sociolinguistic variation in American Sign Language (The Sociolinguistics in Deaf Communities 7)*. Washington, D.C.: Gallaudet University Press.

- Sandler W., Lillo-Martin D. 2006. *Sign language and linguistic universals*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Schembri A., Johnston T. 2012. Sociolinguistic aspects of variation and change. In: R. Pfau, M. Steinbach, B. Woll (eds.). *Sign language: An international handbook*. Berlin: Mouton de Gruyter, 788–816.

ОСЛЫШКИ КАК ПОВОД ДЛЯ КОММУНИКАТИВНЫХ НЕУДАЧ

А. Мустайоки

Е.Ю. Протасова

Юбиляру, которому посвящен этот сборник, свойствен широкий интерес к самым разным языковым явлениям. Именно поэтому мы рискнули выбрать для поздравительной заметки тему, на которую пока мало обращали внимание в традиционной лингвистике, но которая является самой типичной помехой в любой человеческой коммуникации, — ослышки. *Ослышка* — это выражение, которое означает случайное недоразумение, ошибку или недопонимание, например, если человек услышал что-то не так и сделал неправильные выводы из услышанного.

Уже давно наукой доказано, что слушание является активным процессом. Звуковые сигналы, достигающие ушей реципиента, не трансформируются в текст сами по себе, а реципиент индивидуально досочиняет услышанное. Такое происходит вопреки нашим наивным представлениям об этом процессе. Мы убеждены, что сказанное говорящим переходит в наше сознание без помощи наших собственных усилий. Однако такое было бы невозможной задачей для мозга. То, что возможно, и то, что в действительности имеет место, это сравнение слышимой речи с языковыми образцами (словами, конструкциями, формами), которые уже наличествуют в сознании реципиента.

В самом деле, наш мозг не только сравнивает услышанное с тем, что ему знакомо, но и старается прогнозировать, что будет сказано дальше. Если рядовой носитель русского языка распознает из уст говорящего «Петя отдыхал летом в Ту...», его мозг автоматически добавляет конец фразы, и носитель сознания думает, что слышал «Турции» или «Туде». Если же говорящий завершает фразу «Тунисе», у мозга два возможных хода: он или корректирует «услышанное» и «слышит» на самом деле правильное слово или же остается при неправильном толковании — случай, который наблюдателем за ситуацией характеризуется как ослышка (ср. Мустайоки 2015).

На основе сказанного можно сделать вывод, что человеческий мозг работает плохо. Это верно с точки зрения отдельного случая, но в целом активное участие реципиента в процессе восприятия и прогнозирование дальнейших

ходов речи имеет очевидные преимущества. Особенно важны две полезные опции. Одна заключается в том, что сочинение и прогнозирование того, что мы слышим, позволяет реципиенту выиграть время в процессе разговора, который происходит, как правило, в весьма быстром темпе. Используя эту тактику, реципиент выигрывает больше времени (практически это несколько микросекунд) для планирования своих собственных реплик (см. Mustajoki 2021 и литературу там).

Другая польза от активного участия реципиента в процессе слушания — это возможность понимать речь в неидеальных условиях. В ежедневном общении реципиент нередко не идентифицирует все сказанное из-за дистанции между собеседниками, шума или неадекватного сосредоточения на восприятии речи. Из-за этого он должен построить речь из отдельных ее кусочков. Например, вполне вероятно, что реципиент по-настоящему слышит только «Пе... отд.. в Т...». На основе обрывков он способен, опираясь на свою языковую компетенцию и опыт того, что говорящий обычно говорит в таких случаях коммуникации, реконструировать нужную фразу «Петя отдыхал в Турции» (Mustajoki, Vaikulova 2020).

Ослышки, мондегрини, сорамими и под. интерпретируются как проявления существования иного мира — подсознания (Ефимова 2015, 2018). Они особенно часто встречаются у дошкольников (Круглякова 2007), при восприятии песен (Beck et al. 2014, конкретные примеры см. 18 странных фраз), могут быть основой появления ошибок на письме (Северская 2022) и способом изучения иностранного языка (Панченко 2015), хотя гул, беспокойство и недостаточно хорошее владение иным языком препятствуют адекватной идентификации сообщения (Schering et al. 2022). На ослышки влияет не только слуховая чуткость (Meyer, Ptok 2011), но также кругозор, образование, словарный запас и развитость ассоциативной компетенции адресата сообщения. Ослышки являются нормальным явлением коммуникации на любом языке. Их можно считать побочным эффектом рационального восприятия речи (Van Os et al. 2021).

После этого краткого введения в тему рассмотрим, какие недоразумения и другие коммуникативные неудачи вызываются ослышками. Источником первой части анализа служит публикация (16 человек и 17 человек) на сайте adme.ru, одном из самых популярных в российском Интернете, занимающемся подборкой высказываний по определенным темам. Трудно определить, насколько можно доверять пользователям в сфере точности передачи разговорной речи, но очевидно, что если упоминаемые случаи имели место, то именно их необычность и юмористический эффект послужили поводом для запечатления истории в письменной форме и дальнейшей передачи по социальным сетям.

Когда предлагают сделать «Фото с шиншилой» (пушистый серый зверек у молодого человека в руках), а адресату сообщения слышится: «Кот очень вшивый», то он не знает, как реагировать, потому что контекст не подсказывает ни одного адекватного действия: по позе потенциального фотографа адресат предполагает, что его приглашают погладить животное, но почему именно это нужно делать — пожалеть или поддержать финансово — не считается. Вероятно, ослышавшийся боится заразиться чем-нибудь на курорте и ждет, что случится плохое. Если пожилой человек спрашивает, куда подвезти, и слышит от дочери «До пирожковой» вместо «До первой школы», возможно, он голоден или недавно был в какой-то пирожковой.

Поступающая в театральный институт девушка слышит вместо «Вы читаете?» (подготовленное стихотворение/басню) «Вы чихаете?» и отвечает: «Нет», после чего не поступает. Причиной сбоя является, вероятно, напряжение, неуверенность в себе и отсутствие вопросительного слова «что» в начале вопроса. Наоборот, когда студентка слышит «Кто хочет четыре, несите зачетки» вместо «Кто в положении — несите зачетки», ей удается «на халяву» сдать экзамен.

Вместо «пруд с утками» свидетельница слышит «прут сутками» (т. е. постоянно воруют). В ложном членении ощущается тревога перед возможным ужасным происшествием. Вместо: «Вот, блин, шпатлевка старая...» заказчица ремонта возмущается: «Кто подлюка старая, это я — подлюка старая?!», поскольку переживает, что сама не может справиться с проблемой.

Обычные примеры — когда ребенок неверно членит состав предложения, скажем, «Стали жить-поживать и добра наживать», ему интересно, «кто такой Добран и почему его все жуют». Когда мама говорит «исподтишка», дочка спрашивает, что такое *тижок*. Выражение «Баранки гну» отождествляется как «баран Тигну», «беречь как зеницу ока» — как «Беречь как Зенит (дед) Суока (пса)», «довести до белого каления» — как рассказ о коленях, «Когда я ем, я глухинею» — как именительный или творительный падеж непонятного слова. Примеры детских недопониманий долго сохраняются в семье.

Молодой человек по имени Жанат, здороваясь с парнем одноклассницы за руку, называет свое имя, на что тот отвечает: «Не женат», и в результате возникает непонимание, сменяющееся смехом. Безусловно, важно то, в каких отношениях каждый из мужчин состоит с девушкой.

Настраиваясь на общение с детьми, женщина просит дать ей мороженое с орехами, продавец уточняет: «С грецкими?», а ей мерещится «С детскими?», и она отвечает: «Почему с детскими? Со взрослыми». Повышенная бдительность граждан выражается в том, что женщине слышится не «Евочка» (обращение матери к дочери), а «девочка», и она предполагает, что те не знакомы. Соседу кажется, что каждое утро девушка зовет: «Вова!», в то время как она обращается к своей собаке: «Лола!».

Идущий по улице рядом с владелицей собаки слышит не «Яша, стой!», с которым она обращается к животному, а «Я — шестой», на что отвечает: «Я первый», вызывая ступор у хозяйки. В такси, где играет музыка, пассажирке слышится не «Ремень накиньте!», а «Иннокентий», и ей кажется, что водитель хочет с ней познакомиться, и она называет ему свое имя. В комментариях пользователи добавляют свои ослышки: вместо «самса» — «семьсот», вместо «Ирод» — «урод», вместо «сто шагов назад» — «Стоша Говназад», «Я мух и ем» вместо «Я глух и нем». Молодой человек предлагает: «Чайку дерябнем?», а девушка слышит: «Чайку, деревня?» и обижается. Приводится много случаев, когда кажется, что употреблена обценная лексика.

Наивный человек может путать значения и неверно проводить границы слова, что чревато множеством неловкостей. Не знающий имени и фамилии писателя библиотекарь записывает «Эд Гарипо» вместо Эдгар По, в книжном магазине продавец, которого спросили, есть ли Харуки Мураками, уточняет: «Хрупкими руками?». Вместо Джотто ди Бондоне ученица конспектирует Джотто Дибан Доне, по литературе проходят произведение «Старуха из Ир-ги» вместо «Старуха Изергиль», «Вечера на хуторе близдик Аньки», не «Тристан и Изольда», а «Тристан изо льда», и оперный цикл не «Кольцо нибелунга», а «кальсоны белуги».

Ошибочное понимание или неправильное восприятие слова или выражения могут быть вызваны различными факторами, такими как шум, недостаточное внимание, непонимание иного языка или невозможность переключиться на то, что кто-то обращается на ином языке, моментальное забывание плохо идентифицированного высказывания и т. д. При изучении английского языка слабый ученик не понимает слова *begin* (он должен начать читать текст, а вместо этого спрашивает: «Куда?»), потому что слышит: «Беги»). Есть и другие примеры на путаницу в восприятии, связанную с межъязыковой интерференцией (15 человек).

На продвинутом этапе коммуникативные неудачи могут возникать из-за несоответствия значений заимствованных слов в разных языках, как в нижеприведенном примере, где смысл латинского слова развился в разных направлениях в английском и испанском: у одной англоговорящей дамы был роман с испанцем, которому она хотела сказать: «Я так смущена», но не могла вспомнить, как это будет по-испански, поэтому скалькировала английскую фразу *I'm so embarrassed* (*Estoy embarazada*), что по-испански значит «я беременна». Собеседник не ожидал такого развития событий и не догадался сравнить значения в разных языках.

В сознании билингва сосуществуют и конкурируют системы двух языков, являясь источником *quiproquo*. По-английски *semester* означает полуго-

дие работы или учебы, а по-шведски каникулы, поэтому, слушая английский текст, нелегко понять, как каникулы могут быть тяжелыми. Ребенок, в детстве говоривший по-русски, усвоил в качестве первого слово «дай», но в англоязычном окружении все слышали Die! Die! Die! («умри»). Владеющий французским языком смеется всегда, когда слышит имя Питер (по-французски «пукнуть»).

Незнание языков не мешает обобщать и строить догадки о значении слов. Так, в Казахстане работал вместе с турецкими коллегами сотрудник по имени Геннадий, а Günaudin по-турецки «доброе утро». Турки не могли разобраться, почему все желают доброго утра только одному человеку и в любое время суток.

Тот, кому понравилась итальянская песня, спрашивает, что означает Parla più piano. Слышит в ответ: «Говори тише», после чего задает тот же вопрос еще раз, но уже шепотом, не чувствуя, что уже получил на него ответ.

Общим для всех рассмотренных случаев является то, что они рассказываются чаще всего как забавные былички, которые должны рассмешить собеседника. Фразы, вызвавшие недоразумение, или их замены потом становятся анекдотами. Когда не учитываются возможные расхождения между сказанным и услышанным, намерением и результатом восприятия, игнорируются культурные различия и социальные нормы, влияющие на использование и интерпретацию языка, вполне доверительное и нейтральное общение может восприниматься как грубое или агрессивное.

Искажение слухового восприятия — это процесс, при котором наш мозг меняет восприятие реальности, приводя к альтернативному пониманию внешнего мира. Такие искажения могут происходить по разным причинам, включая физиологические особенности, наши представления и ожидания, культурные факторы, а также нашу эмоциональную и психологическую составляющую. При недостаточном внимании мы упускаем из виду некоторые детали, из-за чего наше восприятие становится неполным; сказывается также эффект ожидания, когда мы подготовились к таким ситуациям и событиям, которые на самом деле не случились.

Недопонимание между двумя языками может возникнуть, когда существуют различия в языковой структуре, алфавите, словарном запасе, грамматике, синтаксисе или культурном контексте. Одной из распространенных проблем является ситуация, когда слова или фразы на одном языке имеют несколько значений или коннотаций, которых нет в другом языке, а также тон голоса, невербальные сигналы и региональные диалекты. Это может привести к путанице, непониманию или даже обиде. Важно задавать вопросы, чтобы прояснить интерпретации.

Литература

- 15 человек, у которых не получилось с первого раза взять языковой барьер. comfortzone.club/ulibnutsa-umor/15-chelovek-u-kotoryh-ne-poluchilos-s-pervogo-raza-vzyat-yazykovej-barer-8929/?utm_source=tsp_pages&utm_medium=fb_organic&utm_campaign=fb_gr_lyublu_nauku&fbclid=IwAR2Cfydn7g-LLz8oua2IfZYIzAvi5DxhsYBcCyfxHUKX5-8udB1BRx789Tg
- 16 человек, чей разговор повернул не туда лишь из-за одной ослышки. adme.media/svoboda-narodnoe-tvorchestvo/16-chelovek-chej-razgovor-povernul-ne-tuda-lish-iz-za-odnoj-oslyshki-zato-est-chno-vspomnit-2519342/?utm_source=tsp_pages&utm_medium=fb_organic&utm_campaign=fb_gr_adme&fbclid=IwAR0s3w7Ju4Q4-5TtXLAuj4gEqxNFviWbfdac8GlfywgPgQH7kZ-BGKioDLM
- 17 человек, разговор с которыми повернул не в то русло из-за одной ослышки. adme.media/svoboda-narodnoe-tvorchestvo/17-chelovek-razgovor-s-kotorymi-povernul-ne-v-to-ruslo-iz-za-odnoj-oslyshki-2514992/
- 18 странных фраз, которые слышались нам в песнях вместо нормальных слов. adme.media/tvorchestvo-muzyka/18-strannyh-fraz-kotorye-slyshalis-nam-v-pesnyah-vmesto-normalnyh-slov-2024565/
- Ефимова Н.Н. 2015. Возможные миры ослышки. *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. № 21 (732). С. 36–48.
- Ефимова Н.Н. 2018. Lapsus auris: кайрос убегающих звуков. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. № 3. С. 17–23.
- Круглякова Т.А. 2007. Ослышки дошкольников в процессе восприятия стихотворений. *Логопед в детском саду*. № 5 (20). С. 39–44.
- Мустайоки А. 2015. Коммуникативные неудачи сквозь призму потребностей говорящего. *Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика* / А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев. М.: Языки славянской культуры, 543–559.
- Панченко И.В. 2015. Ослышки как способ формирования положительной мотивации при изучении иностранного языка. *Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты*. № 30. С. 90–94.
- Северская О.И. 2022. Денотативный и сингнификативный компоненты паронимической аттракции. *Верхневолжский филологический вестник*. № 2 (29). С. 89–98.
- Beck C., Kardatzki B., Ethofer T., Paterson K. 2014. Mondegreens and Soramimi as a method to induce misperceptions of speech content--influence of familiarity, wittiness, and language competence // *PLoS one*, Vol. 9, No. 1, art. e84667.
- Meyer S., Ptok M. 2011. A phenomenon called Mondegreen. *HNO*, Vol. 59, No. 9, p. 926–930.
- Mustajoki A., Baikulova A. 2020. The risks of misunderstandings in family discourse: home as a special space of interaction. *Language and Dialogue*, Vol. 10, No. 3, p. 340–368.

- Mustajoki A., Baikulova A. 2022. Avoidance of cognitive efforts as a risk factor in interaction. *Discourse Studies*, Vol. 24, No. 3, p. 269–290.
- Scherling J., Kornder L., Kelly N. 2022. Perception and reinterpretation of English song lyrics by native speakers of Japanese: a case study of samples from the TV-show Soramimi-Hour. *Frontiers in Communication*, Vol. 7, art. 780279.
- Van Os M., Kray J., Demberg V. 2021. Mishearing as a side effect of rational language comprehension in noise. *Frontiers in Psychology* 12:679278. doi: 10.3389/fpsyg.2021.679278

ATTENTION AND SYNTAX IN SENTENCE PRODUCTION: A MINI-REVIEW

Andriy Myachykov

Northumbria University Newcastle
andriy.myachykov@northumbria.ac.uk

The relationship between language and cognition is fundamental to evolutionary, developmental, and functional theories of human language function. Understanding the interface between attention and language is a specific area of interest within this broad research program. Attention refers to the process of selectively focusing on certain aspects of the environment while ignoring others. Understanding of the attention-language interface relies on a well-developed theoretical and empirical analysis of the mapping mechanisms between the specific component systems of the overall attentional network (e.g., alerting, orienting, and executive control) and the corresponding aspects of language organization and/or linguistic performance influenced and constrained by them.

Existing literature provides ample evidence for the crucial role of attention in the organization of language faculty (Jackendoff 2002; Langacker 2000; Talmy 2008), referential (Chafe 1994; Givon 1992; Kibrik 2011), grammatical (Myachykov et al. 2018, for a review) organization of spoken sentences, and speaker-hearer coordination (Crocker et al. 2010). Both theoretical and empirical studies converge on a very important conclusion – a comprehensive «linguistic theory of attention» needs to account for the fundamental organization of the attentional system, including its cognitive, behavioral, and architectural factors. Investigations of the language-attention interface typically follow one of the two theoretical routes: (1) “from attention to language” (e.g., Myachykov et al. 2012) and “from language to attention” (e.g., Langacker 2000; Talmy 2008). Here, I will offer a very brief overview of the research in the former tradition.

The attention-to-language tradition is firmly grounded in a detailed analysis of the attentional system and its distinct processes including visual orienting as well as endogenous and exogenous attentional shifts (Posner 1980). It also underscores co-development of the attentional and the linguistic systems of the human brain (e.g., Mandler 1992) with the specific foci on the role of attentional amplification at the early stages of language development (Carpenter et al. 1998; Tomasello and Farrar 1986) as well as the role of joint attention in determining the success of

early language acquisition (Baldwin 1995; Dominey and Dodane 2004). Understanding the role of the attentional system as a scaffold for language development (de Diego-Balaguer et al. 2016) allows to hypothesize the existence of regular linguistic counterparts of attentional processes in adult language use and design psycholinguistic experiments that register coactivation of attentional and linguistic processes in visually situated speech production and comprehension contexts.

One aspect of the attention-language interface is the process of selecting and prioritizing certain elements of the described event in the configuration of spoken sentences. As above, several theories propose that attention is closely linked to the grammatical structure whereby grammar is viewed as a set of rules that govern how linguistic elements are organized and combined to convey both lexical-semantic and referential meanings. For example, the choice between syntactic alternatives can be influenced by the speaker's attentional focus. In English, if the speaker wants to highlight the agent and background the patient, they may select the active voice frame for a spoken sentence describing a transitive interaction between them. Conversely, if they want to emphasize the patient and background the agent, they may choose to use the passive voice frame. The foundational research in this area was conducted by Russell Tomlin who focused on the role of attention in the grammatical organization of spoken sentences. In his several papers (Tomlin 1995, 1997), Tomlin demonstrated that visually salient referents tend to occupy prominent syntactic roles, e.g., the sentential Subject. In the original study participants observed and described an unfolding interaction between two fish ending by one fish eating the other. An explicit visual cue accompanied either the agent or the patient fish throughout the trial. The grammatical voice of the participants' descriptions of the target event (one fish eating the other) varied reliably as a function of the cue direction in such a way that the cued referent was consistently mapped on the Subject slot thus triggering the choice between an active- and a passive-voice frames. In other words, attentional cueing of a referent (either the Agent or the Patient) resulted in the assignment of the Subject-role to this referent and triggered the resulting choice between active and passive voice.

Studies that followed used updated versions of the **perceptual priming** paradigm developed by Tomlin. These newer studies targeted languages other than English (Hwang, Kaiser 2015; Myachykov and Tomlin 2008; Myachykov et al. 2010; Pokhoday et al. 2019) as well as structural frames other than active vs passive (e.g. Gleitman et al. 2007; Montag and MacDonald 2014). Some of these studies also investigated how perceptual priming of syntactic choice interacts with the well-documented lexical and syntactic priming effects (Myachykov et al. 2012). Several important findings can be summarized. First, the speaker's attentional focus on the described scene's elements is a reliable predictor of the choice between syntactic alternatives felicitously describing the perceived event. Second, this ten-

dency is not limited to transitive sentence frames and to a subset of languages with strictly incremental and analytical syntactic organization. Third, perceptual primes are potent enough to determine syntactic choice alongside linguistic predictors, such lexical and syntactic primes within a parallel and highly interactive production system. Fourth, languages that prefer word order rather than syntactic alternation in mapping the pragmatic structures onto sentential ones tend to rely on the former mechanism in order to represent the speaker's attentional focus in sentential configuration. For example, the speaker may use a fronted constituent to highlight its importance in the message. At the same time, this choice between **positional** and **grammatical-role** assignment mechanisms is likely to represent a continuum whose exact balance varies from language to language (Myachykov et al. 2018). Fifth, some studies using perceptual priming paradigm indicate that the speaker's attentional focus and the relative degree of the memorial activation of the referential information (**conceptual accessibility**) play different roles in the sentence production process: While these two priming effects (conceptual accessibility and perceptual priming) may be confounded, attentional focus predicts the syntactic choice and word order to a higher degree while conceptual accessibility determines the speed, with which the sentence is produced measured as sentence and individual constituents' onset latencies (Myachykov et al. 2018). Sixth, the speaker's attentional focus needs to be modelled alongside and in combination with other non-linguistic predictors of syntactic choice including event orientation (Esaulova et al. 2020; Pokhoday et al. 2019) and referential configuration (Schlenter and Penke 2022).

Overall, existing literature elucidates both the validity of the attentional factors in their capacity to bias syntactic choice and constituent linearization as well as the dynamic and interactive nature of this interface system supporting a constant interplay between non-linguistic and linguistic determiners of the speaker's syntactic choices. At the same time, further research is necessary to investigate in detail both the architectural and the chronometric properties of an interactive sentence generation system where the final product – the sentential configuration – reflects an integral sum of both linguistic and non-linguistic forces. Some of the most important questions are the following. First, it remains largely unclear how other general cognitive processes including memory and affect interplay with the purely perceptual and attentional processes in their ability to affect sentence organization. Second, a vast majority of existing studies continue to use English as their target language with just few studies using languages other than English. As a result, it remains unclear whether our current understanding of the attention-grammar interface is relatively universal or largely determined by the idiosyncrasies of the individual language's grammatical systems. Third, while the studies within the research programme briefly reviewed above have firmly placed attention among the important determinants of syntactic choice, (1) the exact chronometry and (2) the

underlying neurocognitive foundations of the interface remain uncertain. Future studies will help to advance these and other relevant research questions.

In conclusion, the interplay between attention and syntax highlights the close relationship between language, cognition, and communication. By studying how attention and syntax interact in different contexts and across different languages, researchers can gain valuable insights into the nature of language processing and how it is shaped by cognitive factors.

References

- Baldwin D.A. 1995. Understanding the link between joint attention and language. In: C. Moore, P.J. Dunham (eds.). *Joint Attention: Its Origins and Role in Development*. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 131–158.
- Carpenter M., Nagell K., Tomasello M., Butterworth G., Moore C. 1998. Social cognition, joint attention, and communicative competence from 9 to 15 months of age. *Monographs of the Society for Research in Child Development*, 63(4), 1–174.
- Chafe W. 1994. *Discourse, consciousness, and time*. Chicago: University of Chicago Press.
- Crocker M.W., Knoeferle P., Mayberry M.R. 2010. Situated sentence processing: The coordinated interplay account and a neurobehavioral model. *Brain and language*, 112(3), 189–201.
- de Diego-Balaguer R., Martinez-Alvarez A., Pons F. 2016. Temporal attention as a scaffold for language development. *Frontiers in psychology*, 7, 44.
- Dominey P., Dodane C. 2004. Indeterminacy in language acquisition: The role of child-directed speech and joint attention. *Journal of Neurolinguistics*, 17, 121–145.
- Esaulova Y., Penke M., Dolscheid S. 2020. Referent cueing, position, and animacy as accessibility factors in visually situated sentence production. *Frontiers in Psychology*, 11, 2111.
- Givón T. 1992. The grammar of referential coherence as mental processing instructions. *Linguistics*, 30, 5–55.
- Gleitman L.R., January D., Nappa R., Trueswell J.C. 2007. On the give and take between event apprehension and utterance formulation. *Journal of memory and language*, 57(4), 544–569.
- Hwang H., Kaiser E. 2015. Accessibility effects on production vary cross-linguistically: Evidence from English and Korean. *Journal of Memory and Language*, 84, 190–204.
- Jackendoff R. 2002. *Foundations of Language: Brain, Meaning, Grammar, Evolution*. New York, NY: Oxford University Press.
- Kibrik A.A. 2011. *Reference in discourse*. Oxford: Oxford University Press.
- Langacker R.W. 2000. *Grammar and conceptualization*. Berlin: Walter de Gruyter.
- Mandler J.M. 1992. How to build a baby: II. Conceptual primitives. *Psychological Review*, 99(4), 587.

- Montag J.L., MacDonald M.C. 2014. Visual salience modulates structure choice in relative clause production. *Language and speech*, 57(2), 163–180.
- Myachykov A., Tomlin R.S. 2008. Perceptual priming and structural choice in Russian sentence production. *Journal of Cognitive Science*, 6(1), 31–48.
- Myachykov A., Garrod S., Scheepers C. 2010. Perceptual priming of structural choice during English and Finnish sentence production. In: *Language and cognition: State of the art*. Munich: Lincom Europa, 54–72.
- Myachykov A., Garrod S., Scheepers C. 2012. Determinants of structural choice in visually situated sentence production. *Acta Psychologica*, 141(3), 304–315.
- Myachykov A., Pokhoday M., Tomlin R. 2018. Attention and structural choice in sentence production. In: S.-A. Rueschemeyer, G. Gaskell. (eds.). *Oxford Handbook of Psycholinguistics*. Oxford: Oxford University Press, 529–547.
- Pokhoday M., Shtyrov Y., Myachykov A. 2019. Effects of visual priming and event orientation on word order choice in Russian sentence production. *Frontiers in Psychology*, 10, 1661.
- Posner M.I. 1980. Orienting of attention. *Quarterly journal of experimental psychology*, 32(1), 3–25.
- Schlechter J., Penke M., 2022. How Visual properties affect the perception and description of transitive events. *Glossa Psycholinguistics*, 1(1): 5, 1–29.
- Talmy L. 2008. Aspects of attention in language. In: *Handbook of cognitive linguistics and second language acquisition*. New York and London: Routledge, 37–48.
- Tomasello M., Farrar M.J., 1986. Joint attention and early language. *Child development*, 57(6), 1454–1463.
- Tomlin R. 1995. Focal attention, voice, and word order: An experimental, cross-linguistic study. In: P. Downing, M. Noonan (eds.) *Word order in discourse*. Amsterdam: Benjamins, 517–554.
- Tomlin R. 1997. Mapping conceptual representations into linguistic representations: The role of attention in grammar. In: J. Nuyts, E. Pederson. (eds.). *Language and Conceptualization*. Cambridge: Cambridge University Press, 162–189.

ФОКАЛЬНАЯ СТРУКТУРА КАТЕГОРИИ ПОДЧИНТЕЛЬНЫХ СОЮЗОВ В ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ

Д.Б. Никуличева

Институт языкознания РАН
nikoulitcheva@yandex.ru

Импульсом для написания данной статьи послужил доклад Андрея Александровича Кибрика «The challenge of non-discreteness: focal structure in language» (Kibrik 2012), прочитанный им на конференции Европейского лингвистического общества. На основании примеров из фонологии, морфологии и синтаксиса автор выдвигал гипотезу о том, что «человеческое мышление оперирует фокальной структурой, состоящей из фокальных точек, удаленных от них элементов и гибридов» и обосновывал необходимость «создать теорию фокальной структуры и основанную на ней методологию описания, подходящую для разных языковых явлений». Дискретные языковые структуры, построенные на жестких оппозициях, противопоставлялись в докладе А.А. Кибрика фокальным структурам, в которых между **фокальными точками** могут располагаться **удаленные и гибридные репрезентации**. Именно фокальные структуры он считает отличительным признаком языковых и когнитивных явлений (Kibrik 2012: 24).

Указанный подход основан на теории прототипов Э. Рош, первой отметившей, что многие естественные лексические категории имеют прототипических представителей, которые точнее, нежели другие представители этой категории, соответствуют основным ее признакам (Rosh 1975). Другим теоретическим источником является идея Джорджа Лакоффа о радиальных категориях (Lakoff 1987), предполагающих различную удаленность разных членов категории от ее ядра. В качестве аналогии фокальным языковым структурам, А.А. Кибрик указывал на организацию нейронных структур мозга с синапсами между аксонами нервных клеток (Kibrik 2012: 25).

Предлагаемая статья посвящена попытке применить теорию фокальной организации языковых явлений к грамматической системе датского языка. Предметом обсуждения будет выражение смысловых отношений посредством датских временных, определительных и причинных союзов.

При всей специфике каждой из указанных групп служебных слов можно отметить ряд их общих свойств:

1. Структурная и функциональная неоднородность членов синонимического ряда.
2. Наличие функционального ядра, представленного основной бинарной оппозицией
3. Асимметричное распределение функций союзов в рамках указанной оппозиции.
4. Когнитивная обусловленность отмеченного асимметричного распределения базовым для датской грамматики противопоставлением пережитой реальности всем типам ментального конструирования.

Структурная и функциональная неоднородность членов синонимического ряда

Обращение к словарю синонимов и грамматикам современного датского языка дает представление о неоднородности синонимических рядов для каждого из рассматриваемых типов союзов.

Для выражения **определятельных** отношений используется широкий спектр союзных слов — относительных местоимений, вводящих придаточные относительные (*relativsætninger*). Союзные слова различаются по их референциальным свойствам и по синтаксической функции в рамках придаточного предложения, так, *hvad*, *hvem*, *hvis* выступают в функции объекта, *som* — как в функции объекта, так и в функции субъекта, а *der* — только в функции субъекта придаточного предложения.

В качестве основных **временных** союзов в грамматиках приводятся союз *da* как вводящий однократные действия и *når* как союз, вводящий повторяющиеся действия или действия в будущем. Обращает на себя внимание, что в датском словаре синонимов *når* и *da* не указываются как синонимичные друг другу, хотя по смыслу им соответствует одно и то же союзное слово *когда* в русском языке.

Наиболее широко представлен синонимический ряд **причинных** союзов. Датский словарь синонимов приводит множество союзных слов и предложных сочетаний, семантика которых указывает на разные семантические типы обоснований: причину, бенефактивность, вину, посредничество и др. Здесь же приводятся и собственно причинные союзы: *fordi*, *eftersom*, *idet*, *siden*, *da* (Karker 1995: 91).

Так же, как и в случае временных союзов, обращает на себя внимание то, что в качестве синонимов не указываются некоторые союзы схожей семантики, а именно, аргументирующие союзы *for* и *thi*. Особенность *for* и *thi* состоит

в том, что вводимая ими причинная клауза структурно представляет собой независимое предложение. В датском языке это проявляется в иной позиции сентенциальных наречий, например, позиции отрицания.

Как видим, даже столь краткое рассмотрение синонимических групп дает представление о гетерогенности категории подчинительных союзов. Применение теории фокальных структур позволяет упорядочить структуру категории, установив когнитивную логику выделения ее прототипических членов.

Наличие функционального ядра, представленного противопоставлением двух прототипических союзов

Среди всей совокупности подчинительных союзов датские исследователи выделяют пары основных союзов и сравнивают их функционирование. Так, сопоставляются временные союзы *da* и *når* в экспликативных и имплицативных придаточных предложениях (Hansen, Heltoft 2011: 1498, 1532); определительные союзы *der* и *som* в субъектной позиции придаточных относительных (Durst-Andersen 2007); причинные союзы *fordi* и *for* в каузирующих клаузах (Therkelsen 2003).

Прототипический характер этих союзов определяется наибольшей частотностью их употребления, их структурной простотой и отсутствием дополнительных значений. Например, временные союзы *da* и *når* служат лишь указанием на локализацию во времени, тогда как другие союзы темпоральной семантики привносят дополнительные аспектуальные и таксисные характеристики действия, выраженного придаточным предложением.

Гипотеза, обсуждаемая в данной статье, состоит в том, чтобы показать, что такая многозначность носит закономерный характер и связана с антропоцентрированной идеей эпистемической ответственности говорящего за объективный/субъективный/конкретный/обобщенный статус информации, которую он адресует реципиенту.

Асимметричное распределение функций союзов в рамках фокальной оппозиции

Для временных союзов функциональная асимметричность проявляется в оппозиции союза *da*, локализирующего единичное событие в прошлом, и союза *når*, локализирующего событие в настоящем и будущем, а также вневременное или повторяющееся событие в настоящем, будущем и прошлом:

- (1) *Da han kom hjem, var hun gået.*
 Conj Sb₁ **приходить-Præet** LocAdv, Sb₂ **уходить-Plqp**
 ‘Когда (da) он пришел домой, она уже ушла’

- (2) *Når vi får bedre tid, skal vi til Italien.*
 Conj Sb получать-FutPræs Obj, FutPræs Sb PræpLoc
 ‘Когда (når) время позволит, мы поедем в Италию’.
- (3) *Når solen går ned, så bliver det koldt*
 Conj Sb заходить-Præs, тогда становится-Præs ImpersSb Adj
 ‘Когда (når) солнце заходит, становится холодно’.

Вопреки общему правилу, союз *når* способен вводить и придаточное предложение, обозначающее **единичное событие в прошлом** в тех случаях, когда говорящий воспроизводит эффект **непосредственного наблюдения события в момент речи** и за счет этого приближает событие к реципиенту:

- (4) *At elske var at tilgive, nu, når jeg holdt om hende*
 Inf бытьPræt Inf Adv Conj Sb обнимать-Præt PrepObj
 ‘Любить — значило прощать, сейчас, когда (når) я обнимал ее’.

Другим вариантом субъективизации события, вводимого союзом *når*, являются футуральные контексты. Использование *når* указывает, что пропозиция, вводимая придаточным, является еще не реальным фактом, а конструктом говорящего. Поэтому закономерно, что даже единичное событие в прошлом — в случае его гипотетичности — предстает не как имевшее место в реальности (о чем свидетельствовало бы использование *da*), а как **ментальный конструкт говорящего**, вводимый союзом *når*. Так в примере (5) героиня, заблудившись, размышляет, что ей следовало бы еще прежде выписаться из гостиницы, тогда она могла бы, когда бы утомилась, найти новую:

- (5) *Når jeg ... ikke kunne mere,*
 Conj Sb Neg мочь-Præt
kunne jeg have slæbt mig til et nyt hotel
 мочь-Præt я тащиться-Perflnf PrepObj
 ‘Когда (når) я уже не могла бы идти дальше, я могла бы дотащиться до новой гостиницы’.

Значение *når* как гипотетического ‘когда’ в подобных примерах приближается к значению условного союза *hvis* ‘если’. Гипотетическое предположение говорящего служит типичной позицией нейтрализации, где возникают «гибридные репрезентации» в терминологии А.А. Кибрика. Ср. рус. *Если б я могла* и *Когда б я могла*.

Если принять гипотезу фокальной структуры языковых явлений, то становится понятно, что генерализирующая семантика союза *når* представляет собой закономерную «удаленную репрезентацию», соотнесенную с процессами ментального конструирования.

В одной «фокальной точке» оказывается темпоральный союз *da*, отсылающий к **пережитой реальности**, в другой — союз *når*, отсылающий к **конструируемой реальности**. Прототипический характер такой союзной оппозиции, подтверждается и противопоставленностью предлогов (*i mandags* ‘в прошлый понедельник’ — *på mandag* ‘в будущий понедельник’, *i sommer* ‘прошлым летом’ — *til sommer* ‘следующим летом’ и др.).

Подчеркнем, что речь идет не о противопоставлении прошлого и будущего как такового, а о противопоставлении объективного факта и когнитивного конструирования ситуации говорящим. Именно поэтому, когда события объективного прошлого подвергаются генерализации, они вводятся уже не союзом *da*, а союзом *når*. Ср. указание на однократное событие (6) и на обобщенное представление ситуации (7), различающиеся только союзом:

(6) *Da jeg igen indtog min position i regnen,*
 Conj Sb₁ Adv занять-Præt позиция PrepObj₁,
gik hunden i ly
 идти-Præt Sb₂ PrepObj₂
 ‘Когда (**da**) я снова **вышла** на дождь, собака **спряталась** в укрытие’.

(7) *Når jeg igen indtog min position i regnen,*
 Conj я Adv занять-Præt позиция PrepObj₁,
gik hunden i ly
 идти-Præt Sb₂ PrepObj₂
 ‘Когда (**når**) я снова **выходила** на дождь, собака **пряталась** в укрытие’.

Оформление повторяющихся событий союзом *når* позволяет трактовать итеративное употребление как проявление субъективного процесса ментальной обработки денотативной ситуации говорящим.

Релевантным противопоставлением в системе датских временных союзов т. о. оказывается асимметричное противопоставление событий пошлого как объективных ориентиров во времени (*da*) разнообразным проявлениям субъективного фактора (*når*).

Функциональное различие между *der* и *som* в субъектной позиции приточных **относительных** можно проиллюстрировать примером, приводимым П. Дурст-Андерсеном:

(8) a. *Det er nok mig der bytter om på det*
 DemPron бытьPræs ModAdv я-Obj Conj обменивать-Præs PræpObj
 ‘Это, наверное, я, кто (**der**) (сейчас) обменивает купленное’.

(9) b. *Det er nok mig som bytter om på det*
 DemPron бытьPræs ModAdv я-Obj Conj обменивать-Præs PræpObj
 ‘Это, наверное, я (такая), что (**som**) (всегда) обмениваю купленное’.

О примере под литерой (а) Дурст-Андерсен пишет, что это «описание говорящим собственного опыта восприятия объективной ситуации, а под литерой (b), что говорящий «высказывает свое мнение, характеризуя себя как человека, который всегда обменивает купленное в магазине» (Durst-Andersen 2007: 173–174). Придаточные относительные с *der* вводят единичные события, которые могут быть представлены объективно — как точки, локализованные на линии времени. В противоположность этому разнообразные типы примеров, вводимых союзом *som*, обозначают либо обобщение конкретных событий, либо объективные вневременные характеристики, либо субъективное мнение говорящего, то есть вводят оценочную характеристику, которая также не имеет четкой временной локализации.

Такое же фокальное противопоставление конкретного факта, локализованного на оси времени, ментальному конструированию наблюдаем при исследовании категории **причинных союзов**. Исследование датских причинных союзов позволило установить, что их различие основано на сочетании семантических признаков «объективность»/«субъективность, «конкретизация»/«генерализация» (Nikulicheva 2021). В рамках данной статьи, подчеркнем, что фокальным членом многомерной оппозиции является союз *fordi*, вводящий обоснование одного объективного факта другим фактом, предшествующим ему во времени (10). Фокальным противочленом служит союз *for*, в котором наиболее ярко выражена субъективность вневременной аргументации говорящего. В примере (11) она маркирована как лексически — наречием *ellers*, указывающим на альтернативное развитие событий, так и формой сослагательного наклонения *ville kunne se*:

(10) *Jeg blev hjemme, fordi jeg var syg*
 Sb оставатьсяPræt LocAdv Conj Sb бытьPræt Præd
 ‘Я остался дома, потому что заболел’

(11) *Godt, at han har lyset her, for ellers ville han intet kunne se*
 Præd InfSb Conj Adv Sb NegObj видетьCond
 ‘Хорошо, что здесь есть свет, потому что иначе бы он ничего не увидел’.

Когнитивная обусловленность фокального противопоставления союзов

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что базовым противопоставлением для датской грамматической системы является противопоставление пережитой реальности всем типам ментального конструирования. В этом плане причинный союз *fordi* противопоставлен остальным союзам каузации так же как темпоральный союз *da* союзу *når*, а определительный союз *der* союзу *som*.

Об обусловленности логики организацией сенсорной системы человека, и о нейрофизиологическом выражении этой логики в виде нейронных связей писали Дж. Лакофф и М. Джонсон (Lakoff, Johnson 1999: 73). Если пережитая реальность основана на непосредственном перцептивном опыте говорящего, то ментальное конструирование представляет собой более сложный когнитивный процесс, основанный на **отстранении** от конкретного события. Результатом такого отстранения от непосредственной перцепции или от воспоминания о ней становятся ментальные операции прогнозирования, генерализации, характеристики, референция к выводному или к общеизвестному знанию. За счет выбора того или иного подчинительного союза говорящий на датском языке дает адресату информацию о том, опирается ли он на свой объективный опыт, или же посылает слушающему сигнал о той или иной процедуре ментального конструирования.

Л и т е р а т у р а

- Durst-Andersen P. 2007. De danske sprogs mange stemmer. *Sproglig polyfoni*. Aarhus: Aarhus Universitetsforlag, 163-180.
- Hansen E., Heltoft L. 2011. *Grammatik over det danske sprog*. Det Danske Sprog- og Litteraturselskab. Odense: Syddansk Universitetsforlag.
- Karker A. 1995. *Politikens synonym ordbog*. Copenhagen: Politikens Forlag.
- Kibrik A.A. 2012. The challenge of non-discreteness: focal structure in language. Presentation for Societas Linguistica Europaea, Stockholm. Discreteness@SLE_Stockholm_2012.ppt (live.com)
- Lakoff G. 1987. *Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind*. Chicago, The University of Chicago Press.
- Lakoff G., Johnson M. 1999. *Philosophy in the flesh. The embodied mind and its challenge to western thought*. New-York: Basic Books.
- Nikulicheva D. 2021. Quasi-synonymy of Danish causal conjunctions from the speaker's perspective. *Скандинавская филология*. 2021. Т. 19. Вып. 1. 42–60
- Rosh E. 1975. *Cognitive representations of semantic categories*. Journal of Experimental Psychology: General. № 104(3), 192–233.
- Therkelsen R. 2003. The functions of Danish causal conjunctions. *Nordlyd*. 31.2. 446–456.

Расширенная версия этой статьи находится по ссылке:

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

Н.К. Рябцева

Институт языкознания РАН

Nadia_riabceva@mail.ru

В своем приветствии участникам организованного Андреем Александровичем Кибриком в 2020 г. Лингвофорума «Язык и искусственный интеллект» он совершенно точно обозначил проблему «Язык и искусственный интеллект» как «общественно значимую».

Как ни парадоксально, естественный язык кажется естественным только своему носителю. Так, носители языка в разных странах, даже специалисты, поначалу (60 лет назад и позже) были уверены, что любая обработка естественного языка — **Natural Language Processing (NLP)** дело довольно простое и выполнимое. На практике же оказалось, что огромное количество лингвистических свойств почти не поддается формализации. И именно подобные свойства имеются в виду, когда подчеркивается важность изучения когнитивных процессов, проявляющихся в использовании языка. В статье Кибрик 2020: 59 в связи с этим отмечается: ««Язык и речевая деятельность представляют собой одно из основных проявлений невидимой когнитивной системы. Каждый представитель *Homo sapiens* постоянно и массово порождает материал, который может использоваться в качестве данных для исследования общекогнитивных процессов». К особо важным с точки зрения NLP когнитивным явлениям относятся такие важнейшие свойства языка, как многозначность, омонимия, недискретность семантики, аналоговость (Казаковская, Онипенко 2020), имплицитность, инферентность, коннотативность, неоднозначность, синкретизм, «нелинейность» выражения содержания и др. Так, в статье Борисова 2020: 47 отмечено в связи с этим: «оттенок значения» — это «промежуточное между двумя значениями». Поэтому, как отмечается в статье Александрова 2020: 37: «ИИ не может соперничать с человеком во многих областях», не говоря уже о (машинном) переводе, который, хотя и значительно эволюционировал в положительную сторону, еще далеко не везде может быть использован; подробнее см. в статье Рябцева 2023. В результате современные лингвистические исследования в этом отношении связаны с выявлением когнитивных структур и процессов, лежащих в основе

языковой, речевой и невербальной деятельности человека. Особое внимание при этом уделяется типам и видам знания, их использованию, в том числе в цифровых технологиях, особенно энциклопедическим, фоновым (Виссон 2007, Cozma 2012) и специальным знаниям.

В прикладном отношении соответствующие проблемы моделирования когнитивной сферы человека решаются сегодня (1) посредством совершенствования лингвистического обеспечения при создании лексикографических цифровых ресурсов принципиально нового «когнитивного» типа (Katić, Novakov 2022); (2) посредством выявления постоянно возникающих новых лингвистических средств представления специальных знаний, особенно связанных с интенсивно развивающимися цифровыми технологиями. В первом случае передним краем создания лексикографических цифровых ресурсов нового «когнитивного» поколения выступает их интеграция с энциклопедическими и др. данными. Так, в когнитивном отношении принципиально новым шагом в создании цифровых лексикографических ресурсов (нового, третьего) поколения стало сочетание энциклопедической и лексикографической информации в толковании лексических единиц и устойчивых словосочетаний как общеупотребительного, так и терминологического типа, что подчеркивается, в частности, в статье Fuertes-Olivera, Esandi-Baztan 2020: 91: «Precise definitions, similar to terminological (i.e. encyclopaedic) definitions, for most lemmas increase the tool's functions. Such definitions offer a very different picture of current monolingual Spanish and bilingual Spanish–English dictionaries». Предполагается, что подобные универсальные ресурсы могут быть интегрированы в любые цифровые лингвистические продукты.

В области развития систем **автоматического перевода (АП)**, в первую очередь научных и технических текстов, решается наиболее актуальная в этой области проблема — установление межъязыковых соответствий при переводе с английского языка на родной и обратно многокомпонентных терминологических словосочетаний, возникающих исходно в настоящее время в английском языке во всех научных дисциплинах в результате стремительного развития и внедрения «в практику» цифровых технологий. Такие инновационные словосочетания становятся главными средствами передачи новых дисциплинарных знаний и в подавляющем большинстве случаев носят принципиально лингвоспецифичный характер и к тому же не успевают попасть в словарь.

Так, в английском языке для такой современной области, как разработка новых цифровых лексикографических ресурсов (одновременно) дидактического, профессионального и двуязычного предназначения, весьма характерно использование (и создание) развернутых терминологических лингвоспецифических словосочетаний типа: *context-aware (electronic) dictionaries, task-*

based (electronic) dictionary training, user-friendly (electronic) search routes, in no user-unfriendly (electronic) way, lexicography-based (electronic) applications, a(n) (electronic) product-based approach, commercially driven integrated (electronic) dictionary portals, a test-driven development of an (electronic) lexicographic product (Huang, Tarp 2021: 68–92) и др. Причем самые лучшие современные автоматические переводчики типа Google Translate, Yandex Translate и др. пока не в состоянии корректно перевести на русский язык подобные типичные для английского специального текста развернутые терминологические лингвоспецифические конструкции. Ср. выделенные *курсивом* лингвоспецифические конструкции в аутентичных терминологических словосочетаниях английского языка, их некорректно переведенные системами АП элементы «под вопросом» (Google Translate) и их правильные межязыковые эквиваленты: context-aware dictionaries — контекстно-?зависимые словари vs контекстологические словари; task-based dictionary training — обучение словарю ?на основе задач vs компьютерное обучение работы со словарем; in no user-unfriendly way — ?неудобным для пользователя способом vs неудобно; lexicography-based applications — приложения ?на основе лексикографии vs лексикографические приложения; commercially driven integrated dictionary portals — ?коммерчески управляемые интегрированные словарные порталы vs коммерческие интегрированные словарные порталы и т. д.

Подобные инновационные многокомпонентные терминологические словосочетания английского языка отличаются целым комплексом взаимосвязанных свойств, требующих учета в автоматических системах перевода. Так, 1) они являются средством передачи особо прецизионной профессионально значимой информации, носителями нового специального знания, и потому нуждаются в точном, полном и качественном переводе на другой язык; 2) они постоянно обновляются, уточняются и «развиваются» — в связи с интенсивным развитием цифровых технологий, и часто носят междисциплинарный и динамичный характер; 3) для них в высшей степени характерны варьирование, модификация, контекстуализация и интеграция с аналогичными текстуальными единицами; 4) их учет и фиксирование в специальных словарях и ресурсах значительно отстает от скорости их появления и использования в специальных текстах, а их автоматический перевод носит пословный характер и оказывается неприемлемым; 5) Основным препятствием их качественного автоматического перевода выступает их лингвоспецифичность: образование по характерным для современной научной терминологии на английском языке активным моделям (Рябцева 2022).

Учет при этом наиболее активных и динамичных свойств типичных для английского специального текста развернутых терминологических лингвоспецифических конструкций: их многокомпонентность, междисциплинарный

характер, способность к модификации, варьированию, расширению и др., посредством сочетания их лексикографического представления, лингвистического анализа и его интеграции с энциклопедическими и фоновыми знаниями (ср. Кибрик 2019: 238), а также их алгоритмического моделирования позволяет избежать самой типичной и, строго говоря, недопустимой ошибки в их автоматическом переводе — дословности, пословности, буквальности и потому некорректности их перевода.

Таким образом, лингвистическое и программное обеспечение цифровых систем обработки естественного языка (от обучающих иностранному языку до автоматического перевода специальных текстов) посредством моделирования наиболее значимых когнитивно-коммуникативных процессов передачи прецизионной информации позволит значительно повысить их качество и эффективность и совместить лексикографически продвинутые технологии с энциклопедическими, фоновыми и специальными знаниями.

Л и т е р а т у р а

- Александрова Н.Ш. 2020. Понимание речи человеком: двойственность организации. Под ред. А.А. Кибрика, В.Ю. Гусева, Д.А. Залманова. *Лингвистический форум 2020: Язык и искусственный интеллект*. Тезисы докл. междунар. конф. Институт языкознания РАН, Москва. 12–14 ноября 2020 г. М.: ИЯз РАН, 37–38.
- Борисова Е.Г. 2020. Модель для обработки недискретных данных в лингвистическом описании. Под ред. А.А. Кибрика, В.Ю. Гусева, Д.А. Залманова. *Лингвистический форум 2020: Язык и искусственный интеллект*. Тезисы докл. междунар. конф. Институт языкознания РАН, Москва. 12–14 ноября 2020 г. М.: ИЯз РАН, 47–48.
- Под ред. А.А. Кибрика, В.Ю. Гусева, Д.А. Залманова. *Лингвистический форум 2020: Язык и искусственный интеллект*. Тезисы докл. междунар. конф. Институт языкознания РАН, Москва. 12–14 ноября 2020 г. М.: ИЯз РАН, 96–97.
- Кибрик А.А. 2019. Теория речевой деятельности: вызовы современности. *Вопросы психолингвистики*, № 3 (41), 238.
- Кибрик А.А. 2020. Язык и когнитивная система. В кн.: *I Национальный конгресс по когнитивным исследованиям, искусственному интеллекту и нейроинформатике. Сборник пленарных и индустриальных докладов. Доклады симпозиумов*. М.: Общероссийская общественная организация Российская академия естественных наук, 59–61.
- Рябцева Н.К. 2022. Современные терминологические проблемы в межъязыковом аспекте. *Научный диалог*, т. 11, № 6, 123–139.
- Рябцева Н.К. 2023. Естественный и искусственный интеллект в процессах перевода. В кн.: А.В. Вдовиченко (ред.) *Язык и искусственный интеллект*. М.: ЯСК, 237–261.
- Виссон Л. 2007. *Синхронный перевод с русского на английский*. М.: Р. Валент.

- Cozma M. 2012. Perceptions of cultural competence: The trainees perspective. *Professional Communication and Translation Studies*, n. 5(1-2), 67–74.
- Fuertes-Olivera P.A., EsandiBaztan M.A. 2020. Integrating Terminological Resources in Dictionary Portals: The Case of the Diccionarios Valladolid-UVa. *Lexikos*, n. 30, 90–110.
- Huang F., Tarp S. 2021. Dictionaries Integrated into English Learning Apps: Critical Comments and Suggestions for Improvement. *Lexikos*, n. 31, 68–92.
- Katić M., Novakov P. 2022. The Translation Stage in LSP Lexicography: A Mixed Translation Model for LSP Bilingual Dictionary Terms. *International Journal of Lexicography*, v. 35, Issue 4, December, 427–448.

CHANNELS, MODALITIES, AND SEMIOTIC MODES AND SYSTEMS: MULTI- AND POLY-

Alan Cienki

Vrije Universiteit Amsterdam

a.cienki@vu.nl

Research on how multiple forms and systems of human communication are used has been gaining greater institutional presence in academia over the past two decades. In 2006, University College London founded a Centre for Multimodal Research, and in 2009 Auckland University of Technology instituted their Multimodal Research Centre. The University of Southern Denmark has had a Centre for Multimodal Communication since 2013, as has Moscow State Linguistic University in their Multimodal Communication and Cognition Lab, known as **PoliMod** in Russian (short for **Kognitivnaja laboratorija polimodal'noj kommunikacii**). In 2019, the University of Oxford established their International Multimodal Communication Centre, whereas in 2022, the Max Planck Institute for Psycholinguistics in Nijmegen, Netherlands, founded a Multimodal Language Department. In 2022, though, the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences chose the term **multichannel** when naming their Laboratory for Multichannel Communication (**Laboratorija mul'tikanal'noj kommunikacii**). The fact that a number of terms, and differing combinations of them, have been used in scholarly work to name what intuitively seems to be a common topic of research is something that has not gone unnoticed (e.g., Bateman 2017; Ирисханова 2022; Кибрик 2010). In what ways are the different terms referring to the same or different categories?

According to Kibrik, Fedorova (2020: 1), the first application of the term **multimodality** to the study of language use can be traced to Taylor (1989). Since then, it has become the most widespread in the academic literature of all the terms discussed below: e.g. a search in early 2023 in English in Google Scholar turned up over 24,000 results for the term 'multimodal communication' in comparison with less than 5,000 for 'multichannel communication' and just over 100 for 'polysemiotic communication'. Early research concerning multimodality in communication goes back to works by scholars such as Kress (2002, 2010) and Jewitt (2002), focussing primarily on textual/pictorial multimodality in print-based communication, as contrasted with work on multimodal interaction (Norris 2004) or multimodal

discourse analysis (O'Halloran 2004). The research in gesture studies by scholars such as Kendon (e.g. 1980, 2004) and McNeill (e.g. 1985, 1992) boosted the study of multimodality in relation to dynamic, face-to-face communication primarily anchored in spoken language use (as discussed, for example, in Cienki 2016, 2017).

The nouns collocated with the adjective 'multimodal' give rise to additional questions. Whereas most researchers have typically referred to 'multimodal communication', some recently have turned to speaking of 'multimodal language' (e.g. Vigliocco et al. 2014). While the former phrase is less controversial (the idea that human communication makes use of multiple modalities or modes), the latter expression can give rise to some questions. Written language, for example, is unimodal. Some would also say that spoken language is unimodal in terms of its production (sonic) and perception (aural)—although there is also a specialized area of research on visual perception of orally produced language (see Irwin, DiBlasi 2017 for an overview). Signed languages could also be argued to be unimodal—produced in a spatial medium of bodily forms and movements and perceived in the visual modality. However, the fact that deaf and blind people can comprehend sign language by holding a signer's hands in a particular way already shows the bimodal affordance of sign language use (its ability to be perceived visually or tactilely). The larger point, though, with the collocation 'multimodal language' is to step back and take in a larger picture of linguistic systems as having the potential to be produced in and perceived with different modalities, sometimes via more than one simultaneously (as in the case of audio and visual perception of spoken language).

The Laboratory established at the Russian Academy of Sciences Institute of Linguistics has opted for the term 'multichannel' to characterize their area of interest. Rather than perceptual modalities or means of production per se, channels are qualified (according to Kibrik, Fedorova 2020: 1) as encompassing "not only verbal material, but also additional means such as intonation, gestures, facial expressions, and eye gaze". The channels thus combine specific modalities of production and perception, either vocal/auditory or kinetic/visual—such that the verbal and prosodic channels fall under the vocal modality, and the other channels under the kinetic one. This distinction highlights the fact that most analyses of talk as **multimodal** could more accurately characterize it as being **bimodal** (Кибрик 2018: 72).

A separate issue here concerns the etymological choices of the terminology. Considering the roots of the words, we see that **channel**, **mode**, and **modality** all derive from Latin. However, the possible mixing and matching these roots with a prefix of Latin origin (**multi-**) or of Greek origin (**poly-**) provides options for naming what is at issue. In the case of the PoliMod Lab, the name derived from other considerations than etymological ones. PoliMod is a transliteration in Latin letters

of the Russian name, which is a clipped form of the phrase **polimodal'naja kommunikacija**. On the one hand, this was a purposeful choice as a brand name, being distinctive not only because the term **polymodal** is uncommon in Russian and English, but also because PoliMod breaks with the customary spelling of the prefix in English as *poly-*. On the other hand, the name was chosen as a way to avoid any potentially confusing associations with the Russian word *mul'tik* ('cartoon'), given that **multimodal'naja kommunikacija** was not an extremely common term in Russian at the time that the lab was established in 2013.

Another way this topic of naming the field of study has been approached has been through particular lenses from semiotics. If we start with semiotic modes (Kress, van Leeuwen 2001), Kress (2009: 54) characterizes them as "a socially shaped and culturally given resource[s] for making meaning. **Image, writing, layout, music, gesture, speech, moving image, soundtrack** are examples of modes used in representation and communication" (emphasis in original). Bateman (2017) offers an additional specification building on Hjelt's (1961 [1943]) distinction between expression and content planes. Bateman (2017: 167) notes, "Medium is then the 'material' basis for carrying modes, while modes are more abstract, semiotic and independent of media."

If we take the path of analyzing communication in terms of the semiotic modes involved (or codes, as per Lotman (Лотман 1969), for example), separately from the perceptual modalities used to perceive any given instance of their use, this allows for consideration of polysemioticity separately from multimodality (as per Stampoulidis et al. 2019). On this account, for example, a sculpture could be said to be unisemiotic but potentially multimodal, in that it could not only be seen, but also felt tactilely. However, an artwork painted on a canvas consisting of words and images would be monomodal (perceived visually) but polysemiotic (involving text and image). Spoken language and gesture then constitute multimodal and polysemiotic communication (Zlatev 2019).

In conclusion, the multiplicity of word forms in current use in academic discourse on this topic reflects the complexity of the phenomena we are investigating. As these phenomena can be viewed from a plurality of perspectives, the variety of terms available can be celebrated for how they allow us to reflect differentiation in the theoretical and methodological approaches possible in one's research.

References

- Bateman J.A. 2017. Triangulating transmediality: A multimodal semiotic framework relating media, modes and genres. *Discourse, context & media*, v. 20, 160–174.
- Cienki A. 2016. Cognitive linguistics, gesture studies, and multimodal communication. *Cognitive linguistics*, v. 27, n. 4, 603–618.

- Cienki A. 2017. *Ten lectures on spoken language and gesture from the perspective of cognitive linguistics: Issues of dynamicity and multimodality*. Leiden: Brill.
- Hjelmslev L. 1961 [1943]. *Prolegomena to a theory of language*. Madison, WI: University of Wisconsin Press. (Originally published 1943; Translated by F.J. Whitfield.)
- Irwin J., DiBlasi L. 2017. Audiovisual speech perception: A new approach and implications for clinical populations. *Language and linguistics compass*, v. 11, n. 3, article 12237.
- Jewitt C. 2002. The move from page to screen: The multimodal reshaping of school English. *Visual communication*, v. 1, n. 2, 171–195.
- Kendon A. 1980. Gesticulation and speech: Two aspects of the process of utterance. In: M. Ritchie Key (ed.). *Nonverbal communication and language*. The Hague: Mouton, 207–227.
- Kendon A. 2004. *Gesture: Visible action as utterance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kibrik A.A., Fedorova O.V. (eds.) 2020. *Annotating multichannel discourse: A guide book*. Moscow: Institute of Linguistics RAS.
- Kress G. 2002. The multimodal landscape of communication. *Medien Journal*, v. 4, 4–19.
- Kress G. 2009. What is mode? In: C. Jewitt (ed.). *The Routledge handbook of multimodal analysis*. London: Routledge, 54–67.
- Kress G. 2010. *Multimodality: A social semiotic approach to contemporary communication*. London: Routledge.
- Kress G., van Leeuwen T. 2001. *Multimodal discourse: The modes and media of contemporary communication*. London: Arnold.
- McNeill D. 1985. So you think gestures are nonverbal? *Psychological Review*, v. 92, n. 3, 350–371.
- McNeill D. 1992. *Hand and mind: What gestures reveal about thought*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Norris S. 2004. *Analyzing multimodal interaction: A methodological framework*. London: Routledge.
- O'Halloran K.L. (ed.) 2004. *Multimodal discourse analysis: Systemic-functional perspectives*. London: Continuum.
- Stampoulidis G., Bolognesi M., Zlatev J. 2019. A cognitive semiotic exploration of metaphors in Greek street art. *Cognitive semiotics*, v. 12, n. 1, article 20192008.
- Taylor M.M. 1989. *The structure of multimodal dialogue*. Amsterdam: Elsevier.
- Vigliocco G., Perniss P., Vinson D. 2014. Language as a multimodal phenomenon: Implications for language learning, processing and evolution. *Philosophical transactions of the royal society B*, v. 369, article 20130292.
- Zlatev J. 2019. Mimesis theory, learning, and polysemiotic communication. In: M.A. Peters (ed.). *Encyclopedia of educational philosophy and theory*. Cham: Springer.
- Ирисханова О.К. 2022. Полиmodalный дискурс как объект исследования. В кн.: О.К. Ирисханова (ред.). *Полиmodalные измерения дискурса*. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 15–32.

- Кибрик А.А. 2010. Мультиmodalная лингвистика. В кн.: Ю.И. Александрова, В.Д. Соловьева (ред.). *Когнитивные исследования*. Вып. IV. М.: Институт психологии РАН, 134–152.
- Кибрик А.А. 2018. Русский мультимедийный дискурс. Часть I. Постановка проблемы. *Психологический журнал*, т. 39, № 1, 70–80.
- Лотман Ю.М. 1969. *Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история*. М.: Языки русской культуры.

NORWEGIAN AGREEMENT CLASHES ON THE FOOTBALL FIELD

Laura A. Janda

UiT The Arctic University of Norway
laura.janda@uit.no

Tore Nessel

UiT The Arctic University of Norway
tore.nessel@uit.no

Kibrik 2019 argues that a **cognition-to-form approach to agreement** is superior to the traditional **form-to-form approach** that is fraught with problems. We concur that it makes more sense to examine agreement from the perspective of cognitive representation and present a small study of how the semantics of adjectives contributes to the use of **singular** vs. **plural agreement** with Norwegian collective nouns naming football teams.

In the Norwegian Web As Corpus (NoWaC: https://tekstlab.uio.no/glossa2/nowac_1_1), we find these examples, both of which report that the football team named Glimt has qualified to play in the Premier League:

(1) a. NoWaCID:33997607

Glimt er klar for Tippeliga-en

Glimt be.Prs ready.Sg for premier.league-Def

‘Glimt is **ready.Sg** for the Premier League.’

b. NoWaCID:4090386

Glimt er klar-e for Tippeliga-en

Glimt be.Prs ready-Pl for premier.league-Def

‘Glimt is **ready.Pl** for the Premier League.’

The examples are identical except that (1b) has a plural marker on the predicate adjective, whereas (1a) indicates singular. The name of a football team is a collective term that can refer to a single entity (an organization) or to the players. We argue that conceptualization as a single entity motivates singular agreement, whereas conceptual reference to the players motivates plural agreement.

Variation in number agreement with collective nouns is well-known both cross-linguistically (cf. Corbett 1983 and 2006 about Russian, Hagåsen 2019 about Swedish, Levin 2001 about English), and with respect to Norwegian (cf. Faarlund et al. 1997, Åfarli, Vangsnæs 2021). Nessel et al. 2022 is the first study to investigate this singular-plural variation in Norwegian through a combination of factors on the basis of corpus data, finding that the following are significant: the category

of collective noun (political party, country, police, etc.), the distance between the subject and the predicate adjective, and whether the agreement target is an adjective or a participle.

We continue this line of research with a new dataset and with special focus on the role of adjectival semantics in determining preference for singular vs. plural agreement. We have collected sentences from NoWaC with the names of Norwegian football team names as subjects: (*Bodø*) *Glimt*, *Brann*, *HamKam*, *Hødd*, *Jerv*, *Rosenborg*, *Strømsgodset*, and *Viking*. Exclusive focus on football teams eliminates variation caused by differences across categories of collectives, and a chi-squared test shows that there is no significant variation in number agreement across the football teams. Subject-predicative distance was held to a minimum by collecting only sentences in which the predicative adjective followed immediately after the verb or was modified by an adverb; no examples with prepositional phrases or other intervening words were included and the distances that were observed were found to be statistically insignificant for choice of singular vs. plural. The data was manually cleaned, removing sentences with adjectives that cannot show the singular vs. plural contrast (for example, comparatives and superlatives), and sentences in which the subject was not a football team: for example, *jerv* means ‘wolverine’, an animal found in abundance in Norwegian forests as well as sentences. The remaining 495 examples were manually tagged for the number of the predicate adjective (singular vs. plural), the type of adjective (adjective vs. participle), and the lemma of the adjective.¹

Our goal was to investigate the role of the adjective in the choice between singular vs. plural agreement by means of a statistical model. Of the 495 examples in our database, 291 had adjectives marked for plural, and the remaining 204 adjectives were singular. This means that the baseline for our study was 59%, namely the accuracy achieved if one always guessed plural. A statistical model must be evaluated in comparison with this baseline.

We proposed the following generalized linear mixed-effects model to capture the relationship between Number (singular vs. plural marking on the adjective) as the result variable, and the type of adjective and adjective lemma as predictor variables, following this formula in R:

Formula: $\text{Number} \sim 1 + \text{Adjective_vs_participle} + (1 | \text{Adjective_lemma})$

The Intercept is the prediction of plural (positive value) when the adjective is not a participle, and the prediction is of singular (negative value) when the adjective is a participle. This model performs quite well, with a C score of 0.89 (a value above 0.8 is considered good or excellent, cf. Gries 2021: 335–336), and condi-

¹ Examples were also tagged for the name of the football team, the subject-predicative distance, and tense (past vs. present), but none of these factors were found to be significant.

tional R-squared values ranging from 0.46 to 0.52. The model correctly predicts the number of the adjective for 406 of the 495 examples, giving a classification accuracy of 82%. This accuracy is well above the baseline of 59%, as are all measures of Precision and Recall.² A statistical test shows that the probability that a model could do this well by chance is $1.48035e-28$ (virtually zero).

Table 1. Fixed effects results for mixed effects logistic regression model

Fixed effects:	Estimate	Std. Error	z value	Pr(> z)
(Intercept)	0.9767	0.2484	3.932	8.41e-05 ***
Adjective_vs_participle: participle	-3.5822	0.8013	-4.470	7.81e-06 ***

The model predictions for the status of the adjective are visualized in Figure 1. The y-axis indicates the predicted probability of plural, and a dotted line shows the 50% line above which plural is predicted. The brackets on the bars indicate the 95% confidence interval. The width of the bars indicates the relative proportion of data for the two types. There were only 48 examples with participles, and participles clearly prefer singular agreement, although there are 5 examples with plural.

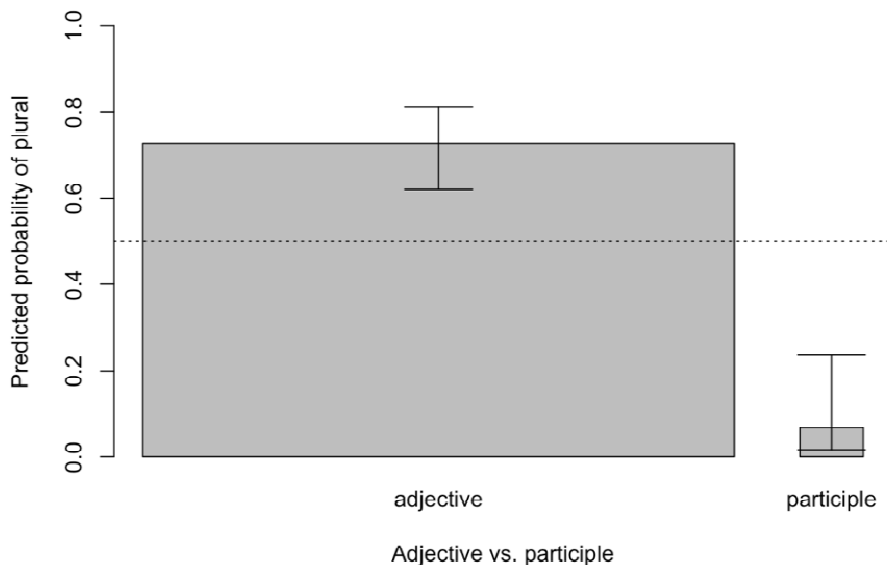

Figure 1. Model predictions for the status of the adjective

² Precision for plural = 83%, Recall for plural = 87%, Precision for singular = 80%, Recall for singular = 75%.

Crucially, however, the fixed effect of the status of the adjective cannot on its own provide us with a good statistical model. On its own the status of the adjective yields only 66% classification accuracy and has poor scores ($C = 0.597$; $R\text{-squared} = 0.141$), and of course it tells us little about the 447 examples that do not contain participles. We achieve a viable model for this dataset only when we take into account the individual preferences of the adjectives as a random effect. This means that it is the adjectives themselves, and therefore their semantics, that play the major role.

We argue that the semantics and conventional uses of adjectives motivate number agreement. More precisely, among adjectives we observe a continuum that ranges from a preference for conceptualization of the referent as a number of individuals and thus plural, to a preference for conceptualization of the referent as a whole and thus singular. Fortunately for this study, sports reporting is a relatively colloquial and hackneyed style, which means that we get insight into spoken norms across a compact selection of adjectives. Our 495 examples contain in sum only 138 unique lemmas, fourteen of which occur more than ten times: thirteen of these are adjectives, and one is a participle: *ubeseiret* ‘undefeated’. The model predictions for the random effects and the observed number distributions for the adjectives are gathered in Table 2. Table 2 is ordered according to the random effects values that measure preferences against the 59% plural baseline: positive values indicate a further plural preference, negative values indicate an increased preference for singular.

Table 2. Random effects and observed values for adjectives with >10 attestations

Adjective lemma	Random effects value	Plural/singular observations
<i>effektiv</i> ‘effective’	1.70	11/0
<i>tafatt</i> ‘helpless’	1.64	10/0
<i>god</i> ‘good’	0.76	36/6
<i>sjanseløs</i> ‘hopeless’	0.51	10/2
<i>farlig</i> ‘dangerous’	0.42	13/3
<i>heldig</i> ‘lucky’	0.02	19/7
<i>villig</i> ‘willing’	-0.73	7/6
<i>klar</i> ‘ready’	-0.91	11/11
<i>dårlig</i> ‘bad’	-1.15	10/13
<i>enig</i> ‘agreed’	-1.27	8/12
<i>nær</i> ‘near’	-1.73	6/15
<i>ferdig</i> ‘done for’	-1.87	3/10
<i>avhengig</i> ‘dependent on’	-2.12	3/13

Examination of examples from the extreme ends of the distribution in Table 2 supports our claim that some adjectives motivate conceptualization of the teams as groups of individuals, while others focus more on the team as a single whole. In (2) it is clear that the speaker is talking about the Viking players, in contrast to the Rosenborg players, while (3) is about the status of the team organization that is dependent on its sponsors.

(2) NoWaCID:8886729

*Viking er **tafatte.PI** og gir stadig ballen fra seg til langt mer aggressive Rosenborg-spillere*

‘Viking are **helpless.PI** and are always letting the ball go to the much more aggressive Rosenborg players.’

(3) NoWaCID:24423445

*Brann er **avhengig.Sg** av sponsorer for å ha sjansen til å levere sportslige resultater*

‘Brann is **dependent.Sg** on sponsors to have a chance to deliver competitive results.’

In the middle of the distribution, we find adjectives that are compatible with both a plural, as in (4), and with a singular, as in (5) conceptualization of the referent.

(4) NoWaCID:32736864

*Glimt var litt **heldige.PI** som fikk gå til pause på stillingen 2 – 2*

‘Glimt were a little **lucky.PI** that they got to go to halftime when the score was 2 – 2.’

(5) NoWaCID:7035482

*Strømsgodset er **heldig.Sg** som leder på Ullevaal*

‘Strømsgodset is **lucky.Sg** to be the leader at Ullevaal.’

Oddly, *god* ‘good’ has a preference for plural as in (6), while the antonym *dårlig* ‘bad’ has a preference for singular, as in (7). We speculate that there may be some cultural factor at play here: perhaps it is less acceptable in Norway to call out the players as individuals as being ‘bad’, while it is normal to praise them as ‘good’.

(6) NoWaCID:4778489

*Brann er **gode.PI** når de får til sitt spill*

‘Brann are **good.PI** when they succeed in their plays.’

(7) NoWaCID:19582531

*Brann er **dårlig.Sg** på dødball*

‘Brann is **bad.Sg** in a deadball situation.’

We have shown that number agreement for Norwegian predicate adjectives is sensitive to the semantics of lemmas and that this is a scalar rather than categorical phenomenon. More precisely, adjectives vary in their compatibility with a conceptualization of a team as a group of players as opposed to as a single unit. These findings conform to Kibrik's (2019) idea that the cognition-to-form approach is a superior description of agreement.

References

- Corbett G.G. 1983. *Hierarchies, Targets and Controllers: Agreement Patterns in Slavic*. London: Croom Helm.
- Corbett G.G. 2006. *Agreement*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Faarlund J.T., Lie S., Vannebo K.I. 1997. *Norsk referansegrammatikk*. Oslo: Universitetsforlag.
- Gries S. Th. 2021. *Statistics for linguistics with R*. 3rd rev. & ext. ed. Boston & Berlin: Mouton de Gruyter.
- Hagåsen L. 1992. Sverige var intresserad och facket ska vara obunden — en typ av neutrum-inkongruens. In: G. Widmark et al. (eds.). *Svenska i harmoni*. Uppsala: Hallgren & Fallgren, 60–75.
- Kibrik A.A. 2019. Rethinking agreement: Cognition-to-form mapping. *Cognitive linguistics*, v. 30, n. 1, 37–83.
- Levin M. 2001. *Agreement with collective nouns in English*. Lund: Lund University Press.
- Nessel T., Enger H.O., Janda L.A. 2022. Er politiet sikker eller sikre? Adjektivkongruens ved kollektiver i norsk. *Arkiv för nordisk filologi*, v. 137, 123–144.
- R Core Team. 2022. *R: A language and environment for statistical computing*. Vienna: R Foundation for Statistical Computing. URL <https://www.R-project.org/>.
- Åfarli T.A., Vangsnes Ø.A. 2021. Formell og semantisk adjektivkongruens i norsk. In: K. Hagen, A. Hjelde, K. Stjernholm, Ø.A. Vangsnes (eds.). *Bauta: Janne Bondi Johannessen in memoriam*. *Oslo Studies in Language*, v. 11, n. 2, 527–540.

V. СОЦИОЛИНГВИСТИКА

СОЗДАНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ КАК ПОСЛЕДНИЙ ШАНС ДЛЯ РЕВИТАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКА

Т.Б. Агранат

Институт языкознания РАН
tagranat@yandex.ru

Одним из наиболее приоритетных направлений деятельности юбиляра в последние годы является сохранение и ревитализация языков РФ, см, например, Кибрик 2020а, 2020б, Kibrik 2022 и др. работы.

Перефразируя классика, можно сказать, что все счастливые языки похожи друг на друга, каждый несчастливый язык несчастен по-своему. Поэтому, хотя методы сохранения и ревитализации для всех языков, находящихся под угрозой исчезновения, в целом одинаковы, в каждом случае будут свои нюансы.

Автор разделяет точку зрения большинства лингвистов о том, что перво-степенное значение для сохранения и ревитализации исчезающих языков имеет их устная передача в естественной среде или, при отсутствии последней, — в квази-естественной, т. е. в языковых гнездах, а также с использованием методики мастер-ученик. Тем не менее при очень далеко зашедшем языковом сдвиге часто реальная ситуация не позволяет обращаться к этим проверенным методам. И тогда, как ни удивительно, приходится прибегать к созданию письменности как к последнему шансу.

Среди лингвистов до самого последнего времени существовали два противоположных мнения: одни считали, что наличие письменности, литературного варианта — абсолютное благо для любого языка, другие же полагали, что стандартизация приведет к уничтожению диалектного богатства. В частности, эта проблема с высказыванием разных точек зрения обсуждалась в коллективной монографии Зайц (ред.) 1995, где И.А. Николаева и Е.А. Хелимский приводили аргументы против создания письменности для миноритарных языков.

Тем не менее среди критериев витальности языков практически всегда упоминается наличие письменности. В документе UNESCO 2003 данный фактор формулируется как «наличие материалов для изучения языка и приобретения навыков грамотности». В работе Edwards 1992, где учитывается максимальное количество факторов, влияющих на жизнеспособность языка, в числе

критериев, так или иначе имеющих отношение к письменности и преподаванию языка, отмечено несколько: «степень стандартизации языка»; «отношение носителей языка к образованию и вовлеченность в эту сферу»; «тип поддержки языка в школе»; «состояние образования на территории группы».

В работах Crystal 2000 и Fishman 1991 грамотность коренного населения рассматривается как важный фактор поддержания языка. Существует крайняя точка зрения, что язык должен иметь письменность, для того чтобы быть полноценным языком. Эта языковая идеология, называемая в Blommaert 2004 «графоцентризмом», базируется на идее, что кампания по ревитализации и сохранению исчезающих языков должна фокусироваться на создании письменности.

Некоторые лингвисты считают, что разработка орфографии должна быть неотъемлемой задачей, входящей в проекты по документированию. Успех языковой документации во многом зависит от воспроизведения этих записей в орфографии, привлекательной для речевого сообщества. На самом деле, если принять, что документация должна быть доступна речевому сообществу, то разработка и внедрение практической орфографии в речевом сообществе является абсолютно необходимой задачей на ранней стадии проекта документации. Тем не менее развитию орфографии лингвисты обычно не уделяют особого внимания (Seifart 2006: 275). Критику данной позиции в свете развития новых технологий см. Lürke 2011: 321.

В Lürke 2011: 318 обсуждается, что многим полевым лингвистам знакома ситуация, когда создание письменности для языков, находящихся под угрозой исчезновения, входит в число самых настоятельных пожеланий многих языковых сообществ. Однако это позитивное отношение к грамотности не обязательно соответствует реальной практике распространения грамотности. Часто материалы для обучения грамоте, подготовленные на языке, находящемся под угрозой исчезновения, горячо приветствуются из-за престижа, который они придают языку, но они практически не используются.

Полевой опыт автора настоящей статьи также показывает, что письменность в последнее время приобретает символическое значение для исчезающих языков, повышая их престиж в глазах носителей, см. об этом Агранат 2017.

Во всем мире ведутся дебаты о роли школ в возрождении языка, обсуждение этого вопроса и обзор литературы см., например Sallabank 2011: 281–282. Школьное преподавание подвергалось критике за то, что оно переносит ответственность за передачу херитажного языка с его естественной сферы, дома и семьи, на учебное заведение. Однако некоторые инициативы оказывают положительное влияние на восстановление языков, находящихся под угрозой исчезновения. Обзор противоположных мнений по данному вопросу см. Coronel-Molina and McCarty 2011: 359–364.

Когда языковой сдвиг достигает своей финальной стадии, не только невозможной становится передача языка в естественной среде, но уже поздно создавать языковые гнезда, поскольку владеют языком только люди преклонного возраста, и они не могут работать с детьми. И тогда последняя надежда на сохранение и ревитализацию языка возлагается на его преподавание, для успешности которого необходимо создать адекватные учебники и, конечно, письменность, если язык бесписьменный. В такой ситуации в настоящий момент находятся, в частности, водский и ижорский языки. Автор участвовал в проектах по созданию письменности и учебников для этих языков. Водский язык до сих пор был бесписьменным, ижорский получил письменность в 1930-е гг., но она была вскоре утрачена. О причинах, не позволяющих использовать старую ижорскую письменность и учебники на этом языке см. Агранат 2022.

Оба пособия: Агранат, Савельева 2022 и Агранат, Белешко 2022 — написаны двумя соавторами: лингвистом и носителем языка, участие последнего обеспечивает естественность и аутентичность контента. Ср. обсуждение в Mosel 2011: 335 невозможности создания письменности для языка, находящегося под угрозой исчезновения, полевым лингвистом в одиночку и необходимости консультаций с носителем языка на всех этапах работы. Ср., также: «Лингвисты, работающие с языками, находящимися под угрозой исчезновения, все чаще тесно сотрудничают с местными сообществами, вовлекая их в программы преподавания языков. Лингвисты также стали основными разработчиками материалов для изучения языка и справочных материалов» (Hinton 2011: 307). О распределении функций между лингвистами и носителями исчезающих языков в деле их сохранения и ревитализации см. также Агранат 2019.

Наши учебные пособия предназначены главным образом для детей, для наглядности и лучшего запоминания лексики они снабжены большим количеством иллюстраций (художник — К.А. Рыбина). Взрослые также могут по ним заниматься, в том числе и самостоятельно, чему способствует их структура: наличие глоссариев с необходимой грамматической информацией и ключей к упражнениям, а также аудиозаписей к каждому уроку.

Поскольку в настоящий момент не существует детей, говорящих ни на водском, ни на ижорском языке как на родном, цель пособий — помочь им выучить язык. В современном мире для такой цели создаются коммуникативные учебники. Однако, во-первых, отсутствуют учителя, имеющие специальную подготовку, позволяющую им преподавать водский и ижорский языки по такому учебнику, к тому же уровень языковой компетенции энтузиастов-преподавателей не очень высок, а во-вторых, носители языков, будучи уже в преклонном возрасте, не могут вести уроки, поэтому было принято решение

создать книгу, обладающую чертами как коммуникативного, так и традиционного учебного пособия. Это отразилось на структуре пособия. До 7 урока включительно постепенно вводится алфавит, лексика привязана к пройденным буквам, при этом с самого начала слова подбираются таким образом, чтобы учащиеся понимали особенности водской/ижорской фонологии соответственно; при этом никакие правила, ни фонологические, ни грамматические, не формулируются. Грамматические формы не представлены в парадигмах для заучивания и не называются, их употребление становится понятным из текстов — сначала минимальных, затем, по мере изучения материала, — более развернутых. Грамматика «спрятана» в тексте, таким образом моделируется естественное овладение языком.

Когда уже пройден весь алфавит, дается первый связный текст, и далее в каждом уроке обязательно представлен текст; начиная с 8 урока лексика организована тематически. Пособия направлены не на пассивное, а на активное овладение языком, для этого в каждом уроке имеются специально подобранные упражнения. Уже в начальных уроках даются предложения не только на перевод с водского/ижорского языка, но и на перевод с русского на водский/ижорский. После прохождения алфавита уроки содержат, помимо упражнений на чтение, перевод и пересказ текстов, творческие задания на развитие речи: составление собственных рассказов на заданную тему, разыгрывание сценок по ролям, моделирование диалогов и др.

Каждый урок водского букваря озвучен З.А. Савельевой — носителем водского языка, ижорского — Н.Г. Белешко — носителем ижорского языка, таким образом, обучающиеся имеют возможность услышать реальную живую речь и потренироваться в произношении.

Что касается письменности, в целом было решено ее создать на базе латиницы с необходимой диакритикой. Латиница была выбрана, поскольку ею пользуются родственные старописьменные финский и эстонский языки. (Ср.: Успешное создание орфографии предполагает учет исторических, религиозных, культурных, связанных с идентичностью и практических факторов в дополнение к лингвистическим Lürke 2011: 312). Принцип орфографии фонематический.

Авторам одновременно необходимо было решить две задачи: написать учебник по иностранному языку (для большей части целевой аудитории это этнические языки, но даже не херитажные) и создать литературный язык, поскольку невозможно написать учебник по нестандартизованному идиому. Это первая попытка нормализации водского языка, о попытках стандартизации ижорского языка в 1930-е гг. см. Агранат 2022.

Вариативность ижорского языка не только на фонетическом, но и на морфологическом уровне всегда была очень велика и остается таковой даже

сейчас, когда число носителей очень мало. В основу предлагаемого учебного пособия лег идиолект Н.Г. Белешко, относящийся к сойкинскому диалекту. Учебное пособие отражает особенности идиолекта Н.Г. Белешко не только в фонетике, но и на всех языковых уровнях. Несмотря на очень малое количество носителей водского языка, на момент написания водского букваря сохранилось два говора, имеющие фонетические и морфологические различия; решено было взять на основу родной говор З.А. Савельевой. Кроме того, каждый носитель может использовать вариативные формы, и если бы стояла только задача стандартизации языка, то можно было бы не жестко предписывать нормативный вариант, но поскольку одновременно создается учебник для неносителей, необходимо было выбрать только один вариант.

Предлагаемые пособия предназначены для первоначального овладения языком и ставят своей целью прежде всего ознакомление с основами ижорского и водского языков и снятие языкового барьера и, соответственно, не могут охватить ни всю грамматику, ни весь словарь. Поэтому было принято решение дать только базовую лексику, не вводя неологизмы, обозначающие новые реалии. Авторы разделяют точку зрения, что для привлечения молодого поколения к изучению языка необходимо его использование в новых сферах и, соответственно, пополнение словарного состава новыми словами, отражающими современную жизнь. Однако мы считаем это задачей будущих учебных пособий для более продвинутого уровня изучения ижорского и водского языков.

Л и т е р а т у р а

- Агранат Т.Б. 2017. Новые функции письменности в XXI веке. *Языки малочисленных народов России: устное vs. письменное*. Тезисы докладов международной научной конференции Санкт-Петербург, 4–6 декабря 2017 г., 5–6.
- Агранат Т.Б. 2019. Функции лингвиста в деле сохранения и ревитализации исчезающих языков. *Международная научно-практическая конференция «Языки коренных народов как фактор устойчивого развития Арктики»*. Сборник материалов международной научно-практической конференции 27–29 июня 2019 г. Якутск, 335–337.
- Агранат Т.Б. 2022. Реинкарнация ижорской письменности. *Родной язык. Лингвистический журнал*, № 2, 146–157.
- Агранат Т.Б., Белешко Н.Г. 2022. *Ižorin bukvari. Ижорский букварь*. СПб.: Инкери.
- Агранат Т.Б., Савельева З.А. 2022. *Vad'd'a sōnakorittaja. Водский букварь*. СПб.: Инкери.
- Зайц Г. (ред.) 1995. *Вопросы уральских литературных языков*. Будапешт.
- Кибрик А.А. 2020а. Сохранение языкового разнообразия России: контуры программы. *Социолингвистика* том 1, № 1, 17–28.

- Кибрик А.А. 2020б. Программа сохранения языкового многообразия России. В кн.: С.С. Семенова, Н.Н. Васильева, С.Б. Леханов [и др.] (сост.) Родные языки народов России в системе образования: современное состояние и перспективы развития: Всероссийская научно-практическая конференция, г. Москва, 12–13 декабря 2019 г. Белгород: Константа, 17–18.
- Blommaert, Jan 2004. Writing as a problem: African grassroots writing, economies of literacy, and globalization. *Language in Society* 33, 643–671.
- Coronel-Molina Serafin M. and McCarty Teresa L. 2011. Language curriculum design and evaluation for endangered languages. In: Peter K. Austin and Julia Sallabank (eds.) *The Cambridge Handbook of Endangered Languages*. Cambridge University Press, 354–370.
- Crystal, David 2000. *Language Death*. Cambridge University Press.
- Edwards, John, 1992. Sociopolitical aspects of language maintenance and loss: towards a typology of minority language situations. In: W. Fase, K. Jaspaert, and S. Kroon (eds.). *Maintenance and loss of minority languages*. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 37–54.
- Fishman, Joshua A. 1991. *Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages* (Multilingual Matters 76). Clevedon: Multilingual Matters.
- Hinton, Leanne 2011. Revitalization of endangered languages. In: Peter K. Austin and Julia Sallabank (eds.) *The Cambridge Handbook of Endangered Languages*. Cambridge University Press, 291–311.
- Kibrik, Andrej A. 2022. A Program for the Preservation and Revitalization of the Languages of Russia. *Russian Journal of Linguistics*. 25, № 2, 507–527
- Lüpke, Friederike 2011. Orthography development. In: Peter K. Austin and Julia Sallabank (eds.) *The Cambridge Handbook of Endangered Languages*. Cambridge University Press, 312–336.
- Mosel, Ulrike 2011. Lexicography in endangered language communities. In: Peter K. Austin and Julia Sallabank (eds.) *The Cambridge Handbook of Endangered Languages*. Cambridge University Press, 337–353.
- Sallabank, Jilia 2011. Language policy for endangered languages. In: Peter K. Austin and Julia Sallabank (eds.) *The Cambridge Handbook of Endangered Languages*. Cambridge University Press, 277–290.
- Seifart F. 2006. Orthography development. In: J. Gippert, N.P. Himmelmann, U. Mosel (eds.) *Essentials of Language Documentation*. Mouton de Gruyter, 275–299.
- UNESCO 2003. Vitalité et disparition des langues. Groupe d'experts spécial de l'UNESCO sur les langues en danger. <https://ich.unesco.org/doc/src/00120-FR.pdf>

О ТИПОЛОГИЧЕСКОМ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ СВОЕОБРАЗИИ ГАСКОНСКОГО ЯЗЫКА

О.А. Гулыга

Институт языкознания РАН
ogulyga@iling-ran.ru

Данная статья тематически относится к одной из разнообразных сфер научных интересов юбиляра — Андрея Александровича Кибрика — исследованию языкового разнообразия, см. <https://iling-ran.ru/web/ru/scholars/kibrik>, а также Кибрик, Коряков 2019. Вторая, не менее важная, область научной и практической деятельности А.А. Кибрика — изучение и сохранение исчезающих языков, см. https://russkiymir.ru/publications/294670/?sphrase_id=1231216. Исчезающим является и гасконский язык/диалект, бывший когда-то языком королей, хронистов и поэтов, оставивших значительное количество письменных источников, в настоящее время ставший идиомом под угрозой исчезновения (*definitely endangered*).

Гасконский язык (фр. *langue gasconne*, гаск. *lenga gascona*, англ. *Gascon*) был исторически распространён на юго-западе Франции, на территории исторических областей Гиень и Гасконь (*Guyenne et Gascogne*), входивших в Аквитанское герцогство (IX–XV вв.). Топоним *Гасконь* (фр. *Gascogne*) и название языка *гасконский* связано с латинским этнонимом *Vascones* ‘васконы’ — так называли предков современных басков и гасконцев. Населённая ими территория получила наименование *Vasconia*, что во Франции с переходом начального /v/ в /gw/ и позднее в /g/ стало Гасконью. В современной Франции зоной распространения гасконского являются департаменты Жиронда, Ланды, Атлантические Пиренеи, которые после территориальной реформы 2014 г. вошли с 2016 г. в новый регион Новая Аквитания (*Nouvelle-Aquitaine*).

Гасконский язык официально рассматривается наряду с другими идиомами как одна из форм окситанского языка. Это обстоятельство отражено в докладе Консультативного комитета по развитию региональных языков и языкового разнообразия в стране 2013 года министру культуры и образования, где даётся определение региональных языков Франции и их перечень, см. <https://www.culture.gouv.fr/Thematiques/Langue-francaise-et-langues-de-France/Agir-pour-les-langues/Promouvoir-les-langues-de-France/Langues-regionales>. В лингви-

тических работах представлены также компромиссные решения, например, трёхчастное деление окситано-романского языкового ареала на гасконскую, окситанскую и каталанскую зоны (Вес 1970), употребление лингвонима гасконский язык/диалект (Чельшева 2001). Вариант гасконского языка, на котором говорят в Долине Аран (Валь д'Аран) на территории автономного сообщества Каталония (Испания), называется аранским (фр. *aranais*, аранский *aranés*).

В классификации идиомов и в самосознании населения юга Франции большую роль играет политическая и идеологическая составляющая. Носители или защитники вариантов регионального языка то соглашаются, то отказываются считать, что ареал распространения их идиома является частью региона, признаваемого территорией распространения окситанского. Нежелание менять идентичность приводит к распространению более гибкого, полицентрического представления о языке вообще, см., например, Field 2009, что противоречит традиционному европейскому, и особенно французскому, строгому требованию, чтобы только одна форма речи признавалась правильной.

Гасконский не является каноническим языком в общепринятом смысле слова, будучи совокупностью говоров (форм речи, идиомов). Во Франции гасконский язык как таковой не имеет никакого официального статуса. Для региона Новая Аквитания указаны четыре языка — официальный французский, региональные окситанский, баскский, языки ойль (пуатевинский, сентонжский). В Долине Аран, она же Валь д'Аран, Каталония (Испания) в 1990 г. аранский получил статус третьего официального языка наряду с испанским и аталанским.

Гасконский язык признан не просто языком под угрозой исчезновения, а критически исчезающим языком. Число говорящих на нём не определено, поскольку при переписи населения и социологических опросах его не учитывают отдельно, а включают в анкеты под названием окситанский. По результатам последней общей переписи населения 1999 г. указаны 1 млн как общее число говорящих любого уровня на региональных разновидностях окситанского и 500 тыс. как число регулярно говорящих на всей территории Франции (https://www.francetvinfo.fr/societe/combien-de-francais-parlent-vraiment-une-langue-regionale_952677.html), хотя о гасконском эти цифры ничего не говорят. С 2004 г. во Франции не проводят общую перепись населения, вместо неё принята так называемая скользящая перепись: каждый год фиксируют данные 5 млн домохозяйств, с охватом около 9 млн человек на определённых территориях.

Результаты социологического опроса 2020 г. в регионах Новая Аквитания и Окситания, см. https://www.ofici-occitan.eu/wp-content/uploads/2020/09/OPLO_Enquete-sociolinguistique-occitan-2020_Resultats.pdf, при котором гасконский

специально не выделялся и цифры приведены по окситанским идиомам в целом, показал, что из 8 000 опрошенных окситанским владеют в ограниченном объеме 7–12%, то есть 500–1000 человек. При этом 82% опрошенных выступают за поддержку и распространение окситанского в публичном пространстве, среди молодёжи и т. д.

В целом гасконскому языку к 20-м годам XXI века свойственны следующие черты исчезающего языка: число говорящих любого уровня резко снижается от старшего возраста к среднему и тем более молодому, дети не воспринимают его как родной язык от родителей в семье, число говорящих быстро сокращается, все предполагаемые носители двуязычны с предпочтением французского практически во всех ситуациях, письменная форма не востребована.

И всё же носители гасконского дистанцируются в своей идентичности, в своём языковом сознании, от окситанского. Например, наш современник Франсуа Маркаде, исходно из гасконской семьи, где гасконский идиом был утрачен в поколении его родителей, пишет в сервисе обмена знаниями Quora, см. <https://fr.quora.com/search?q=langue%20gasconne>: «Мой отец ненавидит окситанский, для него это язык, искусственно созданный для того, чтобы люди забыли свой родной патуа (диалект)» (перевод мой — О.Г.). В работе Schlieben-Lange 1971 Бригитта Шлибен-Ланге пишет: «Le (...) trait caractéristique de la conscience linguistique des occitans est son caractère fragmentaire. C'est très rare de rencontrer des sujets parlants qui se déclarent 'occitans'. La communauté linguistique qui constitue la conscience linguistique des occitans comporte rarement plus d'une région bien délimitée, et souvent ce ne sont que quelques villages qui forment la communauté à laquelle les occitans déclarent appartenir». Характерной чертой лингвистического сознания окситанцев является их фрагментарность. Очень редко можно встретить говорящих, которые считают себя окситанцами. Лингвистическое сообщество, с которым соотносится языковое сознание окситанцев и к которому они относят самих себя, очень редко выходит за пределы совсем небольшой территории, часто оно ограничено несколькими деревнями». На похожую, но всё же немного отличающуюся ситуацию указывают авторы работы Либертини, Челышева (2020: 103): «Итальянцы до сих пор четко осознают свою принадлежность к определенной региональной общности (а иногда и к определенному городу), ощущая себя сицилийцами или пьемонтцами, тосканцами или неаполитанцами. При этом однозначно определить отношение человека к региональной общности иногда оказывается сложно даже ему самому».

Лингвистическое своеобразие гасконского проявляется на всех языковых уровнях. Среди наиболее заметных фонетических изменений следующие: переход /f/ → /h/: лат. *filum* → гаск. *hiu* 'нить';

/ll/ → /r/ между гласными: лат. *bella* → гаск. *bera* ‘красивая ж. р.’; /ll/ → /t/ в конце слова: лат. *bellus* → гаск. *beth* ‘красивый м. р.’; протетическое /a/ перед начальным /r/: лат. *rivus* → гаск. *arriu* ‘ручей’; вокализация /l/ в конечной позиции: /al/ → /au/. В системе гласных происходит образование дифтонгов, усечение конечных гласных, переход безударного /o/ → /u/. Для наглядности приведём несколько соответствий генетически родственных лексем в латыни, французском, лангедокском и гасконском.

Латынь	Французский	Лангедокский	Гасконский	Значение
<i>filius</i>	<i>fil</i>	<i>filh</i>	<i>hilh</i>	сын
<i>femina</i>	<i>femme</i>	<i>femna</i>	<i>hemna</i>	женщина
<i>pauper</i>	<i>pauvre</i>	<i>paubre</i>	<i>praube</i>	бедный
<i>rota</i>	<i>roue</i>	<i>ròda</i>	<i>arròda</i>	колесо
<i>farīna</i>	<i>farine</i>	<i>farina</i>	<i>haria</i>	мука
<i>sāl</i>	<i>sel</i>	<i>sal</i>	<i>sau</i>	соль

В морфологии именные и глагольные категории те же, что и в других романских языках. Показателями мн. числа существительных могут быть *-s* и *-i*. В первом случае основы на взрывные согласные дают аффрикаты: *roc* ‘скала’ — *roxs* /rots/, *lop* ‘волк’ — *lops* /luts/. В результате аналогического выравнивания возникли формы с вариативными флексиями: *gran* ‘большой’ — мн. ч. *grans*, *granis*. В синтаксисе специфической чертой является оформление независимых утвердительных предложений препозитивной частицей *que*: *Que 't balhi la mia adreça* ‘Даю тебе свой адрес’. Также можно отметить опущение местоимённых подлежащих: *Qu'escribes una lètra* ‘(Ты) пишешь письмо’ и оформление прямого дополнения, выраженного названием человека, с помощью предлога *a*: *Qu'ha bist a Peirot* ‘(Он) увидел Пеиро’.

В заключение можно подчеркнуть типологическое своеобразие гасконского как формы речи. Кроме того, идентичность самих гасконцев даёт основание для сближения их с точки зрения культуры с народами пиренейского региона, в первую очередь с басками, несмотря на генетическую несопоставимость соответствующих языков. С другой стороны, тысяча лет постоянного воздействия коммуникативных практик южной Франции не могли не повлиять на своеобразие гасконского языка (Cames 2015: 12–15).

Литература

Кибрик А.А., Коряков Ю.Б. 2019. Языки мира и языковое разнообразие. В кн.: А.Е. Кибрик и др. (ред.) *Введение в науку о языке*. М.: Буки Веди, 285–320.

- Либертини Р., Чельшева И.И. 2020. Региональная идентичность и диалект в Абруццо (Италия). [Электронный ресурс]. *Социолингвистика*, № 4(4), 103–115.
- Чельшева 2001. Гасконский язык/диалект. В кн.: *Языки мира. Романские языки*. М.: Academia, 321–334.
- Вес, Pierre 1970 (1971). *Manuel pratique de philologie romane*. 2 v. Paris: Picard.
- Cames, Mathilde 2015. L'enseignement de l'occitan gascon en Gascogne Pyrénéenne (Béarn, Bigorre, Comminges et Couserans): un vecteur de la reconquête linguistique? Tours: Université François-Rablais.
- https://www.researchgate.net/publication/309319368_L'enseignement_de_l'occitan_gascon_en_Gascogne_pyreneenne_Bearn_Bigorre_Comminges_Couserans_un_vecteur_de_la_reconquete_linguistique
- Field, Thomas 2009. Présent et passé de la langue Gasconne. In: Guy Lattray (ed.) *La voix occitane. Actes du VIIIme Congrès de l'Association Internationale d'Études Occitanes*, 2, 745–775. Pessac: Presses d'université de Bordeaux.
- Schlieben-Lange, Brigitte. La conscience linguistique des occitans. <http://doi.org/10.5169/seals-399506>

ЖИЗНЬ ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ В СИТУАЦИИ ЯЗЫКОВОГО СДВИГА

О.А. Казакевич

Институт языкознания РАН
kazakevich.olga@gmail.com

Среди широкого круга научных интересов Андрея Кибрика интерес к фольклору (Кибрик 2008), на первый взгляд, представляется не столь очевидным, как, скажем, устная речь (Кибрик, Подлеская 2009; Kibrik et al. 2020 и др.), мультимодальность (Федорова, Кибрик 2014; Kibrik et al. 2019) или полевая лингвистика (Кибрик 2003; 2017), однако организация Лингвистического форума 2022 (Kibrik et al 2022) позволяет предположить, что фольклорная тематика юбилею далеко не чужда. Надеюсь, это мое предположение окажется верным.

Сегодня практически во всех локальных группах автохтонного населения Сибири происходит языковой сдвиг — сокращение объема функционирования этнического языка, постепенное прекращение его естественной внутрисемейной передачи от родителей детям и переход на русский язык как основное средство коммуникации. Начало и степень развития этого процесса различается от группы к группе, однако повсюду русский язык уже занимает доминирующее положение во всех коммуникативных сферах.

В статье рассматривается жизнь и трансляция фольклорной традиции и постепенное изменение ее бытования в локальных группах селькупов, кетов и эвенков на фоне языкового сдвига в группах (охватывается период с 1920-х годов до настоящего времени). При этом в качестве источников информации о бытовании фольклорной традиции использованы 1) метаданные в изданиях фольклора и в фольклорных архивах, а также сам состав изданных и неизданных коллекций, 2) рассказы о жизни членов этно-локальных групп и глубинные интервью, 3) опросы, 4) наблюдение за жизнью групп. Мы начнем с фиксации фольклорных текстов, а в заключение коснемся современной роли лингвиста как транслятора фольклорной традиции.

Фиксация фольклорных текстов

Простейший, испокон веку использовавшийся способ фиксации фольклорного текста внутри традиции — запоминание текста для его дальнейшего

воспроизведения. Такая фиксация всегда была индивидуальна и держалась на *знающем*, готовом рассказать, и *восприимчивом*, готовом слушать, запоминать и передавать дальше, чтобы важное слово жило и продолжалось.

Фольклорные тексты извне записывали лингвисты, фольклористы, этнографы, историки, краеведы, путешественники... Для лингвиста, занимающегося документацией языка, фиксация фольклорного текста — это частный случай фиксации текста на языке, всегда желанный, поскольку в фольклорном тексте больше шансов найти вымываемую в других типах текстов лексику и редкие грамматические формы, но далеко не всегда доступный: в некоторых этнолокальных группах фольклорная традиция уходит раньше языка.

Выделяются два важных параметра фиксации текста — язык и способ. Очевидно, что для фиксации фольклора предпочтителен язык традиции, и кажется, сейчас это общепризнано, однако известна масса случаев фиксации фольклорных текстов (сюжетов) на языке исследователя (достаточно вспомнить записанную по-русски замечательную коллекцию энецких фольклорных текстов, Б.О. Долгих 1961, или селькупские сказки из приложения к монографии Г.И. Пелих 1972).

До изобретения звукозаписи графическая фиксация была единственным способом внешней фиксации фольклорных текстов. Однако и после появления возможности записывать звук графическая запись еще долго оставалась основной формой фиксации лингвистического материала, в том числе и фольклорного, а фиксация звука, если она и была, рассматривалась как приятное и полезное, но всего лишь дополнение. Вплоть до 1960-х годов за редчайшим исключением, касающемся в основном музыкального фольклора, тексты фиксировались графически, под диктовку информантов. Появившиеся в 1960-е годы у лингвистов, фольклористов и этнографов магнитофоны позволили вести аудиофиксацию материала. Довольно длительное время аудиозапись и графическая запись под диктовку информанта существовали параллельно, при этом далеко не всегда дополняя друг друга. С одной стороны, вплоть до 1990-х годов некоторые лингвисты старой закалки предпочитали графический способ фиксации текстов как «более надежный». С другой, мы имеем сейчас немало аудиозаписей фольклора 1960–1980-х годов без графической расшифровки, и эти записи требуют «оживления» для дальнейшей работы с ними.

Видеофиксация фольклорного материала, эпизодически осуществлявшаяся этнографами и фольклористами (или при их участии) для создания этнографических фильмов, в 1990-е годы, с появлением портативных видеокамер, стала широко использоваться, а в 2000-е превратилась в стандарт для проектов по документации языков, отклонение от которого сегодня случается, но

не приветствуется. Звукозаписывающие устройства и портативные видеокамеры обеспечивают сейчас не только увеличение объема собираемой в поле информации, но, что особенно важно, возможность последующей верификации гипотетических моделей структурирования этой информации. Вместе с бурным развитием компьютерных технологий это способствовало появлению и быстрому росту мультимедийных фольклорных архивов и более или менее организованных корпусов текстов, по которым может вестись всевозможный поиск.

Как правило, записи сибирских фольклорных текстов, сделанные в прошлом веке профессионалами, сопровождаются данными о контексте записи. Такие контекстные параметры, как время и место записи текста, имя, возраст и этно-локальная группа рассказчика, иногда комментарии о его старших родственниках и/или о том, от кого и в какой ситуации он слышал исполненный им текст, реже — о распространении знания фольклора в этно-локальной группе рассказчика, мы можем найти как в научных публикациях фольклорных записей прошлого века, так и в архивах исследователей. Это дает возможность получить представление о бытовании фольклорной традиции во время фиксации текстов.

Рассказы о жизни как источник информации о бытовании и трансляции фольклорной традиции

Для лингвиста попросить информанта рассказать о жизни — это довольно стандартный способ получить текст на языке. Между тем, рассказы о жизни оказываются ценнейшим источником информации о самых разных вещах — от истории страны до истории фольклорной традиции. Не случайно в последние десятилетия запись историй жизни стала чрезвычайно популярной и среди историков, и среди социологов, и среди лингвистов, даже тех, кто работает с «большими» языками (см., например, Фельде и др. 2022).

В рассказах о жизни старшего и среднего поколений то и дело появляются воспоминания о том, как им рассказывали сказки, причем не только в детстве.

Вот несколько примеров (приводится только русский текст).

Бабушка мне сказки не рассказывала, больше истории из жизни. А дедушка рассказывал сказки, говорил, чтобы я запоминала (Кетка, 87 лет, Суломой, 2004).

Мы без сказки спать не ложились. У нас на стойбище была бабушка, приходила к нам в чум и каждый вечер сказки рассказывала. (Селькупка, 28 лет, Толька Красноселькупская, 1996).

Я сказки от отца и старшего брата слышал (Селькуп, 47 лет, Красноселькуп, 2002).

Мне бабушка сказки рассказывала, она из Корликов, из хантов (Селькупка, 27 лет, Толька Красноселькупская, 1996)

Сказки старики рассказывали. Их раньше много здесь было (Селькуп, 60 лет, Толька Пуровская, 2011).

У нас в Фаркове в интернате воспитатель был, Илья Федорович Кукушкин. Он по вечерам всех нас собирал и сказки по-селькупски рассказывал (Селькуп, 58 лет, Фарково, 2014).

Мне отец сказки рассказывал, он сказочник был (Селькуп, 51 год, Фарково, 1999).

Отец, когда ослеп, без дела не сидел, сети всем помогал нанизывать. Сети нижет и сказки рассказывает. Он много знал. Я запомнила (Эвенкийка, 50 лет, Чиринда, 2007).

У нас на стойбище бабушка была, с нами жила, она ненка, но по-эвенкийски хорошо говорила, она много сказок знала, всегда нам рассказывала, вот я и запомнила (Эвенкийка, 14 лет, Советская Речка, 1998).

Детство/юность рассказчиков таких историй приходится на конец 1920-х — 1970-е годы. Многие тексты содержат упоминание о том, что старшие усиленно рекомендовали детям внимательно слушать и хорошенько запоминать. В это время идет естественная передача традиции.

Опрос как источник информации о бытовании и трансляции фольклорной традиции

В рамках проводившихся нами социолингвистических обследований в этно-локальных группах селькупов, кетов и эвенков (см. Kazakevich 2021) респондентам задавались вопросы о знании фольклорных текстов разных жанров, о ситуациях, в которых происходило знакомство с текстами, и об умении эти тексты воспроизвести. В используемой нами анкете, состоящей из 46 вопросов, фольклору посвящено четыре.

Приведем таблицу ответов на эти четыре вопроса, полученных в группе селькупов села Толька (Красноселькупский район Ямало-Ненецкого автономного округа), население на момент опроса (2013) 1923 чел., селькупы 541 чел. и в группе кетов села Келлог (Туруханский район Красноярского края, население 329 чел. (2015), кеты 222 чел.).

Вопросы анкеты о фольклоре и их номера в общей анкете	Ответы селькупов Тольки (опрошено 125 чел., 2012)	Ответы кетов Келлога (опрошено 62 чел., 2015)
32. Слышали ли Вы песни на этническом языке	Слышал 85%	Слышал 85%
33. Рассказывали ли Вам сказки на этническом языке?	Да, по-селькупски 75 %	Да, по-кетски 25 %
	Читал по-селькупски 15%	Читал по-кетски 5%
	Читал по-русски 30%	Читал по-русски 50%
34. Знаете/помните ли Вы сказки на этническом языке? Можете ли рассказать?	Да, по-селькупски 30%	Да, по-кетски 10%
	Да, по-русски 10%	Да, по-русски 25%
35. Рассказываете ли Вы детям/внукам селькупские/ кетские сказки? На каком языке?	Да, по-селькупски 10%	Да, по-кетски 2%
	Да, по-русски 25%	Да, по-русски 15%

Самый сохранный фольклорный жанр — песни. Их слышали на этническом языке большинство опрошенных, некоторые могут спеть. Большинство респондентов старшего и среднего поколения, чье детство прошло до появления в селах телевидения (до 1980-х), слышали в детстве сказки на своем этническом языке. Языковой сдвиг в Келлоге начался в 1970-е годы, в Тольке лет на 20 позже, соответственно, возраст келлогских кетов, которым в детстве рассказывали сказки по-кетски, выше возраста селькупов, слышавших в детстве сказки по-селькупски.

В 1980-е годы жизнь фольклорной традиции у селькупов, кетов и эвенков стала меняться. В поселках, а затем и на стойбищах вечерние сказки постепенно вытеснил телевизор. Новой формой существования сказок стала книга. Изданные по-русски сборники сказок народов Севера весьма популярны в северных сибирских поселках. Сегодня эти сборники нередко оказываются единственным способом знакомства детей со своим этническим фольклором. В появляющихся с 1990-х годов красиво иллюстрированных двуязычных изданиях селькупских, кетских и эвенкийских сказок дети и большинство взрослых читают исключительно или преимущественно русский перевод. Впрочем, стоит отметить, что в некоторых двуязычных изданиях фольклора переводом может оказаться как раз селькупский, кетский или эвенкийский, а вовсе не русский текст. Так, некоторые селькупские сказки, зафиксированные только по-русски, за последние 10 лет были переведены на разные диалекты селькупского языка носителями этих диалектов.

Лингвист как недостающее звено современного бытования и трансляции фольклора

Сегодня среди селькупов, эвенков и даже кетов есть еще сказочники, передающие (или способные передать) услышанное в детстве и юности. Но поскольку большинство селькупских и эвенкийских детей своего этнического языка не знают, а у кетов младшим носителям языка и вовсе за 50, ситуация, в которой сказка может быть рассказана, а песня спета «на языке оригинала», возникает все реже¹.

На этом фоне весомый вклад в создание коммуникативных ситуаций для трансляции фольклора вносят лингвисты, фольклористы и антропологи. Для современных сказочников они превращаются в важную целевую аудиторию, а их звуко- и видеозаписывающие устройства становятся порукой в сохранности рассказанного для будущего, подобно тому, как раньше такой порукой были внимательные молодые слушатели.

Вот что говорила нам когда-то Ольга Васильевна Латикова (1917–2007), замечательная кетская женщина, *знающая*, с уходом которой ушла заметная часть кетской традиции:

Записывайте! Пусть слово мое дальше пойдет, к моим потомкам. Детям и внукам моим это сейчас не интересно, но может, мои правнуки захотят послушать мои рассказы и узнать, как жили их предки, и у них будет, что посмотреть и послушать.

Л и т е р а т у р а

- Долгих Б.О. 1961. *Мифологические сказки и исторические предания энцев*. М.: Изд-во Акад. наук СССР.
- Кибрик А.А. 2003. Опыт социолингвистического опроса в малом языковом сообществе. In: *First International symposium on field linguistics. Abstracts*. Moscow: Institut of Linguistics RAN, 50–53.
- Кибрик А.А. 2008. Система дискурсивной транскрипции для фольклорного дискурса на языке пулар В кн.: А.В. Архипов и др. (ред.) *Малые языки и традиции: существование на грани*. Вып. 2. М.: ЯСК, 260–303.
- Кибрик А.А., Подлеская В.И. (ред.) 2009. *Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса*. М.: Языки славянских культур.

¹ Правда, фольклорные ансамбли поют песни и по-селькупски, и по-эвенкийски, и по-кетски, но не всегда поющие понимают значения слов, которые они произносят.

- Кибрик А.А. 2017. Хиналуг, Тлядал, Анди, и далее по всем пунктам. В кн.: В.А. Плунгян, О.В. Федорова (ред.). *Жизнь как экспедиция: сборник статей к 50-летию школы полевой лингвистики А.Е. Кибрика и С.В. Кодзасова, т. 1*. М.: Буки Веди, 321–345.
- Пелих Г.И. 1972. Приложение 1. Селькупские сказки. В кн.: Г.И. Пелих. *Происхождение селькупов*. Томск: Издательство Томского университета, 319–377.
- Федорова О.В., Кибрик А.А. (ред.). 2014. *Мультимодальная коммуникация: теоретические и эмпирические аспекты*. М.: Буки Веди.
- Фельде О.В., Смирнов Е.С., Васильев В.К. 2022. *Язык и культура Северного Приангарья в зеркале устного текста: монография*. Под общей ред. О.В. Фельде. Красноярск: ООО РПБ «Амальгама».
- Kazakevich Olga. 2021. Fieldwork in the situation of language shift In: Tatiana B. Agranat, Leyli R. Dodykhudoeva (eds). *Strategies for Knowledge Elicitation. The Experience of the Russian School of Field Linguistics*. Cham, Switzerland: Springer International Publishing AG, 103–118.
- Kibrik A.A., Korotaev N.A., Fedorova O.V., Evdokimova A.A. 2019. Unified multichannel annotation: A tool for analysing natural communication. In: *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference "Dialogue"*, vol. 18. М.: РГГУ, 265–280.
- Kibrik A.A., Korotaev N.A., Podlesskaya V.I. 2020. Russian spoken discourse: Local structure and prosody. In: S. Izre'el, H. Mello, A. Panunzi, and T. Raso (eds.). *Search of Basic Units of Spoken Language: A corpus-driven approach*. Netherlands: John Benjamins Publishing Company, 35–76.
- Kibrik A.A., Gusev V.Ju., Davidyuk T.I., Sideltsev A.V. (eds.). 2022. *International Conference «Linguistic Forum 2022: Traditional speech forms and practices»: Abstracts*. Moscow: Institute of Linguistics RAS, 17–19 November 2022.

VOZNESENSKII 1842 WESTERN HALF OF THE KENAI PENINSULA

James Kari

University of Alaska Fairbanks
jmkari@alaska.edu

Katherine L. Arndt

University of Alaska Fairbanks
klarndt@alaska.edu

To Professor Andrei Kibrik whose work on the Upper Kuskokwim Dene language and on Alaskan Russian is very much appreciated.

This paper was inspired by a map of the western half of the Kenai Peninsula included in a geological treatise originally published in German by Constantin Grewingk in 1850 (Grewingk 2003: 21). The map, credited as “after Wosnessensky,” is remarkable in that it includes both Russian and recognizably Dena’ina place names. The challenge has been to match those names with Dena’ina toponyms elicited from Dena’ina speakers or transliterated from numerous written sources by James Kari over the past 50 years (see Kari 2019).

Wosnessensky refers to Il’ia Gavrilovich Voznesenskii (1816–1871), an assistant preparator for the Zoological Museum, Russian Imperial Academy of Sciences. In August 1839 the Academy dispatched him on an expedition to collect natural history and ethnological specimens throughout Russia’s North American possessions. Arriving in Novo-Arkhangel’sk (Sitka, Alaska) eight months later, Voznesenskii spent the next five years (1840–1845) documenting the natural and human environments in the vicinities of Ross in California and the various Russian settlements and outposts in Alaska. His voluminous notes, drawings, correspondence, and collections are still studied today (Alekseev 1987, Korsun 2013).

Voznesenskii’s time on the Kenai Peninsula was limited to two months in 1842, mid July to mid September by the old calendar, late July to late September by today’s reckoning. Based out of Nikolaevskii redoubt (present-day Kenai), his travels extended from Cape “Mikeshin” (East Foreland) to Kachemak Bay, inland to the Kenai Mountains and Tustumena Lake, out to Kalgin Island in Cook Inlet, and possibly across the inlet to Kustatan (Alekseev 1987: 32–33; Korsun 2013: 240–241).

Though Voznesenskii is reputed to have been fluent in German (Korsun 2013: 239), samples of his notes viewed on microfilm and a published example of one of his sketch maps (Alekseev 1987: 27) are all written in Russian Cyrillic script. From this we conclude that the sketch map and notes constituting the basis for the German map were also in Cyrillic script, and that the spelling of names on the German

map (Figure 1) are German transliterations of the Cyrillic. To reduce phonetic confusion, Arndt has attempted a reverse transliteration (German back to Russian Cyrillic) in the accompanying table (Table 1). Lacking access to the original material, in many cases it was possible to make only a best guess. In the table these are marked as “presumed R sp.”

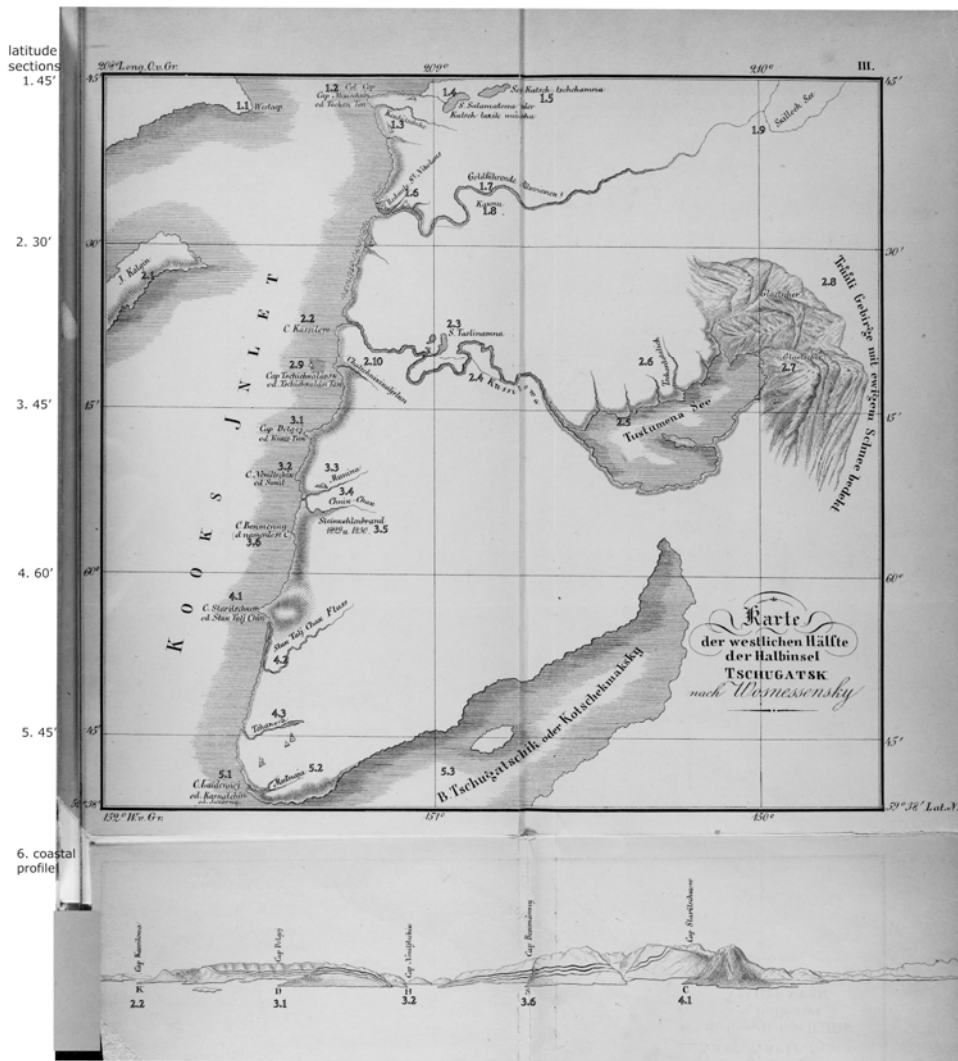

Figure 1. Voznesenskii 1842 map (Rasmuson Library Rare Books A0488). Reference numbers added by Kari.

Figure 1. Voznesenskii 1842 (Rasmuson Library Rare Books A0488).
Reference numbers added by Kari

Dena'ina writer Peter Kalifornsky (1911–1993) was the source of most of the Kenai Peninsula Dena'ina names presented in the table. Most Voznesenskii map names were first published in Kalifornsky 1977: 125–137. (PK+page number on the table refers to pages in Kalifornsky 1991). Alexander Wilson (1910–1971) was a strong Outer Inlet speaker from the Soldotna area. In his last five years Wilson was writing about Dena'ina place names and land use. His papers with several hundred Dena'ina words are cataloged at the Alaska Native Language Archive; in the table they are simply cited as AW.

Table 1. Place names on 1842 Voznesenskii map, with current names and traditional Dena'ina equivalents

map no.	GNIS, official or local name	local Russian	Dena'ina names	literal translation	PK1991, others
1.1	Kustatan	“Westcap” Kustan (Voznesenskii 1842)	Qezdeghnen	‘peninsula land’	Korsun 2013:240
1.2	East Foreland Nikishka, Nikiski	“Ost Cap” “C. Mikischkin” or “Tuchan Tan” presumed R sp М. Ми- кишкин or Тухан Тан	Dnigiski [Tughen t'an?]	‘little moose place’ ?’by water people’	Rus-Den blend, JK AW
1.3	likely outlet stream of Salamatov Lake	“Kantütschike” presumed R sp Кантычике	Qantushchigi	‘ochre by water’ or ‘yellow mud’	PK334
1.4	likely Bernice Lake	“S. Salamatowa” or “Kutsch Tazik Mütscha” R sp О. Саламатова presumed R sp Куч Тацик Мыча	1 Ken Dech'etl' Bena 2 Nundazk'et'a Bena	‘scrub timber lake’ ‘lines extend down lake’	AW PK343
1.5	likely Island Lake	“See Kutschtschamna” presumed R sp Озеро Куч-чхамна	Keshch'a Bena	‘down feathers lake’	PK344
1.6	Old Kenai [& two streams]	“Redaute St. Nikolaus” R sp Редут Св. Николай	Shqitsatnu Shk'ituk'tnu	‘sloping flat rock stream’ ‘we slide down stream’	PK347
1.7	comment on local geology	<i>Goldführende Alluvionen</i>		‘goldbearing alluviums’	

map no.	GNIS, official or local name	local Russian	Dena'ina names	literal translation	PK1991, others
1.8	Kenai River	“Kaknu” R sp Какну	Kahtnu	‘river mouth river’	PK347
1.9	Skilak Lake	“Skilloch See” presumed R sp Скил- лох Озеро	Sqilan Bena Q'es Dudilen Bena	‘ridge is there lake’ ‘flows into outlet lake’	Kenai L. cf. Skilak L. PK349
2.1	Kalgin Island	“J. Kalgin” R sp Ост. Калгин	Qelghin	‘greasy’	PK 1977:137
2.2	Cape Kasilof Kasilof site (S of spit)	“C. Kassilow” R sp М. Касилов	Ggasilat	Early Aleut- Den. blend	PK345
2.3	lake N side, Pollard Lake	“S. Taslinamna” presumed R sp Оз. Тазлинамна	Tasdlen Bena	‘current lake’	PK345
2.4	Kasilof River	“Kussilowa” R sp Касилова	Ggasilatnu	Early Aleut- Den blend	PK346
2.5	Tustumena Lake	“Tustumena See” presumed R sp Озеро Тустумена	Dusdubena	‘downstream point lake’	PK346
2.6	Shantatalik Creek	“Tschantatalich” presumed R sp Чанта- талих	Shanteh K'eteleht	‘summer fish run starts place’	PK346
2.7	Tustumena Glacier	<i>Glaetscher</i>	Dusdubena Li'a		PK346
2.8	Truuli Peak, ice fields	“Trüüli” presumed R sp Трьюли	dghili or Yaghenen Dghil'u	‘mountain(s)’ ‘good land mountains’	PK347
2.9	Cape S of Cape Kasilof	“Cap Tschichkalänsk” or “Tschichkalän Tan” presumed R sp Мыс Чихкаленск or Чихка- лен Тан	Chix Qilant (t'an)	‘where-there- is-ochre (people)’	PK342
2.10	Clam Gulch stream	“Chal'jchnikikal'slun” presumed R sp Хальхникикальслун	Qalnigi Ka'a Qilantnu	‘big-rocks- are-there stream’	PK342

map no.	GNIS, official or local name	local Russian	Dena'ina names	literal translation	PK1991, others
3.1	Den. village site S of "Humpies Point" (AW)	"Cap Dolgoj" or "Kukis Tan" R sp Мыс Долгой Presumed R sp Кукис Тан	[Qeghek'istunt] "Carr-kees-tunt" "people were called Ca-tan-a"	R 'long point' D 'by it long object'	AW PK1991 n.k.
3.2	Cape Ninilchik Ninichik River	"C. Neniltschik" or "Sunit" R sp М. Ненилчик presumed R sp Сунит	Niqnalchint	'lodge is built place' or 'upriver orifice'	PK341 Sunit n.k. by PK
3.3	house on Ninilchik River	"Munina" R sp Мунина	possessive form of R surname Munin <i>and</i> PK: Hbunen'a	'Munin's [place]' <i>and</i> 'their land'	PK341
3.4	Deep Creek	"Chnik-Chak" presumed R sp Хник-Хак	Hnikaq'tnu	'embedded mouth stream'	PK341
3.5	comment on historical event	<i>Steinkohlenbrand 1829 u. 1830</i>		'coal fire 1829 and 1830'	
3.6	Cape S of Ninilchik, possibly lake bed	"C. Besimenny (d. namenlose C.)" R sp. М. Безъименный	Besi Bena	'nameless cape' <i>and</i> 'horned owl lake'	PK341
4.1	Cape Starikoff	"C. Staritschkow" or "Stuk Talj Chin" R sp. М. Старичков presumed R sp Штук Таль Хин	Shtuhtalent	R 'little old man' D 'where current flows out'	PK341
4.2	Stariski Creek	"Stuk Talj Chak Fluss" presumed R sp Река Штук Таль Хак	Shtuhtalentnu	'current flows out stream'	PK341
4.3	Chakok Creek, 2 nd creek N on Anchor River	"Tchakoch" presumed R sp Чакох	Ch'akaq'tnu	'from out mouth'	PK341

map no.	GNIS, official or local name	local Russian	Dena'ina names	literal translation	PK1991, others
5.1	3 distinct features: Laida Slough Den n.k. Anchor Point	“C. Laidennoj” or “Kasnatchin” or “Jakorny” R sp. М. Лайденной presumed R sp Казначин R sp Якорный	Layda (site) Kasnatchin n.k. by any Den speakers	R ‘intertidal slough’ n.k. R ‘anchor’	PK341
5.2	Mutnaia Gulch	“Mutnaja” R sp Мутная		R ‘muddy, turbid’	Orth 1967: 667, citing Voznesens- skii
5.3	Kachemak Bay	“B. Tschugatschik” or “Kotschekmaksy” R sp Зал. Чугачик presumed R sp Кочек- макский	PK’s pronunciation Kachakmak		

Notes for table

1.2. Mikishkin not recognizably Russian, no locally used name sounding like it is known. Orth (1967: 296) cites it as a variant name under the entry for East Foreland. Orth (1967: 888) notes that Petroff, on his 1880 map, was first to record the name Nikishka, also locally Nikiski. Kari thinks Voznesenskii misheard M for N. It seems that by the 1840s the local Dena'ina name **Dnigisgi** was a Dena'ina-Russian blend meaning ‘little moose,’ being the source of Nikishka or Nikiski.

1.3. **Qantushchigi** likely stream at Salamatov; note structure N of stream.

1.4. *Scenario 1*: if modern Salamatoff Lake corresponds to Voznesenskii map; *scenario 2*: if not, then two lakes shown north of East Foreland could be Bernice Lake near **Tuqeyankdat** site. Structure noted just below mouth of Bernice Lake outlet.

1.6. First stream likely **Shqitsatnu** N of St. Nicholas; second stream at **Shk'i-tukt** site with 3 triangles indicating structures. Note unnamed stream S of Kenai River with a structure, possibly chapel site on Kalifornsky Beach Road, near **Hdnadlent** ‘slanted place.’

2.2. and 2.4 A. M. Berge (Kari 2022: 23): Early Aleut, “Aleut *qasi-lix* ‘to be fishing, to fish for supply, to store fish.’ This etymology is plausible, as the Kasilof River is a major fishing site; the closest Yup’ik word, *kassighuq*, means ‘confluence of rivers.’” This blend between Early Aleut and Dena'ina **tnu** implies overlapping territories in the distant past.

2.3. Note structures or cache pits on N bank of river below Pollard Lake outlet. Trail noted, area called **K'isna Ch'adel** 'where the women come out.'

2.5. Relief at Tustamena Lake is highly accurate, shows Caribou Island.

2.6. Lower Shantatalik Creek is likely where Voznesenskii collected shaman doll (Korsun 2013:249).

2.7. PK learned of the Tustamena lake area from Old Man Nikanorga. Indian Creek **Litsaltnu** was the center of Dena'ina activity in the 19th century.

2.8. Close version of Dena'ina **dghili**, generic mountains.

2.9. German descriptive phrase following place name "Gebirge mit ewigem Schnee bedekt" translates as 'mountains covered with eternal snow'.

3.1. Bluff 8–10 mi. N of Ninilchik. Sharp point on Voznesenskii's coastal profile, perhaps eroded away since 1840s. A. Wilson 1967: 11 "Humpy Point or Carra-kees-tunt, the people were called Ca-tsn-a. This village was wiped out during an epidemic during the 1800s. Most of the men folks...were on a hunting trip further south... Three children survived who walked the beach towards Kasilof." The Name **Qeghk'istun** supplied by AW implies a linear bluff.

3.3. Important name, ("Munina") punning on Rus. Moonen or PK's **Hbunena**, implying Dena'ina-Ninilchik Creole bilingualism. This may refer to Efim Munin, short-term occupant of the first Russian house built at Ninilchik (Arndt 1996: 242–243).

3.5. German 'coal fire.' Refers to location of a fire in a bituminous coal seam that occurred in 1829–1830 (Grewingk 2003: 22).

3.6. Ambiguous and humorous double meanings. We have not yet discussed this lake name with the Ninilchik Traditional Council.

4.1. Stariski Creek names are important in that they show an established Russian-origin name and an accurately spelled Dena'ina name.

4.3. Note the lake and structure symbols on a north tributary of Anchor River; implies a Dena'ina village was on pond on lower Anchor River. No Dena'ina sites are known along lower Anchor River.

5.1. Osgood (1937: 13) lists this as the southernmost coastal village "Kas-natchin (Anchor Point)," using Voznesenskii's spelling. Kari asked numerous Den. speakers if they knew plausible names: Q'esnach'en, Qesnachin, Q'esnachen, but no one recognized such a name.

5.3. Peter Kalifornsky's usual pronunciation of "Kachemak" as **Kachakmak** has confirmation with the spelling on the Voznesenskii map. This may be an Early Aleut or a true substrate place name.

References

- Alekseev A.I. 1987. *The odyssey of a Russian scientist: I.G. Voznesenskii in Alaska, California and Siberia, 1839–1849*. Transl. Wilma C. Follette, ed. Richard A. Pierce. Kingston, Ontario: The Limestone Press.

- Arndt Katherine L. 1996. "Released to reside forever in the colonies": Founding of a Russian-American retirement settlement at Ninilchik, Alaska. In: Nancy Yaw Davis and William E. Davis (eds.). *Adventures through time: Readings in the anthropology of Cook Inlet, Alaska*. Anchorage: Cook Inlet Historical Society, 235–250.
- Grewingk Constantin. 2003. *Grewingk's geology of Alaska and the Northwest Coast of America*. Transl. Fritz Jaensch, ed. Marvin W. Falk. Fairbanks: University of Alaska Press.
- Kalifornsky Peter. 1977. *Kahtnuht'ana Qenaga. The Kenai people's language*. Fairbanks: Alaska Native Language Center.
- Kalifornsky Peter. 1991. *A Dena'ina legacy K'tl'egh'i Sukdu: The collected writings of Peter Kalifornsky*, ed. James Kari and Alan Boraas. Fairbanks: Alaska Native Language Center.
- Kari James. 2019. Dena'ina Place Names, Version 1.3. 305 pp, 2675 records. Ms.
- Kari James. 2022. Dena'ina Loan Word Appendix, March 10, 2022. 38 pp. Ms.
- Korsun Sergei. 2013. Dena'ina collections in the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunsktamera), transl. Evguenia Anichtchenko. In: S. Jones, J.A. Fall and Aaron Leggett (eds.). *Dena'inaq' Huch'ulyeshi, the Dena'ina way of living*. Fairbanks: University of Alaska Press, 237–260.
- Orth Donald W. 1967. *Dictionary of Alaska place names*. U.S. Geological Survey Professional Paper 567. Washington, D.C.: Government Printing Office.
- Osgood Cornelius. 1937. *The ethnography of the Tanaina*. Yale University Publications in Anthropology. No. 16. New Haven: Yale University Press.
- Wilson Alexander. 1967. A. Wilson papers, (Aug. 1967–March 1971) assisted by Wilma Hackney for Kenai Historical Society, reorganized by J. Kari in 2022 ANLA: TI967W1967, 106 pages.

КЕНТАВРЫ, ГАНДХАРВЫ, ЦЕРБЕР И ИХ ВОЗМОЖНЫЕ СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ КОРНИ: О ПРЕДПОЛАГАЕМЫХ КОНТАКТАХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В ДРЕВНОСТИ

Л.И. Куликов

НИУ «Высшая школа экономики», Гентский университет
kulikovli@googlemail.com

1. Кентавры и гандхарвы

Греческое слово *κένταυρος* представляет собой этимологическую загадку (Chantraine 1968: 515). Единственное сопоставление за пределами греческого было предложено ещё А. Куном (Kuhn 1852), который сравнил *κένταυρος* с индоиранской (ведийской) формой *gandharvá-*, обозначающей одно из самых загадочных существ индоиранского мифологического пантеона, довольно опасное для человека (по данным древнейших ведийских текстов, Ригведы и Атхарваведы).

Происхождение формы *gandharvá-* также неясно; А. Лубоцкий (Lubotsky 2001) включает эту форму в число общеиндоиранских форм, не имеющих надёжной индоевропейской этимологии и, возможно, заимствованных из неизвестного языка носителей культуры Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (ВМАС, конец III — нач. II тыс. до н. э.), располагавшейся непосредственно к югу от андроновской, с которой обычно отождествляются протоиндоиранцы.

Несмотря на фонетическую несостоятельность этого сравнения (др.-гр. *κ* не может соответствовать вед. *g-*, др.-гр. *τ* — вед. *dh-*, и т. д.)¹, целый ряд признаков, общих для этих двух классов существ, указывают скорее на родство, нежели на случайное совпадение. Подробному анализу этого параллелизма посвящена специальная работа Куликов 2021, поэтому ниже я лишь кратко перечислю черты, общие для кентавров и гандхарвов: 1) терио- и ме-

¹ Неудачей закончились попытки соотнести индоиранские и греческие формы (наиболее известна работа Dumézil 1929).

таморфизм (они являются оборотнями и/или териоморфами, в частности вед. гандхарвы могут принимать различные облики, являясь то болотными огоньками, то собакой или обезьяной, то пригожим юношей, соблазняющим чело-веческих женщин; рефлексы др.-ир. формы *gaṇḍarəḥa-* в памирских языках обозначают оборотней, ср. шугн. *žindūrν*); 2) эквивальность (лошадиная природа) как особый тип териоморфизма (ср. скр. форму *kiṃnara-*, вероятно, восходящую к тому же источнику, что и *gandharvá-*, и обозначающую небесных музыкантов, изображаемых полулюдьми-полуконями); 3) гиперсексуальность и сексуально агрессивное поведение (ср. имя бога любви *Kandarpa* в кл. санскрите — вероятно, еще один рефлекс той же гипотетической праформы (Barnett 1928: 704)); 4) инцестуальные отношения и «субститутные» браки, в которые вступают (или хотят вступить) связанные с гандхарвами/кентаврами родственными узами мифологические персонажи (ср. индоиранский миф об инцесте близнецов Ямы и Ями, рожденных, согласно РВ 10.10.4, от союза гандхарвы и апсары; пример «субститутного» (замещающего) брака — союз Иксиона и Нефелы (подменяющей Геру), от которого родились кентавры, и брак иранского Йимы/Джамшида, супругой которого становится демоница (пери) — вторичное замещение инцеста в исходной версии общеиндоир. близнечного мифа); 5) связь с водной стихией (реками, болотами). Всё это свидетельствует о том, что формы *kéntavros* и *gandharvá-* (вместе с вариантами *kandarpa-* и *kiṃnara-/kinnara-*, указывающими на ряд вторичных этимологизаций), видимо, восходят к одному *Wanderwort*, являясь независимыми заимствованиями из одного источника — неизвестного неиндоевропейского языка (или группы родственных языков), который был в контакте как с (прото)греческим, так и с праиндоир. языками. С учетом всех перечисленных выше вариантов гипотетический источник обсуждаемых форм можно приблизительно восстанавливать как **KVnDVr(u)-*.

Ряд авторов предлагали искать источник *kéntavros* и *gandharvá-* в ближневосточных мифологиях, в частности в касситской традиции (Lawrence 1994: 57; Maturo 2014), где мы находим целый ряд гибридных существ (в том числе крылатых кентавров). Несмотря на то, что сведения о языке касситов (несомненно неиндоевропейском, и, возможно, связанном с хуррито-урартскими языками, см. Schneider 2003, и тем самым, согласно гипотезе Дьяконова-Старостина, с восточной ветвью северокавказской макросемьи)², правивших Вавилоном во II тыс. до н. э., крайне скудны (Jaritz 1957), обнаруживается по крайней мере одна форма, которая может иметь отношение к гипотетическим

² См., в частности, Иванов 2007: хх–ххi. Предположение о контактах касситов с индоиранцами подтверждается несколькими касситскими именами, заимствованными из индоиранского.

источникам обсуждаемых форм — кассит. *gaddaš* (*gandaš*, *g^yan^dz-*; см. von Soden 1966: 82; Schneider 2003: 324³) ‘царь’, являющееся также именем первого касситского правителя. Эту форму иногда сопоставляют с хаттским *katte* ‘царь’⁴, но еще интереснее кажется сравнение с сев.-кавк. реконструкцией (NCED 714) **kwVnVtV* (*!*kwVnVtV*) ‘мужчина, герой’ (пранах. **kanat*; ав.-анд. **k^winṭa*; чеч., инг. *ḡant*; ср. также чам. *kwinṭa-ḡi* ‘пенис’). С.В. Кулланда (2012: 411) предлагал рассматривать индоиранскую форму как восходящую к гипотетическому протонахскому сложному слову **ḡan(a)t* ‘юноша’ + **bāri* ‘банда’, но вторая часть сравнения представляется сомнительной не только по фонетическим причинам (вызывает сомнения возможность «озвончения **t* и развития придыхания в индоарийском под влиянием звонкого увулярного фрикативного **b*»), но и в связи с тем, что изначально Гандхарва был, вероятно, одиночным персонажем, и лишь в более поздней мифологии (по-видимому, начиная с Атхарваеды) этим термином начинает обозначаться целый класс существ.

Географическое расположение касситов примерно на полпути между греками и гипотетической прародиной индоиранцев делает размещение источника *gandharvá-/κένταυρος* в этой части Азии весьма вероятным. Тот факт, что родиной греческих кентавров считается Фессалия, то есть один из восточных регионов Греции, может служить дополнительным подтверждением гипотезы о прибытии предка (прото)кентавров в Грецию с Востока — вероятнее всего, через северную Анатолию.

2. *kéśa-* ‘(курчавые) волосы’ и волосатые гандхарвы

Еще одна форма, заслуживающая упоминания именно в контексте гипотетических сев.-кавк. связей кентавров/гандхарвов, — индоиранское слово со значением «волосы»: вед. *kéśa-* ‘волосы’, авест. *gaēsa-* ‘курчавые волосы’. К возможным соответствиям за пределами индоиранского относят лат. *caesariēs* ‘пышные кудри, длинные волосы’, однако возведение их к единой и.-е. пра-

³ Особый интерес представляет форма **kundarum* (в ^d*Marduk-ku-un-da-rum* «Мардук — царь»). Van Soden (1966: 82) объясняет эту форму как предполагаемое неправильное прочтение **kundaš*, учитывая что *rum* и *aš* передаются одним и тем же клинописным символом. Тем не менее, принимая во внимание разительное сходство **kundarum* (ср. в особенности заключительное *-ru-!*) с гипотетическим источником *κένταυρος*, *gandharvá-* и т. д. (**KVnDVr(u)-?*), было бы заманчиво предположить, что это (неправильное?) прочтение могло послужить источником обсуждаемых форм.

⁴ Которое, вероятно, имеет соответствие в празападнокавказском; В.А. Чирикба (Chirikba 1996: 424) сопоставляет его с общеабх. **qada* ‘глава, предводитель, лидер, вожак’.

форме связано с серьезными формальными трудностями (de Vaan 2008: 81–82), а вариативность начального согласного (вед. *k-* / авест. *g-*) в индоиранском наводит на мысль о заимствовании из неиндоевропейского источника. С.В. Кулланда (2012: 406–407) предположил для индоир. форм восточнокавказское происхождение, сопоставив с ними прапах. **qēs* ‘грива’, для которого NCED 468 реконструирует вост.-кавк. праформу **GwēžV* ‘длинные волосы, грива’. Хотя предположение Кулланды, возможно, требует корректировки (см. Гусейнов 2019), сходство индоиранских и кавказских форм слишком примечательно, чтобы квалифицировать его как случайное. Речь, возможно, идет о заимствовании из некоторого языка, близкого к вост.-кавк. ветви, хотя и не входящего в ее состав — вероятно, именно таков статус хуррито-урартских языков (см. выше). Интересно, что различие между рефлексам начального согласного в индоарийском и иранском (*k-/g-*) обнаруживает параллелизм с вариацией, засвидетельствованной для форм, связанных с обозначениями гандхарвов: др.-иранский материал фиксирует только рефлекс *g-* (*gandarəβa-*), в то время как в индоарийском мы находим несколько вариантов, как с начальным *g-* (*gandharvá-*), так и с *k-* (*kandarpa-* и *kiṃnara-/kinnara-*); таким образом, формы с *k-* могут быть ближе к гипотетической праформе, подвергшейся вторичной этимологизации в случае *gandharvá-* (← *gandhá-* ‘запах’?).

Особый интерес представляет тот факт, что вед. *keśa-* (~ **GwēžV* ‘грива’?) и его производные встречается в тех контекстах, где упоминается гандхарва⁵, таким образом косвенно указывая на его (полу)эквивалентную природу⁶.

3. Др.-гр. κέρβερος, древнеиндийские параллели и их происхождение

Еще одно существо низшего пантеона, заслуживающее упоминания в данной статье, — др.-гр. κέρβερος (Цербер — трёхголовый пёс, охраняющий выход из царства мёртвых), часто сравниваемый с рядом схожих скр. форм, для большинства из которых засвидетельствовано значение «пятнистый, пестрый» и т. п. (иногда в совокупности с желтоватой и/или коричневатой окраской), хотя некоторые из них зафиксированы только древнеиндийскими лексикографами и не встречаются в текстах. К ним относятся формы как с начальным *k-* (такие как *karbura-*, *karbara-/karvara-/karbūra-* ‘пятнистый, пестрый; тигр; золото; аурипигмент (серный мышьяк)’ и т. д.), так и с начальным *ś-*. К последним относятся *śabala-* ‘пятнистый, пестрый’ (один из

⁵ Например, в АВ-Шаун. 4.37.11 ≈ АВ-Пайпп. 12.8.6 *kumārāḥ sarvakeśakāḥ / priyó dṛśá iva bhūtvā́ 'gandharvāḥ sacate strīyaḥ* ‘...становясь словно приятный на вид юноша, [покрытый] волосами всех видов [т.е. половозрелый], гандхарва преследует женщин’.

⁶ Следует также упомянуть демона в облике коня Кеши (*keśin-*) в индийской мифологии.

двух псов бога Ямы, охраняющих вход в царство мертвых) и *śárvar[a]*- (с неясным значением, о котором ниже); *ś*-формы засвидетельствованы начиная с Ригvedы. *śárvara*- встречается всего один раз (форма от основы жен. рода *śárvarī-*) в гимне Марутам: *té syandrāso n_aókṣāṇó a_{ti} śkandanti śárvarīḥ* (PB 5.52.3ab). Интерпретация гапакса *śárvarīḥ* как формы со значением ‘ночи’ (вин.п. мн.ч.), принятая в большинстве переводов (напр. Jamison and Brereton (2014: 728): ‘They, like streaming bulls, spring across the nights’), связана с рядом проблем. В ранних работах, в частности, в Большом Петербургском словаре, это слово переводилось как “die bunten Thiere der Marut(s)” (Böhtlingk/Roth, PW VII, 105). В работе Kulikov 2009 я показал, что Маруты могут ассоциироваться с гепардами (или леопардами); таким образом, этот фрагмент можно предположительно перевести как «они [= Маруты] покрывают *шарвару* = самок пятнистых животных (?) [= самок гепардов (?)]». Перевод ‘гепард’ кажется предпочтительным для *śárvara*- (так же, как и для еще одного ведийского слова с неясным значением, *piśá-* букв. ‘пёстрый’) не только потому, что это единственная разновидность кошачьих, для которого мы не знаем ведийского названия, но и потому что в Индии гепарды использовались как охотничьи животные, что косвенным образом поддерживает их сравнение с кёрберос.

Обе группы форм, на *ś*- и на *k*-, могут быть соотнесены с предполагаемым греческим соответствием кёрберос (← ‘пятнистый?’ пёс’): первая (более архаичная?) требует реконструкции начального палатовелярного **k̥-*.

Как и в случае кένταυρος/*gandharvá-*, разнообразие рефлексов предполагаемой праформы позволяет лишь предположительно восстановить общий источник названных форм (**K^(ʷ)erBerV-?*) и, по-видимому, также указывает на независимые заимствования из одного неиндоевропейского источника. Обращение к сев.-кавк. словарю позволяет найти хорошее соответствие — это форма **čarbV* (*/*bārčV* (~ *č*)) (NCED 341), обозначающая породу собаки; ср. ав.-анд. **čiba* (~ *-o*) ‘сука’; хварш. *čeba* ‘сука’; лезг. **p:arč-* ‘ищейка’, таб. *barči*⁷. Не исключено, что этим термином обозначалась порода, близкая кавказской овчарке, для которой достаточно характерны и пятнистость, и коричневатый окрас. Форма *śácala-* могла быть заимствована из языка, утратившего

⁷ Гипотеза о сев.-кавк. происхождении обсуждаемых и.-е. форм может подсказать объяснение предполагаемой в NCED метатезы (**čarbV//*bārčV*): не следует ли реконструировать рифмованную редупликацию (кёрбер-, *śárvar-*), наблюдаемую в языке-реципиенте, но не засвидетельствованную в вост.-кавк. языках (родственных языку-донору), где мы находим либо только основной корень/основу, либо только слог редупликации? Здесь уместно будет вспомнить об интересных наблюдениях в недавней работе А.А. Кибрика и Т.А. Майсака (2021: 38–40), указывающих на целый ряд явлений (в частности, в дагестанских языках), сигнализирующих о хезитации, среди которых одним из важнейших является повтор.

сонант перед *b* и, возможно, попала в Ригведу через диалект древнеиндоарийского, где *r* переходило в *l*: *śábalā-* < **śábara-*.

4. Заключительные замечания

Контакты индоевропейцев с северокавказскими языками давно привлекают внимание лингвистов и историков (см. Николаев 1985). К предполагаемым северокавказским языкам относят сближаемые с зап.-кавк. ветвью языки хаттов и (слабо известных) касков, в то время как с вост.-кавк. ветвью сопоставляют хуррито-урартские языки. Сюда же, возможно, относится слабо засвидетельствованный касситский — во всяком случае, перспективным представляется поиск сопоставлений типа кассит. *gaddaš* (*gandaš*, *g^van^dz-*) ~ вост.-кавк. **kwVñVtV*. Следует отметить, что все перечисленные выше сопоставления соответствуют реконструкциям, восстанавливаемым только на вост.-кавк. уровне — вероятно, именно с этой ветвью контактировали индоиранцы. Возможно, именно этими контактами объясняется примечательная особенность индоиранских языков — ослабление фонологической оппозиции *r/l* и переход *l > r* (повсеместно в иранском и частично — в индоарийском): такое же явление характерно для целого ряда вост.-кавк. языков (в частности, для аваро-андийских и цезских; см. Николаев 1985: 68).

Богатый материал для сравнения может также содержать терминология низшего мифологического пантеона: названия мифических существ, демонов и т. п.

Л и т е р а т у р а

- Гусейнов Г.-Р. А.-К. 2019. Еще раз к проблеме лексических контактов северокавказских, индоиранских и классических языков. Заметки на полях одной публикации. *Индоевропейское языкознание и классическая филология (Чтения памяти И.М. Тронского)*, № XXIII, 239–246.
- Иванов Вяч. Вс. 2007. О статьях С.А. Старостина. В кн.: С.А. Старостин. *Труды по языкознанию*. М.: Языки славянских культур, viii–xxviii.
- Кибрик А.А., Майсак Т.А. 2021. Правила дискурсивной транскрипции для описательных и документационных исследований. *Rhema*, № 2, 23–45.
- Куликов Л.И. 2021. Индоир. *gandharvá-* и его (не)индоевропейские родственники: сравнительно-мифологические заметки. *Родной язык*, № 1 (Спец. вып., посвященный 90-летию Дж.И. Эдельман), 256–277.
- Кулланда С.В. 2012. К проблеме лексических контактов северокавказских, индоиранских и классических языков. *Индоевропейское языкознание и классическая филология (Чтения памяти И. М. Тронского)*, № XVI, 406–415.

- Николаев С.Л. 1985. Северокавказские заимствования в хеттском и древнегреческом. В кн.: *Древняя Анатолия*. М.: Наука, ГРБЛ, 60–73.
- Barnett L.D. 1928. Yama, Gandharva, and Glaucus. *Bulletin of the School of Oriental Studies*, vol. 4, no. 4, 703–716.
- Böhtlingk O., Roth R. 1855–1875. [PW] *Sanskrit-Wörterbuch*. St. Petersburg: Eggers.
- Chantraine P. 1968. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. Paris: Klincksieck.
- Chirikba V.A. 1996. *Common West Caucasian: the reconstruction of its phonological system and parts of its lexicon and morphology*. Leiden: Research School CNWS.
- Dumézil G. 1929. *Le problème des Centaures: étude de mythologie comparée indo-européenne*. Paris: Geuthner.
- Jamison S.W., Brereton J. P. 2014. *The Rigveda: the earliest religious poetry of India*. Vol. 1–3. New York: Oxford University Press.
- Jaritz K. 1957. Die kassitischen Sprachreste. *Anthropos*, Bd. 52, H. 5–6, 850–898.
- Kuhn A. 1852. Gandharven und Kentauren. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete des Deutschen, Griechischen und Lateinischen (KZ)*, Bd. 1, 513–542.
- Kulikov L. 2009. Vedic *piśá-* and Atharvaveda-*Śaunakīya* 19.49.4 = Atharvaveda-Paippalāda 14.8.4: A note on the Indo-Iranian bestiary. *Journal of Indo-European Studies*, vol. 37, no. 1&2, 141–154.
- Lawrence E.A. 1994. The centaur: Its history and meaning in human culture. *Journal of Popular Culture*, vol. 27, no. 4, 57–68.
- Lubotsky A. 2001. The Indo-Iranian substratum. In: C. Carpelan, A. Parpola, P. Koskikallio (eds.). *Early contacts between Uralic and Indo-European: linguistic and archaeological considerations*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 301–317.
- Maturo M. 2014. “Uomini-cavallo”: genesi, elaborazione e memoria iconografica della figura del centauro, alcuni esempi. *Acme*, vol. 67, no. 2, 7–40.
- NCED 1994 — Nikolayev S.L. and Starostin S.A. *A North Caucasian etymological dictionary*. Moscow: Asterisk.
- Schneider T. 2003. Kassitisch und Hurro-Urartäisch: Ein Diskussionsbeitrag zu möglichen lexikalischen Isoglossen. *Altorientalische Forschungen*, Bd. 30, 372–381.
- von Soden W. 1966. Zu einigen kassitischen Wörtern. *Archiv für Orientforschung*, Bd. 21, 82–83.
- de Vaan M. 2008. *Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages*. Leiden: Brill.

Расширенная версия этой статьи находится по ссылке:

ГАЛЛЫ: В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ЭТНОСА

Т.А. Михайлова

Институт языкознания РАН
tamih.msu@mail.ru

Проблемы смены языка и утраты этнической идентичности входят в сферу многочисленных и разнообразных научных интересов Андрея Александровича Кибрика. В то же время обращение к данным прошлых столетий, как мне кажется, может дать неожиданный и интересный для дальнейшего анализа сопоставительный материал.

«Каждая несчастливая семья несчастлива по-своему», — учит нас Лев Толстой, но вряд ли он прав. Моделей несчастливого брака на самом деле не так уж много, и каждый конкретный случай оказывается в итоге довольно банальным. То же можно сказать и о смене языка. Французский лингвист Ксавье Деламарр в небольшой статье, посвященной проблеме, почему галлы утратили свой язык, так и пишет: «Исчезновение галльского языка представляет собой банальный процесс» (Delamarre 2017: 23). Конечно, это так. Но называние процесса утраты языка банальным предполагает отождествление каждого конкретного случая с какой-то уже разработанной моделью, опирающейся на серию прецедентов. Так, сопоставление случаев смены языка аранутов, носителей диалекта албанского языка, и их перехода на язык греческий с аналогичным процессом имевшим место в Восточном Сатерленде, Шотландия, и перехода гэлов на английский язык привело в свое время Н. Дориан (2012) к разработке так называемой **ГАМ-модели**, в которой учитываются как внешняя ситуация (ВС), так и особенности речевого поведения (РС) и затем — структурные последствия ВС и РП (СП). Схему взаимодействия выделенных факторов см. также в Зассе 2012.

Что касается ВС, то тут с галлами, казалось бы, все достаточно ясно: они были завоеваны Римом, а точнее — градуально романизованы. Это вызвало изменения в их РП, за которым логически последовали и СП уже в самих галльских диалектах, приведшие к полной утрате языка и переходу на народную латынь уже к IV в. н.э. Нечто подобное происходило и в Ирландии, которая начиная с XII в. находилась под английским влиянием, что также вызвало градуальную англизацию общества и практически полный переход на английский как основной язык общения, точнее — на локальный субвариант литера-

турного английского языка (см. Hickey 2007). Однако в Ирландии смена языка и даже принятие английской культуры не вызвали смены этнической идентичности. Почему же утратили ее галлы и действительно ли они ее утратили?

Современный исследователь считает галлами всех носителей галльских диалектов, свидетельства чему сохранились в эпиграфике, этнонимике, топонимике и ономастике населения определенных регионов. Базируясь на данном принципе, мы можем выделить достаточно широкую область, в которой в свое время жили галлы: от Севера современной Италии до Бельгии и отчасти Германии (район Трира), а на Запад — до полуострова Бретань во Франции исключая район севернее Пиренеев, где жили аквитаны (предположительно, родственные баскам). Романизация южных зон началась уже в III в. до н.э., когда Римская республика расширила свои границы и присоединила к себе так называемую Цизальпинскую Галлию, то есть область распространения галльских диалектов южнее Альп. В I в. до н.э. население уже считалось гражданами Рима по рождению и подчинялось римскому праву. Римляне называли это регион *Gallia togata* — то есть «Галлия, облаченная в тоги», что имело важное символическое значение и демонстрировало ценностные установки населения. До нас дошло несколько надгробий, написанных этрусским письмом, которые расшифровываются как галльские и датируются II в. до н.э. Позднее исконный язык был полностью утрачен, и к началу кампании Цезаря данная область давно была фактически частью Рима и так себя и осознавала (Drinkwater 1984: 1).

Во II в. до н.э. римские интересы распространились севернее Альп в так называемую Трансальпинскую Галлию, причем вряд ли частичный ввод римских войск в южные районы современной Франции можно было в полной мере назвать вторжением или завоеванием. Небольшая греческая колония Массилия (район возле современного Марселя), основанная фокейцами еще в VII в. до н.э., отличающаяся пестротой народностей и языков, постоянно обращалась к Риму за военной помощью в попытках отразить набеги лигуров, а затем — кимвров и тевтонов. Во время похода Цезаря население скорее разделяло интересы «завоевателей» и не поддерживало еще отмечавшееся в северных районах движение сопротивления (Dietler 2010: 161). До нас дошло довольно значительное число надписей греческим алфавитом на безусловно галльском языке, датирующихся III–I вв. до н.э. То же можно сказать и о так называемой Нарбоннской Галлии, ставшей римской провинцией в 122 до н.э. Кроме смены языка, происходившей градуально, следует отметить и смену политического режима: отказ от монархии (точнее — ряда мелких локальных монархий) и переход к республиканскому правлению (Fichtl 2004: 118). Массилия и Нарбонн имели в Риме статус *civitas*, однако воспринимались как галльские колонии и назывались *Gallia braccata* — то есть «Галлия, носившая

штаны». Судя по свидетельствам более поздних античных авторов (Страбона, Цицерона, Тита Ливия и др.) население данных районов имело установку на латинскую культуру и латинский язык и постоянно ощущало собственную стигматизацию, что воплощалось и в смене РП. Интересно при этом, что, например, в житии св. Мартина Турского (уже IV в. н.э.) показан диалог жителя Аквитании и путника из северных земель, в ходе которого последний просит прощения за свой *sermo rusticior*, «деревенский выговор». Подобная глубина лингвистической интроспекции скорее удивляет, но видимо за ней стоит общая установка населения на смену идентичности.

К I в. до н.э. собственно Галлией оставались лишь Северные и Западные районы современной Франции, так называемая *Gallia comata* — «косматая Галлия», иначе — Лугудунская Галлия. Именно эти районы и были завоеваны во время кампании Цезаря, толчком к которой послужил приезд в Рим друида эдуев Дивитиака: он просил военной помощи для защиты от очередного нападения германских племен и выступил с речью в сенате против секванов, которые в 62 году до н.э. объединились с германцами. Лугудунская Галлия, как принято считать, была романизована также довольно быстро, создав особый этно-лингвистический феномен: галло-римляне. До нас дошло при этом огромное число памятников на галльском языке, написанных как латинским инициалом (надгробия и votивные памятники), так и курсивом (надписи на керамике, на пряслицах, на свинцовых табличках), в основном имитирующих аналогичные латинские модели. Существуют также античные свидетельства того, что галльский был языком общения в отдельных районах еще в IV в. При всей их функциональной ограниченности, текстов дошло до нас так много, что в них уже можно отметить определенные диахронические сдвиги, выражающиеся в смещении ударения, редукции, лениции консонантов в слабых позициях, апокопизации и так далее. Вряд ли все это СП латинского влияния: несомненным является наличие черт, характеризующих дальнейшее развитие уже островных кельтских языков (см. Lambert 1997). Но проверить, по какому пути пошел бы галльский, если бы ему суждено было сохраниться, мы не можем. Более того, в настоящее время существует тенденция пересмотра свидетельств латинских авторов, писавших о *sermo Gallico*: предположительно, речь шла не о собственно галльском языке, но о латыни с сильным галльским акцентом, иначе — уже прото-французском (Blom 2009).

Карта распространения Империи II–IV вв. н.э. демонстрирует множество разнородных этнически и лингвистически зон. Как мы понимаем, вся эта область представляет собой районы пестрого, нестабильного языкового контактирования, в ходе которого разные формы народной латыни (которые сами также не были однородны и находились в состоянии диглоссии с латынью официальной) смешивались с местными языками, причем далеко не всегда

это обязательно кончалось рождением того или иного прото-романского языка (см. Mullen, James 2012). При всем разнообразии ВС и РП можно отметить и некоторые общие тенденции. Сравним этно-лингвистические и социальные ситуации в при-рейнских северных зонах, где жили в основном треверы и медиоматрики, и юго-восточную Британию, где жили бритты. Так, в обеих зонах был высокий уровень романизации, но при этом, в отличие от районов центральной Франции, там не была распространена письменность на автохтонных диалектах. Именно там, в бывшей «косматой Галлии», прошедшей достаточно многоплановый путь романизации, во время германского нашествия V в. вдруг начала не только превалировать народная латынь, но на нее перешли и сами завоеватели, основавшие в 486 г. первое Франкское королевство. В районах, которые были не меньше романизованы на уровне административном и культурном, но где кельтские диалекты письменности не обрели и сохранялись как разговорные (до IV-V вв.), германские племена не только уничтожили латынь, но и насадили свои языки, вытеснив местные. Так сложилась этно-языковая ситуация в районе современного Трира, а также — восточной Британии, утратившей и языковую, и этническую идентичность после вторжения саксов в V в.

В рамках распространенной модели поглощения этносом-Т языка и культуры этноса-А, естественно, следует учитывать и разницу культурного потенциала. Поэтому не следует удивляться тому, что римляне не повлияли на язык и культуру эллинов и иудеев. Интереснее другое: латинская культура для галлов оказалась противостоящей не собственной культуре, а германской. Вовлеченность в так называемую *Rex Romana* в историческом и географическом понятии слова, видимо, служила иллюзией некоей гарантии сохранения собственной этнической идентичности, прикрытой римским щитом. Идентичности — противостоящей германской. А вот в Ирландии ничего подобного не было: возникшая в XIII в. оппозиция «завоеватели — местное население» изначально была только бинарной и никакой иной.

Не случайно лозунг «Наши предки — галлы», выдвинутый Наполеоном III, появился во Франции именно в 1870 году после начала франко-прусской войны. Фраза «В прежние времена наша страна называлась Галлией» до недавнего времени открывала все школьные учебники французского языка, включая Сенегал, Алжир и Индокитай... (Bouche 1968).

Литература

- Дориан Н. 2012. Утрата и сохранение языка в ситуациях языкового контакта. В кн.: Н. Б. Вахтин. *Социоллингвистика и социология языка. Хрестоматия*. СПб.: Издательство Европейского университета, 382–401.

- Засе Х.-Ю. 2012. Теория языковой смерти. В кн.: Н. Б. Вахтин. *Социоллингвистика и социология языка. Хрестоматия*. СПб.: Издательство Европейского университета, 433–459.
- Blom A. H. 2009. *Lingua gallica, lingua celtica: Gaulish, Gallo-Latin, or Gallo-Romance? Keltische Forschungen*, bd. 4, 7–54.
- Bouche D. 1968. Autrefois, notre pays s'appelait la Gaule...: Remarques sur l'adaptation de l'enseignement au Sénégal de 1817 à 1960. *Cahiers d'Études Africaines*, v. 8, c. 29, 110–12.
- Delamarre X. 2017. Pourquoi le galois a-t-il perdu sa langue? In: X. Delamarre. *Les noms des gaulois*. Paris: Les Cent Chemins, 21–23.
- Dietler M. 2010. *Archaeology of Colonialism. Consumption, Entanglement and Violence in Ancient Mediterranean France*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
- Drinkwater J. F. 1984. *Roman Gaul. The Three Provinces, 59 BC — AD 260*. London-Sidney: Croom Helm.
- Fichtl S. 2004. *Les peuples gaulois. III–I s. av. J.-C.* Paris: Edition errance.
- Hickey R. 2007. *Irish English. History and Present-day Forms*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lambert P.-Y. 1997. Gaulois tardif et latin vulgaire. *ZCP*, bd. 49–50, 397–413.
- Mullen A., James P. (eds.) 2012. *Multilingualism in the Graeco-Roman worlds*. Cambridge: Cambridge University Press.

МЕКЕГИНСКИЙ ДИАЛЕКТ — ОСНОВА СЕВЕРНОДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА?

Р.О. Муталов

Институт языкознания РАН
mutalovr@mail.ru

При сравнительном изучении материала даргинских языков и диалектов возникает ряд интересных вопросов, одного из которых мы коснемся в данной статье. Жители села Мегеб, расположенного вдали от других даргинских селений в авароязычном Гунибском районе Дагестана, считаются переселенцами из села Муги Акушинского района. Но при этом языки у мегебцев и мугинцев разные: мегебский считается близким кадарскому идиому, а не мугинскому (Муталов, 2021: 15). Закономерен вопрос: почему сложилась такая ситуация?

Имеется множество преданий, говорящих о том, что аул Мегеб был основан выходцами из села Муги. Так, П.К. Услар, выделивший в своей работе 5 групп Даргва пишет, что вне этих групп (среди других) остается «аул Миамух1и, по-аварски Мох1о (на карте Могоб/Мегеу) 149 дворов, основан весьма давно выходцами из Мух1и, спасавшимися от кровомщения» (1892: 4). Автор также отмечает, что «жители говорят наречием Мух1и, но весьма испорченным» (1892:4).

В своей работе С.М. Хайдаков (1985) приводит мнение историка-мегебца о том, что аул возник еще в VIII–IX веках. Он пишет: «документально известно, что в 1320-м году аул был сожжен Тамерланом» (1985: 101). По другим сведениям, село образовано в XIV веке. Отметим, что данное предположение выглядит вполне правдоподобно, более того, сами мегебцы и мугинцы не сомневаются в верности этих преданий: свое село мегебцы называют *mex1x1ve* «Мегве», село Муги — *Хвала Mex1x1ve* «Большое Мегве», а мугинцы Мегеб называют *Мимух1х1е* «Мемуги» (Магомедов 1982: 5). Жители двух селений хранят в памяти факт переселения мегебцев и, хотя расстояние между селениями не близкое, у них «налажены интенсивные контакты: практикуются взаимные групповые визиты, приглашают друг друга на важные торжества» (Daniel et al. 2019: 4).

Парадокс заключается в том, что всем этим преданиям противоречит то обстоятельство, что мегебский и мугинский совершенно разные идиомы. «Большинство мегебцев, с которыми я разговаривала, сказали, что не пони-

мают мугинского диалекта и предпочитают общаться с мугинцами на русском языке» (Daniel et al. 2019: 4).

Работ по сравнительному изучению даргинских диалектов и языков пока не много. Между тем, вопросы установления границ между даргинскими идиомами, выявление междиалектных схождений и различий, подготовка окончательной классификации языковых единиц даргинского ареала остаются одними из наиболее актуальных проблем даргиноведения. В советские годы даргинские идиомы считались диалектами одного языка. В 2021 году, исходя из лексикостатистических данных, Ю.Б. Коряков выделяет 15 даргинских языков (2021: 144).

Тем не менее, благодаря проекту «Языки России», запущенному Андреем Александровичем в Институте языкознания, удалось подготовить более-менее согласованную классификацию даргинских языков — в ней обосновано выделение шести даргинских языков, в числе которых и мегебский. Данная классификация впервые была озвучена нами на заседании Дискуссионно-аналитического клуба по языковой политике в Институте языкознания РАН, также созданного и руководимого Андреем Александровичем. Пользуясь случаем, хочу выразить юбиляру огромную благодарность за организацию той масштабной работы в коллективе, которая направлена на сохранение и изучение малых языков нашей страны (Кибрик 2020) — эта проблема стоит очень остро и, если не предпринимать определенных усилий и мер, вполне возможно, что через несколько десятилетий мы можем стать очевидцами массового исчезновения языков.

Целью данной статьи является выяснение вопроса, почему мегебцы и мугинцы, исторически являющиеся выходцами из одного села, говорят на разных языках. А.А. Магометов, автор первой мегебской грамматики, пишет, что мегебский «сравнительно близок к урахинскому диалекту» (1982: 4). Он приводит лишь одну общую черту мегебского и мугинского — наличие интенсивного фарингального звука $x1x1$ (1982: 5). В нашей статье показана близость мегебской речи к кадарскому идиому и всей мекегинско-мюрегинско-губденской группе диалектов (Муталов 2021: 15).

Языковых общностей между мегебским и кадарским идиомами, выявляющихся как в фонетической системе, так и в морфологическом строе, довольно много; они даны в различных наших статьях, и приводить их здесь не представляется возможным. Отметим лишь тот факт, что большинство из этих явлений встречается только в этих двух идиомах.

Кадарский диалект относится к севернодаргинскому языку и распространен на крайней северной точке даргинского ареала. Село Мегеб находится также на периферии, только на западной стороне. Вряд ли можно обосновать предположение, что один из рассматриваемых диалектов образовался от дру-

гого, поскольку расстояние между двумя аулами — несколько дней пешей ходьбы. По этой же причине исключено и контактное взаимовлияние.

Тогда наиболее вероятной становится гипотеза, согласно которой носители этих двух идиомов на каком-то историческом этапе жили вместе или по соседству, и говорили на одном языке. Оба идиома разошлись чуть ли не в противоположных направлениях, оказались на периферии даргинского ареала, развивались в иноязычном окружении. Контакты с другими даргинцами были минимальными, и они сохранили архаические черты единого языка-основы, существовавшего, возможно, тысячу — полторы тысячи лет назад.

И тут закономерен вопрос — почему тогда мугинцы говорят на другом языке? Есть два варианта ответа на этот вопрос: а) либо они жили в другом месте и вместе с своим языком мигрировали в место нынешней локации; б) либо они жили рядом с предками мегебцев и кадарцев, но после миграции последних их язык подвергся изменениям. Вторая точка зрения выглядит более реалистичной по следующим причинам. По своему грамматическому строю мугинский относится к севернодаргинской группе языков. Он распространен в центре других даргинских идиомов и обладает чертами каждого из них, поскольку всегда подвергался контактному взаимодействию. В нем исчезли лабиализованные согласные, как в акушинском, в нем не происходит палатализации, как в мекегинском. Самое яркое отличие мугинского от других севернодаргинских идиомов заключается в наличии в его звуковом составе геминированных согласных. Данные согласные функционируют и в соседствующем с юга муиринском идиоме, относящемся также к севернодаргинской группе.

Объяснением этому факту может послужить следующее обстоятельство. Геминированные согласные, которые были представлены в прадаргинском языке, в северных идиомах перешли в звонкие смычные и аффрикаты (Nikolayev, Starostin 1994: 117). Но в средние века в муиринском и мугинском диалектах данные звуки восстановились обратно. Причина этого заключается в том, что общество Муира входило в состав Кайтагского уцмийства, наиболее сильного и влиятельного в средневековом Дагестане государства.

В результате языкового влияния кайтагского на муиринский последним были заимствованы не только геминированные согласные, но и некоторые морфологические показатели, не характерные для северных диалектов. А из муиринского геминаты перешли в речь села Муги, с жителями которого муиринцы имели тесные торгово-экономические связи. И, далее, геминированные звуки появились также в речи соседнего с аулом Муги поселения Верхнее Мулебки.

Каким был язык, функционирующий в окрестностях села Муги более тысячи лет назад? Все имеющиеся факты говорят в пользу предположения, что

это мог бы быть язык, близкий к современному мекегинскому диалекту. Предлагаемая нами гипотеза заключается в том, что прародина даргинцев после их отселения от древних лакцев находилась в верховьях реки Уллучай. Было несколько волн миграций предков даргинцев; к наиболее ранним можно отнести переселение даргинцев на юг и восток, где впоследствии праюжнодаргинский язык распался на чирагский, кубачинский, ицаринский, кайтагский, сирхинский и т. д.

Одна из первых волн миграций была направлена на северо-восток — северные даргинцы обосновались в окрестностях современного села Мекеги Левашинского района. В дальнейшем, по мере роста численности, члены сообщества расселялись от центра по всем направлениям, образуя огромный массив мекегиноязычных поселений. То есть вся северная часть даргинского ареала изначально говорила на мекегинском, что подтверждается многочисленными языковыми фактами — в самых различных местах обнаруживаются селения, речь которых в той или иной мере содержит характерные черты мекегинского диалекта. Они распространены на территории современных Левашинского, Акушинского, Дахадаевского, Сергокалинского, Карабудахкентского, Буйнакского и Гунибского районов Дагестана.

В частности, это расположенные на периферии Дахадаевского района селения Дейбук и Харбук, речь которых традиционно относится к муиринскому диалекту; речь села Мугри Сергокалинского района, считающаяся говором урахинского диалекта, гапшиминская речь, в которой нами были отмечены черты мекегинского (Муталов 2022) и др. Как пишет Э.М. Габибова (2003: 163), описавшая родной дейбукский говор, «старожилы селения Дейбук утверждают, что им ближе и понятнее всех других даргинских диалектов и говоров речь селения Мекеги Левашинского района». Примечателен и тот факт, что в вышедшем недавно «Диалектологическом словаре даргинского языка» С.М. Темирбулатова (2022: 17) относит дейбукский к говорам мекегинского диалекта, а харбукский — к говорам мугинского диалекта. Исследователь речи села Мугри А.С. Исмаилова (2012: 5) приводит в диссертации случаи совпадения мугринской речи с губденской и отмечает, что данный говор следует разграничить от говоров урахинского диалекта, «к которому в свое время его отнесли ученые-языковеды».

Очередная переселенческая волна носителей мекегинского диалекта была направлена на север и восток, в результате чего образовались такие крупные поселения, как Кадар, Губден и Мюрего — речь данных селений даргиноведы объединяют в одну группу (Абдуллаев 1954; Гасанова 1971). Нужно полагать, что со временем от мекегинского отпочковались также другие севернодаргинские идиомы — акушинский, урахинский, мугинский, муиринский — надемся, что будущие реконструкции помогут подтвердить это предположение.

Таким образом, существование на значительной территории севернодаргинского ареала языка-основы, близкого к современному мекегинскому диалекту, объясняет факт наличия большого количества языковых общностей между находящимися на значительном удалении друг от друга и распространенных на периферии даргинского ареала мегебским и кадарским идиомами, носители которых проживали на этой территории и около тысячи лет назад мигрировали в северном и западном направлениях. А локализованный в центре даргинских диалектов мугинский претерпел столько изменений, что стал непонятным для мегебцев и кадарцев.

Л и т е р а т у р а

- Абдуллаев С.Н. 1954. *Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология)*. Махачкала: Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР.
- Габиева Э.М. 2003. *Фонетические и морфологические особенности дейбуцкого говора муиринского диалекта даргинского языка*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук (10.02.02). ДГПУ.
- Гасанова С.М. 1971. *Очерки даргинской диалектологии*. Махачкала: Дагестанский филиал Академии Наук СССР Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадасы.
- Исмаилова А.С. 2012. *Мугринский говор даргинского языка (фонетические и морфологические особенности)*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук (10.02.02). ДГПУ.
- Кибрик А.А. 2020. Сохранение языкового разнообразия России: контуры программы. *Социолингвистика*, т. 1, № 1, 17–28.
- Коряков Ю.Б. 2021. Даргинские языки и их классификация. В кн.: *Дурхъаси хазна. Сборник статей к 60-летию Р. О. Муталова*. М.: Буки-Веди, 139–154.
- Магомедов А.А. 1982. *Мегебский диалект даргинского языка*. Тбилиси: Мецниереба.
- Муталов Р.О. 2021. Классификация даргинских языков и диалектов. *Социолингвистика*, № 3 (7), 8–25.
- Муталов Р.О. 2022. О месте гапшиминской речи в системе даргинских языков и диалектов: морфологические данные. *Филология: научные исследования*, № 12, 29–36.
- Темирбулатова С.М. 2022. *Диалектологический словарь даргинского языка*. Махачкала: АЛЕФ.
- Услар П.К. 1892. *Хюркилинский язык. (Этнография Кавказа. Языковедение. V)*. Тифлис: Издание Управления Кавказского учебного округа.
- Хайдаков С.М. 1985. *Даргинский и мегебский языки: принципы словоизменения*. М.: Наука.

Daniel M., Dobrushina N., Ganenkov D. (eds.) 2019. *The Mehweb language: Essays on phonology, morphology and syntax* (Languages of the Caucasus 1). Berlin: Language Science Press.

Nikolayev S.L., Starostin S.A. 1994. *North Caucasian Etymological Dictionary*. Moscow: Asterisk.

ПРОШЛОЕ КАК ОНО БЫЛО: МЕТОДЫ РЕКОНСТРУКЦИИ МНОГОЯЗЫЧИЯ

О.В. Ханина

olesya.khanina@gmail.com

Научные интересы А.А. Кибрика определяются в сильной степени холистическим подходом к языку и, шире, человеческим взаимодействиям, включающим в себя язык. Основным местом приложения такого подхода для юбиляра являются, несомненно, исследования мультимодальной коммуникации, однако он же применим и к взаимодействию языков и сообществ в прошлом. Именно опыт совместных с А.А. Кибриком исследований последнего и побудил меня написать данную статью. В ней представлен краткий обзор лингвистических методов комплексного изучения прошлого, которые активно используются в последние годы на стыке исторической лингвистики, типологии и социолингвистики. Как и в случае человеческой коммуникации, которая всегда мультимодальна и не может быть полноценно описана посредством какой бы то ни было одной науки, история взаимодействия человеческих сообществ в прошлом так же может быть понята только совместными усилиями разных дисциплин, так что лингвистика органично дополняет инструментарию археологии, археогенетики, исторической экологии и т. д. В этой статье я сконцентрируюсь на самом распространенном случае сообществ без длительной письменной истории.

С помощью лингвистических методов возможна реконструкция для конкретных сообществ — материальной культуры и моделей жизнеобеспечения, миграций, внутренней социальной структуры, контактов с представителями других языковых групп, традиционных ценностей и ритуалов, а также динамики изменений всех этих параметров (Epps 2015, Epps & Khanina, in press). Поскольку обзор всех упомянутых направлений исследований вышел бы далеко за рамки этой статьи, я ограничусь тут только контактами с представителями других языковых групп, с фокусом на многоязычии.

Реконструкция многоязычия в прошлом включает в себя описание тех языковых практик и идеологий, которые были характерны для изучаемого сообщества, а именно языковых репертуаров, контекстов использования каждого языка, соответствий между социальными категориями и языками, языковых сдвигов и др. Прежде всего, необходимо указать на то, что реконст-

рукция социолингвистических обстоятельств невозможна без использования типологии этих обстоятельств, обобщающей синхронные данные. Этнографические и социолингвистические описания современных языковых сообществ — это та основа, которая задает, собственно, пространство возможностей, которые мы можем примерять к прошлому. Принцип униформизма, т. е. единообразия устройства засвидетельствованного и реконструируемого, формулируется в исторической лингвистике эксплицитно только для собственно языковых структур (напр., Janda and Joseph 2003; Walkden 2019). Тем не менее, недавние исследования показывают, что результаты социолингвистических исследований современных традиционных сообществ и классическая компаративистика их языков довольно успешно сочетаются друг с другом и позволяют узнать довольно много о прошлом, косвенно подтверждая униформизм и для моделей функционирования языка в обществе (напр., Evans 2017, 2018, 2019, François 2011, Khanina 2022, Rumsey 2018). Сама социолингвистическая типология такого типа только начинает развиваться (напр., Pakendorf *et al.* 2021), поэтому ее полноценное использование пока является, скорее, пожеланием к будущим исследованиям, чем реальностью, но сравнения конкретной социолингвистической реконструкции с имеющимися синхронными описаниями возможны уже сейчас (напр., Khanina 2021, Khanina, Gusev, *in press*).

Первый рассматриваемый метод обращается к собственно языковым данным как источнику информации о многоязычии в прошлом. С одной стороны, это анализ лексики, относящейся к общественной жизни: этнонимов, лингвонимов, терминов родства и социальных ролей и т. д. В частности, этнонимы и лингвонимы отдельно взятого региона могут рассказать о том, какие социально-этнические группы существовали тут в прошлом и каково было соответствие ныне наблюдаемых языков этому социальному делению. Так, например, в работе Khanina 2021 на материале эндонимов и экзонимов шести современных этнических групп Таймыра (на всех местных языках) было обнаружено, что социальные группы, имеющие отдельные названия, а значит, актуальные для традиционных жителей этого региона, не соответствовали набору местных языков или, иначе, языки не являлись там основой для социальной категоризации и самоидентификации. Подобный результат, помимо прочего, позволяет лучше понять такие диахронические процессы, восстанавливаемые на других данных, как языковые сдвиги и вторичная конвергенция северносамодийских языков.

С другой стороны, языковые данные могут служить источником информации о многоязычии в прошлом благодаря изменениям, произошедшим под влиянием языковых контактов. Приведем здесь несколько примеров. Если методами исторической лингвистики можно восстановить распространение инноваций за пределы одного языка или реорганизацию грамматической сис-

темы по подобию соседнего языка, то можно предположить двуязычие носителей этого языка, без которого указанные изменения не могли бы произойти. Если грамматическим заимствованиям сопутствует отсутствие лексических, то можно реконструировать такую особенность языковых идеологий в прошлом как важная роль языка в социальной самоидентификации: носители этого языка прикладывали сознательные усилия для сохранения различий между своим и соседним языком, в результате чего те области, которые легче поддавались сознательному контролю говорящих, лучше «охранялись» от заимствований (напр., Thomason 2008). Необычно высокая степень лексической дивергенции между родственными языками соседствующих сообществ обычно указывает на схожие языковые идеологии: доступным им способом — лексическими заменами — носители этих языков «разводили» свои языки, разность которых воспринималась ими как прямое доказательство обоснованности отдельной социальной самоидентификации в сравнении с соседскими группами (напр., Ellison, Miceli 2017, François 2011). В то же время тематическая стратификация заимствованной лексики может свидетельствовать о том, что многоязычие было характерно только для определенного гендера или типа занятости (напр., Andersen 2003). Наконец, конкретные заимствования в области терминов родства могут указывать на типичные модели родственных отношений между носителями контактирующих языков. Этот список можно продолжать и далее, однако за неимением места укажем лишь на известную теоретическую работу Ross 2013, в которой обсуждается возможность реконструирования социолингвистического типа языковых контактов на материале собственно наблюдаемых языковых изменений.

Второй метод, позволяющий узнать больше о функционировании многоязычных сообществ прошлого, состоит в проведении ретроспективных социолингвистических интервью или сборе аналогичных анкет. Предложенный в Dobrushina 2013, он исходит из того, что память о социолингвистических практиках сохраняется дольше, чем собственно сами практики. Тем самым, расспрашивая современных пожилых людей о языковых репертуарах, социальных связях и коммуникативных привычках их старших родственников, которых они застали лично, можно получить информацию о социолингвистической ситуации на 80–120 лет раньше момента исследования, в зависимости от продолжительности жизни в данном регионе. Обычно материал подобных интервью используется в сочетании с данными переписей для дополнения и частичной верификации собранных сведений (напр., Dobrushina *et al.* 2020, Puryunina, Aralova 2021, Khanina 2021).

Наконец, необходимо упомянуть такой источник информации о многоязычии в прошлом как нарративы, записанные в первой половине XX в. (или изредка даже раньше). Если проведение социолингвистических исследований

не было типичным для ученых, путешественников или миссионеров конца XIX — начала XX вв., то записей рассказов о жизни было собрано довольно много. В случае если языковые практики являлись важной частью символической жизни сообщества — а это весьма характерно для большинства многоязычных регионов, — то они обычно упоминаются в таких рассказах. При наличии значимого количества таких упоминаний они также могут послужить важным источником социолингвистической информации (ср. Khanina, Meyerhoff 2018).

Поскольку совпадение обстоятельств прошлого, полученных разными, независимыми друг от друга, способами, значительно увеличивает достоверность реконструкции, то наилучшие результаты достигаются при использовании всего множества данных и методов, которые доступны исследователям. Это, в свою очередь, является очевидной параллелью с исследованиями мультимодальной коммуникации (напр., Кибрик 2018а, 2018б, Федорова, Кибрик (ред.) 2014). Приведем несколько примеров таких работ из области исторической лингвистики: Berge 2018 для эскимосско-алеутской языковой семьи, Burenhult 2020 для малайского полуострова, Güldemann 2020 для Южной Африки, Grünthal et al. 2022 для уральской семьи и Khanina 2022 для Нижнего Енисея.

В заключение отдельно укажем на то, что лингвистические методы реконструкции прошлого стали активно использоваться в последнее время исключительно благодаря накоплению знаний о структурном и социолингвистическом разнообразии языков мира, которое было бы невозможным без многолетней полевой работы множества лингвистов. А говоря о языковом разнообразии планеты и экспедициях в «далекие» языки, я, завершив круг, опять неизбежно возвращаюсь к крайне разносторонним интересам А.А. Кибрика. Мои искренние поздравления с 60-летием!

Л и т е р а т у р а

- Кибрик А.А. 2018а. Русский мультимедийный дискурс. Часть II. Разработка корпуса и направления исследований. *Психологический журнал*, т. 39, № 2, 79–90.
- Кибрик А.А. 2018б. Русский мультимедийный дискурс. Часть I. Постановка проблемы. *Психологический журнал*, т. 39, № 1, 70–80.
- Федорова О.В., Кибрик А.А. (ред.) 2014. *Мультимодальная коммуникация: теоретические и эмпирические аспекты*. М.: Буки Веди.
- Andersen H. 2003. *Language Contact in Prehistory: Studies in Stratigraphy*. Amsterdam: John Benjamins.
- Berge A. 2018. Re-evaluating the linguistic reconstruction of Proto-Eskimo-Aleut. *Journal of Historical Linguistics*, v. 8, n. 2, 231–273.

- Burenhult N. 2020. Foraging and the History of Languages in the Malay Peninsula. In: T. Güldemann, P. McConvell, R. Rhodes (eds.). *The Language of Hunter-Gatherers*. Cambridge: Cambridge University Press, 164–197.
- Dobrushina N. 2013. How to study multilingualism of the past: Investigating traditional contact situations in Daghestan. *Journal of Sociolinguistics*, v. 17, n. 3, 376–393.
- Dobrushina N., Daniel M., Koryakov Y. 2020. Atlas of multilingualism in Daghestan: A case study in diachronic sociolinguistics. *Languages of the Caucasus*, vol. 4, n. 1, 1–37.
- Ellison T. M., Miceli L. 2017. Language monitoring in bilinguals as a mechanism for rapid lexical divergence. *Language*, v. 93, n. 2, 255–287.
- Epps P. 2015. Historical linguistics and socio-cultural reconstruction. In: C. Bower, B. Evans (eds.). *The Routledge Handbook of Historical Linguistics*. London / New York: Routledge, 579–597.
- Epps P., Khanina O. In press. Cultural reconstruction: how to infer the cultural environment of ancestral speakers. In: M. Robbeets, M. Hudson (eds.). *The Oxford Handbook of Archaeology and Language*. Oxford: Oxford University Press.
- Evans N. 2017. Did language evolve in multilingual settings? *Biology & Philosophy*, v. 32, n. 6, 905–933.
- Evans N. 2018. The dynamics of language diversity. In: R. Mesthrie, D. Bradley (eds.). *The Dynamics of Language*, Cape Town: UCT Press, 13–35.
- Evans N. 2019. Linguistic divergence under contact. In: M. Cennamo, C. Fabrizio (eds.). *Historical Linguistics 2015: Selected papers from the 22nd International conference on historical linguistics*. Amsterdam: John Benjamins, 563–591.
- François A. 2011. Social ecology and language history in the northern Vanuatu linkage: A tale of divergence and convergence. *Journal of historical linguistics*, v. 2011, n. 1, 175–246.
- Grünthal R., Heyd V., Holopainen S., Janhunen J.A., Khanina O., Miestamo M., Nichols J., Saarikivi J., Sinnemäki K. 2022. Drastic demographic events triggered the Uralic spread. *Diachronica*, vol. 39, n. 4, 490–524.
- Güldemann T. 2020. Changing profile when encroaching on forager territory: Toward the history of the Khoe-Kwadi family in southern Africa. In: T. Güldemann, P. McConvell, R. Rhodes (eds.). *The Language of Hunter-Gatherers*. Cambridge: Cambridge University Press, 114–146.
- Janda R., Joseph B. 2003. On language, change, and language change — Or, of history, linguistics, and historical linguistics. In: B. Joseph, R. Janda (eds.). *The Handbook of Historical Linguistics*. Malden and Oxford: Blackwell, 3–180.
- Khanina O. 2021. Languages and ideologies at the Lower Yenisei (Siberia): reconstructing past multilingualism. *International Journal of Bilingualism*, vol. 25, n. 4, 1059–1080.
- Khanina O. 2022. A history of Northern Samoyedic: adding details to the dialect continuum hypothesis. In: A. Anikin, V. Gusev, A. Urmanchieva (eds.). *Sibirica et Uralica: In Memoriam Eugen Helimski*. (Studia Uralo-Altaica 56.) Szeged: University of Szeged, 77–94.

- Khanina O., Gusev V. In press. A holistic approach to the linguistic past of Northern Samoyedic. In: N. Lavidas, I. Sitaridou (eds.). *Towards a Holistic Understanding of Language Contact in the Past*. Berlin: Mouton De Gruyter.
- Khanina O., Meyerhoff M. 2018. A case-study in historical sociolinguistics beyond Europe: reconstructing patterns of multilingualism of a language community in Siberia. *Journal of Historical Sociolinguistics*, v. 4, n. 2, 221–251.
- Pakendorf B., Dobrushina N., Khanina O. 2021. A typology of small-scale multilingualism. *International Journal of Bilingualism*, vol. 25, n. 4, 835–859.
- Pupynina, M., Aralova, N. 2021. Lower Kolyma multilingualism: Historical setting and sociolinguistic trends. *International Journal of Bilingualism*, vol. 25, n. 4, 1081–1101.
- Ross M. 2013. Diagnosing contact processes from their outcomes: the importance of life stages. *The Journal of Language Contact*, v. 6, 5–47.
- Rumsey A. 2018. The sociocultural dynamics of indigenous multilingualism in northwestern Australia. *Language & Communication*, v. 62, 91–101.
- Thomason S. 2008. Language contact and deliberate change. *Journal of Language Contact*, vol. 1, n. 1, 41–62.
- Walkden G. 2019. The many faces of uniformitarianism in linguistics. *Glossa: A Journal of General Linguistics*, v. 4, n. 1, 52. doi: <https://doi.org/10.5334/gjgl.888>

КОНЦЕПЦИИ ТРАНСЛИНГВАЛЬНОСТИ И ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ КОДОВ И ПРОБЛЕМА ИХ СООТНОШЕНИЯ

Э.В. Хилханова

Институт языкознания РАН
erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru

Данная статья посвящена теоретической проблеме соотношения двух близкородственных, хоть и принципиально противопоставляемых терминов и концепций — транслингвальности и переключения кодов¹. Относительно первого из них необходимо сразу заметить, что все варианты перевода на русский язык термина *translanguaging* — транслингвальность, транслингвизм, трансъязычие — не отражают в полной мере процессуальное значение этой герундиальной формы. Именно герундий передает в оригинальном термине ключевое для транслингвальности значение *действия* и *практики* (см. об этом, напр., García 2012). Вариант перевода *транслингвальность* предпочтен варианту *транслингвизм* потому, что в семантике суффикса *-изм* сильнее выражена статичность, доктринальность, полностью противоречащая значению исходного термина, а вариант *трансъязычие* менее благозвучен.

Транслингвальность (далее ТЛ) является сегодня одной из популярнейших концепций в области многоязычия и языковых контактов. При рассмотрении ее соотношения с переключением кодов (далее ПК) важно иметь в виду, что изначально термин *транслингвальность* не был теоретическим понятием, а использовался для описания конкретной языковой практики в программах ревитализации валлийского языка, когда, например, учитель преподает на валлийском, а ученики отвечают в основном на английском, или читают на одном языке, а пишут на другом или наоборот (см. в: Li 2018b; García 2009). И по сегодняшний день, хотя концепция ТЛ давно уже пере-

¹ Термин «переключение кодов» используется мною как термин с более широким значением, включающий в себя смешение кодов (о таком подходе см. подробнее в Gumperz 1982; Myers-Scotton 1993: 1; Хилханова, Папинова 2018). При этом под смешением кодов понимается процесс использования в речи двух (и более) кодов (языков), приобретший более или менее регулярную форму и зашедший дальше, чем просто переключение кодов. Предпочтение одного, «зонтичного» термина обусловлено также и соображениями краткости и удобства.

шагнула границы педагогики и применяется для характеристики сложных дискурсивных практик би- и мультилингвов (см. García 2009), эта практико-ориентированная составляющая важна и для теоретических целей в том числе, о чем будет сказано далее.

Сегодня транслингвальностью называются фактически все виды рече-производства и речевого общения, где задействовано более одного языка, включая заимствования, гибридизацию языков и пиджинизацию, обращение к интернациональным словам, активизацию металингвистических знаний, использование невербальных средств (жестов, мимики, звукоподражания и др.) (Otheguy *et al.* 2015: 283; Прошина 2017: 162; García, Li 2014). Одним из идеологических столпов теории ТЛ является то, что она вписана в постколониальную повестку, где само существование отдельных языков/кодов как продуктов становления национальных государств ставится под сомнение. Наиболее эксплицитно этот взгляд отражен, например, в определении С. Макони и А. Пенникука: “languages do not exist as real entities in the world and neither do they emerge from or represent real environments; they are, by contrast, the inventions of social, cultural and political movements” (Makoni, Pennycook 2007: 2).

Что касается взаимоотношения ТЛ с ПК, то, судя по научной литературе по ТЛ, тут наблюдаются два подхода, один более, другой менее радикальный. В первом случае сам термин *переключение кодов* маркирует «старую» научную парадигму, где коды/языки рассматриваются как застывшие, фиксированные дискретные системы (см., напр.: Otheguy *et al.* 2015: 282). Поэтому в рамках новой транслингвальной парадигмы предпочитают оперировать не терминами *ПК* и *СК*, а *лингвистический репертуар* [см., напр., García 2009; García 2012]. В менее радикальной версии ПК рассматривается как одна из многих транслингвальных стратегий, упоминавшихся выше; соответственно, понятие ТЛ шире, чем понятие ПК.

Это теоретическая сторона вопроса. При эмпирическом же анализе мы наблюдаем следующее: в публикациях и выступлениях на конференциях авторы, как правило, говоря о ТЛ, опираются на примеры ПК. Например, в работе С. Карповой и др. «Translanguaging in the Family Context: Evidence from Cyprus, Sweden and Estonia» авторы рассматривают практики общения в многоязычных семьях, где одним из языков является русский. Авторы заявляют о своей приверженности транслингвальному подходу и в заглавии, и в теоретическом обосновании (см., например, цитату из Гарсиа «TL goes beyond code-switching and translation: it is focused on flexible bilingualism and multiple discursive practices») (Karava *et al.* 2019: 622). При этом в самом тексте мы обнаруживаем примеры именно переключения кодов, а в их интерпретации — оперирование все теми же языковыми «лейблами»: русский и шведский, русский и эстонский и т. д.

Другой пример — из работы одного из самых известных адептов ТЛ Ли Вей. Это отрывок типичного разговора между двумя этническими китайцами из Сингапура (Li 2018b: 14). В целях экономии текста мы не будем приводить здесь сам диалог, действительно изобилующий примерами ТЛ (или ПК?), приведем только интерпретацию его автором: “Whilst I have tried to mark what I can identify in terms of namable languages and varieties, there seems to be little point in asking what languages or varieties they are speaking or counting how many languages are being spoken here. A classic code-switching approach would assume switching back and forward to a single language default, and it would be the wrong assumption to make about this community of multilinguals. If we treat each nameable language or language variety as a discrete entity, some, such as Teochow and Hokkien, are disappearing fast in Singaporean Chinese communities as the younger generations increasingly shift towards English-Mandarin bilingualism instead of the traditional multilingualism in regional varieties of Chinese. But many words and expressions, particularly those that have not been standardized with written Chinese characters, are being preserved and used in the highly fluid and dynamic speech of Singaporean speakers as in the example here”.

Из данного примера и его интерпретации можно вывести несколько умозаключений.

Во-первых, автор очень узко подходит к понятию ПК, говоря: “A classic code-switching approach would assume switching back and forward to a single language default”. Возможно, он не включает в это понятие *смешение кодов* (о соотношении терминов *ПК* и *СК* см. сноску 1 в начале статьи). То, что мы видим в приведенном Ли Веем отрывке, не является чем-то новым, не описанным в научной литературе; например, такая смешанная речь подпадает и под понятие *смешение кодов*, и под понятие *fused lect* Питера Ауэра. *Fused lect* — это, по сути, тоже смешанный язык, находящийся на конечном полюсе пространственно-временного континуума, выглядящего следующим образом (подробнее об этом см. в Auer 1999): code-switching (CS) → language mixing (LM) → fused lects (FLs).

И в целом было доказано, что само ПК является сложным лингвистическим навыком и характерной чертой речи билингов, а не просто переходом то на один, то на другой язык (см., напр., Milroy and Muysken, 1995).

Во-вторых (и что более существенно), Ли Вей, хотя и ставит под сомнение и правильность, и сам смысл идентификации идиомов и прикрепления к ним какого-либо языкового «лейбла», сам оперирует их традиционными названиями и в текстовом описании (Teochow, Hokkien, Mandarin и т. д.), и в сопровождающей диалог легенде, объясняющей, как именно маркированы в нем все присутствующие «языки»:

Bold: Hokkien

In square brackets <>: Teochew

Underlined: Mandarin

In double quotation marks: Malay

In single quotation marks: Cantonese

Italics: Singlish

Standard font: English

Таким образом, как видно из вышеприведенных примеров, исследователи ТЛ, отрицая ПК или отмежевываясь от «кодового» взгляда на идиомы, тем не менее, не могут обойтись без языка описания и терминологического аппарата, традиционно используемого в лингвистике вообще и в исследованиях ПК в частности. Следует ли рассматривать это как противоречие?

В какой-то степени ответ на этот вопрос находим в работе Офелии Гарсия и Ли Вей: ТЛ — это «an approach to bilingualism that is centered *not on languages* (emphasis mine — Е.К.) as has been often the case, but on the practices of bilinguals» (García, Li 2014: 22). Также О. Гарсия иллюстрирует «эпистемологическое различие» между ПК и ТЛ примером из языковых функций айфона. Функция переключения языков отвечает эпистемологии ПК, в которой ожидается, что билингвы будут «переключать» языки. Но в телефоне можно использовать и визуальные функции — смайлики и фотографии; другие функции являются текстовыми, определяемыми в обществе как разные «языки». По Гарсия, для билингвов, способных использовать свой семиотический репертуар без ограничений при отправке текстовых сообщений, функция переключения языка айфона бесполезна. Таким образом, эпистемология ТЛ была бы подобна отключению функции переключения языка на iPhone и предоставлению билингвам возможности выбирать функции из всего их семиотического репертуара (García, Li 2014: 22).

Из этого следует, что разделение ПК и ТЛ идет и по линии «только вербальный (при ПК) vs. семиотический, мультимодальный (при ТЛ)» характер коммуникации. В понятие ТЛ включаются и «паралингвальные и нелингвистические средства коммуникации — жесты, позы, выражения лиц, стили шрифтов» и т. д., в то время как «рисунки или цвета как часть текстового послания» не входят в ПК (Li 2018a).

Здесь мы видим то, что проблема дифференциации ПК и ТЛ тесно связана с более глобальной проблематикой: что есть язык и коммуникация, какова роль и удельный вес каналов коммуникации и т. д. То, что в исследованиях ТЛ пока только заявляется, но еще не подкреплено серьезными эмпирическими исследованиями, уже глубоко разрабатывается в рамках изучения мультимодального (мультимодального) дискурса, где, в отличие от традиционного представления о языке как только вербальной структуре, он (язык) предстает

как один из коммуникативных каналов, наряду с просодическим, мануально-жестовым и окуломоторным каналами (Кибрик 2018а; Кибрик 2018б).

Резюмируем сказанное в данной статье: противоречие между такой «традиционной» областью исследования лингвоконтактных явлений, как ПК, и новой концепцией ТЛ во многом объясняется тем, что концепция ТЛ «выросла» из потребностей и реалий двуязычного образования, сосредоточенного не на языках, а на практиках би- и мультилингвов. Став впоследствии полноценной теорией, она не разрешила полностью противоречие между своим идеологическим обоснованием и практикой лингвистического анализа, которая неизбежно опирается на структуру языков и выработанный терминологический аппарат.

Никто не оспаривает сегодня наличие в любом идиоме, особенно существующем на пересечении многих культур, плохо идентифицируемых и переходных языковых вариантов, равно как и их идеологическую природу. Значимость концепции ТЛ, на наш взгляд, заключается в легитимизации этих живых, текучих, не обязательно совпадающих с лингвистической таксономией продуктов лингвокреативности говорящих, в их позитивной оценке как ресурса, а не как лингвистической ущербности говорящих. Отрицание же «языков» и ПК по идеологическим причинам видится крайностью и подобно выплескиванию воды вместе с ребенком.

Постоянное подчеркивание динамического, процессуального характера теоретиками ТЛ является важной характеристикой этого подхода, но этого недостаточно для лингвистического анализа, для которого должно быть что-то, за что можно «ухватиться», т. е. речь, которую можно подвергнуть анализу, в том числе и во всем ее семиотическом и динамическом разнообразии. О том, что это можно сделать, не отрицая существование языков и ПК, мы можем видеть, в частности, в мультимедийных (мультимодальных) исследованиях, упомянутых выше. В противном случае ученые остаются как без языка лингвистического описания, так и, как справедливо отмечает Дж. Максвон, без эмпирического обоснования; им остается только идеологическое обоснование (MacSwan 2017, 169).

В заключение следует сказать, что в короткой статье мы не имели возможности более подробно рассмотреть дискуссию о ПК и ТЛ в когнитивном аспекте, оставив этот обширный и значимый для их теоретического разграничения вопрос на будущее.

Л и т е р а т у р а

Кибрик А.А. 2018а. Русский мультимедийный дискурс. Часть I. Постановка проблемы. *Психологический журнал*, т. 39, №1, 70–80.

- Кибрик А.А. 2018б. Русский мультиканальный дискурс. Часть II. Разработка корпуса и направления исследований. *Психологический журнал*, т. 39, №2, 79–90.
- Прошина З.Г. 2017. Транслингвизм и его прикладное значение. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*. № 14(2), 155–170.
- Хилханова Э.В., Папинова Б.Ж. 2018. К вопросу о терминах «переключение кодов», «смешение кодов», «вкрапления» и критериях их разграничения. *Мир науки, культуры и образования*, №2 (69), 668–671.
- Auer P. 1999. From Code-switching via Language Mixing to Fused Lects: Toward a Dynamic Typology of Bilingual Speech. *International Journal of Bilingualism*, vol. 3, n. 4, 309–332.
- García O. 2009. *Bilingual education in the 21st century: A Global perspective*. Malden, MA: Basil: Blackwell.
- García O. 2012. Theorizing translanguaging for educators. In: C. Celic, K. Seltzer (eds), *Translanguaging: A CUNY-NYSIEB guide for educators*, № 1–6.
- García O., Li W. 2014. *Translanguaging: Language, Bilingualism and Education*. London: Palgrave Macmillan.
- Gumperz J. J. 1982. *Discourse strategies*. New York: Cambridge University Press.
- Karpava S., Ringblom N., Zabrodskaia A. 2019. Translanguaging in the Family Context: Evidence from Cyprus, Sweden and Estonia. *Russian Journal of Linguistics*, 23(3), 619–641.
- Li W. 2018a. *Translanguaging and Code-Switching: what's the difference?* URL: <https://blog.oup.com/2018/05/translanguaging-code-switching-difference/>. Accessed 15.12.2021.
- Li W. 2018b. Translanguaging as a Practical Theory of Language. *Applied Linguistics*, vol. 39, n. 1, 9–30.
- MacSwan J. 2017. A Multilingual Perspective on Translanguaging. *American Educational Research Journal*, vol. 54(1), 167–201.
- Makoni S., Pennycook A.D. 2007. Disinventing and reconstituting languages. In: S. Makoni, A. Pennycook (eds), *Disinventing and reconstituting languages*. Clevedon: Multilingual Matters, 1–41.
- Milroy L., Muysken P. 1995. *One Speaker, Two Languages*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Myers-Scotton C. 1993. *Duelling Languages. Grammatical Structure in Code-Switching*. Oxford: Clarendon Press.
- Otheguy R., García O., Reid W. 2015. Clarifying translanguaging and deconstructing named languages: A perspective from linguistics. *Applied Linguistics Review*, vol. 6(3), 281–307.

СТРУКТУРА ЯЗЫКА И ИДЕОЛОГИЯ: РОМАНСКИЕ ЗАМЕТКИ

И.И. Чельшева

Институт языкознания РАН
chelirin@gmail.com

Среди научных направлений, успешно разрабатываемых Андреем Александровичем Кибриком, весомую долю составляют исследования типологического плана и работы по ареальной лингвистике, что подтверждает и многолетняя деятельность юбиляра в качестве главного редактора энциклопедии «Языки мира». С другой стороны, А.А. Кибрик много занимается проблемами языковой политики, где идеологические обоснования нередко играют ведущую роль. В нашей статье мы бы хотели объединить эти области, представив некоторые, довольно любопытные, на наш взгляд, факты и ситуации романоязычного мира, когда, казалось бы, вполне объективные описания языковых структур, оказываются, по афористичному определению Х. Гебла, «между наукой и политикой» (Goebel 1984: 207). Наши заметки не претендуют на обобщение, а полнота и последовательность изложения, в какой-то степени, принесены в жертву краткости и занимательности.

Начнем с того, что романские языки несколько обойдены вниманием типологов. Причина тому, во-первых, в некоторой предвзятости исследователей, полагающих, что в европейских, хорошо изученных и хорошо документированных языках, в отличие от языков экзотических, мало интересного. Во-вторых, в этом есть и вина романистов, которые склонны подменять типологическое сопоставление языковых структур типологией переходов от латыни к романским языкам, что традиционно именуется «сравнительная грамматика романских языков». Однако следует признать, что осознание этих проблем присутствует и пути их преодоления намечены. Ограничимся ироническим, но, по сути, верным замечанием П. Свиггера о сравнительной грамматике романских языков: «в эпоху, когда эта традиционная дисциплина рискует остаться не востребовавшей, возможно, удастся вдохнуть новую жизнь в этого почтенного старца, сочетав его с молодой, еще очень привлекательной, дамой типологией» (Swiggers 2009: 256). Жизнеспособность подобного союза подтверждается появлением среди романистических работ XXI в. ряда основоположных трудов, ориентированных на типологическое описание.

Поиск интересных с точки зрения лингвистической типологии языковых фактов в романских идиомах вполне предсказуемо привлекает внимание к миноритарным языкам, к относительно малоизученным диалектам и говорам, где и обнаруживаются разнообразные языковые «экзотизмы». Перечислим некоторые для примера: категория вида в истрорумынском, заимствованная из славянских языков: *durmi* ‘спать — *zadurmi* ‘заснуть’, *taglia* ‘резать’ — *potaglia* ‘порезать’; супплетивные формы числа имен в диалектах Италии: ед. ч. *asunu* ‘осел’ — мн. ч. *asini* (Лацио), ед. ч. *ùorthə* ‘земельный участок’ — мн. ч. *òrtəra* (Калабрия), ед. ч. *cocla* ‘раковина’ — мн. ч. *cocul* (Болонья); сокращение сферы использования инфинитива в Южной Италии и в балкано-романских идиомах; чередование двух вспомогательных глаголов в одной парадигме в южных диалектах Италии: вспомогательный глагол «иметь» используется в 3-м лице ед. ч. и мн. ч., а «быть» в остальных лицах: в работе Loporcao 2003 это чередование представлено для абруццского диалекта как *a/au škrit* ‘он/они написали’, но *so/ši/semo/sete škritu* ‘я/ты/мы/вы написали’ (Loporcao 2003: 141). Это перечисление может быть разнообразно продолжено для разных языковых уровней.

Описание и классификация языковых структур романских идиомов достигло к XXI в. впечатляющей полноты и глубины. В результате в ряде случаев стали очевидны структурные отличия и прибавились аргументы для классификации того или иного идиома как отдельного языка. При этом любая классификация, естественно, не свободна от идеологических установок, давления культурно-исторических и политических обстоятельств. Структурные характеристики не просто описываются, а выбираются, выбранные же закрепляются нормативно. Например, галисийский считается единственным романским языком, где отсутствуют сложные времена. Реально же в речи галисийцев, причем тех, кто этот язык преподавал, мы отмечали, особенно за пределами учебных аудиторий, использование и сложного перфекта, и сложных форм условного наклонения в тех же контекстах, где эти формы используются в испанском. Нормативная грамматика галисийского рассматривает сложные формы как глагольные перифразы с модальным значением, именно так оправдывали их использование сами говорящие. Но складывалось впечатление, что лишение галисийских сложных глагольных форм статуса временных во многом было определено желанием грамматистов придать галисийскому уникальную на общероманском фоне структурную характеристику.

Долгое время единственной моноязычной романской страной считалась Португалия. Этому никак не мешал факт функционирования на северо-востоке Португалии астури-леонских говоров, основной ареал которых находится в соседней Испании. Описание этих говоров, распространенных на территории, именуемой *Terra de Miranda*, было сделано выдающимся португаль-

ским лингвистом Ж. Лейте де Вашконселушем еще в конце XIX в., и структурная специфика этого ареала была хорошо известна. Но с 1999 г. Португалия обрела свой миноритарный язык — *mirandés* ‘мирандский’ получил статус официального языка. В немалой степени этому способствовало желание вписаться в европейский мейнстрим и обрести, «как все», собственный миноритарный язык. Добавим к этому определенный сдвиг в сознании говорящих, когда описание языковых структур лингвистами было дополнено обращением к тому, что в англоязычной исследовательской традиции именуется *perceptual dialectology* (Preston 1989) — изучением восприятия языкового разнообразия самими носителями, которое подталкивает говорящих к осознанию инаковости своей речи.

Это прослеживается и по идеологизированным установкам, которые проявляются в лингвистических работах XXI в. Например, в статье Ceolin 2002 *mirandés* вполне корректно представлен как леонский анклав на территории Португалии, но во введении автор пишет: «*como é que, então, este idioma conseguiu sobreviver à tirania das língua nacionais e majoritárias?*» ‘как получилось, что этому языку удалось пережить тиранию языков национальных и мажоритарных?’ (Ceolin 2002: 64). Таким образом, акценты в отношениях между португальским и миноритарным языком расставлены вполне определенно.

Однако, заметим, что ситуация осмысления отдельности идиома требует отделения и от расположенного за рубежом лингвистического ареала, частью которого этот идиом является. Поэтому усилия по нормативизации мирандского, в частности, введение унифицированной графики, направлены на то, чтобы отделить его и от астура-леонских говоров Испании. Для отдельных звуков мирандского была выбрана португальская, а не испанская запись: *lh*, а не *ll* для [λ], *x* для [ʃ].

Нечто подобное происходило с выбором графической системы и в Валь д’Аране (Испания). Для *aranés* — аранского, варианта гасконского на территории Каталонии, была предложена графика, опирающаяся на каталанские традиции, в отличие от графики (точнее, от нескольких графических систем), используемой в Гаскони на территории Франции.

Итак, полное, типологически обоснованное, описание языковых структур некоего идиома, как мы уже отметили, помогает противопоставить его другим языкам, но при этом, почти неизбежно, фиксируется и варьирование в рамках выделенного идиома. В результате оказывается, что для столь необходимой для миноритарных языковых образований витализации, а часто и ревитализации, эту вариативность необходимо редуцировать и свести языковую идентификацию носителей в нечто единое. Обособленность ареала в этом случае очень помогает; корсиканцы и сардинцы воспринимают свое единство благодаря тому, что Корсика и Сардиния — это острова. Но даже

островной характер ареала (итал. *insularità*, франц. *insularité*) не решает проблему, так как в лингвистическом плане и корсиканский, и сардинский ареалы очень неоднородны. В результате возникают дискуссии по поводу нерешаемой в принципе проблемы: какие структурные характеристики считать «истинно сардинскими» или «истинно корсиканскими».

Для объединения говоров Корсики была предложена идея *langue polynomique* ‘полиномного, многосущностного языка’. По определению Ж.-Б. Марселлези, единство такого языка абстрактно, вычленение единой нормы не происходит, но присутствует желание говорящих дать этому языку одно, обобщающее, наименование и отделить его от других признанных языков (Marcellesi 1984: 314). Интересно, что, говоря о вычленении единой нормы, Марселлези употребляет термин «*ossification de la norme*» ‘оссификация, окостенение нормы’, что ясно указывает на неприятие такого выбора. Эта точка зрения весьма популярна в приложении к корсиканскому. Такой подход нашел свое выражение и на практике: есть учебники корсиканского, где начальный курс представлен на северном варианте корсиканского, а продолжение — на южном. Отметим, на нашем собственном опыте, что подобное решение затрудняет изучение языка, особенно для иностранцев. Но идея «полиномного языка» завоевывает и другие ареалы романского мира.

В Сардинии пошли по иному пути и предложили (пока для использования в административных документах) искусственную норму *Limba Sarda Comuna* ‘Общий Сардинский Язык’, следуя примеру ретороманского Швейцарии и ладинского в северо-восточной Италии. Предлагается выбрать единое написание, но оставить устные варианты. Например, устанавливается одна письменная форма *bespe* ‘пчела’, но в произношении остаются варианты, среди которых [εpε], [εspru], [dʒεspε], [εʃpε] и еще десяток; *ghennargiu* ‘январь’ произносится как [gɛnarju], [gɛnardzu], [benaldzu], [benadzu] и др. Получается, что на письме создается что-то вроде иероглифа, иногда почти не связанного с произношением.

Понятно, что эта норма многих не устраивает и продолжается поиск иных путей. В XIX и в первой половине XX в., с учетом существовавшей с XVI в. поэтической традиции на диалекте Логудоро — области, занимающей северо-западную и центральную часть острова, сформировалась идея, что именно логудорский — самый архаичный, самый «чистый», самый «сардинский» из наречий Сардинии. Даже топоним *Logudoro*, толкуемый народной этимологией как «Золотой Дворец», придавал ценность этому варианту. Но современные исследования ясно показывают, что говоры Логудоро очень неоднородны, что архаические черты сочетаются в них с инновативными (Blasco Ferrer 1986), а выбрать из перечня характеристик такие, которые однозначно приемлемы для всей Сардинии, невозможно.

Объективное (насколько это возможно), описание языковых структур может осветить условность существования идиома как отдельной единицы структурного плана. Сложно представить, как на современном этапе можно в полной мере описать как систему, например, галло — традиционное наречие франкоязычной Бретани, хотя список черт, отличных от французской нормы вполне имеет право на существование. Но галло признан как один из региональных языков Франции, а в 2004 г. Региональный Совет Бретани придал ему статус официального языка на территории распространения. Языковые активисты, ратующие за введение галло в преподавание, констатируют, что сделать это трудно: можно рассказать о особенностях этого наречия, но целостной картины не получается.

Мы ограничились лишь несколькими разрозненными примерами взаимодействия между более или менее объективным лингвистическим описанием языка и актуальными на определенный момент трактовками языковых особенностей и языковой ситуации в целом, трактовками, которые привносят идеологическое обоснование, устанавливая связь с политическими взглядами, выявляют стремления, мечты, а иногда предрассудки и заблуждения общества, использующего определенный язык. Многообразие отношений, на основании которых языковые факты размещаются «между наукой и политикой», необозримо и представляется очень интересной задачей классифицировать с точки зрения лингвиста разные аспекты этих отношений.

Литература

- Ceolin R. 2002. Um enclave leonês na paisagem unitária da língua portuguesa. *Ianua. Revista Philológica Románica*. № 3, 62–83.
- Goebel H. 1984. Sprachklassifikationen im Spannungsfeld zwischen Politik und Wissenschaft. *Das Romanische in den Ostalpen. Vorträge und Aufsätze*. Hrsg. von D. Messner. Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 207–244.
- Limba Sarda Comuna. Norme linguistiche di riferimento a carattere sperimentale per la lingua scritta dell'Amministrazione regionale*. www.regionesardegna.it
- Loporcaro M. 2003. *Profilo linguistico dei dialetti italiani*. Roma: Laterza.
- Marcellesi J.-B. 1984. La définition des langues en domaine roman : les enseignements à tirer de la situation corse. *Actes du XVII Congrès de Linguistique et de Philologie Romanes*, vol. 5 (Sociolinguistique). Tübingen, Max Niemeyer verlag, 314–309.
- Preston D.R. 1989. *Perceptual Dialectology: Nonlinguists Views of Areal Linguistics*. Berlin, New York: De Gruyter — Mouton.
- Swiggers P. 2009. Grammaire comparée des langue romanes et la typologie linguistique. *La romanistique dans tous ses états*. Paris : Hartmann, 255–271.

VI. MISCELLANEA

РАЗГОВОР О ТОПОНИМАХ: «СВОИ» В ГОРОДЕ

Н.В. Васильева

Институт языкознания РАН
vasileva-natalia@iling-ran.ru

«...на всех московских есть особый отпечаток»
Александр С. Грибоедов

«...формы дискурса столь же разнообразны,
как и формы самой человеческой жизни»
Андрей А. Кибрик

Хорошо известно, что в каждом городе, помимо официальных названий улиц и других объектов городского пространства, существуют названия, распространенные исключительно в устной речи горожан. Для таких номинаций обычно используется термин **неофициальные топонимы**. Интерес к неофициальным топонимам в настоящее время наблюдается не только у лингвистов, но и у географов, работающих в области культурной и гуманитарной географии. Анализ публикаций показывает, что исследователи-ономасты и исследователи-географы, занимаясь по существу одним объектом, работают автономно. Бесспорно, это связано с методологией каждой из наук. Тем не менее, представляется возможным (и даже плодотворным) соединить два этих подхода — собственно ономастический и культурно-географический — и рассмотреть неофициальные городские топонимы, используя в качестве интегрирующего параметра признак **формальности/свойскости**, о котором писал А.А. Кибрик (2009), выделяя его в качестве одного из таксономических параметров дискурса. Это и является целью данной статьи.

Топонимический материал, который мы далее рассмотрим, связан с признаком формальность/свойскость самым непосредственным образом; и прежде чем описывать топоним как языковой знак в «своем» городском пространстве, обратимся к полезному для ономастики понятию **вернакулярного района**, который используется в географии¹ и определяется как «тип географического района, бытующий в обыденном сознании общества или его части в виде образа определенной территории, обладающей названием и специфиче-

¹ Ср. лингвистический термин *вернакуляр* как обозначение местной речи, идиома, используемого для повседневных контактов (< лат. *vernaculus* ‘родной’, ‘местный’).

скими качествами. Лишь в редких случаях границы вернакулярного района совпадают с административными, потому что вернакулярный район, как правило, складывается стихийно в ходе культурной истории общества» (Смирнягин 2013: 35). В типологии районов, разработанной для культурной (гуманитарной) географии, вернакулярные районы, наряду с районами мифологическими (ср. *Беловодье* у русских старообрядцев), составляют категорию **ментальных районов**, в противоположность районам реальным, ср. Калущков 2013. Существовая в общественном сознании, вернакулярные районы наполнены для человека не только территориальным, но и социальным смыслом. Первоначально в качестве вернакулярных исследователями рассматривались большие районы, например, *Русский Север*. Затем внимание географов переместилось на меньшие места, в том числе и на города. Как и названия больших вернакулярных районов, названия вернакулярных городских мест соотнесены с понятием **ментальных карт**. «Выделять и описывать такие районы принято при помощи ментальных карт, отличительная черта которых — наличие собственной локальной топонимии, понятной только местным жителям и иногда их непосредственным соседям» (Павлюк 2017: 33). Идентичность ментальной карты является условием «своего» сообщества, а правильное употребление и понимание (идентификация) топонима — языковым критерием прохождения теста на «свой-чужой». Лингвистический подход к неофициальным топонимам отличается от культурно-географического бóльшим вниманием к словообразовательным и семантическим процессам, сопровождающим возникновение неофициального топонима.

Одним из первых вопросов, возникающих у исследователей подобных наименований, является вопрос о категоризации объектов номинации. Какие объекты в городе способны получать — и в итоге получают — неофициальные имена? Параметрами таких объектов должна быть их включенность в повседневную жизнь и их выделенность в локальном городском пространстве. Они служат **ориентирами**, с помощью которых житель определенной территории, как пишет С.Г. Павлюк (2017: 34) со ссылкой на работы одного из основоположников гуманитарной географии и автора концепции **топофилии** И-Фу Туана, превращает пространство в **место** (топос), «наполняя его смыслом». Такими объектами, значимыми для городской повседневности, являются магазины, торговые центры и предприятия обслуживания; дома, группы домов; памятники; дворы, детские площадки; линейные объекты и площади; станции метро; районы и микрорайоны города. Такие объекты получают неофициальные названия, которые являются по сути названиями «для своих». Их употребление в речи сродни паролю, знаку «я свой». Незнающий номинации-пароля легко может быть опознан как неместный, «чужой» и соответственно стигматизирован.

Для корректной интерпретации локального топонима необходимо знание местных особенностей, как топографических, так и связанных с историей места. Приведу примеры локальной топонимии города Жуковского, которую я наблюдаю и собираю уже много лет (Vasil'eva 2012). Из названий магазинов (до появления супермаркетов): *Средний* (находился между двумя другими); *Ни рыба, ни мясо* (название появилось в период дефицита продуктовых товаров). Названия кварталов, микрорайонов и домов: *Три сестры* — группа из трех одинаковых домов; *За Родиной* — квартал за кинотеатром «Родина», *Живые и мертвые* — район города, построенный недалеко от кладбища, *За самолетом* — микрорайон, расположенный за установленным в качестве памятника истребителем МиГ-21. Приведенные примеры демонстрируют различные стратегии и тактики номинации — от прямой номинации, указывающей только на местоположение объекта, до образной, при которой включаются фоновые и культурные знания носителей языка. Можно говорить в этой связи о **маркированности/немаркированности** неофициальной номинации. Маркированность понимается в данном случае близко к тому, как она трактуется в стилистике, а именно: выделенность номинации в ряду категориально схожих (или выпадение ее из ряда схожих). Следует отметить, что понятие маркированности неофициального топонима неизбежно будет содержать субъективный компонент, связанный с различной способностью языковой личности к лингвистической рефлексии. В целом думается, что яркие примеры локальных топонимов могут привести жители любого города. Неслучайно поэтому темы, связанные с неофициальными топонимами, популярны в вузах в качестве тем бакалаврских работ.

Возвращаясь к маркированным формам, отметим такое явление, как семантико-грамматическую деформацию высказывания с участием топонима, приводящую к алогизму. Отдельно употребленное наименование может быть нейтральным. Например, *Алёша* — неофициальное название скульптуры «Металлург» в г. Орёл. *Алёшей* эту скульптуру жители города называли из-за некогда популярной песни, в которой были слова ⟨...⟩ *стоит над горою Алёша* (Костромичева 2009: 3). Наличие городских транспортных линий, проходящих мимо памятника, вызвало к жизни фразы такого типа: *Остановите на Алёше, Автобус идет через Алёшу*. Понятно, что местные жители употребляют эти высказывания автоматически, при этом ни у кого не возникает непонимания или сомнения в логичности фразы. Однако если попытаться осмыслить эти фразы с точки зрения не «своего», а «другого», то преодолеть получившийся алогизм можно только «перекатегоризировав» *Алёшу* из артефакта (скульптура) в топос (место), ср. *остановиться на углу улицы, автобус идет через площадь*.

Другой пример высказывания-алогизма относится к московской локальной топонимии. Многие станции московского метро уже давно имеют парал-

тельные неофициальные названия, особенно в молодежном сленге ср. станция метро *Котельники* → *Котлы*, *Текстильщики* → *Текстиля*, *Мякинино* → *Мякиш* и пр.² Станция метро *Китай-город*, которая до 1990 г. называлась *Площадь Ногина* в честь революционера В.П. Ногина, в речи некоторой части москвичей именовалась *Нога*. Бюст Ногина в виде большой головы сохранился в одном из вестибюлей станции. Отсюда фраза *Встретимся на Ноге у Головы*, которую представители не очень молодого поколения понимают однозначно, несмотря на кажущийся конфликт соматизмов *нога* и *голова*, ср. *А поверите ли вы, / что и так бывает?! На ноге, у головы /стрелки забивают* (<https://stihi.ru/2009/03/12/2435>). В настоящее время фраза *на Ноге у Головы* относится к числу московских топографических мемов, устаревающих или уже совсем устаревших.

В заключение остановимся очень кратко на вопросе о классификациях в сфере локальной топонимии, предлагаемые как ономастами, так и географами. Для классификации важно основание — признак/параметр, по которому классификация производится. На сдвоенном признаке «форма топонима + соотношение с официальным топонимом» построена ономастическая классификация в работе Siegfried 2017, которая представляется нам наиболее цельной. Исследовательница выделяет неофициальные топонимы, которые являются 1) сокращениями от официальных, 2) подражательными формами (*Beverley Holz*, ср. *Beverley Hills*), 3) существующими параллельно с официальными, 4) существующими самостоятельно, т. е. независимо от официальных. Более дробная классификация содержится в работе Голикова 2014, выполненной на материале неофициальных названий улиц (годонимов) Москвы. Получение объектом неофициального наименования автор рассматривает как процесс **трансонимизации**, т. е. переименования, и выделяет восемь моделей неофициальных переименований, обусловленных как историей места и внешним видом объекта, так и словесной формой, которую имеет официальный топоним и которая модифицируется в неофициальном названии (сокращается, метафоризируется и пр.).

Классификации, предлагаемые географами, отличаются наличием параметров частоты употребления топонима, среды распространения, ср. *широко распространенные*, *ограниченно распространенные* и *специализированные топонимы* в классификации С. Г. Павлюка (2017), а также выделением и характеристикой социальных функций локальных топонимов, поскольку «локальный топоним — один из индикаторов перцепции пространства, формирования пространственной самоорганизации общества и чувства места»

² Ср. различные «народные схемы метро», например, <https://www.kp.ru/putevoditel/moskva/narodnaya-karta-metro/>

(Павлюк 2017: 41). Таким образом, классификации локальных топонимов, которые приводятся как в ономастических, так и в географических исследованиях, является взаимодополняющими и взаимокорректирующими — в лингвистической (для географов) и в географической (для лингвистов) частях, что, бесспорно, свидетельствует о полезности их объединения.

Л и т е р а т у р а

- Голикова Т.А. 2014. Официальные vs. неофициальные топонимы Москвы: модели трансонимизации. *Научный диалог*, т. 9, № 33, 24–36.
- Калуцков В.Н. 2013. О типах районов в культурной географии. *Культурная и гуманитарная география*, т. 2, № 1, 3–9.
- Кибрик А.А. 2009. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов. *Вопросы языкознания*, № 2, 3–21.
- Костромичева М.В. 2009. *Орловский региональный социолект: материалы к словарю*. Орел: ОГУ.
- Павлюк С.Г. 2017. Городская локальная топонимия как индикатор пространственной самоорганизации общества. *Городские исследования и практики*, т. 2, № 2, 33–42.
- Смирнягин Л.В. 2013. Вернакулярный район. В кн.: *Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник*. Смоленск: Ойкумена, 35–36.
- Siegfried I. 2017. Inoffizielle Ortsnamen. *Namenkundliche Informationen*, n. 109/110, 538–547.
- Vasil'eva N. 2012. Portrait einer russischen Stadt im Spiegel von Institutionen. In: D. Kremer, D. Kremer (eds.). *Die Stadt und ihre Namen, v. 1*. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag GmbH, 271–284.

РАЗ УЖ НА ТО ПОШЛО...

Анна А. Зализняк

Институт языкознания РАН
anna.a.zalizniak@gmail.com

*Дорогому Андрею Кибрику –
давнему другу, замечательному лингвисту
и самоотверженному директору –
об одном семантическом переходе в сфере дискурса*

Категории «говорить» и «делать» в жизни обычно бывают противопоставлены, что отражено во множестве пословиц: *На словах и так и сяк, а на деле никак; Кто много говорит, тот мало делает; Меньше говори, да больше делай; Скоро то говорится, да не скоро делается; Не все то творится, что говорится* и т. п. (В.И. Даль. Пословицы русского народа).

Между тем, в ходе работы над проектом Каталога семантических переходов в языках мира обнаружилось, что в языках разных семей имеется семантический переход¹, связывающий эти два значения. В Базе данных DatSemShift (www.datsemshift.ru) для семантического перехода № 3680 to do ↔ to speak на данный момент зафиксированы следующие реализации. Лат. глагол *facio* с первым значением ‘делать’, имеющий производное значение ‘произносить’. Та же полисемия присутствует во франц. глаголе *faire*, который употребляется также в значении ‘говорить’ при введении прямой речи, а также в итал. *fare*. В др.-русском языке имеется два глагола, реализующих данный переход в форме полисемии: *творити* и *дѣяти*; у первого значение ‘говорить’ в современном языке утрачено, у второго оно сохранилось в репортативной частице *де*. Когнаты русского слова *речь* в части славянских языков (болгарский, сербский, хорватский, чешский, словацкий) означают ‘слово, речь’, а в другой части (польский, белорусский) — ‘вещь, дело’; в украинском языке имеются оба значения, ср. *Про вовка річ, а вовк навстріч* и *Жиноча річ — коло припічка*. Полисемия ‘делать’ — ‘говорить’ имеется также в японском, корейском, таджикском и в языке аборигенов Австралии

¹ Т.е. объединение двух значений в рамках одного слова в форме полисемии, семантической эволюции, когнативности и некоторых других (Зализняк 2001), ср. также понятие *semantic association* в Vanhove 2008.

малак-малак. Близкая к рассматриваемой полисемия ‘событие’ — ‘рассказ о событии’ присутствует в рус. *история*, см. Михайлова 2022).

Сближение языковых значений ‘делать’ и ‘говорить’ обнаруживается также в сфере грамматикализации. Как отмечалось исследователями, в разных семьях восточно-африканских языков, в том числе эфиосемитских, морфемы со значением ‘делать’ и ‘говорить’ функционируют в свободном варьировании в качестве различных словообразовательных и словоизменительных элементов (см. Cohen 1970, Cohen et al. 2002 и др.).

Своего рода реализацией семантического перехода ‘делать’ → ‘говорить’ на уровне дискурса является способность некоторых коннекторов выражать связи не только между двумя пропозициями, но также между пропозицией и речевым актом — ср. понятие риторического, или иллокутивного, употребления союза в Иорданская 1988, Санников 2008: 56, Урысон 2011: 45–64, Пекелис 2018 и др., а также противопоставление логико-семантических отношений, устанавливаемых коннекторами на уровне пропозиций и на уровне речевых актов в Inkova 2017. Многие дискурсивные слова происходят из наречий, описывающих отношения между ситуациями действительности, напр. слово *кстати* может быть наречием (ср. *Ты пришел очень кстати*) и дискурсивным словом, ср. его толкование в Баранов, Добровольский 2018: 40: Q, кстати P = ‘говоря P, я даю понять, что P есть дополнительная релевантная часть рассуждений Q’.

К числу дискурсивных слов, которые могут устанавливать отношения как на пропозициональном уровне, так и на уровне речевых актов, относится русская дискурсивная единица *раз (уж) на то пошло*. А именно, она имеет следующие два режима употребления:

- 1) она маркирует связь между двумя пропозициями: указывает на то, что некоторое действие W является логическим продолжением или естественным следствием упомянутого ранее действия V;
- 2) она маркирует связь между двумя высказываниями: указывает на то, что высказывание W спровоцировано предшествующим высказыванием V (принадлежащим тому же самому или другому говорящему).

Назовем первый режим употребления «пропозициональным», второй — «иллокутивным». В первом случае *пошло* соотносит с *ходом* событий, во втором — с *ходом* предшествующей мысли. При этом в обоих случаях имеется смысловой компонент, что если бы не имело место положение дел/высказывание V, то не было бы оснований производить действие/высказывание W.

Рассматриваемая конструкция имеет также вариант с союзом *если* (выступающим в значении «данного положения дел» по Урысон 2011: 45–57). Эти варианты не полностью синонимичны; в частности, вариант с *если* допускает только иллокутивный режим употребления.

1. Примеры пропозиционального режима употребления *раз* (*уж*) *на то пошло*²:

- (1) <...> *Потом набор чашек со специальной подставкой, чтобы вешать — для тетки, она хоть и не заслуживает, но раз в жизни можно же порадовать человека, а еще, хрен с ними, яркие полотенца и прихватки в тон <...>; потом — набор ложек, вообще брала как себе, но ясное дело, родственникам оставит, и **раз уж на то пошло**, то набор ножей, хотя ножи дарить нельзя, но снова брала как себе <...>.* [Ада Самарка. Муха-цокотуха // «Октябрь», 2013]

Естественным следствием покупки ложек (действие V) является покупка также и других столовых приборов (действие W) (а если бы не купила ложки, то и ножи покупать бы не стала).

- (2) *Кроме того, не то в октябре, не то в ноябре я написал Вам длинное письмо с подробным изложением своей статьи и с указаниями новой терминологии. Если бы Вы на это письмо ответили, я принял бы во внимание Ваши указания. Но «молчание — знак согласия». **Раз уж на то пошло**, пожалуйста, просмотрите мою статью, печатающуюся в *Травках* <...>.* [Н.С. Трубецкой. Письма Р.О. Якобсону (1920–1938)]

Говорящий принял отсутствие ответа на свое предыдущее письмо за «знак согласия» с содержащимися в нем мыслями (ситуация V), и поэтому обращается с просьбой прочесть другую свою статью на эту тему (ситуация W). (А если бы того письма не было, то возможно он бы и не стал об этом просить.)

- (3) *Он и зарычал, оскалив зубы. — А, ты так? — сказал отец. — Марш сюда! И он больно схватил Волчка за ухо и потащил. Ну, и Волчок тоже не плох: **раз на то пошло**, он цап его зубами за руку.* [Марк Криницкий. Про Волчка (1928)]

Естественной реакцией на насилие является сопротивление в форме ответного насилия.

- (4) *Я попробовал, написал сюда обзор технических журналов. Чуть не стал было литератором, но редактор спохватился вовремя — послал на консультацию к моим друзьям. Да... Так давайте сначала познакомимся, **раз на то пошло**. Меня зовут Бусько, профессор Бусько, Евгений Устинович.* [Владимир Дудинцев. Не хлебом единым (1956)]

Если человек рассказывает кому-то истории из своей жизни (действие V), логично было бы с ним познакомиться (действие W).

² Все примеры взяты из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru).

2. Внутри иллокутивного режима употребления семантика обсуждаемой единицы зависит от того, принадлежит предшествующее высказывание самому говорящему или его реальному или воображаемому собеседнику, который становится оппонентом.

2.1. Оба высказывания принадлежат одному говорящему. В этом случае семантический вклад дискурсивной единицы *раз/если (уж) на то пошло* состоит в том, что говорящий таким образом как бы оправдывается, что сделал высказывание W, само по себе не необходимое, но спровоцированное предыдущим. Ср.:

- (5) *Витийствующее море — образ, конечно, литературный, но зиждется на внутреннем сродстве понятий. «И море, и Гомер — все движется любовью. Кого же слушать мне?» Очевидно, как и морю, «Гомеру, — по словам другого поэта, тоже — не дано примелькаться», что бы ни говорил, **раз уж на то пошло**, третий — гиперболический — поэт, ради которого мы ныне собрались в Одессе <...>* [Игорь Волгин. В тумане скрылась... // «Октябрь», 2013]

Говорящий упомянул двух поэтов (высказывание V); естественным логическим продолжением является упоминание третьего, также имеющего отношение к обсуждаемому сюжету (высказывание W).

- (6) *И однако в итоге все утряслось, не сразу, мальчонке уже исполнился год, кажется, когда уважаемый Саша-Шура-Александр, как его втихомолку называла Ира, пришел и покаялся, собственно, каяться ему было особенно не в чем, никогда он Марину не охмурял, ничего не сулил, **если на то пошло**, даже в постель не тащил, все получилось невзначай, само собой <...>* [Гоар Маркосян-Каспер. Кариатиды // «Звезда», 2003]

В (6) высказывание, вводимое единицей *если на то пошло*, спровоцировано упоминанием родившегося ребенка в предшествующем тексте V.

2.2. Высказывание V принадлежит другому лицу. В этом случае вводимое единицей *раз/если (уж) на то пошло* высказывание W обычно оказывается полемическим по отношению к V: опираясь на некоторую часть чужой мысли, говорящий развивает ее иным образом; ср.:

- (7) *Согласна, с фильмом *Бордери* не сравнится ни одна из них, но это вовсе не повод для преуменьшения достоинств фильма Хилькевича. Насчет второстепенных персонажей. Во-первых, не могу припомнить, о каких второстепенных персонажах, которых не было в романе, вы говорите. Во-вторых, **раз уж на то пошло**, в фильме *Бордери* во второй части до-*

брая половина — полная отсебятина! [Форум: Обсуждение фильма «Три мушкетера» (2008–2010)]

Здесь очевидно содержится отсылка к высказанному оппонентом упреку по отношению к фильму Хилькевича, что в нем есть вымышленные персонажи (высказывание V); продолжая тему вымысла, говорящий выдвигает контраргумент в споре о достоинствах обсуждаемых фильмов, состоящий в том, что в фильме Бордини также имеется несоответствие роману (высказывание W).

- (8) *Говорить, что она приняла при князе Владимире православие, можно только в том смысле, в каком православием (верным учением) считает себя и римское католичество. Если православных верующих Камчатки действительно, как сообщает справка Отдела внешних церковных связей МП42, возмутила сказанная по телевидению фраза католического священника «Неизвестно, во что Русь крестилась, в православие или в католичество», то поправить, **раз уж на то пошло**, следовало бы не священника, а возмущенных верующих.* [В.В. Библихин. Единое христианство (2002)]

В (8) при помощи *раз уж на то пошло* говорящий опирается на содержащуюся в речи оппонента негативную оценку (ср. *возмущаются*); в своем высказывании он применяет эту оценку, в более мягкой форме (ср. *поправить*), к другому объекту.

- (9) *Любой язык может стать наднациональным, если сообщество людей, которые на нём говорят, добьётся успеха и распространит своё влияние на соседей. Так что это скорее политический или социокультурный вопрос, нежели лингвистический. Мы учим английский не потому, что он проще других языков (**если на то пошло**, шведский, допустим, ещё проще), а из-за той роли, которую играют в мире англоговорящие США* [А. Ямалиева. Язык. Будущее время // «Кот Шрёдингера», 2016]

Мнение оппонента (высказывание V) — что мы учим английский язык потому что он проще. Извлекаемое из этого высказывания говорящим «направление мысли» («на что пошло» предыдущее обсуждение) — причина, по которой мы учим английский язык. Говорящий считает, что причина, указанная оппонентом, неверна, и высказывает свое мнение по этому вопросу (высказывание W).

В примере (10) «направлением мысли» безличного оппонента является выбор метафорического обозначения для протекания временных промежутков, соответствующих разным месяцам, представляющийся говорящему неверным.

(10) Но почему май «стоит»? Тысячи и тысячи раз подставляется это слово, и вдруг однажды в свежую минуту обнаруживается, что оно совсем некстати. Ни май, ни январь стоять не могут, время не бывает неподвижным. Если уж на то пошло — январь лежит, взбуриваясь снегами и отдыхиваясь вьюгами-метелями, но и лежит не в оцепенении, а медленно и валко перекатываясь в февраль. А март уж поднимается в рост и на затекших хмельных ногах расхаживает не спеша, заплетаясь и делая кругая... Но май!.. Май, набрав крылья, уже плывет над землей, он невесом и воздушен, радостен и победен, юн и красив. [В.Г. Распутин. Новая профессия (1998)]

Литература

- Баранов А.Н., Добровольский Д.О. 2018. Кстати и некстати: к речевым практикам Достоевского. *Русский язык в научном освещении*, № 1 (35), 33–45.
- Зализняк Анна А. 2001. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект создания «Каталога семантических переходов». *Вопросы языкознания*, № 2, 13–25.
- Иорданская Л.Н. 1988. Семантика русского союза раз (в сравнении с некоторыми другими русскими союзами). *Russian Linguistics*, n. 12(3), 239–267.
- Михайлова Т.А. 2022. «Ирландская сага»: в поисках дефиниции объекта. *Критика и семиотика*, № 2, 174–194.
- Пекелис О.Е. 2018. Иллокутивное употребление союзов: шкала иллокутивности и ее отражение в грамматике. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2018»* (<https://www.dialog-21.ru/media/4325/pekelisoe.pdf>).
- Санников В.З. 2008. *Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве*. М.: Языки славянских культур.
- Урысон Е.В. 2011. *Опыт описания семантики союзов*. М.: Языки славянских культур.
- Inkova O. 2017. Le relazioni logico-semantiche tra gli enunciati: una proposta di classificazione. In: M. di Filippo, F. Esvan (eds.). *Studi di linguistica slava. Volume dedicato a Lucyna Gebert*. Napoli: Il Torcoliere — Università degli Studi di Napoli "L'Orientale", 105–123.
- Cohen D., Simeone-Senelle M.-C., Vanhove M. 2002. The grammaticalization of ‘say’ and ‘do’: An areal phenomenon in East Africa. In: T. Güldemann, M. von Roncador (eds.) *Typological Studies in Language, vol. 52. Reported discourse. A meeting ground for different linguistic domains*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 227–251.
- Cohen M. 1970. *Traité de langue amharique (Abyssinie)*. Paris: Institut d’Ethnologie.

Vanhove M. (ed.) 2008. *From Polysemy to semantic change. Towards a Typology of lexical semantic associations*. Studies in Language Companion Series. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЭТАЛОНЫ В ПЕРЦЕПТИВНОМ ПРИЩУРЕ

И.И. Исаев

Институт языкознания РАН

isaev@iling-ran.ru

Русская речь родившихся и освоивших язык вне территории метрополии людей необычайно интересна сохранностью исходных отношений внутри системы, а также теми уступками, которые возникают под нажимом внешней авторитетной языковой системы. Однажды Андрей Александрович Кибрик рассказывал про язык Нинильчика, включал экспедиционные записи речи, а я пытался понять, что не так в фонетике этих таинственных людей. Мне показалось, что звучит просторечие с иным сегментным приспособлением звуков внутри слова, а не та диалектная речь, которую можно встретить в одном из регионов внутри России. Понять специфику коартикуляции нинильчиковской фонетики на слух мешала моя перцепция, настроенная на «русский» русский язык.

Вот несколько полевых заметок о том, как экспедиционные лингвистические ожидания и фонетические привычки могут вести диалектолога прямой дорогой к наивной интерпретации фактов языка.

Русские диалектные системы, имеющие в инвентаре гласных отдельные фонемы для выражения оппозиции close-mid (/e/, /o/) ↔ open-mid (/ɛ/, /ɔ/) с точки зрения носителя литературного варианта русского языка или того диалектного варианта, в котором нет двух средних подъёмов, часто воспринимается как система с open-mid-парой /ɛ/, /ɔ/. Аудирование материала неподготовленным человеком проявляет удивительную безразличность к абсолютно разным реализациям разных фонем в одной позиции. Например, этимологически обусловленная минимальная пара к[ó]шка — ок[ǔ]шко не опознается даже если имеет дифтонгические реализации фонем (к[уó]шка — ок[ǔ]шко). Во время подготовки к экспедиции у студентов, например, встраивание реальной диалектной системы /e/-/ɛ/, /o/-/ɔ/ в перцептивную картину литературного типа /o/-/ɔ/ прекращается после прослушивания отдельных сегментов гласных, вырванных из контекста слова. Динамическая спектрограмма сама по себе не способна убедить фонемный «слух».

Я тоже оказывался в ситуации наивного распределителя фонем среднего подъема, когда аспирантом начал ездить в экспедиции с опытными диалекто-

логами и ужасно стеснялся признаться, что не слышу никаких особых О и Э. Впрочем, для этого были другие причины: как позже выяснилось, моя бабушка была носителем такой сложной системы и я действительно не слышал особых реализаций, так как они были для меня обычны.

Известны случаи, когда даже опытные диалектологи пропускали важные классификационные явления, а про особенности фонетической организации диалекта им сообщали сами носители, имеющие лингвистические способности. В моём распоряжении также есть звучащие материалы, где информант рассказывает о том, что ему не хватает букв современного русского алфавита для передачи фонемного состава гласных.

Безударная позиция тоже полна перцептивных ловушек. Свежий пример из экспедиции 2022 года в Тотемский район Вологодской области. Местный краевед рассказывала, что работа по одному из проектов предусматривала полуфонетическую расшифровку текстов участниками гранта. Расшифровщики из других регионов России получали тотемский звучащий материал и возвращали странные тексты с нетипичным для северной фонетики яканьем типа [б'а]рѐза. Напомню, что в говорах северного наречия предударный [а] в позиции с'ас' если и употребляется, то в соответствии этимологическому *а. Мы себе объяснили это явление относительно просто. Дело в том, что в этих тотемских говорах предударный [э] в словах типа *берѐза* имеет иную, нежели в литературном, коартикуляционную структуру гласного, да и саму модель редукции. Литературный вариант предусматривает, во-первых, узкий и-образный гласный в первом предударном в таких случаях, а, во-вторых, сам литературный гласный [е] в позиции с'эс' будет иметь значительные фазы и-образной коартикуляции в экскурсии и рекурсии, что делает F2 этого гласного прогнутой. В тотемском же говоре F2 прямая, то есть иначе реагирует на палатализацию в левом и правом контексте. Кроме того, расположение F1 позволяет характеризовать этот гласный как незакрытый вопреки ожиданиям. Диалектный гласный [ε] в предударном слоге может оцениваться носителями другой эталонной стратегии как [æ], соответствующий литературному гласному в позиции с'ас'. Улыбнувшись ошибке расшифровщиков и своей проницательности, мы обратились к списку информантов, которых записывали на слух и обнаружили, что одни из лучших собеседников, внесённые в таблицу как Якимовы, оказались по паспорту Екимовыми... Вот так в очередной раз элементы новой системы через навязывание привычных дифференциаторов была разжалована до привычной модели.

Тут стоит вспомнить известное: чужие сложные системы вообще плохо поддаются перцептивному освоению в краткосрочной перспективе. Например, сложные модели диссимилятивного яканья с многофакторным распределением ударного и предударного гласного, как правило, соотносятся слуша-

ющими с условным сильным яканьем, хотя модели, например, сильного, жиздринского и архаического яканья разительно отличаются, да и гласный [’а] — не единственный в этих системах.

Продолжая тему аканья-яканья стоит сказать о том, что восприятие собственной диалектной речи носителем имеет любопытные закономерности. Например, дети, выросшие в фонетической традиции диссимильтивного аканья/яканья (это и качественные, и количественные отношения ударного и предударного гласного), почти не сохраняют яканья. Примеры яканья к-[с’а]лú, но [с’í]лá с базовым диссимильтивным распределением по качеству (подъёму) гласного теряются младшим поколением, а примеры диссимильтивного аканья удивительным образом сохраняются как в связке качества и количества, так и отдельно количественной диссимильтации: с[а]вú, но с[э]вá. Ответ, кажется, состоит в оценке носителем фонологического контраста этих двух пар [í]-[а], [э]-[а]. Несмотря на то, что в аканье и яканье реализуется одна и та же диссимильтивная модель, выразителями являются различные по контрасту элементы. Очевидно, что с точки зрения подъёма [í]-[а] контрастнее, чем [э]-[а]. Контрастнее — значит заметнее.

Бывают пары со сниженным контрастом. Для яканья это [е]-[а] и даже [еæ]-[а], для аканья это [в]-[а], что является, как мне кажется, эволюционным соглашением и фонетическим отступничеством, которое демонстрирует возможность постепенного устранения диссимильтивного качественного контраста вовсе. А разные долготы могут при этом и не исчезать.

Эти отчасти сегментные, а отчасти сверхсегментные особенности в южных говорах питают еще один миф восприятия. Широкий [а] перед верхними ударными гласными (с[а]вú, тр[а]вú, например) у студентов, впервые услышавших эту особенность, может вызывать вопрос о... месте ударения в слове! И в транскрипции ударение, действительно, может быть поставлено на первом предударном гласном. Причина неверной оценки объясняется тем, что сила предударного гласного, его длительность, соотношение F1-F2, а также «плотность» размещения резонансных максимумов на сигнале у такого гласного («толщина» и «чернота» формант) при спектрографическом анализе говорит о том, что перед нами ударный гласный. В таких говорах, действительно, может встречаться первый предударный гласный, у которого сверхнормативно широкий челюстной угол (очень открытый гласный) и нетипичная для «литературного уха» долгота. После этого экспедиционного сюжета я окончательно перестал понимать фонетическую природу русского ударения! Собственная длительность и сила различных гласных, оцениваемая говорящим как важнейшие компоненты ударения, в этих говорах разбиваются о дополнительное распределение в рамках диссимильтивного принципа.

Последний этюд о согласных. Мы знаем, что одним из китов русского консонантизма является категория твёрдости-мягкости, которая охватывает большую часть согласных и артикуляционно выражается преимущественно в веляризованности-палатализованности языка при артикуляции. Лишь небольшая периферийная часть согласных не включена в эти отношения. Акустический навык различения твёрдых и мягких формируется на базе этих артикуляционных навыков и очень сильно влияет на оценку систем, где эти отношения устроены иначе. Диалектных систем, где отличается число единиц, вовлеченных в противопоставление много. Но самое интересное возникает тогда, когда отличия качаются не количества единиц, включенных в бинарные оппозиции, а незначительный с точки зрения оппозиции параметр — механизм выражения отношений твёрдости-мягкости. Чаще всего различия связаны с местом артикуляции согласного. Чемпионы по вариативности — переднеязычные согласные, именно они порождают наибольшее количество сложных случаев. С точки зрения литературной нормы существует два полюса в таких отношениях согласных — недостаточная палатализованность и избыточная палатализованность согласных, которые тоже имеют своё артикуляционное объяснение. Гиперпалатализованные согласные артикулируются в постальвеолярной области, что смещает артикуляционный фокус назад и делает щель более короткой, что формирует акустический эффект «шепелявых» согласных и не вызывает перцептивной сложности. Восприятие же «недопалатализованных» опирается на более сложную основу. Переднеязычная артикуляция в постальвеолярной зоне достигается не за счет создания «горбатой» артикуляции палатализации, а в результате вертикальной позы апекса, что сопровождается прогибом вниз средней части языка: твёрдый — ламинарный переднеязычный, а мягкий — апикулярный постальвеолярный. При такой артикуляции мягкого, например, согласование с передним гласным в правом контексте становится необычным: акустически немягкий согласный + непередний гласный или акустически немягкий согласный + дискретный выразитель мягкости + непередний гласный.

* * *

Всё вышесказанное, особенно в случаях категорического несогласия, стоит отнести на ответственность юбиляра, подтолкнувшего к размышлениям о неочевидном.

С днем рождения, Андрей!

Л и т е р а т у р а

Bergelson M.B., Kibrik A.A., Leman W. 2014. *Ninilchik Russian: The First Language of Ninilchik, Alaska*. Lulu Press.

ЧИСЛОВОЙ КОД В РУССКИХ ЗАГАДКАХ ПРО КАЛЕНДАРНЫЙ ГОД

М.Л. Ковшова

Институт языкознания РАН
kovshova_maria@list.ru

О.С. Орлова

Институт языкознания РАН
OrlovaOlgaS@list.ru

Введение

Юбилейная дата в календаре Андрея Александровича Кибрика вдохновила авторов на исследование числового кода, «с помощью которого описывается мир, человек и сама система мироздания» (Топоров 1980: 629) и который по-разному отражается в языках и культурах. «Каждый язык представляет собой уникальное явление человеческой мысли, культуры и истории, является частью гуманитарного богатства, накопленного видом *Homo sapiens*» (Кибрик 2020: 21). Особенности народного миропонимания отражены и в русской загадке, которая любит счёт. Исчислению подлежат время, возраст, природные явления, растения, животные, части тела, предметы быта, для чего используются имена числительные и другие языковые средства с количественной семантикой. Ср.: «*Стоит дуб; / На дубу двенадцать гнёзд, / На каждом гнезде / По четыре синицы. / У каждой синицы / По четырнадцать яиц: / Семь беленьких, / Да семь чёрненьких (год)*» (Садовников 1995 № 2093); «*Один говорит, / Двое глядят, / Да двое слушают (язык, глаза, уши)*» (Садовников 1995 № 1858); «*Рубль бежит, / Сто гонят. / А тысяча голову ломают (охота за зайцем)*» (Садовников 1995 № 1618). Лингвистический анализ показателей счёта в загадках проведён в Левин 1978; Фролова 2014. Так, согласно Левин 1978: 313, «малые» числительные используются для определения точного количества; «средние» выражают значение ‘много’; «большие» и «округлённые» обозначают неопределённое множество. В загадке количественные компоненты могут выполнять денотативную, интенсифицирующую, мистифицирующую функции (Фролова 2014: 501–502), а также выражать качественную оценку, передавать ценностные коннотации; ср.: «*Два раза родился, / Ниоднажды не крестился, / Первый на свете певчий (петух)*» (Садовников 1995 № 989ж).

Принципы описания и эмпирические результаты

«Язык может быть понят лишь как разновидность когнитивной деятельности, и попытки описать или объяснить язык вне его когнитивных истоков

обречены на неудачу» (Кибрик 1994: 138). В рамках квантификативного подхода (Аругюнова 2014) и с опорой на когнитивный (фреймовый) анализ с элементами культурологического комментария (Ковшова, Орлова 2020) рассмотрим, как загадывается календарный год, как в языке загадок отражаются народные представления о времени, его целостности и промежутках. Количество дошедших до нас текстов (включая варианты) достаточно велико — около 100, из них про год — около 70 текстов, про времена года — более 20. Наиболее активно используются количественные числительные; реже — порядковые и собирательные; описание года как иерархической структуры создаётся с помощью перечисления, которое движется от более крупного темпорального множества (год) к множествам и подмножествам (месяцы, недели, дни, сутки, часы). В образах загадок отражается циклическая модель времени, характерная для традиционных культур (Толстой 1997). Ср.: *«Я стар, родилось от меня двенадцать сыновей, а от каждого из них по тридцать дочерей, наполовину красных и чёрных (год)»* (Митрофанова 1968: 147). «Сезонные» загадки про времена года зачастую обходятся без числового кода; в них отражается архаичное деление календарного времени на лето и зиму (Толстая 2011). Ср.: *«Была белая да седая, / Пришла зелёная да молодая (зима и лето)»* (Митрофанова 1968: 146).

Остановимся на загадках про календарный год. В текстах используются количественные числительные: *один, четыре, семь, двенадцать, четырнадцать, двадцать, двадцать четыре, тридцать, сорок, пятьдесят, пятьдесят два, сто, триста, триста шестьдесят пять, триста шестьдесят шесть*; реже — собирательные: *четверо, семеро* и порядковые: *третий; седьмое*, а также слова со счётной семантикой: *каждый, одна, другая, все, половина, наполовину*. Числительные, определяющие точные количества, выполняют денотативную функцию и являются подсказкой: *двенадцать, четыре, семь, триста шестьдесят пять*; для интенсификации описания, а также для мистификации используются числительные с «неточной» и «округлённой» семантикой: *тридцать, пятьдесят* и др. Разделим загадки на четыре группы по основным метафорам — природной, антропной, архитектурной, книжной.

Природная метафора представлена в загадках: с образами дерева и других растений; с образами дерева и птиц; с образами птиц. Описание года как циклической модели соединяет представления о космическом времени с его земным восприятием.

В загадках год иносказательно называется «деревом», «дубом», «брусом», «садом», «кустом», а части растений изображают темпоральные отрезки. Отсчёт времени ведётся от единицы высшего уровня (год) к составляющим её крупным и мелким единицам; ср.: *«Стоит дерево о двенадцати сучках, / На каждом сучку двенадцать ветвей, / На каждой ветке по четыре отро-*

стка, / На каждом отростке по семи прутьев (год, месяцы, недели, дни)» (Митрофанова 1968: 148). Подобно тому, как дуб дан в своих ветвях, отростках и прутьях, год дан в месяцах, неделях и днях. «Деление суток на две части — день и ночь — тоже чисто природное явление, и сознание и язык только фиксируют и обозначают его» (Толстой 1997: 17). В обозначении также участвует цветовой код; ср.: «Стоит дерево, с одной стороны листья белые, а с другой чёрные (день и ночь)» (Митрофанова 1968: 148). Загадки с образом сада богаче по темпоральной иерархии: кроме года и месяцев также обозначаются времена года, количество дней в месяцах, количество недель в году; указывается количество дней в неделе; выделяется праздничный день; отмечается количество дней в году и часов в сутках; производится деление на дневные и ночные часы. Ср.: «Стоит сад. Во саду растут четыре цвета разных, двенадцать лоз виноградных, а на каждом тридцать лоз сочных тёмного и светлого винограда. Во саду том пятьдесят два дерева плодородных, а на каждом по семи плодов и седьмой золотой — дорогой. Во саду том триста шестьдесят пять гряд, а на каждой двадцать четыре арбуза: двенадцать спелых и двенадцать белых, незрелых» (Садовников 1995 № 2097).

В традиционной картине мира цикл обладает животворной силой и защищён магией; магическими свойствами наделены устремлённые в «верхний мир» деревья и птицы. В загадках с образами дерева и птиц находят отражение представления о мировом дереве, символизирующем начало жизни; ср.: «Выросло дерево от земли до неба, на этом на дереве двенадцать сучков, на каждом сучке по четыре кошеля, в каждом кошеле по шести яиц, а седьмое красное (год, месяцы, недели, будни и воскресенье)» (Митрофанова 1968: 147). В сочетании с количественными числительными названия птиц (*синицы, чирки*) используются для кодирования множеств; слова *яйца, птенцы* и др. — подмножеств; числовому коду сопутствует цветовая символизация; ср.: «Стоит дуб; / На дубу двенадцать гнёзд, / На каждом гнезде / По четыре синицы. / У каждой синицы / По четырнадцати яиц: / Семь беленьких, / Да семь чёрненьких (год, месяцы, недели, дни и ночи)» (Садовников 1995 № 2093).

В загадках с образами летящих птиц всё подчинено счёту; описание интенсифицируется перечислением от большего количества к меньшему; ср.: «Летело триста гусей, да пятьдесят лебедей, да двенадцать орлов, да четыре вороны» (Митрофанова 1968: 147); подчёркивается идея календарного года как целостного феномена; ср.: «Двенадцать орлов, пятьдесят две галки, триста шестьдесят пять скворцов одно яйцо снесли» (Там же).

Антропная метафора отвечает представлениям, согласно которым всё в природном времени происходит в повторениях жизненного цикла; отсчёт года начинается с одного родоначальника; ср.: «Один по двенадцати родил, / А двенадцать семь породили, / Из семерых четверо выросло» (Садовников

1995 № 2104). В редкой загадке неизменность числовых параметров уподоблена вневременности жизни; ср.: «... у них *тридцать дочерей; ни дети, ни внуки не растут, не убывают и вечно не умирают*» (Садовников 1995 № 2102в). Отражение циклической модели с границами между временными отрезками находим в загадках про месяцы: «*Двенадцать братьев / Друг за другом бродят, / друг друга не обходят*» (Садовников 1995 № 2107). Та же идея выражена в образе «постелей», в которые «укладываются» дни (*тридцать постель*); смысл череды дней усиливает образ *гостей*; ср.: «*Тридцать постель, / Тридцать гостей, / Постель с постелью / Не сойдётся, / Гость с гостем / Не столкнётся*» (Садовников 1995 № 2108). «Собирание» дней в неделю подчёркнуто употреблением собирательных числительных и дистрибутивными отношениями; ср.: «*У семерых братьев по одной сестрице, а много ли всех?*» (Рыбникова 1933: 152). Сутки уподоблены связи по кровному родству; ср.: «*Две сестры: одна светлая, другая тёмная (день и ночь)*» (Митрофанова 1968: 148). Описание темпоральных единиц с помощью метафоры кровного родства делает феномен времени ближе и понятнее.

Когнитивный фреймовый анализ позволяет выявить общую модель, по которой выстраивается сценарий, составляющий основу загадок о календарном годе: один, больший, продолжается в меньших, в совокупности они составляют единое целое (см. Таблицу 1).

Та же модель лежит в основе загадок с природной метафорой про дерево и ветви; дерево и птиц; про стаю птиц, снесших одно яйцо. Та же модель обнаруживается в текстах с архитектурной и книжной метафорой.

Архитектурная метафора конкретизирована в образах построек. Так, в загадке «*Шли семеро мужиков без топоров, / Срубили избу без углов (неделя)*» (Садовников 1995 № 2110) кодируется количество дней в неделе; абсурдность загадки передает представление о временном отрезке как данности, не являющейся артефактом. Архитектурные образы позволяют наглядно представить цикличность времени в его уподоблении замкнутому пространству, в котором все части постройки собраны в иерархическую структуру; ср.: «*Стоит дом в двенадцать окон, / В каждом окне по четыре девицы, / У каждой девицы по семь веретён, / У каждого веретена разное имя (год, месяцы, недели, дни)*» (Митрофанова 1968: 146); «*Стоит город; / В городе двенадцать башень, / В каждой башне / По четыре окошка, / Из каждого окошка / По семи выстрелов (год, месяцы, недели, дни)*» (Садовников 1995 № 2103). Образ веретена как орудия прядения и магического предмета в народной культуре подчёркивает идею цикличности времени. Архитектурный образ недели как закрытого числового ряда представлен в загадке: «*Протянулся мост на семь верст, / А в конце моста золотая верста (неделя, дни недели)*» (Митрофанова 1968: 148).

Таблица 1. Фреймовый анализ загадки
*Я стар, от меня родилось двенадцать сыновей, у каждого из них
 по тридцати сыновей красных, по тридцати дочерей чёрных*

	Область-источник	Конституирующие признаки	Область-цель
Род — Календарный год	<p><i>Я стар, от меня родилось двенадцать сыновей, у каждого из них по тридцати сыновей красных, по тридцати дочерей чёрных</i></p> <p>Родоначалник, развитие, продолжение рода, последовательность и связь поколений, кровное родство, количество, счёт, цвет, иерархическая структура рода (целое и части)</p>	<p>Глава, начало, развитие, продолжение, последовательность и связь, количество, счёт, упорядоченная иерархическая структура (целое и части)</p>	<p>Год, месяцы, дни и ночи</p> <p>Единица высшего порядка, начало, развитие, продолжение, последовательность и связь временных отрезков, количество, счёт, дневное и ночное время суток, иерархическая структура года (целое и части)</p>
Типовые сценарии	<p>У старейшего в роду есть двенадцать сыновей и родившихся от каждого сына тридцать красных сыновей и тридцать чёрных дочерей</p>	<p>У одного есть двенадцать и от каждого из двенадцати тридцать одних и тридцать других</p>	<p>В году двенадцать месяцев тридцатью днями и тридцатью ночами в каждом из двенадцати месяцев</p>
Элементы ситуации	<p>Старейший в роду, родоначалник</p>	<p>Высшего порядка единица, начало</p>	<p>Темпоральная единица высшего порядка, начало счёта</p>
	<p>Двенадцать сыновей родоначалника</p>	<p>Двенадцать элементов второго порядка, берущих начало от главного</p>	<p>Двенадцать месяцев</p>
	<p>У каждого из двенадцати сыновей родоначалника по тридцать сыновей красных</p>	<p>Тридцать элементов третьего порядка, в которых продолжают двенадцать</p>	<p>Тридцать дней (дневного времени суток) в месяце</p>
	<p>У каждого из двенадцати сыновей родоначалника по тридцать дочерей чёрных</p>	<p>Тридцать элементов четвертого порядка, в которых продолжают двенадцать</p>	<p>Тридцать ночей (ночного времени суток) в месяце</p>

Книжная метафора кодирует неделю как целое и части: будни и праздник; ср. «*В книге — шесть листов простых, седьмой золотой*» (Садовников 1995 № 2111). Загадки с элементами зауми и анаграммы обычно опираются на числительные с «округлённым» или точным количеством; ср.: «*Триста листов, / Пятьдесят туманастов, / Двенадцать ерманцев (год)*» (Садовников 1995 № 2105). Образ книги как сакрального предмета отвечает древнему табу на исчисление времени.

Заключение

Год — одна из базовых темпоральных категорий традиционной картины мира. В образах загадок отражается архаичное представление о цикличности времени, его развитии, данном в повторениях. Описание начинается с целого (год) и переходит на составляющие его части (месяцы; дни; недели; сутки; дневное и ночное время суток; будни и праздник; количество часов в сутках). Представление о дне является диффузным и захватывает область суток и область часов в сутках. Счётные слова кодируют бинарные отношения времени суток. Для описания используются числительные с точной семантикой: количественные (*двенадцать, четыре, семь, триста шестьдесят пять*), собирательные (*четверо, семеро*), порядковые (*третий, седьмое*). Стремление исчислить год, задать его иерархическую структуру сочетается с целью усложнить и мистифицировать описание, для чего используются числительные с неточной семантикой. В целом, традиционные русские загадки про год начинаются с указания на количество и не утрачивают числовой «характер» до конца текста.

Литература

- Арутюнова Н.Д. (ред.). 2014. *Логический анализ языка: Числовой код в разных языках и культурах*. М.: ЛЕНАНД.
- Кибрик А.А. 1994. Когнитивные исследования по дискурсу. *Вопросы языкознания*, № 5, 126–139.
- Кибрик А.А. 2020. Сохранение языкового разнообразия России: контуры программы [Электронный ресурс]. *Социолингвистика*, № 1, 17–28.
- Ковшова М.Л., Орлова О.С. 2020. К вопросу о семантической структуре загадки. Когнитивный и культурологический комментарий как принцип исследования. *Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание*, т. 4, 70–79.
- Левин Ю.И. 1978. Семантическая структура загадки. В кн.: *Паремнологический сборник*. М.: Наука, 283–314.
- Митрофанова В.В. 1968. *Загадки*. Л.: Наука.

- Рыбникова М.А. 1931. *Загадки*. М., Л.: Academia.
- Садовников Д.Н. 1995. *Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач*. М: Славянский мир.
- Толстая С.М. 2011. Календарь народный. В кн.: С.М. Толстая и др. (ред.). *Славянская мифология. Энциклопедический словарь*. М.: Международные отношения, 212–214.
- Толстой Н.И. 1997. Времени магический круг (по представлениям славян). *Логический анализ языка. Язык и время*. М.: Индрик, 17–27.
- Топоров В.Н. 1980. *Числа. Мифы народов мира*. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 629–631.
- Фролова О.Е. 2014. Числовой код в загадке. В кн.: Н.Д. Арутюнова (ред.). *Логический анализ языка: Числовой код в разных языках и культурах*. М.: ЛЕНАНД, 500–507.

СНОВА ПРО ГЛАГОЛ *БЫТЬ* — ТРИ НОВЫЕ ЛЕКСЕМЫ И КОЕ-ЧТО ЕЩЁ

И.А. Мельчук

Лаборатория лингвистики «Смысл-Текст»
Монреальский университет, Монреаль, Канада

Андрею Александровичу Кибрику —
другу, сыну друга.

1. Дважды два *О^{БЫТЬ}* четыре,
Два плюс три *О^{БЫТЬ}* пять [М. Кузмин].
2. А он кто тебе *будет?*
3. А вдруг из-за них мне чего-нибудь *будет!*
[В. Высоцкий]

Глагол *БЫТЬ*, наверное, — один из самых сукин-сынских¹ русских глаголов: я имею в виду даже не его супплетивизм и наличие нулевой формы настоящего времени, а богатую и разветвлённую многозначность и безудержную вовлечённость в означаемые русских глагольных лексем (см. Апресян 1992: 2.1). Что неудивительно: *БЫТЬ* — это главный бытийный глагол, *verbum substantivum* древних грамматистов, *to BE or not to BE!* Литература глагола *БЫТЬ*, хотя бы только в русском языке, насчитывает астрономическое количество публикаций; *БЫТЬ* был многократно рассмотрен во всех мыслимых и немыслимых аспектах. Тем не менее, простой вопрос «Сколько значений есть у глагола *БЫТЬ* и какие именно?», т. е. какие лексемы включает вокабула *БЫТЬ*, всё ещё не имеет окончательного ответа. В своих статьях 1992-го и 2013-го года Ю.Д. Апресян исчерпывающе подытожил предшествующие результаты, детально описав 16 лексем вокабулы *БЫТЬ*:

БЫТЬ 1.1 ‘являться’: *Мой отец был архитектором.*

БЫТЬ 1.2 ‘быть тождественным’: *Это был Иван.*

БЫТЬ 2.1 ‘находиться’: *Дети были на озере.*

БЫТЬ 2.2 ‘прибывать куда-л.’: *Он сегодня непременно будет к нам (уже был в два часа).*

БЫТЬ 3.1 ‘иметься’: *У него была прекрасная библиотека.*

¹ Это буквальный перевод выражения Э. Сэпира — *the son-of-a-bitchiest (language)*, которое я узнал из статьи Кибрик 2022: 29.

- быть 3.2** ‘иметь возраст’: *Ему было двадцать лет.*
- быть 4.1** ‘существовать’: *Есть еще добрые люди на свете!*
- быть 4.2** ‘наступить’ [о времени суток]: *Было пять часов.*
- быть 4.3** ‘иметь место, состояться’ [о событии, мероприятии]: *Был (Будет) дождь. | Была воздушная тревога. | Обед был в два часа.*
- быть 4.4** ‘происходить, случаться’: *С ним несчастье. | Что с тобой?*
- быть 5.1** ‘уверенность в неизбежности события’: *Быть грозе.*
- быть 5.2** ‘уверенность в неизбежности плохого события’: *Нам теперь крышка.*
- быть 5.3** ‘надо прекратить ситуацию’: *Будет с тебя.*
- быть 5.4** ‘надо прекратить действие’: *Будет тебе плакать.*
- быть 6.1** в составе формы БУД: *Не буду вам мешать. | Чай (Сыр) будешь?*
- быть 6.2** в составе формы СТРАД: *Проект был (будет) закончен в декабре.*

Опираясь на данные Апресяна, я попытался уточнить этот список: Mel’čuk 2019: 12–15. Однако этот мой перечень лексем глагола БЫТЬ тоже, как оказалось, нуждается в исправлениях и добавлениях. Ниже даётся усовершенствованный перечень, в котором по сравнению со списком Апресяна сделаны следующие изменения:

- Отсутствуют шесть лексем: группы **быть 5** и **быть 6**².

² Лексемы БЫТЬ, исключённые из списка Апресяна:

- Быть 5.1** (неизбежность события: *Быть грозе*) представляется одной из синтаксических идиом вида $V_{\text{INF}} \rightarrow N_{\text{DAT}}$, которые возможны и с другими глаголами (*Греть ещё войне и пожарам пылать* или *Жить им и жить*), и с другими номинативными выражениями (*Быть тебе в тюрьме!*). Смысл неизбежности — компонент означаемого этой идиомы; глагол БЫТЬ, выступающий в её реализации, — это **быть 4.3** ‘иметь место, состояться’. Лексические и синтаксические ограничения на словосочетания типа *Быть грозе!*, указанные в Апресян 1992: 31, примечание 24, относятся, по моему мнению, к реализации идиомы.
- Быть 5.2** (неизбежность плохого события: *Нам крышка*) представляет собой употребление связки **быть 1.1** в качестве опорного глагола Func_1 с такими существительными, как КАПУТ, КАЮК, КИРДЫК, КОНЕЦ, КРЫШКА, ХАНА и т. п. Условность выделения данной лексемы глагола БЫТЬ отмечена самим Апресяном (1992: 32, примечание 25).
- Быть 5.3** и **5.4** (*Будет с них!* и *Будет плакать-то!*) суть лексемы отдельной вокабулы БУДЕТ, которая не является глаголом: это типичный клаузатив, типа *Долой {пьянство}!* или *К чёрту {уныние}!* Эта лексема не имеет семантического моста с лексемами БЫТЬ.
- Быть 6.1** (вспомогательный глагол пассива) и **быть 6.2** (вспомогательный глагол будущего времени несовершенного вида) — это особые употребления связки **быть 1.1**, задаваемые поверхностно-синтаксическими правилами; соответствующие указания достаточно поместить в словарную статью связки. Употребление форм несовершенного будущего типа *Сыр/Чай будешь?* в значении ‘Будешь есть/пить ...?’ естественнее описывать в словарных статьях глаголов ЕСТЬ и ПИТЬ.

- Присутствуют пять лексем из набора Mel'čuk 2019:
 - БЫТЫ.3б ('X семантически эквивалентен Y-y')
 - БЫТЫ.4 ('X — элемент класса Y')
 - БЫТЫШ.1 ('X есть в Y-e')
 - БЫТЫШ.2 ('X — в Y-e')
 - БЫТЫШ.4 ('у X-а есть Y')
- Добавлены три «новые» лексемы:
 - БЫТЫ.3а ('X численно равен Y-y') : *Шесть минус два будет четыре.*
 - БЫТЫ.6 ('X — родственник Y Z-а') : *Иван мне Ø^{БЫТЫ.6} шурин.*
 - БЫТЫ.7 ('X — награда/наказание Y-у за Z') : *А что ему за это было?*

При этом я попытался, насколько это было возможно, указать в явном виде семантические мосты между лексемами вокабулы БЫТЬ (они заключаются в рамку). В результате:

— изменены некоторые толкования

и

— изменён порядок лексем внутри вокабулы, т. е. их лексикографические номера.

Предлагаемый ниже перечень лексем БЫТЬ носит эскизный характер: ни морфологические особенности глаголов, ни их парадигмы, ни модели управления, ни коммуникативные и референциальные свойства не указываются (соответствующие данные можно найти в Апресян 1992, 2013 и Падучева 2004: 425–468, а также в Mel'čuk 2019).

Два существенных предварительных замечания:

Во-первых, предлагаемый перечень содержит те же самые традиционные четыре группы лексем (= «значений») БЫТЬ, которые использованы Апресяном: **I** — связочные глаголы, **II** — локативные глаголы, **III** — экзистенциальные глаголы и **IV** — посесивные глаголы.

Во-вторых, в своих многочисленных употреблениях глагол БЫТЬ часто имеет специфическое управление, что может показаться признаком ещё одной отдельной лексемы, тогда как это не так: здесь либо замешана фразеология, либо происходит «подъём» актанта от ГСинт-актанта **II** самого БЫТЬ, либо, наконец, выступает свободный адьюнкт (а не актант) БЫТЬ. Поэтому следует различать три случая.

1. Глагол БЫТЬ в составе фраземы:

— БЫТЬ в составе идиомы получает особое управление в словарной статье этой идиомы. Например, БЫТЫ.1 приобретает актант в дательном падеже в таких идиомах, как [X] 'БЫТЫ.1 ПО ДУШЕ' [Y-y] или [X-y] 'БЫТЫ.1 МОРЕ ПО КОЛЕНУ'.

— БЫТЬ в составе коллокации является значением (= value) некоторой лексической функции и получает особое управление от её ключевого слова —

в словарной статье этого ключевого слова. Так, во фразе *Иван был в шапке* глагол БЫТЬ_{I.1} = Real_I(ШАПКА), а во фразе *Шапка была на Иване* БЫТЬ_{I.1} = Fact_I(ШАПКА): см Апресян 1992: 30, примечание 10. Эти разные предлоги задаются при Real_I(ШАПКА) и Fact_I(ШАПКА).

2. Глагол БЫТЬ получает добавочный актант от своего собственного ГСинт-актанта II. Например:

(1) *Ивану_{III} был_{I.1} неприятен_{II} этот тон_I,*

где *Ивану* является ГСинт-актантом III глагола БЫТЬ_{I.1}; этот актант достался глаголу от прилагательного НЕПРИЯТНЫЙ. Или же (2):

(2) *Нам_{III} ∅^{БЫТЬ_{I.1}} некогда_{II} этим заниматься_I;*

здесь ГСинт-актант III глагола БЫТЬ_{I.1} наследуется от НЕКОГДА.

3. Зависимый элемент при БЫТЬ — не актант, а свободный адьюнкт. Например, во фразе

(3) *Тебе и горький хрен_I ∅^{БЫТЬ_{I.4}} малина_{II} [К. Прутков]*

форма *тебе* является адьюнктом, и дательный падеж здесь — семантически полный. Этот адьюнкт чередуется с предложной группой ДЛЯ + N.

После этого предупреждения можно перейти к самому перечню.

Перечень сопровождается комментариями, ссылки на которые даются номерами в кружочках: ①, ②, ...

Глагол БЫТЬ

I. Связка [‘являться’]

БЫТЬ _{I.1} ① ‘___’	<i>Эта книга_I ∅^{БЫТЬ_{I.1}} интересная_{II}. Курить_I ∅^{БЫТЬ_{I.1}} вредно_{II}. Их_I было пятеро_{II}. Вес_I танка ∅^{БЫТЬ_{I.1}} 60 тонн_{II}. Ивану_{II} ∅^{БЫТЬ_{I.1}} капут_I. Ивану_{III} будет лень_{II} идти_I туда. Жить_I → Ивану было негде_{II}.³</i>
БЫТЬ _{I.2} ④ ‘X ∅ ^{БЫТЬ_{I.1}} тождественен Y-у’	<i>Человек_X у окна — Иван_Y. Наша единственная надежда_Y — Иван_X. ~ Нашей единственной надеждой_Y был Иван_X.</i>

³ Подробный анализ конструкций типа НЕГДЕ ЖИТЬ см. Апресян, Иомдин 1989.

⁴ О предложениях тождества в русском языке, см. Падучева 1987.

БЫТЫ.3а ⁵ 'X $\emptyset_{\text{БЫТЫ.1}}$ численно равен Y-у'	<i>Два_X плюс два $\emptyset_{\text{БЫТЫ.3a}}$ (= будет) четыре_Y. Сколько_Y будет 1.3a пять_X разделить на два?</i>
БЫТЫ.3b 'X $\emptyset_{\text{БЫТЫ.1}}$ семантически эквивалентен Y-у в языке Z'	<i>"Window"_X по-русски_Z $\emptyset_{\text{БЫТЫ.3b}}$ (= будет) "окно"_Y. Как_Y "window"_X $\emptyset_{\text{БЫТЫ.3b}}$ (= будет) по-русски_Z?</i>
БЫТЫ.4 'X $\emptyset_{\text{БЫТЫ.1}}$ элемент класса Y'	<i>Иван_X — философ_Y. Книга_X справа была учеб- ником_Y испанского. Ромб_X — параллелограм_Y. Бокс_X — дискуссия_Y с вескими аргументами.</i>
БЫТЫ.5 'возраст Y-а $\emptyset_{\text{БЫТЫ.1}}$ X'	<i>Ивану_Y $\emptyset_{\text{БЫТЫ.5}}$ (было) сорок лет_X.</i>
БЫТЫ.6 ⁽²⁾ 'X $\emptyset_{\text{БЫТЫ.1}}$ родственник Y Z-а'	<i>Иван_X $\emptyset_{\text{БЫТЫ.6}}$ (был) Петру_Z внучатый племянник_Y.</i>
БЫТЫ.7 ⁽³⁾ 'X $\emptyset_{\text{БЫТЫ.1}}$ награда/наказание Y-у за Z'	<i>А что_X Ивану_Y за это_Z было бы (будет)?</i>

II. Локализация ['находиться']

БЫТЫ.1 'X $\emptyset_{\text{БЫТЫ.1}}$ локализован в Y-е'	<i>Дети_X $\emptyset_{\text{БЫТЫ.1}}$ на озере_Y. Река_X Шингу — в Бразилии_Y. У Ивана_Y сейчас Маша_X. ~ Маша_X сейчас у Ивана_Y.</i>
БЫТЫ.2 ⁽⁴⁾ 'X перемещаться с целью $\emptyset_{\text{БЫТЫ.1}}$ в Y-е'	<i>Я_X буду к вам_Y завтра вечером. Простите, вы_X к кому_Y?</i>

III. Существование ['иметься']

БЫТЫ.1 ⁽⁵⁾ 'сущность или абстракт- ный факт X 'имеет ме- сто', будучи.1.1 в Y-е'	<i>В джунглях_Y есть опасные хищники_X. На свете_Y счастья_X нет, но есть покой_X и воля [А. Пушкин]. В городе_Y есть/нет где жить_X Ивану. ⁽⁶⁾ Ведьмы_X всё-таки есть! Есть ещё одна логическая возможность_X. Бога_X нет, это научно-медицинский факт [О. Бендер].</i>
---	---

⁵ БЫТЫ.3а и БЫТЫ.3b отмечены в Апресян 2013: 14 как «сдвиги значения связки».

БЫТЬ ^{III.2} ‘конкретный факт X [имеет место], [будучи ^{III.1}] в Y-е’	<i>В Париже_У уже семь_Х вечера. На Кубани_У тогда была засуха_Х. Пять часов_Х. ~ Было/ Будет пять часов_Х. Ещё не было пяти_Х Была зима_Х. В прошлом году зимы_Х не было. Это было, было в Одессе [В. Маяковский].</i>
БЫТЬ ^{III.3} ^⑦ ‘X [имеет место] у Y-а’	<i>У Ивана_У завтра экзамен_Х. У Ивана_У грипп_Х. У Ивана_У молодая мать_Х. У этого дома_У Ø^{БЫТЬ^{III.3}} две двери_Х. У Ивана_У Ø^{БЫТЬ^{III.3}} слабые мышцы_Х [подразумеваются все мышцы]. У Ивана_У прекрасная библиотека_Х У Ивана_У вчера не было экзамена_Х.</i>
БЫТЬ ^{III.4} ‘некоторые X-ы, которые Ø ^{БЫТЬ^{III.1}} Z, [Ø ^{БЫТЬ^{III.3}}] у Y-а’	<i>У Ивана_У есть^{III.4} слабые_Z мышцы_Х [некоторые мышцы]. У Ивана_У есть^{III.4} седые_Z волосы_Х.</i>
БЫТЬ ^{III.5} ‘ситуация, связанная с X-ом, [Ø ^{БЫТЬ^{III.3}}] у Y-а’	<i>У Ивана_У завтра экзамен_Х сына. У Ивана_У завтра Маша_Х.</i>
БЫТЬ ^{III.6} ‘ситуация X, нежелательная для Y-а, [Ø ^{БЫТЬ^{III.3}}] у Y-а’	<i>С Иваном_У беда_Х. Что_Х же с Иваном_У будет? Проблем_Х с Иваном_У нет.</i>

IV. Наличие [‘X есть у Y-а’ = ‘Y имеет X’]

БЫТЬ ^{IV.1} ^⑧ ‘сущность X [Ø ^{БЫТЬ^{I.1}}] в узуальном наличии у Y-а’	<i>У Ивана_У есть квартира_Х. У этого дома_У есть две двери_Х. У Ивана_У есть/нет где жить_Х. У Ивана_У есть [имеется в принципе] красивый галстук_Х. У Ивана_У есть Маша_Х. У Ивана_У на эту тему есть идея_Х.</i>
БЫТЬ ^{IV.2} ‘сущность X [Ø ^{БЫТЬ^{I.1}}] в актуальном [наличии] у Y-а’	<i>Смотри, у Ивана нож_Х! У Ивана_У Ø^{БЫТЬ^{IV.2}} [на нём] красивый галстук_Х. Послушайте, у меня_У идея_Х.</i>

Комментарии

1. БЫТЫ.1 — семантически пустая лексема: она не имеет источника в исходной семантической структуре и вводится в глубинно-синтаксическую [= ГСинт-] структуру специальным правилом, обеспечивающим её формальную правильность. ГСинт-актант II глагола БЫТЫ.1 — это семантически предикативное, но неглагольное выражение, и БЫТЫ.1 его «оглаголивает» (т. е. делает его способным функционировать синтаксически как сказуемое). Поскольку глагол БЫТЫ.1 семантически пуст, в рамках нынешних теоретических положений он не может, строго говоря, служить семантическим мостом между лексемами. Я, однако, позволяю себе эту «логическую вольность», так как она облегчает понимание структуры вокабулы БЫТЬ; к тому же, я думаю, что для данного случая необходима соответствующая поправка к теории...

2. Глагол БЫТЫ.6 описывается в Апресян 2013: 17 как частный случай связки. Однако БЫТЫ.6, в отличие от связки, управляет дательным падежом. Заметим, что в очень похожих случаях типа *Иван нам друг*, *Иван мне не начальник* и т. д. БЫТЫ.1 является значением лексической функции Func_1 (лексем ДРУГ, НАЧАЛЬНИК и т. д.), от которой он и получает дополнительный актант, маркируемый дательным падежом. В вопросе *А кто тебе Иван?* имеется в виду 'какой родственник'; ср. возможный ответ *Он мне никто* ['не родственник'], *просто приятель*.

3. Глагол БЫТЫ.7 (*Что ему за это будет?*) описывается в Апресян 2013: 29 как фразема **быть за**. Однако это одна лексема с тремя актантами: 'X БЫТЫ.7 Y-у за Z(Y)'

4. Глагол БЫТЫ.2 употребляется весьма ограниченно — только в настоящем ($\emptyset^{\text{БЫТЫ.2}}$: *А я к тебе!*) и в простом будущем (**буд-**: *Я буду к вам завтра*.) и только с актантами, обозначающими людей; при этом в формах простого будущего БЫТЫ.2 является устаревшим.

5. Глаголы группы БЫТЫIII нуждаются в следующих пояснениях.

- 'Абстрактный факт' — это факт, по своей природе не имеющий пространственных координат: 'любовь', 'быть равным', 'понимать'; для таких фактов вопрос «Где?» не имеет смысла.

НВ Этому не противоречит возможность условно «локализовать» абстрактные факты посредством словосочетания *на свете*: оно не выражает настоящих координат.

'Конкретный факт', напротив, — это факт, имеющий пространственные координаты: 'драться', 'дождь', 'рано' ~ 'поздно'.

- У глаголов БЫТЫIII.1 и БЫТЫIII.2 Сем-актант 'Y' может быть физически не выражен во фразе; в таком случае, у БЫТЫIII.1 актант 'Y' = 'в мире', а у БЫТЫIII.2, 'Y' = 'в месте, о котором идёт речь'.

- Глаголы группы БЫТЬIII характеризуются двумя следующими особенностями:

— Подлежащее глагола БЫТЬIII при отрицании стоит в родительном падеже (см. подробное обсуждение в Падучева 2004: 258–268).

— Глаголы БЫТЬIII имеют в настоящем времени специальную отрицательную форму: НЕТ (ср. пресловутое новообразование ИХТАМНЕТЫ). Однако, хотя часто утверждается, что НЕТ = НЕ ЕСТЬ, глаголы БЫТЬIII.2, БЫТЬIII.3 и БЫТЬIII.5 допускают в настоящем времени только нулевую утвердительную форму, но, тем не менее, имеют отрицательную форму НЕТ: *У Ивана_У завтра Ø^{БЫТЬIII.3}/*есть экзамен_х. ~ У Ивана_У завтра нет [= НЕ БЫТЬIII.3_{НАСТ}] экзамена_х.*

нв Глаголы БЫТЬIV также имеют в настоящем времени отрицательную форму НЕТ.

- С глаголами БЫТЬIII связана интересная проблема, рассмотренная в Апресян 1980: 70, (107i). Выражение *Отец был на море* имеет два отрицательных соответствия, несущих разный смысл, а именно, *Отец не был на море* и *Отца не было на море*. Поскольку, однако, отрицание некоторого данного смысла не может породить два разных смысла, Апресян заключает, что выражение *Отец был на море* двузначно: либо ‘отец [вообще] бывал на море’ (общефактивное значение НЕСОВ. вида), либо ‘отец [в какой-то конкретный момент] находился на море’ (актуально-процессное значение НЕСОВ. вида). Почти полвека спустя, я думаю, что тут мы имеем дело с двумя разными лексемами глагола БЫТЬ: либо ‘отец находился на море’ (БЫТЬII.1), либо ‘на море имелся отец’⁶ (БЫТЬIII.1). В самом деле, на шаблонный вопрос по телефону *Иван Ø^{БЫТЬII.1} дома?* даётся не менее шаблонный ответ *Нет, его нет [= не Ø^{БЫТЬIII.1}] дома*. Другими словами, в данном случае происходит **замена смыслов**: на вопрос о нахождении (БЫТЬII.1) Ивана дома отвечают фразой о наличии (БЫТЬIII.1) Ивана дома. Причина этого — очевидным образом чисто прагматическая: того, кто спрашивает про Ивана по телефону интересуется именно наличие Ивана. Если я, находясь в Канаде, говорю собеседнику *А где Иван, в Москве?*, отрицательный ответ будет *Нет, он не Ø^{БЫТЬIII.1} в Москве*; однако, на тот же самый вопрос, заданный мною в Москве, мне ответят скорее *Нет, его нет в Москве*. Иначе говоря, здесь идёт речь не о выборе слова для заданного смысла, а о выборе смысла для заданной реальной ситуации.

⁶ Смысл ‘на море имелся отец’ представляется достаточно нелепым, но при другой лексике подобная семантическая конфигурация выглядит абсолютно нормальной: ‘на берегу имелось несколько хижин’.

Если я прав, то и примеры Е. Падучевой (2004: 467, (9)), связанные с различением лексем глагола БЫТЬ, могут быть описаны следующим образом:

(а) *Эта бутылка есть* [$\emptyset_{\text{НАСТ}}^{\text{БЫТЬIII.1}}$] *в холодильнике.* ~ *Этой бутылки нет в холодильнике:*

нет = *не есть* ('не имеется [в холодильнике]')

(б) *Эта бутылка былаIII.1 в холодильнике.* ~ *Эта бутылка не былаIII.1 в холодильнике:*

'не находилась [в холодильнике]'

(в) *Эта бутылка —* [$\emptyset_{\text{НАСТ}}^{\text{БЫТЬI.1}}$] *в холодильнике.* ~ *Эта бутылка не в холодильнике:*

не $\emptyset_{\text{НАСТ}}^{\text{БЫТЬI.1}}$ ('не находится [в холодильнике]')

6. Фразы типа *Ивану есть/нет где спать* и *У Ивана есть/нет где спать* противопоставлены по смыслу (это указано в Апресян & Иомдин 1989): первое означает, что место, где Иван может спать, существует [БЫТЬIII.1], а второе — что в распоряжении Ивана имеется [БЫТЬIV.1] место, где можно спать; так, можно сказать *У Петра есть где спать Ивану*. В первой фразе ИВАН синтаксически зависит от СПАТЬ, а во второй — от БЫТЬ.

NB Напомню, что в таких фразах, как *Ивану негде спать* (*некуда было пойти, не с кем будет связаться*) выступает связка БЫТЬI.1, см. пример (2).

7. Семантема 'X 'имеет место' у Y-а' (*У Ивана грипп.*) представляет собой попытку выразить словами отношение «Y является актантом X-а». Научнее было бы просто выписать настоящее соответствие: 'Y←i-X' ⇔ L(Y)←II-БЫТЬIII.3-I→L(X); при этом, однако, теряется наглядность: не виден семантический мост между БЫТЬIII.3 и другими БЫТЬ.

8. Семантема 'в наличии' — это ещё одна моя «логическая вольность»: способ выразить самый широкий смысл обладания. 'В узуальном наличии' значит 'во владении / в распоряжении', тогда как 'в актуальном наличии' предполагает присутствие «здесь и сейчас». Возможно, как предлагается в Падучева 2004: 427, семантемы 'локализован', 'иметь место' и 'в наличии' могут быть связаны через семантему 'часть' (так, 'иметь место' = 'быть частью мира', 'в актуальном наличии' = 'временно быть частью' и т. д.).

*

* *

Итак, «Есть [БЫТЬIII.1] ещё сахар в сахаровницах!», как говорила всеобщая тётя Хана. И пусть нам всем будет [БЫТЬI.1] хорошо!

Литература

- Апресян Ю.Д. 1980. *Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели “Смысл ⇔ Текст”*. Wien: Wiener Slavistischer Almanach. [См. также Апресян Ю.Д. 1995. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 8–101.]
- Апресян Ю.Д. 1992. Лексикографические портреты (на примере глагола БЫТЬ). *Научно-техническая информация, Серия 2, № 3*, 20–33.
- Апресян Ю.Д. 2013. Словарная статья глагола БЫТЬ: исправленное и дополненное издание. В кн.: А.В. Гура, О.В. Белова, Е.Л. Березович. (ред.). *Slavica Svetlanica. Язык и картина мира. К юбилею Светланы Михайловны Толстой*. М.: Индрик, 9–30. [См. также: Апресян Ю.Д. (отв. ред.). 2014. *Активный словарь русского языка. Том I, А — Б*. М.: Языки славянской культуры, 394–401.]
- Апресян Ю.Д., Иомдин Л.Л. 1989. Конструкции типа НЕГДЕ СПАТЬ в русском языке: синтаксис и семантика. *Семиотика и информатика*, вып. 29, 3–89. [См. также в кн.: Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин, В.З. Санников. 2010. Теоретические проблемы русского синтаксиса: взаимодействие грамматики и словаря. М.: Языки славянских культур, 59–113.]
- Кибрик А.А. 2022. Инкорпорация в верхнекускоквимском языке. In: L. Iomdin, J. Milićević, A. Polguère (eds.). *Lifetime Linguistic Inspirations. To Igor Mel’čuk from Colleagues and Friends for his 90th Birthday*. Berlin: Peter Lang, 229–239.
- Падучева Е.В. 1987. Предложения тождества: семантика и коммуникативная структура. В кн.: В.В. Петров (ред.). *Язык и логическая теория*. М.: Академия Наук СССР, 152–163.
- Падучева Е.В. 2004. *Динамические модели в семантике лексики*. М.: Языки славянской культуры.
- Mel’čuk Igor. 2019. Russian U Y-a est’/– X Constructions. *Русский язык в научном освещении*, № 1 (37), 7–45.

Из тёмных глубин памяти выплывает картинка более чем пятидесятилетней давности: Походик летом в лесу — в Подмоскowie, с детьми. Маленький Адя Кибрик бережно раздвигает кустики перед нежным личиком ещё более маленькой Кати Мельчук, а Катя, с полной уверенностью в своей неотразимости, комментирует: «Это потому, что он в меня влюблён!»

Однако десятилетия спустя седой Андрей Александрович Кибрик смущённо признаётся, что влюблён он, действительно, был, — но не в Катю, а в её старшую сестру, Свету...

И ведь было [БЫТЫШ.2] же это, было!!!

«ЭКОЙ РАЗБОЙНИК...» (ИЗ КОММЕНТАРИЕВ К «ФАТАЛИСТУ» ЛЕРМОНТОВА)

В.А. Плунгян

Институт языкознания РАН,
Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН

Е.В. Рахилина

Институт русского языка
имени В.В. Виноградова РАН

Все помнят тот знаменитый эпизод из «Фаталиста», когда невозмутимый наблюдатель-рассказчик Печорин встречает на дороге первую жертву буйства казака Ефимыча (второй его жертвой станет, как очень скоро выяснится, Вулич). Посмотрим еще раз на этот отрывок:

Наклоняюсь — месяц уж светил прямо на дорогу — и что же? предо мною лежала свинья, разрубленная пополам шашкой... Едва я успел ее осмотреть, как услышал шум шагов: два казака бежали из переулка, один подошел ко мне и спросил, не видал ли я пьяного казака, который гнался за свиньей. Я объявил им, что не встречал казака, и указал на несчастную жертву его неистовой храбрости. — Экой разбойник! — сказал второй казак, — как напьется чихиря, так и пошел крошить все, что ни попало. [М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени / Фаталист (1839)]

Лермонтовский нарратив замечателен во многих отношениях, но в данном случае мы хотели бы остановиться на слове *разбойник*. На первый взгляд, здесь как будто бы нет особого предмета для интереса: слово *разбойник* хорошо понятно любому говорящему по-русски. Оно достаточно частотно¹ и фиксируется в текстах на протяжении длительного периода времени, практически с начала письменной истории русского языка. По происхождению церковнославянское (хотя в памятниках встречаются и восточнославянские формы типа *розбойник*), оно в принципе сохраняет прозрачное морфологиче-

¹ В Основном подкорпусе НКРЯ его частотность составляет 34 ipm — это сопоставимо с частотностью таких лексем, как, например, *награда* (35 ipm), *посидеть* (34,5 ipm) или *справа* (32 ipm); правда, в современных текстах она несколько ниже, чем в текстах XIX века, и к этому обстоятельству мы еще вернемся.

ское членение, отсылая к отглагольному имени *разбой* (в современном языке также сохранившемся², однако его частотность почти в шесть раз меньше, чем у слова *разбойник*).

Древние разбойники действительно занимались разбоем — т.е. грабежом и возможным убийством жертв, на которых они нападали (часто это были путники, отсюда и «разбойник с большой дороги»). Собственно, практически без изменений это понятие сохраняется и в современном уголовном кодексе РФ, где «разбой» определяется как «нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья» — в отличие от простого «грабежа» (который определяется более лаконично как «открытое хищение чужого имущества»). Заметим, однако, что если древний и малоупотребительный в обывденном языке *разбой* почти полностью сохранил свою семантику в кодифицированном юридическом языке, то слово *разбойник* в нем сегодня отсутствует: его история оказалась гораздо более прихотливой.

В церковнославянском один из важнейших контекстов, в которых возникают разбойники — это рассказ о двух преступниках, распятых вместе с Христом. Об этом событии рассказывают все синоптические евангелия (Мф. 27, Мк. 15, Лк. 23), но «разбойниками» (λησταί) называют этих людей только Марк и Матфей, а у Луки они — просто «злодеи» (κακοῦργοι, в юридическом смысле — любые преступники). Первое греческое слово восходит к корню со значением ‘награбленная добыча’; у античных авторов уже четко противопоставляется обычный вор (κλέπτης, лат. *fur*, ц.-сл. и др.-русск. *тать*) и прибегающий к нападению и насилию ληστής (лат. *latro*). Разбойники (λησταί) упоминаются в Евангелиях и в других важных контекстах: так, изгоняя торговцев из храма, Иисус говорит, что те сделали его «вертепом разбойников», а пришедших схватить его в Гефсимании упрекает «как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями взять Меня»; рассказ о путнике, оказавшемся жертвой «разбойников» (ограбленном и израненном ими), начинает притчу о добром самарянине (Лк. 10:30–37). «Разбойником» Иоанн (Ин. 18:40) называет и отпущенного Пилатом по требованию толпы Варавву, который, по свидетельству других евангелистов, был заключен в тюрьму даже не за грабеж, а, в церковнославянском переводе, за *крамолу* [т.е. мятеж] и *убийство* (διὰ στάσιν καὶ φόνον, Лк. 23:25).

Этот четко заданный семантический ореол опасного грабителя и убийцы сохранялся у слова *разбойник* в русском языке в неизменном виде долго (характерен пример из памятника XVI в., приводимый в «Словаре русского языка XI–XVII вв.», 1995, вып. 21, с. 141: ⟨...⟩ *от разбоиник убиство, и гра-*

² Любопытно проникновение этого слова из южнославянских языков в румынский, где *război* получило значение ‘война’ — так, *Первая мировая война* официально называется в румынской историографии *Primul război mondial*, и т. п.

бежъ, и от татей окрадение). Еще у Карамзина он предстает со всей отчетливостью:

*Навстречу к ним вышли пять или шесть человек с пугами зажженной лучины и вооруженные длинными ножами, которые висели у них на кушаках. Старушка няня <...> закричала: «Ахти! Мы погибли! Мы в руках — у **разбойников!**» Теперь мог бы я представить страшную картину глазам читателей — <...> несчастную красавицу во власти варваров, убийцу, женою атамана разбойников, свидетельницею ужасных злодейств <...>* [Н.М. Карамзин. Наталья, боярская дочь (1792)]

Однако постепенно значение этого слова начинает меняться — можно сказать, что эти изменения ведут в сторону некоторого размывания смысла и одновременного ослабления тяжести криминальных коннотаций. Такие изменения фиксируются с начала XIX века, и лермонтовский пример об этом наглядно свидетельствует. Пьяный казак хотя и склонен к разного рода буйствам и даже убийству (и увы, не одной только свиньи, встреченной им на дороге), но всё же в точном техническом смысле он разбойником не является: перефразируя другого поэта, жившего почти на век позже Лермонтова, «не злодей он и не грабил лесом». Его характеристика как разбойника несколько гиперболическая.

Размыванию и ослаблению значения, конечно, в значительной степени способствует и восклицательная конструкция (у Лермонтова со словом *экой*): такие конструкции усиливают экспрессивную и оценочную семантику и ослабляют денотативную. Тексты XIX века дают уже немало примеров таких размывтых употреблений, когда слово *разбойник* применяется к взрослым людям, совершающим какие-то отрицательно оцениваемые агрессивные действия — из достаточно широкого набора, часто никак не уточняемого. Ср.:

*И голова еще у него на плечах? <...> Экий **разбойник**, подумаешь! Его ли государь не жаловал; он ли не был в почете? <...> Добро, добро — узнает, каково быть под княжескою опалою!* [М.Н. Загоскин. Аскольдова могила (1833)]

*Ну, здоров, **разбойник**, кулак, словно свинчатка!.. Как он хлынул меня, так я думал, что голова с плеч слетит!* [М.Н. Загоскин. Брынский лес (1846)]

*Я убью тебя! (Замахивается стулом, Глаша его удерживает). Иван Павлыч. Ого... Вот еще какой **разбойник!**.. Не бойсь, умирим...* [А.А. Потекин. В мутной воде (1871)]

Употребления в рамках старой семантики (тем более поддерживаемой евангельскими текстами) при этом также оставались возможны, когда речь шла

о настоящих преступниках. Однако область их применения непрерывно сужается и к началу XX века смещается скорее в область фольклора, сказок и детской литературы (можно вспомнить и популярную в прошлом веке детскую игру в *казаки-разбойники*: нам неизвестно, играл ли в нее в детстве наш юбиляр, но в принципе вполне мог, хронологические данные этому не противоречат). Получается, что убийцу и грабителя разбойником назвать в современном русском тексте можно, но только при условии, что этот персонаж существовал в далеком прошлом. Люди, совершающие примерно те же самые действия, но в нашей современности, называются иначе: сегодня, пожалуй, наиболее приемлемым эквивалентом будет слово *бандит* (когда-то маргинальное заимствование XVII в. из итальянского — возможно, через посредство немецкого или польского, резко увеличившее свою частотность с конца 1920-х гг. и вполне точно покрывающее именно первоначальную криминальную семантику), ср.:

Самостоятельный. Какие-то машины перегонял. Ремонтировал. Жалко, что на дороге где-нибудь бандиты его не убили. Прости меня, Господи. До того как он на Татьяну мою глаз положил. [А. Геласимов. Чужая бабушка (2001)]

Задержать бандита из тверской организованной преступной группировки, который больше года скрывался от правосудия, удалось сотрудникам уголовного розыска УВД Северо-Восточного округа. [«Московский комсомолец» в Нижнем Новгороде, 30.07.2004]

Во всех таких контекстах слово *разбойник* выглядело бы крайне странно — но не менее странным выглядел бы, например, и заголовок «Али-Баба и сорок бандитов» вместо привычного *сорок разбойников*.

Таким образом, криминальное значение слова *разбойник* существует, оно понятно носителю языка, но, можно сказать, заперто в историческом гетто. Относительно высокая частотность этого слова объясняется другими его употреблениями — оценочными. Здесь тоже можно проследить некоторую интересную эволюцию.

Уже в первой трети XIX века заметны сниженные и ироническое оценочные употребления, в которых акцент делается не на опасной агрессивности (как в приводившихся выше примерах), а на расплывчатом общем осуждении; ср. в близком значении слово той же эпохи *негодник*:

Васька, разбойник! давай поскорее одеваться. Сапоги!.. брюки!.. скорее!.. Где моя шляпа?.. [О.И. Сенковский. Поэтическое путешествие по белу-свету (1833)]

Позднее и этот тип употреблений постепенно устаревает и происходит своего рода «инфантилизация» разбойника: примерно с середины XX века

он целиком переключивается в детскую литературу как герой детских игр и книг:

*«Слуги! Рабы! Все ко мне! Хватайте **разбойника!**»*. [Ф.В. Гладков. Повесть о детстве (1948)]

*— Мы не боимся никаких **разбойников!** — кричал Самоделкин. — Мы вернемся! Мы снова придем в нашу Волшебную школу!* [Ю. Дружков (Постников). Волшебная школа (1984)]

Более того, в этот же период разбойником становится можно и правильно называть именно ребенка: так реагируют взрослые в ответ на какой-нибудь мелкий и сравнительно безобидный проступок. К взрослому человеку (в отличие от того, что мы наблюдали в примерах XIX века) так в XX веке уже обратиться было нельзя:

*— Ты мне угрожаешь, **разбойник!** — возмутилась почему-то бабушка.* [Е. Велтистов. Классные и внеклассные приключения необыкновенных первоклассников (1985)]

Но окончательное выветривание исходной семантики проявляется в том, что сейчас разбойником можно ласково назвать домашнего кота или собаку, причем уже практически без всякой отрицательной коннотации — так сказать, без всякого повода со стороны животных:

*⟨...⟩ ванная, из которой неторопливо вышел рыжий кот. ⟨...⟩ — Проголодался, **разбойник!** — приветствовал своего любимца дядя Лёва. — Сегодня я тебе свеженькой рыбки не наловил, ты уж извини.* [М. Милованов. Естественный отбор (2000)]

Так причудливо может эволюционировать семантика слов: старые употребления не исчезают полностью, но закрепляются в качестве реликтовых в некотором узком классе контекстов (в современной когнитивной лингвистике это явление часто называют *entrenchment*), тогда как в остальных контекстах происходит достаточно интенсивная семантическая эволюция. Результаты этой эволюции тоже впечатляют: от грозного преступника — к домашнему коту... Может быть, это даже вселяет надежду.

ГРАММАТИКА КОПИЙ И ОРИГИНАЛОВ

А.В. Сидельцев

Институт языкознания РАН
acidelcev@gmail.com

1. Копии и оригиналы

Широта интересов юбиляра оправдывает даже статью по хеттскому языку, тем более, что Андрею Александровичу будет, наверное, любопытно почитать про тот язык, который, хотя и вскользь, но постоянно упоминался на заседаниях нашей дирекции последние 6 лет.

Начиная с 70-х годов 20 века в изучении хеттского языка стало стандартом тщательное разграничение лингвистического материала по трем хронологическим периодам его развития — древне-, средне- и новохеттскому. Также с этого времени стало ясно, что время создания текста может и не совпадать с временем, в который был записан конкретный экземпляр текста. Таким образом, древнехеттские тексты могли дойти до нас в записи древнехеттского же времени (= оригиналы), а могли сохраниться в более поздних копиях, созданных в средне- и новохеттское время. Аналогичным образом, среднехеттские тексты могут быть представлены среднехеттскими оригиналами или новохеттскими копиями.

В современной хеттологии принято мнение, что “in copying older texts, Hittite scribes would often alter the original language of the composition, either by updating given linguistic traits to more recent stages (cf. van den Hout 2006), or by erroneously inserting older traits as an attempt at archaizing (cf. Rieken 2001). This is why copies are often unreliable as to the original linguistic layer of a given composition and should be handled with due care as a source of linguistic evidence.” Inglese (2020: 62).

В ряде работ, в том числе в стандартной грамматике хеттского языка (Hoffner & Melchert 2008: 75) выражается и более сильный вариант данного подхода, а именно, то, что лингвистический материал копий необходимо отграничивать от лингвистических данных, сохранившихся в оригиналах и что данные копий не могут использоваться в качестве надежных лингвистических данных: “The use on vocatives of the clitic possessives in -met/- mit (^dUTU=*met* ‘O my Sungod’ [...]), which only occur in MS or NS copies of older texts is based on a misunderstanding of the clitic possessives by copyists who no

новохеттских оригиналах, так и новохеттских копиях более ранних текстов (средне- и древнехеттских). Таким образом, редупликация клитик происходит только в новохеттский период и редупликация клитик в новохеттских копиях более ранних текстов отражает именно новохеттскую, а не средне- или древнехеттскую особенность.

3. Редупликация клитик в оригиналах и копиях: статистика

Сопоставление клитик в новохеттских оригиналах и новохеттских копиях более ранних текстов дает следующую таблицу:

	редупликация		без редупликации		всего
	NH/NS	preNH/NS	NH/NS	preNH/NS	
= <i>an=za</i>	51+5 ² [68.3%]	26 [46.3%]	11 [31.7%]	30 [53.6%]	123
= <i>at</i> _{SG/PL.N.ACC} = <i>za</i>	1 [2%]	1 [1.6%]	50 [98%]	60 [98.4%]	112
= <i>at</i> _{3SG/PL.N.ACC/NOM} = <i>ši</i>	8 [21.6%]	0	29 [78.4%]	35 [100%]	72
= <i>aš</i> _{3SG.C.NOM} = <i>za</i>	0	1 [3.7%]	16+3 ² [100%]	26 [96.3%]	46
= <i>aš</i> _{3PL.C.ACC} = <i>za</i>	0	0	24+1 ² [100%]	6+1 ² [100%]	32
= <i>aš</i> _{3SG.C.NOM} = <i>ši</i>	4+1 ² [71.4%]	0	2 [28.6%]	14 [100%]	21
= <i>an=ši</i>	0	0	7 [100%]	12 [100%]	19
= <i>at</i> _{3SG/PL.N.ACC} = <i>šmaš</i> _{3PL.DAT}	0	5 [55.5%]	1 [100%]	4 [54.5%]	9
= <i>aš</i> _{3PL.C.ACC} = <i>ši</i>	3 [60%]	0	2 [40%]	1 [100%]	6
= <i>uš</i> _{3PL.C.ACC} = <i>za</i>	0	0	0	3 [100%]	3
= <i>at</i> _{3SG.N.ACC} = <i>šmaš</i> _{2PL.DAT}	0	1 [50%]	0	1 [50%]	2
= <i>an=naš</i>	0	1 [100%]	0	0	1
= <i>aš</i> _{3SG.C.NOM} = <i>šmaš</i> _{3PL.DAT}	0	0	1 [100%]	0	1
= <i>an=šmaš</i> _{3PL.DAT}	0	0	0	0	0

Оценивая частотность редупликации клитик в этих двух корпусах, отметим их большую частотность в новохеттских оригиналах: 73 (34%) случая с редупликацией vs 141 (66%) контекст, которые могли бы демонстрировать редупликацию, но ее не показывают. В новохеттских копиях более ранних текстов редупликация фиксируется в 35 случаях (14.7%) vs 203 (85.3%).

Мы относим отличие в частотности на счет того, что редупликация клитик была вторично введена в корпусе новохеттских копий более ранних текстов: в исходных средне- и древнехеттских текстах ее не было, а когда она вводилась при переписывании, в ряде контекстов была сохранена первоначальная дистрибуция без модернизации.

4. Анализ

В этой статье мы не будем рассматривать все аспекты употребления редупликации клитик в двух разных корпусах, а остановимся лишь на одном.

Из сопоставления данных в двух корпусах очевидно, что корпус новохеттских оригиналов демонстрирует редупликацию клитик только в том случае, если обе клитики в цепочке 3 лица единственного числа или же одна из них — рефлексивная клитика (рефлексив в хеттском недоспецифицирован по роду, лицу и числу), в то время как в корпусе новохеттских копий более ранних текстов редупликация представлена и в ряде цепочек клитик, где одна из клитик — множественного числа.

Для понимания природы этого отличия нам необходимо обратиться к более широкому контексту. Как было продемонстрировано в работе (Sideltsev 2019), порядок клитических личных местоимений =1/2/3Pl.Dat=3Sg.Acc был единственным возможным лишь в новохеттских оригиналах. В средне- и древнехеттских текстах (как оригиналах, так и более поздних новохеттских копиях) помимо этого порядка слов был представлен и альтернативный порядок =3Sg.Acc=1/2/3Pl.Dat. В новохеттских оригиналах этот порядок представлен уникально редко, лишь два раза в текстах, написанных во время правления Мурсили II.

Таким образом, все те случаи, которые отклоняются от новохеттских оригиналов в новохеттских копиях более ранних текстов, сводимы к тому, что редупликации были подвержены все контексты, в которых была представлена цепочка клитик =3Sg.Acc=1/2/3Pl.Dat/3Sg.Dat. Таким образом, тот порядок клитик, который вызвал редупликацию, был в новохеттских копиях более ранних текстов =an=naš и, как таковой, он был типичен для средне- и древнехеттских текстов и был перенесен в копию текстов, сделанных в новохеттское время. Таким образом, наличие редупликации в контексте =3Sg.Acc=1/2/3Pl.Dat надо парадоксальным образом отнести одновременно на счет копий (поскольку именно тот факт, что текст был создан до новохеттского периода и определил наличие порядка клитик =an=naš), и на счет того, что копия была сделана в новохеттское время (поскольку цепочка клитик =3Sg.Acc=1/2/3Pl.Dat/3Sg.Dat была в новохеттский период потенциально редуплицируема). При этом важно, что в новохеттском оригинале редупликация того же набора клитик была невозможна, поскольку порядок этих клитик в новохеттских оригиналах был =1/2/3Pl.Dat=3Sg.Acc. Следовательно, в нем редупликация была невозможна, поскольку редупликация клитик в хеттском всегда была ограничена последовательностью клитик Acc=Dat. Таким образом, получается, что текст, представляющий собой новохеттскую копию более раннего оригинала, просто предоставил еще один контекст для редупликации, отсутствующий в новохеттских оригиналах.

5. Выводы

Основным выводом нашего небольшого исследования является то, что при исследовании низкочастотных явлений необходимо учитывать все имеющиеся данные, не отбрасывая материал копий *a priori*.

Тщательный анализ поможет выделить те особенности копий, которые отличаются от оригинальных текстов. В нашем случае единственное существенное отличие между новохеттскими оригиналами и новохеттскими копиями более ранних текстов состоит в том, что в копиях редупликация затрагивала большее количество контекстов из-за того, что в более ранних текстах, особенности которых сохранились в новохеттских копиях, был представлен порядок клитик, подверженный редупликации и отсутствовавший в новохеттских оригиналах.

Литература

- Goetze A. 1930. *Neue Bruchstücke zum grossen Text des Hattusilis und den Paralleltexen*. Leipzig.
- Hoffner H.A. Jr. 1986. Studies in Hittite Grammar. In: *Kaniššumar. A Tribute to Hans G. Güterbock on his seventy-fifth Birthday, May 27, 1983 (AS 23)*, 83–94.
- Hoffner H.A. Jr. 1998. *Hittite Myths. 2nd ed. (SBL WAW 2)*. Atlanta: Society of Biblical Literature.
- Hoffner H.A. Jr., Melchert C.H. 2008. *A grammar of the Hittite language, Part 1: Reference grammar*. Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns.
- Inglese G. 2020. *The Hittite Middle Voice* (Brill's Studies in Indo-European Languages & Linguistics 20). Leiden, Boston: Brill.
- Miller J. 2013. *Royal Hittite instructions (SBL WAW 31)*. Atlanta: Society of Biblical Literature.
- Sideltsev A. 2019. The Order of Enclitic Personal Pronouns in Hittite. *ZA*, n. 109, 90–100.
- Yakubovich I. 2008. *Sociolinguistics of the Luvian Language*. Ph.D. Dissertation, University of Chicago.
- Yakubovich I. 2010. *Sociolinguistics of the Luvian Language*. Leiden, Boston: Brill.

К НОВОМУ СЛОВАРЮ АССОЦИАЦИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В.Д. Соловьев

Казанский федеральный университет
maki.solovyev@mail.ru

Ю.А. Вольская

Казанский федеральный университет
kovaleva95julia@mail.ru

Хорошо известен Русский ассоциативный словарь Караулов и др. (ред.) 1994, 1996, 1998. Словарь создан на основе опросов, проведенных в 1988–1997 гг. Он включает 6624 слов-стимулов. Существуют и другие словари ассоциаций, создававшиеся в разное время. Словарь Леонтьев (ред.) 1977 создан на основе опросов 1967–1973 гг., содержит 196 слов. Словарь Уфимцева и др. (ред.) 2004 создан в 1998–1999 гг., содержит 112 слов. Материал указанных словарей позволяет изучать динамику ассоциаций у носителей русского языка на протяжении более 30 лет последней трети XX века, динамику языковой картины мира россиян в определенный период истории.

С момента издания последнего из этих словарей прошло почти четверть века, сменилось целое поколение, существенно изменились условия бытования людей в России, идеологические установки, психологический климат в обществе. Мы считаем, что настала пора создания нового ассоциативного словаря русского языка и тщательного изучения, как менялись ассоциации на протяжении уже более полувека. Разумеется, создание такого словаря сколько-нибудь значительного объема очень трудозатратное дело. Поэтому принято решение провести пилотный эксперимент с относительно небольшим числом слов, и посмотреть есть ли какие-то системные изменения в ассоциациях.

Мы отобрали 100 слов из ранее созданного словаря с индексами конкретности/абстрактности, подробно описанного в работе Solovyev et al. 2022 и свободно доступного по адресу <https://kpfu.ru/tehnologiya-sozdaniya-semanticheskikh-elektronnyh.html>, 50 наиболее абстрактных слов и 50 наиболее конкретных. Методика опроса максимально точно воспроизводит методику опроса для словаря Ю.Н. Караулова. В частности, для каждого слова получены ответы не менее, чем 100 респондентов. Наш опрос проводился среди студентов в возрасте 17–25 лет, обучающихся на разных специальностях в Казанском федеральном университете. Респондентам давался в электронной форме список из 100 слов, расположенных в алфавитном порядке, и предлагалось в течение 10 минут указать к каждой входной единице первое при-

шедшее на ум слово, т. е. первую ассоциацию. Результаты опроса размещены по вышеуказанному адресу.

Мы сравниваем наши данные только с данными словаря Ю.Н. Караулова, так как наш список слов имеет лишь очень небольшое пересечение с остальными двумя словарями. Сравнение результатов выявило ряд расхождений. Среднее число ассоциаций на слово в нашем опросе равно 61,4, а в опросе Ю.Н. Караулова — 54,5. При рассмотрении наиболее частотной ассоциации на каждое слово (далее такие ассоциации называются сильными) оказалось, что средняя частотность наиболее употребительной ассоциация составляет 15,0 против 12,9 в словаре Ю.Н. Караулова. Учитывая, что большое число ассоциаций в обоих опросах являются одиночными, представляющимися спорадическими и потому не столь интересными, было принято решение более детально рассмотреть только по 10 наиболее частотных ассоциаций для каждого слова. Далее мы будем приводить данные отдельно для абстрактных (АС) и конкретных (КС) существительных.

Все ассоциации разбиты на 14 групп по характеру связей со словом стимулом. Сравнительный анализ показал, что в отличие от словаря Ю.Н. Караулова в нашем словаре зафиксирован новый тип ассоциаций, который можно охарактеризовать как ассоциации-символы, например, *больница — красный крест*.

Некоторые изменения оказались весьма неожиданными, причем количественный анализ показывает, что изменения носят, можно сказать, драматический характер. Основные изменения следующие. Прежде всего, резко уменьшилось число ассоциаций в форме прилагательных. Для АС оно уменьшилось с 23,9% до 9,3%, а для КС — 40,4% до 17,2%. Характерно, что в книгах на русском языке также наблюдается падение числа используемых прилагательных. В русском корпусе Google Books Ngram (<https://books.google.com/ngrams/>) доля прилагательных меняется следующим образом. 1980 г. — 16,3%, 1990 г. — 15,7%, 2000 г. — 14,6%, 2010 г. — 14,4%, 2019 г. — 12,5%. (Расчеты выполнены В.В. Бочкаревым, частное сообщение, не опубликовано.) Таким образом, доля прилагательных упала за 40 лет почти на четверть и особенно резко за последнее десятилетие.

Число словосочетаний (с существительными и глаголами) уменьшилось с 39,2% до 10,3% для АС и с 20,2% до 8,8% для КС. При этом следует также отметить, что в опросе Ю.Н. Караулова такие словосочетания встречались с АС в 2 раза чаще, чем с КС, а в нашем опросе — примерно одинаковое число раз и с АС, и с КС.

Для АС увеличилось число ассоциаций синонимов с 8,3% до 17,3%, для КС доля синонимов практически не изменилась. Также для АС увеличилось число ассоциаций — потенциальных частей устойчивых словосочетаний, на-

пример, ответ *воля* на слово *свобода*. Эта доля увеличилась с 6,2% до 13,7%. В целом, реакции на АС изменились в большей степени, чем на КС.

Подбор слов для опроса с акцентом на признак абстрактность/конкретность осуществлялся с целью проверки на данных русского языка основных положений теории доступного контекста (CAT, Schwanenflugel et al. 1992). Теория доступного контекста разработана для объяснения разных свойств абстрактной и конкретной лексики, проявляющихся в психолингвистических экспериментах, и постулирует, что абстрактные слова имеют больше ассоциаций, а конкретные имеют более сильные ассоциации. Данные как словаря Ю.Н. Караулова, так и нашего опроса подтверждают эти положения.

В словаре Ю.Н. Караулова к АС приводятся разнообразные ассоциации в диапазоне от 44 до 85 на стимул. Среднее арифметическое числа реакций к АС равно 67,26. К КС приводится от 39 до 68 реакций. Среднее арифметическое — 55,58. Для оценки валидности разницы рассматриваемых показателей был использован двухвыборочный критерий Стьюдента. При двусторонней альтернативе получаем p -значение $4.948e^{-10}$, что указывает на статистически значимую разницу в количестве ассоциаций в обоих случаях. Критерий вполне допустимо применять, поскольку данные имеют нормальное распределение.

Что касается сильных ассоциаций, то диапазон их количества к АС варьируется от 4 до 22. Среднее арифметическое — 10,22. Диапазон количества сильных ассоциаций к КС варьируется от 6 до 36, среднее арифметическое — 15,5. При применении двухвыборочного критерия Стьюдента p -значение равно $3,564e^{-05}$, что также указывает на статистически значимую разницу в количестве сильных ассоциаций для АС и КС.

Аналогичные результаты получены и в нашем опросе. Диапазон разнообразных реакций к АС: от 45 до 76. Среднее арифметическое — 59,9. Диапазон разнообразных реакций к КС: от 35 до 64. Среднее арифметическое — 49,1.

Диапазон количества сильных ассоциаций к АС варьируется от 4 до 29, среднее арифметическое — 12,7. Диапазон количества сильных ассоциаций к КС — от 6 до 37, среднее арифметическое — 17,1.

Заключение. Подводя итог, отметим, что фиксируется ряд изменений в характере ассоциаций по сравнению со словарем Ю.Н. Караулова 25-35-летней давности. В частности, разница в числе ассоциаций-прилагательных не может быть объяснена случайными флуктуациями, вероятно, она отражает некие глубинные изменения и должна стать предметом дальнейших исследований. Тем более, что этот эффект подтверждается на гигантском корпусе Google Books Ngram. Мы планируем расширение списка стимулов до 1000, включая все слова из словарей под редакцией А.А. Леонтьева и Н.В. Уфимцевой, с последующим детальным анализом динамики ассоциаций по имеющимся словарям за 50 лет.

Литература

- Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. (ред.). 1994, 1996, 1998. *Русский ассоциативный словарь. Ассоциативный тезаурус современного русского языка*. В 3-х частях, 6-ти книгах. Кн. 1, 3, 5. Прямой словарь: от стимула к реакции. Книга 2, 4, 6. Обратный словарь: от реакции к стимулу. М.: АСТ-Астрель.
- Леонтьев А.А. (ред.). 1977. *Словарь ассоциативных норм русского языка*. М.: Изд-во МГУ.
- Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Караулов Ю.Н., Тарасов Е.Ф. (ред.). 2004. *Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский*. М.: Изд-во МГЛУ.
- Solovyev V.D., Volskaya Y.A., Andreeva M.I., Zaikin A.A. 2022. Russian dictionary with concreteness/abstractness indices. *Russian Journal of Linguistics*, v. 26, n. 2, 515–549.
- Schwanenflugel P.J., Akin C., Luh W.-M. 1992. Context availability and the recall of abstract and concrete words. *Memory & Cognition*, n. 20, 96–104.

О ДАННЫХ В ЛИНГВИСТИКЕ

А.Б. Шлуинский

Гамбургский университет
ashl@yandex.ru

Мне довелось многие и многие часы обсуждать с Андреем Александровичем, как устроена лингвистическая наука и как она должна бы быть устроена. Но о многом поговорить не хватало времени. Пользуясь известной вольницей жанра юбилейного сборника, я рад предложить здесь в свободной форме (в частности, сознательно отказавшись, в силу малого объема, от какой-либо библиографии) еще одну реплику в этой дискуссии. Возможно, Андрею Александровичу будут интересны мои соображения.

Исследовательская работа в эмпирической науке (какой, конечно, является и лингвистика) основана на **данных**. Данные, если огрубить, бывают двух типов — назовем их **коллекции** и **протоколы**.

Коллекции — это массивы естественных данных, которые исследователь собирает и далее тем или иным способом препарирует и анализирует. К такому типу данных можно отнести предметные этнографические коллекции или, скажем, коллекции-гербарии у ботаников. К нему же можно отнести и письменные памятники, анализом которых занимаются филологические традиции. В лингвистике же эту нишу составляют массивы естественных текстов — записанных, транскрибированных и аннотированных (в современных условиях, конечно, в электронной форме). Здесь, в принципе, возникает вопрос о том, где граница естественного: все-таки, в большинстве случаев то, что удастся записать лингвисту, — не образцы «совсем настоящей» коммуникации, которая происходит сама собой, а нечто, что порождается по запросу исследователя или, по крайней мере, с учетом его присутствия и самого факта записи. Но собирая коллекцию текстов, лингвист стремится получить тот максимум естественного, какой окажется ему доступен.

Протоколами я условно назвал типы данных, которые исследователь получает, намеренно воздействуя на внешнюю среду, с тем чтобы получить именно то, что ему нужно, — то есть искусственные данные. Как правило, в естественных науках эту нишу занимает эксперимент — то есть получение данных в специальных условиях, фиксирующих все переменные, кроме тестируемой. Эксперименты *протоколируются*. В лингвистике эксперимент в строгом понимании термина не стал (и для многих задач в обозримом бу-

душем не станет) центральным способом получения данных, хотя и расширяет сферу своего влияния. Однако искусственные данные в лингвистике активно добываются при помощи элицитации (то есть запроса лингвиста к носителю исследуемого языка дать переводной эквивалент для искомого значения или оценить приемлемость определенной конструкции) или интроспекции (то есть, по сути, аналогичного самозапроса лингвиста к самому себе как носителю); но поскольку регламентирование интроспекции всё же пока сложно представить, будем говорить об элицитации. В противоположность сбору текстов (по сути, *каких-нибудь* текстов искомым жанров), в случае элицитации лингвист концентрируется на том, чтобы получить искомые конструкции.

Классификация типов данных может и должна уточняться, и тем более в рамках этих заметок я не вдаюсь в собственно методологические аспекты их получения — как записывать и транскрибировать тексты или как спрашивать у информанта, можно ли сказать так-то, и реагировать на суждения типа «можно, но что-то не очень хорошо звучит». И методология полевой лингвистики или языковой документации, и методология лингвистического эксперимента весьма активно обсуждаются, тогда как собственно культура обращения с данными получила в лингвистике минимальное внимание. Оба типа данных, и коллекции, и протоколы, в очень большой мере остаются внутренней кухней исследователя, которая как бы не касается никого, кроме его одного; и тут уже от личных качеств исследователя зависит, порядок у него или хаос. Более того, каждый сам решает, заслуживают ли вообще материалы хранения, если проведенное на них исследование уже опубликовано. После смерти исследователя его архив может быть выброшен, а может быть и передан коллегам; но в последнем случае выясняется, что разобраться в данных, которые исследователь структурировал лично для себя, становится отдельной кропотливой задачей. Про примеры, фигурирующие в лингвистических работах, неизвестно, *откуда что взялось*, в том числе и в особенности про примеры, подвергшиеся вторичному цитированию. Становление документации как самостоятельного направления, конечно, привело к осознанию значения метаданных, но вплоть до настоящего времени обычное дело, что в статье, рассматривающей определенный круг явлений в таком-то языке, вообще не сказано, откуда взят материал, или «информативно» сообщается, что «примеры получены от информантов — носителей языка», в лучшем случае — с поименной благодарностью или с указанием на населенный пункт, в котором данные были собраны. Эта практика делает лингвистику едва ли не уникальной (не в хорошем смысле) среди эмпирических дисциплин, от самых образцово-гуманитарных до самых образцово-естественных.

Преодоление сложившейся ситуации, естественно, не делается в один момент. В идеале нужно получить общепризнанную международную конвен-

циональную систему практик, определенным образом регламентирующую описание и коллекций, и протоколов, такую чтобы любой специалист мог без затруднений работать с данными другого специалиста (естественно, вынося за скобки и компетенцию в языке-объекте, и владение языком-посредником). Едва ли не важнейшим качеством этой системы должна быть простота аннотирования: чем больше сил и времени будет требовать от лингвиста описание каждого конкретного фрагмента данных, тем больше вероятность, что эта работа будет откладываться на потом и в конце концов не делаться вовсе. (В то же время стандартизация описания должна способствовать и его лаконичности.) Но на начальных этапах можно и нужно обсуждать хотя бы базовые принципы организации данных.

Особо надо сделать акцент на том, что применительно к устному модусу (единственному или доминирующему у большинства языков мира) первичной формой данных надо осознать аудиозапись. В нынешних условиях, когда хотя бы любительская техника аудиозаписи доступна каждому, фиксация данных только в письменной форме должна быть признана исключительной. Таким образом, с точки зрения модуса, данные могут быть трех основных типов: (1) письменный текст; (2) устная речь; (3) старые архивные или опубликованные материалы, фиксирующие устную речь в графической форме. Другие типы возможны (как, например, элицитация в мессенджерах в графической форме), но редки. Сосредоточимся на данных второго типа: с одной стороны, именно с ними ситуация особенно тяжелая, а с другой, именно с ними и возможно изменение практики. Если для уже опубликованных текстов, изначально записанных в устной форме, остается неизвестным, что же на самом деле было произнесено, и приходится с ними работать как они есть (а редкая возможность сопоставить публикацию с архивной аудиозаписью может дать весьма неожиданные результаты), то практика работы с новыми данными может и должна быть изменена. Соответственно, будем исходить из ситуации, когда для элементов и коллекции, и протокола, существует аудиозапись. Более того, именно аудиозапись собственно и представляет собой элемент лингвистических данных в строгом смысле слова, тогда как транскрипция любого уровня — уже их препарирование. Пока дополнение опубликованной статьи доступными аудиоматериалами остается экзотическим решением (в основном для работ, специализирующихся на звуковой стороне языка), но уже легко представить себе, как pdf-файл, включающий в себя аудиозаписи всех приводимых примеров, станет нормой для лингвистической статьи.

В области коллекций текстов и идея общедоступной аудиозаписи, и идея необходимости ссылки на конкретный пример, в принципе, уже носятся в воздухе, и задача состоит в том, чтобы метаданные и аннотации приобрели наконец какой-либо общепринятый формат. Наиболее сложной проблемой

для коллекций текстов представляется редактирование на этапе транскрибирования. Как правило, аудиозапись расшифровывается с информантом — носителем языка, который часто предлагает правку, уменьшающую речевые сбои, оговорки, а порою и заменяющую неразборчивые места на альтернативные фрагменты. Стремление к максимально точному транскрибированию устной речи (принципам которого Андрей Александрович уделил немало сил) вступает в противоречие как с необходимостью транскрибировать скольконибудь представительные объемы данных в короткий срок, так и с тем, что информант-неспециалист редко готов принять установку на дотошное воспроизведение сказанного в ущерб внятности результирующего текста. Более того, когда примеры из коллекции текстов используются для иллюстрации грамматических явлений, точность транскрипции устной речи оказывается усложняющим фактором для собственно лингвистических целей: куда как удобнее, если пример на управление определенного глагола содержит только его актанты и ничего больше, а не дополняется несколькими фальстартами, плейшолдерами и оговорками. Таким образом, здесь есть запрос на стандартизацию практического соотношения между идеальной точностью и репрезентативным удобством.

В области же данных-протоколов дело обстоит гораздо хуже: элицитированные языковые примеры, приведенные лингвистом в опубликованной работе, фактически занимают нишу исходных, а не вторичных данных для всех других специалистов, кроме автора (крайне редко — небольшой рабочей группы). Ни узнать, какие еще примеры были получены, ни послушать звучание примера, ни даже уточнить, идет ли речь о примере, полученном в результате перевода с языка-посредника или сконструированном лингвистом, возможности нет.

Опыт полевой работы с носителями разных во всех отношениях языков убедил меня в том, что записи в полевой тетради или ее аналоге должны рассматриваться именно как *протокол* сессии элицитации. Сессия работы фиксируется как она есть в своей фактической последовательности. Естественно, что выбор между традиционной бумажной тетрадью и компьютерным файлом уже давно стал делом вкуса, причем тетрадь смотрится как выбор ретроградов, который неизбежно уйдет; но именно тетрадь технически обязывает исследователя сохранять последовательную фиксацию сессии с минимальными дополняющими комментариями, тогда как компьютерный файл склоняет к тому, чтобы сразу преобразовывать его в аналитический. Между массивом аудиозаписей сессий элицитации и их протоколами должно быть создано однозначное соответствие, причем чем проще оно устроено, тем удобнее дальнейшая работа с данными (например, сквозная нумерация гораздо проще в обращении, чем новая нумерация внутри каждой даты работы). Сами аудио-

записи должны быть как можно более краткими (не более 3 минут), что может позволить в буквальном смысле за секунды найти как фрагмент, соответствующий нужному примеру, так и комментарии информанта к нему. Понятно, что такая система сама по себе не делает работу с данными для внешнего человека простой (всё же речь о рабочих материалах), но делает ее принципиально возможной.

Создание унифицированной системы нотации для данных обоих типов, естественно соотносящейся с метаданными, будучи, казалось бы, очень частным вопросом, станет методологическим прорывом в лингвистике, повышающим эмпирическое качество работы.

VII. НАУКА И ЖИЗНЬ

ОБ ОЛИМПИАДАХ (ВОСПОМИНАНИЯ ОДНОГО ИЗ УСТРОИТЕЛЕЙ)

В.М. Алпатов

Институт языкознания РАН
v-alpatov@iling-ran.ru

Мне в силу возраста не пришлось участвовать в лингвистических олимпиадах МГУ в качестве школьника. Зато в организациях олимпиад я принимал участие постоянно. Пропустил совсем я лишь одну олимпиаду — десятую, во время подготовки и проведения которой был в командировке в Японии. В других случаях я что-то делал, иногда больше, иногда меньше, хотя с 2014 г. моё участие стало в основном церемониальным: годы сказываются.

Во время первой олимпиады, подробно описанной её председателем оргкомитета В.А. Успенским в воспоминаниях, я был студентом 2-го курса отделения структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ. Подготовка к её проведению на ранних этапах проходила тогда в обстановке секретности, и я ничего о ней не знал до того, как в феврале 1965 г. мы вернулись с каникул на факультет. Уже в первый день семестра к нам подошли старшекурсники и объявили о проведении «Первой традиционной олимпиады по языковедению и математике», в которой, как предполагалось, все студенты обязаны были принимать участие. До первого тура оставалось менее двух недель. Перед студентами были поставлены две задачи: до тура развезти олимпиадные афиши по школам, а на самом туре дежурить в аудиториях и контролировать деятельность участников, чтобы они не списывали и пр.

На первой олимпиаде мне достался знаменитый экспериментальный Колмогоровский интернат за метро «Кутузовская» (станции «Славянский бульвар» ещё не было). Я съездил туда, преисполненный почтения к священному месту, и повесил афишу на стенде. Самые известные школы охватывались по заранее подготовленному списку, но афиш было много, и можно было выбирать и другие школы, особенно те, что были недалеко от дома. Я тогда, как и сейчас, жил на 2 Песчаной улице (как раз в дни первой олимпиады переименованной в улицу Георгию-Дежа: румынский руководитель тогда только что умер; с 1990 она — опять 2 Песчаная) и уже перед второй

олимпиадой отправился в школу на Октябрьском поле, на другой стороне Окружной железной дороги. Туда было проще всего идти через железнодорожные пути. Когда шёл домой, на одном из путей стоял товарный состав. Я собрался идти обратно, но тут сзади меня встал другой состав. Несколько минут мне пришлось стоять в темноте между поездами, настроение было невесёлым. Через какое-то время всё же дорога освободилась. Раздача афиш через несколько лет прекратилась, но считалось долгом заходить в школы и агитировать за олимпиады. Я занимался этим, даже будучи аспирантом Института востоковедения, перейдя в другую категорию. У института была подшефная школа, находившаяся рядом. Я пошёл туда, но выяснилось, что там все по олимпиаду знали: директором была мать хорошо мне известной студентки «моего» отделения Ольги Сундуковой (позднее Богуславской).

Шесть первых олимпиад проходили ещё в старом здании университета на проспекте Маркса (ныне Моховая). Первоначально они занимали четыре воскресенья в феврале-марте или марте-апреле: первый тур — разбор его задач — второй тур — разбор его задач и награждение. Это сохранилось до сих пор, только вскоре решили для сокращения времени разбор задач первого тура проводить в другой день недели: один раз в понедельник, а потом всегда в субботу. Кроме дежурств в аудитории часть студентов распределяли по «кустам» для проверки задач; я попал в куст к Б.Ю. Городецкому, тогда студенту последнего курса, а он пригласил меня после этого для участия в заседании, где распределялись премии. Я возгордился и вместо текущих занятий пошёл на это заседание. С большинством преподавателей это сходило с рук, но не таков был преподававший математику Ю.А. Шиханович, впоследствии известный диссидент. Он потребовал от меня документ, а так как его не было, не пустил меня на следующее занятие. Я пошёл к декану А.Г. Соколову, тот мне посочувствовал, но сказал, что не хочет быть формалистом, и никакой бумаги не написал. Шиханович сказал, что он, наоборот, обязан быть формалистом, и снова не допустил на занятие. Лишь через неделю он смиростивился. С теми же людьми у меня была связана ещё одна неприятность. Уже на следующий год меня предложили в состав оргкомитета, но Соколов мою фамилию вычеркнул, осудив меня за то, что я слишком активно защищал моих товарищей, отчислившихся за многократную несдачу экзамена тому же Шихановичу. Лишь в оргкомитет третьей олимпиады я, наконец, попал. В качестве члена оргкомитета я уже сам не дежурил, а распределял по аудиториям младших студентов. Еще в мою задачу входило фотографирование заседаний оргкомитета и награждений. Одна из этих фотографий, где на распределении призов (в марте 1968 г.) запечатлены А.А. Зализняк, В.А. Успенский и А.Д. Вентцель, помещена на суперобложке книги Успенского «Труды по не-математике».

Среди школьников бывали люди всякие, одни стали потом известными лингвистами, другие прославились в иных науках, третьи не смогли ничего достичь. Из победителей и призёров первой олимпиады в итоге в лингвистике осталась лишь О.В. Столбова, ставшая уникальным специалистом по чадским языкам. Но на второй олимпиаде произошла сенсация. Вдруг откуда-то появился шестиклассник по фамилии Старостин и сразу показал выдающийся результат, хотя олимпиада проводилась тогда для 8-10 классов. Меня в отличие от других это не удивило: я сразу понял, что это сын А.В. Старостина, выдающегося полиглота, с которым когда-то в Издательстве иностранной литературы работал мой отец. Но если старший Старостин был лишь полиглотом, то Сергей Анатольевич, тогда ещё Серёжа, сразу, уже школьником показал себя в качестве лингвиста, а впоследствии достиг впечатляющих результатов в науке. Не уступал ему и другой олимпиадник Александр Лерман, учившийся на класс старше. К сожалению, обоих уже нет в живых.

На третьей олимпиаде я был главой «куста» по так называемой нулевой задаче, где нужно было написать некоторый текст на любом известном школьнику языке. На первых олимпиадах текст мог быть любым, позднее вводили ограничения вплоть до требования нечто перевести. Школьники выходили из положения по-разному. Запомнилась смекалка одного из них: он вынул из кармана рубль, на котором в советское время его достоинство писалось на всех языках союзных республик, и всё это переписал. Но были и настоящие шедевры. Лерман написал на старофранцузском языке довольно большой текст. Я пошёл на соответствующую кафедру, там его не могла проверить ни одна из преподавательниц, но на факультете проходила стажировку девушка из Франции, которая определила, что всё правильно. Со старофранцузским языком оказалось легче, чем с татарским, на котором тоже кто-то написал. На моём курсе (на романо-германском отделении) учились Венера и Рая из Татарстана, но они мало чем могли помочь. В семье они говорили по-татарски, но никогда на этом языке не читали и не писали и не знали татарской орфографии. Так никого и не нашли.

В самом начале все задачи сочинял в единственном числе А.Н. Журинский, инициатор олимпиад, но потом подготовка задач стала коллективным делом, образовалась задача комиссия, с третьей олимпиады в ней участвовал и я. Постепенно сложился устойчивый коллектив сочинителей задач, объединявший людей, работавших в разных местах. Состав постепенно менялся, но многие ходили на задачу комиссию очень долго. Я с некоторыми перерывами участвовал в деятельности комиссии, кажется, дольше всех: с 1967 по 2014 гг. Задача комиссия отличалась большим демократизмом: А.А. Зализняк, ещё, правда, не академик, но уже доктор наук, и тут же студенты, позднее авторами задач бывали даже и школьники. Много было энтузиастов;

А.К. Поливанова во время подготовки одной из олимпиад возглавляла комиссию до отъезда в родильный дом в самом конце работы. С конца 60-х гг. на кафедре и отделении структурной и прикладной лингвистики начались экспедиции по изучению языков народов СССР, они заметно отразились на сочинении задач, многие из которых родились из экспедиционных материалов. Большинство задач было опубликовано, составив несколько сборников.

В 1968 г. я окончил МГУ и больше никогда не имел университет в качестве основного места работы, поэтому формально я уже не мог быть членом оргкомитета. Но для меня это значения не имело: в аспирантские годы я в периоды проведения олимпиад дневал и ночевал в двух зданиях на проспекте Маркса. В 1970 г. олимпиады вместе с факультетом переехали на Ленинские горы, дорога стала занимать больше времени, но привычки были ещё сильны. Прибавлялись и новые обязанности: началась подготовка капитального издания задач первых олимпиаде вместе с решениями (до того в МГУ издали книжку, включавшую лишь задания). Я или один, или с Б.Ю. Городецким и В.В. Раскиным (затем покинувшим СССР, из-за чего его задачи пришлось изымать) ездил в Марьину Рощу в издательство «Просвещение», никто вроде бы не препятствовал изданию, но оно вышло лишь в 1983 году. С последующими изданиями вроде бы стало проще, но я уже их не готовил к печати.

Через олимпиады проходили многие и потомственные интеллигенты, и дети из среды, далёкой от науки. Даже был однажды юноша по фамилии Глушков, представлявшийся как семинарист. Помню девочку по фамилии Киселёва, у которой мать была стрелком вневедомственной охраны. Дочь в выпускном классе стала призёром олимпиады, но не поступила на отделение. На следующий год она снова пришла на олимпиаду, хотя могла участвовать в ней лишь вне конкурса, так как уже не была школьницей. Но она превзошла всех учеников выпускных классов и была награждена специальной грамотой. Однако и после этого ей поступить не удалось, и дальнейшую её судьбу не знаю. Другая девочка — призёр олимпиады, Лена Урысон тоже не поступила, но её с трудом удалось зачислить на вечернее русское отделение, и она стала видным лингвистом, доктором наук. Победители и призёры олимпиад тогда могли иметь преимущества лишь при прочих равных условиях, и бывало, что мы теряли людей вроде Киселёвой. Но бывало и так, что человек, пришедший в МГУ после олимпиады, потом не осиливал обучение или после окончания исчезал с горизонта. Опыт решения задач всё-таки не всегда помогает освоиться с тем, что бывает нужно лингвисту. Это в какой-то степени праздничная сторона его деятельности, а для черновой работы это не всегда помогает.

Как я уже сказал, одну олимпиаду я пропустил из-за работы на выставке в Японии (моя самая большая поездка в изучаемую страну почти на год пришлась на время, когда олимпиады не проводились). Потом моя деятельность

стала сводиться к задачной комиссии, а также в участии в проверке задач и распределении премий. Совсем я олимпиады не бросал, но много разнообразных дел было в своём академическом институте, и я работал уже над докторской диссертацией. А олимпиады с конца 1970-х гг. как-то стали скучнеть, чувствовался кризис. Наконец, переломным моментом стал 1982 год, когда кафедру структурной и прикладной лингвистики ликвидировали как отдельную единицу, слив с другой кафедрой, отчасти сходной по тематике, но совсем другой по традициям и по духу. К счастью, сохранилось отделение, которое даже в те годы продолжали оканчивать будущие известные лингвисты, некоторые из которых, как С.А. Бурлак, потом приняли активное участие в олимпиадной деятельности. Но тогда олимпиады прекратились. Насколько я знаю, никто их не запрещал и не отказывал в проведении. Просто ни у кого не было настроения ими заниматься. Настроение всегда очень важно!

Но настали иные времена, и всё переменилось. Прежде всего, снова появился энтузиазм. Кафедра была восстановлена в 1988 г. Новым центром лингвистического образования стал сначала Историко-архивный институт, который вскоре был преобразован в Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), где Институт лингвистики в первые годы его существования возглавлял А.Н. Барулин. Благодаря его энергии и энтузиазму людей нового поколения: С.А. Бурлак, И.Б. Иткина и др., олимпиады снова стали проводиться с 1988 г. В этом году олимпиаду провели в условиях дефицита времени, поэтому использовали ранее уже использовавшиеся задачи. Со следующего года уже снова работала задачная комиссия. Олимпиады стали совместно проводить МГУ и РГГУ. Дальнейшее — пока ещё не история.

И отмечу, что иногда олимпиады становились семейным делом. И тут нельзя не отметить двух замечательных Кибриков. Александр Евгеньевич не раз руководил проведением олимпиад, а Андрей успешно в них участвовал.

SUMMA TYPOLOGIAE: БАЗА ДАННЫХ «ЯЗЫКИ МИРА» И ДИЛЕММА ФОРМАЛИЗОВАННОГО ОПИСАНИЯ ЯЗЫКОВ

Д.И. Коломацкий

Институт языкознания РАН
dk@iling-ran.ru

Perhaps the most important and underappreciated class of linguistic generalizations that are used as data are the (usually implicit) claims that specific languages exist in the first place (Good 2022: 39–40)

Введение

Базу данных «Языки мира» можно смело назвать одним из старейших цифровых проектов Института языкознания. Трудный и разветвлённый путь её развития высвечивает целый ряд интересных проблем — от технических аспектов создания лингвистических баз данных до фундаментального вопроса об общей возможности создания всеобъемлющего унифицированного описания языков.

1. Исторический обзор

Планы по созданию печатного энциклопедического издания о языках мира появились уже в середине 1970-х гг. (Соловьёв, Кибрик 2015), было создано несколько десятков статей. Не позже середины 1980-х гг. началась разработка цифрового продукта, который должен был сопровождать энциклопедию¹ и даже заменять её: в частности, для англоязычных исследователей планировался машинный перевод описаний языков (Журина и др. 1986). Формализованное описание одного языка или диалекта было названо *рефератом*, была

¹ База данных «Языки мира» не могла бы существовать без отредактированных и выверенных описаний языков — то есть без печатной энциклопедии. Тем, что в 1993 году всё же вышел первый том «Уральские языки», а за ним последовало ещё более двух десятков томов, научное сообщество, несомненно, обязано чествуемому юбилею.

разработана так называемая *модель реферата* (Журинская и др. 1986; Ярославцева 2001), представлявшая собой дерево признаков.

После М.А. Журинской, А.И. Новикова и Е.И. Ярославцевой разработкой базы данных занимался Ю.П. Скокан, затем проектом руководил В.Н. Поляков. К 2013 году было выпущено три версии, в последней из них было 315 рефератов языков и диалектов² (Поляков и др. 2019). Исследованиям, проводившимся на этих данных, посвящён целый ряд работ (Belyaev 2009; Polyakov et al. 2009; Solovyev, Polyakov 2013; Виноградов и др. 2003; Соловьёв, Кибрик 2015).

В 2019 году была предпринята попытка отхода от древовидной структуры признаков. Осенью 2020 г. на основе нового перечня признаков была выпущена 4-я десктопная версия базы данных, разработанная Е.А. Макаровой. Создание описаний языков началось заново, и к концу 2022 года по новой модели было заполнено 338 рефератов.

Хотя база данных «Языки мира» официально является проектом отдела прикладной лингвистики, её разработка была бы невозможна без тесного взаимодействия с сектором ареальной лингвистики (ранее — группа «Языки мира»), возглавляемым А.А. Кибриком. С конца 2022 г. в состав группы, которая на постоянной основе будет работать над улучшением базы данных, входят сотрудники и других подразделений Института, в том числе редакторы печатных томов энциклопедии и авторы энциклопедических статей³. Сам процесс работы над базой данных в новой итерации даёт толчок для новых исследований (Зотова и др. 2022)⁴.

2. Особенности онлайн-версии 2023 г.

Практически все опции готовящейся к выпуску в 2023 году онлайн-версии в том или ином виде уже были реализованы в предыдущих версиях. В разные моменты прошлого существовали и вебсайт, и доступ к отсканированным версиям энциклопедических статей, и поиск по комбинациям различных параметров и географическим координатам (основанная на этих коорди-

² Наиболее подходящим термином для названия сущности, которую в формализованном виде описывает реферат, представляется *документ* (Good, Cysouw 2013).

³ На настоящий момент состав коллектива таков (в алфавитном порядке): О.И. Беляев, В.Ю. Гусев, В.В. Дьячков, А.А. Евдокимова, А.К. Зотова, Д.И. Коломацкий, Ю.Б. Коряков, Ю.В. Мазурова, Т.А. Майсак, Е.А. Макарова, О.И. Романова, Н.К. Рябцева. В заседаниях группы также участвует специалист по компьютерной лингвистике Т.О. Шаврина.

⁴ Любопытно в этой связи упомянуть аналогичную по тематике работу Lesage et al. 2022 на материале типологической базы данных Grambank.

натах⁵ интерактивная карта, реализованная в новой версии, весьма условна, поскольку каждому языку соответствует одна пара координат — то есть одна точка⁶). Тем не менее, на этот раз все полезные опции собраны в одной версии, а удобству пользовательского интерфейса уделено особое внимание. Визуализации данных создаются интуитивно понятными и максимально наглядными.

Что касается самой базы данных как набора связанных отношениями таблиц, то в стремлении соответствовать принципам FAIR в целом (Nordhoff 2021) и цифрового грамматического описания в частности (Nordhoff 2008; Nordhoff, Hammarström 2014) все данные были преобразованы в текстовые форматы CSV и YAML и размещены онлайн. Из них автоматически формируется датасет стандарта CLDF (Forkel et al. 2018).

Основной технической проблемой стало хранение и представление признаков, содержащих «элементарные» значения в разных комбинациях (например, атрибутивное согласование может быть: по роду; по числу; по определённости; по роду и числу, по роду, числу и определённости и т. д.). Есть основания утверждать, что эта проблема возникла на самых ранних этапах создания базы данных в 1980-х гг. и не была должным образом решена⁷. Однако больший интерес для нашего обсуждения представляет концептуальный вопрос выбора общей стратегии формализованного описания языков.

3. Дилемма формализованного описания языков

Кратко проблему можно сформулировать так: авторы энциклопедических статей не только используют собственную терминологию⁸, но и при-

⁵ Часть координат, которых не было в предыдущих версиях, была взята из базы данных Glottolog (Hammarström et al. 2022).

⁶ Это выглядит особенно странно для самых крупных языков. Однако идеального решения проблемы не существует: даже крайне трудоёмкие в создании карты ареалов не обеспечивают полного и точного представления информации о языках (Drude 2018). Поэтому такие системы, как Glottolog и WALS, продолжают обозначать языки точками на карте. Задание координат этих точек — отдельная сложная задача (Logipova 2009). См. также комментарии о карте языков как продукте имплицитных обобщений о языках в Good 2022.

⁷ Актуальность проблемы стала особенно заметной именно после появления интерактивной карты: оказалось, что иногда на ней нужно отобразить несколько десятков разных маркеров. С похожим вызовом ранее столкнулись создатели атласа WALS, и выбранное ими решение (ввести значение “Mixed” или “Other”, чтобы ограничить число маркеров) оказалось, по их собственному признанию, не оптимальным (Haspelmath 2009).

⁸ См. пример с термином *топик* в работе Соловьёв, Кибрик 2015, а также работу Зотова, Романова 2021, полностью посвящённую терминологии в базе данных «Язы-

держиваются своих традиций в классификации явлений — разные языки (особенно принадлежащие к разным языковым семьям) временами описаны будто бы в разных измерениях. При заполнении реферата специалист вынужден оставлять пропуски или «читать между строк». В итоге, как справедливо отмечает Е.И. Ярославцева (2001: 356), субъективный взгляд автора энциклопедической статьи на описываемый язык дополнительно преломляется субъективным взглядом референта⁹.

По-видимому, изначально создатели базы данных планировали унификацию терминологии: указания на это можно найти в монографии Журинская и др. 1986. Спустя десятилетия подход изменился в пользу сохранения авторских терминов (Polyakov et al. 2009), что неизбежно привело к появлению фактически эквивалентных значений признаков.

Полная унификация терминологии и классификаций неизбежно приведёт к потерям, которые могут оказаться слишком серьёзными. Отказ же от неё будет означать, что база данных «Языки мира» не сможет именоваться типологической базой данных. Но стоит ли претендовать на создание таковой в условиях, когда, во-первых, само печатное издание не охватывает все языковые ареалы, а во-вторых, цифровой продукт в любом случае будет использоваться лишь как отправная точка для типологического исследования¹⁰? С другой стороны, сохранение в неизменном виде авторской терминологии и принципов описания языков может привести к неконтролируемому росту числа значений признаков и полной потере информативности базы данных¹¹.

Промежуточный подход может заключаться в умеренной унификации¹² и создании синонимических рядов терминов, что в перспективе превращается

ки мира». П.М. Аркадьев в личном сообщении первым указал автору на тот факт, что даже в рамках одного тома используемая в статьях терминология может быть непоследовательной.

⁹ См. также замечания о «цепочках» обобщений данных о языках в Good 2022.

¹⁰ О том, что подобная база данных может служить для исследователя только отправной точкой, в личной коммуникации с автором сообщали О.И. Беляев, Д.О. Жорник, Н.В. Сердобольская и другие коллеги. Существует типологическая база данных Grambank, создатели которой проводят квантитативные исследования непосредственно на её материале, но она основана почти на четырёх тысячах грамматических описаний почти двух с половиной тысяч языков, причём все её 195 признаков строго тернарные («да», «нет», «неясно») и ограничиваются только морфосинтаксисом; её наполнением в течение многих лет занимаются десятки специалистов (Lesage et al. 2022; Skirgård et al. 2022).

¹¹ См. в этой связи интересные рассуждения об излишней унификации и «профилях языка» в Virk et al. 2020.

¹² Например, скорее очевидно, что **посессивные прилагательные** и **притяжательные прилагательные** описывают одно и то же явление. Возможно, то же самое можно сказать и о терминах **род** и **именной класс**. В личной беседе с автором

в разработку их онтологии. Если строго ограничить её область терминами, встречающимися в энциклопедии, эту задачу можно считать выполнимой, хотя и весьма трудоёмкой¹³.

Заключение

База данных «Языки мира» может стать своего рода «путеводителем» по энциклопедии, который, с одной стороны, демонстрирует все её достоинства, а с другой — не скрывает несовершенств печатного издания и объективной неполноты данных о языках, тем самым побуждая исследователя к новым самостоятельным изысканиям.

Благодаря простоте и наглядности веб-интерфейса база данных способна выполнять и популяризаторскую функцию, знакомя более далёкого от лингвистики пользователя не только с языковым разнообразием, но и с различными лингвистическими традициями, которые, несмотря на все усилия редакторов, нашли своё выражение в энциклопедии. Это может быть её слабостью — и одновременно её силой.

Литература

- Виноградов В.А., Новиков А.И., Ярославцева Е.И. 2003. База данных «Языки мира» как инструмент лингвистического исследования. *Вопросы языкознания*, №3, 3–14.
- Журинская М.А., Новиков А.И., Ярославцева Е.И. 1986. *Энциклопедическое описание языков: Теоретические и прикладные аспекты*. М.: Наука.
- Зотова А.К., Коломацкий Д.И., Романова О.И. 2022. Значимое отсутствие: лакуны в описании языков (на материале базы данных «Языки мира» ИЯз РАН). *Лингвистика и методика преподавания иностранных языков*, № 1(16), 20–38.
- Зотова А.К., Романова О.И. 2021. «Свой» среди «чужих», или Потенциал термина в системе (на материале терминологии новой версии базы данных «Языки мира»

Д.И. Эдельман указала на то, что, например, принятый в иранистике термин *аорист* (означающий в этой традиции настояще-будущее время сослагательного наклонения) не нужно механически включать в реферат: благодаря усилиям В.С. Расторгуевой, статьи посвящённых иранским языкам томов обычно содержат пояснения терминов, из которых вдумчивый лингвист вполне может сделать верный вывод относительно того, какое значение проставить для признака в реферате, не полагаясь исключительно на использованный термин.

¹³ Опыт создания всеобъемлющих онтологий показал, что это практически невозможно осуществить на практике. См. напр. Langendoen 2020 об известной онтологии GOLD. Интересный «экуменический» подход к типологическим базам данных в целом и онтологиям в частности демонстрирует проект TDS (Dimitriadis et al. 2009; Windhouwer et al. 2017).

- ИЯз РАН). *Лингвистика и методика преподавания иностранных языков*, № 1(14), 27–48.
- Поляков В.Н., Соловьев В.Д., Макарова Е.А. 2019. *База данных «Языки мира»: история и перспективы*. Москва, Казань: Институт языкознания РАН, Издательство Академии наук РТ.
- Соловьёв В.Д., Кибрик А.А. 2015. Чем компьютерные технологии могут помочь лингвистической типологии? *Вестник Российской академии наук*, № 1(85), 32–38.
- Ярославцева Е.И. 2001. Грамматикон и база данных «Языки мира». В кн.: А.И. Новиков (ред.). *Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики — 2001*. М.: Азбуковник, 339–357.
- Belyaev O. 2009. Temporal stability of features in Jazyki Mira. A talk presented at The Swadesh Centenary Conference at Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, Leipzig. https://www.eva.mpg.de/lingua/conference/09_SwadeshCentenary/files/program.html (дата последнего доступа 13.03.2023)
- Dimitriadis A., Windhouwer M., Saulwick A., Goedemans R., Bíró T. 2009. How to integrate databases without starting a typology war: The Typological Database System. In: M. Everaert, S. Musgrave, A. Dimitriadis (eds.). *The Use of Databases in Cross-Linguistic Studies*. Empirical Approaches to Language Typology [EALT]. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 155–207.
- Drude S. 2018. Why we need better language maps, and what they could look like. In: S. Drude, N. Ostler, M. Moser (eds.). *Endangered Languages and the Land: Mapping Landscapes of Multilingualism*. Presented at the FEL XXII/2018 (Reykjavík, Iceland), London: FEL & EL Publishing, 33–40.
- Forkel R., List J.-M., Greenhill S.J., Rzymiski C., Bank S., Cysouw M., Hammarström H., Haspelmath M., Kaiping G.A., Gray R.D. 2018. Cross-Linguistic Data Formats, advancing data sharing and re-use in comparative linguistics. *Scientific Data*, n. 1(5).
- Good J. 2022. The Scope of Linguistic Data. In: A.L. Berez-Kroeker, B. McDonnell, E. Koller, L.B. Collister (eds.). *The Open Handbook of Linguistic Data Management*. Cambridge, MA: The MIT Press, 27–48.
- Good J., Cysouw M. 2013. Languoid, Doculect and Glossonym: Formalizing the Notion ‘Language.’ *Language Documentation & Conservation*, v. 7, 331–359.
- Hammarström H., Forkel R., Haspelmath M., Bank S. 2022. *glottolog/glottolog: Glottolog database 4.7*.
- Haspelmath M. 2009. The typological database of the World Atlas of Language Structures. In: M. Everaert, S. Musgrave, A. Dimitriadis (eds.). *The Use of Databases in Cross-Linguistic Studies*. Empirical Approaches to Language Typology [EALT]. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 283–299.
- Langendoen D.T. 2020. Whither GOLD? In: A. Pareja-Lora, M. Blume, B.C. Lust, C. Chiarcos (eds.). *Development of Linguistic Linked Open Data Resources for Collaborative Data-Intensive Research in the Language Sciences*. Cambridge, MA: The MIT Press, 19–24.

- Lesage J., Haynie H.J., Skirgård H., Weber T., Witzlack-Makarevich A. 2022. Overlooked Data in Typological Databases: What Grambank Teaches Us About Gaps in Grammars. In: *Proceedings of the 13th Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2022)*. Marseille, 2884–2890.
- Loginova E. 2009. Technique of definition of geographical coordinates at the identification of the area of distribution of language (on the material of DB “Jaziki Mira”). *Text Processing and Cognitive Technologies*, v. 17.
- Nordhoff S. 2008. Electronic Reference Grammars for Typology: Challenges and Solutions. *Language Documentation and Conservation*, v. 2, n. 2, 296–324.
- Nordhoff S. 2021. Open publication of texts, open publication of data. Talk presented at Emerging Topics in Typology. International Workshop Series 25 October — 22 November 2021. <https://github.com/langsci/lsp-presentations/blob/master/2021emergingtopics/emergingtopics.pdf> (дата последнего доступа 13.03.2023)
- Nordhoff S., Hammarström H. 2014. Archiving grammatical descriptions. *Language Documentation and Description: Special Issue on Language Documentation and Archiving*, v. 12, 164–186.
- Polyakov V.N., Solovyev V.D., Wichmann S., Belyaev O. 2009. Using WALs and Jazyki mira. *Linguistic Typology*, v. 13, n. 1, 137–167.
- Skirgård H., Haynie H.J., Blasi D.E., Hammarström H., Collins J., Latache J.J., Lesage J., Weber T., Witzlack-Makarevich A., Passmore S., Chira A.M., Maurits L., Dinnage R., Dunn M., Reesink G., Singer R., Bowern C., Epps P.L., Hill J., Vesakoski O., Roberts M., Abbas N.K., Auer D., Bakker N.A., Barbos G., Borges R.D., Danielsen S., Dorenbusch L., Dorn E., Elliott J., Falcone G., Fischer J., Ate Y.G., Gibson H., Göbel H.-P., Goodall J.A., Gruner V., Harvey A., Hayes R., Heer L., Miranda R.E.H., Hübler N., Huntington-Rainey B.H., Ivani J.K., Johns M., Just E., Kashima E., Kipf C., Klingenberg J.V., König N., Koti A., Kowalik R.G.A., Krasnoukhova O., Lindvall N.L.M., Lorenzen M., Lutzenberger H., Martins T.R.A., German C.M., van der Meer S., Samamé J.M., Müller M., Muradoglu S., Neely K., Nickel J., Norvik M., Oluoch C.A., Peacock J., Pearey I.O.C., Peck N., Petit S., Pieper S., Poblete M., Prestipino D., Raabe L., Raja A., Reimringer J., Rey S.C., Rizaew J., Ruppert E., Salmon K.K., Sammet J., Schembri R., Schlabbach L., Schmidt F.W.P., Skilton A., Smith W.D., de Sousa H., Sverredal K., Valle D., Vera J., Voß J., Witte T., Wu H., Yam S., 葉靖婷 J.Y., Yong M., Yuditha T., Zariquiey R., Forkel R., Evans N., Levinson S.C., Haspelmath M., Greenhill S.J., Atkinson Q., Gray R.D. 2022. Grambank reveals the importance of genealogical constraints on linguistic diversity and highlights the impact of language loss (preprint). SocArXiv.
- Solovyev V.D., Polyakov V.N. 2013. Database “Languages of the World” and its application. State of the art. In: *Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference “Dialogue” (2013)*. М.: Издательство РГГУ, 748–758.

- Virk S.M., Hammarström H., Borin L., Forsberg M., Wichmann S. 2020. From Linguistic Descriptions to Language Profiles. In: *Proceedings of the 7th Workshop on Linked Data in Linguistics (LDL-2020)*. Presented at the Language Resources and Evaluation Conference (LREC 2020), Marseille, 11–16 May 2020. Marseille, 23–27.
- Windhouwer, M., Dimitriadis, A., Akerman, V., 2017. Curating the Typological Database System. In: J. Odijk, A. van Hessen (eds.). *CLARIN in the Low Countries*. London: Ubiquity Press, 123–132.

**«ВАМ И НЕ СНИЛОСЬ!»:
ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ
«РАССКАЗОВ О СНОВИДЕНИЯХ»**

Н.А. Коротаев

Российский государственный
гуманитарный университет,
Институт языкознания РАН

А.О. Литвиненко

ООО «Аланг»

В.И. Подлеская

Институт языкознания РАН

Чествуемый юбиляр выступал в своей жизни за разные команды, во многих был капитаном и многие привел к победе. За одну из таких команд нам посчастливилось выступать вместе. Нашим главным материализовавшимся результатом стал том «Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса» (Кибрик, Подлеская (ред.) 2009). В предисловии к этой книге коротко рассказана история о том, как команда лингвистов совместно с группой неврологов начали совместную работу в поисках лингвистических симптомов неврологических нарушений, как сначала мы больше были сосредоточены на особенностях риторической структуры, а затем все сильнее погружались в специфику устной речи — просодию, речевые сбои, проблемы фрагментирования речевого потока, разработку формата транскрипции и т. д. С выхода «Сновидений» прошло уже почти 15 лет, и сейчас мы можем с уверенностью сказать, что участие в этом проекте — одна из главных наших академических удач. Так везет не всем, нам — повезло.

Впрочем, это не всё. В нашем коротком поздравлении мы хотим рассказать о тех аспектах нашей совместной работы, которые, возможно, несколько менее известны, чем книга 2009 года. Мы надеемся показать, что сложившийся вокруг этой книги и вокруг чествуемого юбиляра коллектив сумел выстроить единую программу исследований, которая за последние два десятилетия воплотилась в самых разных проектах, публикациях, компьютерных продуктах. Мы приведем три свидетельства. Первое — это краткий компендиум коллективных проектов команды, поддержанных российскими и международными фондами, второе — это (тоже краткое) описание общедоступного ресурса spokencorpora.ru, и третье — несколько слов о том, как сейчас развивается начатое «Рассказами о сновидениях» сотрудничество лингвистов и неврологов. Так сказать, прошлое, настоящее и будущее.

I. Коллективные проекты команды, поддержанные грантами

Приступая к реализации этого раздела, мы планировали просто перечислить проекты, напрямую связанные с «Рассказами о сновидениях» или естественным образом продолжающие предложенную в них линию исследования. И, в общем-то, столкнулись с некоторыми трудностями. Главная из них: учитывать ли более поздние проекты, в которых от самих «Сновидений» остались только теоретические установки, но материал уже совсем другой? Мы решили ограничить список 2013 годом начала реализации. Позднее часть нашей команды приступила к «Рассказам и разговорам о грушах» — проекту по анализу мультимедийного дискурса (см. Кибрик, Федорова 2018; <https://multidiscourse.ru/>). Пожалуй, это уже другая история, достойная отдельного описания. Так что тут — список проектов, реализованных до этого момента.

1. Cognitive organization of narrative discourse in children with neuroses, RSS (Research Support Scheme, Central European University), 1999–2001.

2. Дискурсивный анализ «рассказов о сновидениях»: использование лингвистических методов в диагностике детских неврозов, РФФИ, 2002–2003.

3. Средства организации дискурса в типологическом освещении: корпусное исследование структуры нарратива, РГНФ, 2004–2006.

4. Транскрипция устного дискурса для корпусных исследований разноструктурных языков, РФФИ, 2007–2009.

5. Когнитивные механизмы речевых отклонений и сбоев в неподготовленной устной речи, РФФИ, 2010–2012.

6. Рассказы о сновидениях и другие корпуса звучащей речи, Программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Корпусная лингвистика», 2011–2014.

7. Многоязычный корпус звучащей речи с типологически валидной дискурсивной разметкой, ФФЛИ, 2012–2013.

8. Синтаксис, иллокутивная семантика и просодия в структуре звучащего текста: корпусное исследование, РГНФ, 2012–2014.

9. Корпусное исследование средств нечеткой номинации в живой речи, РФФИ, 2013–2015.

В следующей таблице мы постарались собрать информацию обо всех участниках этой многолетней работы: в строках указаны имена исследователей (в алфавитном порядке), в столбцах — номера проекта из вышеприведенного списка. Тут тоже есть проблема: почти в каждом проекте бок о бок с «официальными» участниками работали добровольные помощники — и зачастую их роль в конечном результате была ничуть не меньшей. Увы, мы не можем тут перечислить их всех, а потому ограничимся только участниками

официальными. Но мы безусловно помним и тех, кто не оказался в списках. Отдельно нам хочется упомянуть коллег, которые особенно помогли на финальных стадиях подготовки рукописи к печати: Н.М. Воскобойникову, А.С. Луценко и Д.В. Найшуля.

Участник	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Михаил Леонидович Буряков						✓	✓	✓	
Георгий Кириллович Бронников		✓							
Игорь Викторович Ганзин	✓								
Валерий Леонидович Голубев	✓	✓							
Дарья Григорьевна Граева						✓		✓	
Юлия Вадимовна Дараган			✓						
Зоя Владимировна Ефимова			✓				✓		
Екатерина Дмитриевна Ильина						✓	✓		
Татьяна Михайловна Калькова		✓							
Андрей Александрович Кибрик	✓	✓	✓	✓	✓	✓			✓
Вадим Игоревич Киммельман				✓					
Елена Александровна Корабельникова	✓	✓							
Николай Алексеевич Коротаев			✓		✓	✓	✓	✓	✓
Александр Вячеславович Костыркин				✓					
Александр Борисович Летучий					✓				
Алла Олеговна Литвиненко		✓	✓		✓	✓	✓	✓	✓
Юлия Андреевна Малород				✓					
Вера Сергеевна Мальцева				✓					
Наталья Григорьевна Огорилко				✓					
Марина Леонидовна Палько						✓	✓	✓	✓
Юлия Николаевна Панова				✓					
Ольга Евгеньевна Пекелис					✓	✓			✓
Вера Исаakovна Подлеская	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
Евгения Валерьевна Прозорова				✓	✓				
Ольга Андреевна Савельева-Трофимова					✓	✓	✓	✓	
Наталья Вадимовна Сердобольская					✓				✓
Антон Александрович Сомин					✓		✓		✓
Анна Владимировна Стародубцева									✓
Виктория Гагиковна Хуршудян			✓				✓		

Вера Львовна Цуканова	✓	✓	
Александра Сергеевна Шурыгина			✓
Татьяна Евгеньевна Янко	✓	✓	✓

2. ... и другие корпуса звучащей речи!

Ключевым итогом работы над «Рассказами о сновидениях» стало не только издание коллективной монографии, но и выработка принципов дискурсивной транскрипции устной русской речи. За прошедшие годы некоторые детали нашей транскрипционной системы претерпели изменения (в частности, при ее адаптации к данным диалогической речи; актуальная версия наиболее полно изложена в статьях Kibrik et al. 2020a,b), однако базовые принципы остаются неизменными. Транскрипция призвана отразить представление о первичности устной речи и важности механизмов устного речепорождения, таких как сегментация на элементарные дискурсивные единицы, расположение фразовых акцентов, преодоление речевых сбоев и затруднений и проч. Получив в свое распоряжение столь мощный аналитический инструмент, мы просто не могли отложить его в сторону, закончив аннотирование «Сновидений». Кроме того, при всей внушительности печатного формата, корпусная разметка значительно естественнее смотрится в электронном виде. Эти соображения привели к тому, что практически сразу после выпуска книги мы приступили к разработке ресурса, на котором результаты нашей разметки стали бы доступны непосредственно в Интернете. Таким ресурсом стал сайт <http://spokencorpora.ru/>.

На сайте представлено четыре коллекции аннотированных устных текстов нарративных жанров.

— «Рассказы о сновидениях» — тот самый корпус, послуживший исходным материалом первых исследований. При подготовке книги аудиозаписи, записанные на кассетный магнитофон, были оцифрованы и «почищены», именно эти улучшенные записи доступны на сайте.

— «Рассказы сибиряков о жизни» — собранные К.В. Орловой устные истории жителей Новосибирска о запомнившихся событиях из жизни.

— «Веселые истории из жизни» — параллельный корпус устных и письменных версий личных рассказов о смешных происшествиях (каждый информант сначала реализовывал историю устно, затем — письменно). Корпус был записан студентами МГУ под руководством А.А. Кибрика.

— «Истории о подарках и катании на лыжах» — корпус устных текстов, полученных от носителей различных языков в рамках единого дизайна: сначала информантам предъявлялись два набора картинок, на основании кото-

рых требовалось составить рассказ; затем (спустя некоторое время) их просили рассказать те же истории по памяти. На сайте представлены три коллекции по 40 текстов каждая: на русском, армянском и японском языках. Запись русского и армянского корпуса была осуществлена В.Г. Хуршудян, она же аннотировала армянские тексты; запись и аннотацию японского корпуса выполнила З.В. Ефимова.

Можно заметить, что каждая из этих небольших коллекций позволяет ставить и решать отдельные исследовательские задачи: так, «Рассказы о сновидениях» можно использовать как ресурс по изучению устной речи, а также как материал для сопоставления речевого поведения пациентов с невротическими расстройствами и детей из контрольной группы; «Веселые истории из жизни» — для контролируемого сопоставления устного и письменного модулов, а также для анализа того, как люди реализуют «рассказы-пластинки»; «Истории о подарках и катании на лыжах» — для сравнения дискурсивных стратегий при первичном рассказе и пересказе. При этом все эти корпуса объединены единым форматом аннотирования.

Главной технической особенностью <http://spokencorpora.ru/>, на наш взгляд, стала возможность проигрывания полных версий аудиозаписей при параллельном просмотре дискурсивных транскриптов, а также фрагментов записей, соответствующих выделенным фрагментам транскриптов. Решающая заслуга в том, что все это получилось реализовать, принадлежит М.Л. Бурякову. Некоторые технические решения, принятые при разработке этого сайта, были в дальнейшем (уже на новом уровне) применены в упомянутом выше проекте <https://multidiscourse.ru/>.

3. «Что я видел» во сне и наяву

Представляя результаты работы над «Рассказами о сновидениях», мы нередко сталкивались с совершенно справедливым вопросом: можно ли считать представленные в этом корпусе тексты образцами «обычного» устного дискурса или все же на них слишком сильно влияет юный возраст говорящих? Еще один каверзный вопрос приходил со стороны психоневрологического сообщества: обоснованно ли рассматривать пациентов с различными формами невротических расстройств как гомогенную группу? Обычно мы находили те или иные компромиссные ответы, но и сами понимали, что тут есть к чему придраться. В какой-то момент нам это надоело, и мы решили, что пора возобновить сотрудничество с нашими коллегами-неврологами и провести новое исследование. Так возникла идея корпуса «Что я видел».

С 2022 года мы собираем устные и письменные рассказы по двум уже привычным для нас сюжетам: отчеты о запомнившихся сновидениях и исто-

рии о ярких жизненных происшествиях. Наши информанты — взрослые носители русского языка; у части из них диагностировано паническое расстройство, часть относится к контрольной группе. Диагностика и дальнейшее терапевтическое сопровождение пациентов осуществляется под руководством Е.А. Корабельниковой, сбор и разметка языковых данных — в ведении нашей лингвистической команды. К нам присоединились новые коллеги — студенты и выпускники Института лингвистики РГГУ. Опираясь на инструкцию, разработанную на основе нашего предыдущего опыта, они транскрибируют аудиозаписи в устоявшемся «сновиденческом» формате: выделяют ЭДЕ, размечают акценты, самоисправления и проч. И делают это, к нашей радости, на удивление хорошо!

Иногда нам кажется, будто мы вернулись лет на 20 назад. Тогда (и, кстати, тоже по большей части в РГГУ) мы регулярно собирались и по много часов обсуждали, как нам лучше транскрибировать устную речь. В тех дискуссиях Андрей Александрович был одновременно и лидером, готовым принять финальное решение, и вовлеченным участником, внимательно выслушивающим конкурирующие мнения. Эту энергию, этот импульс мы ощущаем до сих пор. А значит, дело живет.

Л и т е р а т у р а

- Кибрик А.А., Подлеская В.И. (ред.) 2009. *Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса*. М.: Языки славянских культур.
- Кибрик А.А., Федорова О.В. 2018. An empirical study of multichannel communication: Russian Pear Chats and Stories. *Психология. Журнал Высшей Школы экономики*. 15 (2), 191–200.
- Kibrik A.A., Korotaev N.A., Podlesskaya V.I. 2020a. Russian spoken discourse: Local structure and prosody. In: S. Izre'el, H. Mello, A. Panunzi, and T. Raso (eds.). *In search of basic units of spoken language: A corpus-driven approach*. Netherlands: John Benjamins Publishing Company, 35–76.
- Kibrik A.A., Korotaev N.A., Podlesskaya V.I. 2020b. The Moscow approach to local discourse structure: An application to English. In: S. Izre'el, H. Mello, A. Panunzi, and T. Raso (eds.). *In search of basic units of spoken language: A corpus-driven approach*. Netherlands: John Benjamins Publishing Company, 368–382.

«НАШИ В ГОРОДЕ»: ВОЗВРАЩАЯСЬ К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ МОСКВЫ

М.В. Куцаева

Институт языкознания РАН
marina.kutsaeva@iling-ran.ru

В 2016–2018 гг. группой исследователей ИЯз РАН, МГУ, НИУ ВШЭ был осуществлен проект «Языки Москвы» с целью описания и исследования языкового разнообразия и функционирования языков в Москве (Языки Москвы, Мазурова 2017). Реализации проекта предшествовал ряд научно-квалификационных работ, выполненных начиная с 2000-х годов студентами ОТиПЛ МГУ под руководством А.А. Кибрика (Кибрик 2017: 16) по схожей тематике, которая впоследствии получила более системное освещение в рамках указанного проекта.

Важность изучения языков Москвы, как отметил в своей работе А.А. Кибрик (2017), обусловлена несколькими причинами. Во-первых, Москва — современный мегаполис и одновременно столица, испытавшая влияние традиции имперского развития и централизации; это место притяжения миграционных потоков и особый языковой ареал, представляющий пестрое языковое разнообразие на сравнительно небольшой площади. Во-вторых, в настоящее время, ввиду ускоряющихся темпов урбанизации и всеобщей мировой тенденции к преобладанию городского населения над сельским, активно формируется новое направление лингвистики, отвечающее вызовам времени, — городская лингвистика. Урболингвистика пересекает традиционные разделы лингвистики (ареальная лингвистика, лингвогеография, социолингвистика, типология, антропология) и имеет большие перспективы (Кибрик 2017: 10–15). Исследование языков Москвы, начало которому было положено в рамках одноименного проекта, внесло определенный вклад в развитие этого молодого направления (см. Мазурова и др. (ред.) 2018), и, возможно, в дальнейшем послужит образцом для анализа языковой ситуации в других городах страны. В-третьих, изучение языковой ситуации в Москве позволяет составить представление о реальном функционировании языков, что необходимо для выстраивания и эффективной реализации языковой политики.

Знакомство автора статьи с юбиляром состоялось в ходе проведения круглого стола «Языки Москвы и языковое разнообразие города» в ноябре 2017 г. в ИЯз РАН. На тот момент работа над кандидатской диссертацией, посвященной выявлению и описанию функционирования этнического языка в чувашской диаспоре московского региона под руководством д.ф.н. Т.Б. Агранат, была почти завершена, оставалось внести финальные штрихи в рукопись, отшлифовать детали и провести апробацию основных положений диссертационного исследования. В этом смысле участие в работе Круглого стола было весьма плодотворным и ценным, доклад «Чувашский язык в Москве» был тепло встречен аудиторией, что позволило автору почувствовать себя членом большой и дружной команды, обрести уверенность в своих силах и в том, что дело, которым ты самозабвенно увлечен, имеет значимые результаты для науки и общества в целом. Знаковой на данном мероприятии оказалась и встреча с д.ф.н. В.И. Беликовым, который вскоре дал свое согласие выступить официальным оппонентом на защите диссертации, состоявшейся год спустя в стенах ИЯз РАН.

Методология, заданная при попытке исследовать функционирование чувашского языка в московском регионе, открыла возможности для проведения социолингвистических обследований бытования других этнических языков в условиях внутренней диаспоры. В настоящее время в качестве сотрудника отдела урало-алтайских языков автор активно занимается изучением сохранности этнического языка в марийской диаспоре московского региона. Сопоставление данных текущего исследования с результатами, полученными в чувашском обследовании, по ключевым параметрам (составление языковых биографий респондентов, описание дистрибуции языков, выявление сфер использования этнического языка и функций, закрепленных за ним в диаспорной среде, изучение бытования языка в культуре, рассмотрение вопроса сохранения языка, культуры и этнической идентичности в условиях диаспоры) (Куцаева 2020) способствует, с одной стороны, фиксации общих характеристик и точек соприкосновения, с другой стороны, обнаружению специфических особенностей в каждой конкретной диаспоре.

Характерное для многоязычного общества взаимодействие двух естественных, однако противоположных потребностей человека — потребности идентичности и потребности взаимопонимания (Алпатов 2000: 11–28) в условиях миграции, смены языковой среды и влияния внешних факторов неизбежно усиливается (Мазурова и др. 2018: 10–12).

Реализация стратегии интеграции в принимающее сообщество приводит к прекращению регулярной коммуникации на этническом языке, сужению сфер его использования. Большой язык направлен во внешний мир, тогда как «свой» язык — в большей мере вовнутрь: на укрепление семейных и родст-

венных связей, выстраивание социальных отношений, сохранение исторических связей, сообщение группе чувства родства и приобщение к общей «родословной» (Crystal 2000: 80–81). Однако набор функций в каждом языковом сообществе (несмотря на островки традиционного остаточного употребления языка для групповой самоидентификации, шуток, в качестве тайного языка (Засе 2012: 448) всегда оказывается особенным, «своим», обусловленным факторами как лингвистического, так и экстралингвистического характера. Так, в чувашской выборке было установлено употребление этнического языка в сакральной функции, но процент указавших на это респондентов был ничтожно малым (Куцаева 2020: 147), однако марийский язык используется в этой функции заметно чаще благодаря бытованию, в том числе в синкретической форме, марийских традиционных верований. Среди опрошенных чувашей этнический язык активно используется в собственно коммуникативной функции в общении с земляками, тогда как в марийской диаспоре такое употребление представляется затруднительным ввиду наличия трех субэтнических групп мари (горные, луговые, восточные), четырех наречий, двух вариантов литературного языка и как следствие — низкой, по признанию опрошенных, взаимопонимаемости между идиомами. Впрочем, последнее, кажется, вовсе не препятствует тому, чтобы респонденты, принадлежащие разным субэтническим группам, использовали в московском регионе каждый свой идиом в конспираторной функции и при этом понимали друг друга (Куцаева 2021: 64).

Общими проблемными зонами для этих диаспор являются вопросы, связанные с межпоколенческой передачей этнического языка (Куцаева 2020: 167–173, Куцаева 2022): ситуация усугубляется тем, что язык признается респондентами одним из ключевых маркеров этнической идентичности; с его утратой уже в следующем поколении диаспоры границы этнической группы становятся размытыми и вероятность этнокультурной ассимиляции заметно увеличивается. Необходимо отметить, что проведение социолингвистического обследования, в частности, в марийской диаспоре, а значит, невольное привлечение внимания ее членов к таким аспектам, как функционирование этнического языка и его сохранность в условиях внутренней диаспоры, по нашим наблюдениям, способствовало пробуждению интереса к «своему» языку у тех членов языкового сообщества, которые, будучи уроженцами городской среды на малой родине, имеют пассивные знания этнического языка, и тем не менее, войдя в контакт с исследователем, внешним по отношению к их сообществу лицом, испытали удивление от того, что судьба языка — будто бы ненужного и неважного, по их мнению, — все же кому-то не безразлична. Кроме того, в ходе исследования был проведен первичный мониторинг низового активизма в марийском языковом сообществе. Не так давно

автор статьи стал свидетелем сближения некоторых инициатив в рамках марийского землячества и отметил, что культурный компонент все чаще идет рука об руку с собственно языковым. Это тем более отраднo, поскольку значительная часть любой этнокультуры выражается лингвистически (Fishman 2001: 3) и бытование языка в культуре является необходимым условием ее поддержания и развития, а не просто сохранения для потомков в стиле музейного мумифицирования (Fishman 1991: 33). Наконец, один из вопросов нашей анкеты касался возможности преподавания этнического языка в Москве, и автору доводилось слышать в ответ в том числе предположение респондентов о том, что исследователь сам проявит эту инициативу в будущем, или же просьбу оказать членам диаспоры содействие в организации курсов марийского языка.

Мы привели неполный перечень вопросов, связанных с анализом функционирования языков внутренних диаспор в мегаполисе. Комплексное представление о языковом разнообразии города можно получить благодаря слаженной командной работе не только социолингвистов, но и исследователей по ареальной лингвистике, историческому языкознанию, типологии, что становится возможным в рамках урболингвистики (Кибрик 2017: 11), именно по этой причине нам кажется целесообразной идея возобновить проект «Языки Москвы», учитывая накопленные ранее данные и привлекая результаты научных изысканий отечественных и зарубежных специалистов. В этой связи рассмотрим новую эпистемологию изучения многоязычных обществ, предложенную в Matras 2018. Исследователи языкового разнообразия принимают активное участие в формировании общественной повестки дня, используя свою вовлеченность в качестве основы для исследований. Итогом является не только информирование общественности о результатах научной работы, но и раскрытие преимуществ языкового разнообразия для города и его жителей, формирование осознанного отношения к языковому разнообразию со стороны государственных учреждений. Привлечение фокуса внимания общественности и органов власти к таким исследованиям — это прежде всего попытка задать новое видение окружающей действительности и общества, в котором бережно относятся к языкам и, следовательно, культурному разнообразию. Подобные исследовательские проекты содействуют наведению мостов между группами населения с различным культурным и языковым происхождением, осознанию ценности разнообразия, а значит, налаживанию социальных отношений; кроме того, благодаря признанию языков в качестве полезных навыков, они способствуют экономическому росту. Бенефициарами проектов, являются, таким образом, город и его жители, конкретно — члены многоязычных сообществ, предпринимающие усилия по сохранению самобытности, включая языковые практики (Matras 2018: 269).

В заключение обратимся к лозунгу «наши в городе», вынесенному в заглавие статьи и подразумевающему в качестве акторов не только членов языковых сообществ, проживающих в мегаполисе, но и собственно исследователей, занимающихся данной проблематикой. Расхожее мнение, что «свой» язык пригодится сельскому жителю лишь до автобусной остановки, пока он не уедет в город, кажется, постепенно теряет свои позиции. Общемировой тренд изменения языковых идеологий в отношении миноритарных языков (Sallabank 2013: 67) оставляет надежду на то, что из деревни в город можно «вывезти» не только девушку, но и язык. Возможности поддержания этнических языков в мегаполисе становятся всё более реальными, что, кажется, опровергает устойчивое когда-то в чувашской среде утверждение-сетование «пожил в городе, съел один батон — и всё, забыл чувашский язык». Определенный вклад в трансформацию языковых идеологий вносит деятельность научного сообщества, а если учесть, что «современный мегаполис с его многоязычием является уменьшенной моделью всего мира» (Кибрик 2017: 15), то роль исследователей, занимающихся вопросами изучения и поддержания языкового разнообразия в городской среде, представляется значительной.

Л и т е р а т у р а

- Алпатов В.М. 2000. *150 языков и политика. 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства*. М.: Крафт+, Ин-т востоковедения РАН.
- Зассе Х.-Ю. 2012. Теория языковой смерти. В кн.: Н.Б. Вахтин. *Социолингвистика и социология языка. Хрестоматия*. СПб.: Издательство Европейского университета, 433–459.
- Кибрик А.А. 2017. Почему важно изучать языки Москвы? *Родной язык*, № 2(7), 8–23.
- Куцаева М.В. 2022. Марийский в Москве: к вопросу о сохранности этнического языка в условиях внутренней диаспоры. *Финно-угроведение*, № 63, 30–44.
- Куцаева М.В. 2021. Функции этнического языка в марийской диаспоре московского региона. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*, Вып. 4 (34), 58–72.
- Куцаева М.В. 2020. *Функционирование этнического языка в чувашской диаспоре московского региона*. М., СПб.: Нестор-История.
- Мазурова Ю.В., Баранова В.В., Коряков Ю.Б. (ред.) 2018. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. I. Языковое разнообразие города*. СПб.: ИЛИ РАН.
- Мазурова Ю.В. 2017. Круглый стол «Языки Москвы и языковое многообразие мегаполисов». *Родной язык*, №1 (6), 15–21.
- Языки Москвы. URL: <http://languages.msk.ru/about/> (дата обращения 06.03.2023).

- Crystal D. *Language death*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Fishman J.A. 2001. *Can Threatened Languages Be Saved? Reversing Language Shift Revisited: A 21st Century Perspective*. Clevedon: Multilingual Matters.
- Fishman J.A. 1991. *Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages*. Clevedon: Multilingual Matters.
- Matras Y. 2018. The Multilingual Manchester research model: An integrated approach to urban language diversity. В кн.: Ю.В. Мазурова, В.В. Баранова, Ю.Б. Коряков (ред.). *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Языковое разнообразие города*, 248–274.
- Sallabank J. *Attitudes to endangered languages: identities and policies*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

«ЯЗЫКИ МИРА» КАК ОНИ ЕСТЬ

**О.И. Романова, Ю.Б. Коряков, Ю.В. Мазурова,
Е.Б. Маркус, Н.Л. Артамонова, Ю.М. Дёмина**

Институт языкознания РАН

Нынешний сектор ареальной лингвистики вырос из группы «Языки мира»¹, которая была образована в 1974 г. в секторе германских языков, а потом стала структурным подразделением отдела индоевропейских языков. Руководителем диссертации юбиляра была В.Н. Ярцева, создавшая группу «Языки мира» (Журинская и др. 1986), и после защиты диссертации в 1988 г. А.А. Кибрик был принят туда на работу. Таким образом, научная деятельность юбиляра в институте началась именно с «Языков мира», и эта связь с тех пор не прерывалась. С начала века А.А. Кибрик возглавляет проект «Языки мира» и является главным редактором энциклопедии².

Регулярное издание энциклопедии началось с 1993 г., когда был опубликован первый том «Языки мира: Уральские языки», и пришлось на непростое для отечественной лингвистики время. Помимо разлома поколений, трудности усугублялись переездом некоторых специалистов за рубеж, сокращением числа студентов-лингвистов — все это привело к тому, что специалистов по некоторым языкам в стране стало крайне мало, а некоторые региональные школы прекратили существование. В таких условиях работа над статьями для «Языков мира» в ряде случаев стала основой для воссоздания отечественных школ по изучению конкретных языковых групп. Благожелательная настойчивость и организаторские способности юбиляра в немалой степени этому способствовали.

Почти все сотрудники, которые приходили работать в Институт языкознания в группу «Языки мира», а потом и в сектор ареальной лингвистики, получали «свой» том, который нужно было довести до публикации. И такой

¹ Группа «Языки мира» превратилась в сектор ареальной лингвистики в 2011 г., объединившись с сектором типологии в рамках Отдела типологии и ареальной лингвистики. Об истории группы «Языки мира» см. https://iling-ran.ru/web/ru/history/departments/typol_areal#2. Дата обращения 02.04.2023.

² «Языкам мира» посвящена статья в Википедии, см. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Языки_мира_\(серия_книг\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Языки_мира_(серия_книг)). Дата обращения 02.04.2023.

путь может занять годы, а то и десятилетия. Это на самом деле очень непростая задача, которая требует от сотрудника сразу и научных знаний, и организаторских способностей: нужно уметь находить авторов и договариваться с ними о формате и сроках, мотивировать их находить время для написания статей — а для большинства авторов энциклопедии статьи в «Языках мира» далеко не первое дело в их зачастую очень плотном графике; нужно иметь хорошую типологическую подготовку, чтобы оценивать уровень статей и адекватность описаний; необходимо разбираться в технических деталях оформления статей вплоть до расстановки разных типов тире и кавычек — технических требований в энциклопедии гораздо больше, чем в обычной монографии, ведь все тома должны иметь единообразное оформление; нужно много времени — ведь редактор от группы в ходе подготовки должен прочитать том несколько раз на разных этапах (и по необходимости привлечь других членов группы). Но самое главное умение, которое должно быть у члена группы «Языки мира» — это умение доводить до успешного конца любое дело. И вот в этом умении нет равных нашему главному редактору: несмотря на объективные обстоятельства, отсутствие отечественных специалистов по многим языкам, отсутствие у авторов времени, возможности, а иногда и желания; несмотря на серьёзные расхождения между традиционными описаниями и современной типологией, споры и конфликты между авторами и редакторами, сложности финансирования, сжатые сроки и несоответствие глобальности поставленных задач ограниченности имеющихся у нас ресурсов, тома энциклопедии «Языки мира» выходят в свет уже более 30 лет и, мы надеемся, будут выходить и дальше. В данный момент на разных этапах разработки находятся том по реликтовым индоевропейским языкам Европы, проекты по китайским (синитическим), семитским (арабский, древние и современные языки Аравийского полуострова), австроазиатским языкам и др.

За эти годы нами было выпущено 23 тома, которые включают 553 статьи³. Всего над уже опубликованными статьями в «Языках мира» трудилось 310 авторов и семь редакторов. То есть в среднем одному редактору пришлось пообщаться (долго и плодотворно) с 50 авторами.

Изначальная идея энциклопедии — представить все языки мира в сопоставимом виде — по прошествии лет на практике представляется несколько утопичной. Даже если сравнивать первые тома энциклопедии, которые выходили в конце XX века, с томами, вышедшими за последнее десятилетие, разница в подробности описания, терминологии и типологическом уровне очень заметна. Во-первых, наука не стоит на месте, и с 90-х гг. прошлого века наши знания о конкретных языках и типологии языков в целом сильно обогати-

³ Подробнее см. <https://iling-ran.ru/langworld/>.

лись, появились новые данные, новые теории. Во-вторых, люди, которые стояли у истоков энциклопедии и создавали шаблоны для описания языков, конечно, не могли предвидеть такого мощного развития компьютерных технологий, которое мы наблюдаем сегодня, иначе схема статей в «Языках мира» сразу строилась бы с учётом превращения в компьютерную базу данных — о сложностях перевода текста статей в форму электронной базы данных см. статью Д.И. Коломацкого (2023) в настоящем издании.

Однако это не значит, что «Языки мира» со временем потеряли своё значение. Наш коллектив под руководством главного редактора сумел изначально теоретически правильной идее придать современное содержание и практическое наполнение. Выпуски «Языков мира», изданные за эти годы, не имеют аналогов ни в России, ни за рубежом по широте охвата материала и глубине описания: некоторые статьи представляют собой практически полные грамматики редких и малоизученных языков. У «Языков мира» нет конкурентов и по систематичности и единству подхода: несмотря на объективные сложности и практическую невозможность свести описание всех языков к одной теории и единой терминологии, в каждом конкретном томе проводится очень серьёзная работа по унификации. Редакторам от группы очень хорошо известно понятие «унификация», ведь это и есть главная задача редактора — привести все статьи, насколько это возможно, к одному знаменателю. Каждый том — это не сборник авторских статей, это части единого, продуманного труда, результата длительных консультаций авторов, редакторов и членов группы «Языки мира». И этот процесс на практике очень хорошо выявляет и все теоретические трудности лингвистической типологии, и лакуны в наших знаниях о конкретных языках. «Языки мира» — это наш вклад в документацию языков, типологию и сохранение наследия российских учёных.

Особо хочется отметить следующее: многие авторы, участвовавшие в создании томов энциклопедии, уже ушли от нас, однако их знания, эрудиция, материалы, собранные за годы жизни, сохранились для грядущих поколений в виде энциклопедических статей. Ушли из жизни многие, кто стоял у истоков «Языков мира» — разработчики типологической схемы для описаний языков: М.А. Журиная — душа этого коллектива, В.А. Виноградов, А.А. Королёв, В.Я. Порхомовский, безвременно ушла молодая сотрудница группы «Языки мира» Таня Жданова. С нами уже нет В.Н. Топорова, Т.Я. Елизаренковой, Г.А. Зографа, Э.Р. Тенишева, А.А. Дарбеевой, Ю.Н. Мазура, В.И. Цинциус, Е.А. Хелимского, М.Е. Алексеева, Н.А. Баскакова, Е.А. Поцелуевского, В.П. Калыгина, Н.Н. Семенюк, С.А. Миронова, Л.С. Бархударова, Б.А. Абрамова — и это не исчерпывающий список, — но те из нас, кому повезло работать с ними над проектами «Языков мира», всегда будут

помнить ценное время и уникальную возможность личного общения с этими замечательными учёными. В качестве позитивной ноты нужно заметить, что за время подготовки томов энциклопедии люди не только умирали, но и рождались. Особенно плодотворной получилась работа над дравидийским томом: с 2007 по 2013 годы у коллектива из шести авторов и редакторов успело появиться на свет семь младенцев!

Безусловно, будущее за современными технологиями, поэтому в отделе прикладной лингвистики продолжается разработка компьютерной базы данных «Языки мира». Информация, накопленная в опубликованных томах энциклопедии за многие годы, скоро будет доступна пользователям в интернете — как в виде текста опубликованных статей, так и в виде поисковой системы по типологическим параметрам, см. Коломацкий 2023. Обобщение огромного количества материала даёт и новое качество данных, и возможность для статистического анализа.

Для каждого из членов редколлегии «Языки мира» работа в группе — это не только работа. Это радость общения с коллегами, единомышленниками, с увлечёнными своим делом учёными, это источник новых идей — в том числе и для своих личных исследований, преодоление трудностей и препятствий, испытание характера и возможность проявить многие человеческие качества, моральное удовлетворение от благополучного завершения длительного проекта и от вклада в общее полезное дело. Каждая книга — это многолетняя история взаимодействия множества людей. Вместе с тем каждый том — это отражение текущего состояния науки, прежде всего отечественной, в данной области. И это стимул развивать эту область и развиваться самим.

Юбилейный сборник — не место для описания проблемных и конфликтных ситуаций, но всё же нельзя не отметить, что при таком огромном объёме работы, взаимодействии стольких специалистов из разных областей, амбициозных задачах и ограниченных сроках сложности неизбежны. Дипломатичность главного редактора нашего издания, его умение принимать непростые решения, находить компромисс и необходимые научные аргументы уже много лет позволяют доводить проекты «Языков мира» до успешной публикации.

Каждый выпуск «Языков мира» — это не только наука, это искусство: сочетание настойчивости, трудолюбия, удачи, научного подхода и хороших организаторских способностей. Такие качества юбиляра, как целеустремлённость и умение увидеть будущее, даже если его признаков нет пока в настоящем, позволяют продолжать и «Языки мира», и многие другие проекты.

В качестве иллюстрации мы хотим привести некоторые характерные и яркие высказывания нашего главного редактора, взятые из протоколов заседания группы «Языки мира» в разные годы:

- *Вы же сами изучили эти языки с нуля? Человек с общелингвистической подготовкой может это сделать.*
- *Надо обозначать реалистические сроки, двигать эту эпопею к завершению!*
- *Это решаемая задача, вы готовы этим заниматься?*
- *Что продвинулось за год?*
- *Коллективная деятельность подразумевает планирование.*
- *Как минимум раз в полгода надо встречаться и обсуждать. Это все-таки мобилизует.*
- *Вы себя ощущаете куратором этого тома?*
- *Надо объединить ваши усилия!*
- *Не может висеть предполагаемое название статьи без даже предполагаемого автора. Нужно это видеть реалистически.*
- *Одна из задач — психологическая. Чтобы вытить море, надо сделать первый глоток.*

Литература

- Коломацкий Д.И. 2023. *Summa Typologiae: База данных «Языки мира» и дилемма формализованного описания языков*. Наст. сб.
- Журинская М.А., Новиков А.И., Ярославцева Е.И. 1986. *Энциклопедическое описание языков. Теоретические и прикладные аспекты*. М.: Наука.

ИНТЕРАКТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

М.Б. Бергельсон

Обоснование

Очевидно, что давнее и близкое знакомство с Юбиляром должно облегчать написание любого текста, посвященного ему. Но, как и всякое достоинство, переходящее при его избытке в недостаток, так и глубинность знакомства, так сказать — приближенность к объекту (в данном случае — Адресату) — исследования, не может не влиять на четкость восприятия.

В моем случае нас спасет широта. Именно многочисленность и разветвленность тех функций, которыми мы связаны с Юбиляром, может придать моему тексту присущую мне и совершенно необходимую в данном случае поверхностность. Так сказать, легкость касания предмета. «Интерактивность» лингвистики понимается в этой статье как взаимодействие между научными исследованиями с их результатами и разными другими событиями из жизни Юбиляра и повествующими о них анекдотами.

Мы с юбиляром соавторы по жизни. В прямом и в метафорическом смыслах этого слова («соавторы») и в прямом и сленговом употреблении этого словосочетания («по жизни»).

История вопроса

Наше сотрудничество с Юбиляром часто принимало форму соавторства. Это были полипредикативные конструкции в дагестанских и тувинском языках, пропозициональная деривация, и наконец, Аляска, точнее — Аляскинский русский. И здесь важны не только совместные доклады и статьи, но то, как осмысление нашего опыта исследования языков Аляски в гуще жизни их носителей пробудило интерес к контактной лингвистике, речевым практикам, проблемам традиционных культур.

В 1997 году нас с Юбиляром пригласили активисты из Нинильчика — поколение полу-носителей, слышавших в детстве, как поколение бабушек и отчасти родителей говорили между собой на русском, — приехать и записать «их слова». Так начался проект Словаря русского языка деревни Нинильчик.

Это было не осознанное нами, заказанное, но правильное решение — собрать лексику, причем именно именную лексику, которая отражает специфику мира окружающего сообщества. Как мы упоминали потом в публикациях, основой для элицитации именной лексики служил словарь языка денаина Джима Кари (Kari 1994). Мы действовали в соответствии с методиками полевых лингвистов: так как Нинильчик — поселение пенсионеров Российско-американской компании, образованное в 1847 году, — находилось на землях атабаскского племени денаина, мы ожидали а) заимствований из этого языка и б) картины окружающего мира, отраженной в лексике. Наши ожидания были связаны с подкованностью в лингвистике, которую в наше время принято называть «внутренней» (чтобы избежать привязки к дескриптивной, структуралистской, функциональной или генеративистской парадигме). Эти ожидания были обмануты. Заимствований из денаина было ровно два слова на тысячу собранных имен существительных (и еще два — на тот момент — из языка алютик). А картина мира, встававшая за этим словарем была типично русская — деревенская, слегка сдобренная охотничьим и лососевым промыслом. Это и побудило нас заняться, так сказать, «внешней лингвистикой», то есть контекстами существования языка во времени, пространстве и социуме. Ни одна из сфер социогуманитарного знания не оказалась лишней. Пришлось стать немногим историками и антропологами, чуточку социологами, политологами и экономистами. Да что там — специалистами в области экологии лососевых рыб и популяций лося! Лишь чуть-чуть мы продвинулись в архивном деле, совсем немного — в области алеутских и эскимосских языков. Неудивительно, что наш проект, учитывая и привходящие обстоятельства, растянулся на 25 лет (NRD 2017–2019). И все это время мы делали доклады и писали про Аляскинский русский вместе с Юбиларом. Поэтому мне трудно удивить его какими-то новыми находками. Однако последние 4 года нам помогают студенты, расшифровывающие устные записи и найденные нами в 2019–2021 годах письменные свидетельства существования Аляскинского русского. Благодаря нашим студентам из МГУ и ВШЭ удалось сильно пополнить корпус расшифрованных интервью и рукописных источников, а также качественных звуковых записей. Нет-нет, да и совершаются локальные маленькие открытия.

Ниже я расскажу о двух словах и словечках, представляющих несомненный интерес, но не получивших достаточного внимания в наших публикациях. Они не образуют класс явлений, а интересны сами по себе, в частности, тем, что были обнаружены случайно и не сразу опознаны как нечто новое и неожиданное. «Интерактивность» их описаниям придают аллюзии к событиям из жизни Юбиляра или к семейным нарративам, которые, фактически, по прошествии лет ничем не отличаются от событий, поскольку последние также превращаются в нарративы.

Экзотические фрукты

Последнее по времени добавление в Словарь русского языка дер. Нинильчик — далее NRD (2017–2019) — это слово *kasába*. История его «появления» такова. В 1997 году на самом первом этапе работы в словаре появилось слово *Kasáman*. Это было имя собственное, кличка, которой почему-то дразнили в детстве одного из жителей Нинильчика Алика Осколкова (Alec Oskolkoff). Звуковой файл для этого слова нужно было перезаписать — это касалось многих единиц словаря, так как оцифровка исходных записей была произведена нашим соавтором с техническими ошибками. И в 2012 году мы занялись, в частности, перезаписью звуковых файлов для уже имеющихся в словаре статей. В феврале 2023 года при работе с уже «разрезанными» на слова звуковыми файлами выяснилось, что то, что я предложила нашей информантке Сельме Лиман произнести как *kasáman*, на самом деле отчетливо звучит как *kasába*, причем более чем один раз — см. звуковой файл <https://drive.google.com/file/d/1c2KKFK04qMGxEmDs6Dnn6nGac8trSmy2/view?usp=sharing>. Сельма не знала (или не помнила) кличку Алика Осколкова, значит она произнесла какое-то другое слово. Довольно быстро выяснилось, что это пришедшее из Турции обозначение круглой желтой дыни типа известной нам канталупы или еще более известной «колхозницы». Вот что можно найти о происхождении этой дыни и ее наименования на специальных сайтах: “Casaba melons are believed by experts to be native to Persia and have been cultivated for thousands of years. In the Early Ages, the melons were spread throughout Asia Minor and were also introduced into the rest of Asia and Europe, where they were consumed as a dessert variety. Casaba melons were brought to the United States in the late 19th century and were imported from Kasaba, Turkey, a city that inspired the melon’s commercial name” (https://www.specialtyproduce.com/produce/Casaba_Melon_1342.php). Я оставляю в стороне вопрос о персидском или турецком происхождении слова, так как для целей данной статьи важнее ответить на вопрос о том, что представляет собой произнесение этого слова Сельмой, одной из последних носительниц Нинильчикского варианта аляскинского русского (АР) — употребление слова, заимствованного из английского в АР и освоенного им в качестве единицы языка, или переключение кода. Последнее менее вероятно, так как слово было произнесено без перехода на английскую фонетику. Опора на способ произнесения представляется вполне достаточным основанием для такого вывода. Аналогичное противопоставление, причем на уровне минимальной пары, было засвидетельствовано нами ранее, когда наша информантка Бетти Портер на протяжении нескольких минут в спонтанной речи на АР произнесла для обозначения автомобиля сначала *utamabil’*, а потом — со стандартным американским произношением — *automobile*.

Данный случай иллюстрирует явления, хорошо известные тем, кто работает с исчезающими языками, подверженными высокой степени аттриции у немногочисленных носителей. А именно — индивидуальное варьирование, различия в данных, полученных с разницей в 5–10 лет, необходимость различения заимствований и переключения кодов. Но также это пример демонстрирует, что в первой трети XX века сельские жители захолустной деревни на Аляске (!), креолы, относимые американским государством к людям второго сорта, имели в своем лексиконе слово для деликатесного десерта — дыни, выращиваемой в Калифорнии и Мексике.

Возникнув в моем нарративе как объект лингвистического исследования, дыня связывает его с другим, семейным, нарративом. Это почти легенда, так как я знаю ее от Юбиляра, Юбиляр от своей мамы Антонины Ивановны Коваль, та — от своего мужа Александра Евгеньевича Кибрика, который будучи нарратором, выступал в мире истории в качестве главного протагониста — то ли актора, то ли пациента, то ли экспериенцера. И как во всякой легенде, или мифе, точность деталей не так важна. Но образ, движение, запах (дыни, конечно!).

Дело было так. А.Е. Кибрик, отец Юбиляра, юный, 20-летний возвращался со своей мамой Лидией Яковлевной Тимошенко из Крыма за рулем подаренной отцом «Победы». Где-то в Херсонской области среди степного бурьяна, на пыльной дороге они нагоняют арбу (от этого слова так и веет Ходжой Насреддином; наверное, там был и ишак, который эту арбу тянул, но, бедный, не попал в историю). Арба доверху набита круглыми желтыми дынями (есть ли у арбы верх? я представляю себе такую маленькую пирамиду Хеопса из желтых круглых кирпичей-дынь). «Сашка, купим дыню» — говорит Л.Я. Она выходит из машины, втягивает степной воздух, который пахнет ишаком и дынями и говорит: «А, чего там, берем всю арбу» (в смысле, все дыни, но без ишака и самого средства перемещения дынь). А.Е. тщательно распахивает дыни во все мыслимые и немыслимые места «Победы». Как повествует легенда, дыни катались по полу машины, попадая под педали тормоза и газа, а запах был немыслимо густ и прекрасен. Потом семья ела дыни до Нового года.

Экзотические части тела

Обозначения разных частей тела обязательно входят в самые первые словники, которые полевые лингвисты проверяют в каждом языке. В NRD были словарные статьи для лексем *pál'its* и *bal'shóy*. Почему мы не спросили *мизинец* и *указательный* — загадка, возможно объяснимая тем, что в исходном словнике, построенном на словаре лексики денаина Джима Кари, этих слов не было. А дальше нас подвело как раз то самое знание русского языка, которое неизменно помогало во всех других ситуациях. Ведь всем известно,

что первый палец на руке называется «большой палец». И только в 2019 году, случайно, при проведении опроса по видовым глагольным противопоставлениям, а вовсе не элицитации лексики, в речи Сельмы всплывает *ya swoy kudúk atrézala*, что, как выясняется, обозначает ‘я порезала большой палец’.

Таким образом к тринадцати¹ уже имевшимся заимствованиям из эскимосского языка аляутик (AL) добавилось и четырнадцатое — *kudúk* ‘большой палец’.

И когда Сельма произнесла эту свою фразу про «отрезанный» (= порезанный) большой палец, само это «неправильное» с точки зрения современного русского языка употребление глагола *отрезать*, заставило меня и Юбиляра вспомнить одно и то же. Ну то есть Юбиляр вспомнил само событие, а я нарратив, слышанный не один раз. Но разве воспоминание о событии не есть тот же нарратив, в котором человек вспоминающий нечто, выступает в качестве Адресата нарратива, в то время как нарратором является нейронная сеть, называемая нашим сознанием?

Сама же история о том, как будучи еще школьником, но уже серьезно увлекаясь фотографией (увлечение, пронесенное, как говорится, сквозь года), Юбиляр очень сильно повредил большой палец. Практически отрезал от него кусок, когда в руках разбилась банка с проявителем для пленки. Антонина Ивановна крепко примотала отваливающийся кусок к пальцу, и он прирос. Правда, с тех пор у Юбиляра в этом месте шрам и утеряна чувствительность, что в свою очередь вызывает в памяти историю о том, как Юбиляра ужалил скат. Тоже в палец, только на ноге, и в Мексике. Чувствительность пропадала где-то на полгода. Было очень больно и довольно опасно, так как скат нам попался хоть и маленький, но весьма ядовитый. Вот здесь я уже могу употребить местоимение, указывающее на мое непосредственное участие в событии, а не просто знание нарратива о нем. Иными словами, я выступаю как в роли нарратора, так и одного из участников события. Думаю, что моя роль может быть обозначена как *Квази-пациент*, так как муки сопереживания позволяют на нее претендовать. А уж тревожилась, то есть — подвергалась опасному психологическому воздействию, приводившему к серьезным изменениям в сознании, я точно больше, чем сам Экспериментер, когда приехавшая мексиканская скорая помощь стала вдумчиво объяснять нам, что сейчас будет происходить с Юбиляром — спутанность и потеря сознания, кома и прочее — если только они немедленно не сделают чудодейственный укол. Все это, и последовавшая за этим часть повествования прекрасно укладываются в функции и сюжеты Владимира Проппа (1928). После того, как *Герой* подвергся *Опасности* и выкарабкался из нее с помощью *Друга*, он отправил-

¹ Про два из AL заимствований еще не все ясно. Это слова *pag'ilk'i* — ‘driftwood’ предп. из AL *pug'iláq* и *kál'uk* ‘chamber pot, honey bucket’ предп. из AL *qaaluq*.

ся совершать *Подвиг*. Подвиг состоял в том, что несмотря на все, включая связанную ногу, Юбиляр в тот же день провел очередную лекцию из своего цикла лекций по референции в дискурсе. А весь университет к тому времени уже знал о том, какой опасности он подвергался и как мужественно ее преодолел. Не помню, есть ли функция *Молва* в репертуаре Проппа, но она играет важную роль в этом нарративе, не говоря уже о современном информационном пространстве.

Ну а возвращаясь к обозначениям частей тела в Нинильчике, можно еще добавить, что из всего трех этимологически непонятных нам слов АР два обозначают части тела: *kámka* ‘пенис’ и *n’úshk’i* ‘женская грудь’. Третье слово — *makúla* ‘домашняя брага’. Что-то в этих местных инновациях, созданных в Нинильчике, есть домотканое, так и веет детско-подростковым сленгом. Как известно, именно подростками прибавляется язык. Вдобавок, дошедший до нас словарь АР вообще содержит довольно много слов, коллокаций, шуток и прибауток из детско-подросткового языка. Ведь именно тогда — и почти никогда позже — наши информанты пользовались им как основным средством коммуникации.

Вместо заключения: о пользе спонтанного дискурса и сложностях русского вида

К числу неожиданных находок необходимо отнести еще два заимствования из аляутика. В АР это своего рода грамматические показатели совершаемости — *gón’ay* ‘всегда’ и *awáy* ‘уже’. Единственные заимствованные имена. Получить их в результате элицитации можно было только случайно. Они нашлись далеко не сразу — только в материалах экспедиции 2017 года. И это как раз не неожиданность. Наши информанты постепенно обретали вкус к родному, но мало использовавшемуся языку. Зачем нужен спонтанный дискурс, если его некому адресовать. Но то, что казалось невозможным в 2012 году, к 2017-му стало реальностью. Сельма стала говорить с нами, а не просто «порождать предложения». Стала рассказывать пусть короткие, но истории на АР. И вот тут-то и выплыли эти два слова: *Ya awáy ad’ihál* — ‘I have already rested’; *On gón’ay na láydu id’ót* — ‘He is always going to the beach’. Как мне представляется, не в силах переварить тонкости видовых противопоставлений русского глагола, аляскинский русский двинулся в сторону аналитического способа передачи перфектива (*awáy*) и репетитива/итератива (*gón’ay*).

Нам еще не до конца ясны контексты употреблений этих маркеров. И я хочу пожелать Юбиляру, чтобы для наших исследований на Аляске более актуальным была бы совершаемость *gón’ay*, нежели *awáy*. И не только для Аляски!

Л и т е р а т у р а

- NRD 2017–2019. Bergelson M., Kibrik A., Leman W., Raskladkina M. 2017. *Dictionary of Niničik Russian*. Anchorage, Minuteman Press. 148 p. — см. также интерактивную версию 2019 года — <https://iling-ran.ru/circumpolar/library/ninilchikdictionary/lexicon/index.htm>.
- Kari, James. 1994. *Dictionary of the Dena'ina Athabaskan language. Vol. 1: Topical vocabulary*. Fairbanks, AK: ANLC. Ms. 333 pp.
- Пропп В.Я. 1928. *Морфология сказки*. Л.: Academia.

ЛЕТОПИСЬ ЛЫЖНОГО ПОХОДА (ЯНВАРЬ-ФЕВРАЛЬ 1982 Г. КАРГОПОЛЬСКИЙ Р-Н АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛ.)

В.Б. Борщев

0. Примечание при наборе, ноябрь 2013 г.

Я вел эту «летопись» более 30 лет тому назад. Вернувшись из похода, почти сразу напечатал ее на машинке, компьютеров тогда в обиходе не было. Раздал экземпляры («Эрика берет четыре копии...») участникам похода. И вот недавно, разбирая бумаги, наткнулся на эту машинопись и только что набрал текст на компьютере и добавил несколько сносок (они помечены 2013 г.)

1. Документ

СССР

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Москва, 117234, Ленинские горы

Тел 139-55-96

27 января 1982 г. № 27 ф

УДОСТОВЕРЕНИЕ

выдано доктору филологических наук Кибрику Александру Евгеньевичу в том, что он является начальником группы сотрудников и студентов филологического факультета МГУ, проходящей по лыжному туристическому маршруту Каргопольского района Архангельской области с 29 января по 7 февраля 1982 года.

Деканат филологического факультета просит оказывать группе содействие в обеспечении ночлегом и транспортом.

Декан филологического ф-та
Профессор
Подпись

И.Ф. Волков

Печать

2. Замысел, состав, подготовка

В удостоверении почти все верно. И начальник назван — естественно, Кибрик¹. А вот студент в группе только один — Тенька² (Кибрик Андрей Александрович). Из-за него, главным образом, и поход был затеян. И ему очень хотелось, и Кибрик хотел сводить его в поход.

Остальные участники:

Лена Саввина — действительно работает в Лаборатории у Кибрика на филфаке (хотя и не преподает).

Мира Бергельсон — хотела бы работать на филфаке, да не берут.

Максим Хомяков — довольно давно кончил МГУ, правда, не филфак.

Я — никогда в МГУ не учился и не преподавал, разве что много лет назад прочитал вместо Шрейдера несколько лекций на ОСИПЛе.

Но в общем и целом удостоверение правду говорит. Действительно — лыжный поход. И действительно — в Каргопольский район Архангельской области. И даты правильные.

Идея похода родилась еще в экспедиции³ (четверо из шести участников — все, кроме Максима и Лены — были в экспедиции). Максим, Кибрик и Лена много раз ходили в лыжные походы. Мира, Тенька и я — в первый раз.

Было два подготовительных собрания. Обсуждались — маршрут, экипировка, закупки и т. д.

Маршрут — район Каргополя был выбран сразу. Кибрик с Максимом там уже были лет пятнадцать назад.

Карты — когда они в прошлый раз ходили, у них была очень хорошая карта. Но за эти годы она куда-то делась. Карты, которые продаются, — почти без подробностей. В конце концов удалось достать приличную карту. У нее один недостаток — старая. Половина обозначенных на ней деревень уже не существует — вымерли.

Снаряжение. Обсуждалось, какие лыжи и крепления лучше — нормальные лыжи с жесткими креплениями или широкие — с полужесткими. В результате Максим с Леной пошли «по второму варианту», а остальные — на нормальных лыжах. Важная вещь — чуни (брезентовые мешки, надеваемые на ботинок и завязывающиеся под коленкой — чтобы снег не попадал в ботинок). Кибрик достал брезент и Лена сшила для всех.

Валенки. В Москве я не очень понимал, зачем они нужны. А в походе, стоит прийти, как сразу лезешь в валенки. Может, и без них можно жить

¹ (2013) Иногда в тексте — Санька или начальник.

² (2013) Тенька — детское имя Ади. Я привык к этому имени и так он фигурирует в моей летописи.

³ (2013). Экспедиция 1981 г. в Анди, Дагестан.

(без чуней нельзя), но очень плохо — ботинки всегда чуть влажные, в них тесно и вообще не слишком удобно ходить, а валенках — рай.

Продукты. Сало, грудинка, корейка. Пара банок тушенки фабричной и домашняя — Лена делает. Она же запекает мясо. Масло. Сахар. Крупы, макароны. Сгущенка. Сухари каждый сушит — по полторы буханки черного хлеба. Чай, кофе, какао. Лимоны. Пожалуй, все. Да, в НЗ — пол литра спирту и шесть плиток шоколаду. Спирт — на всякий случай для растирания (конечно, выпили весь так). Для чая я беру литровый термос.

Распределение ролей:

Кибрик — понятно, начальник. Руководство далеко не только общее. Вникает во все. Куда идем, когда встаем, какую кашу и как варить.

Тенька — фотограф и певец — увы, в этом походе без гитары.

Лена — завхоз и повар (вместе с Мирой) и министр финансов.

Мира — хранитель аптечки.

Максим — ремонтная мастерская и, как потом выяснилось, главный лекарь. Лечит все и всех. Предпочитает девочек. Певец, художник (в этом походе не проявившийся).

Я — летописец, хранитель спирта и, конечно, заварщик чая.

Уже в походе выяснилось, что дети — Мира с Тенькой — незаменимы по public relations. Они быстро договаривались о ночлеге, могли извлечь продавщицу из дому и привести ее в магазин, найти молоко, договориться в вагоне о местах и т. д. и т. п.

3. Дорога

28/І — 29/І. Встречаемся на вокзале. Поезд отправляется в 21.40. Минут за 20 до этого в сборе все, кроме Кибриков. Они появляются минут за пять до отхода поезда. Нинон их провожает. Прощаемся с ней. Поезд трогается. Устраиваемся. Меняем два своих «купейных» места на два боковых — теперь у нас целое «купе».

Около десяти утра. Едем. Только что позавтракали. В 11.30 должны быть в Няндоме. Говорят, что через 15 минут автобус на Каргополь.

4. Няндомы — Каргополь — Лядины

29/І. В Няндому приехали вовремя. Сходим с поезда. Солнечное морозное утро. Почти сразу же на автобус. Ждали не больше получаса. Автобус идет быстро, дорога прекрасная, ее чистят — мы встретили бульдозер и еще какую-то снегоуборочную машину.

Прошлись по городу, поглазели на соборы, Кибрик заглядывал в бумажку и называл нам название каждого собора и век. В одном из соборов прини-

мали посуду и это было одно из самых бойких мест в городе. Со всех сторон посуду тащили в руках или везли ее на санках.

Осмотрели город, зашли в сувенирный киоск, накупили глиняных игрушек. И мимо почты (телеграммы домой) на автобусную остановку. В 17.15 автобус в Лядины. Это деревня километрах в 40 от Каргополя. Там деревянная церковь. Решили там ночевать, а уж оттуда на лыжах. Намечена первая цель — Труфаново, на берегу Лекшмозера. Вначале пойдем по Пудожскому тракту — километров 10, а потом на север, тоже по дороге.

Перед отъездом зашли в магазин, купили бутылку болгарского вина для глинтвейна. Едем около часа. Лядины. Обходим несколько домов. Наконец пускают. Хозяева — старики, Петр Никифорович и Клавдия Михайловна, симпатичные.

Хозяева усаживают нас за стол, сами они уже поужинали и смотрят телевизор, обсуждают похороны Сулова. Советуют и нам посмотреть — будет повторение в программе «Время». Телевизор — страшная вещь. Хозяин о жизни своей, о войне (он всю войну прошел) рассуждает здраво и трезво. Но стоит ему переключиться на что-нибудь «телевизионное» — бессвязный поток чужих слов.

За этот день я понял, зачем нужны валенки. Мороз был — чуть больше 20°. В ботиночках бы мы попрыгали. А в валенках — благодать.

Спать нас уложили с комфортом — девочек на кроватях, Тенька захотел на печке спать, а мы втроем — на полу. Но нам дали и матрацы, и подушки. Поэтому даже Кибриков храп спать не мешал.

30/1. День первый. Выспались прекрасно. Подъем был в шесть. Дети — Мира и Тенька — бегали обтираться снегом на мороз в 25⁰. Позавтракали. Только начали собираться, как начались мелкие неприятности. Вначале выяснилось, что у Теньки не хватает одной дужки, видимо в автобусе или еще где-нибудь потерял. У меня была запасная, но пришлось переставлять крючок. Это заняло с полчаса. Стали надевать рюкзаки, но тут уже у Максима порвался ремень на креплении. Еще минут двадцать ждать.

Наконец вышли — в половине одиннадцатого. Идем по тракту на Пудож. До поворота на Труфаново, по словам хозяина километров 11-12. Первые пять километров по тракту идти не трудно, но немножко скучно. Рюкзак, конечно, тянет. На привале Кибрик достает сухари и грудинку. Едим. Идем снова километра четыре. Привал. Разъедаем лимон — очень душевно. Едет какой-то грузовик. Спрашиваем, сколько до поворота на Труфаново. Говорит — километров шесть. Это сильно больше, чем мы думали. Идем, идем — поворота нет. Была, правда, лыжня в нужном направлении, но Кибрик убедил нас, что это не то.

После лыжни мы прошли километра два и остановились на привал. Этот привал самый желанный — чай пьем. Едет мимо машина — спрашиваем, да-

леко ли до поворота. Говорят — вы уже прошли, там сзади лыжня была. Вздыхаем — и решаем не возвращаться, а идти дальше по тракту на Орлово, так как на Труфаново дорога похуже, чем по тракту и идти километров 10, да еще возвращаться два километра. А уже довольно поздно, вышли-то мы не с самого утра. До Орлова километров 7 (потом оказалось 10) и по тракту, идти легко. Хотя последние километры уже и не очень — рюкзак тянет все сильнее и сильнее, плечи и спину ломит слегка.

И вот Орлово. На подходе вид на Лекшмозеро. Озеро большое, Труфаново на одной стороне, а Орлово на другой. Орлово — большая деревня, точнее — она состоит из нескольких хуторов или деревенок, между хуторами-деревеньками — по полкилометра. Ищем дом. Кибрик находит один, но там пьяный хозяин, не слишком симпатичный. Оставляем там Теньку с Максимом. Кибрик ищет другой дом, а я с девками иду в магазин. Покупаем портвейн — массы жаждут глинтвейн, кабачковую икру, хлеб. Встречаем Кибрика, который пока ничего не нашел. Обходим еще несколько домов и наконец находим дом, куда согласны пустить. Хозяева помоложе вчерашних и дом поменьше.

Возвращаемся за вещами к дому того пьяного. Встречаем какую-то бабу, которая спрашивает, не ночевали ли мы в Лядинах. Оказывается, это родственница наших вчерашних хозяев. Те звонили, пытаясь найти нас в Труфаново. Дело в том, что вчера Лена взяла один свой валенок, а другой — хозяйкин. И тот сильно больше, а на хозяйку ленин, естественно, не налез. Решаем вначале устроиться, а потом уже заняться операцией по обмену. Приходим, раздеваемся, пьем чай. И вот — успехи цивилизации, тут тоже есть телефон. Проводятся переговоры и хозяйский валенок с шофером автобуса едет в Лядины, хозяйка его встретит. А утром с другим автобусом приедет ленин валенок. Идея блестящая, посмотрим только, приедет ли завтра ленин валенок.

Другие происшествия — у меня и у Теньки по дороге оборвались ремешки на клапанах рюкзаков (у меня — заклепки с мясом вылетели), а Санька уже в деревне отломал сантиметров двадцать лыжи, к счастью — от задника. Мира и Санька стерли ноги, Мира довольно сильно.

Разговариваем с хозяевами, выясняем, что к северу от озера, куда мы собирались идти, несколько деревень, обозначенных на нашей карте, вымерло. Можно сделать лишь один переход до самой северной точки озера — деревня тоже называется Лекшмозеро. А дальше до ближайшего обитаемого места — минимум 20 км. А по бездорожью нам столько за день не пройти. Так что решаем возвращаться по тракту назад до Печникова (это между Лядинами и Каргополем) и оттуда пороть на север. Это как-то не очень эстетично, зачем же тогда мы перли по этому тракту? Но другого выхода у нас нет. Да и гово-

рят, что та дорога интереснее. Ужинаем. Идет ремонт рюкзаков и ног — Максим лечит Миру и Саньку мумием, делает перевязки. Устраиваемся на ночь — на диване, на полу, на полатах.

Ну что же. Первый день прошел успешно. Начали. Приспособились к делу, что ли. Главный итог — видно, что можем. Завтра, наверное, будет труднее, но и задача наша завтра проще, всего километров 12 пройти.

31/1. День второй. Проспали. Собирались встать в шесть, а проснулись в восемь. И то только потому, что зазвонил телефон, нам сказали, что валенок выехал. Но к автобусу таки опоздали. Это не страшно — нам именно на нем в Печниково ехать, когда он обратно пойдет, важно тогда не опоздать, а то больше сегодня автобусов не будет. Срочно собираемся. Кипятим чай, умываемся, набиваем рюкзаки, жуем на ходу и выскакиваем. И как раз автобус подходит. Садимся. Валенки у шофера, все в порядке.

Да, утром, когда даем хозяйке пачку чая — слона, говорим спасибо, не успеваем спросить про деньги — она сама «намекает»: «Что спасибо, заплатить надо». — «Конечно, конечно» — говорит Лена. «Сколько Вам — три или пять?» — «Сколько дадите». И Лена дает три. Это в первый и в последний раз нам говорят про деньги. У первых хозяев мы, посоветовавшись, решили спросить и они отказались. Мы им подарили слона — наша основная валюта — и еще что-то.

Едем в Печниково. По дороге Кибрик расспрашивает шофера, где нам лучше сходить. Нам нужно на Красную Лягу — там церковь, а потом — на Кучепалду. Всего, как я уже писал, километров 12. После вчерашних подвигов — это как раз нам по зубам.

В два этапа — 6 км — идем до Красной Ляги. Домов уже не осталось ни одного. Только несколько срубов без крыш стоит. И церковь в стороне. Подходим к ней. Она старая — 1653 г. Практически вся церковь — восьмерик и на нем шатер. И к восьмерику пристроено крыльцо с одной стороны и алтарь с другой.

Осмотрев церковь, идем в лес и делаем там главный привал — сухари с салом, чай. Снова идем 3 км, привал и последние 3 км. Вот и Кучепалда. Кибрик заходит в один дом. Там бабка и одна протопленная комната. Начальнику это не очень нравится и он идет искать что-нибудь получше. Обходит всю деревню и ничего не находит. Возвращается и мы идем к бабке.

Обедаем. Чай, суп, гречневая каша, снова чай. Все с перерывами, несколько замедленно. Вечером Тенька с Мирой сбежали к продавщице домой — магазин-то в воскресенье закрыт — и уговорили ее открыть заведение. В магазине купили две бутылки бормотухи (молдавского портвейна, того же, что и вчера) — с намерением сварить глинтвейн. А также меду и иголок — почти все иглы накануне переломали, когда рюкзаки чинили.

Вечером опять ремонт. Максим чинит Санькину лыжу — ставит сверху шину и потом бандаж из консервной банки. А Тенька пришивает ремешок к клапану моего рюкзака. Только собрались пировать, как вдруг выключили свет. Даже бормотуха не успела закипеть. Что делать — ужинаем в темноте. Хорошо — тушенка уже разогрелась. Пьем «глинтвейн», закусываем тушенкой и бабкиными грибами. Пьем чай. Начальник велит спать. Лена его подерживает. Тенька и Мира выторговывают одну песню. На одной, конечно, дело не кончается, но слаженности как-то нет.

Ложимся спать.

1/II. День третий

...

6/II. День последний. Подъем был около шести. Умывание снегом и зарядка в темноте. Завтрак, сборы — и на автобус. В восемь — на остановке. Точное время прихода автобуса неизвестно — как обернется. Сидим минут двадцать. Приходит автобус, едем.

Приезжаем в Плесецк. Сразу же покупаем билеты. Есть только плацкартные и, увы, без мест. У нас масса времени и мы слоняемся по городу.

Обходим все магазины. Самое сильное впечатление производит винный. Толпа человек сорок. Открывают. Штурм. Покупаем на последний вечер бутылку старки и бутылку вина по Тенькиному заказу. Возвращаемся на вокзал.

Время. Садимся. Вагон почти пустой, но много народу садится, у всех на билетах места, а у нас нет. Кое-как устраиваемся, но плохо. Наши квартирмейстеры бегают к бригадиру и нам обещают вечером в соседнем вагоне отдельное «купе». А пока, выжив пассажиров, пируем. После старки и вина публика требует остатки спирта. И его выпиваем.

Как раз приходит время переселяться. Перетаскиваем вещи в соседний вагон. Укладываемся и спим.

7/II. Последнее утро. Я просыпаюсь в семь, раньше всех. Встаю, иду в сортир. Ужас. Там можно только летать. На полу лужа. Раковина полна. И из нее при каждом мотании вагона хлещет вода.

Все встают. Завтракаем, собираемся. Поход окончен.

В следующем году — в следующем походе!

Расширенная версия этой статьи находится по ссылке:

ДВОЙНАЯ СПИРАЛЬ

И.А. Секерина

ias052@optonline.net

Если бы мне в 1984 году сказали, что я буду профессионально заниматься психолингвистикой, то я бы очень удивилась. Это был год, когда я закончила отделение структурной и прикладной лингвистики (ОСиПЛ) филологического факультета МГУ, на которое я поступила в 1979 г. У нас был спецкурс под названием «Психолингвистика», и темой этого курса было работа с текстами разных авторов на предмет исследования их индивидуально-стиля. Ни о каких компьютерах, а тем более экспериментах, речи и быть не могло. Мне это было совсем не интересно, и я легко забыла о существовании психолингвистики на следующие пять лет.

Наш ОСиПловский курс (1979–1984 гг.) был разбит на три языковые группы — французскую, немецкую и экзотическую китайскую. Я была во французской, и по странной иронии судьбы в ней и в китайской группе были одни девушки, а все молодые люди оказались в немецкой. Среди них был и совсем юный 16-летний Андрей (Адя) Кибрик. С того далёкого 1979 г. прошло уже более 40 лет, и моя научная карьера и личная жизнь оказались тесно переплетены с карьерой и личной жизнью Ади и его семьи, включая его родителей, в первую очередь отца, Александра Евгеньевича Кибрика — такая вот двойная спираль.

Первый виток спирали начался с учебы на ОСиПЛе. Классический ОСиПЛ 1980-х гг. славился репутацией поставщика диссидентов, так как многие его выпускники, среди которых самыми знаменитыми были Игорь Мельчук и Александр Жолковский, основатели лингвистической модели *Смысл ↔ Текст*, уехали на Запад. Следуя этой замечательной традиции, осенью 1989 г. я успешно подала документы в четыре американских университета и через год начала учиться в аспирантуре программы по лингвистике Городского университета Нью-Йорка (City University of New York, CUNY). Адя к этому времени уже закончил аспирантуру в Институте языкознания и опубликовал свои первые работы по анафоре и референциальности, среди которых была и глава под названием «*Механизмы устранения референциального конфликта*» (Кибрик 1987), к которой я вернусь ниже.

На **второй виток** спирали мы вышли спустя 10 лет, когда встретились в 1994 г. Мне в это время как раз надо было решать, что выбрать темой диссертации. Было ощущение волнения, и мне казалось, что я стою на пороге чего-то совершенно нового и неизведанного. В формальной психолингвистике наступил решающий момент выхода за пределы изучения английского языка и ее распространения на другие языки. Формальной же психолингвистики русского языка не существовало, и ее создание открывало отличные возможности для профессионального роста и интересной карьеры. Я приехала в Москву для того, чтобы начать собирать русские данные для своего первого диссертационного эксперимента. Александр Евгеньевич Кибрик без колебаний предложил мне делать это на кафедре и разрешил агитировать среди студентов ОСиПЛа, чтобы привлечь их к участию в эксперименте в качестве испытуемых.

У Ади и Миры к тому времени уже были дочери, Нюся и Лиля, а я приехала в Москву с двухлетним сыном Тимофеем. Мы пошли гулять вокруг какого-то пруда на окраине Москвы, который был полностью затянут зеленой ряской. Мира и девочки шли по одной стороне пруда, а Адя, я и Тимошка по другой. Увлеченные разговором об экспериментальных планах, мы и не заметили, что Тимошка не был пристёгнут в прогулочной коляске. Решив, что ряска представляет из себя отличную зеленую поляну для забега, он выпрыгнул из коляски и тут же ушёл с головой под воду. Наши с Адей совместные

Фото 1. Адя, мой сын Тимошка и я в 1994 г.

решительные действия завершились прыжком в воду и вытаскиванием зелёного от ряски и страха Тимошки из-под воды, в результате чего Нюся и Лиля немедленно окрестили его Буратино, прозвище, навеянное все еще очень популярным в то время советским фильмом «Приключения Буратино» (1975), в котором непотопляемый деревянный человечек медленно плывёт на большом листе кувшинки.

Третий виток в профессиональной спирали начался с середины 1990-х гг. и продолжался до 2010-х гг., когда началась работа над проектом, который мы с Адей и нашей московской коллегой-лингвистом Ириной Михайловной Кобозевой задумали в ту пору: собрать молодых лингвистов-славистов, как российских, так и американских, создать сборник, отражающий состояние современной западной лингвистики, и сделать это непременно на русском языке. Результатом нескольких лет кропотливой работы стала книга *«Фундаментальные направления современной американской лингвистики»* / *«Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления»*, первое издание которой вышло в 1997 году, второе в 2002, третье в 2006, и последнее в 2012 г. В ней я впервые попробовала свои силы как специалист по психолингвистике.

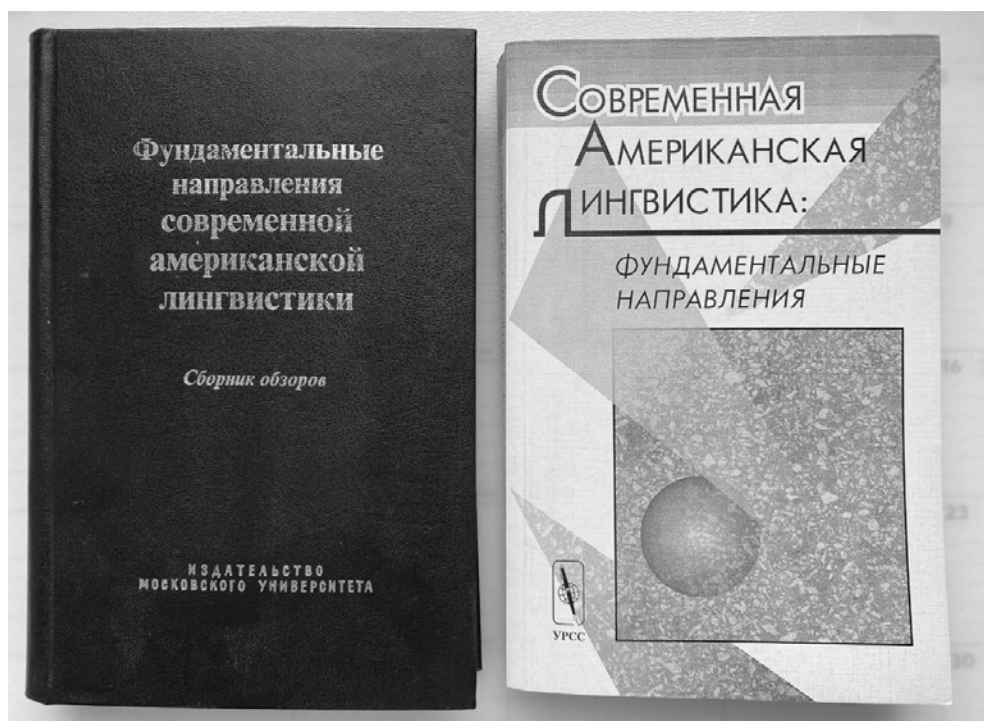

Фото 2а. Обложки первого и второго издания

тике, написав Главу 7 «Психолингвистика», а Адя (совместно с Владимиром Александровичем Плузгяном) Главу 9 «Функционализм». Огромное количество времени ушло на адаптацию английской терминологии на русский язык; так, например, мы долго возились с тем, как назвать по-русски «garden-path sentences», и в результате остановились на несколько неуклюжем, но с намеком на юмор термине «предложения заблуждения».

После окончания аспирантуры и защиты диссертации я получила позицию постдока в Институте по когнитивным исследованиям университета Пенсильвании в Филадельфии. Тут случился второй переломный момент в моей жизни и карьере (первый был переезд в США): я освоила и начала работать с новой по тому времени методикой записи движений глаз в *парадигме Визуального мира (the Visual World Paradigm)* (Федорова 2008; Sekerina 2014). Поиск относительно монолингвальных русскоговорящих испытуемых в Филадельфии в 2004 г. закончился полным провалом, и я прибегла к проверенному на диссертации методу, а именно, попросила Александра Евгеньевича снова помочь мне в организации сбора данных на кафедре ОТиПЛа, но уже с размещением аппарата по записи движений глаз прямо в его кабинете. Так начался **четвертый виток** моего общения не только с Адей, но и со всей семьей Кибриков. Несмотря на некоторые конфузы (в первый же день проведения эксперимента я умудрилась вышибить пробки в крыле на 9-ом этаже 1 Гуманитарного корпуса, между кафедрой и к. 949), сбор данных прошел очень успешно.

Мы отпраздновали это событие вместе с 41-м днем рождения Ади на старой даче, в компании всей семьи, Сандро Кодзасова, Веры Подлесской и других близких друзей. Моя 7-летняя дочь Кристина, которая была со мной в этой поездке, с большим любопытством в первый раз попробовала русский дачный шашлык, пожаренный на мангале, играла в прятки с Нюсей и Лилей среди гигантских лопухов в человеческий рост, и съездила на экскурсию в старинный городок Боровск. Как же мне было горько узнать, какая печальная участь постигла этот замечательный, душевный дом, который через несколько лет сгорел дотла.

Пятый виток, продолжающийся и по сей день, начался с середины 2010-х гг. Профессиональная карьера Ади динамично развивалась (он вскоре стал директором Института языкознания РАН), я получила титул полного профессора в 2014 г. К тому времени в наших семьях сложилась замечательная традиция — собираться на новой даче в Кратово, которая перешла Мире с Адей от родителей Миры. Чаще всего мы собираемся на день рождения Ади 18 июня в те годы, когда мне удастся приехать в Москву в начале лета. Иногда нам удастся встретиться и за границей. В течение последних 15 лет я каждое лето преподаю в Германии, и 10 лет назад мы с Адей встретились в Потсдаме. В Москве же встречи продолжаются регулярно, и летом, и зимой.

*Фото 2б. Семья Кибриков и их друзья на старой даче в 2004 г.
(Крайняя справа — Кристина).*

Фото 2в. Семья Кибриков на старой даче в 2004 г.

Фото 3а. Встреча Нового 2013 года

Фото 3б. Адя и я в парке Сан-Суси в Потсдаме, август 2013 г.

С профессиональной точки зрения Адя остается для меня непревзойденным знатоком по многим направлениям исследований русского языка. Мы вместе участвуем в международной конференции по когнитивной науке, проводящейся в России каждые 2 года, так как разделяем видение будущего науки о языке как органической части когнитивных наук. Я часто обращаюсь к Аде и Мире за консультациями по вопросам русского языка как языка наследия и корпусным исследованиям. С 2021 г. я с коллегами из Бразилии собираю и анализирую устную речь русскоговорящих пожилых людей из Сан-Паулу, которые являются потомками русских эмигрантов из Харбина (Китай). Адя, с его богатым опытом полевых исследований с потомками русских колонистов на Аляске (Bergelson et al. 2009), куда он несколько раз ездил на сбор данных, очень помог нашей команде своими консультациями. Я, со своей стороны, была очень рада узнать, что Адя со своей коллегой Ольгой Федоровой заинтересовался методом записи движений глаз и успешно воплотил в жизнь проект по русскому мультимодальному дискурсу (Федорова, Кибрик 2014).

А в конце рассказ о том, как я осенью 2022 г. «обнаружила» статью Ади (Кибрик 1987), ставшей неожиданным обоснованием моего экспериментального проекта по анафоре. В сентябре 2022 г. я приехала в Кёльнский университет по приглашению группы Петры Шумахер, ведущего специалиста по дискурсу в Германии. Мы решили вернуться к вопросу о, казалось бы, хорошо исследованному вопросу о факторах выбора антецедента для местоимения в русском языке. Обсуждая разницу между личными и указательными местоимениями в немецком языке, Петра Шумахер посоветовала мне поискать статьи на русском языке. Вот тут-то я и вышла на старый проект Ади 1980-х гг., посвященный референциальному конфликту, для разрешения которого в русском языке используется указательное местоимение *tot*. Прямо в стиле курса по диалектическому материализму, который мы с Адей и все наши однокурсники филфака МГУ честно изучали в начале 1980-х гг., нынешний виток наших отношений (2023 г.) вернулся к первому (1980 г., обучение на ОСиПЛе), но перешел в новое качество, согласно 2-му закону Гегеля. Теперь мы, сильно немолодые, но продолжающие активно работать в лингвистике в разных направлениях и в разных частях света, остаемся лучшими друзьями. Двойная спираль, по определению, никогда не кончается!

Литература

Bergelson M.B., Kibrik A.A., Leman W. 2009. *Ninilchik Russian: Language of an Alaska Village*. Raleigh: Lulu Press.

- Sekerina I.A. 2014. Visual World eye-tracking paradigm. In: P.J. Brooks and V. Kempe (Eds.), *Encyclopedia of Language Development*. London: SAGE, 657–658.
- Кибрик А.А. 1987. Глава 6. Механизмы устранения референциального конфликта. В кн.: А.Е. Кибрик и А.С. Нариньяни (ред.) *Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах*. М.: Наука, 128–145.
- Кибрик А.А., Кобозева И.М., Секерина И.А. (ред.) 2002. *Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления*. 2-е изд. М.: URSS.
- Кибрик А.А., Кобозева И.М., Секерина И.А. (ред.) 1997. *Фундаментальные направления современной американской лингвистики*. М.: Издательство Московского университета.
- Федорова О.В. 2008. Методика регистрации движений глаз «Визуальный мир»: шанс для сближения психолингвистических традиций. *Вопросы языкознания*, № 6, 98–120.
- Федорова О.В., Кибрик А.А. (ред.) 2014. *Мультимодальная коммуникация: теоретические и эмпирические аспекты*. М.: Буки Веди.

О РЕФЕРЕНЦИИ, МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ И НАВЕДЕНИИ МОСТОВ

М.В. Фаликман

maria.falikman@gmail.com

Я точно помню день, когда мы познакомились с Андреем Кибриком: это было ровно двадцать лет назад, 11 апреля 2003 года, когда на факультете психологии МГУ, где я тогда работала, собрались организаторы первой в России Интернет-конференции по когнитивной науке (нет-нет, никаких видеотехнологий, исключительно текстовое общение на форуме). Большинство участников той встречи я знала и раньше: разумеется, мы были давно знакомы с профессорами факультета психологии МГУ Т.В. Ахутиной и А.Н. Гусевым и уже успели познакомиться с профессором Казанского университета В.Д. Соловьевым. Но Андрея Александровича — автора доклада с самым, пожалуй, междисциплинарным названием «Референция и рабочая память: о взаимодействии лингвистики с психологией и когнитивной наукой» — я увидела впервые. На той же встрече было принято решение о проведении первой очной конференции по когнитивной науке в Казани. Конференцию в дальнейшем ждали Петербург, Москва, Томск и Калининград, Андрея Александровича — скорое присуждение учёной степени доктора наук, президентство в Межрегиональной ассоциации когнитивных исследований и пост директора Института языкознания РАН, а знакомство наше с тех пор не прерывалось. Вероятно, впоследствии этому способствовала и моя работа на кафедре теоретической и прикладной лингвистики МГУ, куда меня в 2011 году принял на работу Александр Евгеньевич Кибрик, и где Андрей Александрович преподавал и активно участвовал в жизни кафедры и всего отделения теоретической и прикладной лингвистики. Именно он совместно с О.В. Фёдоровой способствовал созданию первого в университете Центра когнитивных исследований на филологическом факультете МГУ. Мы стали пересекаться на заседаниях кафедры, на семинарах и конференциях, обсуждать студенческие дипломные работы, обнаруживая общие интересы. Но не менее важным кажется мне наше общее стремление наводить мосты между науками о человеческом познании и языке.

Я в то время много размышляла о формах и стратегиях междисциплинарного взаимодействия, и когнитивная модель референциального выбора А.А. Кибрика казалась мне потенциально плодотворной в плане по-настоящему междисциплинарных экспериментальных исследований. Согласно выдвинутой им гипотезе, которая впоследствии нашла отражение в монографии «Reference in Discourse», вышедшей в издательстве Оксфордского университета, выбор референта в ситуации референциального конфликта (допустим, «Карлсон увидел, что Малыш отвернулся. Он тайком взял ватрушку, потом ещё одну») определяется при прочих равных тем, какой из потенциальных референтов наиболее активирован в рабочей памяти. Рабочая память — конструкт не лингвистический, а чисто психологический, описывающий способность человека в течение короткого времени удерживать в голове информацию, требуемую для решения текущих задач, а также при необходимости преобразовывать эту информацию. Но если эта гипотеза верна, то можно разными способами влиять на степень активации референта в рабочей памяти и фиксировать эффекты референциального выбора. У когнитивных психологов есть две разновидности таких способов: влияние «снизу вверх», за счёт перцептивного выделения референта (например, его яркостных характеристик или особенностей шрифта, если речь идёт о зрительно предъявляемом тексте), и влияние «сверху вниз», например, за счёт одновременного контекста (так, активировать референт «Карлсон» можно посредством одновременного с ним предъявления на периферии поля зрения слова «пропеллер», которое может даже не осознаваться человеком, участвующим в эксперименте). Впрочем, собственная идея Андрея Александровича, которая заключалась в том, чтобы смоделировать различия в степени активации референта в рабочей памяти на искусственных нейронных сетях, на тот момент времени была новаторской и для российской лингвистики, и для когнитивной науки в целом.

В марте 2005 года Андрей Александрович выступил на Московском семинаре по когнитивной науке, который мы на протяжении пятнадцати лет организовывали с Е.В. Печенковой, с обзорной лекцией «Функционирование языка: когнитивный анализ дискурса», где свёл в общую картину такие требующие междисциплинарного подхода языковые явления, как референциальный выбор, выбор подлежащего и использование жестов, сопровождающих речь. Анализ жестов и русский мультимедийный дискурс с тех пор стали для него одной из центральных научных проблем. А Московский семинар по когнитивной науке оказался востребованной площадкой для междисциплинарных дискуссий, в развитие которой Андрей Александрович внёс ощутимый вклад, принимая деятельное участие в заседаниях семинара. В дальнейшем на базе семинара стараниями Е.В. Печенковой выросли регулярная междисциплинарная конференция стендовых докладов «Когнитивная

наука в Москве: новые исследования» и «Российский журнал когнитивной науки», причём Андрей Александрович вошёл как в программный комитет конференции, так и в редколлегию журнала.

Жизнь между тем подкидывала всё новые переплетения. Дочь Андрея Александровича Аня поступила на факультет психологии, и я даже вела у неё занятия по общей психологии, а потом наблюдала, как она превращается в профессионального детского нейропсихолога, тоже не чуждого междисциплинарных проблем. Позже мы с Аней вместе поучаствовали в переводе на русский язык книги современного классика эволюционной психологии Майкла Томаселло «Истоки человеческого общения», где затрагиваются, в числе прочего, проблемы эволюции языка. А в какой-то момент, ещё в первые годы знакомства, мы с семейством Кибриков даже породнились котами. Хорошо помню, как увозила котёнка за пазухой со станции метро «Спортивная», и рыжий полосатый кот из хорошей академической семьи, как его традиционно представляли гостям, прожил у моих родителей долгую кошачью жизнь.

Почти одновременно мы с Андреем Александровичем ступили на административную стезю: существенно более скромную в моём случае и ощутимо более напряжённую и требовательную в его. Насколько беспокойным хозяйством оказался Институт языкознания РАН, я почувствовала, когда Андрей Александрович пригласил меня поговорить о возможном сотрудничестве и взаимодействии вскоре после назначения его директором института. О каких конкретно формах сотрудничества мы разговаривали, сидя у него в кабинете, я уже не вспомню, но одна деталь прочно засела в голове: в какой-то момент он с ноткой отчаяния в голосе, но вместе с тем и со знанием дела заговорил о протекающей крыше института — и вот тут-то я осознала весь масштаб задачи, которая перед ним стояла. Очень радостно убеждаться вновь и вновь, что эта роль рулевого оказалась для него сподручной и открыла новые возможности как для института, так и для него самого. И здесь, на мой взгляд, особое значение приобретают междисциплинарные интересы Андрея Александровича, с которых я начала свою зарисовку. Когда у исследователя есть привычка смотреть на любую научную проблему, как локальную, так и максимально общую, с принципиально разных точек зрения, понимая, какие специалисты могли бы внести вклад в её решение и какие ещё аспекты можно выделить у этой проблемы, и есть умение наводить мосты даже между далеко отстоящими друг от друга дисциплинами, горизонты научного познания и сотрудничества существенно расширяются. И мне представляется, что у Института языкознания благодаря этому есть все шансы стать новым средоточием междисциплинарных исследований языка.

ЯРКИЙ И ВЕСЁЛЫЙ

Т.В. Черниговская

Андрей Кибрик — яркий и весёлый, прекрасный ученый (и гены не пропьешь...).

Мы с ним организовали несколько прекрасных конференций и удивительные Когнитивные форумы МАКИ. Когда сейчас вспоминаешь, кто там был, как и где мы собирались — не верится, что мы это смогли. Приглашенные нами лекторы были самыми известными в мире лингвистами, психологами, философами, нейробиологами... Часть из них — нобелевские лауреаты или номинанты на эту высшую в науке позицию. Конечно, они соглашались на участие из-за личных связей с нами, руководителями МАКИ. Все эти люди — друзья кого-то из нас, и Андрей — один из приглашавших.

Андрей — Президент МАКИ (раз в два года происходит их смена), и мы все строили когнитивную науку в России. Фотография — один из эпизодов: Калининград, у могилы И. Канта, очень характерное веселое настроение, рядом с нами — Терренс Дикон, крупнейший нейробиолог и Дэвид Чалмерс — известнейший философ. Все счастливы!

НА «БУРОВНЕ»

С.Г. Гаджиева

Не так уж просто вспоминать события полувековой давности, но я вот собралась написать кое-что о общей нашей с Адей и Нинусей жизни в детстве, в основном во время разных каникул — чтобы на этот раз таким вот способом поздравить Адечку с днём рождения, и не простым днём рождения, а шестидесятилетним юбилеем.

Какое мое воспоминание об Аде является первым, самым ранним, я не могу сказать. Нет в памяти такого дня, когда я его увидела в первый раз, он просто всегда был.

В совсем раннем детстве наша повседневная летняя путивльская жизнь текла мерно, без особенно ярких событий, и наверное поэтому о раннем детстве у меня не сохранилось каких-либо конкретных воспоминаний об Аде — вплоть до времени нашего житья на Буровне в лесу, где мы «были» индейцами. Дети — индейцами, а взрослые — бледнолицыми; впрочем, и среди индейцев был один взрослый — наш любимый Адик Паншин, друг дяди Ивы, возможно и его одноклассник, а позже — друг всей нашей семьи. Он жил в Липецке, а в отпуск приезжал в свой родной Путивль, где прошло его детство и где и дальше жили все его близкие.

Поэтому самые ранние воспоминания об Аде — это какие-то случаи, сцены, «кадры» — именно во время жизни на речке Буровне. У меня таких периодов лесной жизни «на Буровне» в бытность индейцами было два — когда мне было 6 лет и второй раз — в возрасте 10 лет, а значит это, скорее всего, были 1974 и 1978 годы.

Адя был вождем племени. У всех у нас были индейские имена — Черный орел, Красная стрела, Тигровая лилия, Великая маленькая пантера... Было заведено настоящее индейское хозяйство — жилище (типи) и его «обстановка», посуда и одежда. Сначала Адей была «проработана» литература о жизни индейцев, на каком-то этапе оформилась идея «быть» индейцами, жить жизнью индейцев и т. д. — постепенно всё сложилось во вполне реализуемый план. Тетя Нина поддерживала его во всем, помогала в осуществлении всего за-

мысла. Было собрано нужное количество шкур для жилища, подходящая посуда, сшита одежда индейцев... луки, стрелы и пр. Типи был установлен на достаточном расстоянии от палатки «бледнолицых», может быть метрах в ста, ближе к реке. Имена индейские у нас были уже с первого же индейского года, в первый раз (в 1974 г.) я лично довольно мало принимала участие в самой индейской жизни, во второй раз уже побольше, но с первого же раза запомнилось много услышанного и увиденного — разнообразные детали индейской жизни, рассказы о характере индейцев, об испытаниях ловкости и мужества и т. д. Из второго периода (т. е. 1978 г.) запомнилось, например, как пеклись пресные лепешки на костре, всплывают в памяти какие-то «страшные» рассказы о предстоящих переплываниях речки ночью... В лесу все приметные места получили свои названия — Голубая долина, Зеленая долина, Белая долина... помню, что создавались карты с разными обозначениями, которые нам давала тетя Нина и которые мы потом все вместе разгадывали, разыскивая что-то по этим картам. Жили мы так в лесу каждый раз не менее месяца, причем основное время проходило в прогулках по лесу, в сборе грибов, ягод и походах вдоль речки, плавании. Один раз, когда мы вдвоем с бабушкой (Матей¹) блуждали по лесу, собирая грибы, мы увидели лося, совсем недалеко от нас. Я прекрасно помню, как Матечка была поражена этим; меня это не так уж удивило — ведь почти каждый день происходило что-нибудь «впервые», мне было неполных 11 лет, тогда как-то всё так воспринималось — «ну лось так лось, пришла, значит, мне пора и лося в лесу увидеть», но запомнилось навсегда это удивление и восторг Матечки.

Добавлю только, что так уж вышло, что благодаря Адиному очень серьезному увлечению индейцами и всем-всем, с ними связанным, и тому, что тетя Нина взялась помочь ему осуществить всё задуманное (а ей, в свою очередь, помог Дяша² — в том, что зависело уже только от него) — у всех у нас, «индейцев», среди которых была и Нинуся, и мы с сестрой, Любой — сохранились яркие детские воспоминания об этой жизни в лесу.

* * *

Очень четко вспоминается в детстве приезд Ади к нам в Махачкалу, мы тогда жили в Узбек-городке³, Адя кажется был в какой-то из дагестанских экспедиций, а уже на пути назад ненадолго остановился у нас. Кроме того, были и приезды тети Нины и Дяши, Ади и Нины — всей семьей — оба раза

¹ Антониной Дмитриевной Коваль. Бабушку мы все, ее внуки, звали Матя.

² Дяшей мы с сестрой (Любой) называли дядю Сашу, Адино папу — Александра Евгеньевича.

³ Узбек-городок — микрорайон Махачкалы.

в марте, на весенние каникулы: первый раз — когда Нина и я были четвероклассницами (1978 г.) и второй — когда мы были уже семиклассницами (значит, это был 1981 год). В оба приезда тетя Нина брала с собой нас — всех четверых детей: Адю, Нину, меня и Любу — и мы совершали восхождение на Тарки-тау⁴. Не помню, оба ли раза мы поднялись на самый верх горы, на плато, но второй раз прекрасно это помню, как мы шли по плато и спускались по каменным глыбам, по такой своеобразной тропе вниз, перебираясь кое-как с камня на камень. Эта «тропа» — довольно экстремальный спуск для такой компании — если я правильно понимаю, находится напротив улицы 26 Бакинских комиссаров⁵. Наверху мы долго шли вдоль того края плато, который «обернут» к Махачкале, там отвесные скалы. Адя пугал нас всех тем, что лежал на самом краю и выкрикивал что-то вниз. Мы не подходили к краю близко и все вместе просили его тоже уйти оттуда.

Махачкала — далеко внизу, и с плато не просто видно море — оно занимает большую часть обзереваемого пространства, а город кажется узкой полосой у моря. Если бы не такой решительный и смелый шаг тети Нины — повести нас туда — то мы бы в школьном возрасте там и не побывали, потому что вся эта местность, особенно в те времена, считалась довольно заповедной территорией и редко кто туда ходил (я, по крайней мере, не слышала, чтобы кто-либо из наших родных и знакомых бывал на плато). Это вовсе не обычное направление прогулок для жителей Махачкалы; можно сказать, что тетя Нина нам проложила дорогу на плато Тарки-тау, и теперь мы ходим туда довольно часто. Когда мы смотрим на скалистый обрыв горы Тарки-тау, мы вспоминаем те наши давние походы в детстве с тетей Ниной, Адечкой и Нинусей.

* * *

Вспоминается, как Адя с Дяшей (Дяша с ним, точнее) летом в Путивле занимался латынью в галерее. В том её конце, который ближе к выходу в сад, вплотную к кладовке стояли кресла и стол, это и было их рабочее место во время занятий латынью.

Адя на четыре года старше меня (учился он на пять классов старше, потому что пошел сразу во второй класс), и сразу надо сказать, что в вопросах учебы и вообще всех занятий как-то всегда был для меня образцом, правда, недостижимым — скорее ориентиром. Просто общая атмосфера в семье была такая, что это у нас само собой разумелось.

⁴ Дяши с нами не было в походе. Скорее всего, он ходил в это время по работе в университет и в филиал Академии наук, где встречался с филологами, по работе.

⁵ Ныне — пр. М. Ярагского.

* * *

В Путивле, где мы всегда жили во время маминого отпуска и наших летних каникул, по устоявшемуся у нас распорядку дня в обычные дни, мы все, дети, после завтрака занимались музыкой по часу, по очереди, на пианино. У каждого из нас было задание по музыке на лето. Помню, как Адя прекрасно играл.

Гораздо более позднее воспоминание — о его игре на гитаре и пении; играть на гитаре он научился, по-моему, уже в студенческие годы, но может и в старших классах, помню, частенько, и в Москве, и в Путивле его просили спеть, он пел песни Высоцкого и других, аккомпанируя себе на гитаре.

* * *

В обычной нашей летней путивльской жизни некоторыми «событиями» были Адины походы на рыбалку. Адя часто договаривался со своим другом Димой, с Адиком Паншиным и его племянником Юрой, и они вместе ходили или ездили куда-то ловить рыбу, поэтому часто можно было слышать о выкапывании червей и, конечно, видеть, как это происходит...

Улов приносился домой, и в рассказах о рыбалке звучали названия рыб — плотва, окунь, сибиль, щука, пескари и т. д., одновременно с названиями рыболовных снастей — удочка, леска, поплавок, грузило, наживка — так, благодаря этому Адиному увлечению, и мы познакомились с рыбацкой лексикой. Насколько мне помнится, Адя чистил всю рыбу сам.

* * *

У Ади всегда была удивительная способность найти и привезти из своих далеких поездок каждому какой-то интересный подарок, меня всегда удивляло, какая у него изобретательность насчет подарков, каких-то совершенно неожиданных. Часто он даже не вручал нам их лично, а вернувшись в Москву из какого-то города или из какой-то страны, передавал нам через кого-то — в Махачкалу, в Загреб, в Горки. Я больше ни у кого из людей не встречала такого дара придумывать и выбирать людям каждому какой-то особенный подарок. Из его подарков мне сейчас вот вспоминается костяной нож в виде коня (для разрезания страниц); первоклассный ежедневник; но первый, запомнившийся и сохранившийся до сих пор подарок — это привезенный им из Болгарии, куда он ездил со своей школой, когда учился, кажется, в девятом классе — маленький деревянный болгарский мальчик с желтыми волосиками-нитками, открывающийся, а внутри — капсула с розовым маслом. Люба вспоминает, как Адя с Мирой однажды привезли ей с Аляски большие дере-

вянные ложки в виде лап медведя — для накладывания салата. Очень широка география этих подарков. Мы с мамой всегда поражались этому Адиному дару — каждому подобрать что-то с учетом его интересов и «слабостей», угадать, чему человек обрадуется; а с другой стороны, вообще удивляло, как это он успевает обо всех-всех вспомнить и каждому из нас что-то привезти, как из долгих, далеких поездок, так и из совсем коротких и близких.

* * *

Здесь я ограничусь воспоминаниями порой школьного детства, поскольку они очень греют душу, тем более сейчас, когда нашего старшего поколения уже нет здесь с нами.

Хотелось бы здесь все же вспомнить еще кое о чем, к чему мое внимание привлекла тетя Нина, заговорив однажды на эту тему. У нас в Путивле было много разных друзей семьи, прежде всего, Лисенька, затем Валерочка, Зикочка⁶ и другие. Тетя Нина как-то сказала мне, что Адя всегда пишет всем им, обязательно поздравляет их, например, с днями их рождений, с Новым годом — всем близким пожилым, старшим людям — друзьям, родственникам, что он очень обязателен и постоянен в этом. Я тоже помню, что и наша семья всегда неизменно получала весточку от него к Новому году, ко дням наших рождений, иногда из Москвы, иногда откуда-то издалека... и несмотря на стремительное, бурное течение жизни, он, непременно находил возможность написать, позвонить нашей маме всегда.

⁶ Лисенька — Лидия Федоровна Тверитинова (она жила в Путивле и была преподавателем русского языка и литературы в путивльском техникуме), Зикочка — Зинаида Ивановна Минакова (учитель русского языка и литературы в Конотопе), Валерочка — Валерия Евгеньевна Чеботарева (преподаватель латинского языка в Киевском университете). В моем детстве они все уже были на пенсии. Все они — ученицы, а позже — подруги нашей бабушки, а затем и всей нашей семьи: с юности, с поры их учебы так и завязалась эта дружба и потом сохранялась в течение всей жизни.

АДЯ, ШИФРЫ, ДВА ПЕРА

В.А. Колганов

I

*— Нет, это невыносимо! В таких условиях я никогда
не закончу статью! Завтра же бросаю этот душный,
невыносимый каменный город — и на озеро, в шале!
— Какая статья?! Какое шале?! Ты ассенизатор, Вася!
— Вот я и говорю: это невыносимо!*

Анекдот

Очень тяжело (невыносимо) писать о человеке, возраст на двоих с которым составляет 120 лет, а суммарный возраст дружбы — 110! Большой стаж только у родственников. Здесь приходится пытаться обнимать необъятное, что всегда является занятием бесперспективным. В результате кто-то обязательно страдает: или адресат или автор, или читатель. Поэтому, как сказал почти классик, «буду краток».

Иметь друга — большое счастье. Иметь в друзьях Адю — счастье в квадрате. С ним можно всегда поговорить, рассказать о своих намерениях, посвятить в тайные планы, разделить радость и горе.

Сохранить дружбу на всю жизнь бывает непросто: нелепые случаи, нехватка времени, заботы и многое другое могут расшатать дружеские отношения. С Адей у нас было всё, кроме ссор и недопонимания. Заслуга в этом только его!

Адя — это человек, в котором живет Бог!

* * *

Дорогой Адька!! Дружище мой авторитетный, амбициозный, вдумчивый, верный, внимательный, гибкий, доброжелательный, добрый, доступный, единственный, заботливый, ироничный, искренний, квалифицированный, лучший, любознательный, многогранный, молодой, мудрый, музыкальный, надежный, неравнодушный, организованный, остроумный, ответственный, открытый, подвижный, понимающий, последовательный, преданный, работоспособный,

радушный, разносторонний, рассудительный, решительный, серьезный, сомневающийся, сосредоточенный, сочувствующий, способный, талантливый, увлекающийся, улыбчивый, умелый, уравновешенный, утонченный, целеустремленный, энергичный.

А также настоящий индеец и шифровальщик.

Вот о последних двух ипостасях я и хочу тебе кратко напомнить.

II

Если ты, чувак, индеец, ты найдёшь себе оттяг.

Настоящему индейцу всегда везде ништяк.

Ф. Чистяков. Гр. «Ноль»

Самые яркие воспоминания — детские! Самые серьезные увлечения — оттуда же! Индейцы — не исключение. Настоящие вигвам, луки, стрелы, томагавки, мокасины, головные уборы, трубка мира — все сделано своими руками, уложено и ждет удивительного времени самостоятельной «индейской» жизни, полной забот и важных дел, вдали от бледнолицых. Все готово — и ничто не может помешать нам!

А помнишь, как все начиналось? Нет? Я напомню события того памятного «индейского» года (подсказку о том, какой это год, ты найдешь в тексте) выдержками из своего дневника.

Орфографию и пунктуацию я сохранил. Для аутентичности дневника прилагаю фотографию одного из разворотов из него.

30 марта

За последние 20 дней у нас произошло очень много событий.

Во-первых, мы ездили к Ковалям в Москву. Тетя Лида через Ковалей переправила сумку, а мы ее забирали. Почти всё время мы провели с Адей. Он мне дал очень много кожи (не заменителя, а настоящей кожи!), и мы выкроили мокасины. На следующий день папа принес суровые нитки, и мы начали шить всё индейское снаряжение.

Сначала мама сшила мне шапку (индейскую). У нас был старый берет, мы отпоролы у него низ, а верх мы прикрепили к коже, получилась прекрасная шапка. Потом мы сшили мокасины (пока один, т.к. на второй не хватило времени). Мне он очень понравился.

И, наконец, во-вторых, начались каникулы. <...>

3 апреля

<...> Ура, сшили второй мокасин! Я весь вечер ходил в них. <...>

6 апреля

⟨...⟩ На брюки мама пришила кожаную бахрому, на колени и в самом низу. Скорее бы лето ⟨...⟩

1 июня

Ура!! Я в Путивле! Вчера вечером я приехал на машине Ковалей, а сегодня мой первый день пребывания в Путивле.

⟨...⟩ Вечером тетя Лида пошла к Ковалям, а мы с Олей остались дома. Когда мы ехали в машине, Адя подарил мне штемпельную подушечку, и я вырезал себе печать. ⟨...⟩

Очень жду посылку, т.к. в ней находятся мои мокасины и головной убор.

2 июня

⟨...⟩. Часов в 10 мы мы с Олей ходили в магазин за молоком. В магазине был А.Е. (Александра Евгеньевич — Адин папа). Он хотел нас подвезти к дому, но мы отказались. ⟨...⟩

А вечером я с Ковальями ездил за Путивль. За Путивлем есть лог. Во время нашего путешествия в нем мы не встретили ни одного человека. С высоты он похож на гигантского осьминога с 10 ногами.

3 июня

⟨...⟩ Вечером мы с Адей ходили за Путивль на старое место. Там мы срезали сухую лиственницу для того, чтобы сделать индейскую зажигательную палочку. ⟨...⟩

4 июня

⟨...⟩ Вечером мы с Олей и тетей Лидой ходили к Ковалям поливать цветы (они уехали на Азовское море). ⟨...⟩

17 июня

⟨...⟩ Сегодня приехали Ковали. Они ездили на Азовское море и пробыли там 15 дней. Вчера они к нам заехали и привезли корзину прекрасной черешни. А вечером мы пошли к ним. Адя весь вечер рассказывал нам о поездке и пригласил нас на его день рождения. С моря он привез четыре орлиных пера. Думаем, что ими можно украсить наши шапки (индейские), хоть мы и не получили их за подвиги. ⟨...⟩

18 июня

Сегодня Аде исполнилось 12 лет, и он нас пригласил на день рождения к семи часам. Вот мы пришли. Адя еще спал, и мы немножко подождали,

а потом сели за стол. Тут и началось! (Скажу сразу, забегая вперед, что я... объелся). Еда была очень вкусная. После «ужина» был концерт.

Программа.

Адя «Вальс» Грибоедова

Нина «Сурок» Бетховена

Сценка на французском языке

Сценка в цирке (по песне Высоцкого)

После концерта слушали Высоцкого (песни).

Потом сели пить чай. Мне дали кекс и кусочек «наполеона». Потом все (кроме А.Е.) пошли на Никольскую горку. На горке мы жгли «бенгальские огни», бросали конфетти и пускали серпантин. Проверляли на прочность Адин томагавк.

Пришли домой мы в 12 часов.

19 июня

⟨...⟩ Вечером я и тетя Лида пошли к Ковалям. А.Е., Адина мама, Антонина Дмитриевна и тетя Лида (Лися, так ее зовут Ковали) пошли в кино на девять часов. Когда они ушли, мы с Адей слушали Высоцкого (единственная лента, которую мы слушаем, и которая нас забавляет) и выбирали рисунки для мокасин и шапок. ⟨...⟩

21 июня

⟨...⟩ Вечером мы пошли к Ковалям, и Адя мне дал амулет. Такие амулеты носят индейцы «на счастье». Может и он принесет мне счастье. ⟨...⟩

22 июня

Начал читать книгу Джона Теннера «Тридцать лет среди индейцев», которую мне вчера дал Адя.

А сегодня в 12 часов тетя Лида мне сказала: «Собирайся на речку!» Я быстро собрался, и мы пошли... к Ковалям. Оказывается, тетя Лида захотела взять с собой детей, чтобы мне было интересно. Итак, мы двинулись в путь. Кто мы? Тетя Лида, Адя, Нина, Соня, Люша (Люля), я. Ох, и интересно же было. Все мы ходили купаться в «лягушатник». И даже тетя Лида купалась там (она вообще не купается в людных местах, а тем более в воскресенье). В перерывах между купаниями мы читали книгу «Чудеса древней страны пирамид». Эта очень интересная книга немецкого писателя К. Опшеля о храмах и царях (фараонах), сфинксах и гробницах, пирамидах и мумиях. Затем снова пошли купаться на пляж. На пляже сделали помост. Наверное, для того, чтобы поставить вышку. С этого помоста мы и прыгали. Как только мы пришли, Лися сказала, что уже пора домой. И мы окунувшись еще раз

и приобретаю хорошее настроение, пошли домой. Сначала мы отвели всех детей, т.е. Соню, Адю, Нину и Люлю, а потом уже и сами пошли домой <...>.

В восемь часов я, тетя Лида, бабушка и тетя Надя пошли к Ковалям. Пока все отдыхали, мы с Адей разговаривали об индейцах и вигвамах.

Хорошо провел день!

23 июня

<...> Вот и сегодня <...> мы пошли к Ковалям, чтобы взять Адю и мне было интересно, а потом от них уж и на речку. Когда мы пришли, то Адя еще не обедал, и мы пошли одни. Спустя сорок минут Адя пришел, а я как раз дочитал книгу М. Нажина «Мой народ сиу» и отдал ее Аде, т.к. он ее еще не читал. <...>.

24 июня

<...> Как всегда читаю. Сейчас это «Маленькие дикари» Э.Сетон-Томпсона. А вечером ходил к Аде. Мы встретили Юру. Он только что приехал из Москвы, получилось так: мы приезжаем 2-го в Путивль, а он 2-го уезжает из Путивля в Москву. Разъехались. По случаю приезда мы выкурили трубку мира, которую для нас вырезал Саша Минаков. <...>

26 июня

<...> Сегодня сходили на фильм «Смерти индейца Джо». Это 2 серия фильма «Приключения Тома Сойера и Геккльберри Финна». В зале мы встретили Ковалей, т.е. Адю, Нину и Соню. Фильм всем понравился.

Вечером я поехал на велосипеде к Аде. Мы прошли 3 leçons по французскому языку, Адя дал мне вторую серию песни «Игра в шахматы» Высоцкого, и мы долго говорили о перьях в индейской шапке.

7 июля

Ставим сценарий об индейцах: на листе бумаги делаем вигвамы (игрушечные) схематично они выглядят так: <...>

Но надо же еще сделать выкройку. Её я взял из книги Э. Сэтон-Томпсона «Маленькие дикари». Немного изменив, мы получили следующую выкройку: <...>

Красиво раскрасив, мы клеивали.

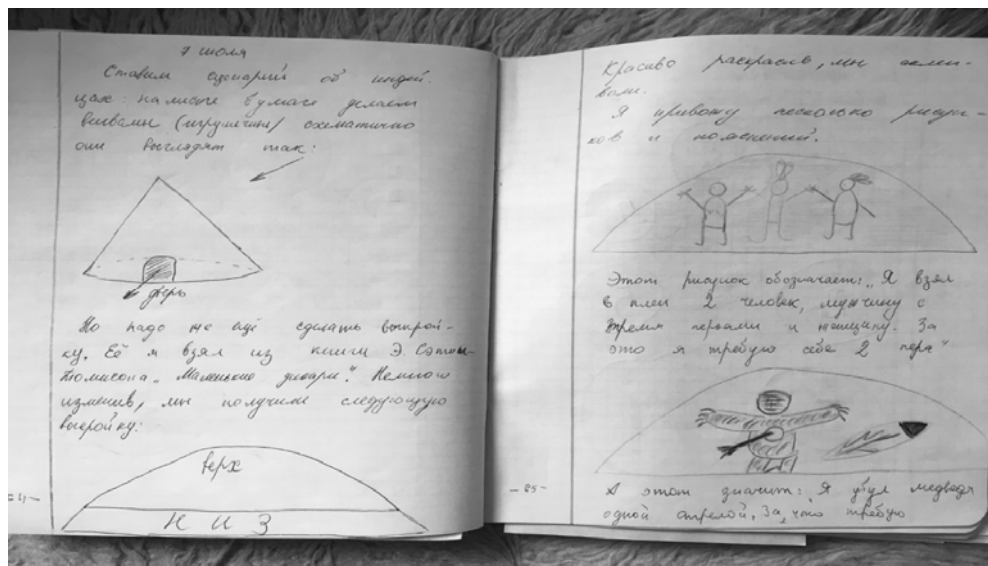
Я привожу несколько рисунков и пояснений.

<...>

Этот рисунок означает: «Я взял в плен 2 человек, мужчину с тремя перьями и женщину. За это я требую себе 2 пера»

<...>

А этот значит: «Я убил медведя одной стрелой, за что требую себе перо». Потом мы определенным образом расставили 7 вигвамов (типи) племени. <...>

13 июля

Сегодня мы пошли к Ковалям. Немного побыв в доме, мы с Адей пошли в лог (логом мы называем то место, где мы вырубали лиственницу). <...> Идя по логу, мы с Адей играли в индейцев и собирали травы. Я почему-то думал, что из бессмертника можно делать чай, но ошибся. И весь бессмертник отдал тете Лиде для лекарства.<...>

14 июля

Были на лугу с 11-ти до 21-30. А теперь подробнее об этом. В одиннадцать часов мы пошли к переправе. Наши переправились на другую сторону Сейма, а я остался ждать Адю который вот-вот должен был прийти. Как только он пришел, мы переправились и пришли на стоянку «бледнолицых». (Бледнолицыми мы называли всех взрослых). Затем нам как настоящим индейцам было дано задание разведать остров в реке Рехта около Банного ровца. Сначала мы увидели малый остров. Мы решили исследовать и его. Пришли к выводу, что нога человека на острова не ступала. Еще мы нашли гнезда каких-то больших птиц. Мы возвратились к бледнолицым, у которых был уже готов обед. Хорошо подкрепившись, мы начали ловить рыбу. Этот навык должен нам пригодиться в индейской жизни. Сначала у нас ничего не вышло,

но когда мы начали ловить рыбу на мух, которых мы убивали на своем теле, клевало прекрасно. Мы с Адей поймали 18 сибилей. <...>

20 июля

<...> Вот уже четыре дня как мы шьем вигвам. Вернее подготавливаем выкройку. Но обо всем по порядку. Адин папа подарил нам брезентовый чехол от своей машины. Он большой и прекрасно подходит для вигвама. Адя сказал, что нужна кожа, но столько кожи нет. Сначала мы распорол его, чтобы положить на землю. Сделали мы это за два дня. А теперь мы зашиваем суровыми нитками дырки в нем. Ох и тяжело.<...>

28 июля

<...> Ура почти все готово для нашей индейской жизни. Все в ожидании. Кто все? Адя, Юра, Нина, я и наш вождь дядя Адик. <...>

На этом запись заканчивается. О нашей индейской жизни я писал в отдельной тетрадке и даже придумал название к будущей повести — «Мы — индейцы!».

Увы, эта тетрадь бесследно исчезла. Но было всё — вигвам и стоянка индейского лагеря, вечерние советы «старейшин», курение трубки мира, соревнования по стрельбе из лука и метанию томагавка, ловля рыбы, собирание диких груш и кизила для компота, грибов для супа и трав для чая, набег на бледнолицых, перья за «подвиги» и, главное, незабываемые впечатления, которые все еще свежи и ярки даже спустя почти полвека!

P.S. Спустя много лет индейцы все-таки «нагнали» тебя, по крайней мере, навахо и аляскинские атабаски!

III

*До Штирлица не дошла шифровка из Центра.
Он перечитал её ещё и ещё раз — шифровка не доходила.*
Анекдот

Вторая страсть — это составление и придумывания различных шифров.

Толчком для этого послужили два рассказа: «Золотой жук» Э. По и «Пляшущие человечки» К. Дойла. За два-три года (лета) увлечения ими мы самостоятельно прошли (не ведая того) большой путь от простого подстановочного шифра до шифра Цезаря и даже придумали что-то вроде квадрата Вижинера. Много лет спустя, я наткнулся на роман Ж. Верна «Жангада»,

в котором используется шифр Вижинера с ключом ОРТЕГА. Мы же использовали ключ АДЯДИМА (ну а какой же еще!).

Главной проблемой было то, что нужно было запоминать либо 30 символов для букв русского языка (частотный вариант), либо иметь большую таблицу сдвигов (шифр Цезаря или Вижинера), что серьезно тормозило процесс шифровки и дешифровки. Из-за этого мы стали придумывать шифры без замены букв на знаки. В них использовались только русские буквы, расположенные определенным образом. Так, например, мы вставляли после каждого слога дополнительный слог, где согласную букву выбирали случайно, а гласная была та же, что и в основном слоге. Для пущей секретности пробелы между словами опускали. Носовсесерасавносэзэотсоттесекстпресекрасасносочиситасалсяся (Здесь выбрана согласная «с»).

Дальше был шифр КПК (Кибрик-Паншин-Колганов по фамилиям главных индейцев — см. выше). О том, как расшифровывается КПК, ты мне сообщил не так давно! Он предполагал раздельное написание гласных и согласных букв. Писать на нем было быстро, но «жл, чт рсский ткст мжн длвл лгк чтт бз глснх бкв». С подсказки Антонины Ивановны мы пытались зашифровать слово так, чтобы первая и последняя буква оставались на месте, а внутри слова порядок букв был произвольным. «Онкдао при одепннелерых улиояисх эотт тксет тжое лкего чтаить».

Поэтому мы остановились на шифровальной решетке (так мы ее называли). На самом деле это решетка Кардано, о чем нам стало известно гораздо позже. Решетка Кардано может быть двух видов — простая и симметрично-поворотная.

В первом случае для шифрования применяется трафарет с отверстиями, через которые «фильтруется» полезный текст. Мы от него отказались.

Другой вариант решетки, более интересный, которым мы и пользовались, состоит в том, чтобы использовать квадратный трафарет, который можно применять несколько раз, просто поворачивая его вокруг центра. Поворотная решетка Кардано позволяет записать текст массивом символов так, что результат будет выглядеть совершенно нечитаемым.

Решетка Кардано была для нас очень практичной и удобной. Чтобы прочитать секретный текст, не нужно было тратить время на обучение секретному языку. Говорят, что этим шифром предпочитали пользоваться многие известные личности, например, кардинал Ришелье и Александр Грибоедов. У нас была решетка 8×8 квадратов, что (как посчитано гораздо позже) давало нам 4294967296 вариантов прочтения!

Но и этого нам было мало: мы использовали симпатические чернила для сокрытия шифрованного текста — обыкновенное молоко. Идею подсказал М. Зощенко. В его рассказе «Иногда можно кушать чернильницы» Ленин как

раз использовал молоко для сокрытия текста. Как всегда, нашелся недостаток: единожды проявившись, текст не исчезал снова. Теперь, с тех пор немного поумнев, я знаю потрясающий рецепт симпатических чернил! Очень доступный! Готов поделиться знанием!

А сейчас я приготовил тебе «щадящую» задачу на дешифровку от Кардано: квадрат 4×4 (всего-то 256 вариантов!). Вот он:

С	Я	Д	М
Р	А	Д	Н
Е	Н	О	Д
Я	Е	Ж	И

Но я, конечно, дам подсказку: 3, 9, 10, 16.

Хотя я думаю, что ты и так все поймешь!!

P.S. Как языки индейцев «догнали» тебя в будущем, так и криптография «нагнала» меня, но уже в эпоху компьютеров и интернета.

IV

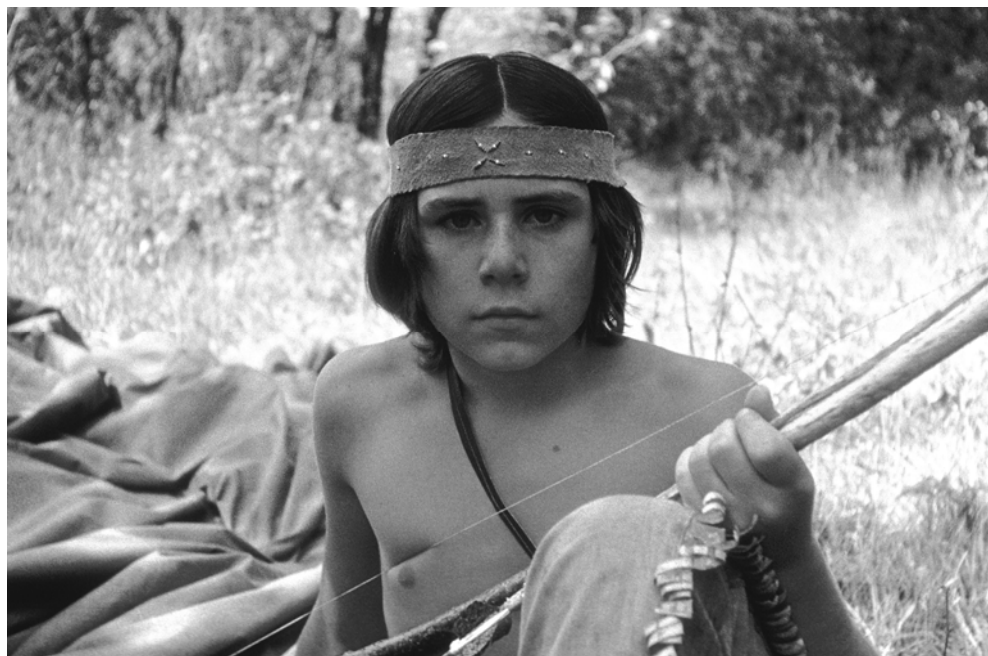
⟨...⟩ Все ингредиенты тщательно перемешать.

Специи добавить по вкусу.

Из Поваренной книги

Вот и всё! (См. эпиграф!)

С юбилеем тебя, дорогой мой Дружище!!

КОЕ-ЧТО О ПУТИВЛЕ И АДЕ

О.И. Ярмолович

С Адей, старшим сыном Нинон, одной из моих тётъ, мы виделись почти каждое лето в Путивле. Путивль, старинный городок Сумской области почти прямо на границе Украины и России. Для нас Путивль — это всё.

Семь братьев и сестёр, их родители съезжались в Путивль «на повидаться». Все были разные и год от года менялись.

Утро начиналось бесконечным завтраком с бесконечными, но интересными беседами, в которых, как правило, Адя не принимал участия. Рано утром, на зорьке сначала с верной мамой, а постарше уже и сам, он уходил на рыбалку на реку Сейм. Когда меня спрашивают, была ли я на рыбалке, я говорю: «Да». Я действительно была первый раз с Адей. Это был самый классический поход сестры на рыбалку. Уйти поскорее от этого «дела жизни» мне было нельзя. Во-первых, накануне вечером меня предупреждали, что не выдержу, во-вторых, нас отправили вдвоём. Нам было 16 лет на двоих. Адя молча, грустно и тревожно смотрел на меня. Видимо, боялся, что начну говорить о возвращении или даже просто болтать. После, когда шли домой, похвалил: «А ты терпеливая». Вот, по сей день думаю, это была поддержка или хотел, чтоб я ходила с ним на рыбалку? Может быть, ему тоже там было не всегда интересно. Но основной спутницей рыбака Ади, конечно же, была его сестра Ниночка, которая ходила на «пленэры». Волшебное слово и сейчас влекущее на волю.

Из наших встреч помню совершенно разное. Моя первая первомайская демонстрация. Аде 4-5 лет. Он одет как принц. Мне всё хотелось играть им, как пупсом.

В семье была традиция — Первомай и 7-е ноября праздновать как празднуют Пасху ныне. Это сначала удивляло, но с годами привыкаешь к традициям и рад их поддерживать. Демонстрации — это весело. Путивляне шли колоннами с цветами, шариками, транспарантами, с музыкой и лозунгами. Мы нарядные, смотрели на всех проходящих мимо студентов, учителей, рабочих и кричали ура, поддерживая наших пап. На праздниках этих Адя всегда был чинный, в костюме. Иногда это был какой-то национальный костюм или в определённом стиле. В далёком детстве чаще всего его одевали в француз-

ском стиле, и он почти всегда носил береты. В те времена берет был добавлением к одежде художников или символом противостояния. Всё это было в семье Адиных родителей.

Головной убор в жизни важен. На пятом курсе, как и все мужчины — выпускники вузов Советского Союза, Адя проходил «военку». Как потом рассказала тётя Нина, там у Ади был какой-то четырёхугольный головной убор. За это его именовали «пан капрал». Не каждый характер может носить нечто выделяющееся, да ещё на голове.

Индейцы. В детстве и юности тема индейцев к Аде пришла и через ношение их нарядов и ведение быта. Матя, наша бабушка, пошила Аде и его младшей сестре Нинусе национальные наряды, и племя истинных чероки, навахо, а возможно и сиу располагалось десятилетие в одном из садов города Путивля. Вигвам стоял под старым орехом. Он и сейчас доживает в конце огорода. Приближаться или заходить на территорию «индейского» поселения можно было не всем и чаще не приветствовалось его обитателями. Адя охранял это жилище. Сосредоточенно ходил на «охоту» по саду. Рассказывал, что на бизонов и кого-то ещё, всех не помню. Пусть он сам скажет. Я точно помню, что с «индейского» стола нам перепадали на ужин фрукты этого же сада: яблоки белый налив, абрикосы, сливы.

Традиция праздновать День рождения тётя Нины на Буровне появилась крайне давно. Буровня — название части леса на старице р. Сейм. Июльский день в лесу — забава и удовольствие для городских детей.

В одну из таких поездок вся семья пошла бродить и искать что-то интересное в лесу. Мы с Адей спустились к реке и пошли вдоль неё. Найти грибы — вот чего всегда хочется, попадая в лес. Помню эту шальную мысль того дня. Но был июль. Да, и место — берег реки. Кажется, грибы никогда не растут в таких мокрых местах. Но Адя шёл и шёл вперёд, просматривая разные похожие на грибы места. Шли достаточно долго, минут пятнадцать — двадцать. Начало надоедать и я вернулась к нашему бивуаку. Через пять-десять минут появился и Адя с невозмутимым лицом, почти как всегда. Он нёс корзинку полную огромных белых грибов. И именно там, где мы расстались, он увидел первый, второй и целую поляну молодых крупных чудесных грибов. Адя был единственный с «добычей» в тот семейный выезд, 20 июля.

На Буровне жили каждое лето неделю-две. Несколько палаток. Одна, в которой всегда жила я, всегда была полна детьми. Попервам я, как дети, потом я, как родители. Вечная семейная толчея. Палатка, где обитал Адя, была очень чёткой внутри. Жизнь в лесу вроде бы вольная, но тоже шла по чётким правилам. Завтрак. Обязательно купания и катания на лодке, если разрешит главный рыбак Адя. Но он был всегда гуманен и на это время уходил с удочкой подальше или в село за молоком. Обед. Подготовка к вечеру.

Вечером раскладывали огромный костёр. Обычно именно Адя искал наиболее безопасное место для костра. В определённое мгновение всех призывали идти и собирать дрова и хворост. Конечно же, дрова собирать в таких поездках надо всё время. Это делали дети, девушки, женщины. Адя и тётя Нина приволакивали по стволу. Я всегда удивлялась, что в лесу падают деревья. Тётя любила делать огромный костёр. Именно его дети помнят долго. Может и навсегда. У костра, конечно же, пели и под гитару, и без. Адя не играл первым, но дольше всех. Пел песни и бардовские, и о Путивле, сочинённые в семье.

Музыке учились в семье все дети. Тоже традиция. Учили игре на фортепиано. Но, однажды, на осенние каникулы подростками уже без родителей, мы приехали в Путивль. Адя был там и играл на гитаре. Сидел в комнате и упорно подбирал мелодии. Вечером для семьи пел тихим голосом, выправляя подростковый фальцет. С годами начал петь громко, иногда даже зычно.

Лет пятнадцать назад, в нулевых, дочерей и племянниц подготовил к выступлению в рамках фестиваля «Золотая кувшинка». Фестиваль был организован Ниной Кибрик для развития и туризма в Путивльском регионе. Адя предложил петь “Agneshka” Окуджавы. Предложил, играя мелодию, без лишних слов. Девочки согласились легко. Летом дел много и не все спешили на репетиции с дядей. Но ген ответственности сохраняется в детях. И одна из Адиных дочерей в конце-то концов серьёзнейше задала ключевой вопрос: «Так мы всё же будем репетировать?». Всё же пели они хорошо.

КРАТКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ А.А. КИБРИКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЕГО ОТНОШЕНИЙ С ПОТОМКАМИ, ИЛИ «ПРОИЗОШЁЛ НЕОБЪЯСНИМЫЙ КАТАКЛИЗМ»

Анна А. Кибрик, Лев Кибрик

В этом выдающемся сборнике представлены тексты о юбиляре, описывающие его с самых разных сторон. Я же, на правах старшей дочери папы и матери его внуков, дерзну коротко представить его с очень личной и нежной стороны — как отца и деда.

Ниже будет приведен список из двадцати фактов, которые правдиво описывают поведение А.А. Кибрика в отношении своих детей и внуков. Предлагаю читателю угадать, к кому из потомков юбиляра относится каждый из пунктов. Благодарю своего старшего сына Леву за помощь в составлении этого списка.

1. Возил по всей стране (*какой?*) синтезатор, чтобы обеспечить возможность для занятий музыкой.
2. **Научил** ловить рыбу.
3. Во время пандемии каждый день водил в лес для изучения подмосковной флоры и фауны и помогал заботиться о добыче.
4. Несмотря на сопротивление, бросил все дела и помог дописать текст диплома, который необходимо было сдать на следующий день.
5. По заданию этого потомка в рамках новогодней игры в фанты проползал под стулом.
6. Вместе ходил в керамическую мастерскую.
7. Не спал всю ночь во время ночевки в заброшенной гостинице, отгоняя от спящих попутчиков крыс.
8. Пристрастил к Высоцкому.
9. Был **внутри** московского роддома.
10. Учил играть в пиратскую игру «Четыре пальца».
11. Кормил с дерева перезимовавшими на нём яблоками.

12. На дне рождения этого потомка обучал всех желающих метанию топора.

13. Случайно сбив машиной огромного зайца-русака, положил его, мёртвого, на колени сидевшему на пассажирском сиденье спящему попутчику.

14. Читал вслух Хармса — от детских стихотворений до рассказа о Пушкине и его четырех сыновьях-идиотах.

15. Учил водить машину на заброшенном аэродроме.

16. Привёз из дальней поездки инкрустированный раскладной нож ручной работы в качестве подарка двухлетнему потомку.

17. Для развития стойкости и чувства юмора десятками декламировал сатистские стишки типа «Маленький мальчик нашел пулемет».

18. Подарил микроскоп.

19. Снабдил буйволиной кожей для реализации творческого проекта.

20. Начал писать стихи.

В качестве подсказки к одному из пунктов, а также постскриптума, приведу переделаннуюлевой Кибриком строчку из песни Высоцкого «Песня автозавистника»:

Он мне и друг, и родственник,
Он в мире самый лучший дед!

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КАРТЫ А.А. КИБРИКА: ГДЕ ОН БЫВАЛ, ЧТО ИЗУЧАЛ

Ю.Б. Коряков

В данном разделе представлены карты, показывающие широкий размах экспедиционной деятельности Андрея Александровича Кибрика. Всего он работал в поле с носителями 26 языков мира. Больше всего их на Кавказе — 21, в том числе 18 языков в Дагестане. Остальные языки он изучал в Южной Сибири, на юге США и, главное, — на Аляске.

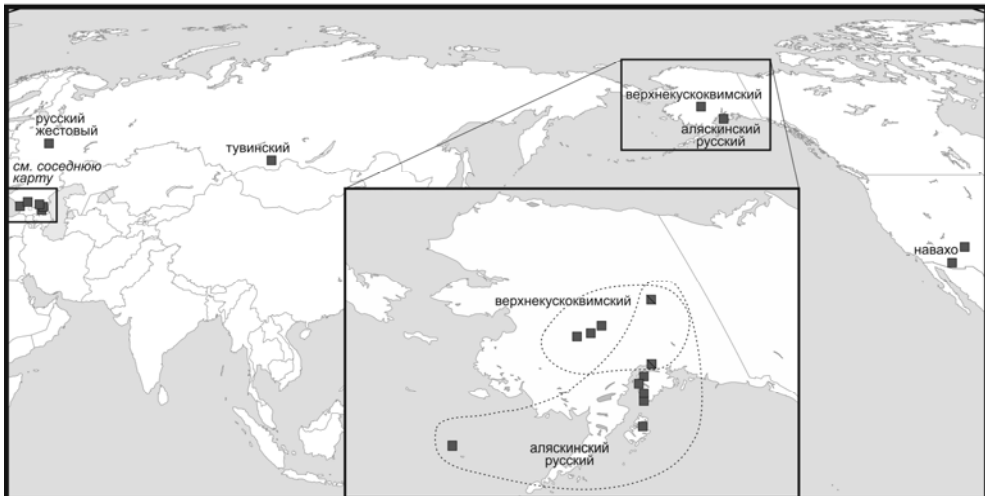
На всех картах квадратными пунсонами показаны места, где Андрей Александрович проводил полевую работу среди носителей соответствующего языка. Для некоторых языков пунсонов может быть больше одного, так как исследования проходили в нескольких населённых пунктах. На Аляске работа велась сразу по двум языкам. На карте Кавказа ареалы изучаемых языков выделены заливкой.

Полный список населённых пунктов дан в таблице.

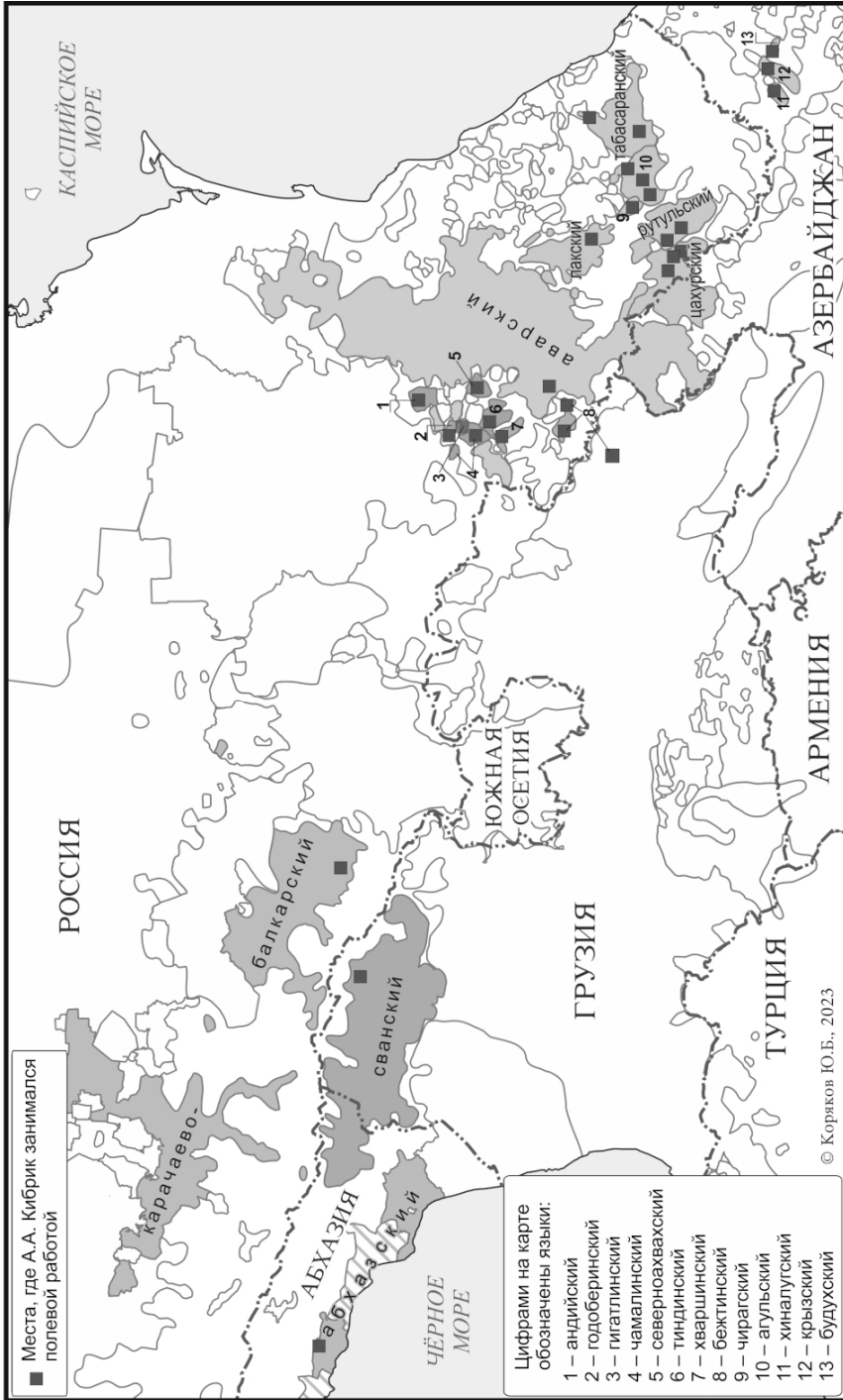
Регион	Язык	Локация
Аляска	верхнекускоквимский	Николай, Телайда, Макграт, Анкоридж, Фэрбанкс
Аляска	аляскинский русский	Нинилчик, Нануалек, Порт-Грейам, Кенай, Касилов, Кодьяк, Сент-Пол, Узинки, Хомер, Макграт, Анкоридж, Фэрбанкс
Дагестан	аварский	Чадаколоб
Дагестан	агульский	Рича, Бурцаг, Буркихан, Тпиг
Дагестан	андийский	Анди
Дагестан	бежтинский	Тлядал, Хошар-Хота, Чантлискуре
Дагестан	будухский	Будух
Дагестан	гигатлинский	Гигатли
Дагестан	годоберинский	Годобери
Дагестан	крызский	Крыз
Дагестан	лакский	Хосрех

Дагестан	рутульский	Лучек
Дагестан	североахвахский	Тадмагитли
Дагестан	табасаранский	Кондик, Дюбек
Дагестан	тиндинский	Тинди
Дагестан	хваршинский	Инхоквари
Дагестан	хиналугский	Куба (Азербайджан)
Дагестан	цахурский	Микик, Гельмец, Цахур
Дагестан	чамалинский	Нижнее Гаквари
Дагестан	чирагский (даргинский)	Чираг
Кавказ	абхазский	Хуап
Кавказ	карачаево-балкарский	Верхняя Балкария
Кавказ	сванский	Мулахи
Россия	РЖЯ	Москва
Сибирь	тувинский	Ий
США	навахо	Тусон (Аризона), Альбукерке (Нью-Мексико)

Лингвистические карты А.А. Кибрика: языки мира

Лингвистические карты А.А. Кибрика: языки Кавказа

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ А.А. КИБРИКА ¹

1976

Кибрик Андрей. История и процесс дешифровки крито-микенского линейного письма Б. М.: 1976. — (рукопись).

1983

Кибрик А.А. О функциональном объяснении анафоры // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Школа-семинар «Телави-83». Тезисы докладов и сообщений. — М.: ВИНТИ, 1983. — С. 200–203.

Кибрик А.А. Об анафоре, дейксисе и их соотношении // Разработка и применение лингвистических процессоров / Под ред. А.С. Нариньяни. — Новосибирск: ВЦ СО АН СССР, 1983. — С. 107–129.

1984

Кибрик А.А. Повторная номинация: типы и механизмы. Дипломная работа. — М.: МГУ, 1984. — 133 с.

1985

Кибрик А.А. Референциальный конфликт при местоименно-анафорической номинации // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Школа-семинар «Кутаиси-85». Тезисы докладов и сообщений. — М.: ВИНТИ, 1985. — С. 303–305.

Кибрик А.А. О структуре анафорических связей в предложении языка навахо // Типы коммуникации и содержательный аспект языка. Тезисы конференции молодых научных работников / Под ред. В.Н. Телия. — М.: Институт языкознания АН СССР, 1985. — С. 79–81.

¹ Данный список трудов А.А. Кибрика заведомо неполон и не включает некоторые короткие публикации юбиляра. Кроме того, здесь далеко не полностью отражен его редакторский вклад в подготовку огромного количества книг, сборников статей и продолжающихся изданий. Настоящий список подготовлен Ю.М. Деминой и Ю.В. Мазуровой при участии Н.Л. Артамоновой, О.В. Федоровой, а также Интеллектуальной Системы Тематического Исследования Научометрических данных (а.к.а. «Истина»).

Kibrik A.A. Absentiv-Aorist und Resultativ in der Andischen Sprache // Heinz Faehnrich (Hrsg.) Sprachen Europas und Asiens. — Jena: Friedrich-Schiller Universitaet, 1985. — P. 55–67.

1986

Кибрик А.А. Референциальный конфликт и роль контекста в полисинтетическом языке (на материале языка навахо) // Функционально-типологические проблемы грамматики. Тезисы научно-практической конференции / Под ред. А.В. Бондарко. — Вологда: ЛО ИЯз АН СССР — ВГПИ, 1986. — С. 58–60.

Кибрик А.А. Субъектно-объектная инверсия в навахо: залог, топиализация или расщепление агентивных свойств? // Четвертая всесоюзная школа молодых востоковедов. Тезисы. Т. III. Языкознание / Под ред. В.И. Подлеской, С.В. Волкова. — М.: ИВ АН СССР, 1986. — С. 85–88.

1987

Кибрик А.А. Механизмы устранения референциального конфликта // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / Под ред. А.Е. Кибрика, А.С. Нариньяни. — М.: Наука, 1987. — С. 128–146.

Кибрик А.А. Фокусирование внимания и местоименно-анафорическая номинация // *Вопросы языкознания*, 1987, N 3. — С. 79–90.

Kibrik A.A. Mechanisms of anaphoric nomination // Toomas Help (ed.) Symposium on language universals. Summaries. — Tallinn: Academy of Sciences of the Estonian SSR, 1987. — P. 54–59.

Кибрик А.А. Типология средств поддержания референции // Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников. Т. II. Языкознание, литературоведение / Под ред. А.Ю. Айхенвальд, С.В. Волковой. — М.: ИВ АН СССР, 1987. — С. 65–67.

Кибрик А.А., Бергельсон М.Б. Система переключения референции в тувинском языке Ч. 1 // Советская тюркология. — 1987. — Т. 2. — С. 16–32.

Кибрик А.А., Бергельсон М.Б. Система переключения референции в тувинском языке. Ч. 2 // Советская тюркология. — 1987. — Т. 4. — С. 30–45.

Кибрик А.А. Анафорический компонент дейктических местоимений // Тезисы конференции молодых сотрудников и аспирантов. — М.: ИЯз АН СССР, 1987.

1988

Кибрик А.А. Анафора в полипредикативных конструкциях в пулар // Язык в Африке: лингвистические проблемы современной африканистики. Материалы сессии Научного Совета по проблемам Африки / Под ред. Р.Н. Исма-

гиловой, Н.В. Охотиной. — М.: Ин-т Африки АН СССР, 1988. — Вып. I. — С. 146–154.

Кибрик А.А. Типология средств оформления анафорических связей. Автореферат кандидатской диссертации. — Москва: Институт языкознания АН СССР, 1988. — 20 с.

Кибрик А.А. Типология средств оформления анафорических связей. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филол. наук. — М.: Институт языкознания АН СССР, 1988. — 365 с.

1989

Кибрик А.А. Интеграция новых понятий в культуру и язык навахо // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история вопроса. Тезисы докладов международной конференции / Под ред. С.В. Кулланды и др. — М.: ИВ АН СССР, 1989. — С. 63–65.

Кибрик А.А. МБІ (лингвистические и социолингвистические наблюдения) // V Всесоюзная школа молодых востоковедов. Тезисы. Т. II. Языкознание. — М.: Наука, 1989. — С. 90–92.

1990

Кибрик А.А. Местоимения: морфологические, синтаксические и дискурсивные аспекты // Теория грамматики: лексико-грамматические классы и ряды слов. Сборник научно-аналитических обзоров / Под ред. Ф.М. Березина, Е.С. Кубряковой. — М.: ИНИОН, 1990. — С. 139–201.

Кибрик А.А. «Послелогои» в навахо: потеря статуса части речи // Части речи. Теория и типология / Под ред. В.М. Алпатов. — М.: Наука, 1990. — С. 234–253.

Кибрик А.А. Рец. на: Russell S. Tomlin. Basic word order: Functional principles. L.: Croom Helm, 1986 // *Вопросы языкознания*. — 1990. — № 3. — С. 147–150.

Kibrik A.A. Relativization in polysynthetic languages // A.V. Vasilevich (ed.) Soviet contributions to some topical linguistic issues. — Moscow: Institute of Linguistics, USSR Academy of Sciences, 1990. — P. 60–80.

Кибрик А.А. Адресатная и комплетивная версия в абхазском языке // Тринадцатая региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. (Глагольное словообразование в иберийско-кавказских языках.) Тезисы докладов. — Майкоп: Адыгейский НИИЭЯЛИ, 1990. — С. 67–69.

Кибрик А.А. Диатеза и модальность (на материале языка навахо) // Функциональные, типологические и лингводидактические аспекты исследования модальности. Тезисы докладов конференции / Под ред. Л.А. Бирюлина и др. — Иркутск: ИПИЯ, 1990. — С. 44–46.

Кибрик А.А. Типологическая характеристика языка навахо // Восьмая конференция молодых ученых. Тезисы докладов / Под ред. Л.А. Бирюлина и др. — Л.: ЛО ИЯ АН СССР, 1990. — С. 39–41.

Кибрик А.А. Моделирование диалога и коммуникативное намерение // Семантические и коммуникативные категории текста (типология и функционирование). Тезисы докладов всесоюзной конференции / Под ред. С.Т. Золяна. — Ереван: Изд-во ЕГУ, 1990. — С. 75.

Кибрик А.А. Место типологии в американской теоретической лингвистике // Всесоюзная конференция по лингвистической типологии. Тезисы докладов / Под ред. В.М. Солнцева. — М.: Институт языкознания АН СССР, 1990. — С. 67–69.

1991

Кибрик А.А., Бергельсон М.Б. К типологии средств выражения пропозициональной деривации // Типология грамматических категорий. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции / Под ред. Л.А. Бирюлина, В.С. Храковского. — Л.: ЛО ИЯ АН СССР, 1991. — С. 4–8.

Кибрик А.А. О некоторых видах знаний в модели естественного диалога // *Вопросы языкознания*. — 1991. — № 1. — С. 61–69.

Кибрик А.А. Молчание как коммуникативный акт // Действие: лингвистические и логические модели. Тезисы докладов / Под ред. Н.Д. Арутюновой. — М.: Наука, 1991. — С. 49–51.

Кибрик А.А. Языки с вершинной и зависимостной маркировкой: сравнительный анализ // Сопоставительная лингвистика: теоретические и прикладные проблемы. Тезисы докладов на совещании / Под ред. А.М. Шахнаровича, Ф.А. Циткиной. — Москва — Ужгород: ИЯз АН СССР — УГУ, 1991. — С. 15–16.

Kibrik A.A. Maintenance of reference in sentence and discourse // Winfred P. Lehmann, Helen-Jo J. Hewitt (eds.) *Language typology 1988: Typological models in reconstruction*. — Amsterdam: Benjamins, 1991. — P. 57–84.

1992

Kibrik A.A. Dynamics of attention focus in narrative discourse: The Pulaar case // *Languages of the world*. — 1992. — No 4. — P. 4–12.

Kibrik A.A. Relativization in polysynthetic languages // *International Journal of American Linguistics*. — 1992. — 58.2. — P. 135–157.

Кибрик А.А. Местоимения как дейктическое средство // Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис / Под ред. Т.В. Булыгиной. — М.: Наука, 1992. — С. 207–236.

Кибрик А.А. Коммуникативные намерения и процессы их вербализации в естественном диалоге. Отчет по проекту «Реконструкция когнитивной деятельности». М., 1992.

1993

Кибрик А.А. Полисинтетический глагол, адресат, комплетив и версия в абхазском языке // Тезисы первой конференции по теоретической лингвистике / Под ред. Л.И. Куликова. — М.: РГГУ, 1993. — С. 61–63.

Kibrik A.A. Burning issues in discourse and interview intentional structure. Paper presented at the NATO Advanced Research Workshop “Burning Issues in Discourse”, Proceedings. — Maratea, Italy, April 1993. — P. 130–132.

Kibrik A.A. Transitivity increases in Athabaskan Languages // В. Comrie and M. Polinsky (eds.) Causatives and transitivity. — Amsterdam: Benjamins, 1993. — P. 47–67.

Кибрик А.А. Комментарии переводчика к статье Э. Сепира «Языки Центральной и Северной Америки» // Э. Сепир. Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М.: Прогресс, 1993. — С. 418–421.

Кибрик А.А. Комментарии переводчика к статье Э. Сепира «Некоторые внутриязыковые свидетельства северного происхождения индейцев навахо» // Э. Сепир. Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М.: Прогресс, 1993. — С. 434–436.

Кибрик А.А. Комментарии переводчика к статье Э. Сепира «Мужской и женский варианты речи в языке яна» // Э. Сепир. Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М.: Прогресс, 1993. — С. 461.

Кибрик А.А. Комментарии переводчика к статье Э. Сепира «Два навахских каламбура» // Э. Сепир. Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М.: Прогресс, 1993. — С. 464.

Кибрик А.А. Указатель языков // Э. Сепир. Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М.: Прогресс, 1993. — С. 647–653.

1994

Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // *Вопросы языкознания*. — 1994. — № 5. — С. 126–139.

1995

Kibrik A.A. Multifactorial models of decision making in on-line language use // Vladimir Ronginsky, Svetlana Dikareva, Tatiana Yashchenko (eds.) Cognitive Processes in Spoken and Written Communication. Theories and Applications. International Conference CPC'95. Proceedings. Ukraine, Crimea, 18-23 September 1995. — P. 119–120.

Kibrik A.A. Review article: Doris L. Payne (ed.) Pragmatics of word order flexibility. Amsterdam: Benjamins, 1992 // *Studies in Language*. — 1995. — Vol.19. — P. 223–237.

Kibrik A.A., Bergelson M.B. The system of switch-reference in Tuva: converbal and masdar-case forms // E. Koenig and M. Haspelmath (eds.) *Converbs in cross-linguistic perspective*. — Berlin: Mouton de Gruyter, 1995. — P. 373–414.

Кибрик А.А. Поддержание референции в языке серер // Проблемы изучения языков Африки / Под ред. В.А. Виноградова, А.И. Коваль. — М.: Институт языкознания РАН, 1995. — С. 62–68.

Кибрик А.А. Когнитивные функции и их языковые корреляты // Лингвистика на исходе XX века: Итоги и перспективы. Тезисы международной конференции. Том. 1. — М.: МГУ, 1995. — С. 216–217.

1996

Kibrik A.A. Anaphora in Russian narrative discourse: A cognitive calculative account // B. Fox (ed.) *Studies in anaphora*. — Amsterdam: Benjamins, 1996. — P. 255–304.

Kibrik A.A. Transitivity in Godoberi lexicon and grammar // Aleksandr E. Kibrik (ed.) *Godoberi*. — Muenchen: LINCOM Europa, 1996. — P. 107–146.

Kibrik A.A. Transitivity decreases in Navajo and Athabaskan: Actor-affecting propositional derivations // E. Jelinek, S. Midgette, K. Rice, and L. Saxon (eds.) *Athabaskan language studies. Essays in honor of Robert W. Young*. — Albuquerque: UNM Press, 1996. — P. 259–304.

Кибрик А.А. Язык не так нелеп, как кажется: глагольное согласование в сванском языке // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию А.А. Зализняка / Под ред. А.А. Гиппиуса, Т.М. Николаевой и В.Н. Топорова. — М.: Индрик, 1996. — С. 478–493.

Кибрик А.А. Моделирование многофакторного процесса: референциальный выбор в русском дискурсе // Труды международного семинара Диалог'96 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Пущино, 4–9 мая, 1996 / Под ред. А.С. Нариньяни. — М.: РосНИИ ИИ, 1996. — С. 103–105.

Кибрик А.А. Дискурс // Программы и учебный план отделения Теоретической и прикладной лингвистики. — М.: МГУ, 1996.

1997

Языки мира: Тюркские языки / Под ред. А.А. Кибрика, Э.Р. Тенишева, Е.А. Поцелуевского, И.В. Кормушина. — М.: Индрик, 1997.

Языки мира: Палеоазиатские языки / Под ред. А.А. Кибрика, А.П. Володина, Н.Б. Вахтина. — М.: Индрик, 1997.

Кибрик А.А. Моделирование многофакторного процесса: выбор референциального средства в русском дискурсе // *Вестник МГУ*. — 1997. — 4. — С. 94–105.

Кибрик А.А., Кобозева И.М., Секерина И.А. Предисловие редакторов // *Фундаментальные направления современной американской лингвистики* / Под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой и И.А. Секериной. — М.: Издательство МГУ, 1997. — С. 9–12.

Кибрик А.А., Плунгян В.А. Функционализм // *Фундаментальные направления современной американской лингвистики* / Под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой и И.А. Секериной. — М.: Издательство МГУ, 1997. — С. 276–339.

Kibrik A.A. Cognitive inferences from discourse observations: Reference and working memory // 5th International Cognitive Linguistics Conference. 14–19 July 1997. — Amsterdam: Vrije Universiteit, 1997. — P. 112.

Kibrik A.A., Bergelson M.B. The Russian dialect of Ninilchik: A nominal dictionary. 1997.

1998

Kibrik A.A. Referential choice and working memory: What discourse can tell us about cognition // A.S. Narin'yani (ed.) *Dialogue'98. Computational linguistics and its applications. International workshop. Proceedings*. — Kazan': Xeter, 1998. — P. 210–222.

Кибрик А.А. Некоторые фонетические и грамматические особенности русского диалекта деревни Нинилчик // *Язык. Африка. Фульбе. Сборник научных статей в честь А.И. Коваль* / Под ред. В.Ф. Выдрины и А.А. Кибрика. — СПб.–М.: Европейский дом, 1998. — С. 36–52.

Кибрик А.А. Полевая лингвистическая работа на Аляске: Исследования верхнекускоквимского атабаскского языка // *Профессионалы за сотрудничество*, выпуск 2 / Под ред. А. Барабашева, А. Яголы и др. — М.: Янус-К, 1998. — С. 310–324.

1999

Kibrik A. A., van Hoek K., Noordman L. Introduction // K. van Hoek, A.A. Kibrik, and L. Noordman (eds.) *Discourse studies in cognitive linguistics. Proceedings of the 5th International cognitive linguistics conference*. — Amsterdam: Benjamins, 1999. — P. 1–3.

Kibrik A.A. Cognitive inferences from discourse observations: Reference and working memory // K. van Hoek, A.A. Kibrik, and L. Noordman (eds.) *Discourse studies in cognitive linguistics. Proceedings of the 5th International cognitive linguistics conference*. — Amsterdam: Benjamins, 1999. — P. 29–52.

Кибрик А.А. Три ахиллесовы пяты функционализма // Типология и теория языка: От описания к объяснению / Под ред. Я.Г. Тестельца и Е.В. Рахилиной. — М.: ЯРЛ, 1999. — С. 36–49.

Kibrik A.A. Review of: Anatole V. Lyovin. An introduction to the languages of the world. NY: Oxford University Press, 1997 // *American Anthropologist*. — 1999. — 101.4. — P. 856–858.

Кибрик А.А., Ярцева В.Н., Солнцев В.М., Эдельман Д.И. «Языки мира» — серия «Евразия»: многотомное энциклопедическое издание в середине пути. *Вестник РГНФ*. — 1999. — № 4. — С. 13–23.

Кибрик А.А. Программа курса «Типология языков и языковые ареалы» // Лингвистическая типология. Программы курсов. Вып. 2. Языковые портреты (Типологический профиль языковых семей, групп, ареалов и отдельных языков). — М.: РГГУ, 1999. — С. 4–17.

2000

Kibrik A.A. A cognitive calculative approach towards discourse anaphora // Paul Baker, Andrew Hardie, Tony McEnery, and Anna Siewierska (eds.) Proceedings of the 3d Discourse anaphora and reference resolution conference (DAARC 2000). Lancaster University: University Centre for Computer Corpus Research on Language, Technical Papers 12, 2000. — P. 72–82.

Кибрик А.А. Исследования верхнекускоквимского атабаскского языка на Аляске: некоторые результаты // Язык: Теория, история, типология / Под ред. Н.С. Бабенко. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. — С. 479–492.

Кибрик А.А., Подлесская В.И. Рассказы о сновидениях детей и подростков с невротическими расстройствами как объект дискурсивного анализа // Актуальные вопросы сомнологии. Тезисы докладов 2-й Всероссийской конференции. Москва, 23–24 ноября 2000 г. — С. 77.

Kibrik A.A. Cognitive discourse analysis: Some results // T.E. Nemeth (ed.) Cognition in language use, vol. 1. 7th International Pragmatics Conference. Budapest, 9–14 July, 2000. Abstracts. — Antwerp: International Pragmatics Association, 2000. — P. 223.

2001

Кибрик А.А., Паришин П.Б. Дискурс // Энциклопедия «Кругосвет», 2001².

Кибрик А.А. Текст // Энциклопедия «Кругосвет», 2001.

Кибрик А.А. Диалог // Энциклопедия «Кругосвет», 2001.

² Электронный ресурс Энциклопедия «Кругосвет» www.krugosvet.ru. Дата обращения 01.05.2023.

Кибрик А.А. Функционализм в лингвистике // Энциклопедия «Кругосвет», 2001.

Кибрик А.А. Анафора // Энциклопедия «Кругосвет», 2001.

Кибрик А.А. Дейксис // Энциклопедия «Кругосвет», 2001.

Кибрик А.А. Лингвистическая география // Энциклопедия «Кругосвет», 2001.

Кибрик А.А. Полисинтетические языки // Энциклопедия «Кругосвет», 2001.

Кибрик А.А. Индейские языки // Энциклопедия «Кругосвет», 2001.

Кибрик А.А. Гуарани // Энциклопедия «Кругосвет», 2001.

Кибрик А.А. Аймаара // Энциклопедия «Кругосвет», 2001.

Кибрик А.А. Кечуа // Энциклопедия «Кругосвет», 2001.

Кибрик А.А. Майянские языки // Энциклопедия «Кругосвет», 2001.

Кибрик А.А. Ацтекские языки // Энциклопедия «Кругосвет», 2001.

Кибрик А.А. Навахо // Энциклопедия «Кругосвет», 2001.

Кибрик А.А. Дакота // Энциклопедия «Кругосвет», 2001.

Кибрик А.А. Кри // Энциклопедия «Кругосвет», 2001.

Кибрик А.А. Чейф, Уоллас // Энциклопедия «Кругосвет», 2001.

Kibrik A.A. Reference-maintenance in discourse // M. Haspelmath, E. Koenig et al. (eds.) Language typology and language universals. An international handbook. Vol. 2. — Berlin: Mouton de Gruyter, 2001. — P. 1123–1141.

Kibrik A.A. Cognitive discourse analysis: Some results // Enikő Németh (ed.) Cognition in Language Use. Selected papers from the 7th International Pragmatics Conference, Vol. 1. — Antwerp, International Pragmatics Association, 2001. — P. 164–180.

Kibrik A.A. Clause structure in languages with hypertrophied morphology: The case of Athabaskan // Sprache und Kognition. 23 Jahrestagung der Deutschen Gesellschaft für Sprachwissenschaft, 28.02–02.03.2001. — Leipzig: Universitaet Leipzig, 2001. — P. 204–205.

Kibrik A.A. Athabaskan reflexives in the typological space // Reflexive and middle: Typological Approaches. Faculté des Lettres Manouba, 15–16 mars 2001. — Université de Tunis Manouba, 2001. — P. 21.

Kibrik A.A. Night Dream Stories: The cognitive structure of neurotic discourse // 7th Cognitive Linguistics Conference. July 22–27, 2001. — Santa Barbara: UCSB, 2001. — P. 113–114.

Кибрик А.А. Комментарии переводчика к статье Э. Сепира «Языки Центральной и Северной Америки» // Э. Сепир. Избранные труды по языкознанию и культурологии. 2-е изд. — М.: Прогресс, 2001. — С. 418–421.

Кибрик А.А. Комментарии переводчика к статье Э. Сепира «Некоторые внутриязыковые свидетельства северного происхождения индейцев навахо» // Э. Сепир. Избранные труды по языкознанию и культурологии. 2-е изд. — М.: Прогресс, 2001. — С. 434–436.

Кибрик А.А. Комментарии переводчика к статье Э. Сепира «Мужской и женский варианты речи в языке яна» // Э. Сепир. Избранные труды по языкознанию и культурологии. 2-е изд. — М.: Прогресс, 2001. — С. 461.

Кибрик А.А. Комментарии переводчика к статье Э. Сепира «Два навахских каламбура» // Э. Сепир. Избранные труды по языкознанию и культурологии. 2-е изд. — М.: Прогресс, 2001. — С. 464.

Кибрик А.А. Указатель языков // Э. Сепир. Избранные труды по языкознанию и культурологии. 2-е изд. — М.: Прогресс, 2001. — С. 647–653.

2002

Kibrik A., Podlesskaya V., Kal'kova T., Litvinenko A. Cognitive structure of narrative discourse: the analysis of children's night dream stories // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международного семинара Диалог'2002 (Протвино, 6-11 июня 2002). Т. 1: Теоретические проблемы / Под ред. А.С. Нариньяни. — М.: Наука, 2002. — С. 635–647.

Kibrik A., Grüning A. Referential Choice and Activation Factors: A Neural Network Approach // Antonio Branco, Tony McEnery and Ruslan Mitkov (eds.) Proceedings of the 4th Discourse anaphora and anaphor resolution colloquium. — Lisbon: Edições Colibri, 2002. — P. 81–86.

Kibrik A.A., A typologically oriented portrait of the Athabaskan language family // / Под ред. В.И. Подлеской и др. Третья зимняя типологическая школа: Международная школа по лингвистической типологии и антропологии. Московская обл., 29 января — 6 февраля 2002 г. Материалы лекций и семинаров. — М.: РГГУ, 2002. — С. 38–48.

Kibrik A.A. Studies in Upper Kuskokwim Athabaskan, a language of interior Alaska // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур: Материалы международной конференции XXIII Дульзоновские чтения. Ч. 1 / Под ред. О.А. Осиповой и др. — Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2002. — С. 303–311.

Kibrik A., Podlesskaya V., Kal'kova T., Litvinenko A. A cognitive analysis of children's night dream stories // Доклады международной конференции «Когнитивные сценарии коммуникации на перекрестке языков и культур» / Под ред. С.С. Дикаревой, Т.Г. Скребцовой. — Симферополь: ТНУ им. В.И. Вернадского, 2002. — С. 156–157.

Kibrik A.A. Review of: Marianne Mithun. The languages of native North America. Cambridge: CUP, 1999 // *Linguistic typology*. — 2002. — Vol. 6-1. — P. 117–122.

Кибрик А.А., Кобозева И.М., Секерина И.А. Предисловие ко второму изданию // Современная американская лингвистика: Фундаментальные направ-

ления / Под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой и И.А. Секериной. 2-е изд. — М.: УРСС, 2002. — С. 7–8.

Кибрик А.А., Кобозева И.М., Секерина И.А. Предисловие редакторов // Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления / Под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой и И.А. Секериной. 2-е изд. — М.: УРСС, 2002. — С. 9–12.

Кибрик А.А., Плузгян В.А. Функционализм // Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления / Под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой и И.А. Секериной. 2-е изд. — М.: УРСС, 2002. — С. 276–339.

Kibrik A.A. Winning the prefixation contest: Athabaskan languages of North America // 10th International morphology meeting. Abstracts. — Budapest: Research Institute for Linguistics, Hungarian Academy of Sciences, 2002. — P. 36–37.

Кибрик А.А. Дискурс // Программы и учебный план отделения теоретической и прикладной лингвистики. — М.: МГУ, 2002.

Кибрик А.А. Языки мира и языковые ареалы // Программы и учебный план отделения теоретической и прикладной лингвистики. — М.: МГУ, 2002.

Kibrik A.A. Plus or minus switch-reference: referential strategies in Tuva // Труды казанской школы по компьютерной и когнитивной лингвистике TEL-2002 / Под ред. Р.Г. Бухараева, В.Д. Соловьева и Д.Ш. Сулейманова. — Казань: Отечество, 2002. — С. 269–296.

Кибрик А.А. Языки мира и языковые ареалы: проспект учебника // Языки мира. Типология. Уралистика. (Памяти Т. Ждановой) / Сост. В.А. Плузгян, А.Ю. Урманчиева. — Москва: Индрик, 2002.

2003

Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе. Докт. диссертация в форме доклада. — М.: Институт языкознания РАН, 2003.

Kibrik A.A., Gruening A. A neural network approach to referential choice // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции Диалог-2003. — М.: Наука, 2003. — С. 260–266.

Кибрик А.А., Подлесская В.И. К методике корпусных исследований устной речи: опыт создания дискурсивной транскрипции // Обработка текста и когнитивные технологии № 8. Международная конференция «Когнитивное моделирование в лингвистике». 1–7 сентября 2003, Варна. Сборник докладов / Под ред. В.Д. Соловьева, В.Н. Полякова. — Варна-Москва, 2003. — С. 394–402.

Кибрик А.А. Опыт социолингвистического опроса в малом языковом обществе // I Международный симпозиум по полевой лингвистике. Тезисы докладов. Москва, 23–26 октября 2003. — Москва: ИЯз, 2003. — С. 50–53.

Кибрик А.А., Подлесская В.И. К созданию корпусов устной русской речи: принципы транскрибирования // *Научно-техническая информация. Серия 2.* — 2003. — № 10. — С. 5–13.

Кибрик А.А. Референциальные стратегии в тувинском языке: корпусные и экспериментальные данные // *Теория, история, типология языков. Материалы чтений памяти В.Н. Ярцевой. Вып. I.* — М.: ИЯз РАН, 2003. — С. 249–259.

2004

Языки мира: Индоарийские языки древнего и среднего периодов / Под ред. А.А. Кибрика, Т.Я. Елизаренковой, Л.И. Куликова. — М.: Academia, 2004.

Кибрик А.А., Подлесская В.И. Проблема транскрипции устного русского дискурса // II международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: Исторические судьбы и современность». Труды и материалы. — М.: Изд-во МГУ, 2004. — С. 395–396.

Kibrik A.A. Is there case in head-marking languages? // International Symposium “The typology of argument structure and grammatical relations”. Proceedings. — Казань: Казанский ун-т, 2004. — С. 75–78.

Kibrik A.A. Coordination in Upper Kuskokwim Athabaskan // Martin Haspelmath (ed.) *Coordinating constructions.* — Amsterdam: Benjamins, 2004. — P. 537–554.

Кибрик А.А., Подлесская В.И. Речевые сбои и способы их отражения в дискурсивной транскрипции // VII Международная конференция «Когнитивное моделирование в лингвистике». Труды. — Варна, 2004. — С. 194–203.

Кибрик А.А., Подлесская В.И., Дараган Ю.В., Ефимова З.В., Коротаев Н.А., Литвиненко А.О., Цуканова В.Л. Проблема сегментации устного дискурса и когнитивная система говорящего // Первая российская конференция по когнитивной науке. Тезисы докладов. — Казань: КГУ, 2004. — С. 107–109.

Кибрик А.А., Подлесская В.И., Дараган Ю.В., Ефимова З.В., Коротаев Н.А., Литвиненко А.О., Цуканова В.Л. Опыт создания корпуса устного русского дискурса // Международная конференция «Корпусная лингвистика — 2004». Тезисы докладов. — СПб: Изд-во СПбГУ, 2004. — С. 41–43.

Kibrik A.A. Review of: *Anaphora: a cross-linguistic study*, by Yan Huang // *Linguistic typology.* — 2004. — No 8-3. — P. 389–393.

Kibrik A.A. Zero anaphora vs zero person marking in Slavic: a chicken/egg dilemma? // *DAARC 2004: 5th discourse anaphora and anaphor resolution colloquium. Proceedings.* — Lisbon: Edições Colibri, 2004. — С. 87–90.

Кибрик А.А. Референция и рабочая память: о взаимодействии лингвистики с психологией и когнитивной наукой // Материалы первой российской интернет-конференции по когнитивной науке / Под ред. А.Н. Гусева, В.Д. Соловьева. — М.: УМК Психология, 2004. — С. 29–43.

2005

Языки мира: Славянские языки / Под ред. А.А. Кибрика, А.М. Молдована, С.С. Скорвида, Н.В. Роговой, Е.И. Якушкиной, А.Ф. Журавлевой, С.М. Толстой. — М.: Academia, 2005.

Kibrik A.A., Gruening A. Modeling Referential Choice in Discourse: A Cognitive Calculative Approach and a Neural Networks Approach // António Branco, Tony McEnery and Ruslan Mitkov (eds.). Anaphora Processing: Linguistic, Cognitive and Computational Modelling. — Amsterdam: Benjamins, 2005. — P. 163–198.

Kibrik A.A. On the use of quasi-grammeme in Athabaskan // Восток — Запад: Вторая международная конференция по модели «Смысл — Текст» / Под ред. Ю.Д. Апресяна, Л.Л. Иомдина. — М.: ЯСК, 2005. — С. 208–218.

Кибрик А.А., Подлесская В.И. Самоисправления говорящего в устной монологической речи по данным корпусного исследования // Четвертая типологическая школа. Материалы лекций и семинаров / Под ред. В.И. Подлесской, А.В. Архипова, Ю.А. Ландера. — М.: РГГУ, 2005. — С. 274–279.

Кибрик А.А., Коваль А.И. Дискурс гриота // Четвертая типологическая школа. Материалы лекций и семинаров / Под ред. В.И. Подлесской, А.В. Архипова, Ю.А. Ландера. — М.: РГГУ, 2005. — С. 189–192.

Kibrik A.A. Discourse status of clauses in Karachay-Balkar: A corpus-based and experimental study // Четвертая типологическая школа. Материалы лекций и семинаров / Под ред. В.И. Подлесской, А.В. Архипова, Ю.А. Ландера. — М.: РГГУ, 2005. — С. 35–37.

Кибрик А.А., Подлесская В.И. Коррекция сбоев в устной спонтанной речи // Диалог. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции Диалог'2005 / Под ред. И.М. Кобозевой, А.С. Нариньяни, В.П. Селегея. — М.: Наука, 2005. — С. 412–425.

Кибрик А.А., Красавина О.Н. A corpus study of referential choice: The role of rhetorical structure // Диалог. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции Диалог'2005 / Под ред. И.М. Кобозевой, А.С. Нариньяни, В.П. Селегея. — М.: Наука, 2005. — С. 561–569.

Кибрик А.А. Модус, жанр и функциональный стиль — три параметра классификации дискурсов // Труды международной конференции «Функциональные стили звучащей речи» / Под ред. Л.В. Златоустовой. — М.: МГУ, 2005. — С. 57–60.

Кибрик А.А., Подлесская В.И., Кортаев Н.А., Литвиненко А.О., Хуришудян В.Г., Цуканова В.Л. Корпус устных детских рассказов о сновидениях и функциональные особенности бытового рассказа // Труды международной конференции «Функциональные стили звучащей речи» / Под ред. Л.В. Златоустовой. — М.: МГУ, 2005. — С. 60–63.

Кибрик А.А., Коваль А.И., Ба А.Й. Сказание «Любовь», или «Dingiral», на языке пулар // Африканская сказка — III / Под ред. А.И. Коваль. — М.: Восточная литература, 2005. — С. 399–479.

Кибрик А.А. Аймара язык // Большая Российская Энциклопедия. Том 1. — М.: Большая российская энциклопедия, 2005. — С. 312–313.

Кибрик А.А. Алгские языки // Большая Российская Энциклопедия. Том 1. — М.: Большая российская энциклопедия, 2005. — С. 428.

Кибрик А.А. Алгонкинские языки // Большая Российская Энциклопедия. Том 1. — М.: Большая российская энциклопедия, 2005. — С. 424–425.

Кибрик А.А. Атабаскские языки // Большая Российская Энциклопедия. Том 2. — М.: Большая российская энциклопедия, 2005. — С. 433–434.

Кибрик А.А. Атапаски // Большая Российская Энциклопедия. Том 2. — М.: Большая российская энциклопедия, 2005. — С. 437–438.

Kibrik A.A. Inflection versus Derivation and the Template for Athabaskan Verb Morphology // S. Gessner (ed.) Alaska Native Language Center Working Papers, vol. 5. Proceedings of the 2005 Athabaskan Languages Conference. — Fairbanks: ANLC, 2005. — P. 67–94.

Kibrik A.A. Chafe, Wallace // Strasny, Philipp (ed). Routledge Encyclopedia of Linguistics. — London: Routledge, 2005.

2006

Языки мира: Балтийские языки / Под ред. А.А. Кибрика, В.Н. Топорова, М.В. Завьяловой, Н.В. Роговой, А.В. Андропова, Ю.Б. Корякова. — М.: Academia, 2006.

Кибрик А.А., Подлесская В. И. Проблема сегментации устного дискурса и когнитивная система говорящего // Когнитивные исследования — I. — Т. 1. — 2006. — С. 138–158.

Кибрик А.А. Multi-factorial choices in speaking // 2-я международная конференция по когнитивной науке. Тезисы. Том 1. — СПб, 2006. — С. 86–87.

Кибрик А.А., Подлесская В.И. Коррекция в устной русской монологической речи по данным корпусного исследования // *Русский язык в научном освещении*. — 2006. — №2 (12). — С. 7–55.

Кибрик А.А., Прозорова Е.В. Референция в звучащих и жестовых языках // Современные аспекты жестового языка / Под ред. А.А. Комаровой. — М.: 2006. — С. 162–179.

2007

Кибрик А.А., Прозорова Е.В. Referential Choice in Signed and Spoken Languages // Antonio Branco, Tony McEnery, Ruslan Mitkov, and Fatima Silva (eds.) DAARC 2007 (6th Discourse Anaphora and Anaphor Resolution Colloquium). Pro-

ceedings. — Porto: Centro de Linguistica da Universidade do Porto. — 2007. — P. 41–46.

Кибрик А.А., Прозорова Е.В. Референциальный выбор в русском жестовом языке // Диалог. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции Диалог'2007 / Под ред. Л.Л. Иомдина, Н.И. Лауфер, А.С. Нариньяни, В.П. Селегея. — М.: ИПИ РАН, 2007. — С. 220–230.

Кибрик А.А., Подлесская В.И. Самоисправления говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной речи / *Научно-техническая информация. Серия 2.* — 2007. — №2. — С. 2–23.

Кибрик А.А., Подлесская В.И. Элементарные единицы в устном русском дискурсе и их когнитивные основания // III Международный конгресс исследователей русского языка. Русский язык: Исторические судьбы и современность. Труды и материалы. — М.: МГУ, 2007. — С. 464–465.

Кибрик А.А., Эльберт Е.М. Понимание устного дискурса: вклад трех информационных каналов // Megaling'2007. Горизонты прикладной лингвистики и лингвистических технологий. Международная научная конференция. — Симферополь: ДиАйПи, 2007. — С. 58–59.

Кибрик А.А. Дакота язык // Большая Российская Энциклопедия. Том 8. — М.: Большая российская энциклопедия, 2007. — С. 248.

Кибрик А.А. Дейксис // Большая Российская Энциклопедия. Том 8. — М.: Большая российская энциклопедия, 2007. — С. 432.

Кибрик А.А., Коротаев Н.А., Подлесская В.И. Полипредикативность и интеграция в устном нарративном дискурсе // Первый междисциплинарный семинар «Анализ устной разговорной речи» AP³-2007. Санкт-Петербург, 2007. — С. 14–20.

Кибрик А.А. Связанность и доминантность: два параметра типологии местоимений // Типология языка и теория грамматики. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С.Д. Кацнельсона / Под ред. М.Д. Воейковой и др. — Санкт-Петербург: Нестор-История, 2007. — С. 95–97.

2008

Кибрик А.А. Финитность и дискурсивная функция клаузы (на примере карачаево-балкарского языка) // Грамматические категории в дискурсе / Под ред. В.Ю. Гусева, В.А. Плунгяна, А. Урманчиевой. — Т. 4 — Исследования по теории грамматики. — М.: Гнозис, 2008. — С. 131–166.

Кибрик А.А. Есть ли предложение в устной речи? // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова / Под ред. А.В. Архипова, Л.М. Захарова, А.А. Кибрика и др. — М.: ЯСК, 2008. — С. 104–115.

Кибрик А.А., Коваль А.И. Система дискурсивной транскрипции для фольклорного дискурса на языке пулар // Малые языки и традиции: существование на грани. Вып. 2 / Под ред. А.В. Архипова и др. — М.: ЯСК, 2008. — С. 260–303.

Кибрик А.А. О смысле понятия «дискурс СМИ» // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования / Под ред. М.Н. Володиной. — М.: Филол. ф-т МГУ, 2008. — С. 179–182.

Кибрик А.А., Подлесская В.И. Is sentence viable? // 3-я международная конференция по когнитивной науке. Тезисы. Том 1. — М.: ИП РАН, 2008. — С. 84–85.

Кибрик А.А., Эльберт Е.М. Understanding spoken discourse: The contribution of three information channels // 3-я международная конференция по когнитивной науке. Тезисы. Том 1. — М.: ИП РАН, 2008. — С. 82–84.

Кибрик А.А. Русские заимствования в верхнекускоквимском языке и экспедиция Л.А. Загоскина // Русский путешественник и общественный деятель Лаврентий Загоскин. Исследования и материалы / Под ред. Ю.Ю. Гордовой, П.А. Филина, Л.В. Чекурина. — Рязань: Управление культуры и массовых коммуникаций Рязанской области, 2008. — С. 141–147.

Кибрик А.А. Слова Загоскина в центре Аляски // Лаврентий Алексеевич Загоскин и исследования Русской Америки. Материалы международной научно-практической конференции / Под ред. Л.В. Чекурина. — Рязань: Управление культуры и массовых коммуникаций Рязанской области, 2008. — С. 161–165.

Кибрик А.А. Обосновано ли понятие «дискурс СМИ»? // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе / Под ред. А.Г. Пастухова. — Орел: ОГИИК, 2008. — С. 6–11.

Кибрик А.А. Просодический портрет говорящего как инструмент транскрибирования устного дискурса // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 7 (14). По материалам международной конференции Диалог 2008 / Под ред. А.Е. Кибрика и др. — М.: ИПИ РАН, 2008. — С. 185–191.

Кибрик А.А. Мультимодальная лингвистика: направления исследований // Обработка текста и когнитивные технологии (Когнитивное моделирование в лингвистике. Труды X международной конференции) / Под ред. В.Н. Полякова. — Казань: Изд-во Казанского университета, 2008. — С. 132–145.

Кибрик А.А., Савельева-Трофимова О.А. Субклаузные дискурсивные единицы в устной речи (на материале корпуса «Рассказы о сновидениях») // Второй междисциплинарный семинар «Анализ устной разговорной речи» ARi-2007. Санкт-Петербург: СПИИ РАН, 2008. — С. 10–13.

Кибрик А.А., Савельева-Трофимова О.А. Постпозитивные субклаузные единицы в устной речи (на материале корпуса «Рассказы о сновидениях») // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика — 2008». Санкт-Петербург, СПбГУ, 2008. — С. 350–356.

Кибрик А.А., Коротаяев Н.А. Иллокуция сообщения в устных рассказах: опыт корпусного исследования // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика — 2008». Санкт-Петербург: СПбГУ, 2008. — С. 214–220.

Кибрик А.А. Пропозициональная деривация и атабаскские языки // Исследования по глагольной деривации / Под ред. В.А. Плуногьяна и С.Г. Татевова. — М.: ЯСК, 2008. — С. 127–148.

Kibrik A.A. Upper Kuskokwim Athabaskans: Personal, ethnic, and national history // Birger Poppel (ed.) 6th International Congress of Arctic Social Sciences (ICASS VI). Nuuk: IASSA, 2008. — P. 140–141.

Кибрик А.А. О важности лингвистического изучения русского жестового языка // Лингвистические права глухих / Под ред. А.А. Комаровой, Н.А. Чаушьян. — М.: ОООИ ВОГ, 2008. — С. 122–129.

Kibrik A.A. On the importance of Russian Sign language linguistic research // Лингвистические права глухих (Linguistic rights of the Deaf) / Под ред. А.А. Комаровой, Н.А. Чаушьян. — М.: ОООИ ВОГ, 2008. — С. 393–399.

Kibrik A.A. Communicative intentions and the structure of Russian television interview dialogues // Проблемы прикладной лингвистики: Науковий збірник за матеріалами III-ї Міжнародної науково-практичної конференції, присвяченої пам'яті Романа Осиповича Якобсона (Одеса, 28 квітня — 1 травня 2008 року) / Под ред. Н.В. Бардиной. — Одесса: Астропринт, 2008. — С. 118–141.

Кибрик А.А. Индейские языки // Большая российская энциклопедия, том 11. — М.: Большая российская энциклопедия, 2008. — С. 199–203.

2009

Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // *Вопросы языкознания*. — 2009. — №2. — С. 3–21.

Кибрик, А.А. Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / Под ред. А.А. Кибрика и В.И. Подлесской. — Москва: Издательский дом «ЯСК». — 2009.

Кибрик А.А., Кодзасов С.В., Худякова М.В. Просодическая транскрипция: уровни детализации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 8 (15). По материалам международной конференции Диалог 2009 / Под ред. А.Е. Кибрика и др. — М.: РГГУ, 2009. — С. 143–148.

Кибрик А.А., Подлесская В.И. Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 8 (15). По материалам международной конференции Диалог 2009 / Под ред. А.Е. Кибрика и др. — М.: РГГУ, 2009. — С. 390–395.

Kibrik A.A. Basics of referential systems: Sorting things out // A.L. Devi, A. Branco, and R. Mitkov (eds.) Proceedings of the 7th Discourse Anaphora and

Anaphor Resolution Colloquium (DAARC 2009, Goa, India, November 2009). — Chennai: AU-KBG Research Center, 2009. — С. 1–8.

Kibrik A.A. Encoding directions in Upper Kuskokwim Athabaskan: A case study in field ethnolinguistics // III Международная конференция по полевой лингвистике (Москва, октябрь 2009). Труды и материалы / Под ред. М.Е. Алексеева, Т.Б. Агранат, В.Ю. Гусева, А.Д. Нахимовского. — М.: Тезаурис, 2009. — С. 20–25.

Кибрик А.А. О правомерности понятия «медийный дискурс» // I-формат. Журналистика провинции: альманах (Ставрополь). Выпуск 5, 2009. — С. 20–25.

2010

Языки мира: Древние реликтовые языки Передней Азии / Под ред. А.А. Кибрика, Н.Н. Казанского, Ю.Б. Корякова. — М.: Academia, 2010.

Кибрик А.А. Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования — IV / Под ред. Ю.И. Александрова, В.Д. Соловьева. — М.: ИП РАН, 2010. — С. 134–152.

Кибрик А.А. Кри язык // Большая российская энциклопедия. Том 16. — М.: Большая российская энциклопедия, 2010. — С. 10.

Кибрик А.А., Добров Г.Б., Залманов Д.А., Линник А.С., Лукашевич Н.В. Референциальный выбор как многофакторный вероятностный процесс. Диалог-2010 (Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии). Вып. 9 (16). — 2010. — М.: РГГУ. — С. 173–180.

Кибрик А.А., Бергельсон М.Б. Языковое наследие Русской Америки: реликтовый диалект деревни Нинильчик на Аляске // IV Международный конгресс исследователей русского языка (МГУ, 20-23 марта 2010). Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. — М.: Изд-во Московского университета, 2010. — С. 638.

Кибрик А.А., Добров Г.Б., Залманов Д.А., Лукашевич Н.В. Referential choice as a probabilistic multi-factorial process // Четвертая международная конференция по когнитивной науке. Том 1. — Томск: Томский государственный университет, 2010. — С. 56–58.

Кибрик А.А., Зверев А.С. Dimensional directionals in Upper Kuskokwim Athabaskan: Orientation in physical and cognitive space // Четвертая международная конференция по когнитивной науке. Том 1. — Томск: Томский государственный университет, 2010. — С. 112–115.

Кибрик А.А., Подлесская В.И. Вставочные конструкции в устном дискурсе // В пространстве языка и культуры: Звук, знак, смысл. Сборник статей в честь 70-летия В.А. Виноградова / Под ред. В.З. Демьянкова, В.Я. Порхомовского. — М.: ЯСК, 2010. — С. 87–99.

Kibrik A.A., Bergelson M. The Ninilchik variety of Russian: Linguistic heritage of Alaska // A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin (eds.) *Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic approaches to non-standard Russian (Slavica Helsingiensia 40)*. — Helsinki: Helsinki University Press, 2010. — P. 299–313.

2011

Kibrik A.A., Bergelson M., Leman W. Ninilchik Russian: The first language of Ninilchik, Alaska. — Lulu Press, 2011.

Kibrik A.A. Transitivity indicators, historical scenarios, and sundry Dene-Yeniseian notes // James Kari and Ben A. Potter (eds.) *The Dene-Yeniseian connection. Anthropological papers of the University of Alaska, New Series, Vol. 5 (1-2)*. — Fairbanks: Dept. of Anthropology UAF, 2010. — P. 316–320.

Kibrik A. A. Reference in discourse. — Oxford: Oxford University Press, 2011. — 651 p.

Kibrik A.A. Cognitive discourse analysis: local discourse structure // Marcin Grygiel and Laura A. Janda (eds.) *Slavic Linguistics in a Cognitive Framework*. — Frankfurt/New York: Peter Lang Publishing Company, 2011. — P. 273–304.

Языки мира: Новые индоарийские языки / Под ред. А.А. Кибрика, Т.И. Оранской, Ю.В. Мазуровой, Л.И. Куликова, А.Ю. Русакова. — М.: Академия, 2011.

Kibrik A.A., Loukachevitch N.V., Dobrov G.B., Khudyakova M.V., Linnik A.S. Factors of referential choice: Computational modeling // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2011). *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference “Dialogue” (2011)*. Вып. 10 (17). / Под ред. А.Е. Кибрика и др.— М.: РГГУ, 2011. — С. 458–467.

Кибрик А.А., Добров Г.Б., Линник А.С., Лукашевич Н.В., Худякова М.В. Факторы референциального выбора: корпусное исследование // Нелинейная динамика в когнитивных исследованиях — 2011: труды конференции. — Нижний Новгород: РАН, Ин-т приклад. физики, 2011. — С. 117–120.

Кибрик А.А. Дискурсивная таксономия и медийный дискурс // Язык и дискурс СМИ в XXI веке / Под ред. М.Н. Володиной. — М.: Академический проект, 2011. — С. 79–85.

2012

Kibrik A.A. Toward a typology of verb lexical systems: A case study in Northern Athabaskan // *Linguistics*. — 2012. — Vol. 50.3. — P. 495–532.

Кибрик А.А., Линник А.С., Добров Г.Б., Худякова М.В. Оптимизация модели референциального выбора, основанной на машинном обучении // *Ком-*

пьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии — 2012. — 11 (18), том 1. — М.: Изд-во РГГУ. — С. 237–246.

Kibrik A. A. What's in the head of head-marking languages? // Pirkko Suihkonen, Bernard Comrie and Valery Solovyev (eds.) *Argument Structure and Grammatical Relations: A Crosslinguistic Typology*. — Vol. 126 of *Studies in Language Companion Series*. — Benjamins Amsterdam, Netherlands Amsterdam, 2012. — P. 211–240.

Кибрик А.А. О важности лингвистического изучения русского жестового языка // *Русский жестовый язык: Первая лингвистическая конференция. Сборник статей / Под ред. О.В. Федоровой*. — М.: Буки Веди, 2012. — С. 5–13.

Kibrik A.A. Prosody and local discourse structure in a polysynthetic language // *Пятая международная конференция по когнитивной науке. 18–24 июня 2012 г., Калининград, Россия. Тезисы докладов. Том 1. / Под ред. Ю.И. Александрова и др.* — Калининград: МАКИ, 2012. — С. 80–81.

Kibrik A.A. Non-discrete effects in language, or the Critique of Pure Reason 2 // *Пятая международная конференция по когнитивной науке. 18–24 июня 2012 г., Калининград, Россия. Тезисы докладов. Том 1. / Под ред. Ю.И. Александрова и др.* — Калининград: МАКИ, 2012. — С. 81–83.

Kibrik A.A. The challenge of non-discreteness: Focal structure in language // *45th Annual meeting of the Societas Linguistica Europaea. Book of abstracts*. — Stockholm: Stockholm University, 2012. — P. 3.

Kibrik A.A. Origins of the Russian referential system: Alternative scenarios // *45th Annual meeting of the Societas Linguistica Europaea. Book of abstracts*. — Stockholm: Stockholm University, 2012. — P. 169.

2013

Kibrik A.A., Dobrov G.B., Khudyakova M.V., Loukachevitch N.V., Pechenyj A. A corpus-based study of referential choice: Multiplicity of factors and machine learning techniques // V. Solovyev, V. Polyakov (eds.) *Text processing and cognitive technologies, Issue 20. Cognitive modeling in linguistics: Proceedings of the 13th International Conference (Corfu, September 2011)*. — Kazan: KFU, 2013. — P. 118–126.

Kibrik A.A., Bergelson M. Alaskan Russian: The story of the Ninilchik community as told by its language // John Dusty Kidd (ed.) *Over the near horizon: Proceedings of the 2010 International Conference on Russian America (Sitka, Alaska, August 19–21, 2010)*. — Sitka: Sitka Historical Society, 2013. — P. 217–225.

Бергельсон М.Б., Кибрик А.А., Раскладкина М.К. Русское языковое наследие Аляски: в поисках родного языка // *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*. — 2013. — № 1. — С. 158–168.

Kibrik A.A. Discourse structure and communicative intentions: A study of Russian TV interviews // *Mediensprache und Medienkommunikation im interdisziplinären*

nären und interkulturellen Vergleich. Maja N. Volodina (Hrsg.). — Institut für Deutsche Sprache Mannheim, 2013. — P. 223–245.

Кибрик А.А. Дискурсивная таксономия // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая — 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19). Т. 1. — М.: Изд-во РГГУ, 2013. — С. 827.

Kibrik A.A., Molchanova N.B. Channels of multimodal communication: Relative contributions to discourse understanding // M. Knauff, M. Pauen, N. Sebanz, and I. Wachsmuth (eds.) Proceedings of the 35th Annual Conference of the Cognitive Science Society. — Austin, TX: Cognitive Science Society. — 2013. — P. 2704–2709.

Kibrik A.A. Peculiarities and origins of the Russian referential system // Dik Bakker and Martin Haspelmath (eds.) Languages Across Boundaries: Studies in Memory of Anna Siewierska. — Berlin: Mouton de Gruyter, 2013. — P. 239–274.

Kibrik A.A., Khudyakova M.V., Dobrov G.B., Linnik A.S. Referential choice: Factors and modeling // LATEUM 2013. Conference proceedings. Ed. by Olga V. Aleksandrova. Moscow: MAKS Press, 2013. — P. 16–21.

Kibrik A.A. Discourse semantics and the form of verb predicate in Karachay-Balkar: A corpus-based and experimental study // Language typology and historical contingency: A festschrift to honor Johanna Nichols. Ed. by Balthasar Bickel, Lenore Grenoble, David A. Peterson, Alan Timberlake. — John Benjamins, 2013.

Кибрик А.А. Недискретность в языке и фокальная структура // Когнитивное моделирование: Труды Первого Международного форума по когнитивному моделированию (14-21 сентября 2013 г., Италия, Милано-Маритима). В 2-х частях. Часть 1 / Под ред. С.И. Масаловой. — Ростов на Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2013. — С. 113–116.

Кибрик А.А., Сидорова Е.В. Откуда есть пошло субъектное местоимение на Руси? // Материалы международной конференции «Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии». Москва, МГУ, 26–28 ноября 2013 года. — М.: Макс Пресс, 2013. — С. 167–169.

Кибрик А.А. Навахо язык // Большая Российская Энциклопедия. Том 21. — М.: Большая российская энциклопедия, 2013. — С. 640–641.

Кибрик А.А. На-дене // Большая Российская Энциклопедия. Том 21. — М.: Большая российская энциклопедия, 2013. — С. 680.

Языки мира: Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии. / Под ред. А.А. Кибрика, Ю.Б. Корякова. — М.: Academia, 2013.

2014

Кибрик А.А. Предисловие // Материалы семинара «Мультимодальная коммуникация: теоретические и эмпирические исследования», Москва, 15 ноября

2013 г. / Под ред. О.В. Федоровой, А.А. Кибрика. — М.: Буки Веди, 2014. — С. 5–7.

Кибрик А.А., Молчанова Н.Б. Каналы мультимодальной коммуникации: относительный вклад в понимание дискурса // Материалы семинара «Мультимодальная коммуникация: теоретические и эмпирические исследования», Москва, 15 ноября 2013 г. / Под ред. О.В. Федоровой, А.А. Кибрика. — М.: Буки Веди, 2014. — С. 99–114.

Кибрик А.А., Кодзасов С.В., Архипов А.В., Федорова О.В. Скрытые просодии русского слова // Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика / Под ред. М.А. Даниэля, Е.А. Лютиковой, В.А. Плунгяна, С.Г. Татевосова, О.В. Федоровой. Санкт-Петербург: Алетей, 2014. — С. 277–292.

Кибрик А.А. Рец. на: А.Ю. Петров. Наталия Шелихова у истоков Русской Америки // *History and Historians in the Context of the Time*. — 2014. — Vol. (13), № 2. — P. 109–112.

Кибрик А.А. Язык интересен, или Лингвистика среди наук когнитивного спектра // Шестая международная конференция по когнитивной науке. 23–27 июня 2014 г., Калининград, Россия. Тезисы докладов / Под ред. А.А. Кибрика, Ю.И. Александрова, К.В. Анохина, Б.В. Величковского, А.К. Крылова, Ю.В. Мазуровой, О.В. Федоровой, Т.В. Черниговской. — Калининград, 2014. — С. 18–20.

Кибрик А.А., Худякова М.В., Добров Г.Б. Некатегорический референциальный выбор // Шестая международная конференция по когнитивной науке. 23–27 июня 2014 г., Калининград, Россия. Тезисы докладов / Под ред. А.А. Кибрика, Ю.И. Александрова, К.В. Анохина, Б.В. Величковского, А.К. Крылова, Ю.В. Мазуровой, О.В. Федоровой, Т.В. Черниговской. — Калининград, 2014. — С. 606–607.

Кибрик А.А., Романова О.И., Коряков Ю.Б. Презентация новых книг лингвистической энциклопедии «Языки мира» (Москва, РГГУ, 31 марта 2014 г.) // *Вестник РГНФ*. — 2014. — №2 (75). — С.166–172.

Кибрик А.А. Таинственный и загадочный жестовый язык (интервью с А.А. Кибриком). Беседовал Ярослав Пичугин // За жестовый язык! / Под ред. А.А. Комаровой, В.А. Паленного. — М.: ОООИ ВОГ, 2014. — С. 29–32.

Кибрик А.А. Полисинтетизм // Большая Российская Энциклопедия. — М.: Большая российская энциклопедия. Т. 26. — 2014.

Кибрик А.А. Полисинтетические языки // Большая Российская Энциклопедия. — М.: Большая российская энциклопедия. Т. 26. — 2014.

Кибрик А.А. Сандро Васильевич Кодзасов (14.07.1938–25.10.2014) // *Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология*. — 2014. — № 5. — С. 236–239.

2015

Кибрик А.А. Когнитивный анализ дискурса: локальная структура // *Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика* / Под ред. А.А. Кибрика, А.Д. Кошелева, А.В. Кравченко, Ю.В. Мазуровой, О.В. Федоровой. — Москва: ЯСК, 2015. — С. 595–634.

Кибрик А.А., Кошелев А.Д. От составителей: когнитивная лингвистика — в поисках единства // *Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика* / Под ред. А.А. Кибрика, А.Д. Кошелева, А.В. Кравченко, Ю.В. Мазуровой, О.В. Федоровой. — Москва: ЯСК, 2015. — С. 21–25.

Кибрик А.А. Опыт преподавания языков меньшинств в школах Аляски (США) // *Язык. Общество. История науки. К 70-летию члена-корреспондента РАН В.М. Алпатова. Тезисы международной конференции* / Сост. А.С. Панина. — М.: ИВ РАН, 2015. — С. 53–54.

Kibrik A.A. The problem of non-discreteness and spoken discourse structure // *Computational linguistics and intellectual technologies*. — 2015. — 14 (21), vol. 1. — P. 225–233.

Кибрик А.А., Николаева Ю.В., Федорова О.В. Структура устного дискурса: взгляд со стороны мультимодальной лингвистики // *Computational linguistics and intellectual technologies*. — 2015. — 14 (21), vol. 1. — С. 469–480.

Кибрик А.А., Соловьев В.Д. Чем компьютерные технологии могут помочь лингвистической типологии // *Вестник Российской академии наук*. — 2015. — Т. 85, № 1. — С. 32–38.

Kibrik A.A., Solovyev V.D. How can computer technologies help linguistic typology // *Herald of the Russian Academy of Sciences*. — 2015. — Vol. 85, no. 1. — P. 33–39.

Kibrik A.A. Russian Pear Stories: Sign language, gesticulation, multimodality // G. Airenti, G.B. Bara, and G. Sandini (eds.) EAP Cogsci 2015 conference proceedings. — Torino: CEUR-WS.org. — P. 14–15.

Kibrik A.A., Fedorova O.V., Nikolaeva Ju.V. Multimodal discourse: In search of units // G. Airenti, G.B. Bara, and G. Sandini (eds.) EAP Cogsci 2015 conference proceedings. — Torino: CEUR-WS.org. — P. 662–667.

Kibrik A.A., Fedorova O.V. Language as is: A multimodal initiative. The Third St. Petersburg Winter Workshop on Experimental Studies of Speech and Languages. Night Whites 2015. December 18–19. — St. Petersburg: Smolny, 2015. — P. 20.

2016

Кибрик А.А., Федорова О.В., Языков С.А. Перспективы использования очков-айтрекеров в когнитивных исследованиях мультимодальности // *Айтре-*

кинг в психологической науке и практике / Под ред. В.А. Барабанщикова. — М.: Московский институт психоанализа, 2016. — С. 79–86.

Kibrik A.A. Upper Kuskokwim (Athabaskan, Alaska): Local Discourse Structure // Workshop Coherencia discursiva en lenguas amerindias. Universidad de Sonora, Hermosillo, 10–11 marzo 2016. — Universidad de Sonora, 2016. — P. 11–12.

Кибрик А.А. На пути к естественной грамматике русского языка // Тезисы докладов участников международного научного симпозиума «Русская грамматика 4.0» (13–16 апреля 2016 г.). — М.: ИРЯП, 2016. — С. 13–17.

Кибрик А.А., Федорова О.В. Влияние структуры зрительных стимулов на событийную структуру дискурса // События в коммуникации и когниции. Материалы международной научной конференции. Москва, 19–20 мая 2016 года. — М.: МГЛУ, 2016. — С. 24–25.

Кибрик А.А., Николаева Ю.В. Вербальный и невербальные каналы (раздел 3.2.1) // Основы теории коммуникации / Под ред. Т.Д. Венедиктовой, Д.Б. Гудкова. — М.: Юрайт, 2016. — С. 43–46.

Кибрик А.А. Просодия (раздел 3.2.2) // Основы теории коммуникации / Под ред. Т.Д. Венедиктовой, Д.Б. Гудкова. — М.: Юрайт, 2016. — С. 46–48.

Кибрик А.А., Бергельсон М.Б. Модусы коммуникации (раздел 3.3) // Основы теории коммуникации / Под ред. Т.Д. Венедиктовой, Д.Б. Гудкова. — М.: Юрайт, 2016. — С. 57–63.

Кибрик А.А. Теория коммуникации и лингвистический анализ дискурса (глава 11) // Основы теории коммуникации / Под ред. Т.Д. Венедиктовой, Д.Б. Гудкова. — М.: Юрайт, 2016. — С. 141–151.

Кибрик А.А., Федорова О.В., Коротаев Н.А., Литвиненко А.О., Николаева Ю.В. Временная координация между жестовыми и речевыми единицами в мультимодальной коммуникации // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. Вып. 15 (22). — М.: Изд-во РГГУ, 2016. — С. 159–170.

Кибрик А.А. Язык как он есть // Седьмая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. — Калининград, 2016. — С. 674–676.

Кибрик А.А., Федорова О.В., Филимонова О.В., Иванова О.О., Нагорная М.А. Вокальный и кинетический вклад в мультимодальную коммуникацию // Седьмая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. — Калининград, 2016. — С. 596–597.

Кибрик А.А., Федорова О.В. Психолингвистические традиции «Язык как продукт» vs «Язык как действие»: еще один возможный компромисс // XLV Международная филологическая научная конференция, Санкт-Петербург, 14–21 марта 2016 г.: Тезисы докладов. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2016. — С. 223–224.

Кибрик А.А., Федорова О.В., Коротаев Н.А., Литвиненко А.О., Николаева Ю.В. Temporal coordination between gestural and speech units in face-to-

face dialogue: anticipation or synchronization/delay // International Gesture Conference (ISGS 2016), Paris, July 18–22, 2016. — Paris, 2016. — P. 178.

Kibrik A.A., Khudyakova M.V., Dobrov G.B., Linnik A., Zalmanov D.A. Referential choice: Predictability and its limits // *Frontiers in psychology*. — 2016. — Vol. 7, no. 1429.

Kibrik A.A., Khudyakova M.V., Dobrov G.B., Linnik A. and Zalmanov D.A. Categorical and non-categorical referential choice // *Cognitive Control, Communication and Perception (CCCP): Psychological and Neurobiological aspects*. Higher School of Economics, September 28–29, 2016. — HSE, 2016. — P. 23.

Кибрик А.А. Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. Седьмая международная конференция по когнитивной науке. 20–24 июня 2016 г., Светлогорск, Россия. Тезисы докладов / Под ред. А.А. Кибрика, Ю.И. Александрова, К.В. Анохина, Б.М. Величковского, А.К. Крылова, Т.В. Черниговской. — М.: Институт психологии РАН, 2016.

2017

Кибрик А.А., Ушаков В.Л., Нагорная М.А., Карташов С.И., Коростелева А.Н., Малахов Д.Г., Орлов В.А., Скитева Л.И., Иванова О.О., Кудрявцева А.С., Золотухин В.А. Исследование структуры устной речи методом фМРТ // XIII Международный междисциплинарный конгресс «Нейронаука для медицины и психологии». Судак, Крым, Россия, 30 мая — 10 июня 2017 года / Под ред. Е.В. Лосевой, А.В. Крючковой, Н.А. Логиновой. — 2017. — С. 196–197.

Кибрик А.А. Хиналуг, Тлядал, Анди, и далее по всем пунктам // Жизнь как экспедиция. Сборник статей к 50-летию школы полевой лингвистики А.Е. Кибрика и С.В. Кодзасова / Под ред. В.А. Плунгяна, О.В. Федоровой. — М.: Буки Веди, 2017. — С. 321–345.

Кибрик А.А., Литвиненко А.О., Николаева Ю.В. Аннотирование русских мануальных жестов: теоретические и практические вопросы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Москва, 31 мая — 4 июня 2017 г.). Вып. 16 (23). — М.: РГГУ, 2017. — С. 271–286.

Кибрик А.А., Литвиненко А.О., Николаева Ю.В. Аннотирование мультиканального дискурса: мануальные жесты // Когнитивная наука в Москве: новые исследования (Москва, 16 июня 2015 г.). Материалы Третьей Международной постерной конференции / Под ред. Е.В. Печенковой, М.В. Фаликман. — М.: ИП РАН, 2017. — С. 516–520.

Kibrik A.A., Fedorova O.V., Nikolaeva J.V. Russian multichannel discourse // International Conference on Multimodal Communication. Osnabrück, 9–11 June 2017. Abstracts. — 2017. — P. 25.

Кибрик А.А. Традиционная пространственная ориентация у атабасков Аляски: дирекционалы в верхнекускоквимском языке // XII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Ижевск, 3–6 июля 2017 г. / Под ред. А.Е. Загребина, М.Ю. Мартыновой. — Москва; Ижевск: ИЭА РАН, УИИЯЛ УрО РАН, 2017. — С. 58.

Kibrik A.A., Fedorova O.V., Litvinenko A.O., Nikolaeva J.V. An empirical study of multichannel communication // Embodied and Situated Language Processing Conference. September 10–12, 2017. Moscow. Abstracts. — Moscow: HSE, 2017. — P. 35–36.

Kibrik A.A. Conceptualization of movement in Upper Kuskokwim Athabaskan // Anastasia Makarova, Stephen M. Dickey, Dagmar Divjak (eds.) Each venture a new beginning. Studies in honor of Laura A. Janda. — Bloomington, Indiana: Slavica, 2017. — P. 127–138.

Кибрик А.А., Федорова О.В. Язык как он есть: непрерывность бимодальной коммуникации // 15th Slavic Cognitive Linguistics Conference. 12–14 October 2017. Institute for Linguistic Studies, St. Petersburg. Book of abstracts. — St. Petersburg: ILI RAN, 2017. P. 14–15.

Кибрик А.А. Почему интересно изучать языки Москвы? // *Родной язык*. — 2017. — №2. — С. 8–23.

Kibrik A.A. Language contacts in the Alaskan interior: Upper Kuskokwim // Kazakevich et al. (eds.) Language contact in the circumpolar world. 27–29th October 2017, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia. — Moscow: ILing RAS, 2017. — P. 28–29.

Кибрик А.А. Памяти смелого человека. Послесловие к книге Е.А. Гришиной «Русская жестикация с лингвистической точки зрения. Корпусные исследования». — М.: ЯСК, 2017.

Kibrik A.A., Bergelson M., Wayne L., Marina R. Dictionary of Ninilchik Russian. 2017 Version / M. Bergelson, A.A. Kibrik, L. Wayne, M. Raskladkina. — Minuteman Press Anchorage, 2017. — 150 p.

Kibrik A.A., Bergelson M.B. Alaskan Russian through the prism of the Ninilchik Russian Dictionary project: “Archaeological” approach to language documentation // S.F. Loshbaugh (ed.) 150 Years: Proceedings of the 2017 Kenai Peninsula History Conference. — Seattle: Skookum Creek Publishing, 2017. — P. 61–70.

Кибрик А.А., Федорова О.В. Русский мультиканальный ресурс «Язык как он есть» // Когнитивное моделирование: Труды Пятого Международного форума по когнитивному моделированию (10–17 сентября 2017 г., Португалия, Кашкайш). В 2-х частях / Под ред. С.И. Масаловой, В.Н. Полякова, В.Д. Соловьева. Часть 1. Когнитивное моделирование в лингвистике: Труды XVIII Международной конференции «Когнитивное моделирование в лингвистике. CML-2017». — Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2017. — С. 86–93.

Языки мира: Славянские языки (2-е изд.) / Под ред. А.А. Кибрика, А.М. Молдована, С.С. Скорвида, Н.В. Роговой, Е.И. Якушкиной, А.Ф. Журавлева, С.М. Толстой. СПб: Нестор-История, 2017.

Языки мира: Языки манде / Под ред. А.А. Кибрика, В.Ф. Выдрина, Ю.В. Мазуровой, Е.Б. Маркус. СПб: Нестор-История, 2017.

2018

Kibrik A.A., Fedorova O.V. An empirical study of multichannel communication: Russian Pear chats and stories // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. — 2018. — 15.2. — С. 191–200.

Кибрик А.А. Тирания чужого ума // *Российский журнал когнитивной науки*. — 2018. — Т. 5, № 1. — С. 27–36.

Кибрик А.А. Русский мультимедийный дискурс. Часть I. Постановка проблемы // *Психологический журнал*. — 2018. — Т. 39, № 1. — С. 70–80.

Кибрик А.А. Русский мультимедийный дискурс. Часть II. Разработка корпуса и направления исследований // *Психологический журнал*. — 2018. — Т. 39, № 2. — С. 79–90.

Кибрик А.А., Федорова О.В. Общее, индивидуальное и контекст в мультимедийной коммуникации // *Когнитивные исследования языка*. — 2018. — Т. 33. — С. 637–645.

Kibrik A.A., Litvinenko A.O., Fedorova O.V., Nikolaeva J.V. Annotating hand movements in multichannel discourse: gestures, adaptors and manual postures // *Российский журнал когнитивной науки*. — 2018. — Vol. 5, no. 2. — P. 4–17.

Kibrik A.A., Fedorova O.V. Language production and comprehension in face-to-face multichannel communication // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 30 мая — 2 июня 2018 г.). Том 17. — Москва, 2018. — С. 305–316.

Кибрик А.А., Федорова О.В., Подлеская В.И. Мультимедийные корпуса: вчера, сегодня, завтра // Гуманитарные чтения РГГУ — 2017 / Под ред. А.Б. Безбородова. — М.: РГГУ, 2018. — С. 499–511.

Кибрик А.А., Федорова О.В. О структуре мультимедийного дискурса. Образы языка и зигзаги дискурса. Сборник научных статей к 70-летию В.З. Демьянкова / Под ред. В.В. Фещенко. — М.: Культурная революция, 2018. — С. 180–191.

Кибрик А.А., Федорова О.В. Жестикуляция, сопровождающая речь: индивидуальные различия // Когнитивное моделирование: Труды Шестого Международного форума по когнитивному моделированию (30 сентября — 07 октября 2018 г., Тель-Авив, Израиль). В 2-х частях / Под ред. С.И. Масаловой, В.Н. Полякова, В.Д. Соловьева. — Часть 1. Когнитивное моделирование в лин-

гвистике: Труды XIX Международной конференции «Когнитивное моделирование в лингвистике. CML-2018». Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования. — С. 95–99.

Kibrik A.A., Bepalova A.V. Transliteration and RU-ENG translation in the Moscow linguistic landscape // First International Conference “Urban Linguistic Diversity”. Moscow, 9–10.04.2018. — P. 14–15.

Kibrik A.A., Fedorova O.V. Gesticulation portrait: A prerequisite for understanding gesture // 8th International Conference on Gesture Studies. Cape Town, 4–8.07.2018. — P. 198.

Кибрик А.А., Федорова О.В. «Рассказы и разговоры о грушах»: промежуточные итоги // 8th International Conference on Gesture Studies. Cape Town, 4–8.07.2018. — P. 198.

Кибрик А.А., Федорова О.В. Сходства и различия между вокальным и кинетическим компонентами коммуникации // VIII Международная конференция по когнитивной науке. Тезисы докладов. — Светлогорск: ФГБУН Институт психологии РАН, 2018. — С. 1334–1337.

Кибрик А.А., Бергельсон М.Б. Заморский вариант русского языка: особенности диалекта деревни Нинильчик // Актуальные проблемы русской диалектологии. Материалы международной конференции 26–28.10.2018. — М.: ИРЯ РАН. — С. 39–42.

Кибрик А.А., Бергельсон М.Б. Русский язык на берегах залива Кука: самоидентификация культуры в условиях изоляции // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. — 2018. — № 54. — С. 29–41.

Кибрик А.А. Русское культурное и языковое влияние на атабасков Верхнего Кускоквима // *Традиционная культура: научный альманах*. — 2018. — С. 11–19.

Кибрик А.А. Кружок Вяч. Вс. Иванова в Переделкине // *Труды Отделения историко-филологических наук РАН 2017*. — М.: Наука, 2018. — С. 324–330.

Кибрик А.А. Перспективы малых языков России и соседних ареалов // Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтничном государстве: Международная конференция / Под ред. А.Н. Биткеевой, М.А. Горячевой. — М.: Языки Народов Мира, 2018. — С. 11–12.

Кибрик А.А., Шлуинский А.Б. Перспективы малых языков России // Форум–диалог «Языковая политика. Общероссийская перспектива». — М.: ФАДН, 2018. — С. 111–113.

Кибрик А.А. Опыт создания списка Сводеша для экзотического языка // Малые языки в большой лингвистике. Сборник трудов конференции 2017 / Под ред. Кс.П. Семёновой — М.: Буки Веди, 2018. — С. 91–93.

Кибрик А.А. О русском влиянии на верхнекускоквимский язык (Аляска) // Слияние двух миров: история, мобильность, статус жителей Нового Света до

и после Колумба. Санкт-Петербург, 3–4 декабря 2018 г.: Тезисы докладов и материалы симпозиума. — СПб.: МАЭ РАН, 2018. — С. 44–46.

Кибрик А.А., Бергельсон М.Б. О взаимном влиянии русского языка и коренных языков Аляски // Слияние двух миров: история, мобильность, статус жителей Нового Света до и после Колумба. Санкт-Петербург, 3–4 декабря 2018 г.: Тезисы докладов и материалы симпозиума. — СПб.: МАЭ РАН, 2018. — С. 12–14.

2019

Kibrik A.A., Fedorova O.V. A «Portrait» Approach to Multichannel Discourse. Proceedings of LREC 2018, Eleventh International Conference on Language Resources and Evaluation, Miyazaki. — Japan, 2019. — P. 1908–1912.

Kibrik A.A. Rethinking agreement: Cognition-to-form mapping // *Cognitive Linguistics*. — 2019. — Vol. 30, no. 1. — P. 37–83.

Кибрик А.А. Дискурс // Введение в науку о языке / Под ред. С.Г. Татевосова, О.В. Федоровой. — М.: Буки Веди, 2019. — С. 126–163.

Кибрик А.А., Федорова О.В., Николаева Ю.В. Невербальная коммуникация // Введение в науку о языке / Под ред. С.Г. Татевосова, О.В. Федоровой. — М.: Буки Веди, 2019. — С. 276–284.

Кибрик А.А., Коряков Ю.Б. Языки мира и языковое разнообразие // Введение в науку о языке / Под ред. С.Г. Татевосова, О.В. Федоровой. — С. 285–320.

Кибрик А.А. Послесловие // В.А. Виноградов. Статьи по общему языкознанию, компаративистике, типологии. — М.: ЯСК, 2019. — С. 541–543.

Кибрик А.А. Виктор Алексеевич Виноградов, «Языки мира» и итоговый сборник // *Вопросы психолингвистики*. — 2019. — Т. 39, № 1. — С. 11–14.

Kibrik A.A. Challenges of an Athabaskan grammar. Descriptive grammar and typology. International conference. March 27–29, University of Helsinki. — P. 42.

Kibrik A.A., Bergelson M.B. Russian as a postcolonial indigenous language // International conference “Linguistic Forum 2019: Indigenous Languages of Russia and Beyond”. 4–6 April 2019. Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia. — P. 21–22.

Kibrik A.A. Is glossing universal? // International conference “Linguistic Forum 2019: Indigenous Languages of Russia and Beyond”. 4–6 April 2019. Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia. — P. 37–38.

Кибрик А.А., Коротаев Н.А., Федорова О.В., Евдокимова А.А. Единая мультимедийная аннотация как инструмент анализа естественной коммуникации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 29 мая — 1 июня 2019 г.), Москва, том 18. — С. 265–280.

Кибрик А.А., Федорова О.В. Памяти Уоллеса Чейфа // *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*. — 2019. — № 5. — С. 211–216.

Kibrik A.A., Korotaev N., Fedorova O.V. On temporal alignment between speech and manual gesticulation: two levels of coordination // AMLAP, September 6-8 2019, Moscow, Russia. Booklet. — P. 11.

Kibrik A.A., Bergelson M.B. Sociolinguistic typology of Alaskan Russian varieties // V.J. Gusev, O.A. Kazakevich, A.A. Kibrik, O.V. Khanina (eds.). International conference “Language contact in the circumpolar world — II”. 25–27th October 2019. — Moscow: Institute of Linguistics RAS, 2019. — P. 13.

Kibrik A.A., Khanina O., Bergelson M., Gusev V., Kazakevich O., Koryakov Y., Pupylnina M. Language contact in the north: building a typology // V.J. Gusev, O.A. Kazakevich, A.A. Kibrik, O.V. Khanina (eds.). International conference “Language contact in the circumpolar world — II”. 25–27th October 2019. — Moscow: Institute of Linguistics RAS, 2019. — P. 22.

Kibrik A.A. Purity of Upper Kuskokwim as a typologically rare phenomenon // V.J. Gusev, O.A. Kazakevich, A.A. Kibrik, O.V. Khanina (eds.). International conference “Language contact in the circumpolar world — II”. 25–27th October 2019. — Moscow: Institute of Linguistics RAS, 2019. — P. 27–28.

2020

Kibrik A.A. Upper Kuskokwim (Athabaskan, Alaska): Elementary discourse units and other aspects of local discourse structure // *Anthropological Linguistics*. — 2020. — Vol. 61, no. 2. — P. 141–183.

Кибрик А.А., Федорова О.В. Подводя итоги проекта «Язык как он есть»: The MCD handbook // «Слово и жест». Научная конференция, посвященная памяти Е.А. Гришиной («Гришинские чтения»). Москва, 8 февраля 2020 г. Материалы конференции / Под ред. С.О. Савчук. — М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2020. — С. 42–43.

Kibrik A.A., Korotaev N.A., Podlesskaya V.I. Russian spoken discourse: Local structure and prosody // Shlomo Izre'el, Heliana Mello, Alessandro Panunzi and Tommaso Raso (eds.) In Search of Basic Units of Spoken Language: A corpus-driven approach. — Amsterdam: Benjamins, 2020. — P. 35–76.

Kibrik A.A., Korotaev N.A., Podlesskaya V.I. The Moscow approach to local discourse structure: An application to English // Shlomo Izre'el, Heliana Mello, Alessandro Panunzi and Tommaso Raso (eds.) In Search of Basic Units of Spoken Language: A corpus-driven approach. — Amsterdam: Benjamins, 2020. — P. 367–382.

Kibrik A., Bergelson M., Raskladkina M. The language of a lost Russian region in the historical context of Russia's eastward expansion // *Quaestio Rossica*. — 2020. — Vol. 8, no. 3. — P. 916–936.

Кибрик А.А. Сохранение языкового разнообразия России: контуры программы // *Социолингвистика*. — 2020. — Т. 1, № 1. — С. 17–28.

Кибрик А.А., Бергельсон М.Б. Ишкат мамаев // ВАПросы языкознания: Мегасборник наностатей. Сб. ст. к юбилею В.А. Плунгяна / Под ред. А.А. Кибрика, Кс.П. Семёновой, Д.В. Сичинавы, С.Г. Татевосова, А.Ю. Урманчиевой. — М.: Буки Веди, 2020. — С. 350–358.

Кибрик А.А., Бергельсон М.Б. Регионализмы в исторических документах: Аляскинский русский как письменный // Звегинцевские чтения — 2020: К 60-летию кафедры и отделения теоретической и прикладной лингвистики и 110-летию со дня рождения В.А. Звегинцева. Материалы конференции (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 30–31 октября 2020 г.). — Москва, 2020. — С. 17–19.

Кибрик А.А., Майсак Т.М. Московские правила дискурсивной транскрипции для описательных и документационных исследований // Звегинцевские чтения 2020: К 60-летию кафедры и отделения теоретической и прикладной лингвистики и 110-летию со дня рождения В.А. Звегинцева. Материалы конференции (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 30–31 октября 2020 г.). — Москва, 2020. — С. 58–60.

Кибрик А.А., Залманов Д.А. Уровень активации vs специальные ограничения при математическом моделировании референциального выбора // Сборник докладов международной конференции «Лингвистический форум 2020: Язык и искусственный интеллект», ИЯз РАН, Москва, ноябрь 2020. — С. 88–89.

Кибрик А.А., Добров Г.Б., Коротаев Н.А. Мультиканальный ресурс и моделирование естественной коммуникации // Сборник докладов международной конференции «Лингвистический форум 2020: Язык и искусственный интеллект», ИЯз РАН, Москва, ноябрь 2020. — С. 98–99.

Кибрик А.А. Программа сохранения языкового многообразия России // Родные языки народов России в системе образования: современное состояние и перспективы развития: Всероссийская научно-практическая конференция, г. Москва, 12-13 декабря 2019 г. / Сост. С.С. Семенова, Н.Н. Васильева, С.Б. Леханов и др. — Белгород: Константа, 2020. — С. 17–18.

Кибрик А.А. Охотник, крокодил и заяка: пять полевых дней Антонины Ивановны Коваль в 1993 году // *Language in Africa*. — 2020. — Т. 1, № 4. — С. 245–268.

Языки мира: Палеоевропейские языки / Под ред. А.А. Кибрика, Ю.Б. Корякова, М.А. Живлова, Н.Н. Казанского. — СПб: Нестор-История, 2020.

2021

Kibrik A.A., Bergelson M.B. On the Kodiak Town variety of Alaskan Russian // Языки России в контакте с русским языком II: Тезисы конференции. 11–13 февраля 2021 г. ИРЯ РАН и ИЯз РАН, Москва. — С. 12–13.

Kibrik A.A., Bergelson M.B. Russian-Athabaskan language contact in the Kenai peninsula // Языки России в контакте с русским языком II: Тезисы конференции. 11–13 февраля 2021 г. ИРЯ РАН и ИЯз РАН, Москва. — С. 10–11.

Kibrik A. A. Language, cognitive systems, and the methodology of observation // В.М. Velichkovsky, P.М. Balaban, V.L. Ushakov (eds.) Advances in Cognitive Research, Artificial Intelligence and Neuroinformatics. Intercognsci 2020. Advances in Intelligent Systems and Computing, vol 1358. — Vol. 1358. — Springer Cham, 2021. — P. 3–16.

Kibrik A.A., Zalmanov D.A. Short definite descriptions and referent activation // В.М. Velichkovsky, P.М. Balaban, V.L. Ushakov (eds.) Advances in Cognitive Research, Artificial Intelligence and Neuroinformatics. Intercognsci 2020. Advances in Intelligent Systems and Computing, vol 1358. — Vol. 1358. — Springer Cham, 2021. — P. 284–292.

Kibrik A.A., Dobrov G.B., Korotaev N.A. Modeling natural communication and a multichannel resource: The deceleration effect // Valery Solovyev, Natalia Loukachevitch, Olga Lyashevskaya (eds.) Proceedings of the Linguistic Forum 2020: Language and Artificial Intelligence Moscow, Russia, November 12–14, 2020. CEUR Workshop Proceedings, Vol-2852, 2021. — Vol. 2852. — Moscow, 2021.

Кибрик А.А. Пространственная ориентация в верхнекускоквимском языке: традиционная система и контактная реинтерпретация // *Родной язык. Лингвистический журнал*. — 2021. — № 1. — С. 324–338.

Kibrik A.A. A program for the preservation and revitalization of the languages of Russia // *Russian Journal of Linguistics*. — 2021. — Vol. 25, no. 2. — P. 507–527.

Кибрик А.А., Майсак Т.А. Правила дискурсивной транскрипции для описательных и документационных исследований // *Rhema. Рема*. — 2021. — № 2. — С. 23–45.

Кибрик А.А. Festschrift, или драгоценное сокровище // Дурхъаси хазна. Сборник статей к 60-летию Р. О. Муталова / Под ред. Т.А. Майсака, Н.Р. Сумбатовой, Я.Г. Тестельца. — М.: Буки Веди, 2021. — С. 5–8.

Кибрик А.А., Груздева Е.Ю., Шлуинский А.Б. Программа сохранения языкового разнообразия России // XIV Конгресс антропологов и этнологов России. Томск, 6–9 июля 2021. Сборник материалов. — С. 536.

Kibrik A.A., Bergelson M. Alaskan Russian // Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics Online, Editor-in-Chief Marc L. Greenberg. — 2021.

Kibrik A.A. A program for the preservation and revitalization of the languages of Russia // *Russian Journal of Linguistics*. — 2021. — Vol. 25, no. 2. — P. 507–527.

2022

Кибрик А.А. Тирания чужого ума // Язык, мышление и картина мира индейцев пираха(н). — Разумное поведение и язык. Language and Reasoning. — Москва: ЯСК, 2022. — С. 64–84.

Кибрик А.А. Рец. на: Т. Tenbrink. Cognitive discourse analysis: An introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2020 // *Вопросы языкознания*. — 2022. — № 2. — С. 151–156.

Кибрик А.А. Инкорпорация в верхнекускоквимском языке // Iomdin L., Milićević J., Polguère A. (eds.) Lifetime linguistic inspirations: To Igor Mel'čuk from colleagues and friends for his 90th birthday. Wiener Slawistischer Almanach. — Т. 20. — Switzerland, 2022. — P. 229–240.

АВТОРЫ СБОРНИКА¹

1963

ОКСАНА ИВАНОВНА ЯРМОЛОВИЧ (УРОЖД. КОВАЛЬ). Кандидат филологических наук. Научные интересы: русский язык, лингвистика, культура речи. С А.А. Кибриком знакома с его рождения — старшая двоюродная сестра.

ИГОРЬ АЛЕКСАНДРОВИЧ МЕЛЬЧУК. Заслуженный профессор Монреальского университета (Канада). Научные интересы: семантика, лексикография, синтаксис, морфология. С А.А. Кибриком (а.к.а. Адя) знаком практически с его рождения — в силу дружбы с его родителями.

1964

ВЛАДИМИР БОРИСОВИЧ БОРЩЕВ. Доктор физико-математических наук. Работал в ВИНТИ с 1962 по 2010 г., сейчас пенсионер. Научные интересы: методы и инструменты формального описания языковых (в широком смысле) объектов. Участвовал в пяти кибриковских (=А.Е. Кибрика) лингвистических экспедициях (в Дагестан, Туву и Абхазию). Познакомился с А.А. Кибриком на его первом дне рождения; боюсь, он этого не помнит. Он сын моих близких друзей, Антонины (Ninon) Ивановны Коваль и А.Е. Кибрика.

1966

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ АЛПАТОВ. Доктор филологических наук, академик РАН. Заведующий Отделом языков Восточной и Юго-Восточной Азии, руководитель Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН. Научные интересы: общее языкознание, японский язык, социолингвистика, история науки. Знаком с А.А. Кибриком с 1966 г., когда я был студентом, а он ещё не ходил в школу. Был оппонентом по его кандидатской диссертации.

¹ Авторы упорядочены по дате знакомства с А.А. Кибриком.

1967

СОФЬЯ ГАДИСОВНА ГАДЖИЕВА. Кандидат филологических наук. Старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского федерального центра РАН. Научные интересы: старославянский язык, церковнославянский язык хорватской редакции, морфология глагола, морфонология, дагестанские языки (лакский). Не помню, когда познакомилась с А.А. Кибриком, поскольку наше знакомство состоялось слишком близко к началу моей жизни (он мой двоюродный брат и старше меня на четыре года).

1968

ВАДИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ КОЛГАНОВ (а.к.а ДИМА). Адю я знаю 55 лет. Друг (с) детства.

1969

ДЖОЙ ИОСИФОВНА ЭДЕЛЬМАН. Доктор филологических наук. Главный научный сотрудник Сектора иранских языков Института языкознания РАН. Научные интересы: иранское языкознание, иранская филология, сравнительно-историческое языкознание. Познакомилась с А.А. Кибриком, кажется, в конце 1969 г. или начале 1970 г., когда А.Е. Кибрик собрал у себя дома участников памирской экспедиции 1969 г. Может быть, ошибаюсь. Во всяком случае, появление уже повзрослевшего юбиляра в нашем Институте для меня было вполне ожидаемым.

Начало 1970-х

ИРИНА СЕРГЕЕВНА РЯБОВА. Кандидат филологических наук. Старший научный сотрудник Отдела африканских языков Института языкознания РАН. Научные интересы: языки банту, язык дабида, морфология, синтаксис, социолингвистика. Знакомство с А.А. Кибриком состоялось около полувека (каких-то столетия) тому назад в Отделе африканских языков. Сюда наша Антонина Ивановна Коваль (Ниночка, Нинон, Тоня) пришла однажды со своим сыном Адей (Адечкой) — симпатичнейшим мальчуганом лет 8-10. Он-то потом и станет директором Института.

1972

ВЕРА ИСААКОВНА ПОДЛЕССКАЯ. Доктор филологических наук. Главный научный сотрудник Отдела теоретической лингвистики Института языкознания РАН.

Научные интересы: грамматика и просодия устной речи, типология полипредикации, русский язык, японский язык. Точная дата знакомства с А.А. Кибриком теряется в веках. Думаю, что 1972 год — (пост)экспедиционная вечеринка дома у Александра Евгеньевича.

1973

МАРИЯ ЛЬВОВНА КОВШОВА. Доктор филологических наук. Главный научный сотрудник Отдела теории и практики коммуникации имени Ю.С. Степанова Института языкознания РАН. Научные интересы: фразеология, лингвокультурология, семантика, прагматика, лексикография. С А.А. Кибриком знакома давно, с детской новогодней ёлки в Институте в 1973 г., и по сей день.

1975

ФЕДОР ИВАНОВИЧ РОЖАНСКИЙ. Кандидат филологических наук. Научные интересы: водский язык, ижорский язык, прибалтийско-финские языки, марийский язык, финно-угорские языки, вымирающие языки, экспериментальная фонетика, морфонология, африканские языки, языки сонгай, редупликация, полевая лингвистика, языковые контакты, заимствования, конвергенция. Познакомился с А.А. Кибриком приблизительно в 1975 г. на кружке по лингвистике Вячеслава Всеволодовича Иванова.

1976

ЯКОВ ГЕОРГИЕВИЧ ТЕСТЕЛЕЦ. Доктор филологических наук. Директор Института лингвистики РГГУ. Научные интересы: типология, теория грамматики, синтаксис русского языка, кавказские языки. Познакомился с А.А. Кибриком в 1976 г. в Тлядале (Цунтинский район Республики Дагестан).

ЕКАТЕРИНА ЮРЬЕВНА ПРОТАСОВА. Кандидат филологических наук, доктор педагогических наук. Научные интересы: многоязычие, разговорная речь, психолингвистика, социолингвистика. Познакомилась с А.А. Кибриком в 1976 г. в дагестанской экспедиции.

BERNARD COMRIE / БЕРНАРД КОМРИ. Ph.D. Research Associate, University of California Santa Barbara. Научные интересы: language universals and typology, historical linguistics, Caucasian languages, languages of New Guinea. I first met Andrej at his parents' apartment in Moscow in late 1976 — he was still a schoolboy, but already passionately interested in the indigenous peoples of North America. Since then, we have met many times at conferences, guest lectures, etc., in

Russia, California, and elsewhere; when I was a director at the Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology in Leipzig, Germany, I was able to host Andrej for longer periods as a guest scientist through the Alexander von Humboldt Foundation.

1977

АННА ВЛАДИМИРОВНА ДЫБО. Доктор филологических наук, член-корреспондент РАН. Заведующая Отделом урало-алтайских языков Института языкознания РАН. Научные интересы: сравнительно-историческое языкознание, типология исторических изменений, алтайские, уральские, индоевропейские языки. Познакомилась с А.А. Кибриком в 1977 г., когда он был школьником, а я перешла на третий курс, и мы были в экспедиции в Будух и Крыз (Республика Дагестан).

1978

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ БЕЛИКОВ. Доктор филологических наук. Свободный художник. Интересы разнообразны и периферийны; сейчас в основном русская лексикография и этнодемография. Познакомился с А.А. Кибриком, когда он участвовал в лингвистической олимпиаде, а полноценное знакомство произошло, когда он стал студентом.

1979

МИРА БОРИСОВНА БЕРГЕЛЬСОН. Доктор филологических наук. Профессор факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ. Научные интересы: дискурсивный анализ, кросс-культурная прагматика, языковые контакты, Аляска. Познакомилась с А.А. Кибриком в 1979 г., когда он пришел домой к моим родителям на Зубовский бульвар вместе с моей младшей сестрой Верой, с которой они поступали на филфак (Вера — на славянское), вместе готовились к английскому. Я там была случайно, так как уже переехала в Ясенево. Кажется, в тот день они то ли сдали английский на 5, то ли узнали, что поступили, но почему-то открывалось шампанское. Шампанское, конечно же, открывал Адя, и я еще поразила его ловкости и ответственности в этом деле.

JOHANNA NICHOLS / ДЖОАННА НИКОЛС. Ph.D. Научные интересы: историческая лингвистика, типология, славянские языки, нахские языки. I first met Andrej in late 1979 when enroute home from fieldwork in Georgia I stopped in Moscow to meet up with Andrej's father, who I had met a few years earlier. Andrej,

then still a high school student, walked me to my next appointment. Thereafter I saw Sasha, and usually also Andrej, every few years on such trips, and from the end of the Cold War to the beginning of the pandemic I have seen Andrej nearly every year, mainly in California and Europe, enroute to our respective fieldwork or at conferences.

ЛЕОНИД ИГОРЕВИЧ КУЛИКОВ. PhD. Научный сотрудник Гентского университета (Бельгия), Старший научный сотрудник Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ. Научные интересы: историческая лингвистика и диахроническая типология, ведийский и классический санскрит, индоевропеистика, типология, история индоарийских языков, индоиранская и индоевропейская сравнительная мифология, языки Южной и Центральной Азии, Мальдивы (язык, история, культура). Точный год знакомства с А.А. Кибриком дать затрудняюсь, скорее всего это начало второго курса, то есть осень 1982 г., когда должны были пересечься на семинаре «Языки дальних ареалов» (в рамках проекта «Энциклопедия Языки мира») и на НСО, где мы оба делали-слушали доклады. В рамках того же общества была еще Всесоюзная студенческая конференция по структурной и прикладной лингвистике — куда приезжали из Питера, Киева, Харькова, Новосибирска, кажется весной 1982 г. Почти наверняка пересекались уже на Традиционных олимпиадах по лингвистике — тогда это 1979 г., но уже не могу вспомнить.

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ПЛУНГЯН. Доктор филологических наук, академик РАН. Заместитель директора Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН и сотрудник многих других учреждений. Научные интересы: типология грамматических категорий, корпусная лингвистика, стиховедение. Познакомился с А.А. Кибриком в 1979 г., когда он поступил на первый курс ОСиПЛа, где я уже учился.

ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА РАХИЛИНА. Доктор филологических наук. Руководитель Школы лингвистики факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Научные интересы: общая и русская семантика, лексикология, лексическая типология. Познакомилась с А.А. Кибриком в 1979 г., когда он поступил на первый курс ОСиПЛа, где я уже училась.

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА СЕКЕРИНА. Ph.D. Профессор психологии и лингвистики Колледжа Стейтен-Айленда Городского университета Нью-Йорка (США). Научные интересы: психолингвистика, билингвизм, славянские языки, парадигма Визуального мира. Близкий друг А.А. Кибрика с 1979 г., мы познакомились на первом курсе и учились вместе на отделении ОСиПЛа в 1979–1984 гг.

ДИНА БОРИСОВНА НИКУЛИЧЕВА. Доктор филологических наук. Заведующая Сектором германских языков Института языкознания РАН, профессор МГЛУ. Научные интересы: скандинавистика, лингвопрагматика, когнитивная лингвистика, психолингвистика, полиглотия. Познакомилась с А.А. Кибриком еще в годы учебы на филфаке МГУ имени М.В. Ломоносова, вместе учились в аспирантуре в Институте языкознания РАН.

1980

ОЛЕГ АЛЕКСЕЕВИЧ МУДРАК. Доктор филологических наук. Главный научный сотрудник Отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН. Научные интересы: сравнительно-историческое языкознание, реконструкция, алтайские, кавказские, палеоазиатские языки. Познакомился с А.А. Кибриком в 1980 г. в кавказской экспедиции ОСиПЛа в бежтинском с. Тлядал.

КОНСТАНТИН ГЕННАДЬЕВИЧ КРАСУХИН. Доктор филологических наук. Заведующий Сектором общей компаративистики Института языкознания РАН. Научные интересы: сравнительная грамматика индоевропейских языков, теоретическая морфология и синтаксис, классическая филология. Познакомился с А.А. Кибриком в 1980 г., когда он был на нашем первом курсе филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова стипендиальным старостой.

1981

АННА АНДРЕЕВНА ЗАЛИЗНЯК. Доктор филологических наук. Главный научный сотрудник Сектора типологии Института языкознания РАН. Научные интересы: семантика, русский язык, романские языки, дискурс, модальность, аспектология, типология. Познакомилась с А.А. Кибриком в 1981 г. в Дагестанской экспедиции в Анди.

Начало 1980-х

ВАЛЕРИЙ ЗАКИЕВИЧ ДЕМЬЯНКОВ. Доктор филологических наук. Главный научный сотрудник, заведующий Отделом теории и практики коммуникации Института языкознания РАН. Научные интересы: теоретическая лингвистика, когнитивная лингвистика, контрастивный анализ русского и западноевропейских языков. Познакомился с А.А. Кибриком, кажется, в начале 1980-х на конференции в Институте.

ОЛЬГА АРСЕНЬЕВНА ГУЛЫГА. Кандидат филологических наук. Старший научный сотрудник Сектора романских языков Института языкознания РАН. Научные интересы: французский язык, миноритарные языки Франции, семантика, прагматика, дискурс, когнитивные исследования языка. Познакомилась с А.А. Кибриком в начале 1980-х в одной из лингвистических экспедиций в Дагестан. Экспедициями руководил Александр Евгеньевича Кибрик, отец юбиляра, бывший моим преподавателем в годы учения на ОСиПЛе и консультантом во время обучения в аспирантуре. С тех пор уже несколько десятилетий мы поддерживаем добрые дружеские отношения.

1983

ВАЛЕНТИН ФЕОДОСЬЕВИЧ ВЫДРИН. Доктор филологических наук. LLACAN (CNRS) — INALCO — СПбГУ. Научные интересы: африканское языкознание. Знаком с А.А. Кибриком примерно с 1983 г., познакомились в каких-то лингвистических коридорах, уже точно не упомню.

1984

НАДЕЖДА КОНСТАНТИНОВНА РЯБЦЕВА. Доктор филологических наук. Заведующая Отделом прикладной лингвистики Института языкознания РАН. Научные интересы: прикладная лингвистика, межъязыковая коммуникация, когнитивные исследования языка. Осенью 1984 г. по Институту (первый и последний раз за его историю) молниеносно распространилась новость о том, что на вступительных экзаменах в аспирантуру один из поступающих необыкновенно блестяще сдал экзамен по языкознанию. И также молниеносно стало известно, что этим поступающим был Андрей Кибрик! Все были очень рады такому пополнению!

ИРИНА ИГОРЕВНА ЧЕЛЫШЕВА. Доктор филологических наук. Главный научный сотрудник Института языкознания РАН, и.о. заведующего Отделом индоевропейских языков. Научные интересы: общая романистика, типология романских языков в сравнительно-историческом аспекте, языковые контакты разных уровней в диахронии, история романских языков, становление и развитие литературных языков, текстология и история рукописей, социолингвистика — проблемы статуса миноритарных языков, языкового законодательства, соотношения языкового и этнического элемента в истории и на современном этапе; сопоставительное изучение языков — структура текста в русском и в романских языках, семантика грамматических категорий в сравнительном плане, проблемы перевода на уровне языка, стиля, автора. Я рабо-

таю в Институте языкознания РАН с 1981 г. А.А. Кибрик пришел в Институт как аспирант в 1984 г. С этого времени мы с ним и знакомы, хотя сначала это знакомство вряд ли можно было считать личным: конференции, ученые советы, доклады и т. д., где собирались сотрудники и аспиранты Института. Позднее, когда Андрей Александрович стал работать в Институте, мы стали общаться чаще, в том числе и в рамках работы над томом «Романские языки» энциклопедии «Языки мира».

НАТАЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА ВАСИЛЬЕВА. Доктор филологических наук. Главный научный сотрудник Отдела прикладной лингвистики Института языкознания РАН. Научные интересы: терминоведения, терминография, ономастика, лингвистика текста. С А.А. Кибриком я познакомилась в родном Институте — как только он там появился еще в качестве аспиранта. Получается, что довольно давно.

ВЯЧЕСЛАВ АНДРЕЕВИЧ ЧИРИКБА. Доктор Лейденского университета, кавказские языки. Старший научный сотрудник Отдела кавказских языков Института языкознания РАН. Научные интересы: лингвистика, история, кавказоведение. Мы с А.А. Кибриком познакомились в 1984 г. и общались во время учебы в аспирантуре Института.

1985

ТАТЬЯНА АНДРЕЕВНА МИХАЙЛОВА. Доктор филологических наук. Ведущий научный сотрудник Отдела индоевропейских языков Института языкознания РАН. Научные интересы: кельтские языки, миноритарные языки, сравнительно-историческое языкознание, историческая поэтика. Не могу сказать точно, как мы с А.А. Кибриком познакомились. В январе 1985 г. уже были знакомы. Помню, он пел «Купите бублики».

ОЛЬГА ИОСИФОВНА РОМАНОВА. Научный сотрудник Отдела типологии и ареальной лингвистики Института языкознания РАН. Научные интересы: морфологическая типология, именная классификация. Познакомилась с А.А. Кибриком в 1985 г., когда он поступил в аспирантуру Института.

1986

ОЛЬГА ВИКТОРОВНА ФЕДОРОВА. Доктор филологических наук. Профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Научные интересы: психолингвистика, усвоение языка, нейролингвистика, дискурсивный анализ, полевая линг-

вистика. Познакомилась с А.А. Кибриком в августе 1986 г. во время экспедиции в Туву.

1987

АННА АНДРЕЕВНА КИБРИК (а.к.а. НЮСЯ). Детский клинический психолог. Научные интересы: психология развития, детский психоанализ, альтернативная и дополнительная коммуникация. Знакома с юбиларом со своего рождения — его старшая дочь.

1989

АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ ЖЕЛТОВ. Доктор филологических наук. Профессор, заведующий кафедрой африканистики СПбГУ, заведующий Отделом этнографии Африки МАЭ РАН. Научные интересы: африканское языкознание, лингвистическая типология, африканистика, языки банту, язык суахили, языки манде, языки адамауа, именная классификация в языках мира, именные классы в языках нигер-конго, личные местоимения в языках мира, ролевая типология, системы терминов родства. Познакомился с А.А. Кибриком во время лингвистической экспедиции в Сванетию в 1989 г.

JAMES KARI / ДЖЕЙМС КАРИ. PhD. Professor Emeritus of Linguistics, Alaska Native Language Center, University of Alaska, Fairbanks. Научные интересы: Dene languages, lexicography, ethnogeography and narratives. I first met Andrei in June of 1989 at the Dene Languages Conference at the University of New Mexico. The Kibriks have stayed at my home in Fairbanks a few times, and most recently I visited with Andrei and Mira in Ninilchik Alaska in August of 2018.

Конец 1980-х

ОЛЬГА АНАТОЛЬЕВНА КАЗАКЕВИЧ. Кандидат филологических наук. Заведующая Лабораторией исследования и сохранения малых языков Института языкознания РАН. Научные интересы: самоедология, документация исчезающих языков Сибири, селькупский язык, эвенкийский язык, кетский язык, ительменский язык, социолингвистика, языковые контакты, измерение языка в ситуации языкового сдвига, лингвистическая типология, фоносемантика. Знакома с А.А. Кибриком давно. Года не помню, наверное, с конца 1980-х, а может, и раньше. С начала 1990-х я лет десять работала по совместительству в Институте в секторе социолингвистики, так что мы работали в одном институте. Но кажется, мы были знакомы и раньше, всё-таки я училась у А.Е. Кибрика. Иногда пересекались на конференциях.

Начало 1990-х

ЕКАТЕРИНА ЮРЬЕВНА ГРУЗДЕВА. Кандидат филологических наук. Доцент кафедры общего языкознания Хельсинкского университета (Финляндия). Научные интересы: дескриптивная и полевая лингвистика, языковая типология, социолингвистика, языковая ревитализация, языки северо-восточной Азии, амурские (нивхские) языки. Познакомилась с А.А. Кибриком в начале 1990-х на конференции в Москве.

АЛЕКСАНДРА ВАЛЕРЬЕВНА ШЕЙМОВИЧ. Младший научный сотрудник Отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН. Научные интересы: корпусная лингвистика, полевая лингвистика. Познакомилась с А.А. Кибриком на одной из встреч выпускников ОСиПЛа в 1990-е.

ALAN JOSEPH CIENKI / АЛАН ДЖОЗЕФ ЧЕНКИ. PhD. Профессор лингвистики Свободного университета Амстердама (Vrije Universiteit Amsterdam), Основатель когнитивной лаборатории полимодальной коммуникации МГЛУ. Научные интересы: когнитивная лингвистика, семантика, метафора, исследование жестов. Мы познакомились в начале 1990-х, когда я регулярно бывал летом в Москве, чтобы улучшить свое владение русским языком. Андрей меня пригласил читать доклад в Институте языкознания РАН и мы остаемся с тех пор в контакте.

ТАТЬЯНА БОРИСОВНА АГРАНАТ. Доктор филологических наук. Ведущий научный сотрудник, руководитель группы финно-угорских языков Института языкознания РАН, профессор МГЛУ. Научные интересы: уральские языки, интрагенетическая типология, грамматика, социолингвистика, полевая лингвистика, сохранение и ревитализация исчезающих языков. Познакомилась с А.А. Кибриком в начале 1990-х.

ВАЛЕНТИН ЮРЬЕВИЧ ГУСЕВ. Кандидат филологических наук. Старший научный сотрудник Сектора типологии Института языкознания РАН. Научные интересы: типология, сравнительно-историческое языкознание, языки Сибири. Познакомился с А.А. Кибриком в начале 1990-х. Когда я пришел работать в Институт в 1995 г., он работал в соседней комнате, я его часто встречал. Но к тому времени я его уже знал (не знаю, как он меня). Очевидно, узнал, когда был студентом, на каких-то мероприятиях.

1991

MARJA-LIISA HELASVUO / МАРИЯ-ЛИСА ХЕЛАСВОО. Ph.D. Professor, University of Turku, Finland. Научные интересы: interactional linguistics, functional

grammar, referentiality, grammatical units. I met Andrej and his family in 1991 when he came to UCSB Linguistics Department as a visiting scholar. I was a doctoral student then at the department. Andrej and his family became our neighbors at the Family Student Housing. When they had just moved in, they invited us for dinner, and we had a delicious dinner with mushrooms they had picked. Anna and Lila were roughly the same age as our two sons, Otso and Ilmo. It was fun to watch them run around and play together.

1992

RITVA HANNELE LAURY / РИТВА ХАННЕЛЕ ЛАУРИ. Ph.D. Professor emerita, University of Helsinki, Finland. Научные интересы: usage-based grammar, units of language, clause combining, insubordination, intersubjectivity, indexicality, reference. I met Andrej in 1992 when he was a visiting scholar at the Department of Linguistics at UC Santa Barbara where I was a doctoral student at the time. Andrej and Mira and their daughters stayed in our apartment at UCSB while I was doing field work in Finland in the fall of 1991, and after I returned, we met many times in California and have kept in touch since we have many mutual research interests. Andrej is scheduled to give a presentation based on his field work on Upper Kuskokwim clause structure in a panel Yoshi Ono and I have organized at the International Pragmatics Conference in July 2023.

1993

СЕРГЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ ТАТЕВОСОВ. Доктор филологических наук. Заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Научные интересы: теоретическая семантика, теоретическая морфология, семантико-синтаксический интерфейс, лингвистическая типология, полевая лингвистика. Познакомился с А.А. Кибриком почти ровно 30 лет назад, в Годобери (актантные преобразования, Убайдула, многое другое). Вернуться бы обратно туда и поздравить юбиляра с 30-летием!

1995

ЮРИЙ БОРИСОВИЧ КОРЯКОВ. Кандидат филологических наук. Старший научный сотрудник Сектора ареальной лингвистики Института языкознания РАН. Научные интересы: языковая картография, систематика, лексикостатистика, социолингвистика, языки России. Познакомился с А.А. Кибриком, видимо, на курсе «Дискурса», который вёл он у нас на ОТиПЛе, году так в 1995–1997, точнее увы не помню. Надо Тимура спросить.

ТИМУР АНАТОЛЬЕВИЧ МАЙСАК. Кандидат филологических наук. Старший научный сотрудник Отдела кавказских языков Института языкознания РАН, ведущий научный сотрудник Международной лаборатории языковой конвергенции НИУ ВШЭ. Научные интересы: лингвистика, грамматическая типология, нахско-дагестанские языки. Я познакомился с А.А. Кибриком как студент с преподавателем в сентябре 1995 г., когда у нашего третьего курса ОТиПЛа в рамках обязательного цикла лингвистических дисциплин он начал читать «Дискурс» (кажется, это был первый год преподавания такого предмета у нас на отделении).

1997

ЕКАТЕРИНА АНАТОЛЬЕВНА ЛЮТИКОВА. Доктор филологических наук. Профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Научные интересы: формальный синтаксис, экспериментальный синтаксис, лингвистическая типология, алтайские и северокавказские языки, русский язык. Сначала познакомилась заочно — через рассказы А.Е. Кибрика и статьи в экспедиционных материалах. Личное знакомство состоялось где-то в 1997 г., обстоятельства трудно припомнить, так как было ощущение, что знаю юбиляра всегда.

АЛЛА ОЛЕГОВНА ЛИТВИНЕНКО. Старший редактор, переводчик Logrus IT. Научные интересы: дискурсивный анализ, корпусная лингвистика, мультимедийная (мультимодальная) коммуникация. Мое знакомство с А.А. Кибриком состоялось в 1997 г., когда я была студенткой ОТиПЛа. Андрей Александрович вел на отделении дискурсивный анализ. Мне посчастливилось сначала под его руководством писать курсовые и защищать диплом, а затем работать на многих проектах, связанных с созданием корпусов устной речи.

ЮЛИЯ ВИКТОРОВНА МАЗУРОВА. Кандидат филологических наук. Старший научный сотрудник Сектора ареальной лингвистики Института языкознания РАН. Научные интересы: ареальная лингвистика, лингвистическая типология, типология пространственных показателей, семантика, морфология, полевая лингвистика, корпусная лингвистика, языки города, индоарийские языки, языки химачали, язык куллуи, иранские языки, осетинский язык. С А.А. Кибриком познакомилась в 1997 г. на третьем курсе Факультета теоретической и прикладной лингвистики РГГУ — он читал нам курс «Языки мира».

1998

АНДРЕЙ БОЛЕСЛАВОВИЧ ШЛУИНСКИЙ. Кандидат филологических наук. Научный сотрудник Университета Гамбурга. Научные интересы: лингвисти-

ческая типология, самодийские языки, языки ква. Познакомился с А.А. Кибриком, скорее всего, в 1998 г. Акта знакомства не помню, но допускаю, что его и не было: я, будучи студентом ОТиПЛа, знал, что есть такой преподаватель, а Андрей Александрович, вероятно, еще до того, как преподавал у меня (впервые — в 1999 г.), мог знать, что есть такой сравнительно заметный студент. В частности, помню такой эпизод, что я организовывал лекцию Андрея Александровича для факультатива школьников и что это точно было до того, как он у меня преподавал.

Юлия Владимировна Николаева. Кандидат филологических наук. Научный сотрудник кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Научные интересы: невербальная коммуникация, жестикация, мультилингвизм. Познакомилась с А.А. Кибриком после курса «Дискурс» на втором курсе ОТиПЛа в 1998 г., на следующий год писала под его руководством курсовую про порядок слов в русской разговорной речи, ничего понять про порядок слов не смогла, поэтому решила посмотреть на невербальные каналы, также под руководством А.А. Кибрика.

Наталья Львовна Артамонова. Учёный секретарь Института языкознания РАН, младший научный сотрудник Сектора типологии Института языкознания РАН. Научные интересы: морфология, семантика, финно-угорские языки, русский язык, культура речи. Познакомилась с А.А. Кибриком в 1998 г., когда училась на ОТиПЛе и слушала его курсы «Дискурс» и «Языки мира» на третьем курсе.

Ольга Викторовна Драгой. Доктор филологических наук Директор Центра языка и мозга НИУ ВШЭ; ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН. Научные интересы: психо-, нейро- и клиническая лингвистика, нейробиология языка. Познакомилась с А.А. Кибриком в 23:00 31 декабря 1998 г., когда я, первокурсница ОТиПЛа, была приглашена Снегурочкой для вручения новогодних подарков внукам А.Е. Кибрика (детям А.А. Кибрика).

1999

LAURA ALEXIS JANDA / ЛОРА ЯНДА. PhD. Professor, UiT The Arctic University of Norway, Tromsø, Norway. Научные интересы: cognitive linguistics, Slavic linguistics. Я познакомилась с А.А. Кибриком, когда приехала в Россию в 1999 г. и мы были вместе на конференции в Пушино и на семинарии Н.Д. Арутюновой в Москве. После этого мы встречались много раз на конференциях в России и на Западе.

ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА ХАНИНА. Кандидат филологических наук. Старший научный сотрудник Университета Хельсинки. Научные интересы: типология, историческая лингвистика, социолингвистика, языковые контакты, многоязычие, уральские языки. Думаю, что познакомилась с А.А. Кибриком в 1999 г., когда он вел у моего курса «Языки мира» и «Дискурс».

KATHERINE L. ARNDT. PhD (Anthropology). Associate Professor of Library Science, Emerita Elmer E. Rasmuson Library, University of Alaska Fairbanks. Specialization: the Russian period of Alaska's history (history of Russian America) I first met Andrei Kibrik and Mira Bergelson at an international conference on Russian America, held at the Russian Academy of Sciences in Moscow in September 1999. They presented a summary of their work in Nikolai, Alaska, and played a brief clip of Russian Orthodox Church singing recorded in Nikolai (it completely charmed the academic audience). Because I was from Alaska, they kindly invited me to their home for dinner and to become better acquainted. In subsequent years we have renewed our acquaintance at various conferences and on their visits to Fairbanks while they engaged in further research on traces of the Russian language in Alaska Native languages.

Конец 1990-х

ВАЛЕРИЙ ДМИТРИЕВИЧ СОЛОВЬЕВ. Доктор физико-математических наук. Главный научный сотрудник лаборатории «Текстовая аналитика». Научные интересы: когнитивная наука, компьютерная лингвистика. С А.А. Кибриком знаком с незапамятных времен (=с конца 1990-х).

2000

РАСУЛ ОСМАНОВИЧ МУТАЛОВ. Доктор филологических наук. Главный научный сотрудник Отдела кавказских языков Института языкознания РАН. Научные интересы: кавказоведение, даргинские языки, формальные модели языка, корпусная лингвистика, морфология, синтаксис, лексикография, документирование малых языков. Познакомился с А.А. Кибриком в 2000 г., при прохождении стажировки на ОТиПЛе.

АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ СИДЕЛЬЦЕВ. Доктор филологических наук. Заведующий Сектором анатолийских и кельтских языков, заместитель директора Института языкознания РАН по научной работе. Научные интересы: хеттский язык, в настоящий момент синтаксис хеттского языка в теоретической, синхронно-описательной и диахронической перспективе. Познакомился с А.А. Кибриком в Институте в 2000 г.

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА ЖЕЛТОВА. Доктор филологических наук. Доцент, заведующая кафедрой классической филологии СПбГУ. Научные интересы: латинская и греческая лингвистика, синтаксис и прагматика древних языков, скрытые лингвистические категории, народная и поздняя латынь, греческая ареталогия, византийская агиография, позднеантичные синкретические религии. Познакомилась с А.А. Кибриком на Второй зимней типологической школе в 2000 г. В сентябре 2022 г. А.А. Кибрик был членом жюри на защите моей докторской диссертации.

АРСЕНИЙ ПАВЛОВИЧ ВЫДРИН. Кандидат филологических наук. Старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН. Научные интересы: грамматическая семантика, глагольные категории, корпусная лингвистика, внутригенетическая типология, иранские языки, персидский, таджикский, осетинский, ягнобский. Познакомился с А.А. Кибриком заочно еще будучи первокурсником в 2000–2001 гг. В то время я жадно читал литературу, посвященную персидскому языку. Мне на глаза попались иранские тома «Языков мира». Вскоре после этого в комнате 36 «Языки мира» появился тетрадный листок, исписанный моими замечаниями и предложениями. К моему удивлению, листок зеленого студента провисел в кабинете более 10 лет. Точная дата очного знакомства с А.А. Кибриком теряется в дискурсе научных конференций и когнитивных процессов, смешавшихся с устным корпусом сновидений.

2001

TORE NESSET / ТОРЕ НЕССЕТ. PhD (Doctor Artium). Professor, UiT The Arctic University of Norway, Tromsø, Norway. Научные интересы: cognitive linguistics, Slavic linguistics. В первый раз я увидел А.А. Кибрика на конференции International Cognitive Linguistics Conference в Санта-Барбаре в 2001 г., но в тот раз мы не познакомились. Мы познакомились позже на конференции в Москве в 2008 г. и после этого виделись на конференциях.

2002

НАТАЛЬЯ ВАЛЕНТИНОВНА ЛУКАШЕВИЧ. Доктор технических наук. Ведущий научный сотрудник НИВЦ МГУ имени М.В. Ломоносова. Познакомилась с А.А. Кибриком в 2002–2003 гг. на конференции в Казани.

ПЁТР МИХАЙЛОВИЧ АРКАДЬЕВ. Доктор филологических наук, профессор РАН. Научный сотрудник Университета имени Иоганна Гутенберга (Майнц, Германия). Научные интересы: типология, морфология, синтаксис, полисин-

тетизм, языковые контакты, западнокавказские языки, балтийские языки. Не помню, возможно, познакомился с А.А. Кибриком на Зимней типологической школе в январе 2002 г. Полагаю, что во время конференции LENCA в Казани в мае 2004 г. мы уже заведомо были знакомы.

ЕЛЕНА БОРИСОВНА МАРКУС. Кандидат филологических наук. Старший научный сотрудник Отдела типологии и ареальной лингвистики Института языкознания РАН. Познакомилась с А.А. Кибриком наверняка в годы учебы в аспирантуре Института (2002–2005), а с 2007 г. работаю в секторе ареальной лингвистики под руководством юбиляра.

2003

МАРИЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА ФАЛИКМАН. Доктор психологических наук. Научные интересы: зрительное внимание, совместное внимание, нисходящие влияния на обработку зрительной информации, культурная эволюция, междисциплинарное взаимодействие, психофизическая проблема. Познакомилась с А.А. Кибриком 11 апреля 2003 г. на психологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова во время первой в России интернет-конференции по когнитивной науке.

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ КОРОТАЕВ. Кандидат филологических наук. Доцент Института лингвистики РГГУ, старший научный сотрудник Лаборатории мультимедийной коммуникации Института языкознания РАН. Научные интересы: теория дискурса, анализ устной речи, мультимедийная коммуникация. Весной 2003 г. я начал участвовать в проекте «Рассказы о сновидениях», которым руководили Андрей Александрович и Вера Исааковна Подлесская.

АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ МЯЧИКОВ. PhD in Psychology. Associate Professor, Department of Psychology, Northumbria University Newcastle. Профессор Института когнитивных нейронаук, Высшая школа экономики. Научные интересы: язык и сознание. Познакомился с А.А. Кибриком в 2003 г. в Корнелльском университете (Cornell University, USA).

ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ КОЛОМАЦКИЙ. Кандидат филологических наук. Младший научный сотрудник Отдела прикладной лингвистики Института языкознания РАН. Научные интересы: лингвистические базы данных, полевая лингвистика, программирование, цифровые грамматики А.А. Кибрик вёл у нас на ОТиПЛе дискурс и, кажется, языковые ареалы (этот курс назывался как-то иначе, но я не очень помню). Это должно было быть примерно в 2003 г.

2004

ВЕРА СЕРГЕЕВНА МАЛЬЦЕВА. Младший научный сотрудник Отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН. Научные интересы: документация языков, полевая лингвистика, корпусная лингвистика, тюркские языки, морфология. Мы с А.А. Кибриком лично знакомы с 2004 г., я посещала семинар А.А. Кибрика и В.И. Подлесской по изучению русского дискурса.

ЮНА ANTERO JANHUNEN / ЮХА АНТЕРО ЯНХУНЕН. PhD. Свободный ученый, professor emeritus, в поиске новой аффилиации. Научные интересы: языки и этносы Евразии. Познакомился с А.А. Кибриком в 2004 г. в Казани, на конференции LENCA-2.

2005

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА КОСОГорова. Кандидат филологических наук. Старший научный сотрудник Отдела африканских языков Института языкознания РАН. Научные интересы: африканистика, лингвистика, морфосинтаксис, морфонология, социолингвистика, атлантические языки. В 2005 г. А.А. Кибрик вёл у нас курс по языкам мира и заодно определил моё дальнейшее направление работы и жизни.

НАДЕЖДА ВЛАДИМИРОВНА МАКеева. Кандидат филологических наук. Старший научный сотрудник Отдела африканских языков Института языкознания РАН. Научные интересы: языки манде, языки ква, языки банту, акустическая и артикуляторная фонетика, полевая лингвистика, типология. Познакомилась с А.А. Кибриком в Отделе африканских языков Института примерно в 2005 г.

2006

Вадим Игоревич Киммельман. PhD. Профессор Университета Бергена (Норвегия). Научные интересы: лингвистика жестовых языков. В 2006 г. я связался с Андреем Александровичем, чтобы попросить его быть научным руководителем моей курсовой, посвящённой русскому жестовому языку. Я узнал, что он уже руководил курсовыми и дипломами в этом направлении, и хотя я учился в РГГУ, а А.А. Кибрик работал в МГУ, он согласился быть неформальным, но реальным руководителем моей курсовой, и дальше также руководил моей следующей курсовой и дипломом.

МАРИЯ ВИКТОРОВНА Худякова. Директор Центра языка и мозга НИУ ВШЭ — Нижний Новгород; научный сотрудник Центра языка и мозга НИУ ВШЭ

(Москва). Научные интересы: клиническая и корпусная лингвистика, дискурс, билингвизм, полевая экспериментальная лингвистика. Познакомилась с А.А. Кибриком в 2006 г. на втором курсе ОТИПЛа, когда выбрала его тему курсовой, посвященную корпусному исследованию дискурса.

2007

ОЛЕГ ИГОРЕВИЧ БЕЛЯЕВ. Кандидат филологических наук. Доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий Сектором иранских языков Института языкознания РАН. Научные интересы: типология, морфосинтаксис падежа, синтаксис сложного предложения, иранские языки, нахско-дагестанские языки. Познакомился с А.А. Кибриком, вероятно, в 2007 г., когда он читал у нас курс «Языки мира», тогда же и начал писать курсовую под его руководством.

LENORE A. GRENOBLE / ЛЕНОРА ГРЕНОБЛЬ. PhD. John Matthews Manly Distinguished Service Professor, Department of Linguistics, University of Chicago. Научные интересы: языковые контакты, языковой сдвиг, ревитализация, коренные языки Арктики. Мы с А.А. Кибриком познакомились в 2007 г., когда он пригласил меня выступить на III Международном конгрессе исследователей русского языка. Я была очень благодарна и приглашению, и вообще знакомству. В 2008 г. мы снова встретились в Гренландии и катались на лодке моего друга Пую. Там были Андрей, Мира, Пую и я. Я думаю, что у нас у всех остались очень теплые воспоминания от этой поездки.

2008

ЕЛЕНА ВАЛЕНТИНОВНА ЕРОФЕЕВА. Доктор филологических наук. Заведующая кафедрой теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета. Научные интересы: социолингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика, фонетика, семантика, текст, межъязыковые контакты. Познакомилась с А.А. Кибриком в 2008 г. в Черногории на конференции по когнитивной лингвистике.

2009

ЛЕВ КИБРИК. Ученик 7 класса. Интересы: журналистика, фотография, фокусы, история. Знаком с А.А. Кибриком со своего рождения, старший внук.

ЕВГЕНИЯ ВЛАДИМИРОВНА БУДЁННАЯ. Кандидат филологических наук. Доцент НИУ ВШЭ, научный сотрудник Сектора ареальной лингвистики Института

языкознания РАН. Научные интересы: диахроническая лингвистика, типология, морфосинтаксис, референциальный выбор, ономастика. Познакомилась с А.А. Кибриком в 2009 г., когда училась на первом курсе ОТиПЛа. Тогда Александр Евгеньевич Кибрик после традиционного задания-эссе разговаривал с каждым студентом нашего курса и посоветовал мне писать курсовую работу у Андрея Александровича.

ВАДИМ ВИКТОРОВИЧ ДЬЯЧКОВ. Кандидат филологических наук. Старший научный сотрудник Отдела африканских языков Института языкознания РАН. Научные интересы: языки догон, языки гур, осетинский язык, синтаксис, глагольная деривация, прилагательные, полевая лингвистика. С А.А. Кибриком познакомился в 2009 г. на втором курсе ОТиПЛа, когда он вел у нас курс по языкам мира.

2012

SHLOMO IZRE'EL / ШЛОМО ИЗРЕЭЛЬ. PhD. Professor emeritus of Semitic Linguistics, Tel-Aviv University. Научные интересы: syntax, prosody, spoken language, Israeli Hebrew, semitic linguistics. I believe we first met at the Russian cognitive science conference in Kaliningrad in 2012.

2016

ТАТЬЯНА ИГОРЕВНА ДАВИДЮК. Младший научный сотрудник Научного центра по сохранению, возрождению и документации языков России Института языкознания РАН, аспирант МГУ имени М.В. Ломоносова. Научные интересы: полевая лингвистика, экспериментальный синтаксис. Познакомилась с А.А. Кибриком в 2016 г. на ОТиПЛе на курсе «Языки мира и языковые ареалы».

СТАНИСЛАВ БОРИСОВИЧ БЕЛЕЦКИЙ. Кандидат филологических наук. Научный сотрудник Школы филологических наук ВШЭ. Научные интересы: дискурс-анализ, экономика языка, языки банту, германистика, переводоведение. С А.А. Кибриком познакомился в 2016 г. на конференции «Россия и Испания: актуальные гуманитарные исследования», проходившей в Сибирском федеральном университете.

АРЖААНА АЛЕКСАНДРОВНА СЮРЮН. Кандидат филологических наук. Руководитель Научного центра по сохранению, возрождению и документации языков России Института языкознания РАН. Научные интересы: тюркские языки, тувинский, тофаларский, исчезающие языки, полевая лингвистика, социолингвистика. Познакомилась с А.А. Кибриком 31 октября 2016 г. после показа фильма «Дагестан Кибрика».

2017

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА ОРЛОВА. Кандидат филологических наук. Младший научный сотрудник Отдела теории и практики коммуникации имени Ю.С. Степанова Института языкознания РАН. Научные интересы: фразеология, паремология, когнитивная лингвистика, лингвокультурология. С А.А. Кибриком знакома с 2017 г.

ИГОРЬ ИГОРЕВИЧ ИСАЕВ. Кандидат филологических наук. Заместитель директора Института языкознания РАН, собственно, заместитель А.А. Кибрика. Научные интересы: полевая лингвистика, фонетика, русская диалектология. Точно не помню, когда познакомился с Андреем, но подозреваю, что в 2017 г.

МАРИНА ВАСИЛЬЕВНА КУЦАЕВА. Кандидат филологических наук. Научный сотрудник Отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН. Научные интересы: урало-алтайские языки, финно-угорские языки, функционирование языков в условиях диаспорного проживания, социолингвистика, полевое социолингвистическое обследование, языки Москвы. В ноябре 2017 г. я приняла участие в работе круглого стола «Языки Москвы и языковое разнообразие города», организованного в рамках проекта «Языки Москвы». Одним из идейных вдохновителей и непосредственных координаторов проекта выступил А.А. Кибрик. Доклад о функционировании чувашского языка в московском регионе был тепло встречен аудиторией, что позволило автору доклада, на тот момент соискателю отдела урало-алтайских языков ИЯз РАН, почувствовать себя членом дружной команды, которая предприняла новаторское исследование Москвы в качестве языкового ареала особого типа.

2018

ЮЛИЯ МИХАЙЛОВНА ДЁМИНА. Лаборант-исследователь Сектора ареальной лингвистики Института языкознания РАН, отдел типологии и ареальной лингвистики. Научные интересы: китайский язык и его диалекты, типология, ареальная лингвистика. Познакомилась с А.А. Кибриком в 2018 г. на ОТиПЛе.

2019

ВАСИЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ ХАРИТОНОВ. Научный сотрудник Научного центра по сохранению, возрождению и документации языков России Института языкознания РАН. Научные интересы: ревитализация языков. Видел видеоролики А.А. Кибрика на Постнауке, а обоюдно познакомились, вероятно, на Лингвистическом форуме–2019.

ЭРЖЕН ВЛАДИМИРОВНА ХИЛХАНОВА. Доктор филологических наук. Ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН. Научные интересы: социолингвистика, критический анализ дискурса. Познакомилась с А.А. Кибриком на Лингвистическом форуме–2019.

2022

ТАИСИЯ ЕВГЕНЬЕВНА ТЫЩИШИНА. Студентка второго курса отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Научные интересы: психолингвистика, дискурсивный анализ. Познакомилась с А.А. Кибриком в 2022 г. на ОТиПЛе.

* * *

ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ВОЛЬСКАЯ. Ассистент кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета. Научные интересы: русистика, когнитивная лингвистика.

МАРГАРИТА АЛЕКСЕЕВНА ИВАНОВА. Аспирант. Лаборант-исследователь Отдела африканских языков Института языкознания РАН. Научные интересы: африканские языки, языки ква, инструментально-фонетические исследования, типология.

АРТО МУСТАЈОКИ / АРТО МУСТАЙОКИ. PhD. Научные интересы: современный русский язык, функциональный синтаксис, корпусная лингвистика, лингвистическая теория, межкультурная коммуникация, русская ментальность, коммуникативные неудачи. Я не помню, когда познакомились, но встречались неоднократно, в том числе и в Хельсинки, участвовал в конференции, организованном юбиларом, а также в сборнике статей, отредактированном им.

КИРИЛЛ НИКОЛАЕВИЧ ПРОХОРОВ. Кандидат филологических наук. Младший научный сотрудник Отдела африканских языков Института языкознания РАН. Научные интересы: африканские языки, типология, сравнительно-историческое языкознание. Знаком лично, но обстоятельств не помню.

ДАРЬЯ ОЛЕГОВНА УДАЛОВА. Студентка 4 курс бакалавриата «Фундаментальная и прикладная лингвистика» НИУ ВШЭ. Научные интересы: билингвизм, когнитивная лингвистика, психолингвистика.

ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА ХУДЯКОВА. Кандидат филологических наук. Доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского государст-

венного национального исследовательского университета. Научные интересы: лингвистика текста, когнитивная лингвистика, межъязыковые контакты. Активно знакома с А.А. Кибриком по его работам.

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА ЧЕРНИГОВСКАЯ. Доктор филологических наук, доктор биологических наук, член-корреспондент РАО. Директор Института когнитивных исследований СПбГУ, заведующая кафедрой проблем конвергенции естественных и гуманитарных наук. Научные интересы: психолингвистика, нейролингвистика, нейронаука, теория сознания, происхождение языка. Познакомилась с А.А. Кибриком лет сто назад, на семинаре ОТиПЛа...

БЛАГОДАРНОСТИ¹

ОЛЕГ ИГОРЕВИЧ БЕЛЯЕВ. Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 22-28-01639 «Создание двуязычной цифровой версии Историко-этимологического словаря осетинского языка В.И. Абаева». Я благодарен И.А. Хомченковой за внимательное чтение текста этой статьи и ценные замечания.

АННА АНДРЕЕВНА ЗАЛИЗНЯК. Работа выполнена при поддержке РНФ, грант № 22-18-00586.

ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ КОЛОМАЦКИЙ. Автор выражает благодарность Якову Георгиевичу Тестельцу и Джой Иосифовне Эдельман, которые были в числе первых экспертов-консультантов проекта «Языки мира» и поделились своими воспоминаниями; Владимиру Александровичу Панову, Наталье Вадимовне Сердобольской, Марине Эдуардовне Чумакиной и Андрею Болеславовичу Шлуинскому за помощь с формулированием задач базы данных; Петру Михайловичу Аркадьеву и Александру Владимировичу Архипову за ценные замечания по терминологии; Роберту Форкелю (Robert Forkel) за консультации по форматам представления данных; Дарье Олеговне Жорник, Дмитрию Сергеевичу Николаеву и Сергею Сергеевичу Саю за советы по улучшению пользовательского интерфейса; Андрею Александровичу Кибрику и Надежде Константиновне Рябцевой за возможность работать над проектом; всем коллегам по рабочей группе базы данных «Языки мира» за доверие, поддержку и позитивную совместную работу.

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ КОРОТАЕВ. Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 22-28-00540.

ИГОРЬ АЛЕКСАНДРОВИЧ МЕЛЬЧУК. Первые варианты этого текста читали и комментировали О. Богуславская, И. Богуславский, Л. Иорданская, С. Крылова и Я. Миличевич. Спасибо за ваши замечания и советы, которые помогли мне улучшить статью!

¹ Авторы упорядочены по алфавиту.

Юлия Владимировна Николаева. Исследование выполнено в рамках Программы развития Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Владимир Александрович Плунгян, Екатерина Владимировна Рахилина. Ministry of Education of the Republic of Korea and the National Research Foundation of Korea (grant NRF-2021S1A5A2A03065528).

Валерий Дмитриевич Соловьев, Юлия Александровна Вольская. Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант №20-312-90041.

Сергей Георгиевич Татевосов. Исследование проводилось при поддержке гранта РФ № 22-18-00285, реализуемого в МГУ имени М.В. Ломоносова.

Яков Георгиевич Тестелец. Исследование поддержано грантом РФ № 22-18-00120 «Полипредикация в жестовых и звучащих языках: грамматика, просодия, дискурс» 2022–2023 гг.

Ольга Владимировна Ханина. Работа над статьей была проведена в рамках гранта «Диверсификация и распространение языков на севере: история северно-самодийских языков», финансируемого фондом Конне (Финляндия) / The Kone foundation.

Мария Викторовна Худякова, Дарья Олеговна Удалова, Ольга Викторовна Драгой. Исследование “Evidentiality attrition in Bashkir” осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Вячеслав Андреевич Чирикба. Я благодарю Л. Куликова и Ю. Ландера за ценные комментарии к тексту статьи.

Андрей Болеславович Шлуинский. Я благодарен всем своим коллегам по полевой работе, в особенности О.В. Ханиной, Н.В. Макеевой и М.А. Овсянниковой, за возможность пробовать и обдумывать разные способы обращения с данными (но все высказанные здесь суждения только мои собственные).

Bernard Comrie. I am grateful to Greville Corbett for comments on an earlier version of this article.

Lenore A. Grenoble. Fieldwork was conducted in Iengra, Republic of Sakha in 1997 and 1998 with N.Ja. Bulatova; without her support and collaboration this work would not be possible. This fieldwork was funded by NSF grant #9710091. The present article was written with support from Megagrant No 075-15-2021-615 from the Government of the Russian Federation for the project “Preservation of

Linguistic and Cultural Diversity and Sustainable Development of the Arctic and Subarctic of the Russian Federation”.

SHLOMO IZRE'EL. I thank Anna Inbar and Leon Shor for reading and commenting on a previous version of this paper.

JOHANNA NICHOLS. NSF 9222294 to UC Berkeley, Kone Foundation grant to Riho Grünthal, University of Helsinki (2017-2019), Basic Research Program of the National Research University Higher School of Economics. I thank Mark Donohue, Matthew Dryer, Masayuki Onishi, Ruth Singer, and Kevin Tuite for sharing some of their field data; and David A. Peterson, Jonathan Barnes, Robert Rendall, and Polina Nasledskova for language surveying and analysis.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей.....	5
----------------------	---

I. Дискурсивный анализ

Ю.М. Демина Sentence final particles в диалекте чанша группы сян.....	13
В.З. Демьянков Дискурс как эмпирическая основа теории взаимодействия коммуникации и когниции	19
Е.В. Ерофеева, Е.С. Худякова Тематические блоки и лексическая семантика спонтанных текстов (на материале устных текстов билингвов).....	23
Н.А. Коротаев Есть ли элементарные дискурсивные единицы в разметках неподготовленных аннотаторов?	29
Ritva Laury, Marja-Liisa Helasvuo Main clauses of relative clauses in Finnish conversation: Where is the important information?.....	37
Н.В. Лукашевич Машинный перевод связных текстов: оценка качества и проблемы	43
Ю.В. Мазурова Опыт дискурсивной разметки корпуса бесписьменного языка куллуи	47
Т.А. Майсак Молла Насреддин и модусы дискурса.....	53
В.И. Подлеская Одна поучительная история о языковом многообразии	58

Ф.И. Рожанский, Е.Б. Маркус Средства маркирования переключения кодов в сойкинском ижорском.....	65
С.Г. Татевосов <i>Вообще</i> , скалярность и коммуникативная структура.....	72
Я.Г. Тестелец Редупликация в дискурсе.....	78
В.С. Харитонов «-Тани» хэсэ пасикамбани хисаңгогоари.....	83

II. Референция

О.И. Беляев Референциальный выбор в системе указательных местоимений осетинского языка: к постановке проблемы.....	95
Е.В. Буденная Личные местоимения в формулах берестяных грамот.....	103
В.Ф. Выдрин Редуцированные средства референции в бамана.....	109
Lenore A. Grenoble Referent tracking in Evenki.....	115
Shlomo Izre'el The Syntax of presentative constructions: The view from colloquial Israeli Hebrew.....	121
Ю.В. Николаева Мультимодальные исследования в когнитивной лингвистике: референция и жесты.....	129
Т.Е. Тыщишина, О.В. Федорова Еще раз о грушах, или Известность референта как фактор активации.....	135
Дж.И. Эдельман К динамике субъектной референтности глагола (памирский ареал).....	141

III. Языковое многообразие

П.М. Аркадьев К вопросу об инкорпорации в абазинском языке.....	149
--	-----

В.И. Беликов Языковое и этническое разнообразие в зеркале отечественной лексикографии.....	155
А.П. Выдрин Дифференцированное падежное маркирование объекта в ягнобском языке	160
Е.Ю. Груздева, Ю.А. Янхунен По следам амурских гласных	167
Т.И. Давидюк О свойствах субъекта причастий на -m в конструкциях с сентенциальными актантами татышлинском удмуртском	172
А.В. Дыбо, В.С. Мальцева, А.В. Шеймович Два в одном: как два тувинских показателя приравнять к одному хакасскому.....	178
Bernard Comrie Another instance of deponency in Tsez: A present participle masquerading as past	184
К.Г. Красухин Проблемы агенса с типологической точки зрения.....	190
Е.А. Лютикова Сложнее, чем мы думаем: еще раз об островных свойствах союза <i>что</i>	197
О.А. Мудрак Заметки о системе классов в дидойских языках.....	203
Johanna Nichols Athabaskan classifiers and causal-noncausal typology	210
И.С. Рябова, К.Н. Прохоров, С.Б. Белецкий, В.В. Дьячков, Н.В. Макеева, М.А. Косогорова, М.А. Иванова Морфологические средства выражения каузатива в языках нигер-конго	217
А.А. Сюрюн Текст из Тоджи	225
M.V. Khudyakova, D.O. Udalova, O.V. Dragoy Evidentiality attrition in Bashkir	234
В.А. Чирикба Функции частицы <i>ki</i> в речи абхазов Турции.....	240

IV. Когнитивный подход к языку

- А.Ю. Желтов, Е.В. Желтова
Класс и род в контексте фокальной структуры языка:
еще раз о недискретности словоизменения и словообразования.....251
- В.И. Киммельман
Вариативность в жесте «ребёнок» в русском жестовом языке258
- А. Мустайоки, Е.Ю. Протасова
Ослышки как повод для коммуникативных неудач.....264
- Andriy Myachykov
Attention and syntax in sentence production: A mini-review271
- Д.Б. Никуличева
Фокальная структура категории подчинительных союзов в датском языке....276
- Н.К. Рябцева
Естественный язык и искусственный интеллект: когнитивный аспект283
- Alan Cienki
Channels, modalities, and semiotic modes and systems: Multi- and poly-288
- Laura A. Janda, Tore Nessel
Norwegian agreement clashes on the football field.....293

V. Социолингвистика

- Т.Б. Агранат
Создание письменности как последний шанс для ревитализации языка.....301
- О.А. Гулыга
О типологическом и социолингвистическом своеобразии
гасконского языка.....307
- О.А. Казакевич
Жизнь фольклорной традиции в ситуации языкового сдвига.....312
- James Kari, Katherine L. Arndt
Voznesenskii 1842 Western Half of the Kenai Peninsula319
- Л.И. Куликов
Кентавры, гандхарвы, цербер и их возможные северокавказские корни:
о предполагаемых контактах индоевропейцев на Ближнем Востоке
в древности.....327

Т.А. Михайлова Галлы: в поисках утраченного этноса	334
Р.О. Муталов Мекегинский диалект — основа севернодаргинского языка?	339
О.В. Ханина Прошлое как оно было: методы реконструкции многоязычия	345
Э.В. Хилханова Концепции транслингвальности и переключения кодов и проблема их соотношения	351
И.И. Чельшева Структура языка и идеология: романские заметки	357

VI. Miscellanea

Н.В. Васильева Разговор о топонимах: «свои» в городе	365
Анна А. Зализняк Раз уж на то пошло	370
И.И. Исаев Фонетические эталоны в перцептивном прищуре	377
М.Л. Ковшова, О.С. Орлова Числовой код в русских загадках про календарный год	381
И.А. Мельчук Снова про глагол <i>быть</i> — три новые лексемы и кое-что еще	388
В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина «Экой разбойник...» (из комментариев к «Фаталисту» Лермонтова)	398
А.В. Сидельцев Грамматика копий и оригиналов	403
В.Д. Соловьев, Ю.А. Вольская К новому словарю ассоциаций в русском языке	408
А.Б. Шлуинский О данных в лингвистике	412

VII. Наука и жизнь

В.М. Алпатов Об олимпиадах (воспоминания одного из устроителей)	419
Д.И. Коломацкий Summa typologiae: база данных «Языки мира» и дилемма формализованного описания языков	424
Н.А. Коротаев, А.О. Литвиненко, В.И. Подлеская «Вам и не снилось!»: прошлое, настоящее и будущее «рассказов о сновидениях»	432
М.В. Куцаева «Наши в городе»: возвращаясь к вопросу о необходимости изучения языков Москвы	438
О.И. Романова, Ю.Б. Коряков, Ю.В. Мазурова, Е.Б. Маркус, Н.Л. Артамонова, Ю.М. Демина «Языки мира» как они есть	444
М.Б. Бергельсон Интерактивная лингвистика	449
В.Б. Борщев Летопись лыжного похода (Январь-февраль 1982 г. Каргопольский р-н Архангельской обл.)	456
И.А. Секерина Двойная спираль	463
М.В. Фаликман О референции, междисциплинарном взаимодействии и наведении мостов	471
Т.В. Черниговская Яркий и веселый	474
С.Г. Гаджиева На «Буровне»	476
В.А. Колганов Адя, шифры, два пера	481
О.И. Ярмолевич Кое-что о Путивле и Аде	491

Анна А. Кибрик, Лев Кибрик Краткое исследование личности А.А. Кибрика через призму его отношений с потомками, или «Произошел необъяснимый катаклизм».....	494
Ю.Б. Коряков Лингвистические карты А.А. Кибрика: где он бывал, что изучал.....	496
Список научных трудов А.А. Кибрика.....	499
Сведения об авторах.....	532
Благодарности.....	554

Язык как он есть

Сборник статей к 60-летию Андрея Александровича Кибрика

Оригинал-макет — В.Ю. Гусев

Оформление переплета — Д.А. Антропова

Подписано в печать ***.***.2023. Формат 70×100 ¹/₁₆

Гарнитура Times. Печ. л. ****.

Тираж 200 экз. Заказ №

Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди»

115093, г. Москва, Партийный переулок, д. 1, корп. 58, стр. 3, пом. 11

Тел. (495) 926 63 96 www.bukivedi.com, info@bukivedi.com

ISBN 978-5-6049527-2-6

9 785604 952726